Зал славы зарубежной фантастики

Д. УИНДЕМ

J. Wyndham

Джон УИНДЕМ

ПАУТИНА

Зал славы зарубежной фантастики
Д. Уиндам ∞ Д. УИНДЕМ
Джон УИНДЕМ
ПАУТИНА
S.Pavlenko ©

J. Wyndham

Д. УИНДЕМ

Зал славы зарубежной фантастики

Джон УИНДЭМ

ПАУТИНА

THE COBWEB

J. Wyndham

Зал славы зарубежной фантастики

Джон УИНДЕМ

ПАУТИНА

Перевод с английского

John Wyndham

ТРИФФІДИ

Київ
МСП "Альтерпрес"
1993

ББК 84.4 Вл.
У58

Укладач *А.Белевцева*
Редакційна колегія серії:
П.Хазін
В.Каплан
М.Шпулак
К.Лисюченко

ЭТА КНИГА ДОЛЖНА ПРОДАВАТЬСЯ ТОЛЬКО В СУПЕР-ОБЛОЖКЕ

В сборник произведений одного из классиков научной фантастики, английского писателя Джона Уиндема вошли самые знаменитые его романы "Хризалиды" и "День триффидов", а также ранее не публиковавшиеся на русском языке повести "Паутина", "Ступай к муравью" и рассказы.

Уіндем Джон
У58 Павутиння: Пер. з англ. — К.: МСП "Альтерпрес", 1993. — 752с.:іл. — (Зал слави зарубіжної фантастики). — Рос. мовою.
ISBN 5-7101-0261-X

До збірки творів одного з класиків наукової фантастики, англійського письменника Джона Уіндема увійшли найвідоміші його романи "Хризаліди" та "День триффідів", а також повісті, які раніше не публікувалися російською мовою, "Павутиння", "Ступай до мурахи" і оповідання.

У $\frac{470304100\text{-}07}{93}$ без об'яв. ББК 84.4 Вл.

© Упорядкування. А.Белевцева, 1993
© Художнє оформлення, емблема і назва серії. МСП "Альтерпрес", 1993

ISBN 5-7101-0261-X

© Супер-обкладинка. С.Павленко, 1993

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Джон Уиндем (1903 — 1969) по праву принадлежит к числу классиков не только английской, но и мировой фантастики.

Однако сказать, вслед за справочниками, что он родился в 1903 году не совсем справедливо: в 1903 году появился на свет Джон Бейнон Гаррис, а Джон Уиндем родился в 1951 году, когда под этим именем вышел роман "День триффидов", который сразу сделал имя автора знаменитым.

Свое раннее детство Джон провел в небольшом английском городке Эджбастоне, а в восемь лет вместе с родителями переселился в Бирмингем. В дальнейшем он менял место жительства, как и школы первой ступени, где учился самостоятельно и довольно часто, пока не закончил образование в 1923 году в Бидейлзе.

Юность Джона — это склонность не только у "перемене мест", но и к перемене профессий. Он трудится на ферме, служит клерком в суде, занимается рекламой, словом, набирается жизненного опыта и в двадцать два года полагает, что ему уже есть что сказать читателю. Правда, признание приходит не сразу. В 30-е годы он выступает в самых разных жанрах — от юмористических рассказов до детективов и приключенческих сериалов ("Засекреченные люди", "Зайцем на Марс") и под самыми разными псевдонимами. Печатаются они главным образом в США, а когда в предвоенные годы начинают выходить фантастические журналы и в Англии, почитатели автора появляются и в его родной стране.

Война оторвала писателя от пишущей машинки. Сначала он находится на государственной службе, потом служит в армии и только после демобилизации снова берется за перо. После войны изменился не только Джон Гаррис, но изменилась и фантастика — и писатель, не отставая от времени, пробует себя во всех разновидностях этого жанра. Однако как бы и о чем бы он не писал, какие бы открытия и изобретения не лежали в основе его произведений, писатель старается неизменно отыскать их прямые и косвенные социальные последствия, чаще всего непредвиденные.

Как уже упоминалось, в 1951 году увидел свет роман "День триффидов", который сразу же поставил автора в

один ряд с крупнейшими писателями-фантастами и обошел весь мир (в том числе и на экранах). За ним последовали романы "Кракен пробуждается" (1953), роман-предупреждение "Хризалиды" (1955), "Мидвичские кукушки" (1957), посвященный увеличению продолжительности жизни роман "История с лишайником" (1960). Во множестве печатаются рассказы и повести, ставшие в последствии хрестоматийными ("Хроноклазм", "Видеорама Паоли"), выходят сборники "Зернышки времени", "Скитальцы во времени" и др.

Следует отметить два момента, характерные для всего творчества Джона Уиндема. Во-первых, его приверженность к земным проблемам, почти неизменно действие в произведениях писателя происходит на Земле. "... Чем занимать свой ум вопросом о будущем аборигенов Урана, заинтересуемся лучше, что может случиться с нами, нашими друзьями, всем, что нас окружает", — призывает он. И во-вторых, увлечение писателя биологией, в частности, этологией — наукой о поведении животных, и особенно так называемых "общественных насекомых", сообщества которых образуют "сверхорганизм". Это прослеживается во многих вещах, но особенно наглядно в романе "Паутина", опубликованном уже после смерти писателя.

Уиндем любил повторять одно из наиболее удачных определений фантастики: "Это такая штука, которая предвидит развитие техники и вызываемые этим последствия; предвидит нарушения в обычном порядке вещей в природе и обществе, которые на момент написания произведения еще не происходили". И его творчество вполне соответствует такому определению, причем, каким бы фантастичными не были его герои и их поступки, сами они и место их действия выписаны на удивление наглядно, тщательно и реалистично.

В настоящий сборник включены самые популярные произведения Джона Уиндема "День триффидов" и "Хризолиды", а также роман "Паутина", повесть "Ступай к муравью..." и рассказы, не выходившие прежде на русском языке.

ХРИЗАЛИДЫ

THE CHRYSALIDS

PENGUIN BOOKS LTD. ENGLAND 1955

ГЛАВА I

Еще в очень раннем детстве мне иногда снился Город. В этом не было ничего странного, если бы не одно обстоятельство: сны эти стали посещать меня задолго до того, как я узнал, что это, собственно, значит — Город. Тем не менее, видения эти упрямо повторялись. Я видел ослепительное солнце над голубым заливом, улицы, здания, набережную, огромные лодки у пристани... Наяву мне никогда не доводилось видеть ни моря, ни лодок.

Дома во сне были совершенно не похожи на те, которые окружали меня в жизни. Улицы тоже поражали необычностью: странные на вид экипажи двигались сами по себе, без лошадей. Иногда в небе мелькали какие-то огромные блестящие предметы, и почему-то я твердо знал, что это не птицы.

Обычно это удивительное место представало передо мной, залитое светом — там был день. Но иногда — очень редко — там была ночь, и тогда какие-то яркие огни освещали берег. Некоторые из них напоминали молнии, пронизывающие небо.

Это было удивительное, ни на что не похожее зрелище. Однажды, когда я был еще настолько мал, чтобы понять, что совершаю оплошность, я спросил свою старшую сестру Мэри, где может находиться это необыкновенное место.

Выслушав меня, Мэри отрицательно мотнула головой и сказала, что такого места нигде нет. Во всяком случае, в

© Перевод на русский язык. Ф.Сарнов, 1990

наше время. Быть может, сказала она, мне снилось то, что было очень давно, много-много лет назад. Сны вообще забавная штука, для них ведь нет никаких границ, и то, что я видел, могло быть миром Древних — тем самым чудесным миром, в котором жили Древние до того, как на них обрушилась К а р а.

Объяснив мне все это, Мэри очень внимательно на меня посмотрела, и лицо ее приняло озабоченное выражение. Тихо, но очень настойчиво она предупредила, чтобы я ни под каким видом никогда и никому не говорил об этих удивительных снах. Насколько она знает, никого больше не посещают такие причудливые видения, ни во сне, ни наяву, поэтому ни в коем случае не следует упоминать о них при посторонних.

Это был хороший совет, и, к моему великому счастью, я ему последовал. У всех наших соседей было весьма острое чутье на все, хоть сколько-нибудь необычное. Даже на то, что я был левша, они смотрели косо. Так вот и вышло, что я долго-долго никому не рассказывал о своих странных снах. Я даже почти забыл о них: чем старше я становился, тем реже мне удавалось во сне видеть свой Город.

Но совет старшей сестры сделал свое дело. Если бы не он, я наверняка сболтнул бы кому-нибудь не только об этих снах, но и о нашем необыкновенном общении с моей кузиной Розалиндой. А это уж, без сомнения, кончилось бы страшной бедой для нас обоих. (В том случае, конечно, если бы нам поверили). Хотя в то время мы с Розалиндой не придавали нашим "разговорам", как мы это называли, никакого значения, мы все-таки держали их в тайне. Впрочем, я, кажется, забежал вперед. О своих, так называемых "разговорах" с Розалиндой, я расскажу позже.

Несмотря на мои странные сны и тайну, связывавшую меня с Розалиндой, я совсем не чувствовал себя не похожим на других. Я был нормальным мальчишкой, как и все мои сверстники, и воспринимал действительность, окружавшую меня, как единственно нормальную и единственно возможную форму жизни.

Так продолжалось до тех пор, пока я не встретил Софи.

Впрочем, даже и тогда я не ощутил особого сдвига в своем сознании. Только теперь, оглядываясь назад, я бе-

зошибочно могу выделить этот день, как самый первый момент, когда у меня, ребенка, появились первые сомнения.

В этот день, как это часто бывало и раньше, я был предоставлен самому себе, никто не обращал на меня никакого внимания. Мне было тогда лет десять, не больше. Самая младшая из моих сестер была пятью годами старше меня, поэтому большую часть своего времени я проводил в одиночестве.

Я решил пойти по нашей проселочной дороге к югу. Миновав несколько полей, я подошел к высоченной насыпи и взобрался на самый ее гребень.

Тогда я еще совершенно не задумывался о происхождении этой насыпи. Она была слишком грандиозна, чтобы я мог предположить, что ее сделали люди. И уж совсем не приходило мне в голову связывать ее с Древними, о которых я тогда уже слышал от взрослых. Насыпь сперва описывала как бы часть очень правильного круга, а потом, превратившись в прямую и длинную, как стрела, линию, уходила в сторону гор. Для меня это была просто часть окружавшего меня мира, не вызывавшая никакого удивления, как не вызывали его река, небо или те же горы.

Я и раньше часто взбирался на ее гребень, но почти никогда не спускался оттуда на противоположную сторону. Почему-то я считал землю по ту сторону насыпи чужой — не враждебной, а просто чужой, мне не принадлежащей. Но недавно я обнаружил там одно местечко, где дождевая вода, стекающая по противоположной стороне насыпи, образовала в песке довольно большую лощину. Если сесть на самом гребне склона этой лощины и сильно оттолкнуться, можно было прокатиться на хорошей скорости вниз, а под конец пролететь несколько футов в воздухе, прежде чем приземлиться в кучу мягкого, теплого песка.

Я бывал здесь и раньше, но мне ни разу еще не приходилось кого- нибудь встретить. Но на этот раз, когда я поднимался с песка после третьего своего полета, чей-то голос сзади окликнул меня:

— Привет!

Я обернулся. Сперва я не мог понять, откуда доносится это приветствие, но потом мой взгляд привлекли шеве-

лящиеся ветки кустарника. Ветки раздвинулись, и из них выглянуло маленькое загорелое личико, обрамленное темными кудряшками. Выражение его было серьезно, даже настороженно, но глаза светились доверчивостью и любопытством. Некоторое время мы молча смотрели друг на друга. Потом я осторожно кивнул и тоже сказал:

— Привет!

Девчушка поколебалась немного, отвела ветки в сторону и вышла из кустарника. Она была чуть ниже ростом, да и, наверно, моложе меня. На ней были рыжие штанишки из грубой ткани и желтая рубашонка. Несколько секунд она стояла неподвижно, не решаясь отойти от кустарника, но любопытство взяло верх, и она подошла ближе.

Я уставился на нее с изумлением. У нас часто бывали многолюдные сборища, на которых я видел всех детей, живущих в округе даже на расстоянии многих миль. Немудрено, что я был удивлен до крайности, повстречав незнакомую девчонку.

— Как тебя зовут? — спросил я.

— Софи, — ответила она. — А тебя?

— Дэвид, — назвал я себя и, помолчав, спросил: — Ты где живешь?

— Там, — она неопределенно махнула в сторону "чужой" земли.

Она не могла оторвать глаз от песчаного желоба, по которому я только что лихо скатился.

— Тебе не страшно было? — спросила она, глядя уже не так настороженно.

— Ничуть. Хочешь попробовать?

Ни слова не говоря, она ловко вскарабкалась на насыпь. Сильно оттолкнувшись, слетела вниз, с развевающимися кудряшками и пылающим от возбуждения лицом. Глаза светились восторгом.

— Давай еще! — крикнула она и, не дождавшись меня, полезла наверх.

Второй полет раззадорил еще больше. Но третий оказался неудачным. Немного не рассчитав, она приземлилась не там, где я, а чуть левее. Я ждал что она вот-вот поднимется, и мы снова полезем наверх. Но она почему-то осталась сидеть на песке.

— Ну! Вставай же! — нетерпеливо подтолкнул я ее.

Она попробовала шевельнуться, но лицо ее сморщилось от боли.

— Не могу... Больно, — слабо простонала она.

— Где больно? — не понял я.

Ее личико напряглось , на глаза набежали слезы.

— Нога застряла, — сказала она чуть слышно.

Ее левый ботинок был засыпан песком. Я разгреб песок руками и увидел, что он был крепко зажат между двумя большими камнями. Я попробовал раздвинуть камни, но они не поддавались.

— Поверти ногой и дерни сильнее, — посоветовал я.

Она попробовала и тут же прикусила губу от боли.

— Никак!

— Давай я дерну, — предложил я.

— Нет, нет, что ты! — испугалась она. Но я уже и сам понял, что мое предложение никуда не годилось: было видно, что каждое движение ноги причиняет ей невыносимую боль."Что же делать?" — подумал я. И тут меня осенило:

— Давай разрежем шнурки, ты снимешь ботинок и вытащишь ногу.

В глазах ее мелькнул ужас.

— Нет! — крикнула она так, словно я предложил ей нечто чудовищное. — Я... я не могу... Мне... мне нельзя...

Она была так напугана, что я не стал настаивать. Если бы она вытащила ногу из ботинка, мы потом уж как-нибудь сумели вызволить и ботинок. А так — я просто не знал, что делать.

Она обхватила застрявшую ногу обеими руками. Лицо ее было все в слезах, но даже и сейчас она не ревела в голос, а только слегка поскуливала, как маленький щенок.

В растерянности я уселся возле нее. Она обеими руками вцепилась в мою ладонь и стиснула ее изо всех сил. Я чувствовал, что ей с каждой секундой становится все больнее. Пожалуй, впервые в жизни я оказался в положении, которое требовало немедленного и твердого решения.

— Послушай! — сказал я. — Ботинок все равно придется снять. Если ты этого не сделаешь, ты останешься здесь навсегда и умрешь...

Снова тот же непонятный ужас отразился на ее лице.

— Нет! — лепетала она. — Нельзя! Мне нельзя этого делать! Никогда!

Но в конце концов она согласилась, что другого выхода нет. Будто завороженная глядела она, как я разрезаю шнурок. А когда я покончил с этим делом, сказала:

— А теперь уйди. Ты не должен... смотреть!

Я не стал спорить, отошел на несколько шагов и повернулся к Софи спиной. Я слышал, как она тяжело дышала, а потом снова заплакала.

— Ничего не выходит, — простонала она.

Вернувшись, я наклонился над ее ногой и стал соображать, как бы все-таки вытащить ее из расщелины.

— Ты никому никогда не должен говорить об этом! — прошептала Софи. — Никогда! Ни одному человеку. Обещаешь?

Я пообещал, хотя мало что понял. Меня в этот момент заботило совсем другое. С большим трудом мне все-таки удалось вытащить ее ногу из ботинка. Боль, видно, была невыносимая. Но Софи даже не вскрикнула. Только всхлипывала слегка стиснув зубы. Ни разу в жизни мне еще не приходилось видеть такую храбрую девчонку.

Вызволенная из беды нога выглядела ужасно: была вся красная и очень распухла. Поэтому я даже не заметил тогда, что пальцев на ноге у Софи было больше, чем у меня...

После долгой возни мне удалось вытащить и ботинок, но Софи никак не могла надеть его на распухшую ногу. Да и о том, чтобы ступить на поврежденную ногу, не могло быть и речи. Я подумал, что мне удастся дотащить девчонку до дому на закорках. Но она оказалась гораздо тяжелее, чем я думал, и вскоре я понял, что так мы далеко не уйдем.

— Пойду позову кого-нибудь из взрослых, — сказал я.

— Нет! — отчаянно крикнула Софи. — Я могу ползти на четвереньках.

Она ползла, осторожно подтягивая больную ногу, а я плелся сзади, таща в руке ее башмак. Никогда я еще не чувствовал себя таким беспомощным. Она ползла долго, но, в конце концов, все-таки выбилась из сил. Штанишки ее продрались на коленях и ссадины сильно кровоточили. Любой из моих сверстников, даже мальчишка, давным-

давно уже разревелся бы на ее месте. Мужество этой маленькой, хрупкой девчонки вызывало у меня восхищение. И в то же время сердце мое сжималось от жалости.

Я помог ей встать на ноги, чтобы она показала мне, где находится ее дом. Уговорив Софи подождать меня, я изо всех сил припустил к дому, а когда оглянулся назад, увидел, что она заползла в высокий кустарник и спряталась там.

Подбежав к дому, я стал что силы барабанить в дверь. Мне открыла высокая красивая женщина с добрым, усталым лицом. Ее коричневое платье было чуть короче, чем у наших женщин, но на груди был нашит матерчатый крест, как у всех: две полосы от шеи до пояса и одна поперечная. Крест был зеленый, под цвет косынки на голове.

— Вы мама Софи? — спросил я, отдышавшись.

— Что случилось? — тревожно спросила она. Она была так взволнована моим появлением, что вопрос невольно прозвучал резко и даже не слишком доброжелательно.

Я сбивчиво рассказал ей обо всем, что произошло.

— Нога?! О боже! — воскликнула она. И на лице ее появилось знакомое мне выражение ужаса: то самое выражение, которое совсем недавно я видел на лице Софи.

Но она быстро совладала со своими чувствами. Я повел ее к кустарнику, в котором оставил Софи. Услышав голос матери, девчонка сразу выползла ей навстречу. Со слезами на глазах женщина глядела на распухшую ступню дочери, на ее разорванные штанишки и кровоточащие коленки.

— Бедняжка ты моя! — вырвалось у нее, и она бережно взяла Софи на руки. Приласкав и успокоив ее, она спросила, понизив голос:

— Он видел?

— Да, — сказала Софи. — Не сердись, мам! Я терпела изо всех сил. Но без него я бы не справилась. Было... Было очень больно!

Мать помолчала немножко, потом тяжело вздохнула и, словно отгоняя от себя какие-то мрачные мысли, сказала:

— Ну что ж... Теперь уж ничего не поделаешь... Пойдем!

Софи взобралась к матери на плечи, и мы двинулись к дому.

Заповеди, которые вдалбливают ребенку в детстве, прочно удерживаются в его памяти. Но, как правило, они

мало, что для него значат, пока он не столкнется с реальностью. Кроме того, даже столкнувшись в жизни с чем-то напоминающим эти заповеди, надо еще связать воедино слова и действительность. Лишь тогда слова перестанут быть пустым звуком и обретут смысл.

Я тихонько сидел и смотрел, как мать перевязывала распухшую ножку Софи, и мне даже в голову не приходило связать то, что я видел, с тем, что я всю жизнь слышал по воскресным дням:

" И создал Господь человека по образу и подобию своему. И пожелал Господь, чтобы у человека было одно тело, одна голова, две руки и две ноги. Каждая рука должна оканчиваться ладонью, и каждая ладонь должна иметь пять пальцев, и на конце каждого пальца должен быть ноготь..." И так далее.

Я знал все это наизусть, и тем не менее шестипалая ножка Софи не вызывала у меня никаких особых чувств. Я видел только слезы на глазах у матери, и мне самому было до слез жалко их обеих, а больше я ничего не чувствовал.

Когда перевязка была закончена, я с любопытством огляделся. Дом был намного меньше нашего, но понравился мне гораздо больше. Он был как-то по-другому настроен к людям. Теплее. Дружелюбнее... Мать Софи очень нервничала, но ничем не дала мне понять, что я — нежеланный гость, принесший в их дом беду.

Внутреннее убранство дома тоже очень понравилось мне, особенно потому, что на стенах не было никаких изречений и надписей, которые мне всегда казались полной бессмыслицей, унылой и скучной, но, по-видимому, необходимой. Здесь вместо них висели рисунки, изображающие лошадей, и они показались мне очень забавными.

Миссис Уэндер велела мне подождать ее здесь, пока она отнесет дочку наверх. Вскоре она возвратилась и села рядом со мной. Она взяла меня за руку и заглянула прямо в глаза. Я чувствовал, что она очень взволнована, но не мог понять причину ее беспокойства. Я мысленно попытался уверить ее, что нет никакой нужды беспокоиться, но мне это не удалось. Она продолжала пристально глядеть на меня, и глаза ее были очень похожи на глаза Софи, когда та еле удерживалась от рыданий. Как я не напря-

гался, чтобы проникнуть в ее мысли, я чувствовал лишь смутное беспокойство и беззащитность. И мои мысли тоже, сколько я ни старался, не доходили до нее.

Наконец она вздохнула и проговорила:

— Ты хороший мальчик, Дэвид. Ты был очень добр к Софи, и я хочу как-нибудь отблагодарить тебя за это.

Чтобы скрыть смущение, я опустил голову и уставился на свои ботинки. Я не помнил, чтобы до этих пор кто-нибудь называл меня хорошим мальчиком. Я просто не знал, что нужно говорить в таких случаях.

— Тебе понравилась Софи, правда? — продолжала она, не отрывая от меня глаз.

— Да, — сказал я. — Она очень храбрая. Она ни разу не заплакала, а нога, наверное, здорово болела.

— Ты умеешь хранить тайну? — спросила она и торопливо добавила — Это очень важно! Ради нее, Дэвид!

— Да, конечно, — ответил я не совсем уверенно, потому что не догадывался, о чем идет речь.

— Ты видел ее ногу? Ее пальцы? — дрожащим голосом спросила миссис Уэндер. Я кивнул. Она побледнела, но справилась с собой и твердо сказала:

— Вот это и есть то самое, что нужно сохранить в тайне, Дэвид. Никто больше не должен знать об этом. Знаешь только ты, если не считать меня и отца Софи. Больше — никто. Никто и никогда...

— Хорошо, — сказал я.

Она замолчала. Я снова попытался проникнуть в ее мысли, но чувствовал все ту же смутную и мрачную тревогу.

— Это очень, очень важно! — прошептала она, стискивая руки. — Как бы мне объяснить тебе это!

На самом деле ей не надо было ничего объяснять. Я всем своим существом ощущал, насколько это для нее важно. Мне все не удавалось успокоить ее мысленно, поэтому я громко и твердо сказал:

— От меня никто ничего не узнает... Никогда!

Однако я чувствовал, что тревога не оставляет ее, даже растет. Слова, которые она произнесла, были намного бесцветнее и слабее ее мыслей.

— Если кто-нибудь узнает о Софи, — запинаясь сказала она, — они... они обойдутся с ней жестоко. Этого не должно случиться!

Мне вдруг показалось, что я отчетливо вижу у нее в груди острую железную занозу, которая рвет и терзает ее сердце.

Я спросил:

— Это из-за того, что у нее шесть пальцев?

— Да.

— Я обещаю! Если хотите, я могу поклясться...

— Нет, нет, — вздохнула она. — Мне довольно твоего обещания.

Забегая вперед, могу сказать, что я сдержал свое слово и даже Розалинде не открыл этой тайны, так поразила меня непонятная тревога миссис Уэндер.

Она продолжала грустно и, как мне показалось, все еще недоверчиво смотреть мне в глаза. Я почувствовал себя неловко. И тут она улыбнулась, словно вся тяжесть вдруг упала с ее души.

— Все в порядке, — сказала она. — Мы будем держать это в тайне. Даже между собой никогда не будем говорить об этом. Ладно?

Я утвердительно кивнул.

У двери я остановился и спросил:

— А можно мне иногда приходить сюда поиграть с Софи?

Она поколебалась немного, что-то обдумывая, и ответила:

— Можно... Только... Помни, никто не должен об этом знать.

Монотонные воскресные проповеди все еще не связывались у меня с реальностью, когда я шел к насыпи. Но когда я взобрался на гребень, они странным образом начали приходить во взаимодействие с только что пережитым и вдруг обрели для меня совершенно новый смысл. Определение Человека медленно всплыло у меня в мозгу:

" И каждая нога должна сгибаться посередине и иметь одну ступню. И каждая ступня должна иметь пять пальцев, и каждый палец должен иметь на конце ноготь..." И дальше: "И любое существо, которое имеет человеческий облик, но устроено не так, как здесь сказано, — не есть человек. Это не мужчина и не женщина. Это бо-

гокульство, издевательство над истинным подобием Господа, и оно ненавистно взору Господню".

Я был растерян. Богохульство! Всю мою короткую жизнь мне вдалбливали в голову, что нет ничего на свете страшнее этого... Но что могло быть страшного в Софи? Она была самая обыкновенная девчонка, если не считать того, что она была лучше и храбрее других. Однако, если верить Определению...

Нет, наверняка здесь какая-то ошибка! Ведь не может же быть, чтобы из-за одного маленького пальца, пусть даже двух (наверное, на другой ноге у нее их тоже шесть), она стала "ненавистна взору Господню"

Странные вещи творились в окружавшем меня мире.

ГЛАВА II

Я шел домой обычной своей дорогой. Когда на моем пути стали попадаться деревья, я сполз с насыпи вниз на узкую тропку, по которой редко кто ходил. Я беспокойно оглядывался по сторонам, крепко сжимая рукоятку ножа. Мне очень хотелось поскорее выбраться из зарослей, потому что иногда даже крупные звери забредали в наши места и здесь вполне можно было встретить дикую кошку или собаку. Но на этот раз мне встречались только мелкие зверушки, испуганно шарахавшиеся при моем приближении.

Пройдя около мили, я вышел на возделанную землю: отсюда уже был виден наш дом. Я огляделся, прошел вдоль опушки леса ближе к поселку, пересек все поля, кроме последнего, прячась за изгородями, и вновь стал оглядываться вокруг: не заметил ли кто -нибудь, откуда я пришел. Поблизости не было никого, кроме старого Джейкоба: он разгребал во дворе навоз. Когда он повернулся ко мне спиной, я неслышно преодолел открытое пространство, отделявшее меня от дома, влез в окно и торопливо прошел в свою комнату.

Не так-то легко представить себе наш дом, не видя его ни разу. С тех пор как пятьдесят лет тому назад мой прадед Элиас Строрм выстроил самую старую его половину, к нему множество раз пристраивались новые комнаты, ве-

ранды и разные подсобные помещения. Теперь одно его крыло занимали сараи, амбары и стойла, а в другом находились столовые, гостиные и комнаты работников. Оба крыла сильно выдавались вперед и почти смыкались вокруг большого возделанного сада перед главным строением.

Как и все дома в поселке, наш дом был сложен из грубо обтесанных бревен. Но поскольку он был самый старый, в стенах его было полно щелей и трещин, заложенных кирпичами и осколками камней, взятыми из развалин, оставшихся от жилищ Древних. Внутри дом был разделен на комнаты плетенными перегородками, покрытыми штукатуркой.

Дед мой, как я представлял себе со слов отца, был человек, исполненный фанатичной веры в святость и непогрешимость божественных заповедей. Лишь много позже мне удалось "по кусочкам" составить истинный его портрет, менее расплывчатый, чем в детстве, но гораздо более отталкивающий.

Элиас Строрм пришел в здешние места с западного побережья. Причина, побудившая его переменить место жительства, по его словам, заключалась в том, что образ жизни там, на побережье, не отвечал его богоугодным устремлениям. Однако краем уха я слышал, что его родные не могли ужиться с ним и попросту заставили его покинуть родные места. Так или иначе, он приехал сюда, в Вакнук, со всеми своими пожитками. Было ему тогда лет сорок пять.

Это был сильный, рослый человек с властной осанкой и горящими глазами фанатика. Все его существо было пронизано истовым почитанием Господа и постоянным страхом перед кознями сатаны.

Вскоре после того, как выстроил дом, он ненадолго покинул наши края и вернулся с невестой — прелестной застенчивой девушкой. Она была младше Элиаса на двадцать пять лет. У нее была огромная копна золотисто-рыжих волос и нежные розовые щеки. Когда ей казалось, что никто на нее не смотрит, ее движения напоминали игру молодого жеребенка. Но под взглядом мужа она съеживалась,и кровь отливала от ее розовых щек.

Не было любви в этом браке. Молодое, юное создание может иной раз вдохнуть жизнь в зрелого, увядающего

мужчину, поделиться с ним своей свежестью. Но у них вышло иначе. Постоянными молитвами и назиданиями Элиас стер краску с ее лица, золото с ее волос. Через несколько лет по дому ходило серое, забитое существо, преисполненное отвращения к своей жизни, к своему дому и к людям, которые ее окружали. После рождения второго сына она умерла, не испытывая сожаления от того, что расстается с жизнью.

У Элиаса Строрма не было сомнений насчет того, каким должен быть его наследник. Убеждения деда были крепко вбиты в голову моего отца. Оба в жизни руководствовались прописями из Библии и никольсоновских "Раскаяний". В делах веры отец и дед были заодно. Разве только сын — мой отец — был не таким яростным, но таким же суровым и строгим ревнителем Твердости Веры и Чистоты Расы.

Мой отец, Джозеф Строрм, женился уже после смерти деда и не повторил его ошибки. Взгляды моей матери полностью совпадали с его взглядами.

Нашу местность, как и наш дом, звали Вакнуком, ибо существовало поверье, будто это место так звалось еще во времена Древних. Поверье это, как часто бывает, не имело под собой никакой реальной почвы, хотя тут и вправду были остатки каких-то древних строений. Вскоре они были растасканы людьми для их собственных жилищ.

Как я уже говорил, была здесь еще огромная насыпь, тянувшаяся до самых гор. И громадный утес, который, быть может, тоже был сделан Древними, когда они своими чудодейственными, неведомыми нам способами кроили и резали горы для каких-то своих, неведомых нам, целей.

Селение наше было невелико — несколько сотен хозяйств, больших и маленьких, процветающих и пришедших в упадок. Послушание и богобоязненность были неотъемлемыми чертами всех поселенцев.

Мой отец — влиятельное лицо в Вакнуке. Когда шестнадцатилетним юнцом он впервые публично выступил с воскресной проповедью в дедовской церкви, весь наш округ едва ли насчитывал более шестидесяти семей. Чем больше земли расчищали под пахоту, тем больше людей приходило и селилось здесь. Однако наше хозяйство ничуть не страдало от этого. Отец по-прежнему был самым

крупным землевладельцем, по-прежнему в воскресные дни часто выступал с проповедями в церкви, разъясняя ближним Божьи заветы. По определенным дням в будни он также авторитетно толковал им светские законы в качестве судьи. А в остальное время следил за тем, чтобы его домашние и все соседи неукоснительно выполняли эти законы и показывали всем остальным пример высшей добропорядочности и нравственности.

Главной комнатой внутри по заведенному обычаю была гостиная. Как и весь дом, наша гостиная была самая просторная в Вакнуке. Огромный камин, выложенный из каменных глыб, с кирпичной трубой, был предметом особой гордости. Черепичная крыша вокруг трубы была единственной во всей округе.

Моя мать была помешана на чистоте и порядке. Пол большой комнаты был сделан из обтесанных камней, плотно подогнанных друг к другу и всегда надраенных до блеска. Стены тоже сверкали чистотой, как и вся наша мебель — стол, стулья, несколько кресел. Три-четыре блестящих кастрюли, которые были слишком велики для буфета, висели на стенах. Но главным украшением гостиной были деревянные панели с искусно вырезанными изречениями (в основном из "Раскаяний"). Слева от камина можно было прочесть: "ТОЛЬКО ОБРАЗ БОЖИЙ И ЕГО ПОДОБИЕ ЕСТЬ ЧЕЛОВЕК". Справа: "НЕ ОСКВЕРНИ НЕЧИСТЬЮ РОД, УГОДНЫЙ БОГУ". На противоположной стене было еще два изречения: "ОДИН ЕСТЬ ПУТЬ — СВЯТОСТЬ" и "В ОЧИЩЕНИИ — НАШЕ СПАСЕНИЕ" И наконец, громадная панель напротив двери, ведущей во двор, властно призывала всех входящих: "ИЩИ И НАЙДИ МУТАНТА!!!"

Все эти изречения я знал задолго до того, как научился читать. Вполне возможно, что эти надписи и служили первым моим букварем. Я знал их наизусть, как и все прочие, украшавшие стены других комнат нашего дома: "НОРМА — ЖЕЛАНИЕ ГОСПОДА", "ЛИШЬ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ НОРМЫ ЕСТЬ ТВОРЕНИЕ ГОСПОДА", "ЛЮБОЕ ОТКЛОНЕНИЕ — ОТ ДЬЯВОЛА".

Некоторые из этих заповедей были для меня пустым звуком, но о других я имел кое-какое понятие. Например,

обо всем, что касалось ПРЕСТУПЛЕНИЙ. Тут у меня была возможность своими глазами увидеть, что именно подразумевалось под этим словом.

Обычно, когда случалось что-нибудь подобное, отец возвращался домой в отвратительном настроении. Вечером он созывал всех в гостиную (это касалось не только членов семьи, но и работников), мы становились на колени, твердили слова раскаяния, а он громко молился о прощении. На следующее утро мы все собирались во дворе. С восходом солнца мы дружно затягивали гимн, и отец торжественно казнил двухголового теленка, цыпленка с четырьмя ногами или еще какую-нибудь живность, оказавшуюся ПРЕСТУПЛЕНИЕМ против Господа.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ могли повстречаться где угодно. Иногда отец с гневом и стыдом крошил на кухонном столе всходы злаков или овощей. Если их было немного, они просто выдирались из земли и уничтожались. Если же все поле было покрыто ими, мы дожидались солнечной погоды и поджигали его, распевая гимны и молясь, пока преступные растения не выгорали дотла. Эти зрелища в ту пору казались мне очень забавными.

Поскольку отец мой был особенно ревностен во всем, что касалось ПРЕСТУПЛЕНИЙ, такие ритуальные уничтожения происходили у нас чаще, чем у соседей. Однако малейшее замечание на этот счет невероятно злило отца. Он не так глуп, — раздраженно доказывал он в таких случаях, — чтобы швырять деньги на ветер! И если бы его соседи были так же тверды в вере, как он, то и у них казней было бы не меньше. Но, к сожалению, некоторые люди в нашей округе слишком мягкотелы, и твердость их убеждений оставляет желать лучшего.

Таким образом, я довольно в раннем возрасте уяснил, что такое ПРЕСТУПЛЕНИЕ. ПРЕСТУПЛЕНИЕ — это отклонение от нормы. Иногда отклонение было совсем незначительным, но суть дела от этого не менялась. В большом ли, в малом ли было расхождение с нормой, все равно это было ПРЕСТУПЛЕНИЕ. А если дело касалось людей, оно именовалось еще более страшным словом — БОГОХУЛЬСТВО. Впрочем, разница была лишь в словах. Как у животных и растений, так и у человека суть состояла в ОТКЛОНЕНИИ ОТ НОРМЫ.

Однако проблема эта была не так проста, как может показаться. Немало было случаев, которые вызывали споры и даже стычки. Тогда для выяснения истины приезжал государственный инспектор.

Отец мой редко посылал за инспектором: он предпочитал всегда сам обезопасить себя, уничтожая все, что вызывало хотя бы тень сомнения.

Тяжким трудом наши поселенцы добились хороших урожаев, и в конце концов Вакнук перестал считаться пограничной зоной. Теперь надо было идти по крайней мере тридцать миль к югу или к юго-западу, чтобы выйти к Дикой Земле — местам, где ОТКЛОНЕНИЙ было почти столько же, сколько НОРМЫ. А еще через десять-двадцать миль простирались таинственные окраины — Джунгли, где, если верить моему отцу, "находится земля дьявола". А еще дальше находилась земля, которую называли проклятой и о которой никто толком ничего не знал. Люди, уходившие туда, обычно там и пропадали, а те немногие, кто возвращался назад, тоже недолго задерживались на этом свете.

Джунгли причиняли нам немало хлопот. У тамошних людей — я называю их людьми, потому что, хотя они и были ОТКЛОНЕНИЕМ ОТ НОРМЫ, некоторые из них ничем не отличались от нас, — так вот, у них было очень мало всякой утвари, орудий, одежды, еды. Поэтому они часто вторгались в наши земли, воровали зерно, пищу, а если удавалось, то и оружие. Иногда они уводили с собою детей.

Такие набеги случались два-три раза в год, и, вообще-то говоря, на них смотрели сквозь пальцы (разумеется, кроме тех, кто сам подвергся грабежу). Люди, как правило, успевали вовремя скрыться, так что страдало только их имущество. Тогда все остальные собирали деньги и кое-какой скарб, чтобы помочь потерпевшим снова встать на ноги.

Но чем дальше на юг отодвигалась граница, тем злее становились обитатели Джунглей. Набеги участились, и теперь это были уже не просто мелкие кражи и грабежи. В наши владения вторгались хорошо вооруженные, организованные банды, причинявшие нам немало вреда.

Когда мой отец был ребенком, матери стращали своих непослушных детей, грозя им "чудовищами" из Джунглей. Теперь же "чудовища" эти вызывали ужас не только у детей.

Все обращения к правительству с просьбой о помощи были безрезультатны. Да и на какую помощь можно было рассчитывать, если нельзя было предугадать, когда и откуда произойдет следующее нападение. Вся помощь правительства заключалась в ободряющих фразах и предложениях создать нечто вроде местной милиции. Такие отряды в Вакнуке были созданы задолго до указания властей, и чем чаще совершались набеги из Джунглей, тем чаще мужскому населению приходилось отрываться от работы на фермах, чтобы защитить свои земли и имущество от бандитов.

И тем не менее, жизнь наша протекала относительно спокойно. Семья у нас была довольно большая: кроме отца и матери, у меня было две сестры и дядя Аксель. С нами еще жили служанки со своими мужьями, работниками нашей фермы. У них, само собой, тоже были дети. Так что за стол у нас садилось никак не меньше двадцати человек. Когда же мы собирались на молитву, народу становилось еще больше, потому что в этих случаях к нам обычно присоединялись и соседи.

Дядя Аксель приходился мне не родным дядей: он был мужем моей тетки, материной сестры Элизабет. Она умерла в Риго, когда дядя был в плавании. Возвратился он из плавания хромым, и отец позволил ему жить у нас. Несмотря на свою хромоту, он был хорошим работником, и его все любили. А я считал его своим лучшим другом.

Моя мать родилась в семье, где было двое сыновей и пятеро дочерей. Старшую, Анну, муж выгнал вскоре после свадьбы, и никто не знал, куда она делась. Дальше по старшинству шла Эмили, моя мать. Затем Харриет — она вышла замуж за владельца огромной фермы милях в пятнадцати от нас. Следующая, Элизабет, была женой дяди Акселя, о ней я уже говорил. Про других моих родственников с материнской стороны я мало что знал. Вернее, знал только дядю Ангуса Мортона, маминого сводного брата. Ему принадлежала соседняя с нами ферма, что крайне раздражало моего отца: не было случая, чтобы он хоть в

чем-нибудь согласился с Ангусом. Дочь Ангуса Мортона, Розалинда, была моей двоюродной сестрой.

С каждым годом наш поселок разрастался. Теперь говорили, что даже жители Риго могут, не глядя на карту, сказать, где находится Вакнук.

Итак, я жил в процветающем крае, на одной из самых богатых ферм. Но в десятилетнем возрасте я мало про это думал. Для меня это было место, очень неудобное для игр, где всегда полно работы, если не успеть вовремя скрыться от бдительного взора взрослых, всегда норовящих поручить мне какое-нибудь скучное дело.

Поэтому в тот вечер я, как обычно, старался не привлекать к себе внимания, пока не услышал знакомые звуки тарелок и не догадался, что время близится к ужину. Некоторое время я послонялся по двору, глядя, как распрягают лошадей, пока наконец не раздался звук гонга: двери гостиной открылись, и все гурьбой повалили в дом. Панель с надписью: "ИЩИ И НАЙДИ МУТАНТА" торчала у меня перед глазами, как и у всех входящих, но не вызвала в моем сознании никаких ассоциаций — привычная часть обстановки, не больше. Что меня в данный момент занимало больше всего — это запах вкусной еды.

ГЛАВА III

С тех пор я стал время от времени наведываться к Софи — примерно раз или два в неделю. Школьные занятия у нас обычно бывали по утрам. Впрочем, занятия — слишком громко сказано, просто какая-нибудь пожилая женщина собирала несколько ребятишек и учила их писать, читать, а тех, кто постарше, — простым арифметическим действиям. Так что мне несложно было ускользнуть в середине дня, встав из-за обеденного стола чуть раньше, пока никто не нашел для меня какого-нибудь дела.

Когда лодыжка Софи зажила, мы с ней стали часто бродить по окрестностям.

Однажды я привел ее на нашу сторону карьера, чтобы показать паровой двигатель — другого такого не было на

сотни миль вокруг, и мы все им очень гордились. Корки, который присматривал за ним, по обыкновению где-то шлялся, но двери сарая были открыты, и мы хорошо слышали ритмичный звук работающей машины. Однако только слушать — показалось нам мало, и мы забрались внутрь. Поначалу было страшно интересно наблюдать за работой "чудовища", но минут через десять нам стало скучно просто стоять и глазеть. Зрелище было хотя и впечатляющее, но довольно однообразное. Мы вышли из сарая и забрались на самую верхушку поленницы. Там мы уселись, свесив ноги, и стали болтать, прислушиваясь к пыхтению машины.

— Дядя Аксель говорит, что у Древних были машины во сто раз лучше, чем эта, — сказал я.

— А мой папа говорит, что если бы четверть того, что рассказывают про Древних, было правдой, они были бы не людьми, а волшебниками, — возразила Софи.

— Что же, твой отец, — спросил я, — не верит, что Древние могли летать по воздуху, как птицы?

— Нет, — покачала она головой, — это просто глупо. Ведь если они могли летать, то и мы научились бы.

— Но... но ведь мы теперь уже многое умеем, — попытался возразить я.

— Только не летать, — она опять упрямо покачала головой, — это все сказки.

Я уже хотел было рассказать ей про свои сны, в которых я видел Город и блестящие летающие предметы в небе, но подумал, что сон не доказательство, и промолчал. Мы еще немножко посидели на поленнице, потом спустились вниз и пошли к ее дому.

Джон Уэндер, ее отец, был дома. Звуки молотка доносились из сарая, где он что-то мастерил. Софи подбежала к нему и повисла у него на шее.

— Привет, цыпленок! — ласково сказал он. Потом повернулся ко мне и хмуро кивнул головой. Он всегда так здоровался со мной, еще с самого первого раза — хмурый кивок и все, но я чувствовал, что он относится ко мне уже получше. В тот самый первый раз он смотрел на меня так, что я и вздохнуть боялся. Теперь я уже не чувствовал страха — мы стали почти друзьями. Он подолгу разговаривал со мной, иногда рассказывал об очень интересных

вещах, и все же я часто ловил на себе его взгляд, внимательный, изучающий...

Только несколько лет спустя я понял, что для него значило — прийти домой и узнать, что ножку его Софи увидел не кто-нибудь, а Дэвид Строрм, сын Джозефа Строрма. Думаю, не раз ему приходило в голову, что мертвый мальчишка никогда не нарушит своего обещания молчать, даже если захочет... Может быть, я обязан жизнью его жене, миссис Уэндер? Может быть...

И еще я думаю, он раз и навсегда поверил бы мне и выкинул все сомнения из головы, доведись ему увидеть то, что произошло в нашем доме спустя месяц после того дня, как я познакомился с Софи.

Я тогда слегка поранил руку, вытаскивая занозу, и ранка кровоточила. Я зашел на кухню и, видя, что все домашние заняты, попытался сам перевязать себе ранку чистой тряпкой. Тут меня увидела мать. Она сразу запричитала, заохала, велела тщательно промыть ранку и сама стала перевязывать мне руку, бормоча, что я, как всегда, заставляю ее заниматься моей персоной в самый неподходящий момент. Оправдываясь, я случайно брякнул:

— Я и сам бы мог это сделать, будь у меня еще одна рука.

После этих, как мне казалось, ничего не значащих слов в кухне воцарилось гробовое молчание. Мать замерла, как статуя. В недоумении я оглядел всех, кто был в это время на кухне: Мэри с куском пирога в руке, двух работников, ждущих своей порции еды, отца, сидевшего во главе стола. Все молча уставились на меня. Постепенно с лица отца сошло изумление, губы сжались в жесткую прямую линию, челюсть выдвинулась вперед, брови сошлись на переносице.

— Что ты сказал? — медленно выговорил он.

Я хорошо знал этот тон, и мне стало страшно. Еще страшнее было то, что я совершенно не понимал, чем мог так рассердить его.

— Я... я с-с-сказал, что и с-сам бы мог... — выдавил я с трудом, заикаясь от страха.

Глаза отца сузились, и в них мелькнуло что-то, заставившее меня содрогнуться. Моя спина стала липкой от пота.

— И ты пожелал себе третью руку?! — все так же медленно и отчетливо выговаривая каждый слог, произнес он.

— Да нет же, отец, нет! Я только сказал е с л и б ы...

— Если бы у тебя была третья рука, ты бы мог сделать что-то. Т а к ты сказал?!

Я кивнул.

— Стало быть, ты п о ж е л а л?!

— Да нет же, отец, нет! Я только сказал е с л и...

Я был так напуган, что никак не мог объяснить ему. Я хотел сказать, что не имел в виду ничего плохого, но не находил слов. Язык прилип к гортани, и я молча стоял в ожидании кары. Взгляды всех домашних были обращены теперь на отца.

— Ты! Ты — мой сын, призывал дьявола, чтобы он дал тебе третью руку!! — прогремел он.

— Не призывал я никого!Я только...

— Замолчи! — он властно поднял руку. — Все слышали, что ты сказал! Не лги же теперь, не отягощай свой поступок еще и ложью!

— Но ведь...

— Не лги и отвечай мне правду: было ли в твоих мыслях недовольство той формой тела, которую тебе дал Господь? Той формой, которая есть его подобие?

— Я только сказал е с л и б ы...

— Ты богохульствовал! Ты поносил НОРМУ! Все здесь слышали это, и тебе нечего возразить. Знаешь ли ты, что есть НОРМА?

Я хорошо знал своего отца — возражать было бессмысленно и опасно. Он все равно не поймет, не з а х о ч е т понять.

— НОРМА есть образ и подобие Господа, — скороговоркой пробормотал я.

— Выходит, ты з н а е ш ь! И зная, ты пожелал стать мутантом. Ты — мой сын, совершил кощунство! Здесь! Перед твоим отцом! Что есть мутант?!

— Проклятый Богом и людьми, — автоматически проговорил я давно вызубренные мною слова.

— Так вот к е м ты хотел стать?! Ну, отвечай же!

Я опустил глаза и ничего не сказал — отвечать было бесполезно.

— На колени! — скомандовал отец. — Всем на колени и молиться!

Вместе со всеми я опустился на колени. Голос отца звенел у меня в ушах:

— Мы виноваты перед тобой, Господь! Мы плохо втолковали твои заветы этому несмышленышу и просим тебя: даруй нам прощенье!

Казалось, этой молитве не будет конца. Затем отец молвил: "Аминь", — и все поднялись с колен. Я тоже поднялся и услышал его строгий голос:

— Ступай к себе и молись. Молись о милосердии Божьем, которого ты не заслуживаешь, но которое господь по своей милости, быть может, все-таки дарует тебе! Ступай! Я приду к тебе позже.

Ночью, когда боль в спине после отцовского визита понемногу утихла, я долго еще не мог заснуть от терзавших меня мыслей. Я ведь знал, что на самом деле не желал себе никакой третьей руки, но... А если бы даже и пожелал? Что здесь такого? И если даже на миг подумать об этом — кощунство, то каково же тогда иметь нечто подобное... Например... Например, лишний палец на ноге!

Наконец я заснул. И мне приснился сон.

Все мы собрались во дворе, точь-в-точь как при последнем Очищении. Тогда в центре стоял маленький, только что родившийся теленок, туповато глядевший на отцовский нож. Теперь там была маленькая девчушка... Софи! Она стояла босиком, пугливо озираясь и тщетно пытаясь прикрыть одной ступней другую. Все мы молча ждали. Софи начала метаться от одного из нас к другому и молить о пощаде, но никто не шелохнулся, не изменился в лице. Мой отец медленно двинулся к ней, и нож его сверкнул в лучах утреннего солнца. Софи заметалась еще отчаяннее, и слезы ручьями потекли по ее обезумевшему от страха лицу. Отец подходил все ближе и ближе к ней, но ни один из нас по-прежнему не двигался с места. Отец схватил ее точно так же, как он хватал того новорожденного теленка, все мы хором запели гимн, он поднял руку с ножом... Нож сверкнул, в последний раз в его лезвии отразился блик медно-красного солнца, и тут же он окрасился кровью, брызнувшей из горла Софи...

Если бы Джон и Мэри Уэндер видели меня в тот момент, когда я проснулся в слезах, с криком, застрявшим у меня в горле, и долго еще лежал в темноте, твердя про себя, что это всего лишь сон... Их не мучили бы больше опасения, что я могу выболтать людям тайну их маленькой Софи.

ГЛАВА IV

Время, о котором я сейчас рассказываю, было для меня временем перехода к другой, более осмысленной, жизни. Произошли события, каждое из которых в отдельности случалось и раньше, но теперь они связались для меня воедино и приобрели совершенно иное значение. А кое с чем мне пришлось столкнуться впервые.

Первым таким событием была моя встреча с Софи. А вскоре дядя Аксель обнаружил то, что происходило между мной и моей двоюродной сестрой Розалиндой. Дядя (на мое счастье, это был он, а не кто-нибудь другой) наткнулся на меня как раз в тот момент, когда я р а з г о в а р и в а л с ней.

Возможно, это был просто инстинкт самосохранения, который заставил нас обоих (меня и Розалинду) скрывать до сих пор наши "разговоры", поскольку разумом мы еще не понимали, что нам грозит. Когда дядя Аксель наткнулся на меня, сидящего возле стога сена и громко бормотавшего что-то вслух, я даже не пытался скрыться или утаить от него, чем я занимаюсь. Он постоял сзади меня некоторое время, потом я обернулся и глаза наши встретились.

Дядя Аксель был высоким и сильным мужчиной. Когда я видел его за работой, мне казалось, что его пальцы слиты воедино с рукоятью инструмента. Теперь он стоял у меня за спиной в своей излюбленной позе, тяжело опираясь на толстую палку, которой ему приходилось пользоваться из-за неправильно сросшейся ноги. Черные брови его были нахмурены, но загорелое лицо не выражало ни озабоченности, ни недовольства, разве что только любопытство.

— Ну, Дэви! — обратился он ко мне ласково. — С кем это ты тут так весело болтаешь? Небось, с лешими или с гномами — кого вы, мальчишки, еще там выдумываете? А может быть, с зайцами, ведь их тут полным-полно? А?

Я отрицательно покачал головой.

— По-моему, куда интереснее болтать с другими ребятишками... Куда интереснее, — протянул он, — чем сидеть здесь вот так, одному, и бормотать что-то себе под нос. А?

Секунду я колебался... Но ведь это был мой дядя — дядя Аксель — самый лучший друг.

— Я... говорил не... не сам с собой... — неуверенно протянул я.

— С кем же? — озадаченно спросил дядя.

— Ну... с приятелем... Вернее, с приятельницей, — поправился я.

— А с кем именно?

— С Розалиндой.

Помолчав, он как-то странно на меня поглядел.

— М-м-да... Но я что-то не вижу ее здесь. — Он продолжал смотреть на меня в упор, и тогда я решился все ему объяснить.

— Здесь ее и вправду нет. Она у себя дома... То есть, я хотел сказать, недалеко от дома, в маленьком шалаше на дереве, который ее братья сделали в рощице. Она очень любит там прятаться, — пояснил я.

Поначалу он никак не мог взять в толк, что я имею в виду, и говорил со мной так, словно это была игра. Но в конце концов мне удалось объяснить ему все как есть. Тут выражение его лица изменилось. Таким серьезным я его еще никогда не видел. Некоторое время он молчал, что-то обдумывая, потом спросил:

— Ты не разыгрываешь меня, Дэви? Все это была не выдумка? Ты... ты говорил мне сейчас правду?

— Ну конечно, правду! — уверил я его.

— А ты никому... никому не говорил обо всем этом, кроме меня?

— Конечно, нет. Это — наш секрет. Так интересней.

Выплюнув травинку, он вздохнул, как мне показалось, с облегчением, но когда он вновь поднял на меня глаза, я увидел, что выражение его лица стало еще более серьезным и даже мрачным.

— Дэви, — сказал он, — я хочу, чтобы ты пообещал мне одну вещь.

— А что это за вещь, дядя? — спросил я.

— А вот что, — сказал он, не отрывая от меня своего серьезного и мрачноватого взгляда. — Я хочу, чтобы это было по- прежнему с е к р е т о м. Обещай мне, что ты никому... Ты понял меня? Н и к о м у не скажешь о том, что рассказал сейчас мне. Никому и н и к о г д а, Дэви! Это очень важно, чтобы ты понял меня, мальчик, понял, как это важно. Позже ты и сам поймешь, п о ч е м у это так важно. Но сейчас... Сейчас ты ни в коем случае не должен дать кому-нибудь повод даже заподозрить тебя в том, что я сейчас от тебя узнал. Ты обещаешь мне, Дэви?!

В его голосе звучала не только озабоченность, но и какая-то угрюмая, мрачная настойчивость. Это поразило меня: никогда раньше он со мной так не разговаривал. И когда я поклялся ему, что буду молчать, у меня было ощущение, будто я делаю что-то куда более важное, чем просто выполняю обычную дядину просьбу. Пока я уверял его, что буду строго хранить наш секрет, он не спускал с меня глаз, и наконец, кивнул, почувствовав, что до меня дошла вся серьезность нашего разговора. Мы скрепили наш договор крепким рукопожатием, и он сказал:

— Вообще-то, лучше было бы, если бы ты... ну, забыл про это... Забыл как э т о делается.

— Наверно, это у меня уже не получится, дядя, — подумав, честно сказал я. — Это... Это просто е с т ь, и все. Забыть это — все равно что... — я никак не мог найти слова, чтобы объяснить ему суть наших "разговоров" с Розалиндой.

— Все равно как забыть, что ты умеешь говорить или слушать? — спросил он.

— Да... почти, — кивнул я.

Он опять ненадолго задумался.

— Ты слышишь слова внутри головы? Прямо внутри?

— Не совсем так. Я не то, чтобы слышу их и не то, чтобы вижу. Это... это как тени, и если при этом еще произносить слова вслух, тени становятся яснее. Я лучше их различаю.

— Но тебе не обязательно произносить эти слова вслух, как ты это делал, когда я подошел к тебе, а, Дэви?

— Нет, конечно, нет... Просто это иногда помогает... Ну, делает наш р а з г о в о р легче, что ли.

— И делает его гораздо опаснее для вас обоих, Дэви! — угрюмо пробормотал дядя. — Я хочу, чтобы ты мне пообещал еще кое-что. Ты никогда не должен больше произносить эти слова вслух. Понимаешь?

— Хорошо, дядя Аксель! Раз вы так хотите... — пожал я плечами.

— Когда ты станешь старше, ты поймешь, почему это так важно, — вновь повторил он. — Да! Непременно заставь Розалинду пообещать вести себя также осторожно! Слышишь?

Я решил ничего не говорить ему об о с т а л ь н ы х, потому что видел, как взволновал его мой рассказ об одной Розалинде. Но про себя я подумал, что нужно заставить в с е х пообещать мне то, что я сам пообещал дяде Акселю.

Дядя еще раз крепко сжал мою руку, и я постарался ответить ему таким же крепким рукопожатием в знак того, что никогда не нарушу своего слова.

В тот же вечер я рассказал Розалинде и всем остальным о нашем разговоре с дядей Акселем. Мне показалось, что тревога, которую этот разговор вызвал у меня, уже коснулась всех остальных. Быть может, кто-то из нас уже ловил на себе настороженно-удивленные взгляды, чувствовал какое-то п о д о з р е н и е, и это заставляло нас инстинктивно скрывать нашу способность обмениваться мыслями. До моего разговора с дядей Акселем мы никогда об этом не говорили,просто каждый сам по себе подсознательно делал то, что считал нужным, и принятые нами меры никак не носили характер с г о в о р а. Теперь же настойчивость Акселя усилила смутное чувство страха. Это чувство еще не обрело для нас какие-то конкретные очертания (мы не отдавали себе ясного отчета, ч е г о и п о ч е м у нужно бояться), но оно стало более острым, более осязаемым, что ли, и когда я пытался передать остальным ту серьезную настойчивость, с которой Аксель добивался от меня обещания держать все в секрете, я не только не встретил в них недоумения или отпора, но, наоборот, все они восприняли это с готовностью и немедленно сог-

ласились со мной. Все охотно дали обещание хранить тайну, и у всех нас было такое чувство, словно мы сбросили с себя какую-то давящую ношу. Вот это и был наш первый с г о в о р.

Впервые мы в м е с с т е приняли определенное решение, и это, пожалуй, было первое звено в цепи событий, отделивших нас от других людей. Обозначилась грань между н а м и и и м и, хотя тогда мы, конечно, не могли понимать, насколько серьезен был этот самый первый шаг.

Это событие, касавшееся только нас, совпало с другим — вооруженным набегом из Джунглей.

Как всегда в таких случаях, организованного плана сопротивления не было. Селение наше было разбито на участки, и все взрослые мужчины по тревоге должны были собираться на своих участках и уже на месте решать, как дать отпор банде. С небольшими бандами обычно справлялись легко, но когда люди Джунглей находили вожаков, способных организовать большую банду, нам приходилось туго. Банды легко сминали небольшие отряды нашей м и л и ц и и на границах и, не встречая серьезного сопротивления, вторгались в наши земли миль на двадцать — двадцать пять вглубь.

Но на этот раз наши люди не были застигнуты врасплох, да и вооружены они были неплохо: у многих были ружья, тогда как у вторгшейся банды кроме нескольких старых, когда-то украденных ружей, были лишь ножи, луки и стрелы. И все же сладить с ними было трудно: они гораздо лучше умели прятаться в лесу, да и дрались, надо отдать им должное, неплохо, поэтому настигнуть их и заставить принять открытый бой удалось лишь в глубине нашей территории, милях в пятнадцати от пограничной зоны.

Набег, сражение, погоня — что может быть интереснее для мальчишки?! Люди Джунглей были не более, чем в семи милях от Вакнука, и наш двор стал местом военного сбора. Отец, который в первые же дни набега был ранен в руку, помогал сколачивать отряды добровольцев, и несколько дней на нашем дворе выстраивали все новых и новых бойцов, а женщины со слезами провожали уходящие отряды. Когда ушел последний отряд и вместе с ним все

рабочие с нашей фермы, во дворе стало как-то непривычно тихо. Через некоторое время прискакал одинокий всадник и, задыхаясь, рассказал нам об удачном сражении и бегстве банды, несколько вожаков которой, по его словам, были взяты в плен.

— Бежали так, что только пятки сверкали, — закончил он свой короткий рассказ и поскакал с этой вестью дальше.

В тот же день небольшой отряд всадников заехал к нам во двор. С ними были два пленных вожака. Узнав об этом, я бросил все свои дела и побежал смотреть на пленных. Поначалу зрелище разочаровало меня: по многочисленным рассказам о Джунглях я ожидал увидеть как, минимум, чудищ с двумя головами, заросших шерстью, с дюжиной рук и ног, похожих на щупальцы осьминога. Вместо этого я увидел двух в общем-то обыкновенных бородатых мужчин, правда, ужасно грязных и оборванных. Один из них был коротышка с жесткими клочковатыми волосами, торчащими так, словно их отхватили тупым ножом. Когда же я глянул на второго, у меня перехватило дыхание. Я просто остолбенел и никак не мог оторвать от него взгляд, потому что... Потому что, если бы он был одет более или менее прилично и борода его была бы аккуратно подстрижена, он был бы точной копией моего отца...

Его взгляд на миг задержался на мне. Он цепко глянул мне в лицо, и в глазах его мелькнуло странное выражение, которое показалось мне одновременно отталкивающим и притягивающим.

Какие-то слова были уже готовы сорваться с его языка, но тут из дома вышла группа людей и с ними мой отец. Отец остановился на ступеньке крыльца и здоровой рукой помахал всадникам. Потом он, как и я, заметил того человека. Несколько секунд он не отрывал от него пристального взгляда, и вдруг кровь отхлынула у него от лица — он посерел у меня на глазах.

Я быстро перевел взгляд с отца на его "двойника". Он не шевелясь сидел на лошади, но от выражения его лица у меня что-то екнуло в груди. Никогда до сих пор мне не приходилось видеть ненависть, такую страшную в своей неприкрытой откровенности: неожиданно прорезавшиеся складки возле глаз и губы, приоткрывшие злобный,

звериный оскал. Эта внезапная вспышка злобы подействовала на меня, как пощечина. Я столкнулся с чем-то, чему не мог еще дать названия, чем-то непонятным и настолько страшным, что это звероподобное лицо навсегда врезалось в мою память.

Отец, по-прежнему без кровинки в лице, здоровой рукой ухватился за дверной косяк, несколько секунд постоял так, прикрыв глаза, и медленно, как дряхлый старик, повернулся и пошел в дом.

Один из охранников перерезал веревку, связывающую пленника, тот расправил затекшие руки и плечи и я, наконец, понял, чем он отличался от нормальных людей: он был сантиметров на сорок выше, чем все, стоящие вокруг, но совсем не потому, что был уж очень рослым и здоровым мужчиной. Дело было в его ногах. Они были чудовищно длинные и почти такие же тонкие, как руки. Руки его тоже были непропорционально длинными, и эта уродливая длина конечностей делала его похожим на паука...

Стражники дали ему поесть и выпить пива, и он присел на скамью возле крыльца: его костлявые колени при этом стали почти вровень с плечами. Жуя хлеб с сыром, он внимательно оглядывал двор, не упуская ни одной детали, и его взгляд снова остановился на мне. Он поманил меня к себе, но я сделал вид, будто не заметил этого. Он поманил меня снова, и я устыдился своего страха. Я подошел ближе, но все же мысленно прикинул расстояние так, чтобы "паук" не мог дотянуться до меня своими длиннющими руками.

— Как тебя звать, парень? — спросил он.

— Дэвид, — сказал я, — Дэвид Строрм.

Он кивнул, словно я подтвердил то, что он и без того знал.

— Человек на крыльце с рукой на перевязи — твой отец, Джозеф Строрм, не так ли? — был следующий его вопрос.

— Ну, да, — сказал я.

Он опять кивнул и снова внимательно оглядел наш дом и весь двор.

— Стало быть, это Вакнук? — не то спросил, не то просто отметил про себя он.

— Да, — сказал я в третий раз и стал ждать следующего вопроса. Может быть, он и спросил бы меня о чем-нибудь еще, но тут один из стражников велел мне отойти подальше. Вскоре маленький отряд уехал по направлению к Кентаку, и я, честно говоря, был этому рад: мое первое знакомство с людьми из Джунглей оказалось совсем не таким интересным, как я себе представлял, и лишь оставило у меня в душе какой-то неприятный осадок.

Позже я слышал, что обоим пленникам удалось той же ночью сбежать. Я не помню, кто сказал мне об этом, но во всяком случае, не отец: от него я ни разу не слышал ни слова об этом странном человеке, а у меня самого так и не хватило мужества спросить его, кто такой был этот "паук".

Когда все постепенно успокоились после набега и наши люди вернулись к своим обычным делам и заботам, отец вновь рассорился с моим дядей Ангусом Мортоном. Они вообще были настолько несхожи во всем, что уже много лет находились в очень натянутых отношениях. От отца мы постоянно слышали о беспринципности Ангуса и его разлагающем влиянии на соседей. Ангус же неустанно повторял, что Джозеф Строрм — упрямый догматик, в башке у которого нет ни капли здравого смысла. Поводом к очередной крупной ссоре стала на этот раз пара здоровенных лошадей, купленных Ангусом. Слухи об этих лошадях просочились в Вакнук, но никто их до сих пор в глаза не видел. Однако сам факт, что лошади появились именно у Мортона, насторожил отца, и он не поленился поехать взглянуть на них.

Одного взгляда на этих громадных животных было достаточно для отца, чтобы немедленно счесть их н е п р а в и л ь н ы м и. С брезгливой гримасой он повернулся к ним спиной и отправился прямиком к инспектору, чтобы потребовать немедленного уничтожения нечисти. Однако дело приняло неожиданный оборот.

— На сей раз вы не правы, — с ядовитой улыбкой сказал инспектор отцу, весьма довольный тем, что данный случай никаких споров и пререканий не вызовет. — На них есть разрешение правительства и говорить, стало быть, тут не о чем.

— Не верю я в это! — раздраженно буркнул мой отец. — Никогда еще Бог не создавал лошадей такого размера, и правительство не могло дать на них разрешения.

— Однако разрешение есть, — твердо сказал инспектор. — Более того, сам Ангус, зная своих соседей, выпросил на своих лошадей специальное разрешение в п и с ь м е н н о м виде.

— Люди, выдающие подобные разрешения, не заслуживают никакого уважения! Это ни в какие ворота не лезет! — вышел из себя отец.

— Вы оспариваете законность официального документа? — ледяным тоном осведомился инспектор. Но отца этот тон не смутил.

— Я прекрасно понимаю, п о ч е м у кое-кто смотрит сквозь пальцы на э т о, — сказал он. — Один такой выродок может работать за двоих, даже за троих лошадей, а обходится он дешевле. Что ж, выгода есть, а значит, есть и повод попустительствовать беззаконию. Но это еще не значит, что они н о р м а л ь н ы! Такая лошадь не творение Господа, это нечисть, подлежащая уничтожению!

— В официальном заключении сказано, что порода выведена обычным путем, но никто не лишает вас прав искать у них отклонения от НОРМЫ, — миролюбиво заметил инспектор.

— Все это от того, что держать таких монстров в ы г о д н о! — упрямо твердил мой отец. — Но вы! Вы-то ведь видите, что они н е п р а в и л ь н ы е, как бы и кто бы не закрывал на это глаза. Подумайте, что будет, если мы будем смотреть сквозь пальцы на то, про что т о ч н о знаем — это отклонение?! Нельзя отступать от веры лишь только потому, что кому-то удалось выправить разрешение! Кто тверд в вере, тот знает, что — от Господа, а что — от дьявола, и всегда будет знать это, даже если правительство этого знать не х о ч е т!

— Повторяется история с дэйкеровской кошкой? — насмешливо спросил инспектор отца. Отец покраснел и раскашлялся.

Дело в том, что около года назад отец узнал о безхвостой кошке, которую подобрала жена Бена Дэйкера. Выяснив, что кошка эта была безхвостой от рождения, отец потребовал от инспектора санкции на ее уничто-

жение, которую тот и выдал. Однако Дэйкеры подали жалобу, и это так разозлило отца, что он собственноручно привел приговор в исполнение, не дожидаясь официального судебного решения. Однако дело обернулось весьма неожиданно: пришло официальное уведомление о том, что существует признанная и утвержденная порода безхвостых кошек (кстати, порода весьма ценная), и отцу пришлось публично извиниться, не говоря уже о возмещении Дэйкерам нанесенного им материального ущерба.

— Это дело гораздо серьезнее, — оправившись от смущения, твердо сказал отец.

— Послушайте, Строрм! — уже теряя терпение, сказал инспектор. — Порода имеет официальное разрешение. На э т у пару есть п и с ь м е н н о е разрешение. Если всего этого вам мало, ступайте и застрелите их собственноручно, на свою ответственность. Но попомните мое слово — простым извинением вы тут не отделаетесь!

— Ваш долг — выдать мне разрешение на казнь этих ублюдков! — не унимался отец, пока окончательно не вывел инспектора из себя и тот в сердцах не крикнул:

— Мой долг — защищать их от догматиков и кретинов!

Не знаю, дошло ли у них дело до драки, думаю, что нет, но несколько дней отца буквально трясло от ярости и злобы. Следующую субботу он заставил всех нас воссылать проклятия укрывателям мутантов, оскверняющих чистоту всего поселка. Он призывал к бойкоту владельцев "нечисти", разглагольствовал о коррупции и попустительстве властей и закончил тем, что объявил некоторых официальных лиц поборниками сил "Зла и Порока".

Инспектор не стал раздувать публичного скандала, но кое-какие реплики его относительно религиозных "маньяков" и "кретинов" дошли до отца. Это была последняя капля, переполнившая его терпение. Пускай у него была куча неприятностей из-за злополучной дэйкеровской кошки, но лошадей Ангуса он вынести не мог... Может быть, окажись их владельцем кто-нибудь другой, но Ангус! Ярость его искала выхода...

Вся эта накаленная атмосфера в доме позволяла мне делать, что вздумается и убегать из дома, когда захочется. На меня никто не обращал внимания.

Незнакомые люди перестали появляться в наших окрестностях, и родители Софи опять стали отпускать ее из дому на песчаную насыпь. Часто и мне удавалось пробраться туда незамеченным.

О том, что Софи ходила в школу, как все остальные дети, не могло быть и речи: все обнаружилось бы очень быстро, будь у нее даже фальшивая Метрика. Родители сами учили ее читать и писать, но никаких книг у них не было, поэтому во время наших прогулок и игр я старался как можно подробнее рассказать ей о том, чему нас учили и что читал сам.

— Мир, где мы живем, очень большой, — рассказывал я Софи, — цивилизованная часть его, к которой принадлежит наш Вакнук, — лишь крохотный пятачок. Называется он Лабрадор. Говорят, что название это дали ему еще Древние, но точно никто этого не знает. Вокруг почти всего Лабрадора очень много воды, она называется морем, и там полно всякой рыбы. Никто из тех, кого я знал, не считая дядю Акселя, не видел моря, потому что оно очень далеко отсюда — миль триста на восток или северо-восток. Если же идти к югу и к юго-западу, можно прийти лишь к Джунглям, а дальше, еще дальше — к Плохой Земле, которая убивает.

Еще нам говорили, хотя этого тоже никто точно не знал, что во времена Древних Лабрадор был очень холодной землей, такой холодной, что жить здесь никто не мог. Древние лишь выращивали здесь деревья и занимались какими-то своими таинственными делами. Но все это было очень давно. Тысячу? Две тысячи лет назад? А может быть, еще раньше? Обо все этом можно лишь гадать. Трудно сказать, сколько поколений людей жили, как звери, до наступления Очищения и начала письменности. Одни лишь "Раскаяния" (или, как их еще называли, "Откровения") Никольсона дошли до нас от тех времен, да и то потому, что пролежали много столетий искусно спрятанными в скале. Только Библия осталась от Древних.

Все, о чем рассказывалось в этих двух книгах, относится к далекому-далекому прошлому. А о том, что было в промежутке между Карой, ниспосланной на Древних, и нашим временем, никто толком ничего не знает. Об этом промежутке существует множество легенд и

сказаний. Собственно, и само название Лабрадор возникло из этих легенд — ни в Библии, ни в "Раскаяниях" о такой земле не упоминалось. Может, и вправду, это была холодная земля, хотя сейчас здесь холодно только два месяца в году? Кто знает...

Долгое время шли споры: были ли обитаемы раньше другие части света кроме Лабрадора и большого острова Ньюфа? Считалось, что все они были плохими — на них пришлась вся тяжесть Великой Кары. Но местами там были найдены остатки земли, напоминавшей Джунгли. Конечно, они были совершенно неправильные. Жить там было нельзя, во всяком случае сейчас...

Не так уж много я мог рассказать о мире, в котором мы живем, но в любом случае говорить об этом было куда интереснее, чем об Этике, которой нас по воскресеньям обучал высокий, седой старик — учитель. Этика... Он объяснял нам, что можно делать, а чего нельзя. Большинство запретов совпадало с теми, которые вдалбливал в нас дома отец, но объяснения иногда были разными, чего я не всегда мог уразуметь.

Человечество, гласила Этика, то есть люди в цивилизованных местах, находится в процессе возврата к былому процветанию. Тернистым и нелегким путем идем мы к тем достижениям, которые когда-то утратили. Кроме Истинного пути к этим достижениям, есть множество ложных, которые порой кажутся более легкими, и потому заманчивыми, но ведут они к гибели. Есть лишь один Истинный путь, и следуя ему, мы с Божьей помощью, как гласила нам Этика, обретем в назначенное время то, что когда-то потеряли. Но так много на этом пути скользких дорог и ловушек, что каждый шаг наш должен быть осторожен, и не следует человеку полагаться в делах своих лишь на собственный разум. Только облеченные властью способны судить о каждом шаге нашем, только они могут отличить путь истинный, ведущий к благу, от ложного, ведущего к гибели.

Нужно извлечь урок из Великой Кары, постигшей мир Древних, с верой пройти весь тернистый путь, и если мы одолеем все искушения, будет нам Прощение и Награда: Золотой век.

Были некогда ниспосланы на людей различные кары: землетрясения, потопы, мор, град, гибель городов и наро-

дов. Великая же Кара была последней и самой страшной, как если бы все предыдущие кары объединились в одну. Почему была она ниспослана и за что? Никто не знает, но, судя по всему, было это во время всеобщего кощунства и поругания веры.

Все заповеди и примеры в Этике сводились к тому, что долг и назначение человека — бороться со злом и пороком. Каждый должен следить за тем, чтобы не было среди нас отклонений от НОРМЫ.

В эту часть Этики я старался не посвящать Софи. Не то, чтоб я считал ее мутантом, этого у меня и в мыслях не было. Но все же в разговорах с ней я старался не касаться этой щекотливой темы.

ГЛАВА V

Стоило мне исчезнуть с глаз домашних, и в Вакнуке обо мне словно забывали. Но стоило мне послоняться у всех на виду, как для меня тут же находилась работа.

Лето выдалось прекрасное, и фермерам не на что было жаловаться, лишь изредка им приходилось прерывать работу для истребления нечисти. Но отклонений было на редкость мало. Разве что среди овец ранней весной появилось несколько н е п р а в и л ь н ы х. С урожаями же все обстояло благополучно, и инспектор выдал санкцию лишь на сожжение одного-единственного поля, принадлежавшего Ангусу Мортону.

Среди овощей тоже было немного отклонений, и год этот мог по праву считаться на редкость удачным: все соответствовало НОРМЕ. Даже мой отец был доволен, и в одной из своих проповедей отметил, что Вакнук в этом сезоне дал достойный отпор силам Зла.

— Хвала Господу! — сказал он. — Кара за лошадей-уродов обрушилась лишь на их хозяина, а не на весь поселок!

Все были так заняты уборкой урожая, что я почти каждое утро незамеченным убегал из дому и долгими летними днями бродил по окрестностям с Софи. Частенько мы стали заходить с ней все дальше и дальше от дома, хотя

никогда не забывали об осторожности. У нее выработался своего рода инстинкт: стоило вдали показаться незнакомой фигуре, как Софи бесшумно исчезала в зарослях кустарника. Единственный человек, которого она не боялась, был Корки, присматривающий за паровым двигателем. Все прочие жители поселка, разумеется, кроме меня, воспринимались ею лишь как источник опасности.

У нас с нею было излюбленное место — у ручья, где были песчаные отмели, и я любил, разувшись и закатав штаны до колен, бродить там, отыскивая все новые и новые лужицы и маленькие озерца. Софи обычно в это время сидела на каком-нибудь большом теплом камне и с любопытством наблюдала за моими поисками. Потом мы стали брать с собой две небольшие сети — их сплела миссис Уэндер — и сачок для рыбы. Я ловил сетями небольших рыбешек, похожих на головастиков, а Софи в это время пыталась достать их сачком с берега. У нее это плохо получалось, и вскоре она бросила сачок и стала по-прежнему лишь с завистью наблюдать за мной. Но однажды желание половить рыбок взяло верх, и она осторожно сняла сначала один башмак, потом другой, с опаской озираясь по сторонам. Закатав штаны до колен, она вошла в ручей и несколько минут стояла в воде по щиколотки, разглядывая свои босые ноги.

— Иди сюда! — крикнул я ей. — Тут полным-полно рыб!

Она отбросила, наконец, все свои опасения и страхи и, радостно хохоча, бросилась ко мне. Когда мы устали носиться по лужицам и набрали почти полный сачок рыбешек, мы присели на обломок камня, вытянув ноги, и стали греться на солнце.

— Они ведь не такие уж страшные, правда? — спросила Софи, указывая на свои маленькие ступни.

— Они совсем не страшные. Когда я смотрю на них, мне кажется, что моим чего-то не хватает, — искренне ответил я. Она так и просияла.

Несколько дней спустя мы снова ловили рыбу в этом месте. Сачок мы укрепили возле камня и то и дело подбегали к нему, чтобы кинуть в него новую порцию улова. Мы так увлеклись, что ничего не замечали вокруг, пока вдруг у меня за спиной не раздался голос:

— Привет, Дэвид!

Я оглянулся, ничуть не испугавшись, потому что совсем не думал в тот момент о тайне Софи.

Мальчишка, окликнувший меня, стоял на берегу рядом с камнем, на котором лежали наши башмаки. Я хорошо знал его. Это был Алан, сын Джона Эрвина, кузнеца. Он был на два года старше меня. И только в этот момент я вспомнил, что Софи босая.

— Привет, Алан! — ответил я без особой радости, подошел к камню и поднял башмаки Софи.

— Лови! — крикнул я и кинул ей башмаки, стараясь, чтобы они упали к ней как можно ближе.

Один она поймала сразу, а второй упал в воду, но она быстро нагнулась и вытащила его.

— Чем это вы тут занимаетесь? — спросил Алан.

Я объяснил, что мы ловили мелких рыбешек, стараясь избегать его вопрошающего взгляда: кое-что я о нем знал, и у меня был все основания не особенно радоваться этой встрече.

— Рыбешек? — презрительно хмыкнул он. — И этих-то головастиков вы называете рыбешками?

Он перевел взгляд с меня на Софи, которая медленно взбиралась на берег, держа башмаки в руках.

— А это еще кто? — спросил он.

Я замешкался с ответом, натягивая ботинки, и когда поднял голову, увидел, что Софи уже успела спрятаться в кустах.

— Кто это? — повторил Алан. — Что-то я ее никогда раньше...

Внезапно он умолк на полуслове: что-то привлекло его внимание позади меня. Я быстро обернулся и увидел отпечаток маленькой босой ножки на мокром песке — небольшой отмели посреди ручья. Софи ступила туда, ловя второй башмак. След был совсем свежий, и на нем ясно были видны шесть пальцев.

Я схватил сачок и выплеснул все его содержимое на это место. Горсть рыбешек вместе с водой тут же стерли отпечаток ножки Софи, но в тот же миг я понял, что все мои старания скрыть правду были тщетны: я опоздал.

— Вот это да-а!.. — протянул Алан, и в глазах его промелькнуло выражение, которое мне очень не понравилось. Очень...

— Кто она? — уже с ноткой требовательности спросил он в третий раз.

— Моя подружка, — произнес я, стараясь выговорить это как можно тверже и независимее.

— Ну, и как же зовут эту твою подружку? — насмешливо спросил он.

Я промолчал.

— Ну что ж, скоро мы это разузнаем, — зловеще пообещал он.

— А тебе-то какое до этого дело? — огрызнулся я.

Но Алан, не обращая больше внимания на меня, вскочил на обломок скалы и стал пристально вглядываться в заросли кустарника — туда, куда спряталась Софи.

Не колеблясь больше ни секунды, я бросился на него с кулаками. Он был намного здоровее меня, но я застал его врасплох, и мы кубарем скатились с камня. Я не очень хорошо умел драться, но злость придавала мне силы. У меня была только одна цель: дать время Софи надеть башмаки и скрыться. Если она успеет это сделать, он никогда не найдет ее, я был в этом уверен. Придя в себя от моего неожиданного наскока, Алан здорово врезал мне пару раз по физиономии. Это заставило меня на время забыть про Софи и удвоило мою злость. Хрипя и отплевываясь от попадавшего в рот песка, мы катались по берегу, но вскоре силы мои стали сдавать, и он это сразу почувствовал. Все же мне удалось на время отвлечь его и не дать сразу броситься вслед за Софи. В конце концов он уселся на меня верхом и все, что я мог теперь делать, — это защищать от ударов голову. Вдруг Алан издал странный вопль, скорее даже стон, и удары прекратились. Тело его обмякло, я легко выбрался из-под него, протер глаза, огляделся и увидел... Увидел Софи, стоящую рядом с тяжелым острым камнем в руке.

— Это я его стукнула! — с гордостью воскликнула она. — Как ты думаешь, он умер?

Стукнула она его здорово. Он лежал без движения с побелевшим лицом, залитым кровью, однако было слышно его хриплое, прерывистое дыхание, так что она его не убила.

— О Господи! — вдруг всхлипнула Софи и выронила камень из рук.

Мы посмотрели на Алана, потом друг на друга. И у нее, и у меня было естественное желание как-то помочь лежащему на песке парню. Но мы очень боялись.

— Никто и никогда не должен узнать об этом! — множество раз твердила нам миссис Уэндер. — Никто и никогда!

Парень, лежавший у наших ног, знал это. Страх сковал нас намертво, страх этот мешал нам подойти к Алану ближе и попробовать привести его в чувство.

Наконец я поднялся на ноги, взял Софи за руку и твердо сказал:

— Пошли.

Джон Уэндер внимательно слушал наш торопливый, сбивчивый рассказ.

— Вы уверены, что он видел? Может быть, он просто заинтересовался Софи, потому что никогда раньше ее здесь не встречал?

— Нет, — твердо ответил я. — Он видел след.

— Понимаю, — кивнул Уэндер. Меня поразило его спокойное и задумчивое лицо. Он внимательно посмотрел на нас обоих: на расширенные от страха и возбужденные глаза Софи, на мою заляпанную грязью, в ссадинах и кровоподтеках физиономию. Потом перевел взгляд на жену.

— Боюсь, э т о случилось, родная, — мягко сказал он.

— Джонни... — миссис Уэндер побледнела, руки ее беспомощно опустились.

— Мне очень жаль, Мэри, но это так, ты знаешь. Мы всегда знали, что когда-нибудь это произойдет. Слава богу, что все случилось, когда я здесь. Сколько времени тебе нужно, чтобы собраться?

— Очень мало, Джонни. Ты... ты прав, я всегда... всегда ждала этого и всегда была наготове.

— Ну что ж, надо торопиться, — Джон Уэндер встал и подошел к жене. Наклонившись, он обнял ее и бережно поцеловал. Слезы навернулись ей на глаза.

— Ох, Джонни... Ты... ты всегда был так добр ко мне! Ты никогда, ни словом... ни в чем не упрекнул меня за то горе, которое я принесла тебе!..

Он закрыл ей рот своими губами, и несколько мгновений они пристально смотрели друг на друга, а потом оба

перевели взгляд на Софи. К миссис Уэндер вернулась ее обычная ласковая улыбка. Она быстро накрыла на стол.

— Скоренько умойтесь оба и садитесь есть, — сказала она нам. — И поешьте как следует, ничего не оставляйте.

Умыв лицо и кое-как приведя себя в порядок, я взглянул на миссис Уэндер и неожиданно для себя задал вопрос, который уже давно вертелся у меня на языке:

— Миссис Уэндер, — спросил я, — если все дело только в пальцах... Почему вы не могли отрезать по одному у нее на каждой ступне? Когда она была еще совсем маленькой? Ведь тогда ей было не так уж больно, и никто не догадался бы, что... что их больше? А?

— Нет, Дэви, — вздохнула миссис Уэндер. — Остались бы следы, люди заметили бы их и рано или поздно докопались бы до правды... Ешьте, ешьте скорее! — заторопилась она и быстро вышла из комнаты.

— Мы уезжаем, — шепнула мне Софи, когда мы доедали пирог.

— Уезжаете? — растерянно переспросил я.

Она кивнула.

— Мама давно говорила, что мы должны будем уехать, если кто-нибудь увидит это. Мы хотели уехать еще тогда... Ну, когда ты увидел...

— Как это?.. — до меня только сейчас дошел смысл сказанного. — Вы уезжаете насовсем? Чтобы никогда уже сюда не вернуться?

— Да. Наверно, так, — грустно подтвердила Софи.

Я был очень голоден, но после этих слов мне расхотелось есть. Я сидел и тупо разламывал на тарелке пирог, вслушиваясь в звуки, доносящиеся из соседней комнаты. Теперь я знал, что там происходит. Я посмотрел через стол на Софи. В горле у меня застрял какой-то ком, который я никак не мог проглотить, и мне с трудом удалось выдавить из себя лишь одно слово.

— Куда?.. — хрипло спросил я.

— Не знаю. Наверно, далеко, — тихо сказала Софи.

Мы сидели друг против друга, Софи тихонько всхлипывала, дожевывая пирог, а я все никак не мог проглотить комок, застрявший у меня в горле. Все вокруг казалось мне каким-то пустым, бессмысленным, я чувствовал, что теперь все уже никогда не будет таким, как раньше.

ше. Все... Чувство это охватило меня с такой силой, что я с трудом удерживал слезы.

Миссис Уэндер внесла в комнату несколько узлов и корзин. Как сквозь пелену я видел, что она сложила их возле двери и вышла. Потом она вновь появилась и увела с собой Софи. Вошел Джон Уэндер с узлами и свертками. Когда он сложил их у двери и повернулся, чтобы уйти, я вскочил и побежал вслед за ним. Во дворе стояла пара лошадей с поклажей, и я удивился, что их не впрягли в повозку. Когда я спросил об этом мистера Уэндера, он покачал головой.

— С повозкой, Дэви, можно ехать только по дороге, а на лошадях скачи, куда хочешь.

Глядя, как он привязывает тюки к седлам, я неожиданно для себя набрался храбрости и выпалил:

— Мистер Уэндер! А вы... Вы не могли бы взять с собой меня?!

Он на мгновение замер, потом обернулся, несколько секунд мы смотрели друг на друга, и он медленно, с горечью покачал головой. Видя, что на глаза мои навернулись слезы, он положил мне руку на плечо и сказал:

— Зайдем в дом, Дэви.

Миссис Уэндер стояла в пустой гостиной, видимо стараясь сообразить, не оставила ли она чего-нибудь впопыхах.

— Мэри! — окликнул ее Уэндер. — Слушай, Мэри, он... Он хочет ехать с нами!..

Не говоря ни слова, она присела на краешек стула и протянула ко мне руки. Я подошел к ней, не в силах произнести ни звука. Она посмотрела мимо меня на мужа, и слова со стоном сорвались с ее губ:

— Джонни! Ох, Джонни! Его ужасный отец... Я боюсь его!..

Стоя рядом с ней, я отчетливо видел все ее мысли. Они были для меня гораздо понятнее, чем любые слова. Я знал, что она чувствует, знал, как страстно хочет она, чтобы я уехал с ними, и как хорошо она знает и понимает, что я не могу, не должен ехать. Я знал, каков будет ответ, еще задолго до того, как Джон Уэндер произнес первое слово.

— Я все понимаю, Мэри! — сказал он. — Пойми, больше всего на свете я боюсь за Софи... И за тебя. Если нас

все-таки поймают, то обвинят не только в сокрытии отклонения, но еще и в похищении ребенка, понимаешь?

— Джонни! Если они отберут у нас Софи, мне уже нечего будет больше терять! Какая разница?!

— Есть разница, родная, — мягко возразил жене Уэндер. — Когда они убедятся, что мы убрались из их района, они успокоятся: пускай за нас теперь отвечают другие. Но если исчезнет сын Строрма, поднимется вой на всю округу, и у нас не останется ни единого шанса. Они нас из-под земли достанут! Это не просто риск! Это — конец!

Несколько секунд она молчала. Я знал, о чем она думает. Ее руки обвились вокруг моей шеи, и она медленно проговорила:

— Ведь ты понимаешь это, Дэви? Если ты уйдешь с нами, твой отец будет так зол, что нам вряд ли удастся убежать. Я... Я бы очень хотела, чтобы ты был с нами, но... Ради Софи, ради нее, Дэви, ты не должен этого делать! Будь умницей, пожалуйста! Ведь кроме тебя, у нее нет друзей. Ты должен остаться ради нее. Ты... Ты сделаешь это, Дэви? Сделаешь, как я говорю?

Ее слова лишь подтвердили то, что я и так уже знал по ее мыслям, знал гораздо лучше, чем с ее слов. У меня не было выбора, но и не было сил сказать хоть слово в ответ, и я лишь молча кивнул... И долго стоял, прижавшись лицом к ее рукам, а она обнимала меня так, как ни разу в жизни меня не обнимал никто. Как ни разу в жизни меня не обнимала моя родная мать...

Они закончили собираться еще до наступления сумерек. Когда все было готово, мистер Уэндер отвел меня в сторону.

— Дэви, — помолчав, сказал он. — Я знаю, что ты любишь Софи. Ты вел себя, как настоящий мужчина, и сделал для нее все, что мог. Но есть еще одна вещь, которую ты можешь сделать и которая поможет ей. Ты... Ты сделаешь это, Дэви?

— Да, — твердо сказал я. — Я сделаю все, что вы мне скажете, мистер Уэндер.

— Когда мы уедем, — сказал он, — не возвращайся домой сразу. Ты бы мог побыть здесь... ну, скажем, до утра? У нас тогда было бы больше времени, понимаешь? Ты... побудешь?

— Да, — ответил я, и он пожал мне руку, как мужчина мужчине. Мне стало чуть легче от этого рукопожатия. Я почувствовал себя сильнее, а главное, всей душой ощутил, что кто-то во мне нуждается. Во мне и в моей помощи. Нечто похожее я почувствовал еще в нашу самую первую встречу с Софи, когда она подвернула ногу.

Мы подошли к лошадям, и Софи протянула мне руку. В кулачке у нее было что-то зажато.

— Это тебе, Дэви, — сказала она.

Я протянул свою руку, и она вложила мне в ладонь прядь своих каштановых волос, перевязанных желтой ленточкой. Потом она обвила мою шею своими ручонками и поцеловала меня прямо в губы, а я стоял и смотрел на эту тоненькую прядь...

Отец взял ее на руки и усадил на лошадь. Миссис Уэндер поцеловала меня так же нежно, как до этого сделала ее дочь, и прошептала:

— Прощай, Дэви... Прощай, мой милый. — И, потрогав ссадины на моем лице, одними губами шепнула: — Мы... Мы не забудем этого, Дэви! Никогда не забудем...

Они тронулись в путь. Джон Уэндер одной рукой правил лошадьми, другой обнимал жену. На опушке леса они остановились и помахали мне на прощание. Я махнул рукой в ответ, и они тронулись дальше. Последнее, что я видел, была ручонка Софи, махнувшая мне перед тем, как окончательно исчезнуть среди деревьев, на которые уже тем временем спускались сумерки.

Домой я вернулся засветло, когда все уже были в поле. Двор был пуст, но возле коновязи стояла лошадь инспектора, и я понял, что отец дома. Я честно выполнил просьбу мистера Уэндера и надеялся, что они успели уехать уже далеко. Хоть я и твердо решил не возвращаться домой до утра, когда наступила ночь, мне стало не по себе: никогда я еще не ночевал в чужом доме. В доме Уэндеров все было мне знакомо, но в опустевших комнатах все время чудились какие-то шорохи и скрипы. Я нашел несколько свечных огарков, зажег их, растопил печку, и потрескивающие поленья немного развеяли мои страхи. Но и внутри дома, и снаружи мне долго еще мерещились странные шорохи и непонятные звуки...

Я сел у стены так, чтобы вся комната была у меня перед глазами. Временами страх подступал к горлу, становился невыносимым, и только мысли о Софи приковывали меня к скамейке. Но я ни на секунду не мог забыть, что снаружи — кромешная тьма, а я здесь один-одинешенек.

Так прошла вся длинная ночь, и ничего страшного со мной не случилось. Где-то среди ночи я набрался храбрости, поднялся со скамейки и прилег на кровать. Долго я смотрел на пламя свечей, с ужасом думая, что будет, когда они погаснут. В конце концов они действительно погасли и... В окна брызнули лучи солнца. Должно быть, я все-таки уснул.

У Уэндеров я нашел кусок черствого хлеба, но вернувшись домой, снова ощутил сильный голод. Впрочем, с едой можно было и подождать. Единственное, чего мне сейчас по-настоящему хотелось, это проскользнуть незамеченным в свою комнату и притвориться, будто я просто-напросто проспал рассвет. Но мне не повезло.

Когда я крался по двору, из кухни меня увидела Мэри и крикнула:

— Скорей иди сюда! Тебя все давно ищут, где ты был?! — и не дожидаясь моего ответа, добавила: — Отец в бешенстве. Немедленно иди к нему, а то будет еще хуже!

Отец сидел с инспектором в комнате, которой мы редко пользовались. Я вошел в самый неподходящий момент: инспектор внешне казался спокойным, но отец был просто вне себя.

Я подошел к нему.

— Где ты был? — спросил он тоном, не сулящим ничего хорошего. — Тебя не было дома всю ночь! Ну? Где ты был, я спрашиваю?!

Я молчал. Он выпалил еще несколько вопросов,но я не ответил ни на один из них, хотя ноги мои дрожали от страха: никогда еще до сих пор я не видел его в такой ярости.

— Ну ладно, — скрипнул он зубами, — никакое запирательство тебе все равно не поможет. Кто была эта эта нечисть, с которой тебя видели вчера?!

Я молчал по-прежнему. Отец стал приподниматься со стула, но тут вмешался инспектор.

— Дэвид, — сказал он вполне миролюбиво, — сокрытие богохульства, в особенности, когда речь идет о подобии человека, вещь очень серьезная, и я хочу, чтобы ты понял это. За подобное укрывательство людей сажают в тюрьму. Долг и обязанность каждого — немедленно сообщить мне о любом о т к л о н е н и и, даже о любом с о м н и т е л ь н о м случае. Здесь же, если только Эрвинов мальчишка не ошибся, речь идет о явном отклонении от НОРМЫ, о самом настоящем кощунстве. Он сказал, что эта... этот ребенок... Словом, что у нее на ноге ш е с т ь пальцев. Это правда, Дэвид?

— Нет, — с трудом выдавил я.

— Он лжет! — крикнул отец.

— Ну что ж, — протянул инспектор, — если это неправда, то ничего страшного не случится, и ты можешь нам честно сказать, кто она и откуда. Ведь так, Дэвид?

Я ничего не ответил ему, да и что мне было сказать? Мы молча смотрели друг на друга.

— Ты не можешь не согласиться со мной, Дэвид, — терпеливо и настойчиво добивался от меня ответа инспектор. — Если все это н е п р а в д а...

— Хватит! — резко перебил его отец. — В конце концов это мой сын, и справиться с ним — мое дело. Ступай к себе! — бросил он мне, даже не взглянув при этом в мою сторону.

Одну секунду я колебался. Я хорошо знал, что означало его "иди к себе", но я знал и то, что в том состоянии, в каком был сейчас отец, он изобьет меня независимо от того, скажу я правду или нет. Я повернулся и пошел к двери. Отец двинулся за мной, прихватив со стола хлыст.

— Это мой хлыст, — ледяным тоном произнес инспектор.

Отец, казалось, не расслышал его. Тогда инспектор встал с места и повторил фразу так, что отец поневоле остановился. Секунду или две он с яростью смотрел на инспектора, потом швырнул хлыст на стол и вышел следом за мной.

Не знаю, где была в это время мать. Может быть, она просто боялась отцовского гнева. Ко мне зашла Мэри, помогла раздеться и лечь в кровать. Она не могла удер-

жать слез. Я же изо всех сил старался держаться стойко, пока она была рядом. Но когда она, дав мне выпить горячего бульона, вышла из комнаты, слезы хлынули у меня из глаз. Я ревел не от боли, вернее не от физической боли, а от стыда и беспомощности: с отчаянием я сжимал в руке прядь каштановых волос, перевязанных желтой лентой, и захлебываясь в рыданиях, бормотал:

— Я ничего не смог сделать... Софи... Я ничего... ничего не смог!

ГЛАВА VI

Вечером, когда мне стало лучше, я у с л ы ш а л, что Розалинда пытается п о г о в о р и т ь со мной. Чувствовал я тревогу и остальных наших. Я рассказал им про Софи, теперь это уже не было тайной. Мой рассказ напугал их, и я постарался растолковать им, что отклонение, во всяком случае, такое маленькое и несущественное, не может считаться кощунством. И все же для них это явилось своего рода шоком. Ведь то, что я говорил, шло вразрез со всеми общепринятыми понятиями о НОРМЕ. Они верили в мою искренность, да и как могло быть иначе? Разговаривая м ы с л я м и, невозможно лгать. Но их поразила сама идея, что кощунство может не быть омерзительным... Переступить через это они еще не могли. Во всяком случае сейчас они не могли ничем мне помочь, и я не очень жалел, когда один за другим они замолкли.

Я был очень измучен, но долго не мог заснуть. Я лежал и представлял себе, что Софи с родителями успели добраться до Джунглей, их преследователи, несолоно хлебавши, повернули обратно, и мое предательство ничем не повредило Софи.

Когда я, наконец, заснул, мой сон был полон кошмаров. В беспорядке мелькали передо мной страшные видения. Вновь мы все собрались во дворе, и мой отец держал за руку Софи, готовясь свершить Очищение... Проснулся я от своего крика, умоляющего отца остановиться... Я боялся заснуть вновь, чтобы не увидеть опять этот кошмарный сон, но все-таки вскоре заснул... Теперь я увидел

другое: вновь, как в детстве, передо мной простирался Город, его дома, улицы и странные блестящие предметы, летевшие по воздуху. Уже много лет я не видел этого во сне, но Город был в точности такой, как раньше, и почему-то этот давно забытый сон успокоил меня...

Мать зашла ко мне на следующий день, но в глазах ее я не увидел ни сочувствия, ни даже сожаления, разве только легкую брезгливость. Ухаживала за мной Мэри. Она запрещала мне вставать с постели весь день, и я молча лежал на животе, чтобы не тревожить израненную спину, соображая, что бы предпринять для побега. Я решил, что лучше всего попробовать достать лошадь, и все утро придумывал, как украсть одну из наших рабочих лошадей, чтобы ускакать на ней в Джунгли.

Днем ко мне заглянул инспектор. Он принес с собой кучу сладостей. Поначалу я хотел было потихоньку расспросить его о Джунглях, разумеется, так, чтобы он не догадался о моих намерениях; будучи специалистом по отклонениям, он наверняка должен был знать о Джунглях больше, чем кто бы то ни было. Но я сразу выкинул эту мысль из головы: он моментально раскусил бы меня.

Говорил он со мной участливо и даже с жалостью, но пришел он не просто меня проведать. Я понял это с первого же его вопроса.

— Скажи, Дэвид, — спросил он, жуя конфеты, — ты давно знаешь дочку этих Уэндеров?

Теперь уже не было смысла скрывать что-либо, и я сказал ему правду.

— А ты давно заметил отклонение у этой самой Софи? — был следующий его вопрос.

— Давно, — прошептал я.

— Ну, примерно, сколько времени ты знал об этом?

— Месяцев шесть.

Брови его приподнялись, и выражение лица стало серьезным и озабоченным.

— Это плохо, Дэвид, — сказал он. — Это очень плохо. Это называется сокрытием преступления, и ты не мог не знать об этом, так ведь?

Я отвел глаза и невольно заерзал под его пристальным взглядом. Ерзанье это причинило мне боль. Превозмогая ее, я постарался объяснить:

— Это... Это было совсем не так, как нас учат в церкви. Эти... пальцы... Они были такие маленькие...

—"И каждая нога должна иметь по п я т ь пальцев..." — продекламировал инспектор, пододвигая ко мне кулек с конфетами. — Ты хорошо помнишь это место из Определений?

— Д-да, — выдавил я с трудом.

— Пойми, Дэвид, каждая часть Определений очень важна, и если кто-либо не соответствует хоть самой малой их части, значит, он не человек. Значит, у него нет души. Значит, он не образ и подобие Господа, а и м и т а ц и я, подделка. А во всякой подделке обязательно есть неточность. Только Богу дано создать истинное свое подобие, а подделки, пусть многие из них выглядят почти во всем похожими на нас, не от Бога. Став старше, — продолжал он, — ты многое будешь понимать лучше, чем теперь, я же хочу знать одно: ты з н а л про отклонение у Софи, знал д а в н о и не сообщил об этом ни мне, ни отцу. Почему?

Поколебавшись, я рассказал ему о том кошмарном сне, который приснился мне давно и повторился нынешней ночью. Инспектор задумчиво посмотрел на меня и кивнул.

— Теперь я понимаю, — протянул он. — Но ведь с кощунствами обходятся совсем иначе, чем с преступлениями...

— А что делают с ними? — быстро спросил я.

Не ответив на мой вопрос, он продолжал:

— Так или иначе, я был обязан упомянуть тебя в рапорте. Но твой отец уже достаточно наказал тебя, так что оставим это... И все же, Дэвид, я хочу, чтобы ты хорошо понял: дьявол плодит отклонения и кощунства среди нас, дабы подорвать нашу веру и сбить с пути истинного. Иногда он так хитер и коварен, что умудряется создавать почти точные копии образов и подобий Господа, и мы всегда должны быть на страже. Долг и обязанность каждого — неустанно искать о т к л о н е н и я, как бы малы и ничтожны они не были, и тут же доносить об этом властям. Запомни это, мальчик, хорошо запомни! Ты понял меня?

Я отвел глаза. Инспектор — это инспектор, лицо, облаченное властью и доверием... И все же я не м о г, не мог

поверить в то, что Софи создал дьявол. Не могу я поверить и в то, что один малюсенький пальчик мог быть тому причиной.

Инспектор ждал моего ответа, и я сказал:

— Софи... Она — мой друг... Самый лучший...

Он вздохнул и покачал головой.

— Верность — хорошее качество. Верность, честь, — он задумчиво потрогал подбородок. — Но бывает л о ж н а я верность, гордыня. Когда-нибудь ты поймешь значение в ы с ш е й верности — Верности Чистоте Расы, и тогда...

Он не успел договорить. Внезапно дверь распахнулась, и в комнату ворвался мой отец.

— Они поймали их! Всех троих! — с торжеством объявил он инспектору. Меня он удостоил лишь мимолетным взглядом, исполненным отвращения.

Инспектор встал, и они оба вышли, а я тупо уставился на захлопнувшуюся дверь. Отчаяние и боль вновь охватили меня с такой силой, что я буквально захлебнулся в рыданиях. Все мое тело конвульсивно содрогалось, что причиняло нестерпимую боль спине, но не эта боль была страшна. Весть, принесенная отцом, была куда страшнее. Грудь сдавила такая тоска, что я перестал дышать, и в голове у меня помутилось. Не знаю, сколько прошло времени, пока дверь не отворилась и не послышались чьи-то шаги. Лежа лицом к стене, я слышал, как кто-то прошел через всю комнату, подошел к кровати и чья-то рука опустилась мне на плечо.

— В этом нет твоей вины, мальчик, можешь мне поверить, — услышал я голос инспектора. — Патруль наткнулся на них по чистой случайности.

Через несколько дней я решился поделиться мыслью о побеге с дядей Акселем. Улучив момент, когда он работал в саду, я подошел к нему и, не зная с чего начать, бряк-нул:

— Я хочу убежать отсюда... Насовсем!

Он бросил свою работу и перевел задумчивый взгляд со своей мотыги на меня.

— На твоем месте я бы не делал этого, — спокойно и веско произнес он. — Вряд ли из этого выйдет что-нибудь путное. Да и потом, куда ты думаешь бежать?

— Об этом я как раз и хотел посоветоваться с тобой, — сказал я.

— Что ж тут можно посоветовать? — пожал он плечами. — Куда бы ты ни сбежал, тебе везде придется предъявлять свою метрику. А в ней кроме, удостоверения твоей НОРМЫ, сказано, кто ты, откуда родом. Где бы ты не оказался, тебе всюду придется показать ее...

— Только не в Джунглях, — оборвал его я.

Он уставился на меня в изумлении.

— В Джунглях?! Но послушай, мальчик... Там... Там ведь нет ни еды, ни питья... Они всегда голодают, потому и вламываются к нам так часто. В Джунглях ты будешь думать только о том, как спасти свою шкуру, и тебе здорово повезет, если у тебя это получится!

Я задумался. Дядя говорил правду. Я чувствовал это. Но решения моего он не поколебал.

— В конце концов должны быть другие места, — сказал я, — какие-то другие земли...

— Ну, разве что тебя возьмут на какой-нибудь корабль, — неуверенно протянул он, — да и то... Нет, — покачал он головой, — поверь моему совету, мальчик, так у тебя ничего не выйдет. Если человек убегает от чего-то, что ему не по сердцу, то где бы он ни был, ему будет так же скверно. Сейчас ты знаешь и чувствуешь лишь то, чего не принимает твое нутро, — и это все. Другое дело, если бы ты знал: чего ты хочешь? Что ищешь? К чему бежишь? Но ведь ты этого не знаешь... Кроме того, поверь мне, я ведь почти старик, здесь еще не самое страшное место на свете. Есть и похуже... Куда хуже... Если ты спрашиваешь совета у меня, Дэви, то я против. Может быть, через несколько лет, когда ты повзрослеешь, я сам, первый, скажу тебе: "Иди!" Но сейчас... Сейчас послушай меня, сынок, не делай этого. Тебя поймают, как котенка, и приволокут назад — только и всего!

Дядя был прав: куда бежать? Куда? Может, пока стоило побольше разузнать о том мире, который лежит там — за Лабрадором? Я спросил Акселя об этом.

— Безбожная земля, — кратко и сухо ответил он.

Такой ответ ничуть не удивил бы меня, услышь я его от отца. Но дядя... Я так прямо и сказал ему об этом.

Неожиданно он заговорщицки подмигнул мне и, усмехнувшись, сказал:

— Ладно, Дэви, ладно... Если ты не будешь болтать, я кое-что расскажу тебе об этом. Но помни, язык надо держать за зубами. Ты понял, сынок?

— Нет, — честно сказал я. — Разве это секрет?

— Ну... не то чтобы секрет, — засмеялся он, — но видишь ли, когда люди привыкают... Привыкают думать, что все происходит так, как им говорят священники и власти, их нелегко убедить в обратном... Во всяком случае я не хочу, чтобы ты даже пытался это делать. Моряки — там, в Риго, — очень скоро это поняли, и говорят они о таких вещах только между собой. Если другим приятно считать, что везде вокруг Лабрадора — Плохая Земля, что ж, пускай так и считают. Это — их дело, хотя это вовсе не значит, что так оно и есть на самом деле. Просто им спокойней так думать... И пусть себе думают...

— Но в книге, которую мы проходим в школе, сказано, что там действительно лишь одна Плохая Земля. Или Джунгли. Выходит, это неправда? — напрямик спросил я его.

— Есть другие книги, в которых написано другое, — ответил дядя. — Но вряд ли ты их увидишь, даже в Риго... И вот еще что, Дэви, запомни: не нужно сразу верить всему, что болтают разные моряки. У них часто даже и не сразу поймешь: об одном и том же месте говорят они порознь или о разных? Другое дело, когда ты сам кое-что повидаешь... Тогда ты поймешь, что мир, целый мир, — гораздо более загадочная штука, чем это кажется здесь, в Вакнуке... Странная штука... Странная и интересная... Так ты мне обещаешь не болтать обо всем? Или я не стану ничего говорить! — спохватился он.

Я пообещал.

— Что знаю я сам наверняка, — сказал Аксель, — это дорогу на юг. Ходил я туда трижды. Выйдя из устья реки, несколько сот миль мы шли вдоль побережья до пролива Ньюф. В самом широком месте пролива есть большое поселение — Ларк. Там можно пополнить запасы пресной воды и провизии, если, конечно, тамошние власти не будут против. После Ларка, держась на юго-восток, а затем опять на юг, мы достигли материка. Это было нечто среднее

между Плохой Землей и Джунглями — я бы назвал эту землю Плохими Джунглями. Там полно всякой растительности и живности, но почти вся она ни капельки не похожа на НОРМУ... Ну, во всяком случае, на то, как мы ее себе представляем. Большинство животных выглядит так, что их даже и не назовешь Преступлениями — для них вообще трудно подобрать названия, настолько они не похожи на встречающиеся у нас. Через день-два пути начинается совсем Плохая Земля. Трудно передать впечатление от нее... Особенно, когда попадаешь туда впервые. Представь себе огромные колосья пшеницы, каждый из которых ростом с дерево. Травы и кусты, растущие на скалах, с корнями, торчащими наружу и шевелящимися на ветру. Скопища грибов, кажущиеся громадными белыми валунами. Кактусы величиной с бочку, с шипами длиной футов десять. Есть там такие... Даже не знаю, как назвать... Словом, это растет на утесах, выступающих из моря, и свешивает длиннющие зеленые лианы вниз, на сотни футов в толщу воды так, что непонятно: то ли это растет на земле и питается водой, то ли, наоборот, это — морское растение, вылезшее зачем-то на сушу. Это земля Зла, и многие, кто повидал ее, поняли, что случилось бы с нами, если бы не законы, которым мы повинуемся. Да, это Плохая Земля, ничего не скажешь. Плохая, но есть... есть и похуже. Живут там и... Тоже не знаю, как сказать... Ну, в общем, в нашем представлении они, конечно, не люди... У некоторых по две пары рук, по семи пальцев на руках и ногах. И странные, невероятные вещи узнаешь там. У них, как и у нас, есть легенды о Древних — как те могли летать, как строили плавучие города, как могли переговариваться друг с другом за сотни или даже тысячи миль... Но что непонятнее и... страшнее всего: и те, у кого по семи пальцев на конечностях, и те, у кого по четыре руки... Словом, все они, считают, что их образ и есть единственно верный, что Древние были именно такими...

Поначалу это, конечно, кажется диким, абсурдным, но чем больше ты встречаешь самых разных Отклонений, твердо убежденных в е д и н с т в е н н о своей правильности, тем меньше... Тем меньше тебе это кажется странным, понимаешь? Ты... Ты начинаешь спрашивать себя: а какие у меня есть доказательства моей

правильности? Почему я так уверен, что это я создан по образу и подобию? И... И вообще, откуда я знаю, что это — образ и подобие? Ведь в Библии ничего не говорится о том, какие были Древние. Библия не дает определения человека. Определения есть в "Откровениях" Никольсона, а сам он утверждает, что писал через несколько веков после Великой Кары. Так откуда же он, Никольсон, спрашиваю я себя, знал, что он сам создан по образу и подобию Божьему? И... знал ли вообще?!

Много чего нарассказал мне тогда дядя Аксель. И хотя все это было очень интересно, но главного, о чем я хотел узнать, я так и не услышал. Наконец, я спросил его напрямик:

— Дядя, а города там есть?

— Города? — переспросил он. — Ну... иногда встречаются поселения вроде наших. Такое, скажем, как Кентак, только дома там строят совсем иначе.

— Да нет, я имею в виду другое, — сказал я, — такие... Большие... — я попытался описать ему Город, часто снившийся мне в детстве. Он посмотрел на меня с удивлением.

— Нет, ничего похожего мне видеть не приходилось, — медленно сказал он и покачал головой.

— Может быть, э т о еще дальше? — спросил я.

— Дальше идти невозможно, — вздохнул он. — Море полно водорослей — таких, что корабль просто не может плыть.

— И ты уверен что... что там нет Города? — разочарованно спросил я.

— Уверен, — твердо ответил Аксель. — Если бы он был, мы бы хоть что-нибудь слышали о нем.

Мне стало очень тоскливо. Выходило, что бежать на юг, даже если и найдется судно, на которое мне удастся попасть, было так же бессмысленно, как и бежать в Джунгли. Если до разговора с дядей у меня еще были какие-то сомнения, то теперь я был твердо уверен, что снившийся мне город был Городом Древних.

Дядя Аксель тем временем что-то бормотал себе под нос про истинные и неистинные подобия, но вдруг замолчал, испытующе посмотрел на меня и спросил:

— Дэвид! Ты понимаешь, зачем я тебе все это рассказываю?

Я не был уверен, что понимаю, и честно признался ему в этом.

— Вот что я хотел тебе объяснить, — начал он, наморщив лоб. — Никто, слышишь, никто на самом деле не знает, какова она — истинная НОРМА. Слышишь меня?! Н и к т о! Они все, — он пренебрежительно махнул рукой, — все, особенно разные там святоши, только думают, что знают, а между тем мы не можем поручиться, что и Древние были истинным образом и подобием Господа! — Произнеся это, он посмотрел на меня долгим и изучающим взглядом... — Поэтому-то я и думаю: кто знает? А может быть, та... то свойство, которым обладаешь ты и Розалинда, не отдаляет вас от НОРМЫ, а, наоборот, п р и б л и ж а е т к ней? Про Древних говорят, будто бы они могли переговариваться друг с другом за сотни и даже тысячи миль. Мы этого делать не умеем, а вот вы с Розалиндой умеете. Ты... Ты подумай об этом, Дэви. Может быть, вы-то как раз и ближе к НОРМЕ, чем мы?

С минуту я колебался и наконец решился.

— Это не только мы с Розалиндой, дядя, — сказал я, — есть еще... другие.

Он вздохнул.

— Другие? Кто? Сколько их?

— Не знаю. В смысле, не знаю, как их зовут, — пожал я плечами. — Просто я знаю, с кем г о в о р ю, как если бы... Ну, стоял с ним и рядом, лицом к лицу... А про Розалинду... Что это именно она, что ее так зовут, я узнал случайно.

Аксель продолжал смотреть на меня в упор, и мне стало не по себе от его серьезного взгляда.

— Сколько вас? — повторил он свой вопрос.

— Восемь, — сказал я. — Было девять, но один з а м о л ч а л примерно с месяц назад. Я как раз об этом хотел тебя спросить, дядя Аксель. Ты не думаешь, что кто-то догадался? Он... так неожиданно з а м о л ч а л, и мы... Мы хотим знать, не догадался ли кто-нибудь? Понимаешь, если кто-то узнал про него... — Я остановился, но Аксель и без меня знал, что было бы в этом случае.

Некоторое время он молчал. Потом покачал головой.

— Нет, Дэви, не думаю, чтобы кто-то узнал. Мы бы давно услышали об этом. Может, он просто уехал отсюда. Кстати, он жил где-то рядом?

— Думаю, что да. Хотя... не знаю точно, — сказал я. — Во всяком случае, он обязательно предупредил бы нас, если бы уехал.

— Но он бы предупредил вас и если бы кто-то докопался до вашей тайны, верно? — возразил Аксель. — Я думаю, с ним случилось... Ну, всякое может случиться с мальчишкой. Так ты хочешь, чтобы я постарался выяснить это, Дэви?

— Да. Пожалуйста, дядя! Мы... Мы все очень боимся! — честно сознался я.

— Ну-ну, пока не стоит особенно переживать, — сказал Аксель. — Я попытаюсь что-нибудь разузнать. Так ты говоришь, это был мальчишка и жил он где-то неподалеку, так? Пропал примерно месяц назад... Может, вспомнишь еще что-нибудь?

Я рассказал ему все, что знал, но знал я очень немного. Впрочем, огромным облегчением было для меня уже одно то, что Аксель обещал мне помочь.

Прежде чем мы расстались с дядей, он еще несколько раз пробурчал что-то о НОРМЕ и о том, что никто не может знать наверняка... Прав ли был он тогда, затеяв со мной этот разговор? Не знаю... Может быть, было бы лучше подождать какое-то время, дать мне созреть... Но, с другой стороны, его слова кое в чем помогли мне — не тогда, а позже, много позже... Ну, а пока я поверил ему лишь в одном — убегать из дома не стоило.

ГЛАВА VII

Появление на свет моей сестры Петры, сопровождавшееся обычной в таких случаях реакцией взрослых, для меня было событием загадочным и удивительным. Недели за две до этого в доме, казалось, все чего-то ждут. Но чего именно? Это было для меня загадкой. От меня явно что-то скрывали, и я чувствовал себя очень неуютно — лишним,

ненужным, чем-то мешавшим остальным, — пока в материной комнате не раздался детский писк. Его нельзя было ни с чем спутать, так мог пищать только младенец, а еще вчера никаких младенцев у нас не было. Но утром следующего дня никто и словом не обмолвился о происшедшем. Это было вполне естественно: до прихода инспектора, который должен был удостоверить, что родившийся ребенок полностью соответствует НОРМЕ, никто не рискнул бы обсуждать свершившийся факт. В случаях если что-нибудь оказывалось неправильным и новорожденному отказывали в официальной метрике, считалось, что никто как бы и не рождался. Таков был порядок.

С рассветом мой отец велел одному из работников оседлать лошадей и ехать за инспектором, до приезда которого все в доме старательно скрывали свое возбуждение и беспокойство и делали вид, что начался самый обычный, будничный день, ничем не отличавшийся от вчерашнего.

Однако волнение домашних становилось все более заметным, особенно, когда посланный человек вместо того, чтобы привести с собой инспектора (как обычно происходило, когда дело касалось столь уважаемого жителя поселка, каким был мой отец), вернулся с запиской. Записка, выдержанная в вежливом, но сугубо официальном тоне, гласила, что инспектор постарается в течение дня выкроить время и заехать к ним.

Даже самый уважаемый и влиятельный житель поселка сто раз подумает, прежде чем ссориться с местным инспектором и оскорблять его во всеуслышание — у того всегда найдется средство рассчитаться с обидчиком.

Отец страшно разозлился, и злоба его бушевала все яростнее оттого, что ему приходилось сдерживать ее. Ситуация никак не позволяла выплеснуть свой гнев наружу — он ведь прекрасно понимал, что инспектор нарочно провоцирует его на скандал. Все утро отец без дела слонялся по дому, срывая растущую злость на том, кто попадался ему под руку, поэтому все домашние ходили буквально на цыпочках. Никто не осмеливался вслух заговорить о рождении ребенка, пока новорожденный не получит Метрику. И чем дольше задерживался официальный осмотр и выдача бумаг, тем больше было времени для всяких домыслов по поводу причины этой задержки. Вы-

нужденные избегать малейшего упоминания о случившемся, все мы делали вид, будто мать лежит в постели из-за легкого недомогания.

Моя сестра Мэри то и дело входила к матери в комнату, а когда выходила оттуда, старалась замаскировать возбуждение и беспокойство грозными окриками на служанок. Я не отходил от дома, не желая упустить момент официального объявления о случившемся. Отец продолжал слоняться по дому, ища выход накопившейся злости.

Всеобщая тревога и возбуждение усиливались еще и от того, что в двух предыдущих случаях Метрики выданы не были. Отец прекрасно знал (знал это и инспектор), что многие в округе гадают: воспользуется ли он полагающимся правом — выгонит ли он мать, если и в третий раз произойдет отклонение? Но не бегать же ему было за инспектором (это было и невежливо, и несовместимо с понятиями отца о собственной значимости), поэтому не оставалось ничего другого, как ждать и верить в благополучный исход.

Инспектор приехал незадолго до полудня. Отец взял себя в руки и с гримасой, отдаленно напоминающей вежливую улыбку, вышел встречать его на улицу. Необходимость быть вежливым выводила его из себя. Инспектор был холоден и спокоен. Он понимал, что на этот раз отец зависит от него полностью. Он прошел в дом, болтая о погоде. Покрасневший как рак, отец подозвал Мэри, и сестра с инспектором вошли в комнату матери. Настала самая томительная часть нашего ожидания.

Потом Мэри рассказала нам, что, подвергая ребенка тщательному осмотру, инспектор все время бурчал что-то себе под нос и неодобрительно хмыкал. В конце концов он закончил осмотр, и на лице его, холодном и бесстрастном, не отразилось ни единого проявления каких бы то ни было чувств.

В гостиной, которой обычно мало кто пользовался, он присел за стол и, жалуясь на испорченное перо, вынул из сумки бланк, на котором твердым почерком написал, что, осмотрев ребенка, он официально подтверждает появление на свет истинного образа и подобия Господа, не имеющего никаких видимых отклонений от НОРМЫ. Последнюю строчку он обдумывал так долго и тщательно, словно у не-

го и впрямь были какие-то сомнения. Подписав бумагу и поставив на ней дату, он некоторое время сидел с пером, застывшим в воздухе, потом присыпал бумагу песком и вручил кипящему от злости отцу с тем же бесстрастным выражением, с которым он вошел в дом. Конечно, никаких сомнений у него на самом деле не было (в этом случае он непременно счел бы нужным проконсультироваться с инспектором более высокого ранга), и отец это прекрасно знал.

Наконец-то о существовании Петры можно было говорить вслух. Меня официально поздравили с тем, что у меня появилась сестренка, и повели в комнату матери, чтобы я поглядел на новорожденную. Она показалась мне такой маленькой и сморщенной, что я даже удивился, как инспектор сумел так быстро закончить свой осмотр. Но коли уж она получила Метрику, значит, все у нее было в порядке.

Пока мы все по очереди подходили смотреть на Петру, кто-то стал звонить на конюшне в колокол — таков был обычай. Все на ферме прекратили работу и собрались в кухне для молитвы и вознесений хвалы Господу.

Два или три дня спустя после выдачи Петре Метрики мне довелось кое-что узнать из истории своей собственной семьи — нечто такое, о чем я бы предпочел не знать вовсе.

Я тихонько сидел в соседней с родительской спальней комнатушке. Сидел я там не случайно — эта маленькая комнатка, которую я облюбовал для себя, в такие часы была последним местом, где меня стали бы искать после полудня, чтобы запрячь в работу. Просидев там немногим более получаса, я обычно дожидался, пока двор опустеет, и потом спокойно шел заниматься своими делами. Обычно сидеть здесь было очень удобно и безопасно, но сейчас нужно было соблюдать осторожность, потому что плетеная перегородка, отделявшая эту комнату от родительской, порядком обветшала и прохудилась. Мне приходилось сидеть, почти не двигаясь, а то мать услышала бы, что в комнате кто-то есть.

В этот день я просидел здесь, как мне показалось, вполне достаточно и уже подумывал о том, чтобы

потихоньку исчезнуть, как вдруг увидел подъезжающую к дому двуколку. Когда она проехала мимо моего окна, я узнал тетю Харриет, державшую в руках вожжи. Я видел ее всего несколько раз в жизни (она жила милях в пятнадцати от Вакнука, где-то возле самого Кентака), но все же она мне почему-то очень нравилась. Она была года на три моложе моей матери, и хотя внешне они были очень похожи, просто как две капли воды, тетины черты лица были гораздо мягче. Несмотря на всю внешнюю схожесть, стоя рядом, они не производили впечатления родных сестер — когда я смотрел на тетю Харриет, мне казалось, что я вижу мать такой, какой она могла бы быть, и главное, такой, какой я хотел бы, чтобы она была. С тетей было гораздо легче разговаривать, в отличие от матери она никогда не слушала тебя так, словно ищет, к чему бы придраться.

Я стоял босиком у окна и видел, как тетя привязала лошадь к изгороди, вытащила из повозки какой-то белый сверток и вошла в дом. В доме ее никто не встретил, и через несколько секунд ее шаги послышались возле спальни. Щелкнула задвижка в спальне, и раздался удивленный и не очень приветливый голос матери.

— Харриет?! Ты? Так скоро? Уж не взяла ли ты с собой и ребенка? Подумать только, заставить такую крошку проделать весь путь от дома до нас!..

— Я знаю, это было не очень разумно, — запинаясь, произнесла тетя Харриет, — но... Что мне оставалось делать? Я должна была, Эмили, слышишь, должна!.. Твоя девчушка появилась на свет немножко раньше моей и... О, вот она! Она... Она просто чудо, Эмили!..

Некоторое время из спальни не доносилось ни звука. Потом Харриет сказала:

— Ты знаешь, моя кроха тоже очень симпатичная. Взгляни, Эмили! Разве нет?!

Вслед за этим наступила секундная тишина, а потом раздались обычные женские сюсюканья, которые уже успели мне за эти дни порядком надоесть. По-моему, оба младенца не могли так уж сильно отличаться друг от друга, во всяком случае настолько, чтобы об этом стоило так долго верещать. Наконец мать сказала:

— Я о ч е н ь рада, Харриет, дорогая. Генри, вероятно, счастлив?

— Ну да, конечно, — ответила Харриет, но по ее голосу даже я понял, что она чем-то очень встревожена. — Она родилась неделю назад, — торопливо продолжала тетя, — и я... Я не знала, что мне делать, пока не узнала, что у тебя преждевременные... И тоже девочка... Я подумала...

Она помолчала, а потом стараясь, чтобы вопрос прозвучал как можно естественнее, словно между прочим, спросила:

— Вы уже получили Метрику для вашей крошки?

— Разумеется! — ответ матери прозвучал, как удар хлыста. Я невольно представил себе выражение ее лица, с которым она произнесла эти слова. Когда она заговорила вновь, голос ее звучал еще резче.

— Харриет! Ты хочешь сказать, что ты еще не получила Метрику?!

В ответ не раздалось ни слова, но мне послышался звук сдавленного рыдания. Холодно и жестко мать произнесла:

— Харриет, дай-ка мне взглянуть на твоего ребенка к а к с л е д у е т!

Несколько секунд я ничего не слышал, кроме всхлипываний тетки. Потом она тихо и неуверенно сказала:

— Ведь это такая малость, Эмили... Я думаю, тут нет ничего страшного...

— Ничего страшного?! — рявкнула мать так, что я вздрогнул. — И ты... Ты посмела притащить своего монстра в мой дом, да еще набраться наглости сказать: "Ничего страшного"!

— Мо... монстра? Ты сказала, мо... — в голосе Харриет звучала такая острая боль, словно ее жгли каленым железом.

— Немудрено, что ты не посмела звать инспектора, — холодно произнесла мать. Выждав несколько секунд, пока тетка не успокоилась, она продолжала — Мне хотелось бы знать, Харриет, зачем ты принесла... э т о сюда? Зачем ты пришла с... э т и м? А, Харриет?

Прежде чем ответить, тетя несколько раз всхлипнула, а когда начала говорить, голос ее звучал тускло и безжизненно.

— Когда она... Когда я увидела ее в первый раз, я хотела убить себя. Я знала, что ее никогда не признают на-

стоящей, хотя отклонение это почти незаметно. Но я не сделала этого, потому что подумала, что сумею как-нибудь спасти ее. Я... Пойми, я люблю ее, она... Она чудесная девчушка, совсем здоровенькая, кроме... кроме э т о г о. Ну, взгляни сама... Взгляни, разве я не права?

Мать молчала, и тетя, вздохнув, продолжала тем же безжизненным голосом:

— Я не знала, просто понятия не имела, как это сделать. Я просто... Просто надеялась. Я знала, что могу продержать ее немного у себя, пока ее не отберут... Ведь по закону дают месяц. Целый месяц... Всего месяц, а потом необходима регистрация и... я решила воспользоваться этим сроком. Держать до последнего...

— А Генри? — перебила ее мать. — Что Генри говорит?

— Он... сказал, что мы должны заявить немедленно. Но я не позволила ему... Я не м о г л а! Эмили, я не могла! Ведь это уже т р е т и й раз! Я держала ее на руках и молилась, молилась и... надеялась. А потом, когда я узнала, что у тебя преждевременные... и тоже девочка, я подумала...

— Что ты подумала? — холодно и удивленно спросила мать. — Какое это может иметь отношение ко мне? Хоть убей, не понимаю, к чему ты клонишь?

— Я подумала, — еле слышно произнесла тетя, — если бы я могла оставить свою крошку у тебя, а с собой взять твою... —

Судя по воплю, который издала мать, она не сумела даже найти слов, которые бы выразили ее омерзение и ужас.

— Да ведь это же только на день-два, не больше!... — торопливо взмолилась тетя Харриет. — Только пока я получу Метрику! Ты... ты же моя сестра, Эмили, моя родная сестра! И только ты можешь мне помочь теперь! Помочь сохранить мою дочь! — Она расплакалась.

Некоторое время мать молчала. Потом она заговорила.

— Никогда в своей жизни, — взвешивая каждое слово произнесла она, — я не слышала ничего более возмутительного! Прийти сюда в надежде, что я... я буду помогать тебе в этом ужасном противозаконном деле!.. Должно быть, ты просто помешалась, Харриет! Подумать,

что я могу о д о л ж и т ь... — она не успела закончить свою речь, как послышались тяжелые шаги отца, прошедшие мимо моей комнатушки и остановившиеся на пороге спальни.

— Джозеф! — с пафосом обратилась к нему мать. — Скажи ей, чтобы она ушла отсюда. Скажи ей, чтобы она убралась прочь и забрала с собой это!

— Но ведь... — озадаченно пробормотал отец. — Ведь это же Харриет!..

Тогда мать подробно, не стесняясь присутствия тетки, рассказала ему все.

— Это... Это правда, Харриет?! — по-видимому, не до конца поверив, обратился к тете отец.

Та помолчала, а потом заговорила устало и обреченно:

— Это уже третий раз. Они опять заберут мою дочь, как забрали первых двух, а я Я не вынесу этого. И Генри... Я уверена, он выгонит меня и найдет себе другую жену, которая родит ему нормальных детей. И тогда для меня все будет кончено. Я пришла сюда в последней надежде... Пришла за помощью или... хотя бы за участием. Если мне и мог кто помочь, так только Эмили... Но теперь я вижу, как это глупо было с моей стороны — прийти к вам! Как глупо было надеяться на вас!

Ей никто не ответил.

— Что ж, я все поняла, — тихо сказала Харриет. — Я... пойду.

Но не такой человек был мой отец, чтобы дать ей просто так уйти. Не мог он упустить случая высказать свое отношение к подобным происшествиям.

— У меня не укладывается в голове, — начал он медленно, постепенно накаляя себя, — как ты могла прийти сюда, в дом, где чтут и почитают Господа, с такой просьбой! Но мало того! Я не вижу на лице стыда! Тебе и впрямь не стыдно?!

— Чего же я должна стыдиться? — неожиданно спокойно спросила в свою очередь тетя Харриет. — Я не совершила ничего постыдного. Нет, мне не стыдно — мне больно. Очень больно, но не стыдно.

— Чего стыдиться? — угрожающе переспросил отец. — Не стыдиться того, что ты произвела на свет кощунство?! Не стыдиться того, что ты пыталась вовлечь свою родную

сестру в преступление, сделать ее сообщницей? — он перевел дыхание и разразился длинной проповедью — Слуги дьявола среди нас, рядом с нами. Они только и ждут случая, чтобы сбить нас с пути истинного. Нет предела их стараниям исказить представление об истинном образе и подобии Творца, и через наши слабые души они стремятся разрушить и осквернить чистоту расы. Ты согрешила, женщина! Загляни себе в душу, и ты поймешь, как тяжело ты согрешила! Твой грех позорным пятном ложится на нас всех! Ты забыла, что всякое отклонение от образа и подобия Божьего есть богохульство! То, что ты произвела на свет, оскверняет...

— Оскверняет? Богохульство? — прошептал Харриет, — Одна несчастная крошка?

— Крошка, которая, случись все так, как ты замыслила, стала бы взрослой и порождала себе подобных. Порождала бы их из поколения в поколение, пока вдруг среди нас не стали бы кишмя кишеть мутанты — поганые и омерзительные! Так случалось в местах, где ослабевала вера людская, но здесь так никогда не случится! Стыдись, женщина!... Теперь иди, и да восторжествует в твоей душе покорность, а не гордыня! Заяви об этом властям, как того требует закон, и молись, молись, дабы снизошло на тебя очищение!

Послышались два легких шага. Ребенок захныкал, когда Харриет взял его на руки. Тетя подошла с малышкой к двери, отодвинула щеколду и внезапно остановилась на пороге.

— Я буду молиться! — с силой сказала она. — Да, я буду молить Господа, чтобы он ниспослал милосердие в этот кошмарный мир! Чтобы он ниспослал сострадание к слабому и любовь к несчастным, которым просто не повезло! И я спрошу его: неужто это и впрямь его воля, чтобы ребенок страдал, а душа его была навеки проклята из-за крохотного изъяна на его тельце?! И еще я буду молить его о том, чтобы разорвалось сердце... сердца у таких вот праведников!..

Хлопнула дверь, и я услышал, как тетя прошла по коридору. Я осторожно подошел к окну и увидел, как она вышла из дому, подошла к двуколке и бережно опустила

белый сверсток на повозку. Несколько секунд она стояла, пристально глядя в одну точку, потом отвязала лошадь от изгороди, взобралась на сиденье и положила сверток к себе на колени, одной рукой держась за вожжи, а другой бережно прижимая ребенка к груди.

Она обернулась, и картина эта навсегда осталась в моей памяти: малыш, прижатый к ее груди, расстегнутая накидка, открывающая шею, невидящие глаза на застывшем, как маска, лице...

Она тронула вожжи, и двуколка покатилась.

Из соседней комнаты доносился голос отца.

— Ересь! Самая настоящая и неприкрытая ересь! — никак не мог успокоиться он. — Попытку подлога еще можно как-то понять — в такой период женщине могут прийти в голову самые идиотские идеи. Но ересь — это дело другое! Она не только бесстыдная, но и опасная женщина! Никогда бы не заподозрил столь явную ересь в твоей родной сестре... И как она могла подумать, что ты пойдешь на это? Ведь она знала, что ты сама дважды была вынуждена... Ну, ты понимаешь, о чем я... М-да, так открыто произносить еретические речи в моем... м о е м доме! Ну нет, это ей даром не пройдет!

— Может, она просто не соображала, что говорит? — робко попыталась возразить мать.

— Ну теперь-то ей придется сообразить! И наш долг проследить за этим, — твердо сказал Джозеф Строрм, мой отец.

Мать пыталась сказать еще что-то, но неожиданно расплакалась. Никогда до сих пор я не слышал, чтобы она плакала, никогда не видел ее слез. Отец, не обращая на нее никакого внимания, продолжал разглагольствовать о твердости веры, чистоте помыслов и особой важности этой чистоты для женщин... Все это я слышал уже не раз и не два, и никакой охоты слушать дальше у меня не было. Никем не замеченный, я прокрался по коридору и вышел из дома.

Честно говоря, мне тогда очень хотелось узнать, что же это была за "малость" у дочки тети Харриет. Может быть, думал я, это был лишний палец на ножке, как у Софи? Но мне так и не довелось узнать, что это было...

Когда на следующий день до нас дошел слух, что тело тети Харриет нашли в реке, никто и словом не обмолвился о ребенке, будто его и не было вовсе...

ГЛАВА VIII

Несколько ночей подряд мне снилась Харриет, лежащая на дне реки, прижимающая белый сверток к груди. Глаза у нее были широко раскрыты, волосы струились по течению, лицо белое, как мрамор... Я был очень напуган всем этим. Ведь все случилось оттого что ребенок был чуть-чуть не такой, как все. У него было что-то лишнее или, наоборот, чего-то нехватало, и это не соответствовало Определению Человека. Была какая-то "малость", которая делала его...

Отец назвал его мутантом... Мутант! Я вспомнил обрывки текстов, которые мне приходилось заучивать в школе. Вспомнил обращение пришедшего к нам как-то раз по какому-то делу священника — ненависть и ярость были в его голосе, когда он произносил: "Будь прокляты мутанты!"

Мутант — значит проклятый... Мутант — исчадие дьявола, постоянно пытающееся разрушить порядок на земле и ввергнуть нас в пучину хаоса. Превратить всю землю в Джунгли, где нет закона, совсем как на юге, в тех землях, про которые мне рассказывал дядя Аксель...

Я молился горячо и усердно много ночей подряд.

— Господи, — шептал я, — сделай меня таким, как все. Я не хочу быть другим, не хочу ничем отличаться от остальных! Сделай так, чтобы завтра я проснулся таким же, как все! Сделай это, ведь тебе же ничего не стоит!..

Но каждое утро я по-прежнему н а х о д и л Розалинду или еще кого-нибудь из наших и убеждался в том, что мои ночные молитвы опять ничего не дали. Я просыпался точно таким, каким засыпал, и шел на кухню, и ел свой завтрак, уставившись на испещренную надписями стену, которая теперь перестала быть для меня частью домашней утвари, а превратилась в постоянный укор мне: "Мутант проклят Богом и людьми!". Я был очень напуган...

Дней пять спустя Аксель остановил меня как-то раз после завтрака и попросил помочь ему почистить лемех от плуга. Несколько часов мы работали молча, а потом он предложил передохнуть, и мы уселись на крыльце дома, прислонившись спинами к стене. Он угостил меня пирогом, и когда мы дожевывали последние куски, сказал:

— Ну, Дэви, выкладывай.

— Что выкладывать? — вздрогнул я.

— Что на тебя нашло в последние дни? Я прекрасно вижу, что ты будто потерял кого-то и никак не можешь найти, — спокойно и неторопливо ответил он. — Говори, говори, не бойся. Может, кто -то узнал?

Я рассказал ему про тетю Харриет и ее ребенка.

— Ее лицо... когда она уезжала... — бормотал я, всхлипывая. — Я никогда раньше не видел такого... т а к о г о лица. Я и сейчас его вижу... там... в воде!

Я поднял глаза на дядю. Выражение его лица было мрачным. Углы губ опущены. Таким я его еще никогда не видел.

— Вот оно что... — процедил он сквозь зубы.

— Все это случилось, потому что ребенок был не такой, как все, понимаешь? И так же было с... с Софи!.. Тогда я не понимал... Но теперь я... Я боюсь!.. Что они сделают со мной, если узнают?

— Никто никогда не узнает! — сказал Аксель, положив руку мне на плечо. — Никто и никогда! — твердо повторил он.

— Был же среди нас один, который вдруг исчез, — напомнил я ему. — Может, про него узнали?

Он отрицательно мотнул головой.

— Тебе не стоит тревожиться о нем, Дэви. Я узнал, что один парень неподалеку отсюда как раз в то время, о котором ты говорил, погиб... Случайно... Его звали Уолтер, Уолтер Брент, лет девять ему было. Не повезло парнишке: слонялся возле лесорубов, ну, его и придавило деревом ненароком.

— А где это было? — спросил я.

— Милях в десяти от нас. На соседней ферме.

Я задумался. Вроде все сходилось, и это мог быть как раз тот случай, когда один из наших неожиданно замолк. Не желая зла этому неведомому Уолтеру, в глубине души

я страстно хотел, чтобы погибшим оказался именно он — один из наших.

Аксель помолчал, наблюдая за мной. Потом сказал.

— Вовсе не обязательно, чтобы кто-то узнал про вас. Ведь это не видно... Ну, снаружи не видно... Узнать могут только, если ты сам себя выдашь. Поэтому ты должен быть очень осторожен, Дэви!

— Что они сделали с Софи? — спросил я его, точь-в-точь как в первый наш разговор, но,. как и прежде, он пропустил этот вопрос мимо ушей и заговорил о другом.

— Запомни то, что я тебе сейчас скажу, Дэви. Все думают, что они созданы по образу и подобию, но никто не знает наверняка. Я твердил тебе это в прошлый раз, но ты... тебя тогда интересовало другое. Пойми, даже если Древние были такие, как я и все мне подобные, что с того? Ну да, я знаю все эти сказки про них: какие они были могущественные, как был велик и прекрасен их мир, и как однажды когда-нибудь мы вернем себе все, что когда-то утратили. Во всем этом, конечно, полным-полно чепухи. Но даже если в этом есть и немало правды, подумай, Дэви, что хорошего в том, чтобы слепо повторять их путь — идти за ними след в след? Подумай, где теперь этот их прекрасный мир?

— Их постигла Кара, — машинально повторил я слова многих проповедей.

— Ну да, ты запомнил то, что говорил священник. Так написано и в церковных книгах, и это легко повторять, но совсем не просто понять, особенно если ты кое-что повидал своими глазами. Кара не просто буря или там пожар, наводнения вроде тех, что описаны в Библии. Это как будто все, вместе взятое, и в то же время... гораздо худшее. Гораздо более страшное. От этого возникли и руины, светящиеся по ночам, и Черные Берега и Плохие Земли... Чего я не понимаю сам, так это странных вещей, которые это сделали с оставшимися в живых...

— Но ведь Кара... — начал было я.

— Пустое слово, — нетерпеливо отмахнулся Аксель. — Пустой звук, который ни черта не объясняет. Слово это, конечно, очень удобно для священников: ведь если не объяснить все чудом, многие начнут думать. Они могут спросить себя: "Что мы делаем? Чему молимся? Кто на

с а м о м д е л е были эти Древние? Что такого ухитрились они сделать? Чем навлекли на мир такую напасть? И, главное, не случится ли так, что построив в конце концов мир таким, каким он был, мы навлечем на себя, точь-в-точь как Древние, т о ж е с а м о е ?"

— Но, дядя, — подумав, сказал я, — если мы не станем стараться быть похожими на Древних и создавать то, что они утратили, что же нам тогда вообще остается делать?

— Стараться быть такими, какими мы родились. Создавать н а ш мир, а не утраченный кем-то когда-то, — ответил он. — Н а ш, понимаешь, Дэви?

— Не очень, — честно признался я. — Ты хочешь сказать, что не стоит придавать значения отклонениям и... вообще Чистоте Расы?

— Не совсем так, — подумав, ответил он. — Одну ересь ты уже выслушал от своей тетки, ну так выслушай же еще одну и от дяди... Как ты думаешь, Дэви, что делает человека человеком?

Я автоматически начал перечислять определения. Он оборвал меня, не дав произнести и пяти слов.

— Не то, Дэви, совсем не то. Можно слепить восковую фигурку, у которой все будет в точности таким, как ты сейчас сказал. Но ведь она останется всего лишь фигуркой из воска, не так ли?

— Так, — вынужден был согласиться я.

— Нет, — сухо ответил он. — Ты опять повторяешь чужие слова — слова священников и... разных там... Словом, дело совсем не в этом. Постарайся понять и услышать меня: чем лучше работают у человека мозги, тем большую ценность он представляет как человек. Тем большего о н с т о и т. Понял?

— Нет, — сознался я.

— Ладно, попробую иначе. Видишь ли, Дэви, человек обрел свой внешний облик задолго до того, как он узнал, что он человек. Это внутри у него что-то случилось, что сделало его человеком. Он нашел в себе то, чего нет у остальных тварей, живущих на земле, — разум. Разум поднял его надо всеми, как бы... на другую ступеньку, что ли... И вот теперь, как мне кажется, так или иначе, но ты, Розалинда и все ваши обрели новое свойство, новое...

качество разума. И просить Бога, чтобы он отобрал у тебя это свойство, все равно, что просить его сделать тебя слепым или глухим. Я знаю примерно, что у тебя сейчас вертится на языке, Дэви, но жить в страхе, все время бояться — невозможно. Да и не нужно. Конечно, все не так просто и даже... немного опасно. Но ты должен трезво взглянуть на вещи, мальчик, и должен сам для себя определить: какую пользу для себя и остальных ты можешь извлечь из своего... свойства. Соблюдая при этом, конечно, осторожность.

Разумеется, я не все понял из того, что он мне сказал. Но кое о чем я задумался, а многое стало понятно мне позже, когда Мишель (первый из нас) начал ходить в школу.

Вечером, после разговора с Акселем, я р а с с к а з а л остальным нашим про Уолтера Брента. Всем нам было жаль его, но мы испытали огромное облегчение, узнав, что это был только несчастный случай — нелепое и случайное происшествие. Кстати, позже я узнал о довольно странном совпадении: этот Уолтер приходился мне дальним родственником — фамилия моей бабки по материнской линии была Брент.

После истории с Уолтером мы решили назвать друг другу наши имена, чтобы больше никогда уже не мучиться неизвестностью.

Теперь нас было всего восемь. Впрочем, восемь тех, кто мог свободно р а з г о в а р и в а т ь. Были и другие, которых мы иногда у л а в л и в а л и, но их попытки были столь слабыми и неумелыми, что в расчет мы их не принимали. Они были... как бы и зрячими, но лишь настолько, чтобы отличить день от ночи.

Кроме меня и Розалинды были еще: Мишель, живший милях в трех к северу от нас, Салли и Кэтрин, жившие в милях двух от него, и уже почти на самой границе с прилегающим округом — Марк; Анна и Рэйчел — две сестры — жили на большой ферме, отстоявшей от нашей всего на милю-полторы. Анна была самая старшая среди нас — ей недавно исполнилось тринадцать. Погибший Уолтер был самым младшим.

Узнав, как кого зовут, мы совершили второй шаг на пути, ведущим нас к сознанию своей обособленности. Этот

наш поступок в какой- то мере ослабил боязнь: каждый перестал так сильно ощущать свое одиночество и мог теперь рассчитывать на поддержку остальных. Шло время, и надписи на стенах в нашем доме, обличающие и проклинающие мутантов, перестали вызывать у меня мучительный страх. Они опять превратились в необходимую, хотя и не слишком приятную, часть нашего домашнего обихода. Правда, воспоминания о Софи и тете Харриет не исчезали, но и они перестали быть такими болезненными, как раньше. А вскоре в моей жизни наступили такие перемены, что у меня уже просто не было времени предаваться тревожным воспоминаниям, бередящим душу.

В нашей школе, как я уже говорил, мы в основном выписывали и заучивали наизусть тексты из Библии и "Откровений", которые даже не всегда понимали. Очень немного времени уделялось арифметике. Так что знаний в школе мы получали очень мало. Родителей Мишеля это не устраивало, и они отправили сына в другую школу, в Кентак. Там он начал узнавать о таких вещах, о которых наши старушки, учившие нас простейшим арифметическим правилам, даже не слыхивали. Естественно, ему хотелось поделиться с нами всем, что он узнавал сам. Поначалу это получалось у нас неважно — расстояние между нами теперь было гораздо большим, чем то, к которому мы привыкли, и голос его сперва был слышен неясно. Но недели через две все как-то наладилось, и он уже мог подробно рассказывать нам все, что знал сам. Даже кое-что из того, чего он сам не вполне понимал и усваивал, становилось яснее и понятнее, когда мы начинали размышлять все вместе.

Это было жутко здорово — узнавать все новые и новые вещи. Я начинал понимать многое из того, что пытался втолковать мне Аксель, но что раньше было для меня почти пустым звуком. Но все это еще в большей степени вынуждало нас таиться и быть постоянно начеку — я чувствовал, что от этого ощущения мне уже не избавиться никогда. Было очень трудно все время помнить, что можно говорить, а что нет. Стоило огромного труда промолчать, слушая безграмотные разглагольствования старших, выслушивая нелепейшие объяснения самых простых и

очевидных вещей, делать те или иные вычисления, зная, что есть другой способ добиться того же результата, гораздо более легкий и удобный...

Случалось, мы бывали неосторожны: порой чьи-то соседские брови недоуменно хмурились, когда у кого-то из нас вырывалась непроизвольная реплика, словцо... Но подобных ошибок с нашей стороны становилось все меньше и меньше, потому что чувствительность к опасности росла в нас с каждым днем. И так вот, находясь в постоянном напряжении, всегда начеку, мы прожили шесть лет, не вызвав ни у кого прямых подозрений. Может быть, так продолжалось бы и дальше, если бы в один прекрасный день мы не обнаружили, что нас уже не восемь, а девять.

ГЛАВА IX

Самое странное для нас было то, что девятой оказалась моя маленькая сестренка — Петра. Она была такой обычной, такой н о р м а л ь н о й, что никому и в голову не могло прийти, что она — одна из нас. Прелестная, жизнерадостная девчушка с золотистыми локонами... Я и теперь легко могу представить ее себе такой: чистенькая, всегда нарядная, ни секунды не сидящая на месте, носящаяся по двору и таскающая за собой косоглазую куклу — самую свою любимую, хотя и довольно уродливую игрушку. Она и сама была, как игрушка, чудная, забавная игрушка, как и все дети, немного капризная, с мгновенными переходами от слез к смеху, от обид к радости. Я очень любил ее, да и все, даже отец, готовы были в любой момент оторваться от дел, чтобы приласкать ее. И никогда бы мне в голову не пришла мысль о какой-то ее необычности, если бы однажды...

Нам всем тогда очень хотелось пить. Мы косили траву вшестером — я и пятеро работников с нашей фермы. Я остановился передохнуть и протянул свою косу соседу, желая поменяться с ним, как вдруг меня ударило... Никогда мне не доводилось испытывать ничего похожего. Всего секунду назад я, не торопясь, выпустил из рук косу и с удовольствием потянулся, а в следующий момент что-то

физически ударило меня, словно внутри головы что-то взорвалось. Я буквально пошатнулся от этого удара. Потом пришла боль — сильная боль, неудержимо, помимо моей воли толкающая меня вперед, причем в первые несколько мгновений я даже не думал, идти мне или нет — я просто подчинился этой, зовущей и толкающей меня вперед, боли. Под удивленными взглядами всех, кто был со мной рядом, я стремительно пересек поле и побежал. Я не отдавал себе отчета в том, почему я бегу именно в этом направлении — через овраг, вдоль забора, вниз к пастбищу и к реке...

Продираясь сквозь заросли, краем глаза я видел поле, примыкающее к реке, поле Ангуса Мортона с тропинкой, рассекающей его посередине, которая вела к мостику... По этой тропинке неслась, как сумасшедшая, Розалинда. Я спустился к реке и побежал вниз по течению — туда, где было много глубоких омутов. Что-то по-прежнему неудержимо толкало меня вперед, хотя сознание мое отказывалось понимать, куда и зачем я бегу. Река в этом месте дважды образовывала небольшие заводи. Я подбежал ко второй и с разбегу нырнул в нее. Через секунду я оказался лицом к лицу с Петрой, которая бултыхалась в воде, уцепившись за растущий на берегу возле самого краешка реки куст. Куст еле-еле держался на земле остатками корней, еще минута — и он сорвался бы в воду. Сделав несколько взмахов руками, я подплыл к Петре и обхватил ее под мышками.

Боль, не покидавшая меня все это время и толкавшая сюда, сразу прошла. Я вытащил Петру из воды и усадил на берегу. Только тогда я оглянулся и увидел рядом с собой Розалинду. Лицо ее выражало сильнейшую тревогу, и она глядела на меня с немым вопросом.

— Кто это был? — выговорила она наконец дрожащим голосом и приложила трясущуюся руку ко лбу. — Кто мог так сделать?

Я коротко объяснил, как было дело.

— Петра? — недоверчиво переспросила она.

Я уложил сестренку на траву. Она была почти без сознания, но дышала уже ровно. Ничего страшного с ней как будто не случилось. Розалинда подошла к нам и тоже наклонилась над Петрой. Мы молча глядели на вымокшее

платье девчушки и потемневшие от воды кудряшки. Потом мы отвели глаза от Петры и поглядели друг на друга.

— Я и понятия не имел, — сказал я, — никогда бы не подумал, что она одна из нас.

Розалинда прижала ладони к лицу и неуверенно провела кончиками пальцев по лбу. Потом она покачала головой и посмотрела на меня очень внимательно: в глазах ее еще отражалась боль от испытанного только что удара.

— Она не одна из нас, — прошептала Розалинда. — Она... что-то вроде нас, но... не такая. Никто из нас не сумел бы так приказать. Она... Она что-то большее, чем мы...

В это время к нам уже подбегали люди, кто-то заметил, как я сломя голову мчался по полю, кто-то видел Розалинду, выскочившую из дому, как на пожар. Я взял Петру на руки, чтобы отнести домой. Один из наших работников, с которым я был на косовице, озадаченно смотрел на меня, пытаясь что-то сообразить.

— Как это ты узнал, что она здесь? — наконец проговорил он. — Я не слышал ни звука, а ведь был рядом с тобой.

Розалинда мгновенно обернулась к нему. На лице у нее было написано крайнее изумление.

— Не слышали ни звука? — самым естественным тоном переспросила она. — Да она же орала, как будто ее режут! Ее и глухой бы услыхал миль за десять!

Работник с сомнением покачал головой, но мы с Розалиндой уверенно твердили свое, и нам как будто поверили. Я не стал продолжать этот разговор и постарался как можно скорее уйти.

Той же ночью впервые за многие годы, я вновь увидел свой старый сон — О ч и щ е н и е. Только на этот раз, когда нож сверкнул в правой руке отца, левой рукой он держал не теленка, не Софи, а... Петру! Я проснулся в холодном поту...

На следующий день я пытался поговорить с Петрой — п о г о в о р и т ь мысленно. Я ужасно хотел объяснить ей, как важно, чтобы она держала свое умение передавать мысли в секрете и ничем себя не выдала. Я старался долго, но у меня ничего не выходило: никакого контакта у нас с

ней не возникало. Ко мне присоединились все наши, старались терпеливо, но безрезультатно. Я хотел было предупредить Петру обычными словами, просто поговорить с ней, но Розалинда была против.

— Скорее всего она сумела это сделать, потому что здорово испугалась, — сказала Розалинда. — Если она сейчас не отвечает нам и вообще никак не р е а г и р у е т, то, по-моему, она просто не понимает, что с ней произошло... И не помнит. Поймите, в этом случае ее нельзя посвящать в нашу тайну! Не надо! Ей всего шесть лет, и подвергать ребенка такому риску просто нечестно!

В конце концов мы все согласились с этим. Мы знали, как трудно следить за каждым своим словом, даже когда ты уже привык к этому. Мы решили отложить разговор с Петрой, пока какой-нибудь случай не сделает этот разговор неизбежным или пока она не подрастет настолько, чтобы понять, о чем мы хотим ее предупредить. Пока же мы решили время от времени пробовать г о в о р и т ь с ней, и если нам так и не удастся установить с ней контакт, пусть все идет своим чередом.

За последние годы мы многое узнали о людях, живущих рядом с нами, о том, чем и как они живут. То, что раньше казалось забавной игрой, пусть немного опасной, но все же игрой, превратилось для нас в хождение по краю пропасти. Мы твердо знали: для того, чтобы выжить, мы должны ничем не отличаться от остальных — есть, пить, разговаривать и вообще жить точь-в-точь, как они. Мы были наделены особым чувством, которое, как говорил Мишель, можно было бы назвать счастливым даром, но для нас, в мире, где мы родились, оно было скорее проклятием. Самый тупой и ограниченный человек в округе был счастливее нас — ведь он был таким, как все. Мы же были д р у г и м и и поэтому были обречены на вечное молчание, скрытность, ложь. Бесперспективность такого существования, невозможность делать то, что было назначено нам природой, вынужденное молчание, когда мы могли бы сказать гораздо больше, чем другие, — все это особенно сильно действовало на Мишеля.

Его более развитое, чем у нас, воображение заставляло его видеть всю бессмысленность такой жизни, всю невозможность какого бы то ни было выхода, и поэтому ему

было гораздо тяжелее, чем нам. Что касается меня, то нынешнее положение дел меня вполне устраивало. Я лишь изредка начинал ощущать всю нелепость нашего прозябания, но когда эти мысли приходили мне в голову, их тут же гасило обостренное чувство опасности, которое с возрастом стало частью моей натуры. В особенности это чувство обострилось после одного самого обычного летнего дня, примерно за год до истории с Петрой.

Это было скверное лето. Так же, как и Мортоны, мы лишились трех полей, всего же в районе выжгли в тот сезон около тридцати пяти. За последние двадцать пять лет никто не помнил такого количества отклонений у злаков. Каждую неделю кого-то тащили в суд за умышленное сокрытие урожая с отклонениями или за недонесение о преступлении среди скота. В довершение ко всему нам пришлось трижды отбиваться от нападений из Джунглей.

Как раз после третьего рейда я обратил внимание на старого Джейкоба, выкорчевывавшего что-то у себя в саду.

— Что это? — спросил я, остановившись возле его изгороди.

Он воткнул мотыгу в землю и облокотился на нее. Сколько я его помнил, он все время что-то полол и выкорчевывал в огороде и саду, и представить его себе за каким-нибудь другим занятием было просто невозможно. Он повернул ко мне свое морщинистое лицо, обрамленное седыми космами волос, сливающимися с такими же седыми бакенбардами.

— Бобы, — кратко сказал он. — Теперь эти чертовы бобы у меня неправильные. Сперва картошка, потом помидоры, теперь вот эти чертовы бобы. В жизни еще не видел такого лета! Ну картошка, помидоры — это еще куда ни шло. Но где, черт возьми, видано, чтобы и бобы стали неправильными?!

— А вы уверены, что они неправильные? — спросил я его.

— Уверен? — возмущенно фыркнул он. — Что ж я, по-твоему, в мои-то годы не знаю, какими должны быть настоящие бобы? — он злобно покосился на свой огород.

— Да, лето действительно неважное, — поспешил согласиться я.

— Неважное! — передразнил он меня. — Да это же черт знает что такое! Недели работы — кошке под хвост!

Свиньи, овцы, коровы жрут за милую душу все, что для них заготовили, и все затем, чтобы породить на свет проклятую Богом нечисть. Люди слоняются без дела, того и гляди что-нибудь стащат, и приходится следить за своими же работниками вместо того, чтобы заниматься делом. Даже мой сад — мой — и тот полон отклонений. Что и говорить, худое лето. Но то ли еще будет, помяни мое слово! — выкрикнул он с мрачным злорадством. — То ли еще будет!

— Почему? — спросил я.

— Это неспроста! — твердо выговорил он. — Это Кара, и они это заслужили! Ты только глянь — кругом одна распущенность! Взять хоть молодого Теда Норбета: отделался небольшим штрафом за то, что скрыл приплод у овцы — десять ублюдков. Да еще успел сожрать их всех, кроме двух, прежде чем на него донесли. Если бы только его отец увидел такое! Да он бы из гроба встал! Знаешь, что бы он получил за то же самое? Ну, он-то, конечно, никогда такого бы себе не позволил, даже в мыслях — это я тебе так, к примеру... Не знаешь?! Так я тебе скажу: его публично бы прокляли в неделю покаяний и отобрали бы десятую часть всего имущества! Вот так-то... Поэтому в мое время таких вещей не случалось. А теперь... — он махнул рукой. — Что им какой-то штраф! И вот так повсюду — распущенность, попустительство, никаких устоев... Но с Богом шутки плохи! Нам грозит новая Кара, помяни мое слово, и это лето — только лишь начало! Ты знаешь, я рад, что уже стар, и даст Бог, умру своей смертью. Но Кара грядет — она уже не за горами, помяни мое слово!.. А все горе в том, — продолжал он, переведя дух, — что все правительственные регламенты пишутся слабодушными балаболками там, на востоке. Все эти политиканы с востока никогда не жили в таких местах, как наши. Что ж они там могут знать? Они и мутанта-то в глаза не видали, вот и сидят и пишут черт те что! Не-ет, такой сезон, как нынешний, — он неспроста! Это предупреждение всем нам, помяни мое слово! — он опять махнул со злобой рукой и, отдышавшись, вновь разразился тирадой.

— Как, по-твоему, добились мы того, что юго-запад стал богоугодным местом? Как мы справились с мутантами здесь? Как сохранили веру? Не знаешь? Ну так я тебе ска-

жу: уж, во всяком случае, не какими-то штрафами... Нет! Это делалось по-другому! Твердой рукой искоренялся грех, и если уж кого наказывали, то его н а к а з ы в а л и, да так, чтоб другим неповадно было. Когда мой отец был юнцом, женщину, произведшую на свет мутанта, били кнутом. Если же она трижды была повинна в этом, у нее отбирали Метрику, объявляли вне закона и продавали в рабство. Только так можно добиться Твердости Веры и Чистоты Расы. Отец мне говорил: в его время было гораздо меньше всякой нечисти, а все потому, что если попадалась такая дрянь, то ее с ж и г а л и, как сейчас сжигают отклонения!

— Сжигали?! — ошеломленно воскликнул я.

— А разве не так очищаем мы землю от разной нечисти? — сощурившись, спросил он меня.

— Ну да, — пробормотал я. — Но ведь это землю... То есть, я хочу сказать... Разные там растения или животные, а... тут ведь другое...

— Это "другое" еще хуже! — выкрикнул он. — Это же сам дьявол смеется над образом и подобием Господа! Их надо сжигать, как это делалось раньше! Но ка-ак же? — он издевательски растянул рот до ушей. — Ведь эти слюнтяи в Риго, которые... Словом, они ведь говорят, что, мол, хоть и не люди, но выглядят почти как люди, и поэтому их уничтожение будет вроде убийства. Дескать, это может многих отпугнуть. Вот из-за них-то, слюнтяев, которых это, видите ли, может "отпугнуть", у нас теперь новые порядки. Теперь, видите ли, этих "похожих на людей" можно только лишь изгонять в Джунгли, а младенцев просто относить туда и оставлять на волю провидения. Это, по-ихнему, более милосердно! Слава Богу, у правительства хватает ума не давать им размножаться. Но готов спорить на что угодно: есть среди властей такие, которым и это не по вкусу. А в результате — больше набегов из Джунглей, значит, больше денег уходит на все эти рейды! Да-а, то ли еще настанет!.. Какого же черта, хотел бы я знать, тогда орать: "Проклятье мутантам!", если мы обращаемся с ними, словно они наши родственники? А?

— Но ведь... мутант не виноват, что он родился таким, — попытался возразить я.

— Не виноват?! — рявкнул Джейкоб. — Скажи-ка, а тигр виноват в том, что он тигр? Ведь нет же, но ты убиваешь его, или он убьет и сожрет тебя! Не-ет, по мне лучше старые добрые времена, когда человеку было позволено выполнять свой долг и жить в чистоте. А теперь... — он махнул рукой в очередной раз. — Мы навлечем на себя новую Кару, помяни мое слово...

Он долго еще бормотал, что-то выкрикивал и размахивал руками, как древний пророк, но я уже плохо вслушивался в его речь... Слишком уж страшно все это звучала... Я уже давно отошел от него, а он все никак не мог успокоиться.

Отыскав в тот же день Акселя и коротко передав ему то, что я услышал от Джейкоба, я спросил, много ли еще таких, как этот фанатик. Аксель задумчиво почесал затылок.

— Думаю, разве что несколько стариков, — ответил он. — Они ведь не забыли еще то время, когда не было никаких инспекторов и каждый сам решал, как ему жить. Правда, есть и помоложе... Но большинство вряд ли захочет возврата к прежним временам. Уже многие не так придирчивы к отклонениям, как их отцы и деды, да и вообще сейчас мало сторонников крайних мер. Большинству хватает того, что мутантам не дают размножаться, но скажу тебе честно: дай им еще пару таких урожаев, как нынешние, и они не будут сидеть сложа руки.

— Но почему? Дядя, почему выдаются сезоны, когда столько отклонений сразу? — спросил я.

— Не знаю, — пожал он плечами. — Говорят, это как-то связано с погодой. Говорят, когда сильная зима и ветер с юго-запада, отклонений больше. Но не в первый сезон после такой зимы, а через один. Говорят, ветер приносит что-то с Плохой Земли, но никто не знает, что это такое. Старики думают, будто это знак, вроде как напоминание о Каре. Они говорят, что, мол, будет еще хуже, потому что мы свернули с пути истинного. Следующий год будет еще хуже, и больше станет людей, прислушивающихся к подобным речам... Будут искать, на ком бы выместить свою злобу.

Последние слова он выговорил медленно и отчетливо, не сводя с меня внимательного и задумчивого взгляда.

Я понял намек и рассказал обо всем н а ш и м. Аксель оказался прав: следующий год был не лучше предыдущего, и люди все ревностнее искали козлов отпущения. К укрывательствам отклонений стали относиться уже не так небрежно, как это бывало раньше, и все эти события усилили нашу тревогу (а она и так была немалой) — тревогу за Петру.

Целую неделю после истории на реке мы в страхе ждали, что начнутся новые расспросы, но вроде бы все обошлось. По-видимому, так как нас было двое — я и Розалинда — и прибежали мы с разных сторон, нам поверили. Это успокоило нас. Но ненадолго. Прошел месяц, и мы столкнулись с новой неожиданностью.

Анна объявила, что выходит замуж...

ГЛАВА X

Когда она впервые сказала нам об этом, мы сразу почувствовали в ы з о в в ее тоне. Поначалу мы не восприняли это всерьез. Трудно было в это поверить, и мы все были уверены, что это всего лишь шутка. Во-первых, ее избранником, как она сказала, был Алан Эрвин, тот самый Алан, который донес на Софи. И потом, у родителей Анны была хорошая ферма, немногим меньше, чем весь Вакнук. Алан же был сыном простого кузнеца и стать он мог только кузнецом, как его отец. Внешне он вполне подходил для этой работы — был высок и силен, но на этом все его достоинства кончались. Было ясно, что родители Анны не одобрят ее выбор, поэтому сначала мы не особенно беспокоились. Но, как оказалось, напрасно.

Каким-то образом она сумела уговорить мать и отца, и скоро мы узнали, что свадьба Анны и Алана — дело решенное. Это был гром среди ясного неба. Волей-неволей, а мы были причастны к происходящему, нас не могло не коснуться это событие, и, несмотря на нашу молодость, мы ясно представляли себе, чем все может кончиться. Первым попытался поговорить с ней Мишель.

— Анна, милая, это же безумие! Ты не должна этого делать, хотя бы ради себя самой! — пытался убедить он

ее. — Ведь это все равно, что связать свою жизнь с... калекой. Подумай, мы все просим тебя! Подумай сама, к чему это может привести?!

— Я не дурочка! — злобно отозвалась она. — И уж будьте уверены, я хорошо подумала, прежде чем решиться на это. И думала больше, чем вы все! Поймите, я женщина! И я хочу выйти замуж и рожать детей! Я имею на это право! Вас трое, а нас, женщин, пятеро. Что же, по-вашему, две из нас так или иначе обречены на одиночество?! Никогда не иметь семью, своего дома?! Выходит, все равно две из нас должны выйти за нормальных. Я люблю Алана и хочу выйти за него!

— Нельзя этого делать! — терпеливо убеждал ее Мишель. — Наверняка мы не одни т а к и е. Где-то должны быть еще... Может быть, не в нашей округе... Если бы ты немножко подождала...

— Почему я должна ждать? Я могу так прождать годы, прождать всю мою жизнь! Я нашла Алана, уже нашла, а вы хотите, чтобы я черт знает сколько ждала человека, который, может быть, вообще никогда не появится! И кого, быть может, я возненавижу вместо того, чтобы полюбить, если он даже и придет! Так вот, знайте: этого не будет, потому что я так не хочу! Не моя вина в том, что я не такая, как все. Но у меня, как и у всех, есть право жить! Конечно, мне будет нелегко. Но неужто вы думаете, что мне будет легче жить вот так, как сейчас? День за днем, год за годом быть одной... Допустим, вы трое женитесь на трех из нас, а что станет с двумя оставшимися? Они будут и не со всеми остальными, но и не с вами — они... Для них вообще не будет места! Так что же, по-вашему, они должны просто... просто исчезнуть?! Это у тебя, Мишель, неладно с мозгами! Ты сам разучился думать, вернее, все вы. Я-то хоть знаю, чего хочу и что мне делать, а остальные даже ведь не думали об этом, потому что никто из вас не влюблялся, кроме Розалинды и Дэвида. Вы просто еще не сталкивались с тем, с чем столкнулась я...

Кое в чем она была права. Но если мы и не решили всех проблем, с которыми нам предстояло столкнуться, мы хорошо представляли себе все сложности, с которыми сталкивались уже, причем сталкивались постоянно, изо дня в день.

Подсознательно мы надеялись когда-нибудь избавиться от необходимости постоянно лгать, притворяться. Как? Когда это произойдет? Мы не знали. Но одно мы знали твердо — брак с "нормальным", вообще любое близкое соприкосновение с НОРМОЙ, станет для любого из нас невыносимой мукой. Наше теперешнее положение, наша жизнь в домах с родными и близкими — все это было очень тяжело. Но жить как... как муж с женой с тем, кто не умеет говорить, стало бы просто невыносимым. Во-первых, любой (или любая) из нас все равно был бы более близким всем нашим, чем "нормальному", с которым он (или она) жил. Этот брак неизбежно вылился бы в в и д и м о с т ь брака, где люди были бы разделены даже больше, чем говорящие на разных языках. Это было бы несчастьем, пародией на близость, это вылилось бы в постоянную боязнь выдать себя, ненароком оговориться. А ведь мы знали, что подобные оговорки неизбежны.

Другие люди казались нам такими скучными, такими ограниченными по сравнению с нами... Разве может "нормальный" понять, что значит д у м а т ь в м е с т е, если на языке слов это даже звучит как-то нелепо? И как он может понять, что два мозга могут сделать то, что никогда бы не смог один. Нам же не нужно подбирать слова: даже если бы мы в р а з г о в о р е и захотели скрыть что-то друг от друга, в чем-то притвориться, вряд ли у нас это получилось. Мы не могли даже как-то неверно понять друг друга, так что же могло выйти, если бы один из нас привязался бы к "нормальному", который, в лучшем случае, может лишь смутно угадать, что чувствует близкий ему человек? Нет, ничего не могло тут выйти, кроме изнурительной замкнутости, невыносимого притворства. И все это неизбежно бы закончилось роковой оговоркой... Несколькими незначительными, случайно сорвавшимися с языка словами, которые постепенно начинали бы вызывать все большее подозрение, и тогда...

Анна понимала все это не хуже нас. Но сейчас она предпочитала обманывать себя. Желая подчеркнуть незыблемость своего решения, она перестала вступать с нами в контакт, не отзывалась на обращения. Но мы так и не знали, совсем она "закрылась" от нас или продолжает слушать, не вступая в разговор. Мы склонились ко второму и

поэтому даже не рисковали обсуждать между собой создавшееся положение. Да и что в самом деле мы могли предпринять? Лично я ничего не мог придумать, Розалинда тоже была в растерянности.

За шесть лет из нескладного подростка Розалинда превратилась в высокую, стройную девушку. Она была очень красива, черты ее лица были правильными и привлекательными. Но что гораздо важнее — она была очень женственна. Мягкость и женственность проявлялись во всем, что она делала: в манере держаться, разговаривать... Для многих парней эта женственность была приманкой, они принимали ее за кокетство и лезли к ней со своими ухаживаниями. Но она могла быть с ними приветлива — и только... У нее был какой-то внутренний способ защиты. Не знаю как, но она умела очень быстро отгородиться от приставаний — отгородиться внутри и каким-то образом дать почувствовать это ухажерам... Так или иначе, все они очень быстро оставляли ее в покое, словно натыкались на какую-то неодолимую, хотя и невидимую преграду. Для нее, быть может, близкие отношения с кем-то из "нормальных" были невозможными, неприемлемыми... Наверно, поэтому случившееся с Анной было для нее гораздо большим потрясением, чем для остальных н а ш и х.

Мы встречались с ней редко, всегда украдкой, и я думаю, никто, кроме н а ш и х, не догадывался об этих встречах. В те редкие часы, когда мы могли любить друг друга, нас никогда не покидал привкус горечи, никогда не оставляла мысль: сумеем ли мы когда- нибудь быть вместе открыто, не таясь? История с Анной усилила эту горечь — сама мысль о браке с НОРМОЙ для нас обоих была невыносимой.

Единственным человеком, у которого я мог попросить совета, был дядя Аксель. Как и все в округе, он знал о предстоящей свадьбе. Но он не знал, что Анна была одной из н а ш и х. Когда я сказал ему об этом, он помрачнел. Подумав, он сказал:

— Нет, Дэви. Это никуда не годится. Вы все правы, и я предвидел, что когда-нибудь дело дойдет до этого, хотя и надеялся, что как-нибудь обойдется. Теперь же, готов поклясться, вы все ее с места не сдвинете. Ведь так, мальчик? Иначе бы ты не пришел ко мне с этим?

— Она и слушать нас не хочет, — кивнул я. — Больше того, она нам не о т в е ч а е т... Сказала, что с э т и м покончено. Она не хочет больше отличаться от... нормальных — так и сказала. Это была первая ссора у нас... В конце концов она сказала... сказала, что ненавидит нас всех! На самом деле это, конечно, не так... Просто она очень хочет выйти за Алана — так хочет, что не может и думать о каких-то помехах. Она... она словно ослепла, или... Ну, в общем, она даже не хочет себе представить, что из этого может получиться. И я просто не знаю, что нам теперь делать...

— А есть хоть один шанс, что она все-таки сумеет жить с... с нормальным? Или об этом нечего и говорить? — спросил Аксель.

— Мы уже думали об этом, — сказал я ему. — Она может,конечно, не отвечать нам, что она сейчас и делает. Ну, это, как если бы ты отказался разговаривать. Но долго она так не вытянет, ведь невозможно хранить обет молчания всю жизнь! Она никогда не сможет заставить себя с т а т ь "нормальной". Это просто невозможно! Мишель говорит, что это будет примерно так, как если бы она притворялась, что у нее только одна рука из-за однорукости своего мужа... Нет, ничего у нее не получится, дядя, поэтому я и пришел к тебе...

Аксель задумался.

— Скажи, — спросил он, — а ты уверен, что она и впрямь свихнулась с этим Аланом? Я хочу сказать, свихнулась по-настоящему, ну, что она вроде как не в себе? — он покрутил пальцем у виска.

— Она совсем не похожа на себя, — задумчиво сказал я. — Она... как будто разучилась думать... Ее последние мысли, перед тем, как она замолчала, были... были как бы и не ее...

— Женщины всегда думают, что любят, когда выходят замуж, — вздохнув, сказал Аксель, — и беды тут большой нет. Каждому человеку нужны мечты, каждый хочет за что-то ухватиться... Но с женщиной, которая на самом деле любит, шутки плохи. Она живет в мире, где совсем другие законы — она слепа, глуха ко всему, что ее окружает, и море ей по колено. Она способна на все, на любые жертвы и... Рано или поздно, Дэви... Рано или поздно...

Он не договорил, но я понял, что он хочет сказать. Ведь и я думал то же самое.

— Что же нам делать? — в отчаянии прошептал я.

Он посмотрел мне в глаза, и в его взгляде я увидел... решение. Приговор...

— Послушай меня внимательно, мальчик, — сказал он. — Один из вас угрожает жизни всех, понимаешь, всех. Может быть, того не понимая, но... Это так. Даже если она искренно думает, что не выдаст вас, вы все теперь зависите от случайно оброненного слова, одной-единственной оговорки, вообще любой с л у ч а й н о с т и. Так имеет ли она право — одна — подвесить жизнь семерых на тоненьком волоске, только лишь потому, что она хочет жить с этим самым Аланом? А, Дэви?

Я колебался. Возражать было нечего.

— Если ты... Если ты ставишь вопрос так... — пробормотал я неуверенно.

— А как иначе, Дэви? Так есть у нее такое право?

— Мы сделали все, чтобы убедить ее! — вырвалось у меня невпопад.

— И у вас ничего не вышло. Что же теперь? Вы будете сидеть сложа руки и ждать, когда она проговорится?

— Я... не знаю, — с трудом выдавил я.

— Знал я одного человека, — медленно начал Аксель, бросая время от времени на меня косой взгляд исподлобья, — который плавал на судне... Как-то матросы оказались в шлюпке — судно загорелось... Болтались они в море без еды и почти без воды сколько-там дней, пока один из них не вынес жажды... Он выпил морской воды и сошел с ума. В припадке буйства он стал ломать лодку... Они все погибли бы, неминуемо погибли, но они скрутили его и выбросили за борт. Остальные трое — всего их было четверо — дотянули до берега. Если бы они не сделали то, что сделали, тот сошедший с ума все равно бы сдох. Но с ним вместе погибли бы и все остальные!

Возникла тяжелая пауза. Наконец, я отрицательно покачал головой.

— Нет, дядя. Этого мы не сделаем, — твердо сказал я.

— Наш мир не райские кущи, — медленно проговорил Аксель, — в особенности для тех, у кого есть о т к л о н е н и я.

Я, признаться, был уверен, что вы из тех, кто способен бороться за свою жизнь и... И победить. Но может статься, я ошибся.

— Пойми, дядя, — сказал я, — если бы речь шла об Алане, если бы это его нужно было "вышвырнуть за борт", мы бы не колебались. Но Анна!.. Дело даже не в том, что она женщина! Если бы на ее месте был любой из нас, это ничего не меняло бы. Мы слишком б л и з к и друг другу, понимаешь? Она — Анна — даже теперь гораздо ближе мне, чем родные сестры... Мне трудно объяснить тебе это... — я запнулся, потому что никак не мог найти слов, которые он бы понял. Я чувствовал, что слова здесь вообще не помогут. — Это... Это было бы не просто убийство, дядя, а... все равно как отрезать часть самого себя... Нет! Мы никогда не сможем сделать это!..

— Но тогда это камнем будет висеть над вашими головами до тех пор... — он не закончил, но мы оба знали, что он имел в виду.

— Я знаю, — вздохнул я, — но то, что ты предлагаешь, для нас не выход. Если бы мы сделали это, "камень" висел бы над каждым в н у т р и. И это было бы для нас во сто крат хуже...

Я даже не мог передать остальным наш разговор с Акселем, ведь его могла услышать Анна. Но я твердо знал, что они сказали бы то же, что и я. Я понимал, что Аксель предложил нам единственный реальный выход из создавшегося положения. Мой отказ последовать его совету означал полное наше бессилие и обреченность.

Анну мы с тех пор не с л ы ш а л и ни разу. Но хватает ли у нее воли не с л у ш а т ь нас? Мы не были в этом уверены. От ее сестры Рэйчел мы узнали, что она отзывается только на нормальную речь и всеми способами старается доказать себе, что она такая же, как все. Но все равно мы теперь не могли уже свободно разговаривать друг с другом: мы боялись.

Прошло несколько недель. Все оставалось по-прежнему. Похоже было, что Анна и впрямь сумела забыть о своем отличии от остальных... Приближался день ее свадьбы, и наконец, они с Аланом переехали в дом, который ее отец построил им на своей ферме. Кое-кто поговаривал, что она

напрасно вышла замуж за сына кузнеца, но никаких тревожных для нас слухов вроде не было.

Несколько месяцев мы не слышали о ней ничего. Она избегала даже встреч со своей сестрой, видимо не желая, чтобы и эта тонюсенькая ниточка связывала ее с нами. Что ж, нам оставалось только надеяться, что ее брак оказался удачным и опасения наши были напрасными.

Постепенно наши страхи улеглись. В какой-то степени этому способствовало то, что пришло время, во всяком случае для нас с Розалиндой, подумать и о себе. Не помню, когда нам стало ясно, что мы должны быть вместе. Это было для нас таким очевидным и естественным, так совпадало с нашими мыслями и желаниями, что нам казалось, мы знали об этом всегда. Это стало чем-то само собой разумеющимся задолго до того, как мы начали говорить об этом. Я подумать никогда не мог, что возможен какой-то другой вариант, — двое людей, выросших вместе, думающих вместе, а кроме того, объединенных в том, что ощущают враждебность всего окружающего мира, чувствуют необходимость друг в друге еще раньше, чем сознают, что они любят...

Но случается, когда они, наконец, понимают, что любят друг друга, они неожиданно для себя понимают и то, что отличаются не только от всех остальных, но и друг от друга... И порой они сталкиваются с теми же проблемами, как и все "нормальные"...

Неприязнь между нашими семьями после истории с лошадьми вылилась в открытую вражду, и с годами вражда эта не утихла. Мой отец и его двоюродный брат Ангус Мортон, отец Розалинды, вели между собой что-то вроде партизанской войны: каждый внимательно следил за землями другого — не появились ли там хоть малейшие отклонения. Известно было даже, что оба как-то раз назначили награду тому, кто углядит отклонение на земле соседа.

В своем стремлении перещеголять Мортона отец жертвовал многим. Он, например, обожал помидоры, но когда они однажды уродились неправильные, он вообще перестал сажать помидоры и картошку: с той поры нам приходилось покупать все это у соседей. Некоторые пряности тоже

были занесены в "черный список" и той, и другой стороной, и хотя все это еще больше поднимало моральный престиж наших семей, но отнюдь не способствовало нормальным, добрососедским отношениям.

Было совершенно ясно, что обе стороны костьми лягут, но не дадут нам с Розалиндой пожениться.

С годами ситуация становилась все хуже и хуже. Мать Розалинды уже не раз делала попытки устраивать что-то вроде смотрин, да и моя мать, я видел, поглядывала на молодых девиц, словно прикидывая, которая из них больше годится ей в невестки.

Пока что мы были уверены, что о нашей близости никто не догадывается. Ничем, кроме колкостей и плохо скрытых оскорблений, Стормы и Мортоны не обменивались, и для всех в округе было естественным считать, что и дети разделяют чувства родителей. Единственным местом, где нас могли видеть вместе, была церковь: я уже говорил, что встречались мы с Розалиндой редко и всегда украдкой...

Но выхода из создавшегося тупика мы не видели, и было похоже, что положение не изменится к лучшему до тех пор, пока мы сами не придумаем что-нибудь. Был, правда, один вариант — он назывался у нас "свадьбой со стрельбой", — когда невесту как бы похищали, понятно с согласия родителей. Мы бы, конечно, пошли на это, если бы вражда Стормов и Мортонов не заставляла нас всерьез опасаться, что ружья Мортонов будут стрелять на этой "свадьбе" отнюдь не холостыми зарядами. Кроме того, мы были уверены, что даже если нам удастся каким-то образом пожениться, от наших родителей мы не получим ни гроша, и нам придется уйти из родных домов в чем мать родила.

Тем временем прошло уже полгода со свадьбы Анны, и все оставалось без перемен.

Что касается остальных, то мы чувствовали, что за полгода их страх по поводу брака Анны не то чтобы совсем исчез, но притупился. Конечно, мы не до конца успокоились, никогда не забывали о нашем отличии и о том, какую беду оно могло рано или поздно на нас навлечь. Но, привыкнув с детства жить в этом страхе, мы постепенно привыкли и к мысли об Анне. Продолжалось это до

тех пор, пока Алана не нашли мертвым на дороге к его дому. В горле у него торчала стрела.

Эту новость сообщила нам Рэйчел, и мы в жуткой тревоге, затаив дыхание, слушали, как она пытается п о г о в о р и т ь со своей сестрой. Она старалась изо всех сил, собрала всю свою волю, но у нее ничего не получалось. Анна наглухо закрылась от нас. Даже в том отчаянии, которое она сейчас должна была испытывать, она не желала р а з г о в а р и в а т ь.

— Я пойду к ней, — сказала Рэйчел. — Кто-то должен быть сейчас возле нее.

Вернулась она часа через полтора, очень расстроенная.

— Она не хочет меня видеть... Даже в дом не впустила. Она позвала соседку, а мне закричала, чтобы... чтобы я убиралась вон!

— Наверно, она думает, что это сделал кто-то из нас, — услышали мы Мишеля. — Может быть, кто-то из вас и в самом деле? Или хотя бы догадывается, кто это мог быть?

Мы все ответили отрицательно.

— Нужно, чтобы она это знала, — сказал Мишель. — Она не должна думать, что это мы... Попробуйте все связаться с ней.

Мы все напряглись, но и это не дало никакого результата.

— Плохо, — сказал Мишель. — Каким-то образом мы должны дать ей об этом знать. Рэйчел, шепни ей как-нибудь при случае это словами. Но так, чтобы никто из посторонних не слышал.

— Я попробую, — неуверенно сказала Рэйчел.

Час с лишним мы провели в тревожном ожидании. Вернувшись, ничего хорошего она нам не сообщила.

— У меня ничего не вышло, — сказала Рэйчел. — Я передала записку через соседку, но та вернулась и сказала, что Анна порвала записку не читая. Сейчас у нее мать. Она уговаривает Анну вернуться домой... к нам.

— Теперь мы должны быть готовы ко всему! — помолчав, сказал Мишель. — Приготовьтесь бежать, если это вдруг понадобится. Но пока старайтесь не вызывать подозрений. А ты, Рэйчел, попробуй узнать, что у нее на уме, и держи нас в курсе.

Я понятия не имел, что мне делать. Петра была уже в кроватке, и я не мог разбудить ее так, чтобы никто в доме этого не заметил. Кроме того, я еще не был уверен в том, что дело так серьезно. Да и могла ли Анна заподозрить в убийстве Алана ребенка? И потом, мы ведь только п р е д п о л а г а л и, что Петра — одна из нас. Словом, пока я решил ничего не предпринимать. В доме все уже спали, когда Рэйчел связалась с нами вновь.

— Мы с мамой уходим к себе, — сказала она. — Анна выгнала всех из своего дома, и теперь она там одна. Мама хотела остаться, но с Анной сейчас невозможно разговаривать, она... Она совсем не в себе. Она сказала маме, что знает виновных в смерти Алана, но называть никого не будет.

— Ты думаешь, она имела в виду нас? — спросил Мишель. — Но ведь вполне возможно, что у Алана была с кем-то ссора, о которой не знаем мы, но знает она?

Рэйчел подумала и ответила отрицательно.

— Если бы дело было в этом, она впустила бы меня. Она не закричала бы мне: "Убирайся прочь!" Я схожу туда рано утром, как только рассветет. Может, за ночь она успокоится...

Так мы и порешили и впервые за несколько часов позволили себе хоть немного расслабиться.

На следующий день Рэйчел рассказала нам, что произошло утром. Она встала на заре и пошла через поле к дому Анны. Когда она подошла к двери, ей почему-то стало не по себе... В ушах у нее звенел крик сестры. "Убирайся!.." Но просто стоять возле дома было бессмысленно, и она, собравшись с силами, постучала. Ей никто не ответил. Она постучала сильнее, так что эхо разнеслось по всему дому. Изнутри не доносилось ни звука. Тогда она страшно перепугалась и стала колотить изо всех сил кулаками в дверь и окна. По-прежнему никто не отзывался. Рэйчел решила пойти к соседке, которая вчера передавала ее записку Анне.

Валявшейся во дворе доской они с соседкой высадили окно и влезли в дом. Анну они нашли наверху, в спальне: ноги ее не доставали полуметра до пола... Она повесилась на перекладине, поддерживающей крышу...

Вдвоем они сумели снять ее и уложить на кровать. Судя по всему, она умерла часа за два до их прихода. Соседка накрыла ее простыней...

Рэйчел воспринимала все происходящее так, словно это был какой- то кошмарный сон, она почти не соображала, что говорит. Соседка взяла ее за руку, как ребенка, и вывела из дома. Когда они уже выходили, соседка случайно заметила клочок бумаги, валявшийся на столе.

— Возьми это, — сказала она Рэйчел и сунула бумагу ей в руку. — Наверняка она написала это перед смертью тебе или родителям.

Рэйчел машинально повертела бумагу в руках.

— Нет, это не... — начала было она, но вовремя спохватилась и сделала вид, что внимательно читает написанное. — А-а, да-да, верно, это для отца с матерью... Я... передам им. — И с этими словами она спрятала письмо за корсаж платья. Адресовано оно было не ей, не родителям, а инспектору.

Муж соседки проводил Рэйчел до дому, и она рассказала родителям о том, что произошло. Потом, оставшись в своей комнате одна, она прочла письмо. Это был донос на нас всех, включая Рэйчел и даже Петру. Анна обвиняла нас в убийстве Алана, потому что... Словом, она написала все как есть. Рэйчел дважды прочитала письмо сестры, а потом сожгла его.

Через день-два страсти вокруг этого дела улеглись. Самоубийство Анны, конечно, было трагедией, но никто не счел эту трагедию загадочной и необъяснимой. Молодая женщина, впервые забеременевшая, у которой так внезапно погиб муж, помешалась от горя и покончила с собой — таково было всеобщее мнение, и никто не нашел ничего необычного в случившемся.

Смерть Алана так и осталась загадкой для всех, в том числе и для нас. В ходе расследования заподозрили несколько человек, у которых были ссоры с погибшим, но ни у кого из них не было достаточно веского повода для убийства. К тому же все подозреваемые сумели доказать свое алиби.

Старый Уильям Тэй опознал стрелу, сделанную им самим, но все стрелы почти у всех в округе были сделаны

им, так что это ничего не значило. Стрела была безо всяких отметин — самая обыкновенная, которых было полно в каждом доме. Конечно, появилось множество слухов: кто-то говорил, что у молодых не все было ладно в семье, что Анна будто бы в последнее время побаивалась своего мужа. К крайнему возмущению родителей Анны, пронесся слух, будто она сама убила Алана, а потом повесилась, испугавшись, что ее поймают, а может, и от угрызений совести. Но об этом тоже вскоре прекратили болтать — ведь никаких реальных оснований обвинять Анну в таком преступлении ни у кого на самом деле не было. Эта смерть молодого сына кузнеца так и осталась для всех неразрешимой загадкой. Мы в страхе ждали, что кто-нибудь каким-то образом заподозрит нас, но страхи наши были напрасны: никому и в голову не пришло связать нас с этим странным событием. Но тем не менее, все это не прошло для нас бесследно. С еще большой остротой, чем прежде, мы ощутили, на каком краю пропасти все мы находимся. Ощутили, как жизнь всех зависит от жизни каждого в отдельности.

Нам было жаль Анну, но горе утраты смягчалось сознанием того, что потеряли мы ее давно, задолго до разразившейся катастрофы. И только один Мишель, казалось, не разделял нашего относительного спокойствия.

— Один из н а с смог предать!.. Смог!.. — задумчиво сказал он.

ГЛАВА XI

Проверка весной на этот раз обнаружила не так уж много отклонений. Во всем районе только два урожая попали в "черный список", и ни отца, ни Мортона в этом списке не было. Два предыдущих года были так ужасны, что те, кто в позапрошлом году сомневался относительно некоторых всходов, в прошлом уничтожали все, что хоть мало-мальски отличалось от НОРМЫ. Может быть, именно поэтому нынешний урожай был почти весь нормальный. Это вселило в людей надежду, и все в округе смотрели друг на друга теперь уже не так враждебно и насторожен-

но, как раньше. В конце мая многие бились об заклад, что процент отклонений в этом году будет неслыханно низким. Даже старый Джэйкоб вынужден был признать это.

— Господь милостив, — говорил он, — он дает им последний шанс. Дай Бог, чтобы они там, на востоке, наконец прозрели! Впрочем, и этим летом все может обернуться иначе, помяни мое слово!..

Но никаких зловещих предзнаменований не было. Поздние овощи уродились такими же нормальными, как и ранние злаки. Погода тоже стояла отменная, и люди перестали провожать настороженными взглядами инспектора, который теперь не ходил, повсюду высматривая отклонения, а мирно дремал на крыльце своего дома.

Для нас все было так же спокойно и безмятежно, если бы не Петра.

Однажды в июне, жарким, погожим днем, вдохновившим ее на очередные проказы, она ухитрилась сделать сразу две вещи, которые ей строго-настрого запрещались. Во-первых, она одна выехала на своем маленьком пони за пределы нашей фермы. Во-вторых, ей и этого показалось мало, и она поскакала не по равнине, а в самую чащу леса.

Леса вокруг Вакнука, как я уже говорил, были в общем-то не такие уж страшные. Но осторожность, как известно, еще никому не вредила. Дикие коты редко нападали на человека, но все равно ходить в лес без оружия мы остерегались. Можно было наткнуться и на более крупного зверя, забредшего сюда из Джунглей.

Петрин зов возник так же неожиданно и с той же страшной силой, как и в прежний раз. Правда, сейчас в нем не было такого панического ужаса, как прошлым летом, но тревога и отчаяние, возникшие от крика Петры, были очень болезненны. Петра явно не контролировала себя, вообще не отдавала себе отчета в том, что делает. Она просто п о с ы л а л а сгусток эмоций, и эти эмоции охватывали всех, кто был способен ее сигнал воспринять.

Я попытался связаться с остальными и сказать, что уже бегу на помощь, но не смог пробиться даже к Розалинде. Мои сигналы не пропускала какая-то огромная помеха: это трудно объяснить... Ну, как если бы человек пытался реагировать при каком-то страшном шуме или пытался

разглядеть что-то сквозь густой туман... А главное, этот сигнал не давал никакого представления о том, что, собственно, произошло. Он походил на нечленораздельный крик о помощи. Я уверен, что она не понимала, что делает, — получалось это чисто инстинктивно...

Я выскочил из кузницы, где работал, забежал домой за ружьем, которое висело у нас рядом с входной дверью, и ринулся к конюшне. Единственное, что было ясно в к р и к е Петры, это направление, и через несколько секунд я уже мчался, сломя голову, на оседланной лошади туда, куда неудержимо влек меня зов сестренки. Выехав в поле, я, не колеблясь, хлестнул коня и устремился к Западному лесу.

Если бы Петра хоть на минуту перестала в о п и т ь, я бы успел связаться с остальными и дать им знать, что нет нужды всем спешить на помощь. Тогда, быть может, обстоятельства сложились бы иначе... Но она о р а л а, не переставая, как сирена, и мне не оставалось ничего другого, как побыстрей разыскать и успокоить ее. Как назло, мы наскочили на кочку, я вылетел из седла, и какое-то время ушло у меня на то, чтобы поймать испуганную лошадь. В лесу дорога была более укатанная, и я довольно долго мчался по ней, пока вдруг не понял, что удаляюсь в сторону от Петры. Я повернул назад и стал искать другую тропинку, чтобы ехать прямо по направлению к р и к а. Наконец, я нашел почти заросшую тропку и поскакал по ней, теперь уж точно в правильном направлении, то и дело раздвигая ветки деревьев, цепляющиеся за одежду. Вскоре тропка стала пошире, и примерно через четверть мили я выехал на широкую просеку.

Я не сразу увидел Петру, сперва мне бросился в глаза ее пони. Животное лежало на боку с разорванным горлом. Над ним, жадно вырывая куски кровавого мяса из его глотки, склонился зверь — самый жуткий мутант из всех, которых я до сих пор встречал в нашем лесу. Он был весь рыжий, с двумя отметинами — желтой и темно-коричневой — на боку. Его лапы были покрыты клочковатой шерстью, передние — с огромными когтями — были все в крови. Длинная шерсть свисала у него с хвоста, и это делало хвост похожим на гигантское перо. Морда у него была круглая, а глаза — как осколки желтого стекла. Уши

широко расставлены, носа почти не было. Два громадных клыка выпирали из нижней челюсти.

Я осторожно стал снимать с плеча ружье. Это движение привлекло внимание зверя. Он повернул ко мне свою страшную, оскаленную морду и молча уставился на меня. Кровь несчастного пони стекала с его раскрытой пасти на землю... Гигантский хвост стал мотаться из стороны в сторону. Я уже приподнимал ружье, как откуда-то сбоку вылетела стрела и впилась в глотку этого монстра. Он подпрыгнул в воздух и тут же опустился на все четыре лапы, не отрывая от меня желтых, горящих жутким огнем, глаз. Лошадь подо мной испуганно рванулась в сторону, я от неожиданности нажал курок, и выстрел пропал даром. Но прежде чем зверь успел прыгнуть, две новые стрелы вонзились ему в бок и темя. Секунду он стоял неподвижно, а потом рухнул замертво.

Из чащи выехала Розалинда с луком в руке, с другой стороны появился Мишель — тоже с луком наготове. Он не спускал глаз с мертвого зверя. Отчаянный в о п л ь Петры не утихал.

— Где она? — вслух спросила Розалинда.

Мы оглянулись и увидели крошечную фигуру девочки на верхушке молодого деревца, метрах в трех от земли. Она сидела на ветке, обеими руками держась за ствол. Розалинда подъехала к дереву и крикнула ей, что опасность миновала. Но Петра по-прежнему мертвой хваткой держалась за ствол дерева. Видимо, она была так потрясена случившимся, что ничего не соображала. Я слез с лошади, взобрался к Петре наверх и осторожно передал ее на руки Розалинде. Та усадила ее перед собой в седло и стала успокаивать, как могла, но Петра не отрывала глаз от растерзанного пони и, казалось, ничего не слышала. Ее отчаяние, которое все мы чувствовали, как свое собственное, стало еще нестерпимее.

— Мы должны заставить ее з а м о л ч а т ь, — сказал вслух Розалинде. — Иначе она созовет сюда всех остальных.

Убедившись, что зверюга мертва, Мишель подошел к нам. Он с тревогой смотрел на Петру.

— Она просто не понимает, что делает. Все равно как другая кричала бы от испуга во весь голос. Так и она

кричит, только м ы с л е н н о... Лучше уж она кричала бы вслух, — вздохнул он и добавил: — Давайте уведем ее подальше от этого пони.

Мы немного отъехали в сторону, чтобы кусты заслонили тело мертвого пони от глаз Петры. Мишель попробовал тихонько заговорить с Петрой, стараясь успокоить ее, но она, казалось, ничего по-прежнему не слышала, ничего не понимала, и страшный к р и к ее не ослабевал.

— Может, нам попробовать по-нашему? — предложил я. — Только все вместе. Ну? Готовы?

Мы напряглись одновременно, но это вызвало лишь секундный перерыв в в о п л я х Петры, а потом все началось снова.

— Хватит. Вы же видите, ничего не выходит, — сказала Розалинда и о т к л ю ч и л а с ь.

Мы стояли втроем и беспомощно переглядывались, не зная, что предпринять. Характер Петриного крика теперь немного изменился: ощущение страха стало слабее, но горе ее было ужасным. Она начала рыдать вслух. Розалинда обняла ее и прижала к себе.

— Дайте ей выплакаться. Это снимет напряжение, — сказал Мишель, — и может быть, все стихнет.

Мы стояли и молча ждали, пока Петра успокоится, и вот тут случилось то, чего я все время боялся: из-за деревьев показалась Рэйчел — верхом, а через минуту с другой стороны выехал, тоже верхом, парень, которого я прежде никогда не видел, но сразу понял, что это Марк.

До сих пор мы никогда еще не собирались все вместе, зная, что это может навлечь подозрение. Почти наверняка остальные — Салли и Кэтрин — тоже где-то неподалеку. Произошло именно то, чего мы давным-давно условились избегать всеми средствами.

Торопливо, на словах (наши мысли все еще з а б и в а л а Петра), мы объяснили подъехавшим, что здесь произошло. Мы велели им немедленно уезжать отсюда и как можно быстрее разъехаться в разные стороны, чтобы никто не увидел их вдвоем. Мишель тоже должен был поскорее уехать, а мы с Розалиндой — остаться и успокоить Петру.

Минут через десять в чаще послышался треск, и к нам подъехали Кэтрин и Салли с луками наготове. Мы

надеялись, что уже уехавшие Мишель, Марк и Рэйчел встретят их на полпути и повернут назад, но они разминулись.

Девушки подъехали ближе и уставились на Петру. На словах мы объяснили им ситуацию и велели быстро исчезнуть. Они уже развернули лошадей, но в этот самый момент из чащи выехал здоровенный увалень на громадном коне и уставился на всех выпученными от изумления глазами.

— Что тут у вас стряслось?! — спросил он, переводя настороженный взгляд с Петры на нас.

Я никогда не видел его прежде, и поэтому появление его меня не очень встревожило. Я задал ему обычный вопрос, который задают в лесу незнакомцу. Неторопливо он вытащил Метрику с отметиной за нынешний год и помахал ею перед моим носом. Я сделал то же самое, и таким образом стало ясно, что и он, и я вполне нормальны.

— Что тут у вас стряслось? — настойчиво повторил он.

Мне очень хотелось послать его подальше, но я подумал, что сейчас разумнее быть вежливым. Я объяснил, что на пони моей сестренки напал зверь и что, услышав ее крик, мы прискакали сюда ей на помощь. Он выслушал меня с явным недоверием, потом обернулся к Салли и Кэтрин.

— Может, так оно все и было, — протянул он, но вы-то, девушки, как тут оказались?

— Когда слышишь такие вопли, естественно поспешишь на помощь, — ответила Салли, — тем более, если кричит ребенок!

— Да ведь я-то тоже был неподалеку, а не слышал ни звука, — сказал он, и в глазах у него было явное подозрение.

Салли переглянулась с Кэтрин.

— Ну, а мы слышали! — вот и все, что она могла возразить.

Я подумал, что настал мой черед вмешаться и разрядить обстановку.

— Я думал, что крик был слышен миль на десять вокруг, — сказал я. — Да и бедняга пони орал как оглашенный!

Я повел его за кустарник и показал растерзанного пони и мертвого монстра. Он явно удивился, как будто никак

не ожидал такого очевидного доказательства наших слов. Но чувствовалось, что он по-прежнему не верит нам до конца. В конце концов он потребовал, чтобы Розалинда и Петра тоже показали свои Метрики.

— Да с какой стати? — спросил я.

— А вы будто не знаете, что здесь полным-полно лазутчиков из Джунглей? — воинственно спросил он.

— Понятия не имею, — холодно отрезал я. — И потом, мы что, по-вашему, похожи на тех, что из Джунглей?

— Их здесь полным-полно, — повторил он, делая вид, что не слышал моего вопроса. — И есть специальная инструкция быть начеку. Беда ходит неподалеку, в лесах нужно быть особенно бдительным.

Он взглянул на Салли, а потом опять на мертвого пони.

— Сдается мне, этот пони сдох полчаса назад. Стало быть, и орать он мог только полчаса назад. Как же вы нашли это место, а?

Салли удивленно вытаращила на него глаза.

— Крики раздавались отсюда, сюда мы и поскакали... А когда подъехали ближе, услышали плач девчушки, — сказала она, пожав плечами.

— И хорошо сделали, что поспешили, — быстро вставил я, — не окажись мы поблизости, кто знает, чем бы все закончилось. К счастью, все обошлось, и с девочкой ничего не случилось. Но она здорово испугалась, и ее надо поскорей отвезти домой. Спасибо за помощь, — добавил я, изобразив на лице вежливую улыбку.

Девушки сыграли свои роли неплохо. Они поздравили нас с благополучным исходом, пожелали, чтобы Петра побыстрее оправилась от шока, и, попрощавшись, ускакали. Незнакомец остался. Он все еще был настороже. Какие-то смутные подозрения одолевали его, но прицепиться было вроде бы не к чему. Несколько минут он потоптался возле нас, что-то бурча себе под нос, но, в конце концов, ворчливо посоветовав нам держаться подальше от леса, ускакал вслед за девушками.

— Кто он такой? — с трудом выдавила из себя Розалинда.

Я мог сказать ей только его имя — Джером Скинер, — которое прочел в его Метрике. Никогда прежде я его тут

не видел, и мое имя, видимо, тоже ему ничего не говорило. Я бы спросил у Салли, но Петра все еще держала б а р ь е р между всеми, и барьер этот вызывал у меня неприятное чувство отрезанности от остальных... В который раз я подивился Анне — как могла она сама, по своей воле прожить за таким б а р ь е р о м почти полгода!..

Продолжая обнимать Петру, Розалинда потихоньку двинулась к дому. Я снял с мертвого пони седло и упряжь, выдернул стрелы из тела монстра и поехал вслед за ними.

Когда я привез Петру домой, ее сразу же уложили в кроватку. Вплоть до самого вечера отчаяние, исходившее от нее, давало себя знать. Но постепенно оно стало утихать и часам к девяти исчезло совсем.

— Ну наконец-то! Наконец-то она заснула, — сразу услышал я всех наших.

— Кто-нибудь знает, кто был этот Скинер? — спросила Розалинда.

— Он здесь недавно, —ответила Салли. — Отец его знает, у него ферма неподалеку от того места, где мы нашли Петру.

Нам чертовски не повезло, что он застал нас всех вместе...

— Почему он был так подозрителен? — спросила Розалинда, — может, он догадался. Или слышал что-нибудь об э т о м? А может, он сам?..

— Нет-нет, он не умеет! — сказала Салли. — Я пыталась, но он не из н а ш и х.

Неожиданно включился Мишель, не слыхавший начала разговора, и спросил, о чем это мы. Когда мы рассказали ему, он на несколько секунд задумался.

— Вообще кое-кто считает, что такое возможно, — наконец, произнес он. — Правда, и они плохо себе представляют, что это такое, называют т е л е п а т и е й или как-то еще в этом роде. Но большинство не верит в то, что это бывает.

— Но те, кто верит... Они считают это отклонением? — спросил его я.

— Трудно сказать. Я никогда не слышал, чтобы это обсуждалось всерьез. Строго говоря, по их же логике, если Бог может знать все тайные помыслы человека, то и человек как образ и подобие Господа должен уметь это де-

лать. Можно попытаться доказать, что человек утратил это свойство в наказание за что-то... Ну, что это была, допустим, часть Кары... Но я бы не хотел участвовать в такой дискуссии. В особенности, если она будет происходить в суде, — твердо закончил он.

— Этот человек... Скинер... он словно что-то учуял! Он был, как пес, идущий по следу! — неожиданно с силой произнесла Розалинда. — Вспомните, может и... еще кто-то был так же подозрителен?

На это мы все ответили твердо: "Нет", и Розалинда быстро взяла себя в руки.

— Что ж, ладно, — сказала она. — Мы должны сделать так, чтобы это больше не повторилось. Я имею в виду эту встречу всех нас вместе. Дэви, тебе придется объяснить Петре на словах и попробовать научить ее сдерживаться. Если же эти крики будут повторяться, вы все не должны обращать на них внимания, не отвечать и вообще оставить это Дэвиду и мне. Ну, а если это будет так же... Если вы не сумеете противиться этому, то первый, кто прибежит к ней, должен любым способом заставить ее замолчать, а сам тут же исчезнуть. Мы никогда больше не должны попасться все вместе. Еще один такой эпизод — и нам конец!

Все согласились с ней и один за другим "покинули" нас. Мы же с Розалиндой стали обсуждать, как лучше и понятнее объяснить все Петре.

На следующий день я проснулся ни свет, ни заря, и первое, что почувствовал, — горе, исходящее от Петры. Но теперь оно звучало по-другому. Страха и ужаса уже не было. Была лишь острая жалость к мертвому пони. Не было и той страшной силы чувства, которая вчера создавала между всеми нами непреодолимый барьер. Я попытался войти с ней в контакт, и хотя она и не поняла меня, я отчетливо услышал ее удивление. Я встал и пошел к ней в комнату. Она обрадовалась мне, ощущение горя сразу стало слабее, как только мы начали болтать. Прежде чем уйти, я пообещал взять ее с собой сегодня на рыбную ловлю.

Не так-то просто объяснить на словах, как у нас получался мысленный разговор. Все мы доходили до этого вместе и безо всяких слов. Поначалу это были лишь самые

простые фразы, но чем больше мы общались, тем искуснее становилась эта речь. Мы все время инстинктивно помогали друг другу и постепенно так овладели э т и м, что обычные слова стали для нас бесцветными, невыразительными, почти ненужными... С Петрой у нас обстояло иначе: в свои шесть с половиной лет она обладала такой силой п е р е д а ч и, какая нам и не снилась. Это был какой-то совсем иной у р о в е н ь. Но обладала она этим, сама того не сознавая и не умея себя сдерживать. Я пытался объяснить ей хотя бы самую суть, но и теперь, когда ей было уже почти восемь лет, необходимость пользоваться только самыми простыми словами создавала, казалось, непреодолимую преграду. Целый час, когда мы сидели у реки, я пытался втолковать ей хоть что-то, но она лишь устала и начала капризничать. Тут нужен был какой-то способ... Нужно было что-то придумать...

— Давай сыграем в такую игру, — предложил я. — Ты закроешь глаза, крепко-крепко закроешь и представишь, что смотришь в такой глубокий-глубокий черный колодец. Глубокий и черный-пречерный — такой, где ничего не видно. Поняла?

— Ага, — сказала она и крепко зажмурилась.

— Теперь смотри, — сказал я. И стал мысленно р и с о в а т ь ей кролика. Такого маленького крольчишку, трущего лапкой нос. Она хихикнула. Это был хороший знак: значит, она приняла мой сигнал. Я с т е р кролика и н а р и с о в а л щенка, потом несколько цыплят, потом лошадь с повозкой. Минуты через две она открыла глаза и разочарованно огляделась по сторонам.

— Где они? — спросила она.

— Нигде. Я их просто придумал, понимаешь, п р и д у м а л, — сказал я. — Это... ну, такая игра. Давай теперь я закрою глаза, и мы оба представим, что смотрим в черный колодец, только теперь ты что-нибудь придумаешь там, на дне. Придумаешь так, чтобы я тоже смог увидеть, ладно?

Я закрыл глаза и р а с п а х н у л свой мозг, чтобы принять ее "картинку". Это была моя ошибка. В мозгу у меня что-то взорвалось с такой силой, как будто в голову ударила молния. Голова кружилась, меня подташнивало, колени дрожали. Никакой "картинки" я не у в и д е л.

Тут же послышались громкие жалобы всех наших. Я объяснил, чем мы с Петрой занимаемся.

— Пожалуйста! Действуй осторожнее! Не давай ей повторять это!... Я чуть себе ногу топором не оттяпал! — взмолился Мишель.

— Я ошпарилась кипятком! Из чайника!.. — донеслось от Кэтрин.

— Успокой ее! Иначе мы все сойдем с ума! — взмолилась Розалинда.

— Да она совершенно спокойна. С ней-то все в порядке, — сказал я им. — По-моему, она просто не может иначе...

— Так надо научить ее и н а ч е, — сказал Мишель.

— Я знаю. Но что я могу сделать? Может, вы скажете, как ее научить? — осведомился я у них.

— Хотя бы предупреди нас в следующий раз, когда она начнет! — попросила меня Розалинда.

Я постарался сосредоточиться и обратился к Петре:

— Ты... У тебя получилось слишком с и л ь н о, — сказал я. — Теперь попробуй чуть-чуть потише... Нарисуй картинку так, как будто она далеко от тебя. Сделай ее не такой я р к о й, словно бы она из паутинки... Понимаешь?

Петра кивнула и снова зажмурилась.

— Берегитесь! — предупредил я остальных и сам з а к р ы л с я.

На этот раз у нее получилось слабее, и мы были готовы к э т о м у, но все равно у меня в мозгу опять словно что-то взорвалось. Однако за в с п ы ш к о й я все-таки разглядел...

— Рыба! — сказал я, — маленькая рыбка с длинным хвостом!

Петра довольно ухмыльнулась.

— Верно, рыбка! — донеслось от Мишеля. — Здорово у вас получается, ребята! Только если в следующий раз ты не научишь ее пользоваться одной с о т о й своей силы, она спалит нам мозги, пока не научится г о в о р и т ь.

— Теперь ты рисуй! — потребовала Петра, и урок продолжался.

На следующий день мы занимались тем же. Громадная сила ее передач жутко изнуряла меня, но она явно делала успехи. Постепенно она научилась передавать не только

зримые образы, но и мысли. Конечно, очень по-детски, но другого мы и не ждали. Главная трудность по-прежнему заключалась в ее с и л е, с которой она это делала. Стоило ей чуть-чуть забыться, как она буквально выворачивала наши мозги наизнанку. Все наши жаловались, что ничего не могут делать во время этих упражнений: у всех в головах словно гремел оглушительный барабанный бой. В конце второго урока я объявил Петре:

— А сейчас картинку тебе нарисует Розалинда.

— А где эта Розалинда? — спросила она, оглядываясь по сторонам.

— Здесь ее нет. Она... далеко отсюда. Но для наших картинок это неважно. Давай гляди в черный колодец и ни о чем не думай. А вы все, — обратился я к остальным, — не мешайте. Пусть г о в о р и т одна Розалинда. Давай, милая, действуй!

Мы все замолчали.

Розалинда нарисовала пруд с камышами по краям. В пруд она напустила маленьких смешных утят разных цветов. Плавая, они выделывали забавные, но вместе с тем очень ритмичные танцевальные фигуры. Все делали это синхронно, но один утенок, самый маленький, все время отставал от других. Петре все это очень понравилось, она просто заходилась от восторга. Вдруг, совершенно неожиданно она п е р е д а л а свое восхищение. Картинка, нарисованная Розалиндой, мгновенно исчезла, а мы все едва не лишились сознания. Такие всплески ее эмоций были для нас мучительны, но успех был несомненный.

На четвертом уроке она научилась воспринимать "картинки", не зажмуриваясь. Это было еще одним шагом вперед. В конце недели прогресс был очевиден: мысли она передавала самые простые и не всегда на более или менее спокойном уровне (иногда срывалась на полную силу, и это было кошмаром для всех), но п р и н и м а л а нас всех очень хорошо, хотя из тех разговоров, которые мы вели между собой, она улавливала очень немного.

— Вы говорите слишком быстро и слишком много всего сразу, — жаловалась она. — Розалинда и все другие... Вы делаете это так быстро, что все запутывается... Правда, у д р у г и х еще больше запутано... — добавила она.

— У каких это других? У Кэтрин и у Марка? — спросил я.

— Нет. Этих-то я узнаю. Я про д р у г и х. Тех, что там, далеко-далеко! — нетерпеливо объяснила она.

Я решил ничем не выдавать своих чувств.

— Наверно, я их просто не знаю, — сказал я спокойно. — А кто они такие?

— Почем я знаю, — ответила она. — А ты разве их не слышишь? Они там, — она махнула рукой на юго-запад, — но только далеко -далеко...

Я попытался собраться с мыслями.

— А сейчас, сию минуту, ты их с л ы ш и ш ь? — спросил я.

— Да. Но не очень... не очень ясно, — ответила она.

Я изо всех сил попытался уловить хоть что-нибудь, но все мои усилия были напрасны.

— Постарайся п е р е д а т ь мне то, что ты слышишь от н и х, — попросил я Петру.

Она постаралась. Что-то там явно было, но на таком уровне, на котором никто из нас ничего понять не мог. Кроме того, э т о было так расплывчато, что вообще не имело каких-то конкретных очертаний, вероятно, потому, что Петра пыталась схватить и передать нам то, чего сама не понимала. Я ничего не мог разобрать и позвал Розалинду, но и она тоже ничего не поняла. Петре это давалось с трудом, она быстро устала и минут через пять мы решили оставить эти попытки.

Несмотря на то, что Петра все еще частенько забывалась и буквально о г л у ш а л а нас, все мы гордились ею. У нас было такое чувство, словно мы открыли никому еще пока не известного певца, который в будущем обязательно прославится, станет п е р в ы м... Только все это было гораздо важнее, чем какое-то там пение...

— Из нее может получиться нечто п о т р я с а ю щ е е, — выразил общее мнение Мишель. — Только если она не сведет нас всех с ума прежде, чем научится сдерживаться, — добавил он.

Дней десять спустя после истории с пони дядя Аксель за ужином попросил меня помочь ему, пока не стемнело, починить старую повозку. Просьба была самая обычная,

но что-то в его взгляде заставило меня насторожиться. Я согласился. Мы закончили ужин, вышли из дому во двор и зашли за сарай, где нас никто не мог подслушать. Он выплюнул изо рта соломинку, которой задумчиво ковырял в зубах, и посмотрел на меня.

— Боюсь, ты где-то напортачил, Дэви... — со вздохом наконец произнес он.

Напортачить я мог где угодно, но только об одной вещи он мог говорить таким тоном.

— Не помню... Вроде бы нет, — неуверенно сказал я.

— Тогда, может, кто из в а ш и х? — спросил он, подумав.

Я опять ответил отрицательно.

— М-да, — протянул он. — Скажи на милость, отчего же тогда Джо Дарлей так тобой интересовался? А?

— Понятия не имею, — искренне сказал я.

Он покачал головой с сомнением.

— Не нравится мне все это, мальчик. Очень не нравится!

— Он спрашивал только обо мне или... о Розалинде тоже?

— О тебе и о Розалинде Мортон, — веско сказал дядя.

— Вот оно что... — запинаясь, протянул я. — Ну, если этот Дарлей... Может, он что-нибудь слышал... И хочет пустить слух, что мы с Розалиндой... Ну, вобщем...

— Может и так, — перебил меня дядя, — только дело в том, что этот Дарлей... Словом, раза два инспектор к нему обращался по... разным деликатным вопросам. Когда надо было разузнать кое-что по-тихому... Понимаешь? Вот это-то мне и не нравится.

Мне это понравилось еще меньше, но Дарлей никогда не вертелся возле нас, и я не мог себе представить, как у него могла возникнуть хоть тень подозрения.

— Но слушай, — сказал я Акселю, — если уж на то пошло, нас не так-то просто будет подогнать под официально признанные отклонения.

— Э-э, нет, Дэви, — протянул Аксель, — этот список — список официальных отклонений — в любой момент может и дополниться. Ты пойми, они ведь не могли предугадать, что может произойти в смысле отклонения? Какая может возникнуть новая мутация. И долг инспектора в

том и состоит, чтобы внимательно наблюдать за всеми в округе, и если что-то покажется ему подозрительным, он обязан произвести расследование. Это и есть его работа.

— Мы уже обдумали, что нам делать, если нас заподозрят, — сказал я ему. — Ведь тот, кто станет задавать нам вопросы, даже не будет знать, ч т о он ищет. И нам остается лишь "не понимать", о чем, собственно, идет речь. Если Джо или кто-то еще и подозревают нас в чем-то, то они даже не могут никому объяснить, в чем именно.

Кажется, мне не удалось до конца убедить Акселя.

— Ну хорошо, допустим, что так, — сказал он. — А как насчет Рэйчел? Она ведь здорово переживает из-за сестры... Не могла ли она...

— Нет! — твердо сказал я. — Рассказав про всех нас, она не могла бы выгородить себя. Кроме того, если бы она и попыталась что-то скрыть от нас, мы бы все равно это знали! Понимаешь, мне трудно объяснить тебе... Но лгать в э т о м...

— Ладно, — оборвал он меня. — Ну, а если Петра что-то болтает?

— Как ты узнал?! Про Петру?.. — изумленно вымолвил я. — Ведь я никогда... Ни единым словом тебе не...

— Выходит, я угадал, — усмехнулся он. — Она тоже из в а ш и х. Я так и думал...

— Откуда ты узнал? — уже с тревогой спросил я. — Она... сама тебе сказала?

— Нет-нет, — заверил он меня, видя, что я очень испуган. — Узнал я, можно сказать случайно. В каком-то смысле мне тут помогла... Анна. Я ведь говорил тебе, Дэви, что ее свадьба с тем парнем — затея опасная. Есть, знаешь ли, такие женщины, которые не успокоятся, пока не станут тряпкой, о которую мужчина вытирает ноги. Для них весь смысл жизни в том, чтобы был над ними х о з я и н. Анна была из этой породы.

— Ты... хочешь сказать, что она ему все... о себе? — пробормотал я.

— Будь уверен, — твердо сказал он. — И не только о себе, а о вас в с е х!

— Быть того не может! — вырвалось у меня.

— Уж будь уверен, мальчик, — вздохнул он. — зря я бы не стал... Ты пойми меня правильно, Дэви, может, она

и не хотела говорить про в с е х — сказала о себе, а остальное уж он из нее сам вытянул. Но так или иначе, он все знал, можешь мне поверить!

— Даже... Даже если и так, откуда тебе это известно? — спросил я, чувствуя подступающую дурноту.

Он задумался.

— Чтобы объяснить тебе это, придется кое-что рассказать. — Он помолчал, потом глянул на меня исподлобья, словно что-то прикидывая, и наконец решился.— Был когда-то в Риго припортовый кабак. Небольшой такой погребок, его держал один человек — Гроуф его звали... Загребал он деньгу будь здоров. Так вот, прислугой у него в этом кабаке были пятеро — двое мужчин и три женщины. И делали эти пятеро все, понимаешь, все, что он скажет!.. Ему достаточно было шепнуть одно словечко кому надо, и один из мужчин был бы тут же вздернут на виселице за подстрекательство к бунту на корабле, а двое женщин — за убийство. Уж не знаю, чем он держал остальных, но держал крепко... Заставлял женщин принимать "гостей" — моряков, а все, что они получали, клал себе в карман... Видел я и как он с ними обращался... А главное, как смотрел на них — с каким злорадством!.. Да, он крепко их держал, и они это знали! И он знал, что они знают... Ему стоило мигнуть, и они бы в пляс пустились!

Аксель на секунду замолк и усмехнулся.

— Никогда не думал, что увижу когда-нибудь еще такой взгляд! Да еще где?! В нашей церкви, Дэви! Это было написано на его физиономии — его! Как он смотрел на тебя, на Розалинду, а потом и на Петру! Да, еще и на Рэйчел, конечно...

— Но... дядя, только по одному взгляду... Ты ведь мог и ошибиться... — пробормотал я.

— Нет, Дэви! Э т о ни с чем не спутаешь. Э т о т взгляд я хорошо запомнил! Когда я увидел Алана там, в церкви, я словно снова очутился в том кабаке, в Риго... А потом, если я ошибся, скажи на милость, как я мог узнать про Петру?

— Что же ты сделал? — машинально спросил я. — Что было дальше?

— Дальше? — переспросил он. — Я вернулся из церкви, подумал, вспомнил, какую расчудесную жизнь

устроил себе этот парень — Гроуф — ну, и еще кое о чем, и... Натянул тетиву поновей и покрепче на свой старый лук.

— Так это ты?! — изумленно воскликнул я.

— Другого выхода не было, Дэви. Я, конечно, понимал, что Анна подумает на кого-то из вас, а может, и на всех вместе. Но она ведь не могла выдать вас, не выдав при этом и себя с сестрой. Риск, понятно, был, но... другого выхода не было!

— Если б ты только знал, какой риск! — сказал я, придя в себя после его рассказа, и коротко пересказал ему то, что было в предсмертной записке Анны к инспектору.

— Честно говоря, не думал я, что до этого дойдет, — покачал он головой, — но все равно... Все равно это нужно было сделать. И... быстро. Алан был не дурак, он знал, на что шел. И наверняка оставил бы где-нибудь письменное доказательство, чтобы его вскрыли в случае его смерти. И уж, конечно, дал бы вам знать об этом, так что руки бы у вас были уже связаны. Пойми, т о г д а вам бы пришлось совсем худо!

Чем дальше я прокручивал в уме всю ситуацию, тем яснее я понимал, к а к худо нам бы пришлось.

— Но ведь ты... сам здорово рисковал... — пробормотал я.

— Да что ты! — он махнул рукой, — разве можно сравнить, чем рисковал я и чем вы?! Ладно, хватит об этом.

— Но теперешние дела, — вернулся я к тому, с чего мы начали, — никак не могут быть связаны с... Аланом. Сколько времени уже прошло с тех пор...

— Да, пожалуй, — согласился со мной Аксель, — да и не такое это дело, чтобы он стал посвящать еще кого-то... Я вот что думаю: вряд ли они знают многое, иначе давно уже началось бы следствие. Но чтобы начать следствие, нужны прямые улики. Инспектор побоится остаться с носом, особенно когда дело касается твоего отца или Мортона. И все же, что-то им в голову запало...

Я подумал об истории с Петрой и с ее пони в лесу. Аксель знал, конечно, что тогда на девчушку напал зверь и растерзал пони, но подробностей мы ему не рассказывали. Мы верили ему во всем, как никому другому, но...

все же, чем меньше он знает, тем меньше придется ему скрывать, если, не дай бог, что случится. И потом, дело ведь касалось Петры — совсем еще ребенка... Но теперь он уже знал о ней, и я рассказал ему все. Ему, как и мне, этот эпизод не показался таким уж зловещим, но он все-таки записал себе имя того человека, который нас встретил.

— Джером Скинер, — проговорил он задумчиво, — что же, попробую разузнать о нем получше...

Этой же ночью мы все стали обсуждать создавшееся положение, но так ни к чему и не пришли. В конце концов Мишель сказал:

— Ладно. Если вы с Розалиндой уверены, что в округе не произошло ничего подозрительного, значит, все связано с тем... Скинером (он не произнес имя по буквам, а мгновенно п е р е д а л его образ). Если все дело действительно в нем, он наверняка должен был поделиться своими подозрениями с инспектором с в о е г о округа, а тот, в свою очередь, передать обычный рапорт инспектору вашего. В этом случае несколько человек так или иначе кое-что знают, и вопросы начнут задавать з д е с ь о Кэтрин и Салли. Плохо, что сейчас все начеку из-за этих чертовых слухов о готовящемся набеге из Джунглей... Словом, так, завтра я выясню здесь у себя, что смогу, и сразу дам вам знать.

— Но что нам делать? — спросила Розалинда.

— Сейчас ничего, — твердо сказал Мишель, — если мы верно угадали причину, то по степени подозрительности мы все делимся на три группы. Первая — Кэтрин и Салли, вторая — ты, Дэвид, и Петра, ну, и последняя — мы трое: я, Марк и Рэйчел. Ведите себя, как ни в чем не бывало, чтобы не спровоцировать их на поспешные меры. Если дело дойдет до следствия, будем придуриваться, как решили раньше. Самая большая опасность для нас — Петра. Если они возьмутся за нее как следует, то из ребенка, конечно, все вытянут... Она слишком мала и лгать не сумеет. Тогда дело может кончиться стерилизацией и Джунглями для нас всех... Итак, зарубите себе на носу: главное — Петра. До нее они не должны добраться. Может, ее и никто не подозревает, но она была там в лесу, значит, не исключено, что кому-нибудь придет в голову... Тогда

придется плюнуть на все и бежать. Во всяком случае, Дэви, ты ни при каких обстоятельствах не должен допустить, чтобы ее стали допрашивать. Если придется кого-то убить — убей! И не вздумай колебаться! Учти, они колебаться не будут! Имей в виду, если уж все начнется, они нас — сразу или постепенно — уничтожат! И наконец, последнее. Если случится самое худшее, и они доберутся до Петры... Лучше уж убить ее самим, чем дать им стерилизовать ее и бросить где-нибудь в Джунглях... Вы поняли? Если кто-то не согласен...

Все согласились, не дав ему закончить. Мне было больно даже подумать об этом, но когда я представил себе Петру, искалеченную и брошенную в Джунглях, я тоже согласился с Мишелем.

— Ну что ж, тогда вроде все, — сказал он, — на всякий случай вы четверо вместе с Петрой будьте наготове. Может быть, придется бежать.

На этом разговор закончился. К тому, что он сказал, трудно было что-нибудь добавить. Любое неосторожное движение кого-нибудь из нас неминуемо навлекло бы беду на всех. Рассудили мы все верно. Не повезло нам только в одном: узнай мы обо всех этих подозрениях дня на три раньше, все могло повернуться иначе...

ГЛАВА XII

Точные и предельно ясные указания Мишеля превратили угрозу нашего разоблачения из чего-то отдаленного и расплывчатого в надвигающуюся реальность. Его слова подействовали на меня сильнее, чем разговор с Акселем. Я вдруг ясно понял, что в один прекрасный день мы неминуемо столкнемся с ситуацией, которая уже не разрешится так благополучно, как разрешались все предыдущие.

Я знал, что Мишель давно уже предчувствовал надвигающуюся опасность, а сегодня я и сам заразился этим предчувствием. Прежде чем лечь спать, я кое-что приготовил: рядом с кроватью положил лук со стрелами, сумку с хлебом и сыром. Утром я решил начать потихоньку

ку собирать теплую одежду, ботинки и другие вещи, которые могут понадобиться, и уже прикидывал, куда бы до поры до времени все это прятать, чтобы оно было не в доме, но в каком-нибудь сухом и надежном месте под рукой.

Да, ведь нам еще нужна одежда для Петры, и связка одеял, и в чем держать питьевую воду, и...

Перебирая в уме все необходимое, я не заметил, как уснул...

Часа через три, не больше, меня разбудил звук отодвигаемой щеколды в моей комнате. Луны в эту ночь не было, но в темноте я сразу разглядел крохотную фигурку Петры в белой рубашонке у двери.

— Дэви, — прошептала она, — Розалинда...

Она могла не продолжать. Розалинда буквально в о р в а л а с ь в мою сонную голову.

— Дэви! — услышал я. — Дэви! Мы должны немедленно бежать! Они схватили Салли и Кэтрин!..

Сразу вслед за ней в сознание мое вторгся Мишель.

— Не теряйте времени! Может быть, его у вас уже и не осталось. Все случилось неожиданно! Если бы они знали чуть больше, они тотчас бы отправили людей, чтобы схватить вас. К Кэтрин и Салли они явились минут десять назад. Торопитесь!..

— Я встречу вас за мельницей. Торопись, Дэви! — сказала Розалинда.

Я обратился к Петре на словах:

— Как можно быстрее одевайся. Только потихоньку.

Она наверняка почти ничего не поняла из нашего торопливого разговора, но явно уловила нашу тревогу. Молча кивнув, она исчезла в темном проеме двери. Я быстро натянул одежду и свернул одеяла со своей постели в узел. Потом на ощупь, не зажигая лампы, нашел лук и стрелы, сумку с едой и вышел из комнаты.

Петра была почти готова. Я схватил наугад первую попавшуюся одежду из ее сундучка и засунул в узел с одеялами.

— Башмаки пока не надевай, — прошептал я. — Держи их в руках и иди тихонько, на цыпочках, как кошка.

Мы вышли во двор и только там обулись. Петра хотела что-то сказать, но я приложил палец к губам и н а р и с о в а л ей Шебу — самую резвую нашу кобылу. Она кивнула, и мы на цыпочках побежали к конюшне. Только я открыл дверь в стойло, как услышал вдалеке какой-то звук и замер.

— Лошади... Это лошади скачут... прошептала Петра.

В самом деле, было слышно, как вдалеке проскакали лошади, позвякивая уздечками. Шеба была расседлана, но искать седло и уздечку не было времени. Мы вывели ее во двор, положили ей на спину тюк с одеялами и кое-как на него уселись. Места для Петры впереди меня не было, и она села сзади, обхватив меня ручонками. Почти без звука мы выехали со двора и двинулись по тропинке к берегу реки. Между тем конский топот и храп были слышны уже совсем рядом с нашим домом.

— Ты здесь? — окликнул я Розалинду.

— Я здесь уже минут десять, — тут же отозвалась она. — У меня все готово. Мы изо всех сил старались с тобой связаться... К счастью, Петра проснулась вовремя.

Петра у с л ы х а л а, что речь идет о ней, и возбужденно вмешалась, спрашивая, в чем дело. Как обычно в таких случаях, в голове у меня что-то бухнуло, а перед глазами поплыли разноцветные круги.

— Т и ш е, родная!! — взмолилась Розалинда. — Пожалуйста, т и ш е! — она переждала, пока утихнет сила удара, и сказала — Скоро мы тебе все расскажем. Салли! Кэтрин! — позвала она девушек.

Они тут же ответили:

— Нас привели к инспектору. Мы ничего не понимаем и ни о чем т а к о м никогда не слышали. Верно?

Мишель и Розалинда в один голос подтвердили, что держаться надо именно так.

— Мы, пожалуй, лучше з а к р о е м с я от вас, — сказала Салли, — так нам будет легче им врать. Не пытайтесь говорить с нами, слышите?

— Хорошо... Но мы для вас открыты, — сказала им Розалинда. — Быстрее, Дэви, — переключилась она на меня. — На ферме зажглись огни.

— Да-да, мы идем, — отозвался я. — В темноте они не сразу сообразят, по какой дороге мы поехали.

— Они сразу зайдут в конюшню и поймут, что вы где-то неподалеку. Быстрее!

Я оглянулся назад. В окнах нашего дома зажегся свет, и лампы ходили ходуном в чьих-то руках. Мы услыхали чей-то окрик, когда были уже на берегу реки. Теперь можно было пустить лошадь рысью, а еще через полмили спустя — галопом. Вскоре мы подъехали к мельнице, я уловил чувство облегчения у Розалинды и понял, что она где-то рядом — чуть-чуть впереди нас. Мы опять пустились рысью, и вскоре я услышал впереди хруст ветвей. Я поехал на этот звук и увидел Розалинду, поджидавшую нас, да не одну, а с парой гигантских лошадей ее отца. На спине у каждого из громадных животных, возвышавшихся над нами, как башни, были по две большие корзины. Розалинда стояла в одной из корзин с натянутым луком наготове.

Я подъехал ближе, и она наклонилась посмотреть, что я с собой прихватил.

— Давай сюда одеяла. Что там у тебя в сумке? — спросила она. — Это все, что ты успел взять? — в тоне ее чувствовался укор.

— У меня не было времени на сборы.

Она быстро устроила из моих одеял что-то вроде мягкого седла между двумя корзинами. Я поднял Петру над головой так, чтобы она дотянулась до рук Розалинды, и та усадила ее на одеяла.

— Мы с ней будем здесь, — сказала Розалинда, — а для тебя есть место с другой стороны — в левой корзине. Оттуда можно стрелять с левой руки.

Она ловко бросила из своей корзины на спину громадной лошади что -то вроде веревочного стремени, и оно повисло на крупе животного так, что я, хотя и с трудом, мог дотянуться до него. Я слез с Шебы, повернул ее мордой к дому и шлепнул по крупу. Она тотчас же ускакала. Потом я осторожно влез в корзину, и как только я вынул ногу из самодельного стремени, Розалинда быстро втянула его наверх. Потом она взяла в руки повод, и, прежде чем я устроился в своей корзине, мы рывком тронулись с места.

Некоторое время мы ехали рысью по широкой проторенной дороге, а потом свернули на более узкую, вдоль

ручья. Там, где ручей пересекался с другим, мы снова повернули и поехали вдоль второго ручья. Проехав полмили, мы опять свернули и двинулись вдоль третьего ручья, и так повторялось еще несколько раз, пока земля под копытами лошадей не стала тверже. Копыта зацокали по камням, и я понял, что у Розалинды был заранее продуманный маршрут, запутывающий наши следы. Вероятно, эта мысль донеслась до нее. Она сразу отозвалась, причем несколько холодновато:

— Жаль, что ты спал вместо того, чтобы хоть немного поразмыслить о нашем будущем.

— Я первый узнал, что нам грозит опасность, — стал оправдываться я, — но я и думать не мог, что это случится так скоро...

— И поэтому, когда я изо всех сил старалась связаться с тобой, ты преспокойно храпел. Мы с матерью целых два часа набивали эти чертовы корзины съестным, а ты в это время спал сном праведника!

— С матерью? — переспросил я. — Она что, знает?!

— Кое-что знает, а кое о чем давно догадывалась. Не знаю, правда, что она обо всем этом думает, мы никогда с ней об этом не говорили... Может, ей казалось, что если молчать и делать вид, что все нормально, то э т о г о как бы и нет... Словом, когда я вечером сказала, что, возможно, мне придется срочно уехать, она не удивилась... Только расплакалась. У меня такое чувство, что она исподволь давно готовила себя к тому, что в один прекрасный день ей придется помочь мне скрыться... Когда этот день настал, она помогла...

Я стал думать об этом и никак не мог представить себе с в о ю мать, делающую то же самое ради Петры. А ведь она плакала тайком, когда выгнала тетю Харриет... А та и вовсе была готова на преступление ради дочки... Как, впрочем, и мать Софи...

Я ехал и думал о том, что сейчас чувствует моя мать... Радуется ли она втайне, что я увез Петру, или сожалеет об этом?..

Мы по-прежнему петляли по заранее намеченному Розалиндой пути. Камней и ручейков под копытами лошадей становилось все больше и больше, пока мы, наконец, не выехали на берег реки и не повернули к лесу. Еще дав-

ным-давно мы условились в случае побега пробираться к юго-западу. Здесь нам можно было почти не опасаться, что кто-то нападет на след лошадей-гигантов. В этом направлении мы и двигались, пока не начало рассветать. Тогда мы въехали в самую чащу, нашли там поляну с сочной травой для лошадей и распрягли их, чтобы они могли попастись. Сами мы позавтракали хлебом с сыром. Розалинда сказала:

— Раз уж ты так хорошо выспался, сейчас твоя очередь бодрствовать.

Они с Петрой устроились поудобнее в одеялах и почти сразу заснули. Я присел на землю, положил лук на колени и с полдюжины стрел под правую руку. Кроме пения птиц, да треска сучьев под лапами какого-нибудь зверька, да еще неторопливого хрумканья лошадей, ничего кругом не было слышно. Взошло солнце, и стало теплее. Время от времени, чтобы не задремать, я вставал и обходил поляну с луком наготове.

Через несколько часов я у с л ы ш а л Мишеля.

— Где вы сейчас? — спросил он меня.

Я объяснил.

— Куда собираетесь двигаться?

— На юго-запад, — сказал я ему. — Ехать ночью, а днем спать.

Он согласился, что это самое разумное, но добавил:

— Из-за этих чертовых слухов о готовящемся набеге Джунглей в лесу будет полно дураков с оружием. Не знаю, стоило ли брать этих здоровенных лошадей. Если их кто-нибудь увидит, слух разнесется как пожар. Одного следа будет достаточно...

— По быстроте они, может, и не лучше обычных, — возразил я, — но зато они намного выносливее.

— Да, это может тебе пригодиться, — подумав, согласился он, — и вообще тебе придется... придется что-то придумать. Если честно, то я даже боюсь загадывать. Марк тоже пока вне подозрений... Но они здорово напуганы. Собираются послать за вами погоню. Я постараюсь вызваться в один из отрядов и скажу им, будто слышал, что вы двинулись на юго-восток. Когда они поймут, что ошиблись, Марк постарается увлечь их на северо-запад... Если вас кто-нибудь засечет, ни под каким видом не давай

ему уйти. Только без выстрелов! Есть приказ не пользоваться ружьями, и выстрел сразу наведет их на след!

— Да у нас и ружей-то нет, — сказал я.

— Тем лучше, у тебя не будет искушения... Кстати, они-то уверены, что ружье у вас есть...

С самого начала я твердо решил ружье с собой не брать. Бьют они, конечно, дальше чем стрелы, но стрелы бесшумны и можно успеть выстрелить раз десять, пока ружье перезарядишь хотя бы дважды.

Тут в наш разговор вмешался Марк.

— Я вас слышал, — сказал он, — и наплету им, если будет нужно, про северо-запад.

— Хорошо, только не спеши с этим, пока я не дам тебе знать, — ответил Мишель и снова переключился на меня — Розалинда спит? Скажи ей, чтобы связалась со мной, когда проснется.

После этого он отключился. Еще несколько часов я бродил с луком по поляне, потом разбудил Розалинду. Петра крепко спала, я лег рядом с ней и через секунду уже спал.

Спал я, наверно очень чутко, а может, просто случайно услышал во сне Розалинду.

— Я убила его, Мишель!.. Он... он мертв!.. — мысли ее были путаные и неясные.

— Розалинда, успокойся! — услышал я спокойный голос Мишеля. — У тебя не было другого выхода, слышишь? Ты должна была это сделать! Пойми, это война! Не на жизнь, а на смерть, и не мы ее начали. У нас есть такое же право жить, как и у них. Ты не должна сейчас терзаться!..

— Что случилось? — спросил я,не понимая ничего.

Они или не услышали меня, или просто не захотели отвлекаться. Я огляделся вокруг: Петра по-прежнему мирно спала, лошади паслись неподалеку. Я снова услышал Мишеля.

— Спрячь его, Розалинда! Найди где-нибудь яму, свали его туда и засыпь листьями!

Розалинда сумела побороть тревогу и отчаяние и согласилась с ним. Я встал, подхватил лук и пошел ее искать. Как только я пересек поляну, мне пришло в голову, что

Петра осталась без присмотра, и дальше двинуться я не рискнул.

Через несколько минут из чащи, пошатываясь, вышла Розалинда. Она шла очень медленно, еле переставляя ноги и одновременно механически очищая стрелу от чего-то пригоршней листьев.

— Что случилось? — с тревогой спросил я.

Она, казалось, совершенно потеряла контроль над собой и своими мыслями. В голове у нее был полный сумбур и отчаяние. Подойдя ближе, она сказала мне словами:

— Это был мужчина... Он пошел по следу наших лошадей. Я видела, как он шел по следу. Мишель сказал, чтобы я... Ох, Дэви, я не хотела! Но что мне оставалось делать?!

Ее глаза были полны слез. Я обнял ее и дал выплакаться у меня на плече. Чем я мог ее утешить? Только повторить то, что сказал Мишель...

Мы медленно пошли к нашей стоянке, она уселась возле спящей Петры, и я спросил:

— А что с его лошадью? Она убежала?

— Не знаю... — она передернула плечами. — Наверно, она у него была, но когда я его увидела, он шел пешком...

Я подумал, что надо было бы вернуться и посмотреть, не оставил ли он где-нибудь неподалеку привязанную лошадь. Я прошел назад примерно с полмили, но нигде не нашел ни лошади, ни хотя бы следов ее копыт — следы наших гигантов в счет не шли, их нельзя было спутать ни с какими другими. Когда я вернулся к стоянке, Петра уже проснулась и весело болтала с Розалиндой.

Время шло к полудню. От Мишеля и остальных ничего не было слышно. Несмотря на то, что произошло, лучше все-таки было оставаться здесь до темноты, и мы ждали ночи...

Где-то около полудня мы услышали... Это была не м ы с л ь, у э т о г о не было очертаний, это была страшная боль, напоминающая об агонии. Петра вскочила и с плачем уткнулась Розалинде в колени. Излучаемое страдание было настолько сильным, что причиняло боль и нам. Мы с Розалиндой в страхе смотрели друг на друга, руки у меня дрожали, у нее тоже. Шок был таким сильным,

что мы даже не могли разобрать, от кого из наших он исходит.

Через несколько секунд был опять всплеск боли, стыда и какого-то полного опустошения, но теперь мы отчетливо уловили от кого э т о шло... Без сомнения, это была Кэтрин. Розалинда впилась ногтями мне в руку, и мы терпели, пока вспышка боли не потускнела и не исчезла совсем.

Через какое-то время мы услышали Салли. От нее исходили волны любви и сострадания к Кэтрин, смешанные с ужасом. К нам она обращалась и с ужасом, и со стыдом:

— Что они сделали с Кэтрин!! Господи, что они с ней сделали!.. Ох, Кэт!.. Вы не должны ее винить, слышите!! Не должны... Если бы вы знали, как они ее пытали!.. Никто из нас не выдержал бы... Она теперь без сознания... Она нас не слышит... Кэт! Кэт, милая!.. — Ее мысли потеряли конкретные очертания и превратились в сгусток боли и отчаяния.

Потом мы услыхали Мишеля. Никогда еще в жизни мне не доводилось сталкиваться с такой яростью, хотя он и сдерживался изо всех сил.

— Это война... Война! — буквально выдавил он, стараясь сдерживать злобу и ярость. — Рано или поздно я у б ь ю тех, кто это сделал! Я буду не я, если не убью!

После этого мы не слышали никого больше часа. За это время мы, как могли, постарались успокоить Петру. Она не много поняла из нашего разговора, но безошибочно уловила боль и страдание Кэтрин. Для ребенка этого было достаточно, чтобы испугаться до смерти.

Через час с лишним мы услышали Салли.

— Кэтрин во всем призналась... Во всем, — она говорила с трудом, словно принуждая себя. — Я... Я тоже все подтвердила. Они все равно бы меня заставили. Я... Я не могла на это смотреть. Раскаленные иглы! И... все остальное... Я не могла! Простите меня! Ради бога, простите нас!..

— Салли, детка, — вмешался Мишель, — вас никто не винит! Ни тебя, ни Кэтрин, поверь мне! Мы... Мы все понимаем, но мы должны знать, что вы им сказали. Что они теперь знают?

— Все... Про Дэвида и Розалинду. Они и так были уверены, но хотели, чтобы мы подтвердили...

— А про Петру?

— Да... Ох, Петра!.. — мы остро почувствовали ее угрызения совести, как будто они были нашими. — Мы не могли иначе! Если бы вы только видели! Бедная девчушка... Но они и так знали... Ведь только поэтому Дэвид и Розалинда могли взять ее с собой. Нам было не отвертеться!..

— Что еще?

— Ничего. Больше ничего. Мы сказали, что это все, и они нам, кажется, поверили. Они все еще расспрашивают нас. Хотят узнать больше... Понять, к а к это у нас получается... Да, еще они хотят знать, на каком расстоянии э т о действует. Я сказала, что не больше пяти миль... Сказала, что даже вблизи очень трудно понимать чужие мысли... Кэт... Кэт пришла в сознание, но она не может с вами г о в о р и т ь... Если бы вы ее видели!.. Ох, Кэт! Бедняжка!.. Ее ноги!.. Мишель! Если б ты только видел ее ноги!..

Ее мысли опять стали сбивчивы, расплывались, осталось одно отчаяние, но и оно скоро исчезло. Мы молчали. Нам было очень больно. Если бы мы узнали все с о с л о в! Слова можно подобрать, обдумать и только потом произнести... Но мы узнали н а п р я м у ю... Мы все были с в я з а н ы между собой, и больно было всем...

Солнце заходило, и мы начали потихоньку собираться, когда услышали Мишеля.

— Слушайте, — сказал он, — они в дикой панике. Мы их здорово напугали. Обычно если кто-то с отклонениями убирается прочь из округи, местные власти на этом успокаиваются. Им ведь только важно, чтобы в их округе все было чисто, а на остальные места им наплевать. Кроме того, беглецу все равно никуда не скрыться — везде потребуют Метрику или тщательный осмотр, так что рано или поздно он все равно попадет в Джунгли. Но с нами дело обстоит иначе. Их страшно напугало, что э т о нельзя разглядеть. Двадцать лет мы жили среди них, не вызывая никаких подозрений. Значит, мы и в других местах можем сойти за НОРМУ. Они повсюду разослали депеши,

официально объявляющие нас "отклонениями". Это значит, что вы — вне закона. Вы не люди, и стало быть, не вправе рассчитывать на чью бы то ни было жалость. Каждый, кто хоть чем-то поможет вам, совершит тем самым преступление. И каждый, кто скроет ваше местонахождение, тоже будет наказан по закону... По их закону... Практически это значит, что любой встречный может запросто пристрелить вас. Назначена даже небольшая награда за вас — мертвых. Но куда большая награда обещана тем, кто возьмет вас живыми.

— Я не понимаю, — помолчав, сказала Розалинда. — Если мы пообещаем уйти отсюда и никогда не возвращаться...

— Они нас боятся! — перебил ее Мишель. — Они хотят узнать, к а к мы э т о делаем. Поэтому мы и нужны живые. И дело тут вовсе не в правильном или неправильном образе и подобии, хотя формально они прикрываются этим... Но на самом деле они понимают, что мы для них о п а с н ы... Ну, представь себе, что таких, как мы, гораздо больше и все мы можем говорить друг с другом без их возни со словами, записками, письмами... Мы же сможем со временем просто в ы т е с н и т ь их. Конечно, им это не нравится. Поэтому они стремятся во что бы то ни стало уничтожить нас. Для них это вопрос жизни и смерти... Или мы, или они... И знаете, может, это вас и удивит, но... По-своему, они правы...

— Они... Они убьют Кэт и Салли? — вырвалось непроизвольно у Розалинды. Затаив дыхание, мы стали ждать ответа от кого-нибудь из девушек. Но те не отвечали. Может быть, они просто з а к р ы л и с ь от нас, может быть, без сознания, а может быть... уже мертвы... Последнее предположение Мишель, после короткого раздумья отверг.

— Вряд ли они сделают это сейчас, когда те уже у них в руках. Это может вызвать недовольство у людей. Одно дело объявить отклонением новорожденного из-за какого-то видимого дефекта, и совсем другое — мы. Тут все сложнее. Людям, которые многие годы принимали девушек за НОРМУ, трудно будет переварить такое. Если их убьют, многие станут сомневаться в справедливости закона... Ведь получится, что они объявлены отклонениями как бы з а д н и м числом.

— Но нас-то они наверняка убьют? — спросила Розалинда.

— Вы ведь еще не схвачены. Вы совершили побег, и вы среди чужих. Для всех чужих вы просто сбежавшие монстры...

Пожалуй, он был прав. Мы молчали. Через некоторое время Мишель спросил:

— Куда вы собираетесь ехать?

— На юго-запад, как и решили, — ответил я. — Вообще-то мы собрались остановиться где-нибудь в Необжитой Земле. Но теперь, когда каждый случайный встречный, любой охотник может застрелить нас безо всяких разговоров, думаю, нам придется идти в Джунгли.

— Я тоже думаю, что другого выхода нет, — сказал он. — Если вы сумеете переждать там какое-то время, может быть, мы сумеем распустить слух о вашей гибели. Завтра я ухожу с поисковой группой на юго-восток и сразу дам вам знать, что там происходит. А пока, если вы на кого-нибудь наткнетесь, не ждите — стреляйте первыми!

На том мы и порешили. Розалинда закончила сборы, и мы стали устраивать корзины поудобнее. Наконец мы уселись — я опять в левую, а Розалинда с Петрой в правую — и тронулись. Петра, как -то необычно притихшая во время сборов, неожиданно разразилась слезами.

Оказалось, она ни за что не хотела ехать в Джунгли — боялась Старуху Мэгги и Волосатого Джека — страшилищ, которыми у нас запугивали непослушных детей, чтобы они не отходили далеко от дома. Мы-то понимали, что все это — сказки, но и нам было не так уж легко отрешиться от всего, что нам внушали в детстве. Да и что мы, по сути дела, знали про те места, куда держали путь? Все это невозможно было скрыть от Петры, и она продолжала и з л у ч а т ь страх и отчаяние. То ли она уже научилась немного сдерживаться, то ли мы сами научились создавать своего рода барьер от ее страшных в с п л е с к о в. И все же, удивительная сила ее п е р е д а ч давала себя знать. Лишь через полчаса Розалинде удалось ее утешить, и в наступившей тишине мы услышали Мишеля.

— Ну что там с ней опять? — раздраженно спросил он.

Мы объяснили ему, в чем дело, и, мгновенно погасив свое раздражение, он в очень простых и понятных "картинках" стал рассказывать Петре, какое тихое и спокойное место — Джунгли. Там, говорил он ей, живут люди, которым просто не повезло. Некоторые из них и вправду выглядят немножко странно, но они же в этом не виноваты, поэтому их нужно жалеть, а вовсе не бояться. Это не так уж важно, как люди выглядят снаружи, ко всему можно привыкнуть со временем, и...

Тут Петра неожиданно прервала его.

— Кто еще сейчас говорит? — задала она вопрос нам всем.

— Кто говорит? Ты... о чем это? — не понял Мишель.

— Я слышу кого-то... Какой-то голос, и он д р у г о й!.. Он смешивается с твоим, Мишель... — сказала она.

Все замолчали и прислушались. Я напрягся изо всех сил, но ничего не услышал. Другие, кажется, тоже.

— Ничерта не слышу, — сказал Мишель, — да и кто...

Петра мысленно прикрикнула на всех. На словах это прозвучало бы как "заткнитесь". Мы "заткнулись". Я посмотрел на корзину, в которой сидела Розалинда. Она обнимала Петру за плечи и внимательно поглядывала ей в глаза. Петра сидела зажмурившись, вся напряженная. Наконец она чуть-чуть расслабилась.

— Ну? Что там было? Что... ты слышала? — спросила Розалинда.

— Кто-то спрашивал меня... какая-то женщина... — мысли Петры были не очень ясные, в них скользило удивление и растерянность, — где-то очень-очень далеко... Она сказала, что уже давно слышит мой страх. Она хочет знать, кто я и... где я нахожусь... Сказать ей?

Мы все тоже растерялись. Первым оправился от изумления Мишель.

— Ладно, Петра, — сказал он, — попробуй сказать ей...

— Но мне придется говорить очень громко, — предупредила нас Петра, — ведь она... та женщина... очень-очень далеко отсюда...

Это и впрямь было г р о м к о. Если бы она нас не предупредила и мы не успели бы "закрыться", наши мозги

просто р а с п л а в и л и с ь бы. Передача Петры была очень простая, но т а к о й силы... От Мишеля донесся сдавленный стон, на который Петра немедленно отреагировала своим "заткнись". После этого была пауза, а потом еще один оглушительный "сеанс". Когда все стихло, Мишель спросил:

— Ну? Где она... эта твоя женщина?

— Там, — сказала Петра и махнула рукой.

— А, черт! Где там? Узнайте вы у нее!

— Она показывает на юго-запад, — сказал я.

— Петра, детка, а ты спросила, как называется то место, где она... ну, эта женщина, живет? — ласково обратилась к Петре Розалинда.

— Я спросила, но это название... Оно ничего не значит... — словами ответила ей Петра. — Я ничего не поняла, кроме того, что там много воды... Она тоже не поняла, где я нахожусь.

— Попроси ее передать по буквам, — предложила Розалинда.

— Но я же не знаю букв! — Петра чуть не заплакала.

— Что же нам делать? — с тоской прошептала Розалинда. — Вдруг ее осенило. — Петра, детка, я сейчас нарисую тебе буквы одну за другой, а ты передашь ей эти картинки, ладно?

Петра подумала и кивнула.

— Приготовьтесь! — скомандовала нам Розалинда. — Сейчас начнется!

Она мысленно нарисовала букву "Л", и Петра тут же передала эту букву с оглушительной силой. Розалинда нарисовала "А" и так далее, пока не закончила слово. Петра сказала:

— Она поняла. Но она не знает, где находится этот самый Лабрадор. Она попробует узнать, и еще она хочет передать по буквам свое название... Ну, там, где она живет, но я сказала, что у нас так ничего не получится...

— Получится, родная. Смотри, ты примешь картинку от нее и передашь нам, только п о т и х о н ь к у, я прошу тебя! Так, чтобы мы не о г л о х л и!

Первая буква оказалась "З". Мы были разочарованы.

— Где это может быть? — заговорили все разом.

— Должно быть, она перепутала! Это, наверное "С", — сказал Мишель.

— Нет, не "С", а "З"! И ничего я не путала! — Петра опять чуть не заплакала.

— Не обращай на них внимания, детка, — сказала Розалинда. — У тебя здорово получается, давай дальше.

Когда все слово получилось целиком, Мишель сказал:

— Все остальные буквы правильные, наверное, это все-таки Селандия...[1]

— Первая буква "З", а не "С", — упрямо твердила Петра.

— Но, родная, — вмешалась Розалинда, — ведь тогда получается бессмыслица. А Селандия — это место, где много моря, понимаешь? Земля посреди воды...

— Вообще-то Аксель говорил, что морей... вообще воды на земле гораздо больше, чем мы привыкли думать... — неуверенно протянул я. — Но даже если так...

Я не успел закончить, как нас неожиданно оглушила Петра, по собственной инициативе связавшаяся с неизвестной женщиной. Когда "сеанс" закончился, она торжествующе объяснила:

— Говорила я вам, что "З"! Она объяснила, что буква звучит так, будто... Ну, как пчела делает...

— Ладно, —примирительно сказал ей Мишель. — Ты права. А теперь спроси ее, есть там у них море?

— Есть! — через некоторое время (пока мы все сидели, образно говоря, заткнув уши) воскликнула Петра. — Там... две земли... два куска... А вокруг — одно море. а еще там... солнце светит все время, и днем и ночью, и... все вокруг голубое-голубое...

— Ночью солнце? — переспросил Мишель. — Да это сумасшедшая какая-то!..

— Там у них нет ночи... Она показала мне, — перебила его Петра, понимаешь? П о к а з а л а... Там много-много домов, только не таких, как в Вакнуке, а больших-больших. И еще там такие смешные повозки...

1 Sealand — *(букв.)* Морская земля.

без лошадей. И такие штуки в воздухе... с такими... наверху... — она вдруг передала "картинку".

Пораженный, я узнал один из моих детских, давно забытых снов и повторил "картинку" более отчетливо.

— Во-во, точно такая! — обрадовалась Петра.

— Это что-то уж совсем непонятное, — пробормотал Мишель. — Слушай, Дэви, а ты-то, черт возьми, откуда это знаешь?

— Пусть Петра выудит из нее все, что сможет, — прервал я его, — а уж потом мы все как следует обсудим.

Мы опять "зажали уши" и постарались отгородиться от очередного "сеанса". Петра вошла во вкус, и в головах у нас одна за другой взрывались "молнии" и стоял дикий "грохот"...

Ехали мы тем временем медленно, избегая проезжих дорог, продираясь сквозь чащобы. Луки мы держали наготове, не столько опасаясь людей в этой глухомани, сколько из-за боязни наткнуться на какого-нибудь дикого зверя. К счастью, мы повстречали лишь одного, да и тот, почуяв нас, дал деру. Наверно, его испугали громадные лошади...

Летние ночи в здешних местах короткие, и с первыми же лучами солнца мы остановились на небольшой полянке. Расседлывать лошадей мы не стали — не стоило тратить времени и стаскивать тяжелые корзины. Если бы нас схватили врасплох, пришлось бы оставить их тут, а в них была вся наша еда и одежда.

Пока мы ели, я потихоньку расспрашивал Петру о "картинках", которые показывала ей неизвестная подруга. Чем больше она мне рассказывала, тем яснее я узнавал свои детские сны. Все сходилось до мелочей... Было странно и удивительно узнавать, что я не просто мечтал о никогда не существовавшем Городе Древних, а в и д е л место, которое и впрямь есть на Земле. Пусть где-то очень далеко, но есть. Правда, Петра быстро устала, и я решил не мучить ее больше расспросами, а дать им с Розалиндой поспать.

Как только рассвело, я услышал Мишеля.

— Они напали на ваш след, Дэви! Собака нашла того парня, которого застрелила Розалинда... И они увидели следы ваших лошадей... Наш отряд поворачивает на юго-

запад, так что не теряй времени — двигай дальше! Где вы сейчас?

Я мог ответить лишь приблизительно, что мы где-то неподалеку от Диких Лесов.

— Давай быстрее! Не теряй времени! — повторил он. — Если будете копаться, они отрежут вас от Дикого Леса, и тогда!...

Он был прав. Я разбудил Розалинду, и минут через десять мы тронулись. Петра дремала на одеялах.

Теперь уже было не до того, чтобы выбирать окольные пути. Мы выехали на первую попавшуюся дорогу, ведущую к югу, и пустили лошадей рысью. Дорога все время петляла, но двигались мы в правильном направлении. Миль десять мы проехали спокойно, безо всяких приключений, пока не столкнулись нос к носу с человеком, скакавшим во весь опор прямо на нас. Увидели мы друг друга одновременно, когда между нами оставалось метров тридцать, не больше.

ГЛАВА XIII

Он ни секунды не сомневался в том, кто мы такие. Едва увидев нас, он тотчас же потянулся к луку. Прежде чем он успел натянуть тетиву, мы с Розалиндой выстрелили.

Нам никогда еще не приходилось стрелять с такой высоты, и обе наши стрелы просвистели у него над головой. Его стрела задела голову одной из наших лошадей. Во второй раз я снова промахнулся, но Розалинда угодила его лошади прямо в грудь. Та взвилась на дыбы, едва не сбросив седока, повернулась и с громким ржаньем понеслась от нас прочь. Я выстрелил им вслед и угодил лошади в ляжку. Она резко дернулась в сторону, всадник вылетел из седла прямо на дорогу. Лошадь, освободившись от седока, помчалась в чащу.

Мы проехали мимо валявшегося на дороге человека даже не поглядев в его сторону. Он проворно отполз от дороги, когда громадные копыта поравнялись с ним, и последнее, что я видел, как он сидел на земле, ощупывая

ушибленную голову и грудь. Самое поганое во всем случившемся было то, что теперь впереди нас летела, сломя голову, раненая и загнанная лошадь.

Через несколько миль лес неожиданно кончился, и мы выехали на какое-то засеянное поле. Примерно с милю, если не больше, мы ехали по этому полю, пока снова не замелькали по бокам деревья. Почти вся земля вокруг была занята под огороженные пастбища. За изгородями паслись овцы, но людей не было видно. На одном из полей мы увидели молодые всходы. По видимому, они походили на овес, но такой странный, что будь это поле у нас в Вакнуке, оно давно уже было бы выжжено. Это могло означать только одно: по-видимому, мы уже были в Диких Местах, где на подобные отклонения смотрят сквозь пальцы.

Дорога, по которой мы ехали, спускалась вниз с откоса к небольшой ферме, более чистенькой и аккуратной, чем несколько разбросанных там и сям крыш и изгородей. Во дворе фермы мы увидели четырех женщин и несколько мужчин, окруживших взмыленную гнедую лошадь. Мы сразу поняли, что это была за лошадь: из ляжки у нее торчала стрела, и все собравшиеся вокруг нее оживленно размахивали руками. Мы двинулись прямо на них, пока они еще не успели сообразить в чем дело, и схватиться за луки. Они были так увлечены лошадью, что увидели нас, когда мы уже были совсем рядом. Один из них повернул голову в нашу сторону, что-то сказал остальным, и все, как по команде, уставились на нас. Наверно, они никогда не видели таких громадных лошадей, потому что долго стояли в немом изумлении. Первой среагировала раненая мной гнедая кобыла: она захрипела, встала на дыбы и попятилась. Нам не было нужды стрелять: все мгновенно исчезли за изгородями и дверьми домов, и мы беспрепятственно пересекли двор.

Дорога сворачивала налево, но Розалинда правила напрямик к ближайшему лесу. То и дело раздавался треск и хруст разрушаемых нами маленьких построек, но мы ехали напролом, оставляя позади развороченные доски и щепки от изгородей. У самого леса я оглянулся: все жители поселка высыпали во двор и, размахивая руками, шумно галдели, глядя нам вслед.

Через три или четыре мили мы выехали на открытую равнину. Такое я видел впервые... Вся равнина была покрыта кустами, зарослями травы и папоротника. Но все эти растения были огромны, с широченными листьями. Трава достигала необычайных размеров: кое -где ее острые концы раскачивались в метрах трех от земли. Некоторое время мы продирались сквозь эти странные заросли все дальше на юго-запад, пока не добрались до следующего леса. Деревья тут тоже были громадные, и среди них легко было затеряться. Вскоре мы нашли поляну с более или менее обычной травой и решили хоть чуть-чуть отдохнуть.

Я слез с лошади, Розалинда расстелила одеяла, и мы немного поели. Все было тихо, как вдруг Петра безо всякого предупреждения опять начала "сеанс", так что я от неожиданности прикусил язык. Розалинда зажмурилась и прижала ко лбу ладонь.

— Ради всего святого!.. Детка!..

— Ой, я забыла! — сконфуженно спохватилась Петра.

Она посидела еще минуты две, склонив голову набок, словно к чему-то прислушиваясь, и объявила:

— Она хочет поговорить с кем-нибудь из вас. Она говорит, чтобы вы все сосредоточились, а она попробует вас д о с т а т ь.

— Хорошо, родная, только ты уж, пожалуйста, помолчи, — сказала Розалинда, — а то мы все оглохнем.

Я напрягся изо всех сил, раскрылся, как только мог, но ничего не услышал.

— Нет, не выходит, — вздохнул я, — скажи ей, что у нас ничего не получается. Эй, все, берегитесь!

С трудом мы перетерпели несколько секунд, а потом Петра, слегка умерив свой "голос", стала пересказывать нам то, что услышала о т т у д а. Мысли были очень простые: ей передавали только то, что она могла воспроизвести, не слишком вникая в смысл. Одно и тоже повторялось несколько раз — там хотели знать наверняка, что мы их поняли... Трудно объяснить словами то, что дошло до нас. Но главное мы уловили.

Речь шла, в основном, о Петре. Она, как мы поняли, представляла для них особую ценность. В любом случае, любой ценой Петру надо было уберечь. О такой силе мыслей, которой обладала она, т а м никто не слышал. Петра

была находкой, терять ее было нельзя ни в коем случае. Помощь уже была в пути, но пока они не придут за нами, мы должны были во что бы то ни стало сохранить в целости Петру...

Было еще много другого, не все мы поняли, но главным было вот это — насчет Петры.

— Ну как? — спросил я, когда Петра закончила.

— Тут что-то не сходится, — задумчиво сказал Мишель. — Конечно, силу Петры не сравнить с нашей... Но ведь она... эта женщина сказала, что их особенно поражает такая способность у п р и м и т и в н ы х людей! Вы обратили на это внимание? Похоже, что под примитивными она подразумевала н а с!

— Ну да, — сказала Розалинда. — И я так поняла!

— Может быть, Петра перепутала и сказала им, что мы из Джунглей? — предположил я, и тут же в голове у меня сверкнуло и бухнуло от возмущенного в с п л е с к а Петры. Я мужественно переждал, пока не пройдет головокружение, и сказал:

— Что касается помощи, то тут тоже, видимо, какая-то путаница. Ведь они находятся где-то на юго-западе, а всем известно, что там сотни миль Плохой Земли. Даже если предположить, что Плохая Земля где-то кончается, им придется пересечь ее, чтобы добраться до нас. Как же они придут нам на помощь?

— Что тут болтать попусту, — помолчав, сказала Розалинда, — Петра передала нам все, что могла... Так или иначе, вскоре это прояснится... И вообще я хочу спать, — закончила она.

Я тоже жутко хотел спать, и поскольку Петра часов шесть мирно проспала в корзине, мы велели ей внимательно глядеть по сторонам и разбудить нас, как только она заметит что-нибудь подозрительное. Мы с Розалиндой заснули, едва наши головы коснулись одеял.

Я проснулся оттого, что Петра трясла меня за плечо, и увидел, что солнце уже зашло.

— Это Мишель! — сказала Петра. Я стал слушать.

— Они снова напали на ваш след, — сказал Мишель. — Маленькая ферма на границе с Дикой Землей... Вы проехали через нее, помнишь? Так вот, они сколотили отряд

и станут вас преследовать, как только рассветет. Немедленно двигайте дальше. Не знаю точно, но впереди могут быть еще несколько отрядов с запада. Они хотят отрезать вас от Джунглей. Если это так, ручаюсь, что ночью они разобьются на несколько небольших отрядов. Они не станут рисковать и двигаться цепью, по одному — они ведь знают, что люди из Джунглей рыщут где-то неподалеку. Так что у вас есть шанс проскочить...

— Слушай... а что там с Кэтрин и Салли? — спросил я.

— Не знаю. Они молчат. Впрочем, расстояние теперь порядочное...

— Кэтрин все время была без сознания, — услышал я приглушенный голос Рэйчел (действительно, сказывалось расстояние), — она по-прежнему молчит. Мы с Марком боимся, что она...

— Говори, не бойся, — подстегнул ее Мишель.

— Она уже столько времени без сознания, что мы не уверены, жива ли она...

— А Салли?

— Мы... С ней... с ней творится что-то странное, — с трудом выдавила Рэйчел, — мы что-то слышали от нее раза два, но очень слабо... как-то бесформенно. Ничего нельзя было понять... Мы боимся, что... — она никак не могла выговорить...

— Ты понял, что это значит, Дэвид? — сдавленно спросил Мишель. — Они нас б о я т с я. Они готовы живьем разрезать нас на куски, чтобы узнать, как мы это делаем. И разрежут... Если поймают. Ты не должен дать им в руки Петру и Розалинду, слышишь?! Не должен!! Лучше убей их сам, чем... т а к о е! Ты понял?

Я взглянул на спящую Розалинду. Волосы ее на солнце отливались медью, и я подумал об агонии, которая исходила от Кэтрин. От одной мысли, что Петра и Розалинда могут испытать нечто подобное, у меня по спине пробежали мурашки...

— Да! — сказал я. — Я... я тебя понял!

Какое-то время я ощущал сочувствие Мишеля и, чуть слабее, Марка с Рэйчел. Потом все стихло. Я повернулся и увидел, что Петра сидит и смотрит на меня широко раскрытыми глазами.

— Почему он сказал, что ты должен убить нас с Розалиндой? — спросила она по-детски наивно, и в этом вопросе было больше удивления, чем испуга.

Я постарался взять себя в руки.

— Это только, если они поймают нас, — сказал я, стараясь, чтобы мой "голос" прозвучал естественно.

— Почему? — повторила она.

— Ну... потому что мы... не такие, как они. Мы умеем р а з г о в а р и в а т ь без слов. А они — нет. Поэтому они так бояться...

— Но почему? Почему они должны нас бояться? — перебила она нетерпеливо. — Мы ведь их не обижаем, правда?

— Я и сам толком не знаю, почему, — машинально выговорил я и подумал, что это почти правда. — Но это так. Может, оттого, что они плохо умеют думать... Ведь чем люди тупее, тем больше им хочется, чтобы все остальные были такими же, как они. А всех, кто не похож на них хоть в чем-то, они боятся... И чем больше боятся, тем больше стараются... сделать им больно.

— Почему? — не отставала Петра.

— Ну... потому что они не такие. И они сделают нам очень больно... Если поймают.

— Я не понимаю, — помолчав, грустно сказала Петра.

— Я тоже. Но это так, и это... очень скверно. Когда ты вырастешь, ты поймешь, а сейчас запомни: мы не хотим, чтобы тебе и Розалинде было больно. Помнишь, как ты ошпарилась кипятком в кухне? Так вот, если нас поймают, будет гораздо больнее, и лучше умереть, чем испытать т а к о е... Умереть, это... ну, как заснуть. Крепко-крепко... Так крепко, что тебе уже никто не сумеет сделать больно...

Я посмотрел на Розалинду. Ее маленькая грудь тихонько приподымалась и опускалась... Она спала... Непослушная прядь волос выбилась на щеку, я тихонько убрал ее и поцеловал — очень осторожно, чтобы не разбудить...

— Дэвид, когда ты убьешь нас... — начала было Петра, но я обнял ее за плечи и сказал:

— Тише, детка. Не нужно сейчас об этом. Мы никогда не дадим им нас поймать! И все! Давай-ка лучше разбудим сейчас Розалинду, только... не будем рассказывать

ей про наш разговор, ладно? Это... очень огорчит ее... Пусть это будет наш с тобой секрет, договорились?

— Ладно, — согласилась Петра и тихонько дотронулась до щеки Розалинды.

Мы решили поесть и тронуться в путь, как только совсем стемнеет. За едой Петра молчала, и я было подумал, что она никак не может забыть наш разговор. Но я ошибся: она думала совсем о другом. Прожевав очередной кусок хлеба, она неожиданно сказала:

— А там хорошо... У них , в Селандии... Там все умеют рисовать мысленные картинки, ну, почти все, и никто друг друга за это не обижает...

— А ты, оказывается, не теряла времени даром. Болтала с ними, пока мы спали? — спросила Розалинда. — Ну что ж, нам так даже лучше...

Петра не обратила на ее слова никакого внимания и продолжала свое:

— У них, правда, не у всех это хорошо получается... Хотя у большинства — как у вас с Дэвидом... Но у нее — гораздо лучше, чем у остальных... А еще у нее есть двое детей, и она думает, что у них это будет получаться совсем здорово... Только они еще пока очень маленькие. Но она думает, что даже и у них не будет получаться так здорово, как у меня. Она говорит, что так я р к о рисовать картинки мыслями, как я, у них вообще никто не умеет!

— Ну насчет я р к о с т и — это меня не удивляет, — вздохнула Розалинда, — но тебе надо научиться рисовать их х о р о ш о и... не так громко...

Петра пропустила это мимо ушей.

— Она сказала, что я стану рисовать их еще лучше, только для этого нужно много... много... работать. И когда я вырасту, у меня будут дети, которые тоже будут уметь рисовать такие картинки... Еще лучше!..

— Вот как? — задумчиво сказала Розалинда. — А зачем это? Ведь это ничего не принесет, — с горечью добавила она, — кроме... кроме горя и страданий...

— В Селандии это не так! — твердо сказала на это Петра. — Она говорит, что там у них все х о т я т это делать, как можно лучше... А те, кто умеет плохо, стараются научиться!

Это нам было более или менее понятно. Я вспомнил рассказы Акселя о тех местах, где про отклонения думают, что они-то и есть НОРМА, а все остальные — мутанты.

— Она говорит, — твердила свое Петра, — что те, кто могут разговаривать только словами, что они... они что-то ут... утрачивают... Она говорит, мы должны жалеть их, потому что они никогда не смогут понимать друг друга, как мы... Они всегда будут только сами с собой... Никогда не сумеют быть... быть в м е с т е!

— По правде говоря, сейчас мне как-то не до того, чтобы жалеть их, — заметил я.

— Она говорит, мы д о л ж н ы их жалеть, потому что по сравнению с нами они живут скучно и совсем неинтересно, — наставительно произнесла Петра явно чужую фразу.

Мы не стали с ней спорить. Многое из того, что она говорила, нам было трудно понять, наверно, она и сама понимала далеко не все. Но одно было ясно: эти селандцы, кто бы там они ни были, явно считали себя на порядок выше остальных. Я теперь понимал, что Мишель и Розалинда были правы, уловив их отношение к нам, как к "примитивным". Похоже, они и впрямь считали всех жителей Лабрадора чуть ли не дикарями.

Когда появились первые звезды, мы тронулись в путь, по-прежнему продираясь сквозь заросли кустарников и гигантской травы на юго -запад. Помня то, что нам сказал Мишель, мы старались ехать очень тихо и вздрагивали при каждом постороннем звуке. В течение нескольких миль все было тихо и спокойно, разве что какой-нибудь зверек пробегал под копытами наших лошадей.

Часа через три темнота сгустилась, и проехав еще немного, мы наткнулись на почти сплошную стену деревьев. Мы еще не успели сообразить, ехать ли нам напрямик или пытаться объехать эту, казалось, непреодолимую чащу, как где-то рядом прогремел выстрел. Пуля просвистела у нас над головами, и лошади рванулись так, что я едва не вылетел из корзины. Веревка, которой они были связаны друг с другом, порвалась и та лошадь, что шла сзади, кинулась прямо в лес, но потом свернула куда-то влево. Наша ринулась вслед за ней. Нам ничего не оставалось,

кроме как вцепиться изо всех сил в края корзины и стараться прятать головы от комьев земли и камней, летевших градом из-под копыт. Сзади прогремел еще один выстрел, и мы полетели во весь опор...

Эта бешеная скачка продолжалась до тех пор, пока выстрел не раздался впереди нас — где-то слева. Лошади дернулись вправо и устремились в самую чащу. Мы пригнулись как можно ниже, когда толстые ветки и сучья захлестали по корзинам.

К счастью, мы въехали в лес как раз в том самом месте, где громадные деревья росли не таким сплошняком, а оставляли прогалины, но все равно это был какой-то кошмар. Лошади объезжали только большие деревья, а все остальные сминали своим весом, и нас трясло и швыряло во все стороны.

Постепенно галоп сменился рысью, но удержать лошадей было невозможно — выстрелы здорово напугали их, и они неудержимо неслись вперед. Мне приходилось изо всех сил упираться руками и ногами в стенки корзины, чтобы не вылететь из нее, и я боялся даже на секунду высунуться и оглядеться: на такой скорости любой толстый сук мог запросто снести голову с плеч.

Я не знал даже, гнался ли за нами кто-нибудь, но, по-моему, сзади нас никого не было. Вряд ли обычная лошадь выдержала бы такую скачку, да и вообще продралась бы сквозь этот чертов лес.

Наконец, лошади немного успокоились и стали более осторожно выбирать дорогу. Розалинда высунулась из корзины и ухитрилась схватить вожжи. Животные пошли шагом, и мы выехали на узкую просеку. В темноте трудно было определить, куда ведет эта дорога, и мы долго не могли решить: ехать по ней или лучше не рисковать? Наконец, мы все-таки свернули с нее, и тут же треск веток заставил нас схватиться за луки. Но оказалось, что наша вторая лошадь, которая, как ни в чем ни бывало, пристроилась сзади, будто веревка, связывающая ее с нашей, была цела.

Лес постепенно редел. То и дело стали попадаться ручейки, замелькали просеки. Похоже, мы были уже в Джунглях. Рискнут ли наши преследователи идти за нами дальше, мы не знали, а связаться с Мишелем не могли:

должно быть, он спал. Мы подумали, не пора ли нам избавиться от наших громадин, о которых наверняка уже прошел слух на много миль вокруг. Может, стоило пустить их по дороге, а самим пешком двинуться в другую сторону? Решиться на это было нелегко, ведь избавляться от лошадей, не зная, прекратилась ли погоня, было глупо. С другой стороны, если даже они погоняться за нами, то догнать смогут и лошадей, причем довольно быстро: ведь за день они успевают проехать гораздо большее расстояние, чем мы за ночь. Мы не знали, что делать... Но мы так устали, а перспектива тащиться пешком так мало привлекала нас, что мы нерешительно продолжали топтаться на месте. Попробовали было еще раз связаться с Мишелем, но без толку. В конце концов выбирать пришлось не нам...

Лошади потихоньку сами двинулись вперед по просеке. Деревья смыкались верхушками над нашими головами, и мы ехали, как в тоннеле, почти ничего не различая впереди. Неожиданно что-то тяжелое и бесформенное упало на меня сверху, и я распластался на дне корзины. Огромная тяжесть придавила меня, и я не мог не то что дотянуться до лука, но даже просто шевельнуться. Я напрягся изо всех сил, чуть-чуть приподнялся, но в этот миг в голове у меня что-то взорвалось, и я потерял сознание.

ГЛАВА XIV

Очень медленно я пришел в себя и сразу услышал Розалинду. Настоящую Розалинду — робкую, доверчивую, открытую. Та, другая — уверенная в себе, практичная, сильная и независимая — была всего-навсего ее собственным созданием. Я видел, видел и чувствовал уже давно, что она начала искусственно создавать этот образ, будучи на самом деле очень ранимым, робким, хотя по-своему и решительным подростком. Раньше, чем все мы, она инстинктивно ощутила, что живет в чужом и враждебном ей мире, и стала сознательно готовить себя к тому, что рано или поздно ей придется встретиться с этой враждебностью лицом к лицу. Шаг за шагом она создавала себе броню. Я видел, как она

находила все новые и новые средства защиты, как упорно она л е п и л а свой образ. Создала она его в конце концов так искусно, так тщательно продуманно, что редко позволяла себе снимать эту маску, почти срослась с ней.

Я очень любил ее такой, какой она была для всех остальных. Я любил ее высокую, стройную фигуру, линию шеи и груди... Ее чудные, длинные ноги... Все это не просто нравилось мне — я л ю б и л все это... И то, как она двигалась, и тепло ее маленьких ладоней и ее улыбку. Я любил золотистую копну ее волос, матовую кожу лица, свежесть дыхания, тепло всего ее тела...

Но все это любить было легко... Даже слишком легко — э т о мог полюбить кто угодно... И все это нуждалось в защите... В в и д и м о с т и уверенности, в и д и м о с т и независимости, в и д и м о с т и силы и способности постоять за себя... Так возникла ее маска, ее "броня", которую я тоже любил, но больше восхищался, как великолепным произведением искусства. Она и в самом деле была произведением искусства, была и с к у с с т в е н н а я...

И вот сейчас я услышал другую, н а с т о я щ у ю, Розалинду, нежную, беззащитную... Она звала меня, отбросив, как ненужную шелуху, эту свою маску, шла мне навстречу, раскрывалась вплоть до самых потаенных уголков сознания...

Словами это не выразить...

Словами можно нарисовать тусклую картину телесной любви, в которой двое с у щ е с т в у ю т отдельно друг от друга, как бы они не стремились слиться воедино. Передать словами любовь, л ю б о в ь ее, мою, нашу, невозможно... Любовь волнами шла от нее ко мне, она захватила нас целиком, и не было между нами ни расстояния, ни различия... Мы были в м е с т е... Мы встречались, касались друг друга в н у т р и, проникали друг в друга и сливались в одно — мы больше не были о т д е л ь н о, не было ее и меня... Были мы!.. В м е с т е!..

Такую Розалинду не знал никто, кроме меня. Даже Мишель и все наши лишь изредка видели тень такой Розалинды, и они даже не представляли себе, ч е г о ей стоило даже им казаться такой, какой они привыкли ее знать... Никто!.. Никто не знал м о ю Розалинду — беззащитную, родную, любимую... Розалинду, боящуюся того,

что она с собой сделала, но еще больше боящуюся столкнуться с жизнью без маски, без "брони", которая стала уже частью ее самой.

Времени у нас не было. Мы были в м е с т е секунду — не больше... Но мы б ы л и вместе, и это главное, а сколько это продолжалось — не имеет значения... В сравнении с э т и м, ничто на свете не имеет значения...

Потом все кончилось, и я вернулся к реальности. Над нами было тускло-серое небо, лежал я очень неудобно, все тело затекло... Я услышал Мишеля, который, видимо, уже давно пытался связаться со мной, тревожно и настойчиво спрашивая, что с нами происходит. Я собрался с мыслями.

— Понятия не имею, — сказал я ему, — что-то вдруг ударило меня сверху... Но вроде я цел, только вот голова трещит и очень неудобно лежать...

Я чувствовал, что по-прежнему лежу на дне корзины и что-то буквально вдавило меня в ее днище.

Мишель ничерта не понял и обратился к Розалинде.

— Они спрыгнули на нас сверху, с веток — четверо или пятеро, — объяснила она, — один из них угодил прямо на голову Дэвиду...

— Кто они?! — почти выкрикнул Мишель.

— Люди из Джунглей, — к моему огромному облегчению ответила она.

— Это не в вас стреляли ночью? — спросил Мишель.

Я ответил, что в нас, но кто стрелял, я не знал.

— Наверно, это наши... — с досадой сказал он. — Я-то надеялся, что они потеряли ваш след. Мы тут собрались вместе — несколько отрядов. Все считают, что преследовать вас в Джунглях маленькими отрядами опасно, так что теперь мы пойдем все скопом — нас тут больше сотни. Выйдем, наверно, часа через четыре. Все решили, что в любом случае будет неплохо дать Джунглям хороший урок — меньше будут лезть к нам после. Постарайтесь избавиться от ваших лошадей. Пока они с вами, вам не замести следов...

— С этим советом ты слегка опоздал, — спокойно сказала Розалинда. — Я лежу связанная в корзине на одной лошади, а Дэвид — на другой.

— А где Петра? — с тревогой воскликнул Мишель.

— С ней все в порядке. Она на той же лошади, что и я, но в другой корзине. Похоже, она подружилась с парнем, который нас стережет.

— Расскажите мне подробно, по порядку, что произошло, — секунду подумав, сказал Мишель.

— Сначала они свалились на нас сверху. Потом из лесу выскочило еще человек двадцать. Они стащили нас вниз и стали гадать, что с нами делать. В конце концов они решили от нас избавиться: связали, кинули в корзины, на каждую нашу лошадь посадили по своему человеку и пустили вперед по дороге...

— Как вперед? Еще дальше в Джунгли?

— Ну да... — сказала Розалинда.

— Ну что ж, из всех дорог эта не самая худшая, — заметил с облегчением Мишель. — А как они с вами обращаются? Грубо?

— Нет. Совсем нет. Для них главное, чтобы мы не убежали. По-моему, они кое-что о нас знают, но не очень ясно представляют, что, собственно, с нами делать... Они долго спорили, но, кажется, их больше интересуют наши лошади... Тот, что едет с нами, совсем не злой. Он все время болтает с Петрой (словами, конечно)... По-моему, он слегка... ну, придурковатый...

— Вы можете что-нибудь разузнать об их планах? Что они собираются с вами делать?

— Я спрашивала у него, но он вроде и сам не знает. Ему только велели нас куда-то отвезти.

— Ну ладно... — Мишель, кажется, и сам был в растерянности. — Нам теперь остается только ждать... Правда, можно сказать ему, что мы за вами гонимся...

Я напрягся и перевернулся на живот. С трудом мне удалось подняться на ноги. Человек, сидящий в другой корзине, посмотрел на меня равнодушно.

— Н-но, пошла! — прикрикнул он на лошадь.

Неторопливо он снял с груди плетеную флягу на ремне и протянул мне. Попив воды, я вернул ему флягу, и он молча повесил ее себе на грудь.

Кое-что я уже различал вокруг. Мы ехали по довольно унылой местности. Громадный лес кончился, и деревья вокруг нас были нормальных размеров. Но даже по первому взгляду мне показалось на мгновение, что отец был

прав, когда говорил о пародии на НОРМУ. Ни для одного дерева я не мог подобрать названия: стволы, ветки, листья — все было н е п р а в и л ь н ы м. Некоторое время по левую сторону от нас тянулся фантастический частокол из куманики, шипы которой были размером с лопату. В другом месте земля была похожа на высохшее русло реки, усеянное крупной галькой, но когда мы подъехали ближе, "галька" оказалась шаровидными грибами, растущими так тесно, что между ними не было ни просвета, ни щелочки. Встречались деревья с такими мягкими стволами, что росли они не вверх, а стелились по земле. Тут и там попадались сморщенные, искривленные деревца, которым на вид было по сто-двести лет, если не больше...

Я исподтишка глянул на своего провожатого. На вид он был вполне нормальный, разве что весь в грязи. Одежда его была сильно измазана, а местами разорвана. Он перехватил мой взгляд.

— Первый раз в Джунглях? А, парень?

— Да, — сказал я. — Тут везде... т а к?

— Тут везде по-разному, — усмехнулся он, — на то они и Джунгли... Нигде не растет тут ничего одинакового... Пока что.

— Что значит "пока что"? — не понял я.

— Ну, со временем кое-что становится постоянным. Ведь и Дикая Земля тоже была когда-то Джунглями. Но теперь она постепенно приходит в норму. Видно, и те места, откуда ты родом, тоже были когда-то вроде Диких, но постепенно пришли в норму. Все со временем становится на свое место... Только медленно... Ну, да ведь Богу-то торопиться некуда...

— Богу? — неуверенно протянул я. — Но нас всегда учили, что в Джунглях... сам дьявол...

— Ну да, они так всегда говорят, — перебил он меня, — только все это чушь, парень! Дураки вас учат! Остолопы! Ничему их Кара не научила! Ведь Древние тоже думали, что о н и самые правильные. Считали, что только они знают, как надо жить... Напридумывали себе всяких удобств, разных там штуковин... Хотели быть поумнее Бога, — он усмехнулся, — а ничего не вышло, парень! Они думали, что сами лучше всех, дескать, последнее слово Божье... Но Бог еще последнего слова не ска-

зал! А когда скажет, сам умрет... Но пока что он не умер, и потому все вокруг меняется — все, что живет и растет. Когда ваши кретины хотят, чтобы все застыло на каком-то, по-ихнему, нормальном уровне, они много на себя берут... Много берут на себя, ты понял, парень? Кара ведь постигла Древних не зря, а чтоб помнили: ничего нет вечного, все меняется и должно меняться... Господь увидел, что дело не туда пошло, ну и стер все — авось, мол, в следующий раз выйдет лучше... — он помолчал немного, словно обдумывая то, что сказал, потом продолжал — Не до конца, правда, стер, кое-где опять то же самое получается... Скажем, там, откуда ты родом... Там ведь опять думают, что они, мол, самые правильные... Ну, да ничего! Он им еще покажет!..

Я слушал его молча и думал о том, что когда-то говорил мне Аксель. И впрямь все в е з д е считали, что именно они точно знают мысли и планы Божьи, словно он им лично о них рассказывал. Мой собеседник тем временем никак не мог успокоиться. Он широким жестом обвел весь пейзаж вокруг нас, и тут я неожиданно увидел его отклонение — на правой руке у него не хватало трех пальцев.

— Когда-нибудь, — сказал он торжественно, — из всего этого что-то выйдет. Все будет новое! Кара была хорошей встряской, чтобы начать все иначе... Они там, у вас, дождутся новой Кары, помяни мое слово, — выпалил он, точь-в-точь, как старый Джэйкоб...

— Но... зачем же нужна новая Кара? — собравшись с мыслями, спросил я.

— Да за тем, что ваши, как и Древние, на каждое изменение налагают запрет... Они ведь считают себя совершенством, кретины! Говорят: "Мы — образ и подобие Божье...". Выходит, по-ихнему, путь окончен? Все? Приехали? Дальше дороги нет? Но ведь это же ересь, парень? Ведь они из жизни хотят выжечь саму жизнь!

Услыхав про "ересь", я понял, что опять столкнулся с каким-то очередным вероучением, и мне стало скучно. Я решил перевести разговор на дела житейские и попытаться выяснить, почему они нас связали и куда тащат? Но он и сам ничего не знал толком и твердил лишь, что так всегда поступают поначалу с теми, кто вторгается в пределы

Джунглей. Я немного поразмыслил над его словами и связался с Мишелем.

— Что, по-твоему, мы должны им сказать? — спросил я. — Они наверняка будут нас допрашивать или, во всяком случае, р а с с п р а ш и в а т ь, увидят, что физически мы н о р м а л ь н ы, и нам придется дать какое-то объяснение, почему мы сбежали.

— Думаю, лучше сказать им правду, — ответил он. — Не всю, конечно, а примерно так, как Кэт и Салли. Словом, скажите им только в общих чертах и немного — только чтобы звучало правдоподобно.

— Ладно, — сказал я. — Петра, ты поняла? Скажешь им, что можешь рисовать мысли-картинки только для меня и Розалинды, а про Мишеля и тех... ну, из Селандии, ни слова!

— Те из Селандии уже идут к нам на помощь, — объявила Петра. — Они уже не так далеко, как прежде.

Мишель отнесся к этому скептически.

— Все это, конечно хорошо, — сказал он, — но похоже на какую-то сказку... Так или иначе, о них — ни слова!

— Ладно, — согласилась Петра.

Мы посовещались, стоит ли говорить нашим провожатым про погоню за нами, и в конце концов, решили сказать. Мой страж принял эту весть спокойно и безо всякого удивления.

— Ладно, — сказал он, — это нам только на руку.

Почему "на руку" он не объяснил, а я не стал спрашивать, и мы ехали молча. Петра принялась болтать со своей "подругой" из Селандии, и мы сразу почувствовали, что расстояние между ними сильно сократилось. Петре уже не нужно было пользоваться всей своей феноменальной силой, а, кроме того, я впервые уловил какие-то обрывки мыслей оттуда, с д р у г о й стороны. Розалинда тоже что-то ухватила и, собрав всю свою мощь, попыталась задать какой-то вопрос. Неизвестная услышала ее, тут же у с и л и л а свою передачу, и мы впервые услыхали ее "голос".

Она была очень довольна, что наконец-то связалась с нами, и хотела узнать все, что не сумела растолковать ей Петра. Розалинда, как могла, попыталась подробно расска-

зать ей о нас и о нашем теперешнем положении. Закончила она тем, что прямой опасности пока вроде бы нет.

— Будьте осторожны, — посоветовала та. — Соглашайтесь на все, что вам предложат, тяните время. Преувеличивайте опасность, которой вы подвергаетесь со стороны в а ш и х. Трудно советовать, не зная обычаев племени, которое вас схватило.Но большинство отклонений не любят н о р м ы — везде и повсюду. Так что хуже не будет, если вы преувеличите степень вашего отличия от "нормальных". Но самое главное — девочка. Любой ценой с о х р а н и т е ее! Мы никогда не сталкивались с передачами т а к о й силы! Как ее зовут?

Розалинда передала имя Петры по буквам и спросила:

— Кто вы такие? Что это за Селандия?

— Вы можете назвать нас Новыми Людьми, — последовал ответ. — Мы такие же, как вы. Мы умеем думать вместе. И мы хотим создать н о в ы й мир, отличающийся от всего, что было раньше. Не такой, как у тех, кого вы называете Древними.

— Стало быть, вы и есть то, что стремился создать Господь? — спросил я не без умысла, полагая, что сейчас начнется еще один "вариант" уже изрядно поднадоевшей мне песни о "путях Господних". Но услышали мы совсем другое.

— Этого мы не знаем, — прозвучал ответ. — Да и кто может это знать? Но мы уверены, что сумеем создать мир, лучше того, в котором жили Древние. Они ведь немногим отличались от дикарей. Во всяком случае, были так же з а к р ы т ы друг от друга, каждый жил, словно в панцыре. Они могли общаться друг с другом только с помощью слов, да и тут было множество барьеров: разные языки, разные веры. Некоторые, правда, были способны м ы с л и т ь, но это были одиночки. Пока они жили, как дикари, это им не очень мешало, но чем совершеннее становился мир, тем труднее становилось им. В лучшем случае они могли объединяться в какие-то группы, но быть в м е с т е они не могли. Они враждовали друг с другом, ничего не видя, кроме своих догм, да и как могло быть иначе? Ведь между ними не было п о н и м а н и я, и в э т о м смысле они не так уж далеко ушли от животных... Поэтому они и погибли — не могли не погибнуть... Даже

если бы не случилось то, что вы называете Карой, рано или поздно... Это была тупиковая ветвь, и она уничтожила бы сама себя...

Я снова подумал, что эти селандцы, называющие себя Новыми людьми, очень уж высокого мнения о себе. Мне трудно было принять то, что она говорила: ведь мне с детства внушали совершенно противоположное представление о Древних, и я не мог так сразу от него отказаться. Пока я с трудом переваривал все это, Розалинда спросила:

— Ну, а вы? Вы-то откуда взялись?

— Нашим предкам в каком-то смысле повезло, — услышали мы в ответ. — Они жили на острове, вернее на двух островах, вдалеке от Большой Земли. Они тоже не избежали... Кары, но Кара лишь задела их — они ведь были далеко от большинства стран и городов Древних. Сперва они тоже были отброшены к почти первобытному состоянию, но немного погодя (мы и сами не знаем почему) появились такие, как мы, умеющие думать в м е с т е. Со временем те, кто умел делать это лучше, находили других, которые лишь в слабой степени владели этой способностью, и помогали им. Это умение передавалось их детям, и от поколения к поколению мы становились все совершеннее, все с и л ь н е е в этой нашей способности. Позже мы сами начали искать себе подобных в других краях, и только тогда мы поняли, как нам повезло, что мы оказались в стороне от больших городов и стран. Раньше помочь тем, кто жил далеко от нас, было трудно, почти невозможно. Правда, некоторые умудрялись до нас добираться... Но вскоре у нас появились машины, такие же, как у Древних, и кое кого мы могли спасти. Теперь мы пытаемся спасти каждого, с кем можем связаться. Но нам никогда еще не удавалось вступить в контакт на таком огромном расстоянии. Даже мне еще пока очень трудно говорить с вами. Скоро будет легче, но сейчас я почти на п р е д е л е, поэтому я заканчиваю. Помните, главное — девочка! Т а к о г о мы еще не встречали, и она о ч е н ь нужна нам. Любой ценой, слышите — л ю б о й, вы должны сберечь ее!

На этом она закончила передачу, и наступившую тишину нарушила Петра:

— Это она обо мне! — объявила она с такой силой, что мы чуть не потеряли сознание.

— Ох!.. Тише, детка... — придя в себя, попросила ее Розалинда. — Мы ведь пока еще на наткнулись на Волосатого Джека, что ж ты так кричишь?! Мишель, — позвала она, — ты все слышал?

— Да, — задумчиво протянул он, — звучало это както... высокомерно, что ли... Словно она читала лекцию детям... И потом, уж очень они далеко от нас. Право, не знаю, как они сумеют добраться до вас вовремя. Погоня начнется через несколько минут — мы уже верхом.

Наши лошади по-прежнему шагали неторопливой рысью. Окружающая нас местность оставалась такой же странной для тех, кто привык к НОРМЕ. Кое-что было даже более фантастичным, чем те отклонения, про которые мне рассказывал когда-то Аксель. Я невольно испытал облегчение, когда мы, наконец, выехали на открытую местность, хотя и тут травы и кусты были непохожи на н о р м а л ь н ы е.

Лишь один раз мы остановились и сделали короткий привал. Часа через два мы подъехали к реке. С нашей стороны спуск к реке был пологий, а с противоположной — обрывистый, почти отвесный, сплошь покрытый какими-то острыми красноватыми камнями. Мы поехали вдоль берега, вниз по течению. Примерно через четверть мили замелькали деревья, похожие на огромные груши — все ветки росли у них наверху, образуя нечто вроде шапок на верхушках стволов. Наш провожатый спрыгнул на землю и повел лошадей к воде. Мы благополучно переправились через реку, она в этом месте была не особенно глубокой, но ехали не прямо, а забирая влево, туда, где на другой стороне виднелся узкий проход в крутом, как стена, склоне. Когда мы подъехали ближе, этот проход оказался еще более узким, чем казался издали. Я поначалу не представлял даже, как мы будем по нему пробираться. И в самом деле, порой наши корзины задевали за стены ущелья, и мы с трудом протискивались вперед. Метров через полтораста мы выехали из ущелья, и дорога пошла в гору. Поднявшись на гору, мы очутились на открытой равнине, и дорогу нам преградили шестеро или семеро мужчин с луками в руках. Они изумленно взирали на наших громад-

ных лошадей и, по-моему, были не прочь дать деру. Не доезжая до них, мы остановились.

— Слезай, парень, — обратился ко мне "страж".

Петра и Розалинда были уже внизу. Как только я ступил на землю, "страж" хлестнул по спине лошади вожжами (тот, который был на второй лошади, сделал то же самое), и они укатили. Петра сразу же вцепилась мне в руку, но люди с луками по-прежнему не обращали на нас внимания: они с изумлением смотрели вслед удаляющимся лошадям.

На первый взгляд ничего резко отличающегося от НОРМЫ у этих людей не было. Но приглядевшись, я увидел, что рука одного из них, державшая лук, была шестипалой. У другого голова была похожа на коричневое яйцо без всяких признаков растительности. У третьего были непропорционально большие ступни и ладони.

Мы с Розалиндой испытали невольное облегчение от того, что не столкнулись с настоящими чудовищами, которых порой рисовало нам наше воображение. Петра тоже, казалось, успокоилась; никто из встретившихся нам не был похож на Волосатого Джека.

Когда лошади скрылись из виду, люди принялись рассматривать нас. Двое или трое отделились от группы и велели нам идти за ними, остальные отвернулись, потеряв к нам всякий интерес.

По проторенной тропинке мы с провожатыми углубились в лес, но скоро вновь вышли на открытую местность. Справа от нас была стена из красноватых утесов — обратная сторона вертикального склона, обращенного к реке. На ней там и сям располагалось множество расщелин и лестниц из грубо связанных веток, ведущих наверх. Прямо перед нами стояло несколько жалких домишек, вернее сказать, лачуг. Возле них вился небольшой дымок от костра, на котором, по-видимому, разогревалось какое-то варево. Несколько мужчин в лохмотьях и довольно много женщин, грязных и очень неряшливо одетых, расположились у костров. Время от времени кто-нибудь из них с видимой неохотой поднимался и подбрасывал ветки и сучья в костер.

Минуя лачуги, мы пошли к самому большому шалашу — он был сделан из старого брезента, которым у нас обычно

накрывали стога сена. Прямо у входа в шалаш сидел человек и внимательно смотрел на нас. Когда я вгляделся в его лицо, то в ужасе попятился: мне показалось, что на меня смотрит мой отец... И тут же я узнал его... Это был тот самый "Паук", которого я видел в Вакнуке лет семь-восемь назад.

Наши провожатые подтолкнули нас вперед, и мы очутились прямо перед входом в шалаш. "Паук" внимательно оглядел всех троих. Глаза его медленно ощупали с ног до головы Розалинду — всю ее стройную фигуру, — но так равнодушно, что у меня не возникло и тени беспокойства, потом остановился на мне. С минуту он глядел на меня в упор и, наконец, удовлетворенно хмыкнул.

— Помнишь меня? — спросил он хрипловатым голосом.

— Да, — честно сказал я.

— Не очень-то похоже на Вакнук, а? — он обвел глазами равнину с лачугами и вновь уставился на меня.

— Не очень, — кивнул я.

Он помолчал, что-то обдумывая.

— Ты... знаешь, кто я? — наконец, спросил он.

— Догадываюсь, — ответил я.

— Ну? — он вопросительно приподнял брови.

— У отца был старший брат, — не очень уверенно начал я. — Сначала он был признан нормальным... А года через три после рождения у него отобрали Метрику и... он куда-то делся... Его забрали...

Он молча кивнул.

— Все правильно, да не совсем... Мать очень его любила... и нянька тоже... Когда за ним пришли, его уже не было... Понимаешь, что это значит? Они не успели... Ну, ты ведь знаешь, что они обычно делают перед тем, как избавиться от таких, как я... Словом, дело замяли, словно ничего такого и не было... — он горько усмехнулся. — Старший сын. Наследник... Вакнук должен был быть мой! Он и был бы, если бы не... — он вытянул во всю длину свою руку и секунды две рассматривал ее так, словно видел впервые. Потом он снова взглянул на меня в упор.

— Тебе известно, какой длины должна быть рука у человека?

— Нет, — сознался я.

— Мне тоже, — сказал он, — но кому-то там, в Риго, это было известно... Кому-то из грамотеев... И потому Вакнук принадлежит не мне, а я живу как дикарь... И среди дикарей. Ты старший сын?

— Старший, — кивнул я, — и единственный. Был еще один, младший, но...

— Не выдали Метрику?

Я молча кивнул.

— Стало быть и ты теперь лишился Вакнука?

Это как раз тревожило меня меньше всего. Я вообще никогда не думал, что мог (и должен был) унаследовать Вакнук. Должно быть, у меня всегда было подспудное ощущение, что рано или поздно меня раскусят и мне придется спасаться бегством. Я так долго жил с этим чувством, что теперь совершенно не страдал от той злобы и обиды, которая, по-видимому, переполняла душу "Паука". Я так ему и сказал: что, мол, только рад быть здесь, в безопасности. Это ему как будто не пришлось по душе.

— У тебя просто духу не хватает драться за то, что должно принадлежать тебе по праву, — презрительно буркнул он.

— Если по праву это ваше, то, значит, оно уже не может быть моим, — возразил я. — А кроме того, мне надоело прятаться!

— Все мы тут прячемся, — сквозь зубы процедил он.

— Может и так. Но каждый из вас здесь может быть с а м и м с о б о й! Вам не нужно притворяться, не нужно все время быть начеку, чтобы, не дай Бог, не проговориться! Не нужно десять раз подумать, прежде чем открыть рот!..

— Мы слыхали о вас, — кивнул он. — У нас есть свои способы узнавать про многое... Но я, признаться, не очень понимаю, отчего это они так на вас ополчились?

— Мы думаем, — попытался объяснить я, — что они нас боятся. Нас ведь нельзя распознать по внешности. Они наверняка подозревают, что таких, как мы, еще много. Но узнать они про них ничего не могут, пока те сами себя не выдадут... Они хотят схватить нас, чтобы мы выдали остальных...

— Да, этого, пожалуй, достаточно, чтобы постараться не попасть им в руки, — задумчиво сказал он.

В этот момент я уловил голос Мишеля. Розалинда о чем-то с ним разговаривала, но мне трудно было одновременно слушать их, и "Паука", поэтому я не стал вмешиваться.

— Значит, теперь они будут охотиться на вас здесь, в Джунглях? Что ж... А сколько их?

Не зная, ч т о ему известно про нас и знает ли он про Мишеля, я заколебался. Его глаза сузились, и он сказал:

— Вряд ли тебе стоит морочить нам голову, парень. Охотятся ведь они за в а м и. Выходит, вы привели их за собой сюда, к нам. А какой нам резон заботиться о вас? Может, проще будет выдать вас им с потрохами, да и дело с концом, а?

Петра услышала конец его фразы и вздрогнула от страха.

— Больше сотни, — быстро сказала она.

Он довольно глянул на нее.

— Ага, значит, среди них е с т ь один из ваших!.. Я так и думал, — самодовольно ответил он. — Сотня или больше... Многовато для вас троих, а, парень? Не прошел ли у вас слух о готовящемся набеге из Джунглей?

— Было такое, — признался я.

— То-то и оно, — вновь усмехнулся он. — Видать, они на этот раз решили опередить нас, ну а заодно и в а с схватить. Наверняка они идут по вашим следам... Где они теперь?

Я связался с Мишелем и выяснил, что основной отряд еще в нескольких милях от тех, кто стрелял в нас. Но все равно они были уже близко. Теперь надо было как-то сообщить это человеку, сидящему передо мной и державшему судьбу всех нас в своих длиннющих руках. Но сказать ему так, чтобы это его не озлобило и не настроило против нас.

Он воспринял мои сведения довольно спокойно.

— Твой отец с ними? — только и спросил он.

Это был непростой вопрос. Я пытался обходить его даже в разговорах с Мишелем. Не стал я спрашивать его и сейчас. Я просто сказал, помедлив секунду-другую:

— Нет.

Краем глаза я видел, что Петра хочет что-то сказать, и уловил, как Розалинда "одернула" ее.

— Жаль, — заметил он, — это было бы очень кстати. Я никогда не терял надежды, что рано или поздно мы с ним еще сведем счеты. Впрочем, может, он на деле-то не такой поборник Чистоты Расы? А, парень?

Он продолжал смотреть на меня холодными, изучающими глазами. Я почувствовал, что Розалинда поняла, почему я не спросил Мишеля об отце, и уловил ее нежность и сочувствие ко мне... Неожиданно "Паук" отвел взгляд от меня и уставился на Розалинду. Она не отвела глаз и несколько секунд холодно на него смотрела... А потом, к моему великому изумлению, р а с к р ы л а с ь... Она опустила глаза, и лицо ее залила краска. Он довольно улыбнулся. В то же мгновение я ощутил, что раскрыться, сбросить с себя маску заставил ее страх, выплеснувшийся наружу с дикой силой... Страх, который она так хорошо умела прятать... Это была не женщина, пасующая перед мужчиной, перед мужской волей, а ребенок, испугавшийся чудовища... Петра тоже уловила этот страх и вскрикнула.

Я, не задумываясь, кинулся на "Паука". Двое, стоящие сзади, тут же навалились на меня и скрутили мне руки. Но, по крайней мере, один хороший удар "Паук" все же получил.

Он сел и потер подбородок, а потом посмотрел на меня без всякой злобы и даже без удивления.

— Ты ведь не дома, — заметил он, поднимаясь на свои журавлиные ноги. — А здесь у нас не так уж много женщин... Да и взгляни на них как следует, когда будешь идти мимо, может, у тебя в башке и прояснится. Кроме того, эта, — он ткнул рукой в Розалинду, — может родить мне детей. А я, знаешь ли, всегда почему-то этого очень хотел, пусть им даже и нечего будет унаследовать... — он усмехнулся, но тотчас же нахмурился — Не зарывайся, парень! Прими все, как есть! В другой раз я не буду долго разговаривать и читать тебе мораль! Приведите-ка его в чувство, — бросил он двоим, державшим меня за руки, — а если он окажется уж очень непонятливым, пристрелите!

Они развернули меня кругом и потащили в сторону. Немного отойдя, один из них здорово пнул меня ботинком и буркнул:

— Шевелись, парень!

Один раз я попробовал оглянуться, но тот, что был чуть дальше от меня, натянул тетиву и кивком показал, куда мне идти. Я пошел вперед и шел метров двадцать, пока вокруг не стали опять попадаться деревья. Когда лес стал погуще, я резко пригнулся, отбежал в сторону и рванулся назад. Они только этого и ждали. Стрелять они не стали — просто догнали и потащили дальше, изо всех сил пиная меня ногами. Я помню, как в какой-то момент перестал ощущать боль от ударов, помню, как мне вдруг показалось, что я стал невесомым и парю в воздухе... Как и где я "приземлился" — этого я уже не помню...

ГЛАВА XV

Кто-то легонько встряхивал меня. Я чувствовал чьи-то руки под мышками. Мягкие ветки хлестали меня по лицу.

— Тс-с! — прошептали у меня за спиной.

— Сейчас... — пробормотал я, — все будет нормально...

Меня перестали трясти. Я собрался с силами и перевернулся на живот, потом с трудом встал на четвереньки. Передо мной на корточках сидела молодая девушка и пристально вглядывалась в мое лицо.

Солнце уже почти зашло, и под сенью деревьев было совсем темно. Я плохо различал ее — видел только пряди темных волос, обрамляющие опаленное загаром лицо, и живые блестящие глаза, внимательно изучающие меня. Одежда на ней была неопределенного цвета, очень ветхая, со множеством заплат. Платье было без рукавов, но больше всего меня поразило, что на платье не было креста. До сих пор мне еще ни разу не приходилось видеть женщину, у которой не было бы вышито ритуального креста на платье. Это было так странно и непривычно, что поначалу я даже не поверил своим глазам...

Несколько секунд мы рассматривали друг друга. Наконец она с грустью вымолвила:

— Ты не узнал меня, Дэви!..

До этого момента я действительно не узнавал ее. Но когда я услыхал, к а к она произнесла: "Дэви!..", что-то дрогнуло во мне.

— Софи! — вскрикнул я. — Софи...

Она улыбнулась.

— Дэвид, милый... Они сильно тебя избили?

Я попробовал пошевелить руками и ногами: они словно одеревенели и в нескольких местах сильно саднили. Болело все тело, а голова просто р а с к а л ы в а л а с ь. Струйка крови стекала по левой щеке... Но кости как будто были целы. Я попытался подняться, но она быстро положила мне руки на плечи и прошептала:

— Нет-нет, подожди. Позже... когда стемнеет.

Она не отрывала от меня своих грустных, внимательных глаз.

— Я видела, как вас привели. Тебя и девочку... И еще женщину... Кто она, Дэви?

Эти слова буквально подбросили меня, как пружина. Я попытался связаться с Розалиндой и Петрой, но не слышал в ответ ни звука. Зато Мишель сразу отозвался.

— Слава Богу, наконец-то ты очнулся, — с облегчением произнес он, чувствуя мою страшную тревогу. — Мы все извелись... Не волнуйся, с ними все в порядке! Они обе спят. Очень устали...

— А... Розалинда?!

— Говорю же, с ней все в порядке! Что с тобой?

Я рассказал ему все. Наш "разговор" занял всего несколько секунд, но этого было достаточно, чтобы Софи стала с недоумением вглядываться в меня.

— Кто эта женщина, Дэви? — повторила она.

Я объяснил, что Розалинда — моя двоюродная сестра. Софи все так же внимательно, изучающе смотрела на меня, пока я отвечал на этот вопрос, и медленно кивнула.

— Он ее хочет? — спросила она.

— Так он сказал, — угрюмо ответил я.

— Она... она может родить ему детей, понимаешь? — сказала Софи.

— Для чего ты мне это говоришь? — резко спросил я.

Она помолчала.

— Ты ее любишь, — наконец сказала она, не столько спрашивая, сколько сама себе отвечая.

Слово... Опять всего лишь слово... Когда у людей все мысли о б щ и е, когда радость и горе любого улавливаются мгновенно и ощущаются, как свои собственные... Где

тогда найти слова, чтобы выразить это?.. Таких слов просто нет, для этого нужно другое... совсем другое...

— Мы... любим друг друга, — сказал я. Это было все, что я мог ей сказать.

Софи кивнула и стала безучастно обламывать сухие ветки, которые держала в руках.

— Он сейчас ушел... Туда, далеко, где они сражаются. Сейчас о н а в безопасности.

— Она спит. Они обе спят, — сказал я.

— Откуда ты знаешь?!

Я коротко объяснил, стараясь растолковать ей все, как можно проще. Она слушала, продолжая обламывать ветки. Потом отбросила их в сторону и кивнула.

— Я помню, — задумчиво прошептала она, — еще тогда... Мама говорила мне что-то... Что будто ты понимаешь ее раньше, чем она успеет сказать... Это и есть т о с а м о е?

— Вероятно. Я думаю, у твоей матери тоже было э т о, но... очень слабое... Так что она сама даже не знала об этом... Не догадывалась...

— Наверно, это здорово, — сказала она с завистью, — все равно что иметь глаза, которые видят насквозь?..

— Да... приблизительно так, — подтвердил я, — но это очень трудно объяснить словами... Правда, иногда это может причинить и... боль.

— Быть отклонением — уже больно... Очень больно! Всегда! — она по-прежнему сидела на корточках и разглядывала свои коричневые от загара руки. — Если она сумеет родить ему детей, я буду ему уже не нужна... — тихо выговорила она.

Хоть и было темно, я увидел, что щеки ее мокры от слез.

— Софи... милая! Ты что... любишь этого "Паука"?

— Не надо! Пожалуйста, не называй его так. Мы здесь все не такие, как... Его зовут Гордон, и он... добр со мной... Ах, Дэви, если бы у тебя было так мало в жизни хорошего, как у меня, ты бы понял, что это для меня значит! Ты никогда не поймешь, какая кошмарная пустота здесь вокруг! Я бы родила ему детей, если бы могла... Если бы я только могла!.. Скажи, зачем они делают это с

нами?! Почему они не убили меня сразу? Это было бы милосердней...

Она молча плакала, не рыдая, даже не всхлипывая, просто слезы текли и текли по всему лицу. Я взял ее за руку...

Вдруг передо мной отчетливо встала картина: мужчина и женщина держатся за руки, а маленькая фигурка на лошади машет мне ручонкой... Машет, машет... А потом они все исчезают за деревьями, а я остаюсь стоять, полный горя от своей первой утраты, чувствую прикосновения детских губ на моей щеке и сжимая кусок желтой ленты с прядью темных волос в кулаке...

— Софи... — с трудом сказал я. — Софи, послушай меня. Этого не будет, слышишь?! С Розалиндой у него ничего не выйдет! Я з н а ю это, понимаешь?!

Она подняла на меня глаза.

— Как ты можешь з н а т ь такое про... другого? Ты просто... Тебе просто х о ч е т с я так думать...

— Да нет же, Софи! Я з н а ю! Мы с тобой тоже можем знать друг про друга не так уж мало, но с Розалиндой все совсем иначе... Ну, это трудно объяснить словами. Это... часть того, о чем мы сейчас говорили. Когда думают в м е с т е, понимаешь?

Она смотрела на меня с сомнением.

— Это правда? Я никак не могу понять...

— Тебе трудно понять, я знаю. Но поверь мне, это правда! Я могу чувствовать и точно з н а т ь, что чувствует она к этому па... к этому человеку.

Она смотрела на меня теперь почти с ужасом.

— А ты... — неуверенно начала она, — ты можешь в и д е т ь то, что я... сейчас думаю?

— Не больше, чем ты можешь видеть, о чем думаю я, — я понял, чего она испугалась. — Пойми...это не... Ну, не как подглядывание, а вроде р а з г о в о р а... Ты просто можешь разговаривать, только не словами, а мыслями... Можешь передавать, но можешь и не передавать их, если не хочешь... Если они касаются только тебя... Понимаешь?

Ей объяснить все это было гораздо труднее, чем в свое время Акселю, но я старался выбирать самые простые и понятные слова. Вдруг я сообразил, что уже почти не вижу ее лица. Стало совсем темно.

— Уже стемнело, Софи... — сказал я.

— Да, теперь мы можем идти. Только осторожно, — предупредила она. — Ты можешь двигаться? Это совсем рядом.

Я с трудом поднялся на ноги, все еще чувствуя сильную боль во всем теле. Голова кружилась, но идти я, кажется, мог. Софи видела в темноте лучше меня — она взяла меня за руку, и мы медленно двинулись вперед, стараясь держаться вблизи деревьев. Слева я различал огоньки костров и понял, что мы идем по самому краю поселка. Когда мы дошли до низкого утеса, Софи остановилась и положила мою руку на лестницу из веток, которую я увидел лишь после того, как дотронулся до нее.

— Лезь за мной, — сказала она и сразу пропала в темноте.

Я осторожно стал взбираться по лестнице вверх, пока не добрался до ее конца и руками не ухватился за край гладкой площадки. Ее рука нашла в темноте мою, и она помогла мне взобраться наверх.

— Садись, — сказала Софи.

Она поискала глазами вокруг, наклонилась, и в руках у нее засветился огонек. Видимо, она высекла искры из двух камней и зажгла от них обрывок веревки. Она стала раздувать тлеющий огонек, пока ей не удалось зажечь от него две свечки. Это были два небольших огарка, они издавали скверный запах, но при их свете я все-таки мог разглядеть, где мы находимся.

Это было что-то вроде небольшой пещеры — метров пять в длину и восемь в ширину, — выдолбленной в песчанике. Вход прикрывала звериная шкура. В темном левом углу видна была дыра в потолке, сквозь которую медленно капала вода — примерно, капля в секунду. Вода стекала в деревянную бадью, и от нее тянулся мокрый след через всю пещеру к самому входу — видимо, когда вода переливалась через край, никто не давал себе труда опорожнить бадью. В другом углу было сооружено что-то вроде матраса из веток, покрытого такой же шкурой, какая висела у входа. По полу была разбросана простенькая кухонная утварь. Над черным выгоревшим пятном от костра возле входа виднелось вытяжное отверстие. Из стен там и сям торчали рукоятки ножей, а в небольших нишах стояли

подобия тарелок и чашек, грубо выдолбленных из дерева. Лук, кожаный колчан со стрелами и длинный кинжал лежали на полу рядом с матрасом... Больше в пещере, кажется, ничего не было.

Я невольно вспомнил кухню в доме Уэндеров... Чистенькая, светлая, она казалась такой уютной — стены, увешанные картинами, без всяких дурацких надписей, ароматные свечи...

Софи взяла чашку, зачерпнула воды, достала из ниши чистую тряпочку и наклонилась надо мной. Она смыла с моего лица кровь, осторожно обтерла края рваной царапины на голове и принялась внимательно ее разглядывать.

— Ничего страшного, — сказала она, — просто большая царапина, к счастью, даже не очень глубокая.

Я вымыл в чашке руки, она выплеснула воду прямо на пол и убрала чашку обратно в нишу.

— Есть хочешь?

— Очень, — признался я. С самого утра у меня не было во рту ни крошки. Но вспомнил я об этом, только когда она спросила.

— Посиди здесь. Я скоро вернусь, — сказала она и скрылась за шкурой, закрывающей вход.

Я сидел, тупо глядя на стену пещеры, слушая мерный звук падающих капель в дальнем углу, и думал: а ведь вполне возможно, что здесь все это роскошь... "Если бы у тебя было так мало хорошего, как у меня..." — так, кажется, она сказала...

Чтобы отогнать нахлынувшую на меня тоску и острую жалость к Софи, я позвал Мишеля.

— Где вы там? — спросил я. — Что вообще происходит?

— Мы остановились на ночлег, — тут же отозвался он. — Рискованно двигаться ночью в Джунглях... — он постарался нарисовать мне картину этого места, каким он видел его до захода солнца, но это могло быть и в стороне от нашего с Розалиндой маршрута. — Днем идти было очень тяжело, мы вымотались, как черти. Они неплохо знают свои леса, эти люди из Джунглей. Мы ожидали встретить засаду, но они вместо этого крались за нами, как тени, время от времени обстреливая нас из- за деревь-

ев. У нас трое убиты и семеро ранены. Но тяжело только двое...

— И вы по-прежнему полны решимости идти вперед?

— Да. Тут говорят, что у нас впервые хватит сил, чтобы как следует проучить здешних дикарей. Во всяком случае надолго заставить их сидеть в своих берлогах и не соваться к нам. Я уж не говорю о том, что они во что бы то ни стало хотят схватить вас. Здесь полно слухов, что в Вакнуке и вокруг него еще много таких, как мы с вами. Поймав вас, они надеются выявить всех остальных... — он неожиданно замолк, а потом добавил невесело: — Честно говоря, Дэви, я боюсь, что... на самом деле только один... вернее одна...

— Как одна?!

— Рэйчел. Она вчера умудрилась со мной связаться... была почти не слышна... Очень далеко, понимаешь? Так вот, она сказала... Словом, что-то случилось с Марком.

— Неужели они его схватили?..

— Нет. Впрочем... она не знает. Но думает, что нет. Он бы дал ей знать... А тут... Он просто з а м о л ч а л. Вот уже целые сутки, как от него ни звука.

— Может, несчастный случай? Помнишь Уолтера Брента? Того, которого деревом придавило? Он тогда тоже замолк, и все...

— Не знаю. Может и так. Рэйчел тоже не знает, но она здорово напугана... Ты пойми, ведь тогда выходит, что она... Совсем одна. Сейчас она уже почти на пределе в смысле расстояния... Еще две-три мили, и мы совсем перестанем слышать друг друга...

— Странно, что я не слышал Рэйчел... Даже тебя не слышал, когда ты с ней разговаривал, — удивился я.

— Это, наверно, было тогда, когда ты лежал без сознания, — предположил он.

— Так или иначе, проснется Петра и свяжется с Рэйчел. Для нее ведь это расстояние — пустяк. Я думаю, для нее-то вообще не существует никаких пределов, — попытался утешить я его.

— Да. Я как-то совсем забыл про Петру, — сказал он, и я почувствовал, что на душе у него полегчало. — Рэйчел здорово обрадуется!..

Минут через пять шкура у входа заколыхалась, и из-под нее показалась рука Софи, втолкнувшая в пещеру дымящуюся чашу с каким-то варевом. Она влезла сама и пододвинула чашу ко мне, достав перед этим из ниши в стене деревянную ложку и погасив огарки свечей. Я с опаской начал есть, но варево оказалось довольно вкусным: что-то вроде кусочков мяса, перемешанных с кусочками хлеба и политых каким-то отваром. Я съел все подчистую, но, когда я подносил ко рту последнюю ложку, в голове у меня что-то бухнуло, я чуть не потерял сознание, и содержимое ложки выплеснулось мне на рубаху. Это проснулась Петра.

Постепенно я пришел в себя. Петра, сначала у д а р и в ш а я меня всплеском своего отчаяния, теперь излучала радость. Но от этой радости в голове у меня гудело, как от ударов молота. Этот ее всплеск разбудил и Розалинду, а затем я услышал проклятия Мишеля. Подруге Петры из Селандии тоже, видно, досталось...

Наконец Петра сумела взять себя в руки и потихоньку умерить свой "голос". Все с облегчением вздохнули.

— Что с ней? Она что, с ума сошла?! — переведя дух, спросил Мишель.

— Мы думали, что Дэви мертвый! Мы думали, они его убили!! — радостно сообщила всем Петра.

Я начал улавливать Розалинду. Она тоже была сама не своя от радости, но мысли ее были беспорядочны, и я отвечал ей так же сумбурно и бессвязно. Она р а с к р ы л а с ь, и мы опять были в м е с т е, пока не вмешался Мишель и не попросил нас умолкнуть.

— Извините за бестактность, — сказал он, — но сейчас не время для любовных арий. Когда выпутаемся, тогда сколько угодно! — он выждал паузу. — Ну, что у вас происходит?

Розалинда сказала ему, что они по-прежнему в том шалаше, откуда меня увели те двое. "Паук" ушел, но оставил какого-то красноглазого и беловолосого человека сторожить их. Я объяснил, где нахожусь и что со мной.

— М-да... Ладно, — сказал Мишель. — Вы говорите, что этот... "Паук" у них вроде вожака? Хотелось бы знать, будет ли он сам участвовать в бою или же будет коман-

довать ими издали? Если верно второе предположение, он ведь может в любую минуту и вернуться.

— Да, пожалуй.

— Я его б о ю с ь... — вырвалось неожиданно у Розалинды. Она была на грани истерики. — Он... он д р у г о й! Не такой, как мы!.. Даже не такой, как они!.. В о о б щ е другой, не человек, а... зверь! Если он... Если только... Я покончу с собой!

— Ничего подобного ты не сделаешь! — тон, каким произнес это Мишель, подействовал на нее, как ушат холодной воды. — Если понадобится, ты убьешь не себя, а е г о! Ясно?! — Почувствовав, что Розалинда успокоилась, он напрягся изо всех сил и переключился на женщину из Селандии. Он спросил, по-прежнему ли она полагает, что сумеет помочь нам. Ответ донесся издалека, но вполне отчетливо. Он был предельно лаконичен.

— Да, — коротко сказала она.

— Когда? — спросил Мишель.

Прошло некоторое время, как будто там совещались. Затем последовал ответ:

— Не позднее, чем через шестнадцать часов.

Я чувствовал, что недоверие Мишеля к этим селандцам постепенно тает. Кажется, он впервые всерьез поверил, что помощь о т т у д а действительно придет.

— Что ж, — после секундной заминки сказал он, — тогда, ребята, вам остается только продержаться эти самые шестнадцать часов.

— Погоди! — попросил я. — Погоди, не пропадай... Я... я сейчас...

Я глянул на Софи. Она опять зажгла свои смрадные свечи, и я видел, что она смотрит на меня с изумлением и страхом.

— Ты... ты "разговаривал" с той... девушкой? — негромко спросила она.

— Да. И с моей сестрой. Они проснулись. Они все еще там в шалаше у... у этого человека. Но его самого там нет. Он оставил какого-то альбиноса сторожить их... Вообще-то это странно...

— Что странно? — не поняла Софи.

— Ну... естественней было оставить с ними женщину...

— Не забывай, что ты в Джунглях, — с горечью произнесла Софи и посмотрела на меня исподлобья.

— Ну да, конечно,... — смутился я, — понимаю... Видишь ли, я хочу спросить... Как бы нам выбраться отсюда, прежде чем т о т вернется? По-моему, сейчас самый подходящий момент, потому что если он вернется... — я посмотрел ей прямо в глаза.

Она отвернулась и некоторое время молча смотрела на тусклое пламя свечей. Потом кивнула.

— Да, ты прав. Так будет лучше для нас всех. Всех... кроме него, — сказала она неожиданно грустно. — Ладно, попробуем.

— Прямо сейчас?

Она опять молча кивнула. Я поднял длинный кинжал, валявшийся у изголовья матраса, и взвесил его на ладони. Пожалуй, он был легковат, но в общем... годился. Она глянула на меня и отрицательно покачала головой.

— Ты должен остаться, Дэви.

— Но как же... — начал было я.

— Если тебя увидят, поднимется паника. А на меня никто не обратит внимания. Даже если увидят возле его дома...

Это было резонно, и я с каким-то странным сожалением положил кинжал на место.

— Но ты... ты справишься? — осторожно спросил я.

— Да, — коротко и решительно произнесла она. Потом встала и из темной ниши в стене достала нож — обыкновенный кухонный нож, гораздо меньше кинжала, но хорошо вычищенный и острый, как бритва. Она засунула его за пояс юбки так, что виден был лишь самый кончик рукоятки, потом обернулась ко мне и долго-долго глядела мне в глаза.

— Дэви... — начала она осторожно.

— Что? — тут же откликнулся я. — Что, Софи?

Но она, как видно, раздумала и не стала продолжать. Совсем другим, деловым тоном она сказала:

— Ты можешь дать знать своим, чтобы они не шумели? Что бы ни произошло, они должны молчать! Скажи им, чтобы, как только я позову, они сразу шли за мной... И пусть у каждой будет наготове кусок темной ткани, что-

бы накинуть его поверх одежды... Можешь это им все передать?

— Конечно, — кивнул я, — но лучше было бы все-таки мне...

— Нет, Дэви! Это слишком рискованно. Ты ведь даже не знаешь, как туда пройти...

Она подошла к выходу, отодвинула шкуру... Секунду или даже меньше я отчетливо видел ее силуэт на фоне открывшегося просвета, и она исчезла... Я передал все, что она велела, Розалинде, и мы вдвоем старались втолковать Петре, чтобы она вела себя тихо. Теперь мне оставалось только сидеть и ждать, слушая, как капля за каплей падает вода в деревянную бадью. Но я не мог долго сидеть на одном месте и подошел к выходу из пещеры. Отодвинув шкуру, я осторожно высунул голову наружу. Было видно несколько огоньков возле лачуг, иногда огоньки на мгновение исчезали, и я догадался, что движущиеся фигурки людей заслоняют их от меня. Вдалеке раздавался неясный гул людских голосов и другие звуки — из леса: вот крикнула ночная птица где-то вдалеке, а еще дальше послышался глухой звериный рык...

Всех нас извело томительное ожидание. Вдруг я уловил от Петры слабый, изо всех сил сдерживаемый в о з г л а с удивления. Мишель и Розалинда никак не прореагировали на это. Потом от Розалинды послышалось облегченное: "Все в порядке". Но прозвучало это не очень явственно, словно она была в каком-то шоке. Я решил пока ни о чем не спрашивать, чтобы не мешать им, и лишь вслушивался в каждый шорох. Никакой суматохи вроде бы не было, все тот же отдаленный, мерный гул голосов. Казалось, прошла целая вечность, пока внизу, прямо подо мной, не послышался хруст гравия, не заскрипели ступеньки лестницы и я не уловил Розалинду, спрашивающую:

— Дэви? Ты тут?..

— Да... Поднимайтесь, — сказал я.

У входа возникла женская фигура. Я узнал Розалинду. Потом появилась детская, потом еще одна женская. Шкура задернулась. Через секунду загорелись обе свечки.

Розалинда и Петра молча, с широко открытыми глазами смотрели, как Софи зачерпнула в чашку воды из бадьи и принялась отмывать испачканные кровью руки и чистить нож.

ГЛАВА XVI

Две девушки изучающе и настороженно разглядывали друг друга. Софи медленно скользила взглядом по Розалинде: по ее рваной шерстяной кофте с нашитым на нее коричневым крестом, по ее кожаным туфлям. Потом она перевела взгляд на свои грубые бесформенные башмаки, на свою короткую замызганную юбку. Оглядывая себя, она обнаружила несколько кровавых пятен на кофте, и нисколько не смущаясь, тут же сняла ее и начала стирать в холодной воде. Розалинде она бросила:

— Отпори с платья крест. И у нее тоже, — кинула она косой взгляд на Петру. — Он выдает вас. Здесь, в Джунглях, женщины не носят крестов. Они не находят, чтобы это им особенно помогало в жизни. Да и мужчины их не слишком жалуют. На, возьми! — она протянула Розалинде маленький ножичек с узким лезвием. Та нерешительно повертела его в руках, посмотрела на крест и снова перевела взгляд на ножик... Ни одно платье она еще не смела надеть, не нашив на него крест. Софи наблюдала за ней.

— Я тоже носила такой, — с горькой усмешкой сказала она. — Как видишь, мне он не помог. Розалинда робко глянула на меня. Я кивнул.

— Здесь, как видно, не очень-то любят благодарить господа Бога за свою судьбу, — сказал я, — и... возможно, они правы. Спори его...

Розалинда неуверенно принялась отпарывать крест.

— Что теперь? — спросил я у Софи... — Может, нам лучше бежать, пока не рассвело?

— Нет, — глухо сказала она, не поднимая головы, по-прежнему склоненной над чашей с водой. — Они могут обнаружить труп в любую секунду и решат, что это ваша работа. Тогда они будут искать вас в лесу. Никому ведь и

в голову не придет, что вы здесь. А лес они обшарят как следует, будь уверен...

— Значит, нам пока лучше оставаться тут? — спросил я.

— Дня два или три, не меньше, — кивнула она. — Потом, когда они успокоятся, я выведу вас отсюда.

Розалинда оторвалась от своего креста и внимательно посмотрела на нее.

— Почему ты так о нас печешься? — спросила она подозрительно.

Я объяснил ей про Софи и "Паука" гораздо быстрее, чем это можно было сделать словами... Может быть, даже слишком поспешно... Она почувствовала, что это еще не все, и не отрывала глаз от Софи.

Та бросила недостиранную кофту в чан с водой, выпрямилась и медленно приблизилась к Розалинде. Она подошла к ней почти вплотную... Темные пряди волос разметались по ее обнаженной груди, глаза сузились...

— Будь ты проклята! — хрипло выговорила она с дикой яростью. — Слышишь? И оставь меня в покое, а не то!..

Розалинда вся напряглась, но не испугалась и не отступила ни на шаг. Я придвинулся поближе, чтобы в любой момент оказаться между ними. Несколько секунд мы стояли неподвижно: Софи, обнаженная до пояса, что, по-видимому, ее совершенно не смущало, пылающая злобой, готовая, как дикий зверь, к прыжку, и Розалинда, в коричневом платье с полуоторванным крестом, бронзовыми волосами, тускло сверкающими в пламени свечей, с искаженными чертами лица и настороженными, недобрыми глазами... Наконец, напряжение спало. Злоба и ярость, светившиеся в глазах Софи, угасли, хотя поза ее оставалось такой же агрессивной. Но вот губы ее дрогнули, по всему телу пробежала дрожь...

— Будь ты проклята!.. — повторила она уже шепотом, но не со злобой, а с усталой горечью. — Можешь смеяться надо мной! Будь оно проклято — твое смазливое личико! Валяй, смейся... Потому что я люблю его! Я!... — она горько засмеялась, будто издевалась над собой. — Но что толку! Даже если... если бы он не любил тебя, разве остался бы он здесь со мной? С такой?!..

Она прижала ладони к лицу и с минуту стояла так, неподвижно, только дрожь волнами пробегала по ее телу... Потом она отвернулась от нас, пошла в дальний угол пещеры и ничком кинулась на матрас.

Мы трое молча смотрели на нее. Один ботинок слетел с ее ноги, и я ясно видел грубую подошву ее ступни с шестью пальцами. Я повернулся к Розалинде. Она посмотрела на меня виновато и сделала шаг к тому углу, где лежала Софи. Я отрицательно качнул головой, и она неуверенно отступила. Было очень тихо. Мертвую тишину нарушали только еле слышные всхлипывания и раздражающее капанье воды.

Петра выжидательно посмотрела на нас, потом на лежащую Софи, потом опять на нас. Никто из нас не двинулся с места. Тогда Петра, видимо, решила, что пришел ее черед, и начала действовать сама. Она присела на матрас рядом с Софи и осторожно положила свою маленькую ручку на темную копну ее волос.

— Не надо, — тихонько попросила она. — Пожалуйста, н е н а д о!

Всхлипывания стали чуть тише, и через несколько секунд темная от загара рука обняла Петру. Плач Софи постепенно утих, стал не таким надрывным и горьким... Он уже не рвал мое сердце на части, а причинял лишь тупую, щемящую боль...

Проснулся я, дрожа от холода, потому что лежал на голом полу, и тут до меня донесся "голос" Мишеля.

— Ты что, весь день собираешься дрыхнуть? — раздраженно спросил он.

Я огляделся и увидел пробивающийся сквозь прикрывающую вход шкуру свет наступившего дня.

— Который час? — спросил я его.

— Около восьми. Уже часа три, как рассвело, — он помолчал и добавил. — Сражение уже было.

— И что?! — нетерпеливо спросил я.

— Мы знали, что они наверняка устроят засаду и выслали вперед разведку, а сами притаились и стали ждать. Те приняли разведчиков за основной отряд, кинулись на них скопом... Ну, тут подоспели наши... Они и глазом мор-

гнуть не успели, как все было кончено. А у нас двое или трое раненых...

— Значит, вы уже близко?..

— Да. Те из них, кто уцелел, спасаются поодиночке. Теперь нас уже ничто не задержит...

Положение было незавидное. Мы не могли двинуться с места, пока не стемнеет, но если сюда ворвутся "наши", они непременно нас тут отыщут.

— А что там слышно у друзей Петры? Из этой... Селандии? — спросил, помолчав, Мишель. — Как ты думаешь, можем мы всерьез рассчитывать на их помощь?

— Вы, безусловно, можете на нас рассчитывать, — неожиданно ясно и твердо прозвучал ответ подруги Петры.

— Когда это произойдет? — спросил ее Мишель.

— Все будет, как я сказала, — уверила она его, — вам осталось ждать не больше восьми часов.

Вдруг я отчетливо уловил исходящие от нее волны какого-то... гадливого отвращения и... страха.

— Это... Это ужасная земля... — сказала она. — Мы видели много Плохих Земель, но даже представить себе не могли, что есть еще и т а к о е. На целые мили вокруг видно лишь какое-то... расплавленное черное стекло! Иногда мелькает обычная Плохая Земля, но потом опять эта... это черное! Как можно сделать т а к о е?! Никто из нас никогда не бывал тут раньше... Никто не видел ничего похожего... Все здесь выжжено н а в с е г д а! Никогда уже здесь больше не будет ничего ж и в о г о... Но зачем?! Зачем они это сделали?! Мы... Мы знаем, что страшная сила попала в руки каких-то... несмышленышей... детей, но... Т а к о е могли сделать только с у м а с ш е д ш и е! Горы превращены в пепел, а равнины в это... застывшее... черное... И это спустя в е к а! На это невозможно смотреть! Невозможно представить, чтобы все... все люди вдруг помешались, но те, у кого сохранилась бы капля разума, никогда бы такого не сделали! Если бы мы не слышали вас, мы давно бы повернули назад... На это нельзя, н е л ь з я смотреть без содрогания!..

Ее резко прервала Петра в с п л е с к о м отчаяния, взорвавшимся у нее в мозгу. Мы не знали, что она уже проснулась и что она поняла из услышанного. Но она явно уловила их потаенное желание повернуть назад. Я вме-

шался и стал, как мог, утешать ее... Когда она чуть-чуть утихла, женщина из Селандии переключилась на нее и стала уверять, что они нас ни в коем случае не бросят. Потихоньку Петра успокоилась и Мишель спросил:

— Дэвид... как там насчет Рэйчел?

— Петра, детка, — сказал я, — мы уже далеко от дома, и никто не может дотянуться до Рэйчел. Может, ты попробуешь?

Петра согласилась.

— Спроси ее, нет ли вестей от Марка? — попросил я.

Петра оглушительно задала этот вопрос и через некоторое время отрицательно качнула головой.

— Нет, — сказала она. — Рэйчел от него ничего не слышала. Она... Она, по-моему, очень несчастна... Она хочет знать, что с Мишелем.

— Скажи ей, что у нас все в порядке. Скажи, что мы очень волнуемся за нее, но она должна быть очень осторожна, понимаешь? Скажи, чтобы она случайно не выдала своей тревоги!..

— Она поняла! И она будет стараться, — Петра на секунду задумалась, потом сказала мне словами:

— Знаешь, Рэйчел очень боится. Она плачет... И она... любит Мишеля!

— Она сама тебе это сказала? — спросил я.

Петра помотала головой.

— Нет. Это вроде... ну, это... у нее как бы за мыслями и картинками, понимаешь? Я в и д е л а...

Я не совсем понял, что она имеет в виду, и мне э т о не очень понравилось. "За мыслями"... Если не только Петра, а, скажем, Розалинда может сейчас в и д е т ь "за мыслями", то...

— Знаешь, давай-ка не будем об этом никому рассказывать, — подумав, сказал я, — ведь то, что за мыслями, нас с тобой не касается. Так что давай сделаем вид, что мы этого не знаем. Ладно?

— Ладно, — кивнула Петра.

Софи проснулась минут через пять. Она казалась вполне спокойной и даже оживленной, словно вчерашней истерики вовсе не было. Она велела нам забраться вглубь пещеры, откинула шкуру, чтобы стало светлее, и разожгла

огонь. Дым повалил не в вытяжку, а к выходу и полностью закрыл нас от посторонних глаз снаружи. Софи насыпала что-то из двух или трех мешочков, на которые я раньше не обратил внимания, в чугунок, налила туда воды и поставила на огонь.

— Пригляди за ним, — сказала она Розалинде и, подойдя к выходу, стала спускаться по лестнице вниз. Минут через двадцать голова ее вновь показалась у входа, и она бросила внутрь, прямо на пол, несколько кусков черствого хлеба, а потом влезла сама. Вода в чугунке давно кипела, Софи кинулась к нему и сняла с огня.

— Ничего страшного? — спросил я, кивая на дымящийся чугунок.

— Это пустяки, — ответила она, — а вот там... — она кивнула на выход. — Они нашли убитого... Думают, что это твоя работа. Они уже искали вас рано утром, но... сейчас им не до тебя. У них сейчас дела поважнее... Те, кто участвовал в сражении с вашими, возвратились поодиночке. И далеко не все... Ты знаешь, что там у них произошло?

Я рассказал ей все, что сообщил мне Мишель.

— И теперь где... ваши? Далеко?

Я связался с Мишелем, и он сказал:

— Мы только-что вышли из леса на равнину.

Я передал это Софи. Она кивнула.

— Это часах в трех ходу от реки, — сказала она и принялась "накрывать на стол": вывалила содержимое чугунка в четыре чашки, стараясь, чтобы вышло примерно поровну. На вкус каша была лучше, чем на вид, но хлеб был такой черствый, что его долго пришлось размачивать в воде. Петра стала капризничать и ворчать, что дома ее кормили совсем не так. Мысль о доме ей кое о чем напомнила, и она без всякого предупреждения вдруг спросила:

— Мишель, а мой отец тоже с вами?

Он так растерялся, что не сумел удержаться. Его "да" прозвучало очень слабо и неотчетливо, и я бросил быстрый взгляд на Петру, надеясь, что она пропустит его "мимо ушей". К счастью, так оно и было. Розалинда, уловившая Мишеля не хуже меня, сидела, не поднимая глаз от своей чашки...

Странное дело — подозрения, даже самые худшие, все-таки ничто по сравнению со знанием наверняка. Я как будто услышал голос моего отца, неумолимый и безжалостный: "Ребенок, — вещал торжественно этот голос, — который будет расти и заражать все вокруг, пока все не превратятся в отвратительных мутантов. Так уже случилось там, где воля и вера людей были недостаточно тверды. Но здесь этому не бывать! Никогда!.."

Я вспомнил слова Харриет: "Я буду молить Бога, чтобы он ниспослал милосердие в этот страшный мир!.." Бедная тетя Харриет! Не похоже, чтобы кто-то услыхал ее молитвы, и надеждам ее, видимо, не суждено было сбыться здесь никогда... Мир, в котором живут люди, охотящиеся на собственных детей!.. Что ж это за мир?! И что это за люди такие?!

Розалинда тихонько дотронулась до моей руки. Софи вздрогнула как ужаленная, но при взгляде на меня выражение ее лица смягчилось.

— Что случилось? — спросила она.

Розалинда сказала ей. Глаза Софи расширились от ужаса, она отвела взгляд от меня, посмотрела на Петру, потом опять осторожно посмотрела на меня, приоткрыла было рот, желая что-то сказать, но, как видно, раздумала... Я тоже взглянул на Петру, а потом на Софи: на рванье, прикрывавшее ее тело, на пещеру, где она жила...

— Чистота Расы... — сквозь зубы пробормотал я, — что отца своего... Что же мне теперь — простить его?! Или постараться убить?

Ответ поразил меня. Я никак не думал, что передал эту свою мысль, да еще на такое далекое расстояние.

— Оставь все, как есть, — очень четко и спокойно дошло до меня от женщины из Селандии. — Ты должен выжить. А такие люди, как твой отец, все равно обречены на гибель. Они сыграли свою роль до конца. Им дальше просто некуда идти. Жизнь — это вечная смена. Этим она отличается от всего неживого. Постоянная перемена — основа жизни. С этим столкнулись Древние, когда пожелали навечно остаться такими, какими они были. Эволюция всегда несет в себе опасность для живых существ: если они не умеют приспособиться к ней, они погибают. Именно поэтому Древние и понесли, как вы это называе-

те, Кару — уничтожили сами себя, разбили всю цивилизацию вдребезги. Твой отец и ему подобные, сами того не зная, стали и с т о р и е й. Они убеждены, что представляют конечный и неизменный образ человека... Что ж, скоро они добьются стабильности, о которой мечтают. Добьются единственно возможным способом: став и с к о п а е м ы м и...

Постепенно холодно-бесстрастный тон, которым она "говорила", начал приобретать более мягкую окраску. Мне послышались в ее "голосе" доброта и участие. Но это все-таки звучало, как лекция для "начинающих"...

— Постарайтесь понять, — продолжала та, — ребенок привыкает к груди матери, но рано или поздно его нужно отлучить от груди... Та злобная нетерпимость, с которой вас преследуют, может быть и защитной реакцией от собственного страха и неуверенности, и маской, скрывающей садистов и убийц. Но и в том, и в другом варианте за этим стоит в р а г самой жизни. Тут уж ничего не поделаешь: ваши пути разошлись. Нам с вами предстоит создать н о в ы й мир и жить в нем, а им — уйти в прошлое.

Переварить все это было не так просто. Я взглянул на Розалинду: она тоже выглядела озадаченной. Ну, а Петра — та откровенно скучала.

Софи с любопытством смотрела на всех нас.

— Нелегко с вами, — заметила она, — хотелось бы знать, о чем это вы?

— Видишь ли... — начал я и запнулся, не зная, как передать ей все это.

— Она сказала, — неожиданно заговорила Петра, — что мы не должны заботиться о моем отце, потому что он все равно нас не поймет.

Я мельком подумал, что это неплохое и, в общем, довольно точное истолкование длинной лекции, которую прочла нам селандка.

— Она? — недоуменно нахмурилась Софи. — Кто это "она"?

Я сообразил, что она понятия не имеет ни о какой селандке, и с деланной непринужденностью ответил:

— А-а, это подружка нашей Петры...

Мы все сидели на полу. Софи ближе всех к выходу, а мы трое в глубине пещеры, чтобы никто случайно не

увидел нас снаружи. Вдруг снизу послышался разноголосый гомон. Софи глянула вниз.

— Много мужчин вернулось, — сказала она, — похоже, это все, кто остался в живых. Некоторые собрались возле дома Гордона, другие уходят куда-то. Гордон, наверно, тоже вернулся.

Она продолжала сообщать нам о том, что происходит внизу, одновременно доедая свою порцию каши. Доев, она поставила чашку на пол и сказала:

— Пойду разузнаю, что там происходит.

С этими словами она выбралась из пещеры и стала спускаться вниз по лестнице.

Ее не было около часа. Раза два-три я не мог утерпеть и осторожно выглядывал наружу. "Паук" стоял возле своей лачуги. Он разделил людей на небольшие группы и каждой группе, как видно, давал отдельное задание: рисовал на песке какие-то кружки и стрелы.

— Ну, что там? — спросил я Софи, когда она вернулась.

Она медлила с ответом и, казалось, избегала моего взгляда.

— Чего ты боишься? — спросил я. — Ведь мы же хотим в а ш е й победы, неужели ты не понимаешь? Мы только хотим спасти Мишеля!

— Наши собираются устроить им засаду на этом берегу, — наконец решилась она.

— Значит, они дадут тем переправиться через реку? — спросил я осторожно.

— Да. На том берегу негде разбить лагерь.

Я передал это Мишелю. На мой взгляд, ему лучше было оставаться на том берегу и не лезть в реку с остальными. Если же у него это не получится, пусть незаметно отойдет от них во время переправы и поплывет вниз по течению. Он ответил, что уже думал об этом, и если ничего лучшего не придет ему в голову, он так и сделает.

Чей-то голос внизу позвал Софи.

— Отойдите подальше, — сказала она, — это о н.

Она торопливо спустилась вниз. Целый час мы сидели молча, пока с нами не связалась селандка.

— Пожалуйста, ответьте мне! — сказала она. — Нам нужен точный ориентир. Мы будем идти на ваши "голоса".

Вы можете просто считать: один, два, три... и так далее. Только как можно отчетливее...

За дело энергично взялась Петра. Пожалуй, даже слишком энергично.

— Хватит, — прервала ее селандка. — Теперь подождите секунду... — "голос" ее пропал, но вскоре опять появился, — мы сейчас ближе от вас, чем думали. Через час с небольшим скажем точно, где мы находимся...

Прошло еще полчаса тоскливого ожидания. Несколько раз я снова выглядывал наружу: никого вокруг не было, весь поселок словно вымер. Лишь несколько старух околачивались возле своих лачуг.

— Мы вышли к реке, — раздался "голос" Мишеля.

Через четверть часа он опять связался с нами:

— Они все прошляпили, эти кретины! — сказал он. — Наши засекли, как они вылезали из ущелья и карабкались по утесам... Хотя... какая разница! Это ущелье на вашем берегу — все равно ловушка. У нас тут совещаются — не знают, что делать...

Совещание у них было коротким. Не прошло и десяти минут, как он сказал:

— План такой: мы чуть-чуть отступим, и все соберемся напротив ущелья, потом оставим там небольшой отряд, человек десять, чтобы они торчали на виду, жгли костры, короче говоря, чтобы этим казалось, что тут весь наш отряд. Остальные переправятся через реку в двух местах: чуть ниже и чуть выше входа в ущелье. Если сможешь, дай знать э т и м!

Поселок был не так уж далеко от реки. Если нашим удастся окружить тех, что в засаде, мы пропали. В поселке почти (или совсем) не осталось мужчин, одни только женщины и старухи. Мы вполне могли, как мне казалось, незаметно пробраться к лесу и скрыться там. Но там, в лесу, мы могли наткнуться и на "своих". Я вновь выглянул наружу: женщины таскали отовсюду стрелы и втыкали в землю, чтобы они были у них под руками. Думать о побеге было уже поздно.

"Дай им знать..." Легко сказать! Я бы, конечно, дал им знать, но как?! Даже если я рискну и оставлю Розалинду с Петрой одних в пещере, кому я смогу передать то, что сказал мне Мишель? "Паук" велел пристрелить

меня, если я окажусь "непонятливым"... Кроме того, даже на расстоянии было видно, что я не из Джунглей, а в подобных обстоятельствах этого было более чем достаточно, чтобы без всяких разговоров пустить мне стрелу в горло.

— Скорее бы вернулась Софи! — уныло повторял я про себя. — Скорей бы только она вернулась!..

Прошел час и я снова услышал Мишеля.

— Мы переправились через реку чуть ниже входа в ущелье, — сказал он. — Беспрепятственно движемся вперед.

Несколько минут мы молчали. Было очень тихо... Вдруг в лесу неподалеку от нас раздался выстрел. Тишина... И еще два выстрела...

И тут из-за деревьев выскочила целая толпа мужчин и женщин, сидевших в засаде. Почти все на вид ничем не отличались от нас, только у двоих или у троих видны были явные отклонения. Ружей у них было всего пять-шесть на всех, а у остальных — луки и короткие кинжалы. "Паук" был с ними. Он выделялся в толпе своим непомерным ростом. Рядом с ним я увидел Софи с луком в руках...

Никакого плана у них явно не было, и я подумал, что разбить их ничего не стоит.

— Что случилось? — спросил я Мишеля. — Это ваши выстрелы?

— Нет, — ответил он, — это второй отряд. Они хотели отвлечь тех, что в засаде, чтобы мы могли пройти в ущелье и взять их в клещи.

— Кажется, это у них получилось, — сказал я.

Из леса послышались выстрелы и отчаянные крики. Несколько стрел вылетело на равнину, а вслед за ними из-за деревьев показались в панике бегущие люди Джунглей. Вдруг я услышал ясный и четкий "голос" селандки:

— Вы целы? — спросила она.

Мы лежали на полу перед самым входом в пещеру и следили за тем, что происходит внизу: вряд ли в такой суматохе нас мог кто-нибудь увидеть. Все, что там происходило, было ясно и очевидно. Даже Петра понимала, что нам грозит, и отреагировала на вопрос своей подруги громким и возбужденным в с п л е с к о м радости.

— Тише, малышка, тише, — сказала та, — мы уже совсем рядом.

Еще несколько стрел просвистело слева на равнине, и стали видны новые фигурки людей, в панике бегущие из леса. Но преследователей с луками в руках было гораздо больше. Люди Джунглей метались по поляне в поисках укрытия, откуда можно было бы отстреливаться. Тут вдруг туча стрел обрушилась на них с другой стороны. Они поняли, что окружены, и в панике стали разбегаться кто-куда. Некоторые побежали к пещерам, прямо на нас, и я подполз к самому входу, чтобы вовремя убрать лестницу, если понадобиться. Из леса справа появилось несколько всадников. "Паук" стоял возле своего шалаша с луком в руках, напряженно вглядываясь в этих верховых. Рядом с ним была Софи — она тянула его за куртку, видимо, уговаривая бежать к пещерам. Не отрывая глаз от всадников, он оттолкнул ее своей длинной ручищей. Правой рукой он натянул тетиву, глазами выискивая жертву — явно какую-то о п р е д е л е н н у ю жертву...

Неожиданно он весь напрягся, натянул тетиву до предела так, что лук, казалось, вот-вот треснет, и выстрелил. Стрела угодила в моего отца. Похоже, что в самое сердце. Он дернулся, ткнулся головой в шею коня (это была Шеба) и медленно сполз на землю. Правая его нога застряла в стремени, руки волочились по земле...

"Паук" отшвырнул лук в сторону и повернулся к всадникам спиной. Своими ручищами он обхватил Софи и кинулся бежать. Но не успел он сделать и нескольких громадных скачков, как три стрелы воткнулись ему в спину, и он упал замертво. Софи быстро высвободилась из его мертвых объятий, вскочила на ноги и пустилась бежать сама. Стрела тут же воткнулась ей в правую руку, но она продолжала бежать, пока другая не угодила ей в шею. Она упала ничком, тело ее несколько раз конвульсивно дернулось и затихло...

Петра ничего этого, к счастью, не видела. Она растерянно озиралась вокруг.

— Что это?! — вдруг выкрикнула она.— Какой-то странный гул?!

— Не бойтесь! — послышался голос селандки. — Это мы. Оставайтесь на месте!

Теперь и я услышал странный звук, который быстро нарастал. Я не понимал, откуда он исходит, — казалось, он заполнял все пространство вокруг нас.

Еще множество людей высыпало на равнину из леса, большинство было верхом на лошадях. Многих я узнал: люди, жившие с нами бок о бок многие годы, люди, которых я знал всю свою жизнь, теперь охотились на нас. Дикари попрятались в пещеры и теперь стреляли оттуда, как будто не без успеха.

Неожиданно один из всадников дико вскрикнул и замер, тыча пальцами вверх, в небо.

Все небо застилал какой-то странный туман, переливающийся всеми цветами радуги. А сверху, над ним, я разглядел странную, похожую на громадную рыбину, машину из своих давних детских снов. Она не двигалась, а висела в воздухе. Туман не давал рассмотреть ее как следует, я только видел сверкающий белый корпус и что-то расплывчатое, какой-то размытый контур над ним. Машина, повисев немного, стала приближаться к поляне — размер ее увеличился, и странный шум, по-видимому исходящий от нее, становился все сильнее и сильнее.

Я глянул вниз и увидел множество сверкающих нитей, тянувшихся сверху мимо входа в нашу пещеру. С каждой секундой их становилось все больше в воздухе, и они словно плясали, ярко вспыхивая на солнце. Внизу все перестали стрелять, задрали головы и уставились в небо. Сначала слышался неразборчивый гул тревожных голосов, потом те, что были слева, пустились наутек с дикими криками ужаса. Лошади стали ржать и бесноваться. В несколько секунд все смешалось на равнине: мечущиеся люди натыкались друг на друга, спотыкались, падали, лошади топтали копытами сброшенных наземь седаков и остатки разрушенных лачуг...

Я поискал глазами Мишеля. Его нигде не было видно.

— Давай сюда! — сказал я ему. — Мы тут!

— Иду! — коротко ответил он.

Тут, наконец, я увидел его — он поднимался на ноги рядом с лежащей на боку и бьющейся в предсмертных судорогах лошадью. Он тоже увидел нас и помахал нам рукой. Потом он перевел глаза наверх, туда, где в небе висела машина, — она медленно спускалась и была уже

метрах в тридцати от земли. Странный туман над ней кружился вихрем...

— Иду, — повторил Мишель.

Он торопливо пошел к нам, но вдруг резко остановился и дотронулся до своего плеча ладонью. Его ладонь так и осталась на плече, как будто приросла к нему.

— Странно, — передал он нам. — Странно, что-то... как будто паутина, только твердая... — его мысли вдруг стали сбивчивыми, смешались, их заглушил страх. — Она как приклеенная!.. Не могу пошевелить рукой! Она з а с т ы л а!..

— Не сопротивляйся! — спокойно вмешалась селандка. — Ты только выбьешься из сил. Ложись, если можешь, и постарайся успокоиться. Не двигайся, а просто жди!

Я увидел, что Мишель послушно выполнил ее указание. Но мысли его были полны тревоги. Я видел, как все, кто был на поляне, начали ощупывать себя руками, и там, где они касались рукой собственного тела, рука словно примерзала. Они барахтались, как мухи в патоке, и чем больше барахтались, тем больше нитей, тянущихся сверху, опутывало их. Безуспешно они пытались освободиться, а потом кинулись к лесу. Но не успевали они сделать и нескольких шагов, как ноги у них застывали (это было видно) и они падали на землю как подкошенные. Нити, уже достигшие земли, х в а т а л и их и сковывали напрочь. Чем больше они дергались, тем больше нитей спускалось на них, пока они не затихали. Тоже было и с лошадьми. Я видел, как одна задела спиной низкий куст. Когда она рванулась вперед, то выдрала куст из земли с корнями. Испуганно шарахнувшись в сторону, она задела задней ногой за волочащийся куст, и нога намертво прилипла к веткам. Лошадь упала, немного подергалась и затихла...

Одна из нитей спустилась мне на руку — на тыльную сторону ладони. Я велел Петре и Розалинде отойти подальше вглубь пещеры, а сам смотрел на нить, "схватившую"мою ладонь, не решаясь дотронуться до нее другой рукой. Я осторожно повернул ладонь и постарался соскрести нить о скалу у самого входа в пещеру. Мое движение тут же привлекло другие нити. Подрагивая они стали приближаться ко мне, а рука намертво "примерзла" к скале.

— Смотрите! Вот они! — мысленно и словами крикнула Петра.

Я глянул наружу и увидел белую сверкающую "рыбу", опустившуюся на самую середину поляны. Ее спуск вызвал целый вихрь нитей — тучей они поднялись вокруг, некоторые застыли, словно в нерешительности, у входа в пещеру, а потом, подрагивая, вплыли внутрь. Инстинктивно я закрыл глаза. Паутина нежно коснулась моего лица. Я попытался открыть глаза, но мне это не удалось.

ГЛАВА XVII

Не так-то легко было лежать без движения, чувствуя, как все больше и больше нитей опутывает тебя с ног до головы. А потом стало еще труднее: таинственные нити стянули лицо и тело, словно тугими веревками.

Я услышал "голос" Мишеля, который тревожно спрашивал, не ловушка ли это, не лучше ли было сразу постараться избавиться от этих чертовых нитей. Прежде чем я успел ему ответить, вмешалась селандка, велевшая нам лежать, не двигаясь, и ни о чем не беспокоиться. Ей-то, конечно, легко было командовать...

— Вас тоже опутало? — спросил я у Розалинды.

— Да, — сказала она, — от машины поднялся ветер и занес эту паутину в пещеру... Петра, детка, ты ведь слышала, что она сказала? Лежи и не дергайся.

Как только машина опустилась на поляну, гул затих. Вдалеке послышались два-три обрывающихся крика, а затем наступила полная тишина. Я понял, почему стало тихо: нити залепили мне рот, и я не мог бы издать ни звука, даже если бы захотел.

Ожидание становилось невыносимым. Кожа давно уже ныла от прикосновения нитей, а теперь "схваченные" места начинали здорово болеть.

— Мишель! — позвала селандка. — Отвечай мне... Говори что́ угодно, и я найду тебя по "голосу".

Мишель начал медленно и отчетливо считать. Досчитав до двенадцати, он облегченно и благодарно вздохнул. В окружающей нас тишине я услышал, как он сказал словами:

— Они там... вон в той пещере.

Послышался скрип лестницы, шаги и странный шипящий звук. Я ощутил что-то влажное на лице и на теле, и кожа под нитями перестала саднить. Я попытался открыть глаза, и мне это удалось, хотя и с трудом, потому что веки были все еще как замороженные.

Прямо передо мной очутилась стройная фигура, окутанная плотной белой тканью. В воздухе плавали нити, но, касаясь головы и плеч фигуры, они не прилипали к ней, а наоборот, отталкивались и отлетали в стороны. Я не мог различить ее лица, видел только глаза, глядевшие на меня из-за стеклянных окошек. Рука ее была затянута в белую перчатку и держала металлическую бутыль, из которой струей била приятно пахнущая жидкость.

— Повернись! — услышал я селандку.

Я повернулся, и она опрыскала мою одежду. Потом она обрызгала пол вокруг меня, перешагнула через меня и пошла вглубь пещеры к Петре и Розалинде, не переставая опрыскивать пол и стены жидкостью из бутылки. Вход тем временем загородили голова и плечи Мишеля. Он, как и я, был весь обрызган жидкостью, и несколько нитей, опустившихся на него, тут же отлетели. Я осторожно сел на полу и выглянул наружу.

Белая машина стояла посреди поляны. Устройство на ее верхушке перестало вращаться, и я теперь мог различить, что оно напоминало спираль, состоящую из нескольких частей и сделанную из какого-то странного, почти прозрачного металла. По бокам у "рыбы" видны были окошки, дверца была раскрыта.

Поляна внизу выглядела так, будто какие-то гигантские пауки оплели ее своей паутиной: все вокруг было затянуто нитями, теперь побелевшими и намертво застывшими. Было странно, что эта тончайшая на вид паутина совершенно не колышется от сильного ветра, раскачивающего даже верхушки гигантских деревьев...

Среди лачуг виднелись силуэты людей и лошадей, оплетенные нитями. Они тоже не шевелились.

Неожиданно раздался громкий треск. Я оглянулся и увидел, как молодое дерево, опутанное нитями, надломилось у самого основания и рухнуло. Краем глаза я одновременно с этим заметил, как несколько кустов расп-

ласталось по земле с негромким треском, причем корни, как живые, сами вылезли из почвы. Еще один куст шевельнулся прямо передо мной... Одна из лачуг как-то вся сжалась и рухнула... Другая... Я наблюдал это, как во сне, испытывая одновременно и ужас, и любопытство...

Послышался облегченный вздох Розалинды в глубине пещеры. Я поднялся на ноги и пошел к ней, Мишель двинулся следом.

— Это было о т в р а т и т е л ь н о! — мысленно объявила Петра.

И только тут она увидела фигуру в белом. Женщина еще два-три раза взмахнула своей железной флягой, потом сняла перчатки и откинула с лица капюшон. Она пристально смотрела на нас, и мы тоже не отрывали от нее глаз...

Глаза у нее были огромные — карие, с зеленоватыми к р а п и н к а м и, с г у с т ы м и и д л и н н ы м и з о л о т и с т ы м и ресницами. Нос прямой, с тонко вырезанными ноздрями. Рот, пожалуй, чуть-чуть великоват, подбородок округлый, нежный, но отнюдь не безвольный, волосы чуть темнее, чем у Розалинды и — самое поразительное — коротко остриженные: они даже не достигали плеч...

Но больше всего поражала совершенно непередаваемая ч и с т о т а ее лица, от которого мы не могли отвести глаз. Это была не бледность, а необъяснимая г л а д к о с т ь и чистота кожи. Она была без единой складки или морщинки, словно ее никогда не касались ни дождь, ни ветер, ни пыль... Трудно было поверить глазам: такая кожа просто не м о г л а быть у живой женщины... А ведь она была уже не девчонка, ей было уже никак не меньше тридцати — это чувствовалось... Во всем ее облике сквозила такая уверенность в себе, такое чувство собственного достоинства, рядом с которой "маска" Розалинды выглядела нелепой и жалкой бравадой...

Внимательно оглядев всех нас, она перевела взгляд на Петру, улыбнулась ей ослепительной улыбкой, приоткрывшей на мгновение белоснежные зубы... Мы уловили ее мысли, вернее, целый набор чувств, мгновенно сменяющих друг друга: радость, облегчение, сомнение и, к нашему удивлению, налет какого-то беспокойства, отдаленно напоминающего страх. Вся эта "смесь" почти не затронула Петру, но кое-что она, видимо, все-таки уловила, во вся-

ком случае, личико у нее стало очень серьезным, глаза широко раскрылись, и она молча смотрела на женщину, словно почувствовала, что переживает сейчас одно из важнейших событий в своей жизни.

Через несколько секунд выражение лица Петры стало мягче: что-то "отпустило" ее. Она улыбнулась, радостно тряхнула головой и засмеялась. Ч т о - т о явно произошло между ней и этой женщиной, чем-то они обменялись друг с другом, но мы при этом ничего не у с л ы ш а л и. Я оглянулся на Розалинду, она отрицательно качнула головой и продолжала, не отрываясь, смотреть на селандку.

Та наклонилась и подхватила Петру на руки. Петра подняла ручонку и осторожно дотронулась до лица женщины, словно хотела убедиться, что оно настоящее. Селандка рассмеялась, расцеловала ее и поставила на пол. Потом она тряхнула головой, как будто тоже не до конца поверила в то, что у в и д е л а.

— Да, дело того стоило! — сказала она словами, но произнесла их так странно, что я с трудом понял ее. — Т а к о г о я даже не ожидала!

Она перешла на мысли, и теперь понимать ее стало гораздо легче.

— Было не так просто получить разрешение... Ну, чтобы прилететь сюда, — пояснила она. — Огромное расстояние — гораздо большее, чем когда-либо кто-то из нас преодолевал. Послать корабль — это ведь страшно дорого. Почти никто не верил, что дело того стоит... Но теперь! — Она бросила восхищенный взгляд на Петру. — Подумать только, что в таком возрасте и без всякой тренировки она может передать мысль на противоположную точку планеты!.. — Она еще раз тряхнула головой, словно все еще не верила окончательно, что это все ей не снится. Потом она повернулась ко мне. — Ей предстоит многому научиться, но мы дадим ей самых лучших учителей, и, можешь мне поверить, настанет день, когда они будут учиться у нее!

Она присела на ложе Софи. На фоне откинутого белого капюшона ее тонко очерченный профиль был как бы в нимбе. Она внимательно стала изучать каждого из нас в отдельности (я почувствовал, как что-то проникает в меня, в самую глубину моего сознания), и казалось, осталась довольной результатами своего исследования.

— Вы многому сумели научиться сами, — сказала она, — потому что все время помогали друг другу. Но скоро вы поймете, что еще многому можете научиться у нас. — Она взяла Петру на руки. — Ну что ж, вещей у вас, как понимаю, немного, и ничто нас больше не задерживает. Так что можем отправляться.

— В Вакнук? — спросил Мишель. Собственно, это был не вопрос, скорее утверждение. — Там ведь Рэйчел! — пояснил он, уловив удивление селандки.

Та с сомнением покачала головой.

— Я не уверена...— начала она, — Впрочем, подождите...

Она неожиданно заговорила с кем-то из тех, кто остался в машине, но так б ы с т р о и на т а к о м уровне, что я почти ничего не разобрал. Наконец, она с сожалением покачала головой.

— Мне очень жаль, — медленно проговорила она, — но я так и предполагала: мы не сможем ее взять.

— Но это займет совсем немного времени! — с еле сдерживаемым отчаянием проговорил Мишель. — Это ведь недалеко!.. Для вашей машины!

Она опять покачала головой.

— Мне очень жаль, — повторила она, — и мы, конечно же, сделали бы это, если бы могли. Тут дело не в нашем желании, а в технике... Поймите, мы и так пролетели гораздо большее расстояние, чем рассчитывали. Нам встречались т а к и е земли, что даже на большой высоте мы не рискнули лететь над ними: нам приходилось огибать их. Да еще грозящая вам опасность заставила нас ускорить полет... — Она запнулась, кажется, раздумывая над тем, сможем ли мы, примитивные в общем-то существа, понять то, что она нам говорит. — Машина, — пояснила она, — расходует при полете т о п л и в о. Чем больший груз она поднимает и чем быстрее летит, тем больше топлива она расходует. Сейчас у нас осталось топлива ровно столько, чтобы мы могли долететь до дому... И то, если лететь не слишком быстро и не слишком перегружая машину. Если же мы полетим в Вакнук и приземлимся там, да еще возьмем лишнего пассажира, топливо кончится п р е ж д е, чем мы прилетим домой. Это значит, что мы упадем в море и утонем. Вас троих прямо отсюда мы можем довезти,

а четверых, да еще плюс лишняя посадка — это нам уже не по силам.

Мы молча выслушали ее. Она обрисовала положение ясно и четко и теперь опять уселась на ложе из веток, обняв колени руками, — неподвижной, словно высеченной из мрамора, статуей в своем сверкающем, белом костюме. В наступившей тишине все мы вдруг заметили, что все вокруг неестественно замерло. Даже листья на деревьях застыли неподвижно. Шок от внезапной догадки вызвал у Розалинды неожиданный в с п л е с к ужаса:

— Они не... не мертвые?! Я не думала... Я не понимаю!..

— Да! — спокойно и просто ответила селандка, — все они мертвы. Пластиковые нити с т я г и в а ю т с я, когда высыхают. Те, кто начинает сопротивляться и бороться с ними, скоро выбиваются из сил, теряют сознание... А потом умирают... Но они не испытывают при этом таких страданий, как от ваших кинжалов и стрел.

Розалинду пробрала дрожь. Да и меня тоже. Во всем, что я услышал, было какое-то холодное спокойствие... Смерть, царившая вокруг, была какой-то особенно жуткой... Смерть, не как неизбежный исход сражения или случайность в драке, а... что-то совсем другое. Но больше всего поражало спокойствие селандки. Она не испытывала ни сожаления, ни участия, ее вообще это не т р о г а л о: разве только легкое отвращение к не очень-то приятному, но, увы, необходимому действию. Ну, как если бы она морила тараканов... Она моментально уловила наше удивление и с досадой тряхнула головой.

— Убивать всегда неприятно, — сказала она, — неприятно лишать жизни л ю б о е живое существо. Но нелепо притворяться, что можно без этого обойтись. Вы ведь едите мясо. Там, где растут овощи, не должны расти цветы — их приходится выпалывать. Целые поколения микробов должны погибать, чтобы мы с вами могли жить. Так устроен мир, с этим ничего не поделаешь. Так же, как мы боремся с микробами, которые мешают нам жить, наш род должен бороться за свое существование с тем родом, который хочет нас уничтожить. А иначе мы бы погибли. Дикари из Джунглей были обречены — для них уже не было будущего. Но и те, кто их обрек на это, тоже

были обречены — это лишь вопрос времени. Раньше, давно, они были хозяевами жизни... Древние... Вы о них слышали. А вы слышали когда-нибудь об огромных ящерах? Пришло время, и они были вынуждены уступить место другим видам. Когда- нибудь и нам придется уступить место чему-то новому. И наверно, мы будем бороться с этим новым, так же, как сейчас с нами борются эти "останки" Древнего мира. Но этим сопротивлением мы только заставим их сильнее проявить себя, и когда им это удастся, мы исчезнем точно так же, как сейчас исчезают те, кто лежит на поляне внизу. Они привержены с в о е м у виду и не могут вынести нашего существования. Мы привержены н а ш е м у и не можем позволить уничтожить себя. Вы еще краем сознания воспринимаете их как с в о и х, как т а к и х ж е, как и вы, поэтому вам сейчас больно. И поэтому же у них есть огромное преимущество перед вами: им н е б о л ь н о. Они уже почувствовали всю силу опасности, таящейся в вас, почувствовали смертельную угрозу своему виду, своей природе. И они хорошо понимают: чтобы выжить, нужно оградить себя не только от тех, кто "хуже", но и от тех, кто "лучше" их. Я уже говорила вам: главное свойство жизни — с м е н а. Смена и есть эволюция, и мы лишь ступень этой эволюции. Стабильность, по их определению НОРМА, — враг эволюции, а значит, враг и самой жизни, значит, и наш враг тоже. Если вам все еще больно, если вы в глубине души еще считаете их с в о и м и, вспомните, что некоторые из них, может, ваши кровные родичи, сделали в своей жизни? Я еще мало знаю о вашем прошлом, но э т о везде происходит почти одинаково — по одним и тем же законам. И заодно вспомните, что они сделали бы с вами, попадись вы им в руки...

Меня, как и прежде, раздражал ее снисходительный, лекторский тон, но то, что она говорила, д о ш л о до меня... У меня еще не было такого чувства превосходства... Я еще не ощущал себя представителем другого вида (не уверен, что даже сейчас я так себя ощущаю), для меня мы все по-прежнему были всего лишь отклонением от НОРМЫ, несчастной ошибкой природы, но...

Я взглянул на Петру. Ей, как видно, порядком наскучил этот монолог, и она давно уже не слушала селандку, а только внимательно и немножко недоверчиво разг-

лядывала ее... Всплывшие в моей памяти картины заслонили то, что было сейчас у меня перед глазами...

Лицо тети Харриет под водой с шевелящимися от течения волосами; неясный силуэт Анны — тело, безжизненно свисающее с перекладины; Салли в шоке от того, что на ее глазах сделали с Кэтрин; Софи, превратившаяся в дикарку и валяющаяся в пыли со стрелой в горле...

Такой же могла быть и судьба Петры...

Я присел рядом с ней, обнял ее и прижал к себе.

Все время, пока селандка читала нам "лекцию", Мишель напряженно, с какой-то дикой тоской вглядывался в машину, стоявшую посередине поляны. Минуты две он не отрывал от нее глаз, потом вздохнул и отвернулся.

— Петра, — сказал он, — ты можешь еще раз дотянуться отсюда до Рэйчел? Это мне... очень нужно!

Петра выдала свой обычный оглушающий в с п л е с к и вскоре кивнула.

— Да, она тут. Она хочет знать, что здесь происходит.

— Прежде всего, скажи ей, что мы все живы и с нами все в порядке.

— Она поняла, — сказала Петра.

— Теперь скажи... вот что... Ей нужно потерпеть... дня два-три, пока я не доберусь до дому и... не увезу ее. Можешь передать ей это?

Петра мысленно повторила все, что сказал Мишель (в головах у нас при этом словно били молоты), и принялась ждать ответа.

— Да ну ее, — вдруг сказала она, нахмурившись. — Она опять плачет!.. Здорово же любит поплакать эта ваша Рэйчел!.. И совсем непонятно почему... Ведь там, ну, с з а д и... за мыслями она совсем не кажется несчастной. Наоборот, она о ч е н ь рада...

Мы все смотрели на Мишеля, не решаясь заговорить.

— Что ж, — сказал он наконец, — вы двое объявлены вне закона, никто из вас не может пойти за ней.

— Но Мишель... — начала было Розалинда. Но он перебил ее.

— Она там о д н а, — сказал он. — Тут не о чем и говорить. Разве ты оставила бы там Дэвида? Или Дэвид тебя?

На это ему никто ничего не ответил. Да и что можно было на это ответить?

— Ты... сказал, что заберешь ее? — спросила Розалинда.

— Другого выхода нет, — задумчиво произнес он. — Остаться там? Чтобы рано или поздно нас... или наших детей... обнаружили и... Нет! — решительно отмел он это. — Это невозможно. Сбежать в Джунгли? — он с отвращением огляделся вокруг. — Это тоже не выход. Значит, остается одно: Рэйчел должна быть с нами всеми... И если машина не может забрать ее, кто-то д о л ж е н сделать это.

Селандка вся подалась вперед и напряженно смотрела на Мишеля... В глазах ее вспыхнуло восхищение. Но она тут же как-то угасла и медленно, с сожалением покачала головой.

— Это очень... очень далеко. Вам придется идти по с т р а ш н о й земле... Нет, это нереально, — сказала она.

— Я знаю, что далеко, — ответил Мишель. — Но, в конце концов, земля круглая, и наверняка есть другой путь.

— Даже если и есть, он тоже будет нелегок... И опасен, — предупредила селандка.

— Не опаснее, чем оставаться в Вакнуке, — пожал плечами Мишель.— Да и как мы можем остаться, з н а я, что на свете есть д р у г о е... Зная, что нам есть к у д а и д т и?! Если бы то, что с нами произошло, было случайностью... Если бы мы были простым отклонением от НОРМЫ... Но теперь! Есть ведь разница между обычным стремлением спасти свою шкуру и жизнью для чего-то, в о и м я чего-то!

Минуты две селандка молчала, потом подняла на него свои огромные, прекрасные глаза.

— Когда вы д о й д е т е до нас, — сказала она, — вы можете быть уверены: для вас у нас найдется место, и принадлежать оно вам будет п о п р а в у.

Дверца захлопнулась за нами с глухим щелчком. Машина вздрогнула, по всей поляне промчался вихрь, поднимая пыль и раскачивая деревья. Через окошки мы видели, что Мишель с трудом устоял на месте. Даже громадные уродливые деревья на опушке леса начали качаться и гнуться.

Пол под нами задрожал, и земля начала удаляться — мы быстро поднимались в темнеющее вечернее небо. Подъем вскоре закончился, и мы устремились вперед, на юго-запад.

Петра пришла в дикое возбуждение: мы сразу это почувствовали.

— Как здорово! — воскликнула она. — Я все вижу вокруг! Далеко-далеко! На много-много миль!... Мишель! Ты такой смешной и маленький!..

Одинокая крохотная фигурка на поляне помахала нам рукой.

— Это я только теперь маленький и смешной, — услышали мы "голос" Мишеля.— Но это ненадолго. Мы дойдем до вас! Обязательно дойдем!..

Все было точь-в-точь, как я видел это в своих детских снах. Яркое солнце, гораздо более яркое, чем в Вакнуке, освещало широченный голубой залив... Волны с белыми барашками медленно катились к берегу. Небольшие лодки с яркими, разноцветными парусами (а некоторые и вовсе без парусов) плыли в гавань, подхваченные приливом. Раскинутый по всему берегу и сужающийся там, где он уходил от моря к горам, простирался под нами Город с белыми домами среди зеленых садов и парков. Я мог даже различить крохотные экипажи, движущиеся по широким, просторным улицам. Мы пролетели немного вглубь острова, туда, где на зеленой площадке стояла высоченная башня, с верхушки которой сиял яркий, ослепительный свет. Наша рыбообразная машина повисла над площадкой возле самой башни.

Все это было мне так знакомо, что я даже испугался. На какой-то момент мне почудилось, что все это сон, что я проснусь и окажусь в своей убогой комнатенке в Вакнуке. Я схватил Розалинду за руку, чтобы убедиться в том, что она рядом.

— Это все настоящее? — спросил я ее. — Ты... тоже все это видишь?

— Дэви! Это... Это прекрасно! — тихо сказала она. — Я никогда не думала, что на свете может быть такое! А ведь тут есть еще... Ты мне никогда не говорил об э т о м!

— О чем? — не понял я.

— Ты не слышишь?.. Ну, послушай же! Р а с к р о й с я весь... Еще... Петра, детка, если б ты хоть на секунду перестала бубнить!..

Я сделал то, что она просила: мне был отчетливо слышен разговор водителя нашей машины с кем-то, кто был

снаружи, но за этим... Вернее, везде... ощущалось что-то еще, незнакомое... Это было похоже на ровный гул пчелиного роя, а если сравнить с красками — неяркий, ровный свет отовсюду... Везде... Всюду...

— Что это? — удивленно спросил я.

— Ты не догадался? Дэви! Это — люди!! Их много! Много-много таких, как мы!..

Наверно, она была права, и я постарался раскрыться и вслушаться, но Петра так возбудилась, что я вынужден был снова закрыться. Мы уже были над самой землей и видели, как Город стремительно приближался нам навстречу.

— Я, кажется, только теперь начинаю верить, что все это не сон! — признался я Розалинде. — Ты... Я никогда еще не чувствовал тебя т а к у ю...

Она повернулась ко мне. Глаза ее сияли. Д р у г а я Розалинда смотрела на меня широко раскрытыми глазами. Ее маска слетела, как ненужная шелуха, и я мог теперь заглянуть в ее душу до самого дна... Она раскрылась, как... дивный, невиданной красоты цветок...

— Дэви... — сказала она тихо-тихо. — Теперь, когда...

Договорить она не успела. Мы все зажмурились и зажали уши ладонями. Даже пол под ногами вздрогнул.

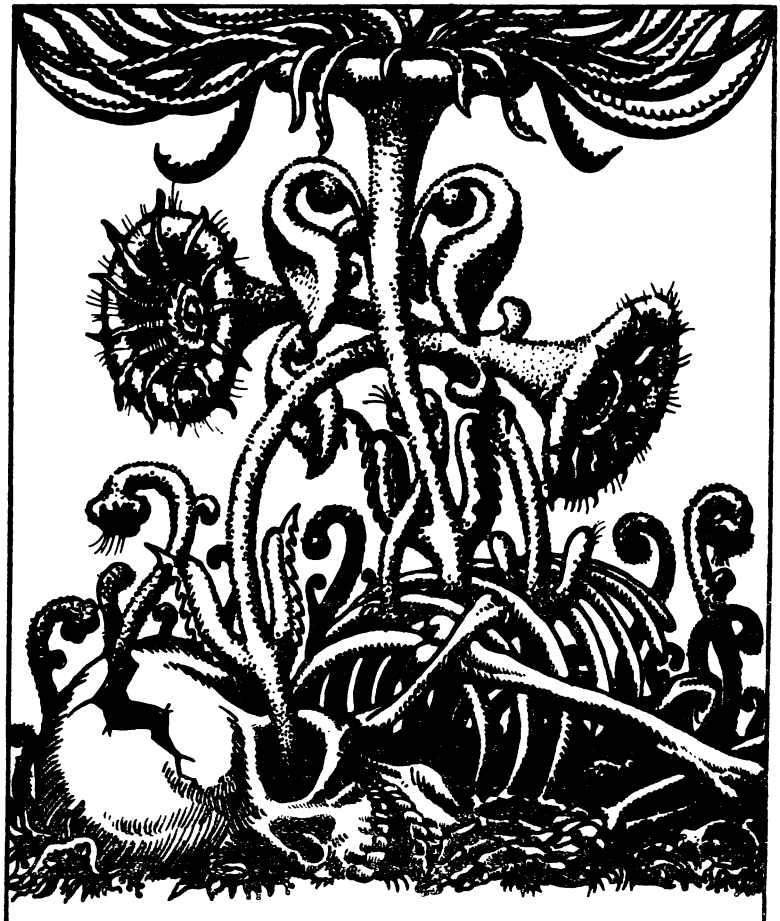
Отовсюду "послышались" отчаянные вопли протеста.

— Ой!.. Простите! — сконфуженно извинилась Петра перед теми, кто был внутри машины, и перед всем Городом. — Я нечаянно... Но ведь это т а к здорово!!

— Ох, детка... — простонала Розалинда, медленно отводя ладони от лица. — Ну, да ладно, — она постепенно пришла в себя, — на этот раз, родная, мы тебя, так и быть, простим... Я понимаю, ты просто не могла удержаться. Это действительно т а к з д о р о в о!..

---

1 Читателю может показаться странным название прочитанного романа. Дело в том, что слово "хризалиды" означает "куколки", "коконы" и происходит от греческого chrysallis — золотистая куколка бабочки. Очевидно, автор видел в своих героях куколки, которые дадут начало качественно более совершенной человеческой расе.



ДЕНЬ ТРИФФИДОВ

THE DAY OF TRIFFIDS

PENGUIN BOOKS LTD. ENGLAND 1961

1. НАЧАЛО КОНЦА

Если день начинается воскресной тишиной, а вы точно знаете, что сегодня среда, значит что-то неладно.

Я ощутил это, едва проснувшись. Правда, когда мысль моя заработала более четко, я засомневался. В конце концов не исключалось, что неладное происходит со мной, а не с остальным миром, хотя я не понимал, что же именно. Я недоверчиво выжидал. Вскоре я получил первое объективное свидетельство: далекие часы пробили, как мне показалось, восемь. Я продолжал вслушиваться напряженно и с подозрением. Громко и решительно ударили другие часы. Теперь уже сомнений не было, они размеренно отбили восемь ударов. Тогда я понял, что дело плохо.

Я прозевал конец света, того самого света, который я так хорошо знал на протяжении тридцати лет; прозевал по чистой случайности, как и другие уцелевшие, если на то пошло. Так уж повелось, что в больницах всегда полно людей и закон вероятности сделал меня одним из них примерно неделю назад. Легко могло получиться, что я попал бы в больницу и две недели назад; тогда я не писал бы этих строк — меня вообще не было бы в живых. Но игрою случая я не только оказался в больнице именно в те дни, но притом еще мои глаза, да и вся голова, были плотно забинтованы, и кто бы там ни управлял этими "вероятностями", мне остается лишь благодарить его.

© Перевод на русский язык. С.Бережков, 1990

Впрочем, в то утро я испытывал только раздражение, пытаясь понять, что за чертовщина происходит в мире, потому что за время своего пребывания в этой больнице я успел усвоить, что после сестры-хозяйки часы здесь пользуются самым большим авторитетом.

Без часов больница бы просто развалилась. Каждую секунду по часам справлялись, кто когда родился, кто когда умер, кому принимать лекарства, кому принимать еду, когда зажигать свет, когда разговаривать, когда работать, спать, отдыхать, принимать посетителей, одеваться, умываться — в частности, часы предписывали, чтобы меня начинали умывать и приводить в порядок точно в три минуты восьмого. Это было одной из главных причин, почему я предпочел отдельную палату. В общих палатах эта канитель начиналась зачем-то на целый час раньше. Но вот сегодня часы разных степеней точности уже отбивали по всей больнице восемь, и тем не менее ко мне никто не шел.

Я терпеть не могу обтирания губкой; процедура эта представлялась мне совершенно бессмысленной, поскольку проще было бы водить меня в ванную, однако теперь, когда губка так запаздывала, мне стало не по себе. Помимо всего прочего, губка обыкновенно предшествовала завтраку, а я испытывал голод.

Вероятно, такое положение огорчило бы меня в любое утро, но сегодня, в эту среду восьмого мая, должно было произойти особенно важное для меня событие, и я вдвойне жаждал поскорее разделаться со всеми процедурами: в этот день с моих глаз собирались снять бинты. Я не без труда нащупал кнопку звонка и задал им трезвону на целых пять секунд, просто так, чтобы дать им понять, что я о них думаю.

В ожидании возмездия, которое неминуемо должна была повлечь за собой такая выходка, я продолжал прислушиваться.

И тогда я осознал, что тишина за стенами моей палаты гораздо более странная, нежели мне казалось вначале. Это была более глубокая тишина, чем даже по воскресеньям, и мне снова и снова пришлось убеждать себя в том, что сегодня именно среда, что бы там ни случилось.

Я никогда не был в состоянии объяснить себе, почему учредители госпиталя Св. Меррина решили воздвигнуть

это заведение на перекрестке больших улиц в деловом квартале и тем самым обрекли пациентов на вечные терзания. Правда, для тех счастливцев, чьи недуги не усугублялись ревом и громом уличного движения, это обстоятельство имело те преимущества, что они, даже оставаясь в постелях, не утрачивали, так сказать, связи с потоком жизни. Вот громыхают на запад автобусы, торопясь проскочить под зеленый свет; вот поросячий визг тормозов и залповая пальба глушителей удостоверяют, что многим проскочить не удалось. Затем стадо машин, дожидавшихся на перекрестке, с ревом и рыканьем устремляется вверх по улице. Время от времени имеет место интерлюдия: раздается громкий скрежещущий удар, вслед за которым на улице образуется пробка — ситуация, в высшей степени радующая человека в моем положении, когда он способен судить о масштабах происшествия исключительно по обилию вызванной этим происшествием ругани. Разумеется, ни днем, ни ночью у пациентов Св. Меррина не было никаких шансов вообразить себе, будто обычная жизнь прекратила течение свое только потому, что он, пациент, временно выбыл из игры.

Но этим утром все изменилось. Необъяснимо и потому тревожно изменилось. Не громыхали колеса, не ревели автобусы, не слышно было ни одного автомобиля. Ни скрипа тормозов, ни сигналов, ни даже стука подков — на улицах еще время от времени очень редко появлялись лошади. И не было слышно множественного топота людей, обычно спешащих в это время на работу.

Чем дольше я вслушивался, тем более странным все представлялось и тем меньше мне нравилось. Мне кажется, я слушал минут десять. За это время до меня пять раз донеслись неверные шаркающие шаги, трижды я услыхал вдали нечленораздельные вопли и один раз истерический женский плач. Не ворковали голуби, не чирикали воробьи. Ничего, только гудел в проводах ветер...

У меня появилось скверное ощущение пустоты. Это было то самое чувство, которое охватывало меня в детстве, если я начинал фантазировать, будто по темным углам спальни прячутся призраки; тогда я не смел выставить ногу из страха, кто-то протянется из-под кровати и ухватит меня за лодыжку; не смел даже протянуть руку к выклю-

чателю, чтобы кто-то не прыгнул на меня, едва я пошевелюсь. Теперь мне снова пришлось бороться с этим ощущением, как я боролся с ним когда-то ребенком в темной спальне. Просто поразительно, какие мы еще дети, когда дело доходит до испытаний такого рода. Оказывается, древние страхи все время шагали рядом со мной, выжидая удобного момента, и вот этот момент наступил — и все потому только, что мои глаза закрыты бинтами и прекратилось уличное движение...

Я взял себя в руки и попробовал рассуждать логически. Почему прекращается уличное движение? Обычно потому, что улицу перекрывают для ремонтных работ. Все очень просто. В любой момент на сцене могут появиться пневматические молотки, которые внесут разнообразие в слуховые впечатления многострадальных пациентов.

Но у логики есть один недостаток: она не останавливается на полпути. Она немедленно подсказала мне, что шума уличного движения нет даже вдали, что не слышно ни гудков электричек, ни сирен буксиров. Не слышно было решительно ничего, пока часы не начали отбивать четверть девятого.

Искушение посмотреть — бросить всего-навсего один взгляд краешком глаза, не больше, просто составить какое-то представление о том, что же, черт побери, происходит, — было огромно. Но я обуздал его. Во-первых, легко сказать: бросить один взгляд. Для этого мне пришлось бы не просто приподнять повязку, а размотать множество прокладок и бинтов. Но, что самое важное, я боялся. После недели полной слепоты не вдруг наберешься храбрости шутки шутить со своим зрением. Правда, снять с меня бинты было решено именно сегодня, но это собирались сделать при специальном сумеречном свете, причем мне разрешили бы остаться без бинтов лишь в том случае, если бы обследование показало, что с глазами у меня все в порядке. А я не знал, в порядке ли мои глаза. Могло оказаться, что мое зрение испорчено. Или, что я вообще ослеп. Я ничего не знал...

Я выругался и снова нажал на кнопку звонка. Это доставило мне некоторое облегчение.

Никто, по-видимому, звонками не интересовался. Во мне поднималось раздражение, такое же сильное, как тре-

вога. Унизительно, конечно, пребывать от кого-то в зависимости, но куда более скверно, когда зависеть не от кого. Терпение мое истощилось. Необходимо что-то предпринять, решил я.

Если я заору в коридор и вообще начну скандалить, то кто-нибудь обязательно явится — хотя бы для того, чтобы обругать меня. Я отбросил простыню и вылез из кровати. Я ни разу не видел своей палаты, и хотя на слух я довольно точно представлял себе, где находится дверь, найти ее оказалось вовсе не просто. Несколько непонятных и ненужных препятствий встретилось мне на пути, я ушиб палец на ноге и ободрал голень, но мне удалось пройти через палату. Я высунул голову в коридор.

— Эй! — закричал я. — Дайте мне завтрак! В палату сорок восемь!

Секунду стояла тишина. Затем послышался рев голосов, вопивших одновременно. Казалось, их были сотни, и нельзя было различить ни единого слова. Как будто я включил запись шума толпы, причем толпы, настроенной очень воинственно. У меня мелькнула дикая мысль, что, может быть, меня, пока я спал, переправили в дом умалишенных, что здесь не госпиталь Св. Меррина. Эти голоса просто не могли принадлежать нормальным людям. Я торопливо захлопнул дверь, чтобы оградить себя от этого столпотворения, и ощупью вернулся на кровать. В тот момент кровать представлялась мне единственным безопасным и спокойным местом во всем жутком мире. И словно в подтверждение этого, в палату ворвался новый звук, и я замер с простыней в руках. С улицы донесся вопль, дикий и отчаянный, от которого кровь стыла в жилах. Он повторился трижды, и когда он затих, мне все еще казалось, что он звенит в воздухе.

Я содрогнулся. Я чувствовал, как щекочут мой лоб под бинтами струйки пота. Теперь я знал, что происходит нечто страшное. И я не в силах был больше выносить одиночество и беспомощность. Я должен был знать, что происходит вокруг меня. Я поднял руки к бинтам — мои пальцы коснулись булавок, и тут я остановился...

Что, если лечение было неудачным? Что, если я сниму бинты и окажется, что я слепой? Тогда будет еще хуже, во сто крат хуже...

Я уронил руки и лег на спину. Я злился на себя и на больницу, и я произнес несколько глупых беспомощных ругательств.

Вероятно, прошло некоторое время, прежде чем я вновь обрел способность рассуждать последовательно. Я вдруг осознал, что снова ищу возможные объяснения происходящему. Объяснений я не нашел. Зато я окончательно убедился, что сегодня среда, какая бы там чертовщина ни происходила. Ибо вчерашний день был весьма примечателен, а я мог поклясться, что после него прошла всего одна ночь.

В хрониках вы прочтете, что во вторник седьмого мая Земля в своем движении по орбите прошла через облако кометных осколков. Вы можете даже поверить в это, если вам угодно, ведь поверили же миллионы людей. Возможно, так оно и было в самом деле. Я не могу привести доказательств ни "за", ни "против". Я был не в состоянии увидеть, что происходило; но у меня есть на этот счет кое-какие мысли. По-настоящему я знаю только, что я провел вечер в кровати, выслушивая свидетельства очевидцев о небесном явлении, которое было провозглашено самым поразительным в истории человечества.

Между прочим, пока оно не началось, никто ни слова не слыхал о предполагаемой комете или о ее осколках...

Не знаю, для чего понадобился радиорепортаж об этом, когда и так все, кто мог ходить, ковылять на костылях и передвигаться на носилках, были под открытым небом или возле окон, наслаждались зрелищем самого грандиозного из даровых фейерверков. Тем не менее радиокомментатор болтал не умолкая, и это с особенной силой заставило меня почувствовать, как тяжко быть слепым. Я решил, что, если лечение окажется неудачным, я лучше покончу с собой.

Днем в выпусках новостей сообщалось, что предшествующей ночью в небе над Калифорнией наблюдались какие-то яркие зеленые вспышки. В Калифорнии обычно происходит столько всякой всячины, что вряд ли кто-нибудь принял это сообщение всерьез, однако сообщения продолжали поступать, возникла версия о кометных осколках, и эта версия восторжествовала.

Из всех районов Тихого океана приходили описания ночи, озаренной блеском зеленых метеоров. В описаниях говорилось: "Метеоры падают такими обильными потоками, что кажется, будто само небо крутится вокруг нас". Да так оно и должно было быть, наверно.

По мере того как линия ночи передвигалась к западу, яркость зрелища отнюдь не ослабевала. Отдельные зеленые вспышки стали видны еще до наступления темноты. Диктор, комментировавший это явление в шестичасовом выпуске вечерних новостей, заметил, что оно создает помехи радиоприему на коротких волнах, но что на средние волны, на которых ведется настоящая передача, и на телевидение влияния не оказывает. Он назвал это явление потрясающей картиной и настоятельно советовал не упустить случая полюбоваться ею. Он мог бы не затруднять себя советами. По тому, как взбудоражены были все в больнице, я мог судить, что случая полюбоваться потрясающей картиной не упустит никто, кроме меня.

И словно мне мало было болтовни диктора, просвещать меня сочла своим долгом также и нянечка, которая принесла ужин.

— Небо просто кишит падучими звездами, — сказала она. — Все они зеленые и яркие. Лица от них страшные, как у мертвецов. Все на улицах, там сейчас светло, как днем, только что свет другой. Иногда падают такие большие звезды, что глазам больно. Говорят, раньше никогда такого не было. А жалко, что вам нельзя этого видеть, правда?

— Правда, — сказал я несколько резко.

— Мы во всех палатах подняли шторы, все больные смотрят, — продолжала она. — Если бы не эти бинты, вы все увидели бы прямо отсюда.

— О, — сказал я.

— А на улице видно еще лучше. В парках и в Хите, говорят, собрались тысячи людей, стоят и глядят. И на всех плоских крышах тоже люди, все смотрят вверх...

— Не слыхали, столько это будет продолжаться? — терпеливо спросил я.

— Нет, не слыхала. Говорят, правда, что сейчас они уже не такие яркие, как в других местах. Только знаете

что? Даже если бы вам сегодня сняли эти бинты, смотреть все равно не разрешили бы. Глаза сначала надо будет беречь, а некоторые звезды такие яркие. Они... У-ух!

— Что — ух! — спросил я.

— Какая сейчас была яркая, вся палата сделалась зеленой. Так жалко, что вам нельзя этого видеть.

— Действительно, — согласился я. — А теперь, милочка, ступайте отсюда.

Я попробовал слушать радио, но оно издавало все те же "ухи" и "ахи" вперемежку с пошлыми благоглупостями о "величественном зрелище" и "уникальном явлении", и так было, пока у меня не появилось ощущение, будто для всего мира дается бал, на который не пригласили только меня одного.

Выбора у меня не было, так как в больнице радио передавало только одну программу: хочешь — слушай, хочешь — нет. Через некоторое время я стал догадываться, что спектакль пошел на убыль. Диктор посоветовал всем, кто еще не видел, немедленно пойти и увидеть, чтобы не жалеть потом всю жизнь.

Основная идея состояла, видимо, в том, чтобы убедить меня, что я упустил ту самую возможность, ради которой родился на свет.

В конце концов мне это надоело, и я выключил радио. Последнее, что я слышал, было сообщение о том, что зрелище быстро идет к концу и что мы, вероятно, через час-другой выйдем из зоны обломков.

Все это происходило вчера вечером, в этом не было никакого сомнения. Прежде всего, случись это раньше, я был бы куда более голоден, чем сейчас. Ладно, но что же тогда все это значит? Неужели вся больница, весь город праздновали эту ночь так, что до сих пор не могут очухаться?

Тут рассуждения мои были прерваны хором часов, близких и далеких, которые начали отбивать девять.

В третий раз я принялся терзать звонок. И пока лежал в ожидании, мне послышалось, будто за дверью кто-то возится. Это было что-то вроде всхлипываний, шуршаний и шарканий, время от времени заглушаемых отдаленными криками.

Но в палату ко мне никто не вошел.

К этому времени мне было уже совсем плохо. Жуткие детские фантазии вновь овладели мною. Я напряженно ждал, что вот-вот отворится невидимая дверь и чудовищные призраки обступят меня. Я не был даже уверен, что кто-то или что-то не находится уже здесь, рядом, и не крадется неслышным шагом через палату...

Не могу сказать, что я вообще подвержен подобным штукам. Во всем были виноваты проклятые бинты у меня на глазах и страшные крики в коридоре, отозвавшиеся на мой зов. Но мною овладели призраки, а когда призраки овладеют человеком, сладить с ними уже трудно. Их уже не прогонишь веселым свистом или мурлыканьем песенки себе под нос.

Передо мной, наконец, в упор встал вопрос: что для меня страшнее — рискнуть зрением и снять бинты или оставаться во мраке со своими призраками?

Не знаю, что бы я сделал, случилось это двумя днями раньше, — возможно, то же самое, — но в этот день я по крайней мере мог сказать себе: "Ладно, провались оно все, обратимся к здравому смыслу. Ведь бинты все равно должны были снять сегодня. Рискну".

Одно обстоятельство делает мне честь. Я не настолько ополоумел от страха, чтобы сорвать с себя бинты немедленно. У меня достало здравого смысла и присутствия духа сначала встать с постели и опустить шторы. И только после этого я взялся за булавки.

Когда я снял повязки и обнаружил, что вижу в полутьме, я ощутил такое облегчение, какого не знал никогда раньше. Затем, убедившись, что ни злоумышленников, ни привидений нет ни под кроватью, ни вообще в палате, я первым делом подтащил к двери кресло и подпер им дверную ручку. После этого я почувствовал себя более уверенно. Я заставил себя привыкать к дневному свету постепенно, и на это у меня ушел целый час. К исходу того часа я точно знал, что благодаря своевременной первой помощи и умелому лечению глаза мои видят так же хорошо, как прежде. Но никто ко мне не приходил.

На нижней полке тумбочки я обнаружил темные очки, заботливо приготовленные для меня. Из осторожности я надел их и только тогда подошел к окну. Нижняя часть его не открывалась, так что поле зрения было ограничено.

Засматривая вниз и по сторонам, я увидел на улице двух-трех человек, которые брели вдалеке странной, неуверенной походкой, словно не зная, куда направиться. Но больше всего — и сразу же — меня поразила резкая и отчетливая видимость; даже отдаленные здания за крышами напротив вырисовывались необыкновенно ясно и четко. И тогда я заметил, что в городе не дымит ни одна труба...

Мой костюм был аккуратно повешен в шкафу. Когда я оделся, то почувствовал себя совсем хорошо. В портсигаре оказалось несколько сигарет. Я закурил и понемногу начал видеть мир совсем в ином свете: все казалось мне по-прежнему очень странным, но я уже сам не понимал, как это я поддался панике.

В наши дни не так-то просто вернуться к прежнему взгляду на вещи. Теперь каждый должен уметь рассчитывать во всем на себя. А тогда все было так регламентировано, так переплетено... Каждый столь неукоснительно играл свою маленькую роль, что нетрудно было принять привычку и обычай за закон природы, и когда установленный порядок как-нибудь, нарушался, это влекло за собой серьезные последствия.

Если вы прожили половину жизни с определенными представлениями, то изменить их за пять минут невозможно. Оглядываясь назад, на тогдашний мир, я удивляюсь и даже как-то злюсь из-за того, что мы так мало знали и не хотели знать о своей повседневной жизни. Я практически ничего не знал, например, как поступают ко мне продукты питания, откуда берется чистая вода, как ткут и шьют мою одежду, каким образом канализация содержит города в чистоте и о других обыкновенных вещах. Наша жизнь представляла собой сложное взаимодействие специалистов, которые справлялись со своими обязанностями более или менее эффективно и требовали того же от остальных. Вот почему мне не верилось, что больница дезорганизована полностью. Я был уверен в том, что кто-то где-то продолжает держать ее в руках — только, к сожалению, этот кто-то совершенно забыл о палате сорок восемь.

Тем не менее, когда я все-таки снова подошел к двери и выглянул в коридор, мне пришлось признать, что дезорганизация коснулась не только единственного обитателя сорок восьмой палаты.

В коридоре не было ни души, хотя я слышал в отдалении приглушенный шум голосов. Слышались шаркающие шаги, время от времени в пустоте коридоров отдавалось эхо громкого выкрика, но не было ничего похожего на сумасшедший рев, который так напугал меня. На этот раз кричать я не стал. Я осторожно переступил через порог — почему осторожно? Не знаю. Просто было вокруг что-то настораживающее.

В гулком здании трудно определить, откуда доносятся звуки, но с одной стороны коридор кончался французским окном с матовыми стеклами, на которых лежала тень балконных перил, и я направился в другую сторону. За поворотом секция отдельных палат кончалась, и я очутился в более широком коридоре.

Сначала мне показалось, что в этом коридоре тоже нет никого, а затем, а затем, сделав несколько шагов, я заметил человеческую фигуру, выступившую из тени. Это был мужчина в белом халате, наброшенном поверх черной куртки и полосатых брюк. Я решил, что он один из штатных врачей больницы, только непонятно было, почему он так жмется к стене и пробирается словно на ощупь.

— Эй, послушайте, — сказал я.

Он мгновенно остановился. Его лицо, обращенное ко мне, было серым и испуганным.

— Вы кто? — спросил он неуверенно.

— Меня зовут Мэйсен, — ответил я. — Уильям Мэйсен. Я здешний пациент — сорок восьмая палата. Я вышел, чтобы узнать, почему...

— Вы зрячий? — быстро прервал он меня.

— Разумеется! Я снова превосходно вижу. Вылечили меня просто чудесно. Только ко мне все не приходили снять бинты, и я сделал это сам. Мне кажется, ничего худого в этом нет. Я взял...

Но он снова прервал меня:

— Пожалуйста, отведите меня в мой кабинет. Мне непременно нужно позвонить.

Я все еще не мог понять, в чем дело. Но этим утром меня сбивало с толку буквально все.

— Где это? — спросил я.

— Пятый этаж, западное крыло. На двери табличка "Доктор Сомс".

— Ладно, — сказал я с некоторым удивлением. — А где мы находимся сейчас?

Он помотал головой, его лицо напряглось и выражало крайнее раздражение.

— Да откуда мне знать, будь оно все проклято? — резко произнес он. — Глядите глазами, черт подери, вы же зрячий! Вы что, не видите, что я ослеп?

Нет, этого не было заметно. Его глаза были широко раскрыты и смотрели, как мне казалось, прямо на меня.

— Подождите минуту, — сказал я. Я отошел и огляделся. На стене напротив лифта я обнаружил большую цифру "5". Я вернулся и сказал ему об этом.

— Хорошо, — проговорил он. — Возьмите меня за руку. Когда выходишь из лифта, нужно свернуть направо. Затем первый коридор налево, третья дверь.

Я последовал его указаниям. Мы не встретили никого на своем пути. В кабинете я подвел его к столу и вложил ему в руку телефонную трубку. Несколько секунд он слушал. Затем ощупью поискал на столе телефон и нетерпеливо постучал по рычагу. Выражение его лица медленно менялось. Раздражение и тревога исчезли. Он выглядел теперь просто усталым, очень усталым. Он положил трубку на стол. Несколько секунд стоял молча и словно бы глядел прямо перед собой на противоположную стену. Затем повернулся ко мне.

— Бесполезно, — сказал он. — Не работает. Вы еще здесь?

— Да, — ответил я.

Его пальцы ощупали край стола.

— Куда я обращен лицом? Где это проклятое окно? — вновь раздраженно спросил он.

— Прямо у вас за спиной.

Он повернулся и шагнул к окну, расставив руки. Осторожно ощупал подоконник и край рамы, затем отступил назад. Прежде чем я понял, что он собирается делать, он с размаху всем телом ударился в стекло и выбросился наружу...

Я не стал смотреть. Все-таки это был пятый этаж.

Придя в себя, я тяжело повалился в кресло.

Взял из пачки на столе сигарету и закурил. Руки у меня тряслись. Так я просидел несколько минут, стараясь

подавить дурноту. Вскоре она прошла. Я вышел из кабинета и вернулся туда, где встретился с доктором. Добравшись до этого места, я все еще чувствовал себя не совсем хорошо.

В дальнем конце коридора я заметил дверь в палату. Стеклянные створки были матовые, только на уровне глаз темнели прозрачные овалы. Я подумал, что в палате должна быть дежурная, которой можно сообщить о самоубийстве врача.

Я отворил дверь. В палате было темно. Вероятно, шторы опустили вчера вечером, когда окончился небесный спектакль, да так и не подняли.

— Нянечка! — позвал я.

— Нету ее здесь, — сказал мужской голос. — Ее здесь давно нету, уже несколько часов... Слушай, приятель, подними ты эти проклятые шторы. Что мы здесь в темноте валяемся! Ума не приложу, что это нынче стряслось с этой проклятущей больницей...

Я поднял шторы на ближайшем окне, и в палату ворвался столб яркого солнечного света. Это была хирургическая палата, в ней находилось около двадцати лежачих больных. Большинство были с повреждениями ног, некоторые, кажется, с ампутированными конечностями.

— Ну, что ты там возишься, приятель? — произнес тот же голос. — Поднимай же их.

Я повернулся и взглянул на говорившего. Это был смуглый дородный мужчина с обветренным лицом. Он сидел на постели лицом ко мне и к солнечному свету. Глаза его смотрели прямо на меня, и глаза его соседа, и глаза остальных...

Несколько секунд я молча глядел на них. Мне нужно было справиться с собой. Затем я сказал:

— Я... они... там что-то заело. Пойду поищу кого-нибудь, чтобы исправили.

С этими словами я вылетел из палаты.

Меня трясло, и мне хотелось глотнуть чего-нибудь крепкого. Я начинал понимать. Но поверить, что все, все до одного в этой палате ослепли, как тот врач, было невозможно. И тем не менее...

Лифт не работал, и я стал спускаться по лестнице. Этажом ниже я взял себя в руки и, набравшись смелости, заглянул в другую палату. Постели там были разбросаны. Сперва мне показалось, что палата пуста, но это было не так... не совсем так. На полу лежали двое в ночном белье. Один был весь в крови, у другого был такой вид, словно его хватил удар. Оба были мертвы. Остальные ушли.

Вернувшись на лестницу, я понял, что большая часть отдаленных голосов, которые я слышал все время, доносились снизу; теперь они стали ближе и громче. Мгновение я колебался, но ничего другого мне не оставалось, как продолжать спускаться.

На следующем повороте я едва не упал, споткнувшись о тело, лежавшее поперек ступеней. Ниже, на лестничной площадке, лежал еще один человек, который, видимо, тоже споткнулся, но не удержался на ногах и раскроил себе череп о каменные ступени.

В конце концов я добрался до последнего поворота, откуда мне открылся вестибюль. Вероятно, все, кто был способен передвигаться, инстинктивно бросились сюда — в надежде либо найти помощь, либо выбраться на улицу. Возможно, некоторые сумели выйти. Одна из парадных дверей была распахнута настежь, но большинство больных не могло найти ее. Это была плотная толпа мужчин и женщин, почти все в больничном ночном белье, медленно и беспомощно кружившаяся на месте. Тех, кто был на краю толпы, это движение безжалостно прижимало к мраморным углам и лепным украшениям. То один, то другой человек спотыкался, и если толпа позволяла ему упасть, то шансов подняться у него уже не было.

Все это было похоже... Вы видели картины Доре, изображающие грешников в аду? Но Доре не мог изобразить звуков: рыдания, стоны, вопли отчаяния.

Больше минуты или двух я выдержать не мог. Я бросился назад, вверх по лестнице.

Мне казалось, что я должен чем-нибудь помочь им. Может быть, вывести их на улицу. Во всяком случае прекратить это чудовищное медленное движение по кругу. Но довольно было одного взгляда, чтобы понять, что мне не удалось бы пробраться к выходу и тем более повести их за собой. А если бы и удалось, что дальше?

Я сел на ступеньку и некоторое время сидел, сжимая голову руками, и ужасные крики и стоны все стояли у меня в ушах. Тогда я отправился на поиски и нашел другой путь. Это была узкая служебная лестница, которая вывела меня во двор через черный ход.

Возможно, эта часть рассказа не совсем удалась мне. Все было так неожиданно и так потрясло меня, что какое-то время я сознательно старался не вспоминать подробности. А тогда у меня было такое чувство, будто это кошмар, от которого я отчаянно, но тщетно пытаюсь пробудиться. Выходя во двор, я все еще не решался поверить в то, что видел.

Но в одном-то я был уверен совершенно. Реальность или кошмар, а мне хотелось выпить, как никогда в жизни.

В переулке за воротами не было ни души, однако почти напротив оказался кабачок. Я и сейчас помню, как он назывался: "Герой Аламейна". На железных крючьях над приоткрытой дверью висела вывеска с очень похожим изображением виконта Монтгомери.

Я рванулся прямо туда.

Когда я вошел в общий бар, меня на миг охватило покойное ощущение обыденности. Бар был прозаичен и знаком, как все бары.

Но хотя в этом помещении не было никого, что-то несомненно, происходило в задней комнате. Я услыхал тяжелое дыхание. Хлопнула пробка. Пауза. Затем голос произнес:

— Джин, будь он неладен! К черту!

Зазвенело разбитое стекло. Послышался сдавленных смешок.

— Зеркало, кажись, На что теперь зеркала?

Хлопнула другая пробка.

— Опять проклятый джин, — обиженно сказал голос. — К черту джин!

На этот раз бутылка угодила во что-то мягкое, стукнулась об пол и покатилась, с бульканьем разливая содержимое.

— Эй! — позвал я. — Я бы хотел выпить.

Наступила тишина. Затем голос осторожно осведомился:

— Это кто там?

— Я из больницы. Я хотел бы выпить?

— Что-то не припоминаю вашего голоса. Вы зрячий?

— Да, — ответил я.

— Тогда лезьте через бар, доктор, ради бога, и найдите мне бутылку виски.

— В таких делах я доктор, это верно, — сказал я.

Я перелез через бар и вошел в заднюю комнату. Там стоял пузатый краснолицый человек с седыми моржовыми усами, одетый в брюки и сорочку без воротничка. Он был изрядно пьян. Кажется, он раздумывал, открывать ли бутылку, которую он держал в руке, или запустить ею мне в голову.

— А ежели вы не доктор, то кто вы? — спросил он подозрительно.

— Я был пациентом... но выпить я хочу, как любой доктор, — ответил я и добавил: — У вас опять джин.

— Опять! Вот сволочь, — сказал он и отшвырнул бутылку. Она с веселым звоном вылетела в окно.

Я взял с полки бутылку виски, откупорил ее и вручил ему вместе со стаканом. Себе я налил порцию крепкого бренди, долив немного содовой, затем еще одну порцию. После этого дрожь в руках несколько унялась.

Я взглянул на своего собутыльника. Он пил виски, не разбавляя, прямо из горлышка.

— Вы напьетесь, — сказал я.

Он остановился и повернул ко мне голову. Я мог бы поклясться, что его глаза видят меня.

— Напьюсь, сказали тоже! — произнес он презрительно. — Да я уже пьян, черт подери!

Он был настолько прав, что я не стал спорить. Секунду подумав, он объявил:

— Я должен стать еще пьянее. Гораздо пьянее. — Он придвинулся ко мне. — Знаете что? Я ослеп. Слепой, понимаете? Как летучая мышь. И все слепые, как летучие мыши. Кроме вас. Почему вы не слепой, как летучая мышь?

— Не знаю, — сказал я.

— Это все проклятая комета, разрази ее... Это она все наделала. Зеленые падучие звезды... и все теперь слепые, как мыши. Вы видели зеленые звезды?

— Нет, — признался я.

В том-то и дело. Вы их не видели и потому не ослепли. Все другие их видели, — он выразительно помотал рукой, — и все ослепли, как мыши. Сволочная комета, вот что я скажу.

Я налил себе третью порцию бренди. Мне стало казаться, что в его словах что-то есть.

— Все ослепли? — повторил я.

— Ну да! Все. Наверно, все в мире. Кроме вас, — добавил он подумав.

— Почему вы знаете?

— Да очень просто. Вы вот прислушайтесь, — предложил он.

Мы стояли рядом, опершись на бар в темном кабачке, и слушали. Ничего не было слышно — ничего, кроме шороха грязной газеты, которую ветер гнал по пустой улице. И эта тишина включала в себя все, что было здесь забыто тысячу лет назад, а то и больше.

— Поняли? — сказал он — Это само собой ясно.

— Да, — сказал я медленно. — Да. Теперь я понимаю.

Я решил, что пора идти. Я не знал куда. Но мне нужно было узнать как можно больше о том, что происходит.

— Вы здесь хозяин? — спросил я.

— Ну и что из этого? — сказал он, словно оправдываясь.

— Да ничего, просто я должен уплатить за три двойных бренди.

— А, плюньте вы.

— Но послушайте...

— Плюньте, вам говорят. И знаете почему? Потому что, на кой дьявол мертвецу деньги? А я ведь мертвец... все равно, что мертвец. Вот только выпью немного еще.

Для своих лет он выглядел весьма крепким мужчиной, и я сказал ему об этом.

— Зачем жить, если ты слепой, как мышь? — злобно отозвался он. — Моя жена так мне и сказала. И она была права... только она храбрее, чем я. Когда она узнала, что детишки тоже ослепли, она что сделала? Легла с ними с постель и открыла газ. Понятно? Только у меня духу не хватило с ними остаться. Жена у меня была храбрая, не то что я. Ничего, я тоже стану смелее. Я скоро вернусь к ним — вот только напьюсь как следует.

Что я мог ему сказать? Все, что я говорил, только злило его. В конце концов он ощупью нашел лестницу и скрылся наверху с бутылкой в руке. Я не пытался ни остановить его, ни следовать за ним. Я стоял и смотрел, как он уходит. Я вышел на безмолвную улицу.

2. ПОЯВЛЕНИЕ ТРИФФИДОВ

Это рассказ о событиях моей личной жизни. В нем упоминается огромное количество вещей, исчезнувших навсегда, и я не могу вести его иначе, чем употребляя слова, которыми мы имели обыкновение обозначать эти исчезнувшие вещи, так что они должны остаться в рассказе. А чтобы была понятна общая обстановка, мне придется вернуться к более давним временам, чем день, с которого я начал.

Когда я был ребенком, наша семья — отец, мать и я — жила в южном пригороде Лондона. У нас был маленький дом, который отец содержал ежедневным добросовестным высиживанием за конторкой в департаменте государственных сборов, и маленький сад, где отец работал еще более добросовестно каждое лето. Мало что отличало нас от десяти или двенадцати миллионов других людей, населявших тогда Лондон и его окрестности.

Отец был одним из тех виртуозов, которые способны в один миг получить сумму целой колонки чисел — даже в тогдашних нелепых денежных единицах, — и потому, вполне естественно, по его мнению, меня ждала карьера бухгалтера. В результате моя неспособность дважды получить одинаковую сумму одних и тех же слагаемых представлялась отцу явлением загадочным и досадным. И мои преподаватели, пытавшиеся доказать мне, что ответы в математике получаются логически, а не путем некоего мистического вдохновения, один за другим отступались от меня в уверенности, что я не способен к вычислениям. Отец, читая мои школьные табели, мрачнел, хотя во всех других отношениях, кроме математики, табели выглядели вполне прилично. Думаю, его мысль следовала таким

путем: нет способности к числам — нет понятия в финансах — нет денег.

— Право, не знаю, что с тобой будет. Что бы ты сам хотел делать? — спрашивал он.

И лет до тринадцати или четырнадцати я, сознавая полную свою никчемность, уныло качал головой и признавался, что не знаю.

Тогда отец тоже качал головой.

Для него мир резко делился на людей за конторками, занимавшихся умственной работой, и людей без конторок, умственной работой не занимавшихся и потому неумытых. Как он ухитрился сохранить такие воззрения, которые успели устареть за целый век до него, я не знаю, но они насквозь пропитали годы моего детства, и я только много позже осознал, что неумение обращаться с числами совсем не обязательно обрекает меня на жизнь дворника или судомойки. Мне в голову не приходило, что карьеру мне может обеспечить предмет, который интересовал меня больше всего, а отец тоже либо не замечал, либо не обращал внимания на то, что мои отметки по биологии всегда были хорошими.

По-настоящему эта проблема была решена для нас появлением триффидов. Но триффиды сделали для меня гораздо больше. Они обеспечили меня профессией и дали возможность жить в достатке. Правда, несколько раз они едва не отняли у меня жизнь. С другой стороны, надо признаться, что они и сохранили ее, ибо именно ожог триффидом уложил меня на больничную койку, где я провел трагический "вечер кометных осколков".

В книгах содержится множество досужих рассуждений относительно внезапного появления триффидов. Большинство этих рассуждений — сплошной бред. Разумеется, триффиды не возникли самопроизвольно, как полагают некоторые простые души. Вряд ли справедлива и гипотеза, рассматривающая появление триффидов как некую разновидность пришествия — этакое знамение, предупреждающее о том, что грядет нечто худшее, если буйный мир не исправится и не станет вести себя прилично. И не из космоса попали к нам их семена в качестве образцов ужасающих форм жизни, населяющей иные, менее

благополучные планеты. Я, во всяком случае, отлично знаю, что это не так.

Я узнал о них больше, чем кто бы то ни было, потому триффиды стали моей специальностью, и фирма, в которой я служил, была тесно, хотя и не совсем честно, связана с их появлением в нашем мире. Тем не менее их истинное происхождение остается неясным. Мое собственное мнение, чего бы оно ни стоило, состоит в том, что триффиды появились в результате серии биологических экспериментов и, по всей вероятности, совершенно случайно. Те, кто знал их истинную генеалогию, не опубликовали ни одного авторитетного документа. Причиной этому было, несомненно, странное политическое положение в ту эпоху. Мир, в котором мы тогда жили, был просторен, и большая его часть была открыта для любого из нас. Его опутывали шоссе, железные дороги и океанские линии, которые перенесли нас за тысячи миль в целости и сохранности. Если нам хотелось путешествовать быстрее и мы могли себе это позволить, мы путешествовали на самолетах. В те дни ни у кого не было нужды таскать с собой оружие и вообще принимать какие-либо меры предосторожности. Вы могли просто встать и отправиться куда вам угодно, и ничто не могло помешать вам, если не считать множества всяких анкет и правил. Сейчас этот одомашненный мир представляется утопией. Тем не менее таким он был.

Молодым людям, которые не знают его, трудно, должно быть, вообразить все это. Наверно, то время представляется им золотым веком, хотя оно далеко не было таковым. Иные могут решить, что подобный благоустроенный мир был скучен, и это тоже не так. Наша планета была довольно занятным местом — по крайней мере для биолога. С каждым годом мы понемногу отодвигали границу произрастания пищевых растений все дальше на север. Там, где всегда были тундры и пустоши, появлялись и давали обильные урожаи новые поля. Возвращались к жизни и покрывались зеленью древние пустыни. Дело в том, что пища была тогда самой нашей насущной проблемой и движение границ произрастания культурных растений вызывал у нас не меньше волнений, нежели движение военных фронтов у предыдущего поколения.

Это смещение интереса с мечей на орала было, вне сомнения, социальным прогрессом, но в то же время ошибались оптимисты, когда утверждали, что оно свидетельствует об изменении человеческой натуры. Человеческая натура оставалась прежней — девяносто пять процентов людей жаждали жить в мире, а остальные пять процентов только и ждали случая заварить какую-нибудь кашу. Затишье продолжалось лишь потому, что такого случая не представлялось.

Одним из факторов, которые удерживали милитаристские пять процентов от безобразных выходок, были искусственные спутники. Интенсивные исследования в области ракетной техники дали, наконец, результаты. Были запущены первые исследовательские спутники. Прошло какое-то время, и на орбитах появились боевые спутники, спутники-бомбы. Было очень неприятно сознавать, что над вашей головой крутятся в неизвестных количествах ужасные средства истребления, крутятся и крутятся себе спокойно, пока кто-то не нажмет кнопку. Еще неприятнее было сознавать, что сделать здесь ничего нельзя. Тем не менее жизнь должна была идти своим чередом, волей-неволей приходилось свыкаться с этой идеей, а новизна, как известно, живет очень недолго. Время от времени появлялись сообщения о том, что, кроме спутников с ядерными боеголовками, над нашими головами носятся спутники, начиненные гербицидами, эпизоотиками, радиоактивной пылью, инфекционными болезнями — новенькими, с иголочки, только что из лабораторий. Трудно сказать, действительно ли существовало это ненадежное и по сути своей предназначенное для истребления без разбора оружие. Но надо иметь в виду, что границы человеческой глупости — особенно глупости, вызванной давящим страхом, — определить трудно. И не исключено поэтому, что в каких-нибудь генеральных штабах набор вирусов, очень неустойчивых и делающихся безвредными уже через несколько дней, мог считаться стратегическим оружием. В конце концов страны заключили между собой молчаливое соглашение ничего не отрицать и не подтверждать относительно боевых спутников, и постепенно общественное мнение переключилось на не менее важную, но менее острую проблему нехватки продовольствия.

Именно в это время на исторической арене появился Умберто Кристофоро Палангец. Впрочем, его появление прошло совершенно незамеченным, и вряд ли те, кто не знал его лично, когда-либо догадывались о его существовании. Я, например, узнал о нем лишь годы спустя, когда уже работал в компании.

Умберто был латиноамериканцем. Его роль в мировом производстве продуктов питания началась с того момента, когда он вошел в контору "Арктическо-европейской компании рыбьих жиров" и показал там бутыль с бледно-розовым маслом.

В "Арктическо-европейской" не проявили никакого энтузиазма. Дела ее шли не совсем хорошо. Тем не менее со временем они все же удосужились подвергнуть оставленный образец анализу.

Прежде всего обнаружилось, что масло это не является рыбьим жиром: это было растительное масло неизвестного происхождения. Вторым откровением явилось то обстоятельство, что в сравнении с этим маслом лучшие рыбьи жиры казались дрянной машинной смазкой. Встревожившись, сотрудники "Арктическо-европейской" отправили остаток образца на более тщательное исследование и одновременно разослали торопливые запросы с целью выяснить, не появлялся ли мистер Палангец где-либо еще.

Когда Умберто пришел опять, директор-управляющий принял его с очень лестной обходительностью.

— Какое замечательное масло принесли вы нам, мистер Палангец, — сказал он.

Умберто наклонил черную лоснящуюся голову. Он и сам прекрасно знал это.

— Ничего подобного я в жизни не видел, — признался директор.

Умберто снова наклонил голову.

— Да, вы не видели, — вежливо сказал он. Затем, как бы после раздумья, он добавил: — Но это ничего, сеньор, я думаю, вы еще увидите. И в очень больших количествах. — Он опять подумал. — Оно появится на рынке, я думаю, лет через семь-восемь. — Он улыбнулся.

Директору это показалось невозможным. Он честно сказал:

— Оно лучше, чем наши рыбьи жиры.

— Мне так и говорили, сеньор, — согласился Умберто.

— Вы собираетесь торговать им сами, мистер Палангец?

Умберто снова улыбнулся.

— Разве тогда я показал бы его вам?

— Мы могли бы улучшить один из наших жиров синтетически, — заметил директор задумчиво.

— При помощи некоторых витаминов... но синтез витаминов обойдется слишком дорого, даже если бы вы умели это, — тихо сказал Умберто. — Кроме того, — добавил он, — мне говорили, что это масло все равно с легкостью вытеснит ваши лучшие жиры.

— Гм, — сказал директор. — Ну хорошо, мистер Палангец. Полагаю, вы пришли к нам с предложением. Может быть, мы перейдем прямо к нему?

Умберто объяснил:

— Избавиться от этого затруднения можно двояко. Обычный путь — это предотвратить его или по крайней мере оттянуть до тех пор, пока не оправдает себя капитал, вложенный в существующее оборудование. Это, разумеется, наиболее приемлемый путь.

Директор кивнул. Он-то знал о таких вещах.

— Однако на этот раз должен вам посочувствовать, потому что, видите ли, это невозможно.

Директор усомнился. Ему хотелось сказать: "Вы так думаете?" Но он подавил это желание и ограничился уклончивым: "О?"

— Другой путь, — продолжал Умберто, — это производить товар самому, пока не стряслось несчастье.

— А! — сказал директор.

— Я полагаю, — сказал Умберто, — мне кажется, я смог бы доставить вам семена этого растения, скажем, через шесть месяцев. Если бы вам пришлось выращивать это растение, вы смогли бы начать производство масла через пять лет или, возможно, полный урожай получился бы через шесть.

— Действительно, как раз вовремя, — заметил директор.

Умберто кивнул.

— Первый путь значительно проще, — сказал директор.

— Если бы он был осуществим, — согласился Умберто. — Но, к сожалению, ваш конкурент для вас недоступен или, скажем, он несокрушим.

Он произнес это утверждением с такой уверенностью, что директор в течение нескольких секунд внимательно глядел на него.

— Понятно, — сказал Умберто. — Как правило, я жил в странах западного мира. Но у меня самые разные связи...

Здесь уместно вспомнить, что русские прославились гигантскими работами по обводнению пустынь и степей и по созданию плодородных районов в своей северной тундре. Значительных успехов добились и их биология, причем в этой области они, конечно, как и все другие государства, имели свои секреты.

— Подсолнечники, — сказал директор рассеянно, как бы размышляя вслух. — Мне случайно известно, что они там сумели увеличить выход подсолнечного масла. Но ведь это совсем не то.

— Да, — согласился Умберто. — Это совсем не то.

Директор посвистел.

— Семена, вы говорите. Вы хотите сказать, что это какой-то новый вид? Потому что, если какой-то улучшенный известный сорт, который легко...

— Мне объяснили, что это новый вид — нечто совершенно новое.

— Значит, своими глазами вы его не видели? Может быть, это действительно какая-нибудь модифицированная разновидность подсолнечника?

— Я видел фотографию, сеньор. Я не говорю, что там нет ничего от подсолнечника. Я не говорю, что там нет ничего от турнепса. Я не говорю, что там нет ничего от крапивы или даже от орхидеи. Но я утверждаю вот что. Если все они приходятся этому растению папашами, то эти папаши не узнали бы своего ребенка. И уж во всяком случае они не стали бы им гордиться.

— Понятно. А теперь скажите, какую сумму вы рассчитываете получить от нас за семена этой штуки?

Умберто назвал сумму, которая сразу заставила директора перестать посвистывать. Она заставила директора

снять очки и пристально уставиться на собеседника. Умберто это не смутило.

— Судите сами, сеньор, — сказал он, постукивая пальцами о пальцы. — Это трудно. И это опасно, очень опасно. Я не трус, но опасности не доставляют мне удовольствия. Есть еще один человек. Я должен буду увезти его с собой, и ему нужно хорошо заплатить. Там будут и другие, которым тоже нужно заплатить. Кроме того, мне придется купить самолет — реактивный самолет, очень быстрый. Все это стоит дорого. И я говорю вам: это не просто. Вам нужны хорошие семена. Большая часть семян этого растения не всхожа. Чтобы действовать наверняка, я должен буду доставить вам отсортированные семена, очень ценные... Да, это будет не просто.

— Я верю вам. Но все-таки...

— Неужели я прошу так уж много, сеньор? А что вы запоете через несколько лет, когда это масло появится на мировом рынке и ваша фирма разорится?

— Все это надо тщательно продумать, мистер Палангец.

— Ну, разумеется, сеньор! — согласился Умберто с улыбкой. — Я могу подождать немного. Но боюсь, что уменьшить сумму не смогу.

Сумму он не уменьшил.

Открыватель и изобретатель — это бич для бизнеса. Палки в колеса по сравнению с ними — ничто, вы просто меняете сломанные спицы и катите дальше. Но появление нового процесса, нового вещества, когда ваше производство отлично налажено и работает, как часовой механизм, — это сам дьявол во плоти. Иногда даже хуже, чем дьявол. Тогда уже хороши все средства. Слишком многое поставлено на карту. И если вы не в состоянии действовать легально, вам приходится искать другие пути.

Ведь Умберто еще недооценил опасность. Дело было не только в том, что конкуренция нового дешевого масла вытеснила бы с рынка "Арктическо-европейскую" и ее коллег. Эта реакция пошла бы вширь. Жестокий, хотя, возможно, и не смертельный, удар получило бы производство арахисного масла, оливкового масла и китового жира. Более того, это самым разрушительным образом отразилось бы на зависимых отраслях, производящих маргарин, мыло

и сотни других товаров, начиная с косметических кремов и кончая масляными красками. И когда наиболее влиятельные из заинтересованных лиц осознали серьезность угрозы, условия Умберто стали казаться едва ли не скромными.

С ним заключили соглашение: очень уж убедительно выглядел образец масла, хотя все остальное и представлялось несколько туманным.

Фактически все обошлось "Арктическо-европейской" гораздо дешевле, чем она соглашалась заплатить, потому что Умберто исчез со своим самолетом, и больше его никогда не видели.

Никто никогда не узнает, что случилось с самим Умберто. Я думаю, где-то в стратосфере над Тихим океаном его атаковали самолеты, пустившиеся за ним в погоню. Вероятно, он узнал об этом только тогда, когда снаряды с русских истребителей стали рваться у него в кабине.

И я думаю также, что один из этих снарядов вдребезги разбил некий фанерный ящик — тот самый ящик, в который были упакованы семена.

Может быть, самолет Умберто взорвался, может быть, он просто развалился на куски. Как бы то ни было, я уверен, что когда обломки начали свое долгое-долгое падение в океан, на их месте осталось в небе легкое облачко, похожее на клуб белого пара.

Но это был не пар. Это были семена, такие бесконечно легкие, что они плавали даже в разреженном воздухе. Миллионы опутанных шелковистой паутинкой семян триффидов, отданных на волю всем ветрам, чтобы лететь туда, куда понесут их эти ветры...

Прошли, наверно, недели, а может быть и месяцы, прежде чем они, наконец, коснулись земли, многие за тысячи миль от того места, где они начали свой полет.

Повторяю, все это только предположения. Но я не вижу более вероятной причины неожиданного появления этого таинственного растения почти во всех частях света.

Мое знакомство с триффидами состоялось в детстве. Случилось так, что один из первых триффидов в округе вырос в нашем собственном саду. Он уже изрядно развился, когда мы обратили на него внимание, потому

что вместе с множеством других сорняков он пустил корни в укромном месте — в мусорной яме за оградой.

Там он никому не мешал, и ему никто не мешал. Мы просто время от времени смотрели, как он растет, и не трогали его.

Но триффид, конечно, своеобразное растение, и он не мог в конце концов не вызвать у нас некоторого любопытства. Возможно, наше любопытство не было слишком активным, поскольку всегда можно найти нескольких незнакомцев, которым удается поселиться в запущенных уголках сада; тем не менее мы нередко говорили друг другу, что этот незнакомец выглядит как-то очень уж странно.

В нынешнее время, когда каждый слишком хорошо знает, как выглядит триффид, трудно восстановить в памяти, каким необычным и в известном смысле иноземными представлялись нам первые триффиды. Насколько я знаю, ни дурных предчувствий, ни тревоги они ни у кого не вызывали. Я полагаю, что большинство людей относилось к ним — если только вообще как-нибудь относилось — примерно так же, как мой отец.

В памяти моей запечатлена картина, как он озадаченно рассматривает наш экземпляр. Триффиду, вероятно, не больше года. Почти во всех деталях это уменьшенная вдвое копия взрослой особи, только он еще не имел названия и никто еще не видел взрослую особь. Отец нагибается, глядя на него через очки в роговой оправе, ощупывает стебель и тихонько пыхтит в желтоватые усы, что делает всегда, погружаясь в задумчивость. Он исследует прямой ствол и деревянистое основание. Он уделяет особое внимание трем маленьким черенкам, торчащим из основания рядом со стволом, и в этом внимании нет прозрения, одно лишь любопытство. Он разглаживает короткие пучки зеленых кожистых листьев, пропуская их между большим и указательным пальцами, словно осязание может что-то подсказать ему. Затем он заглядывает в диковинное воронковидное образование на верхушке стебля и по-прежнему пыхтит сквозь усы в нерешительной задумчивости. Я помню, как он в первый раз поднимает меня на руки, чтобы я тоже посмотрел в эту коническую чашечку. На дне ее я вижу туго скрученную, похожую на молодой, свернутый в

улитку листом папоротника спираль, которая дюйма на два выступает из липкой массы. Я не притрагиваюсь к ней, но знаю, что вещество это липкое, потому что в нем медленно барахтаются мухи и другие мелкие насекомые.

Отец не раз однообразно удивлялся, какое это странное растение, и обещал непременно пойти куда-то на днях и узнать, наконец, что оно такое. По-моему, он так никуда и не ходил, а если бы и пошел, то вряд ли узнал бы что-нибудь в то время.

Триффид был тогда высотой более метра. Должно быть, их было много в округе, и они росли себе спокойно и незаметно, и никто не обращал на них особенного внимания — так по крайней мере казалось, потому что, если даже биологи и ботаники интересовались ими, публика об этом не знала. И триффид в нашем саду продолжал мирно расти, как и тысячи его собратьев в запущенных уголках по всему белому свету.

Но прошло немного времени, и вот первый триффид вытянул из земли ноги и зашагал.

Такие невероятные способности триффидов, насколько я знаю, впервые обнаружились в Индокитае. Это, между прочим, доказывает, что люди все еще не обращали на триффидов практически никакого внимания. Индокитай был одной из тех областей нашей планеты, где вечно возникали всякого рода неправдоподобные и странные слухи. Эти слухи приобретали популярность, когда в делах наступало затишье и издателям, чтобы несколько оживить газеты, приходилось прибегать к "духу таинственного Востока". Как бы там ни было, индокитайский случай недолго оставался уникальным. Через несколько недель сообщения о ходячих растениях посыпались с Борнео и Суматры, из Конго, Колумбии, Бразилии и других стран, расположенных вблизи экватора.

На этот раз они все-таки попали в печать. Однако никто еще не осознавал, что эти созревшие особи имеют что-то общее с почтенной мирной травой на нашей мусорной куче. Осознанию мешало то обстоятельство, что сведения поступали из третьих рук и публиковались с оттенком игривости, которой газеты прикрываются, если речь идет о морских змеях, о редчайших явлениях природы, о телепатии и тому подобном. И лишь когда появились

фотографии, мы сообразили, что наша трава отличается от ходячих экземпляров только размерами.

Кинохроника совершила промах. Возможно, операторы, которые отправились в заморские страны, сумели в награду за беспокойство получить хорошие и интересные кадры, но у продюсера бытовала теория, будто любая тема продолжительностью более десяти секунд, если это не репортаж о боксерском матче, неминуемо повергает зрителя в скуку. Поэтому то, что впоследствии сыграло такую громадную роль в моей жизни и в жизни множества других людей, я впервые увидел на считанных кадрах, втиснутых между первенством по хулу на Гавайских островах и спуском со стапелей нового линкора. (Это не анахронизм. Линкоры все еще строились; ведь кормиться нужно было и адмиралам). Мне дали увидеть, как через экран бредут, раскачиваясь, триффиды под аккомпанемент изречений, предположительно соответствующих умственному уровню великого современного кинозрителя.

— А теперь, друзья, получайте, что нашел для вас наш оператор в Эквадоре. Зелень на прогулке! Вам небось такие штуки мерещатся разве что после хорошей попойки, а там, в солнечном Эквадоре, их можно видеть в любое время и безо всякого похмелья! Растения-чудовища на марше! Кстати, у меня идея! Давайте научим нашу картошку бегать прямо к нам в кастрюли. Как тебе это понравится, мамочка?

Короткое время, пока длилась эта сцена, я просидел как завороженный. Вот оно, наше таинственное растение из мусорной ямы, только высотой более двух метров. Я не мог ошибиться... И оно "ходило"!

Основание, которое я увидел тогда целиком впервые, было косматым от множества маленьких волосовидных корешков. Оно имело сферическую форму, только в нижней его части имелись три тупых, сужающихся к концам выступа. Опираясь на них, основание возвышалось над уровнем почвы на целый фут.

"Шагая", триффид передвигался примерно так, как человек на костылях. Две тупые "ноги" скользили вперед, задняя "нога" подтягивалась к ним, растение наклонялось, и передние "ноги" снова скользили вперед. При каждом шаге длинный стебель отчаянно мотался — это

производило тошнотворное впечатление. Такой способ передвижения выглядел одновременно энергичным и неуклюжим, триффиды в движении смутно напоминали резвящихся молодых слонов. Было такое чувство, что у них вот-вот обдерутся листья или даже сломается стебель. Но при всей своей неказистости они могли "ходить" со скоростью нормального человеческого шага.

Вот примерно все, что я увидел, пока начался спуск на воду линкора. Немного, но вполне достаточно, чтобы возбудить в мальчишке исследовательский дух. Если эта штуковина может показать такой фокус в Эквадоре, то почему бы ей не показать такой же у нас в саду? Правда, наша гораздо меньше, но ведь на вид она совершенно такая же...

Через десять минут после возвращения домой я уже окапывал нашего триффида, осторожно убирая вокруг него землю, чтобы поощрить его к прогулке.

К несчастью, открытие самодвижущихся растений имело один аспект, который операторы не испытали на себе или по каким-то причинам решили скрыть от публики. Во всяком случае, об опасности я не подозревал. Я сидел на корточках, сосредоточив все свое внимание на том, чтобы не повредить корни, когда на меня обрушился чудовищный удар, и я потерял сознание...

Очнулся я в постели; мать, отец и доктор сидели рядом и с тревогой глядели на меня. Голова моя раскалывалась, все тело ныло, и, как я узнал потом, лицо мое украшал пухлый кроваво-красный рубец. Меня настойчиво, но напрасно расспрашивали, как случилось, что я валялся в саду без памяти: я не имел ни малейшего представления о том, чем меня ударило. Лишь позже я выяснил, что вероятно, был первым в Англии человеком, которого ужалил триффид. Триффид был, разумеется, незрелый. Но еще прежде чем я полностью оправился, отец узнал, как все произошло, и к тому времени, когда я снова вышел в сад, он уже совершил над триффидом правосудие и сжег обрубки на костре.

Как только ходячие растения стали установленным фактом, пресса оставила прежнюю сдержанность и устроила им настоящую рекламу. Теперь необходимо было подобрать им название. Ботаники уже привычно барах-

тались в многосложных латинских и греческих словах, создавая производные от ambulans и pseudopodia, но газеты и публика желали чего-нибудь более простого для произношения и не слишком тяжеловесного для заголовков. Если раскрыть газеты того времени, то можно встретить в них такие названия, как

тришоты	триниты
трикаспы	трипедалы
тригенаты	трипеды
тригоны	трикеты
трилоги	триподы
тридентаты	триппеты,

а также массу других таинственных слов, которые даже не начинаются обычным "три", хотя почти все они так или иначе включают в себя указание на три "ноги" растения.

Шли споры — публичные и частные, в барах и клубах — о терминах, но постепенно в этой филологической мешанине стал брать верх один термин. В своей первичной форме он оказался не совсем приемлемым, но повседневное употребление сократило его долгое "и", а привычка вскоре добавила для уверенности второе "ф". Так возник общепринятый стандартный термин. Короткое запоминающееся название, зародившееся в редакции какой-то газетки как подходящий ярлык для диковинки — ему суждено было впоследствии сделаться словом, неразрывно связанным с представлением о боли, страхе, несчастье: триффид...[1]

Первая волна всеобщего интереса скоро спала. Да, действительно, триффиды были немного жутковаты, но в конечном счете именно потому, что они были новинкой. Совершенно так же публика относилась к новинкам прошлых лет — к черным лебедям, гигантским ящерицам, кенгуру. И если на то пошло, разве триффиды более удивительны, чем двоякодышащие рыбы, устрицы, голо-

1 От английского "three feet" (три ноги). — *Прим. перев.*

вастики и сотни других живых существ? Летучая мышь, скажем, это зверек, научившийся летать; отлично, теперь у нас есть растение, научившееся ходить, — и что из этого?

Однако имелись в вопросе о триффидах аспекты, отмахнуться от которых было труднее. Их внезапное появление и тем более их повсеместное распространение представлялись весьма загадочными. Дело в том, что хотя созревали они быстрее всего в тропиках, но сообщения о них поступали отовсюду, кроме полярных районов и пустынь.

Публика была удивлена и несколько шокирована, узнав, что триффиды — плотоядные растения, что мухи и другие насекомые, попавшие в чашечку самым настоящим образом перевариваются содержащимся в ней липким веществом. В нашем умеренном поясе мы, конечно, тоже знали о существовании крупных насекомоядных растений, но мы не привыкли, чтобы они находились вне специальных парников, и склонны были усматривать в них что-то неприличное или, по крайней мере, неправильное. Но настоящую тревогу вызвало открытие, что скрученный жгут, увенчивающий стебель триффида, представляет собой тонкое трехметровое жало, способное с силой выбрасываться наружу и содержащее достаточно яда, чтобы убить человека, если оно ударяет в незащищенную кожу.

Как только эта опасность была оценена по достоинству, последовало торопливое истребление триффидов; их рубили в куски повсюду, пока кого-то не осенило, что для полного обезвреживания достаточно удались у триффида жало. Только тогда это несколько истерическое избиение пошло на убыль, но ряды триффидов к тому времени уже изрядно поредели. Несколько позже появилась мода иметь одного-двух обезвреженных триффидов у себя в саду. Выяснилось, что отрезанное жало восстанавливается только через два года, и ежегодная обрезка вполне гарантирует вашим детям безопасную и забавную игрушку.

В умеренном поясе, где человеку удалось ограничить большинство форм жизни (кроме себя самого) более или менее строгими рамками, статус триффидов был, таким

образом, определен вполне четко. Но в тропиках, особенно в джунглях, они быстро сделались бичом Божьим.

Путнику нелегко обнаружить засаду в кустах и зарослях, и едва он вступил в зону поражения, ему навстречу выхлестывалось ядовитое жало. Даже туземец не всегда мог разглядеть неподвижного триффида, коварно затаившегося возле лесной тропинки. Они были сверхъестественно чувствительны ко всякому движению поблизости от себя, и застать их врасплох было трудно.

Борьба с ними превратилась в тропиках в серьезную проблему. Наилучший способ состоял в том, чтобы отстреливать верхушку стебля вместе с жалом. Туземцы взяли на вооружение длинный легкий шест с кривым ножом на конце; они пользовались им довольно ловко, если успевали нанести удар первыми, но ничего не получалось, когда триффид вдруг наклонялся вперед и неожиданно увеличивал таким образом радиус поражения на метр-полтора. Вскоре, однако, эти копьеобразные приспособления были вытеснены пружинными ружьями разных типов. Как правило, они стреляли вертящимися дисками, вертящимися крестами и маленькими бумерангами из тонкой стали. Точный бой у них не превышал двенадцати метров, однако при попадании они напрочь срезали стебель и с двадцати пяти метров. Изобретение этого оружия вызвало тихую радость как у властей, которым очень не нравилось, что огнестрельное оружие носит кто попало, так и у населения: острые, как бритва, метательные снаряды были значительно дешевле и легче, нежели патроны, и восхитительно подходили для бесшумной партизанской войны.

Повсюду продолжались интенсивные исследования триффида, его природы, образа жизни и внутреннего строения. Были проведены серьезные эксперименты с целью установить в интересах науки, как далеко и как долго способен он ходить; есть у него передняя и задняя части или он с одинаковой неуклюжестью может двигаться любой стороной вперед; какую долю времени он проводит, зарывшись корнями в землю; как он реагирует на присутствие в почве различных химических веществ, а также масса всяких иных экспериментов, полезных и бесполезных.

Самый крупный экземпляр, найденный в тропиках, достигал в высоту почти трех метров сорока сантиметров, в среднем же они были двух метров десяти сантиметров. Они, по-видимому, легко приспосабливались в самом широком диапазоне климатов и почв. Естественных врагов у них, видимо, не было, если не считать человека.

Но они обладали еще большим числом довольно очевидных особенностей, которые вначале не были замечены наблюдателями. Прошло, например, много времени прежде, чем обратили внимание на то, что триффиды бьют жалом с невероятной точностью и почти всегда целят в голову. Не сразу заметили и то, что они имеют обыкновение оставаться подле своих жертв. Причина стала ясной, когда узнали, что они питаются не только насекомыми, но и мясом. Жалящий жгут не обладал мускульной мощностью, чтобы разрывать плоть, но в нем было достаточно силы, чтобы отделять лоскутья от разложившегося тела и отправлять их в чашечку на стебле.

Не сразу заинтересовались и тремя небольшими голыми черенками у основания стебля. Существовало неясное представление, будто они как-то связаны с системой размножения — той самой системой, куда ботаники обыкновенно зачисляют на первый случай все сомнительные органы, пока они не будут как следует изучены и поняты. Поэтому стали считать, что свойство этих черенков вдруг приходить в движение и выстукивать барабанную дробь о главный стебель является своеобразным проявлением триффидных любовных устремлений.

Я был ужален в детстве, в самом начале эры триффидов. Этот несчастный случай, возможно, стимулировал мой к ним интерес, ибо кажется с той поры у меня с ними установилось что-то вроде связи. Я провел — или, с точки зрения моего отца "потратил" много времени, зачарованно наблюдая за ними.

Нельзя упрекать отца за то, что он считал это пустым времяпрепровождением. И тем не менее позже оказалось, что время было проведено далеко не худшим образом, потому что как раз перед тем, как я закончил школу, "Арктическо-европейская компания рыбьих жиров" реорганизовалась, утратив в процессе реорганизации из своего

названия слово "рыбьих" Публика узнала, что "Арктическо-европейская", а также другие подобные фирмы за границей собираются выращивать триффидов в больших масштабах на предмет получения ценных масел и соков и производства питательных кормовых жмыхов. Таким образом, триффиды в одну ночь вошли в царство большого бизнеса.

Я тут же определил свое будущее. Я обратился в "Арктическо-европейскую", где мои данные позволили мне получить работу в сфере производства. Неудовольствие отца несколько смягчили размеры зарплаты, весьма хорошей для моего возраста. Но когда я с энтузиазмом заговорил о будущем, он только с сомнением запыхтел в усы. Он верил лишь в такую работу, которая имела давно установившиеся традиции; впрочем, он мне не препятствовал. "В конце концов, — снисходительно заметил он, — если эта штука кончится пшиком, ты будешь еще достаточно молод, чтобы приняться за что-либо более солидное".

Приниматься за что-либо более солидное мне не пришлось. Пятью годами позже отец и мать погибли при крушении прогулочного аэробуса, но им еще довелось увидеть, как новые фирмы вытеснили с рынков все конкурирующие масла, и те из нас, кто вступил в дело с самого начала, могли, очевидно, считать себя обеспеченными на всю жизнь.

Одним из вступивших с самого начала был Уолтер Лакнор.

Вначале фирма колебалась, брать ли Уолтера. Он мало понимал в агрономии, еще меньше в делах и не имел никакой квалификации для лабораторных работ. С другой стороны, он очень многое понимал в триффидах, у него врожденная сноровка обращаться с ними.

Я не знаю — могу только догадываться, — что случилось с Уолтером в роковой майский день через несколько лет. Очень печально, что он не выжил. Сейчас он был бы незаменим у нас. Я не думаю, что кто-нибудь научится понимать их, но Уолтер был к этому ближе всех. Или, вернее, ему была дана способность воспринимать их интуитивно.

Впервые он поразил меня год или два спустя после того, как начался триффидный бизнес.

Солнце садилось. Мы закончили работу и с чувством удовлетворения взирали на три новых поля, засаженных почти созревшими триффидами. В те дни мы еще не содержали их в корралях, как позже. Они были высажены на полях приблизительно прямыми рядами — во всяком случае прямыми рядами располагались стальные шесты, к которым они были прикреплены цепями, потому что сами растения оставаться в строю не желали. Мы считали, что примерно через месяц можно будет начать надрезать их для получения сока. Вечер был тихий, и только триффиды время от времени нарушали эту тишину, барабаня черенками по стеблям. Уолтер смотрел на них, склонив голову. Затем он вынул изо рта трубку.

— Сегодня вечером они что-то разговорчивы, — сказал он.

Я воспринял это, естественно, как метафору.

— Возможно, погода виновата, — предположил я. — Мне кажется, они чаще делают это, когда сухо.

Он искоса взглянул на меня и улыбнулся.

— Вы тоже более разговорчивы, когда сухо?

— С какой стати?.. — начал я и остановился. — Не думаете же вы, что они действительно разговаривают, — сказал я, пораженный выражением его лица.

— Почему бы и нет?

— Но это же абсурд. Говорящие растения!

— Больший абсурд, нежели ходячие растения? — спросил он.

Я уставился на них, затем снова на него.

— Мне в голову не приходило... — начал я с сомнением.

— Подумайте об этом немного и понаблюдайте за ними. Мне интересно, к какому вы выводу придете.

Как это ни странно, но за все время, что я имел дело с триффидами, такая возможность никогда не приходила мне в голову. Я думаю, меня гипнотизировала теория любовного призыва. Но когда он подал эту идею, я принял ее сразу и целиком. Я не мог больше отделаться от ощущения, что они, возможно, действительно отстукивают друг другу какие-то тайные послания.

До того вечера я воображал, что наблюдаю триффидов достаточно внимательно, но когда о них заговорил Уолтер,

я почувствовал, что не видел практически ничего. А Уолтер, если он был в настроении, мог говорить о них часами, выдвигая теории, которые звучали иногда дико, но никогда не казались невозможными. К тому времени публика уже не смотрела на триффидов, как на каприз природы. Они были забавными уродцами, только и всего; особого интереса они не представляли. Компания же ими интересовалась. Она считала, что их существование является благом для всего человечества и особенно для нее самой. Уолтер не разделял ни мнения публики, ни мнения компании. Слушая его, я начинал временами мучиться скверными предчувствиями.

Теперь он был совершенно убежден, что они "разговаривают".

— А отсюда следует, — утверждал он, — что где-то в них прячется интеллект. Он не может находиться в мозгу, потому что, как показывают вскрытия, никакого мозга у них нет. Но это не значит, что у них нет какой-то системы или органа, которые выполняли бы функции мозга. А что-то вроде интеллекта у них, несомненно, имеется. Вы заметили, что, когда они нападают, они всегда целят в незащищенную часть тела? Почти всегда в голову, иногда в руки. Или вот еще: если взять статистику жертв, то обращают на себя внимание процент поражения глаз и ослепление. Это весьма примечательно и важно.

— Чем же? — спросил я.

— Тем, что им известно, как вернее всего вывести человека из строя. Другими словами, они знают, что делают. Давайте посмотрим на это вот с какой точки зрения. Положим, они действительно обладают интеллектом. Тогда у нас перед ними только одно важное преимущество — зрение. Мы видим, они — нет. Отнимите у нас зрение, и наше превосходство исчезает. Мало того, наше положение станет хуже, чем у них, потому что они приспособлены к слепому существованию, а мы нет.

— Даже если бы это было так, они не могут создавать вещи. Они не могут пользоваться вещами. У них в этом жалящем жгуте очень мало силы, — заметил я.

— Правильно. Но на что нам способность пользоваться вещами, если мы не видим, что нужно делать? И кроме того, они не нуждаются в вещах, как мы. Они могут полу-

чать пищу прямо из почвы, могут питаться насекомыми и кусочками сырого мяса. Им ни к чему сложнейший процесс выращивания, распределения и вдобавок еще обработки продуктов питания. Короче, если бы мне предложили пари: у кого больше шансов на выживание — у триффида или у слепого человека, я бы знал, на кого поставить.

— Вы предполагаете равные интеллекты, — сказал я.

— Ничего подобного. Я готов признать, что триффиды обладают интеллектом совершенно иного типа, хотя бы потому, что их потребности гораздо проще. Смотрите, какие сложные процессы мы используем, чтобы получить съедобный продукт из триффида. А теперь поменяйте нас местами. Что нужно сделать триффиду? Ужалить, подождать несколько дней и приступать к еде, только и всего. Просто и естественно.

В таком духе он мог продолжать часами; слушая его, я постепенно терял представление об истинном соотношении между вещами и обнаруживал вдруг, что думаю о триффидах, как о своего рода соперниках человечества. Сам Уолтер никогда не притворялся, будто думает иначе. Он упомянул как-то, что намеревался, собрав необходимый материал, написать об этом книгу, но потом раздумал.

— Раздумали? — спросил я. — Что же помешало вам?

— Вот это все, — он махнул рукой в сторону плантаций. — Теперь это верный источник доходов. Не стоит зря внушать людям беспокойство. Все-таки триффиды у нас под контролем, так что вопрос это чисто академический. Вряд ли имеет смысл поднимать его.

— С вами я никогда ни в чем не уверен, — сказал я. — Я никогда не знаю, насколько вы серьезны и как далеко от фактов уводит вас ваше воображение. Вы серьезно полагаете, что они представляют опасность?

Прежде чем ответить, он пососал трубку.

— Если говорить честно, — признался он, — то я... понимаете, я сам ни в чем не уверен. Но я твердо знаю одно: они м о г л и б ы представлять опасность. Я ответил бы вам гораздо более определенно, если бы мне удалось нащупать, о чем они там барабанят. Мне это както очень не нравится. Вон они, торчат себе на грядках, и никто не думает о них больше, чем об огурцах, но ведь

они половину времени занимаются тем, что трещат и барабанят друг другу. Почему? О чем? Много бы я дал, чтобы узнать это.

Я думаю, Уолтер редко упоминал о своих идеях кому-либо еще, и я тоже держал их в тайне отчасти потому, что незачем нам было приобретать в фирме репутацию умалишенных.

Примерно год мы работали рука об руку. Но в связи с открытием новых питомников и с необходимостью изучать заграничный опыт я стал много времени проводить в поездках. Уолтер оставил работу в поле и перешел в исследовательскую группу. Его устраивало, что наряду с исследованиями для компании он мог вести там исследования для себя. Время от времени я заходил повидать его. Он непрерывно экспериментировал с триффидами, но вопреки его надеждам результаты не подтверждали однозначно его главные идеи. Ему удалось доказать — по крайней мере самому себе — наличие у триффидов довольно хорошо развитого интеллекта; впрочем, даже я вынужден был признать, что этот результат показал нечто большее, нежели инстинкт. Он все еще был уверен, что барабанная дробь черенков является формой передачи информации. Для публичного же употребления он указал, что черенки представляют собой какие-то важные органы и что без них триффид медленно вырождается. Он установил также, что невсхожие семена у триффидов составляют девяносто пять процентов от общего числа.

— И слава Богу, — заметил, он. — Если бы они прорастали все, на земле скоро не осталось бы места ни для кого, кроме триффидов.

С этим я тоже согласился. В посевной сезон у триффидов было на что посмотреть. Темно-зеленый стручок под чашечкой блестел и надувался до размеров крупного яблока. Когда он взрывался, хлопок был слышен на расстоянии до двадцати метров. Белые семена, словно струя пара, взвивались в воздух, и самый легкий ветерок начинал уносить их прочь. С высоты триффидов поле поздним августом напоминало панораму какой-то беспорядочной бомбардировки.

Уолтеру принадлежало открытие, что качество соков повышается, если у растений не удалять жалящие жгуты. В результате практика урезания жгутов повсеместно прек-

ратилась, и с тех пор при полевых работах нам приходилось носить защитные приспособления.

В день, когда случай уложил меня в госпиталь, я работал вместе с Уолтером. Мы исследовали некоторые экземпляры, у которых обнаружили необычные отклонения от нормы. Оба мы были в сетчатых масках. Я не видел точно, что произошло. Знаю, только что когда я наклонился, жало яростно хлестнуло мне в лицо и шлепнулось в проволоку маски. В девяноста девяти случаях из ста это ничего не значит: маски для того и предназначены. Но на этот раз удар был так силен, что часть крошечных пузырьков с ядом лопнула, и несколько капель брызнуло мне в глаза.

Уолтер отнес меня в свою лабораторию и уже через несколько секунд применил противоядие. Только благодаря этому у врачей оказалась возможность спасти мне зрение. Но и это означало для меня больше недели на больничной койке в полном мраке.

Пока я лежал в больнице, я твердо решил, что, когда — и если — мне вернут зрение, я попрошу перевода на другую работу. Если мою просьбу отклонят, я уйду из фирмы совсем.

У меня выработался значительный иммунитет к триффидному яду еще после первого случая у нас в саду. Я был способен перенести и перенес без особого для себя вреда удары жалом, которые уложили бы любого неподготовленного человека хладным трупом. Но меня не оставляла мысль о кувшине, который повадился ходить по воду. Я получил последнее предупреждение.

Помнится, я провел во мраке много часов, раздумывая, на какую работу я могу рассчитывать, если мне откажут в переводе.

Принимая во внимание то, что уже ждало нас всех за углом, я едва ли мог найти более праздную тему для размышлений.

3. ОСЛЕПШИЙ ГОРОД

Дверь кабака еще раскачивалась позади меня, когда я направился по переулку на угол проспекта. Там я остановился в нерешительности.

Налево, за милями пригородных улиц, лежали поля и луга; направо был лондонский Уэст-энд и за ним Сити. Я уже несколько оправился, но ощущал себя теперь странно обособленным и как-то без руля и без ветрил. У меня не было никакого плана действий, и перед лицом событий, которые я начал, наконец, постигать как гигантскую и всеобъемлющую катастрофу, мне было все еще слишком не по себе, чтобы что-нибудь придумать. Какой план мог бы соответствовать таким событиям? Я чувствовал себя одиноким, заброшенным и вместе с тем временами не совсем настоящим, не совсем самим собою.

Проспект был пуст, единственным признаком жизни были фигуры немногочисленных людей, осторожно нащупывающих путь вдоль витрин магазинов.

Для начала лета день был превосходный. В синем небе, испещренном белыми ватными облачками, сияло солнце. Все небо было чистым и свежим, только на севере грязным пятном вставал из-за крыш столб жирного дыма.

Я простоял в нерешительности несколько минут. Затем повернул на восток, к центру Лондона.

До сих пор не знаю почему. Может быть, то была инстинктивная тяга к знакомым местам, а возможно — подспудное чувство, что если еще сохранились где-нибудь порядок и организация, так это в том направлении.

После бренди я был голоден, как никогда в жизни, но разрешить проблему питания оказалось не так-то легко. Казалось бы, вот они, магазины и лавки, без хозяев, без охраны, с витринами, забитыми едой; и вот он я, голодный и с деньгами в кармане; и если бы мне не захотелось платить, можно было бы разбить витрину и взять, что угодно, бесплатно.

Но убедить себя пойти на это было трудно. Прожив тридцать лет в уважении в праву и в повиновении закону, я еще не был готов признать, что условия изменились совершенно. Кроме того, у меня было такое ощущение, будто, пока я веду себя нормально, мир еще может каким-то непостижимым образом вернуться к нормальному состоянию. Абсурд, разумеется, но у меня было сильнейшее чувство, что стоит мне швырнуть камень в витрину, как я навсегда окажусь вне прежнего мироустройства: я сделаюсь грабителем, вором, грязным шакалом, терзающим мер-

твое тело вскормившего меня порядка. Какая дурацкая щепетильность на обломках разгромленной вселенной! И все же мне до сих пор приятно вспомнить, что я не сразу утратил цивилизованный облик, что хоть некоторое время я бродил, глотая слюни, среди выставленных явств, и уже устаревшие условности не позволяли мне утолить голод.

Примерно через полмили проблема разрешилась чисто софистическим путем. Поперек тротуара стояло какое-то такси, зарывшись радиатором в витрину кондитерского магазина. Это было уже нечто совсем иное, чем если бы взлом совершил я сам. Я пролез мимо такси и набрал всякой вкусной еды. Но даже тогда во мне говорило что-то от прежних нравственных стандартов: я оставил на прилавке щедрую плату за все, что взял.

Наискосок через улицу был садик. Такие садики разбивают на месте кладбищ при исчезнувших церквах. Старые надмогильные камни сняли и прислонили к кирпичной ограде, на расчищенном пространстве посеяли траву и проложили гравиевые дорожки. Под свежей листвой деревьев поставили уютные скамейки, и на одной из них я устроился со своим завтраком.

Здесь было пустынно и тихо. Никто сюда больше не входил, только иногда мимо решетчатой калитки пробредала, волоча ноги, одинокая фигура. Я бросил крошки немногим воробьям, первым птицам, которых я увидел в этот день, и почувствовал себя лучше, наблюдая их дерзкое безразличие к катастрофе.

Покончив с едой, я закурил сигарету. Пока я сидел так, раздумывая, что делать дальше, тишина нарушилась звуками фортепьяно. Играли где-то неподалеку и девичий голос запел балладу Байрона. Я слушал, запрокинув голову и глядя на узор, образованный нежными молодыми листьями в свежем синем небе. Песня смолкла. Замерли звуки рояля. Затем послышались рыдания. Без страсти: тихие, беспомощные, горькие. Не знаю, кто оплакивал свои надежды, певица или другая женщина. Но у меня больше не было сил слушать. Я встал и тихонько вышел обратно на улицу, и некоторое время я видел все словно в тумане.

Даже Гайд-парк-Корнер, когда я добрался туда, был почти пустынен. Несколько покинутых легковых и грузо-

вых машин стояли на улицах. Видимо, очень немногие из них потеряли управление на ходу. Один автобус прошел поперек улицы и остановился в Грин-парке; белая лошадь с обломками оглоблей лежала у памятника артиллеристам, о который она раскроила себе череп. Двигались только люди, немного мужчин и еще меньше женщин. Они осторожно нащупывали путь руками и ногами там, где были поручни и ограды, и медленно брели, выставив перед собой руки, по открытым местам. Кроме того, неожиданно для себя я заметил двух-трех котов, видимо вполне зрячих, воспринимавших новые обстоятельства с самообладанием, которое столь свойственно всем котам вообще. Блуждание в этой сверхъестественной тишине приносило им мало пользы: воробьев было мало, а голубей не было совсем.

Меня все еще магнетически влекло к прежнему центру моего мира, и я пошел по направлению к Пиккадилли. Так я вдруг услыхал неподалеку от себя новый отчетливый звук — равномерное приближающееся постукивание. Я взглянул вдоль Парк-лэйн и понял, в чем дело. Человек, одетый более аккуратно, чем все другие, кого я видел этим утром, торопливо шел в мою сторону, постукивая по стене рядом с собой белой тростью. Услыхав мои шаги, он насторожился остановился.

— Все в порядке, — сказал я. — Идите, не бойтесь.

Я почувствовал облегчение при виде его. Это был, так сказать, обыкновенный слепой. Его черные очки не так смущали меня, как широко раскрытые, но бесполезные глаза остальных.

— Тогда стойте на месте, — сказал он. — Бог знает, сколько дураков уже столкнулись со мной сегодня. Что, черт побери, случилось? Почему так тихо? Я знаю, сейчас не ночь — я чувствую солнце. Что стряслось?

Я рассказал ему все, что знал.

Когда я закончил, он молчал не менее минуты, затем у него вырвался горький смешок.

— Есть в этом одна штука, — сказал он. — Теперь все их проклятое попечительство понадобится им самим.

И он несколько вызывающе расправил плечи.

— Спасибо. Счастливо оставаться, — сказал он и зашагал своей дорогой, держась с преувеличенной независимостью.

Быстрый и отчетливый стук его трости постепенно замер вдали за моей спиной, когда я направлялся вверх по Пиккадилли.

Людей здесь было больше, и я подошел по мостовой среди стоявших в беспорядке машин. На мостовой я гораздо меньше смущал людей, нащупывавших дорогу вдоль стен зданий, потому что, заслышав поблизости от себя шаги, они каждый раз останавливались в готовности к возможному столкновению. Такие столкновения происходили на тротуарах непрерывно, и одно из них показалось мне многозначительным. Молодой человек в хорошо сидящем костюме, при галстуке, выбранном явно на ощупь, и молодая женщина с хныкающим ребенком на руках ощупью двигались навстречу друг другу вдоль витрины магазина. Они столкнулись, молодой человек стал осторожно обходить женщину и вдруг остановился.

— Погодите минутку, — сказал он. — Ваш ребенок зрячий?

— Да, — сказала она. — А я вот ослепла.

Молодой человек повернулся. Он упер палец в стекло витрины и сказал:

— А ну, сынок, посмотри, что там такое?

— Я не сынок, — возразил ребенок.

— Ну же Мэри, скажи джентльмену, — сказала мать укоризненно.

— Там красивые тети, — сказал девочка.

Молодой человек взял женщину за руку и повел ее на ощупь к следующей витрине.

— А здесь что? — спросил он.

— Всякие яблоки, — ответила девочка.

— Отлично! — сказал молодой человек.

Он стащил с ноги туфлю и ударил в стекло каблуком. Он был неопытен, и первый удар не увенчался успехом. Зато после второго звон разбитого стекла эхом прокатился по улице. Молодой человек снова натянул туфлю, осторожно всунул руку в разбитую витрину и принялся шарить там, пока не нашел пару апельсинов. Один он дал женщине, другой протянул девочке. Затем он опять пошарил, нашел апельсин для себя и принялся его чистить. Женщина стояла в нерешительности.

— Но... — начала она.

— В чем дело? — спросил он. — Вы не любите апельсины?

— Это же неправильно, — сказала она. — Нам не следовало брать их. Не так надо было.

— А как? — спросил он. — Как вы собираетесь добывать еду?

— Я думаю... Ну, я не знаю, призналась она неохотно.

— Очень хорошо. Вот вам и ответ. Ешьте, а потом мы пойдем и поищем чего-нибудь более сытного.

Она все держала плод в руке, склонив голову, как бы глядя на него.

— Все равно это неправильно, — снова сказала она, но теперь в голосе ее было меньше уверенности.

Потом она опустил ребенка на тротуар и принялась чистить апельсин...

Пиккадилли-Сиркус был самым многолюдным местом, какое мне пришлось до сих пор видеть. После пустынных улиц мне показалось, будто он заполнен толпой, хотя там было, наверно, всего не более сотни человек. Большей частью они были в нелепых, самых неподходящих одеждах и беспокойно бродили по кругу, словно еще не совсем пришли в себя. Изредка какое-нибудь столкновение вызывало взрыв ругани и бессильной ярости; слушать это было жутко, потому что эти взрывы порождаются страхом и детской раздражительностью. Но вообще, за единственным исключением, разговоров и шума было немного, словно слепота заперла людей в самих себя.

Разговаривал и шумел только высокий и тощий пожилой человек с копной жестких седых волос, обосновавшийся на одном из "островков безопасности" на проезжей части. Он вдохновенно разглагольствовал о раскаянии, о гневе грядущем, о неприятностях, которые ожидают грешников. Никто не обращал на него внимания: для большинства день гнева уже наступил.

Затем вдалеке послышались звуки, привлекавшие всеобщее внимание — хор голосов, который становился все громче:

Когда подохну я,
Меня не хороните.
Возьмите мое тело
И в спирте утопите.

Унылый и нестройный, он гудел в пустынных улицах, отдаваясь гнетущим эхом. Люди в Сиркусе поворачивали головы то вправо, то влево, пытаясь определить его направление. Пророк судного дня повысил голос, дабы перекричать соперников. А разноголосый вой приближался:

В ногах и головах
Поставьте мне бочонок,
Тогда червям могильным
Не жрать моих печенок.

И как аккомпанемент к нему слышалось шарканье многих шагов, старающихся ступать в ногу.

С того места, где я стоял, было видно, как они цепочкой один за другим выползли из бокового переулка на Шафтсбери-авеню и повернули к Сиркусу. Второй в цепочке держался за плечи ведущего, третий — за плечи второго и так далее, человек двадцать пять или тридцать. Песня закончилась, и тогда кто-то затянул "Пиво, пиво, вот славное пиво!" таким высоким голосом, что сейчас же устыдился и смолк.

Они устало и упорно тащились вперед, пока не оказались в центре Сиркуса, и тут ведущий скомандовал:

— Рота-а-а...стой!

У него был уверенный командирский голос. Все в Сиркусе стояли неподвижно, все лица обращены у нему, каждый старался понять, что происходит. Ведущий снова заговорил, пародируя манеру профессионального гида:

— Итак, джентльмены, мы здесь. Пиккавматьегодилли-Сиркус. Центр мира. Пуп вселенной. Здесь знатные особы развлекались вином, девками и музыкой.

Он не был слепым, отнюдь. Его глаза смотрели зорко, схватывая все, что происходило вокруг. Должно быть, зрение у него сохранилось так же случайно, как у меня, но он был изрядно пьян, и пьяны были люди, которых он привел.

— Мы тоже будем развлекаться, — прибавил он. — Следующая остановка в знаменитом "Кафе Рояль", выпивка за счет заведения.

— Ага... А как насчет девок? — спросил голос, и раздался смех.

— О, девки... Тебе нужны девки? — сказал ведущий.

Он шагнул вперед и поймал за руку какую-то женщину. Она завизжала, но он, не обращая на это внимания, подтащил ее к говорившему.

— Держи, парень. И не говори потом, что я о тебе не забочусь. Это персик, цыпочка... если тебе не все равно.

— Эй, а мне? — сказал другой.

— Тебе? Так, посмотрим. Тебе блондинку или черненькую?

Позже я понял, что вел себя как дурак. Моя голова все еще была набита условностями и нравственными стандартами, которые утратили смысл. Мне даже в голову не пришло, что у женщины, принятой в эту банду, гораздо больше шансов выжить, чем у предоставленной самой себе. Воспламененный школьной героикой и благородными сантиментами, я ринулся в бой. Он заметил меня, когда я был уже совсем рядом, и я изо всех сил ударил его в челюсть. К несчастью, он чуть-чуть опередил меня...

Когда я вновь обрел способность интересоваться окружающим, оказалось, что я лежу на мостовой. Топот и шарканье банды затихали вдали, и пророк судного дня, восстановив свое красноречие, посылал ей вслед громовые угрозы вечного проклятия, адского пламени и геенны огненной.

Обретя таким путем некоторую долю здравого смысла, я почувствовал облегчение, что так дешево отделался. Если бы на мостовую лег он, мне неминуемо пришлось бы взять на себя ответственность за людей, которые шли за ним. Можно что угодно думать о его методах, но он был глазами этой группы, и к нему они будут обращаться не только за выпивкой, но и за едой. И женщины тоже пойдут к ним добровольно, когда достаточно наголодаются. Я огляделся и подумал, что уже теперь вряд ли какая-нибудь женщина стала бы серьезно возражать против этого. В общем, так или иначе, мне, кажется, удалось счастливо избежать возведения в ранг вожака банды.

Припомнив, что они направились в "Кафе-рояль", я решил прийти в себя и освежить голову в отеле "Риджент-палас". Похоже было на то, что кто-то подумал об этом

раньше меня, но нетронутых бутылок там осталось еще достаточно.

Я думаю, именно тогда, удобно расположившись со стаканчиком бренди и сигаретой, я начал, наконец, признавать, что все, что я видел, было реальным и окончательным. Что это конец всему, что я знал...

Возможно, чтобы убедить меня, понадобился тот удар кулаком. Теперь я был лицом к лицу с фактом, что мое существование больше не имело цели. Мой образ жизни, мои планы, стремления, мои надежды — все это сметено вместе с условиями, которые их формировали. Я полагаю, что, если бы я имел родных и близких и у меня было бы кого оплакивать, я чувствовал бы себя в тот момент покинутым. Но то, что еще вчера создавало в моей жизни некоторую пустоту, обернулось теперь для меня удачей. Мать и отец давно умерли, единственная моя попытка жениться кончилась несколько лет назад неблагоприятно, никто во всем мире от меня не зависел. И как это ни странно, я вдруг обнаружил, что испытываю — отчетливо сознавая, что так не должно быть, — чувство облегчения.

Не только под действием бренди возникло это чувство, ибо оно оставалось во мне навсегда. Я думаю, оно возникло из ощущения, что мне предстоит нечто совершенно небывалое и новое. Все прежние избитые проблемы, личные и общие, были решены одним могучим потрясением. Только небо тогда знало, какие могут встать новые проблемы, а по всему было видно, что их будет немало, но они будут новыми. Я стал сам себе хозяином и не был больше винтиком в чужой машине. Да, возможно, мир будет полон ужасов и опасностей, которым мне придется противостоять, но я буду действовать по своему разумению, я не буду больше игрушкой сил и интересов, которых я не понимал и не желал понимать.

Нет, это было не только бренди, ибо даже сейчас, годы спустя, я все еще испытываю нечто подобное, хотя не исключено, что бренди несколько упростило тогда для меня положение вещей.

Затем был еще маленький вопрос: что делать дальше, как и где начинать эту новую жизнь? Я,

однако, решил пока не слишком беспокоиться об этом. Я допил бренди и вышел из отеля посмотреть, что может предложить мне этот странный мир.

4. ТЕНИ ПРОШЛОГО

Чтобы избежать новой встречи с бандой из "Кафе-рояль", я направился по боковой улице, ведущей в Сохо, рассчитывая вернуться на Риджент-стрит немного дальше.

Видимо, голод гнал народ из домов. Поэтому или по иной причине кварталы, куда я теперь углубился, были более многолюдны, нежели остальные места, где мне пришлось до сих пор проходить. На тротуарах и в узких переулках происходили непрерывные столкновения, и сумятица усугублялась толкучкой перед разбитыми витринами. Никто из толпившихся, очевидно, не знал, какой перед ним магазин. Одни оставались снаружи и пытались выяснить это, отыскивая на ощупь распознаваемые предметы; другие, рискуя распороть животы о торчащие осколки стекла, предприимчиво лезли внутрь.

Я чувствовал, что надо бы показать этим людям, где найти пищу. Но действительно ли я должен это сделать? Если бы я подвел их к нетронутой продовольственной лавке, началась бы давка, и все было бы кончено в течение пяти минут, и слабейшие были бы раздавлены насмерть. Пройдет какое-то время, продовольствие кончится, и что тогда делать с тысячами, требующими еды? Можно было бы отобрать небольшую группу и неопределенно долго кормить ее — но кого отбирать и от кого отказываться? Как я ни старался, безусловно правильной линии поведения мне придумать не удалось.

Происходило нечто жестокое и страшное, где не было места рыцарству, где все хватали и никто не давал. Человек, столкнувшись с другим человеком и почувствовав, что тот несет какой-то сверток, вырывал этот сверток в расчете на съестное и отскакивал в сторону, а ограбленный в бешенстве хватал руками воздух или бил кулаками во все стороны. Раз меня едва не сбил с ног пожилой человек, внезапно шарахнувшийся, не разбирая дороги, с тротуара

на мостовую; выражение его лица было необычайно хитрое и торжествующее, и он алчно прижимал к груди две банки масляной краски. На углу мне преградила путь толпа, сгрудившаяся вокруг смущенного ребенка. Люди едва не плакали от отчаяния: ребенок был зрячий, но он был слишком мал, чтобы понят, чего от него хотят.

Я начал ощущать беспокойство. С моим цивилизованным порывом помочь всем этим людям сражался инстинкт, который приказывал держаться в стороне. Люди на глазах теряли обычные сдерживающие начала. Я испытывал также иррациональное чувство вины за то, что был зрячим, тогда как все остальные были слепыми. Это вызывало странное ощущение, будто я скрываюсь от них, разгуливая между ними. Позже я понял, что прав был инстинкт.

Возле Голден-сквер я подумал о том, что пора пробираться обратно на Риджент-стрит, где мостовая шире и идти свободнее. Я уже сворачивал в переулок, который вел туда, когда меня остановил внезапный пронзительный крик. Люди вокруг тоже остановились. Они стояли как вкопанные по всей длине улицы, поворачивая головы так и этак, полные смятения, пытаясь догадаться, что происходит. Страх усилил горе и нервное напряжение, и многие женщины расплакались; нервы мужчин были не в лучшем состоянии: их испуг выразился в коротких проклятиях. Несомненно, они все время подсознательно ожидали чего-нибудь зловещего в этом роде. Теперь они ждали, что крик повторится.

Он повторился, болезненный и задыхающийся. Но теперь он не внушал такого страха, потому что к нему были готовы. На этот раз я понял, где кричат. В несколько шагов я был у входа в аллею. Когда я сворачивал за угол, задыхающийся крик раздался снова.

В глубине аллеи, метрах в десяти от входа, корчилась на земле какая-то девушка, а дородный мужчина избивал ее тонким медным прутом. Платье ее было разорвано, на голой спине виднелись красные рубцы. Вблизи я увидел, почему она не убегает: руки у нее были связаны за спиной, и конец веревки был обмотан вокруг левого запястья мужчины.

Я подбежал в тот момент, когда мужчина размахнулся для следующего удара. Было нетрудно выхватить у него

прут и с известной силой обрушить этот прут ему на плечи. Он проворно лягнул в мою сторону ногой в тяжелом ботинке, но я быстро увернулся. Радиус его действий был ограничен веревкой, обмотанной вокруг запястья. Пока я искал по карманам нож, он еще раз лягнул воздух. Никуда не попав, он для ровного счета пнул девушку. Затем он выругал ее и потянул за веревку, чтобы поднять ее на ноги. Я торопливо нагнулся и перерезал веревку. Легкий толчок в грудь заставил его попятиться и сделать полоборота, так что он потерял ориентировку. Освободившейся левой рукой он выдал великолепный косой свинг. По мне он промахнулся, но угодил кулаком в кирпичную стену. После этого он потерял интерес ко всему, кроме боли в разбитых костяшках. Я помог девушке встать, распутал ее руки и повел по аллее прочь, а он все осквернял руганью воздух позади нас.

Когда мы свернули на улицу, она начала приходить в себя. Она повернула ко мне замурзанное, в потеках слез лицо и взглянула на меня.

— Да вы же зрячий! — сказала она недоверчиво.

— Конечно, — сказал я.

— О, слава богу! Слава богу! Я думала, что я одна осталась такая, — проговорила она и расплакалась.

Я огляделся. В нескольких шагах был кабачок, там гремел граммофон, вдребезги бились стаканы и вообще шла добрая старая жизнь. Несколькими метрами дальше был еще один кабачок, поменьше и еще нетронутый. Хороший удар плечом распахнул перед нами дверь в бар. Я чуть не на руках внес туда девушку и усадил ее в кресло. Затем я сломал другое кресло и заложил дверь, чтобы какие-нибудь непрошенные гости не помешали нам.

Можно было не спешить. Она всхлипывала и пила маленькими глотками. Я предоставил ей время, чтобы взять себя в руки, и вертел ножку бокала, слушая, как граммофон в соседнем кабачке выбулькивает популярную тогда, хотя и мрачноватую, песенку о сердце в холодильнике. В то же время я украдкой разглядывал девушку. Ее платье, вернее то, что от платья осталось, было хорошего качества. Хорош был и голос, приобретенный явно не на сцене и не в киностудии. Она была блондинка, однако далеко не платиновая. Похоже было, что лицо у нее миловидное,

если отмыть его от грязи. Она была дюйма на три-четыре ниже меня, телосложения изящного, но не хрупкого. На вид она была сильной, хотя эта сила наверняка употреблялась до сих пор разве что на игры в мяч, на танцы и в лучшем случае на верховую езду. У нее были гладкие, прекрасной формы руки, а длина ногтей, тех, что еще были целы, представлялась скорее декоративной, нежели практичной.

Спиртное постепенно делало свое дело. После первой порции она уже оправилась настолько, что в ней заговорили обычные рефлексы.

— Господи, — сказала она. — Выгляжу я, наверно, ужасно.

Я был единственным человеком, который мог это заметить, но я промолчал.

Она встала и подошла к зеркалу.

— Ужасно, — признала она. — Где здесь?..

— Попробуйте пройти туда, — предложил я.

Она вернулась минут через двадцать. Учитывая, что возможности в ее распоряжении были, вероятно, очень ограничены, поработала она успешно: моральное состояние было восстановлено. Сейчас она больше походила на жертву дурного обращения в представлении киворежиссера, чем на настоящую жертву.

— Сигарету? — спросил я, протягивая ей через стол вторую укрепляющую порцию.

Пока завершался процесс восстановления сил, мы обменялись рассказами о себе. Сначала рассказал я, чтобы дать ей время собраться с мыслями. После этого она сказала:

— Мне чертовски стыдно за себя. Я ведь вовсе не такая уж размазня, честное слово. На самом деле я могу за себя постоять, хотя вы, может быть, думаете иначе. Но все это оказалось для меня слишком ошеломительным. То, что случилось, уже само по себе скверно, но тут мне пришла в голову одна ужасная мысль, и я ударилась в панику. Понимаете, мне представилось, будто я осталась единственной зрячей во всем мире. Это меня подкосило, я испугалась и потеряла голову, я сломалась, я ревела, как девчонка из викторианской мелодрамы. Никогда, никогда бы не поверила, что могу так раскиснуть.

— Пусть вас это не беспокоит, — сказал я. — Мы наверняка очень скоро узнаем о себе множество удивительных вещей.

— А меня это все-таки беспокоит. Если я потеряла голову в самом начале... — Она замолчала.

— Я в больнице тоже чуть не сошел с ума от страха, — сказал я. — Мы же люди, а не счетные машины.

Ее звали Джозелла Плэйтон. Имя показалось мне знакомым, хотя я не мог вспомнить, где оно мне встречалось. Она жила на Дин-род, Сент Джонс-вуд. Это подтверждало мои предположения относительно ее социальной принадлежности. Уединенные комфортабельные дома, большей частью некрасивые и все дорогие. Ее спасение от общей участи было столь же случайным, как и мое, даже, пожалуй, еще более случайным. В понедельник вечером она была на пирушке, и пирушка была, по-видимому, изрядная.

— Я думаю, какой-то болван вообразил, будто будет очень весело, если намешать в спиртное какой-нибудь гадости, — сказала она. — Выпила я очень немного, но никогда не чувствовала себя более скверно.

Вторник запомнился ей как день черных страданий и рекордного похмелья. Около четырех часов дня она решила, что с нее достаточно. Она позвонила горничной и приказала, чтобы никто не смел ее беспокоить, пусть там будет комета, землетрясение или даже страшный суд. Заявив этот ультиматум, она приняла сильнейшую дозу снотворного, которое на пустой желудок подействовало на нее, как нокаут.

После этого она ничего не знала, пока, сегодня утром ее не разбудил отец, ввалившийся к ней в комнату.

— Джозелла, — проговорил он, — ради бога, вызови доктора Мэйла. Скажи ему, что я ослеп, начисто ослеп.

Ее поразило, что было уже около девяти. Она торопливо встала и оделась. Слуги не отзывались ни на звонок отца, ни на звонок из ее комнаты. Она пошла разбудить их и, к своему ужасу, обнаружила, что они тоже ослепли.

Телефон не работал, и ей показалось, что самым правильным будет съездить за доктором на машине. Тишина и отсутствие уличного движения сразу бросилось

ей в глаза, но она проехала почти милю, прежде чем сообразила, что произошло. Когда она осознала это, то в панике чуть не повернула обратно, но возвратиться ни с чем было бы глупо. Возможно, доктору, как и ей самой, удалось избегнуть этого непонятного бедствия. И поэтому в отчаянной, но уже таящей надежде она продолжала мчаться вперед.

На середине Риджент-стрит мотор стал давать перебои и фыркать; в конце концов он заглох совсем. В спешке она не поглядела на счетчик: бак был пуст.

Мгновение она сидела в нерешительности. Все лица на улице были обращены в ее сторону, но к тому времени она уже знала, что никто из этих людей не видит ее и не в состоянии ей помочь. Она вышла из машины, рассчитывая отыскать где-нибудь поблизости гараж или, если гаража не окажется, пройти оставшуюся часть пути пешком. Когда она захлопнула дверцу, ее позвали:

— Эй приятель, а ну погоди минутку!

Она обернулась и увидела человека, ощупью направлявшегося к ней.

— Что вам? — спросила она. Вид его ей не понравился.

Услыхав ее голос, он изменил тон.

— Я заблудился, — сказал он. — Не знаю, где нахожусь.

— Это Риджент-стрит. Сразу позади вас кинотеатр "Нью-гэлэри", — сказала она и повернулась, чтобы уйти.

— Только покажите мне, где здесь обочина, мисс, будьте так добры, — сказал он.

Она заколебалась, и в это время он подошел вплотную. Его протянутая рука пошарила и коснулась ее рукава. Он прыгнул вперед и крепко и больно сжал ее руки в своей ладони.

— Так ты зрячая, — сказал он. — Какого же ты черта зрячая, когда все слепые?

Прежде чем она сообразила, что происходит, он повернул ее, подставил ногу, и она уже лежала ничком лицом вниз, а он упирался коленом ей в спину. Сжимая ее кисти одной рукой, он принялся связывать их шнурком, который достал из кармана. Затем он поднялся и снова поставил ее на ноги.

— Все в порядке, — сказал он. — Теперь ты будешь моими глазами. Я голоден. Веди меня, где есть хорошая жратва. Давай пошевеливайся.

Джозелла рванулась от него.

— Не пойду. Немедленно развяжите меня. Я...

Он ударил ее по лицу.

— Хватит болтовни!

И она пошла.

Она пошла и все время искала случая бежать. Он был настороже. Раз ей почти удалось это, но он оказался проворнее. Едва она вывернулась из его рук, как он подставил ногу, и, прежде чем она смогла подняться, он снова держал ее. После этого он нашел прочный шнур и привязал ее к своему запястью.

Сначала она повела его в кафе и поставила перед холодильником. Холодильник не работал, но продукты в нем были еще свежими. Затем они отправились в бар, где он потребовал ирландского виски. Ирландское виски оказалось на верхней полке, куда она не могла дотянуться.

— Развяжите мне руки, — предложила она.

— Ну да, а ты треснешь меня по голове бутылкой. Я уже давно из пеленок, милочка. Нет уж, я лучше выпью шотландского. Где здесь оно?

Он брал в руки бутылку за бутылкой, и она говорила ему, что в них содержится.

— Мне думается, я была просто не в себе, — объяснила она. — Сейчас я вижу полдюжины способов, как можно было перехитрить его. Только разве можно сразу переменить и стать зверем? Я, во всяком случае, не могу. Вдобавок вначале я все воспринимала неправильно. Мне представлялось, что в наше время такие вещи невозможны и что вот-вот кто-нибудь появится и все поставит на место.

Прежде чем они ушли, в баре разразился скандал. В открытую дверь ввалилась еще одна компания мужчин и женщин. Гангстер неосторожно велел Джозелле сказать им, что содержится в найденной ими бутылке. Они стразу замолчали и обратили в ее сторону незрячие глаза. Послышался шепот, затем двое мужчин осторожно выступили вперед. По их лицам было ясно видно, что они собираются делать. Она рванула веревку и крикнула:

— Берегитесь!

Без малейшего промедления гангстер выбросил вперед ногу в ботинке. Пинок попал в цель. Один из мужчин, вскрикнув от боли, согнулся пополам. Другой бросился вперед, но она отступила в сторону, и он с треском врезался в прилавок.

— Прочь руки от нее! — заревел гангстер. Он угрожающе поводил головой по сторонам. — Она моя, провалиться вам совсем. Ее нашел я!

Было ясно, однако, что те не собираются отступиться так просто. Даже если бы они видели опасность в выражении лица гангстера, это вряд ли остановило бы их. Джозелла начала понимать, что дар зрения, хотя бы из вторых рук, был теперь дороже всяких богатств и что с ним не расстаются без жесткой борьбы. Новоприбывшие стали надвигаться на них, вытянув перед собой руки. Тогда она подцепила носком ножку кресла и опрокинула его у них на пути.

— Пошли! — крикнула она, оттаскивая гангстера назад.

Двое мужчин споткнулись о перевернутое кресло и упали, на них повалилась женщина. Все смешалось, люди барахтались, пытаясь подняться, спотыкались и падали снова. Она потащила гангстера за собой, и они ускользнули на улицу.

Она не знала, почему так поступила. Возможно, перспектива стать рабой и глазами этой компании показалась ей еще более мрачной, чем положение пленницы у гангстера. Впрочем, он не стал благодарить ее. Он просто приказал ей найти другой кабачок, пустой.

— Я думаю, — сказала она рассудительно, — что он был не такой уж плохой человек, хотя по его внешности этого не скажешь. Притом он был испуган. В глубине души он трусил гораздо больше, чем я. Он дал мне поесть и немного выпить. А избивать он меня начал потому, что был пьян и я не хотела идти с ним к нему домой. Не знаю, что бы со мной было, если бы не вы. Наверно, рано или поздно я бы убила его. — Она помолчала и добавила: — Но мне ужасно стыдно за себя. Вот до чего может дойти современная молодая женщина, не правда ли? Визжит и разваливается на куски... Черт возьми!

Теперь она выглядела и, наверно, чувствовала себя лучше, хотя и сморщилась от боли, потянувшись к бокалу.

— Что до меня, — сказал я, — то я во всем этом деле вел себя редкостным дураком. Мне просто повезло. Я должен был сделать выводы, когда увидел ту женщину с ребенком на Пиккадилли. Только случайно я не влип в такую же историю, что и вы.

— У всех, кто обладает сокровищами, всегда была жизнь, полная опасностей, — задумчиво проговорила она.

— Отныне буду иметь это в виду, — сказал я.

— А у меня это отпечаталось в памяти уже навсегда, — заметила она.

Некоторое время мы прислушивались к гаму в соседнем кабачке.

— Что же мы будем делать дальше? — сказал я наконец.

— Я должна вернуться домой. Там мой отец. Очевидно, теперь нет смысла пытаться найти доктора, даже если он остался зрячим.

Она хотела добавить еще что-то, но в нерешительности замолчала.

— Вы не будете возражать, если я пойду с вами? — спросил я. — Мне кажется, что в такое время людям вроде нас с вами не следует бродить в одиночку.

Она с благодарностью взглянула на меня.

— Спасибо вам. Я чуть не попросила вас об этом сама, но подумала, что у вас, может быть, и без меня есть о ком заботиться.

— Никого, — сказал я. — Во всяком случае, в Лондоне.

— Я очень рада. Дело даже не в том, что я боюсь, как бы меня снова не схватили... теперь я буду очень осторожна. Но, честно говоря, я боюсь одиночества. Я начинаю чувствовать себя такой... такой отрезанной от всех, такой покинутой.

Я стал видеть все в новом свете. Чувство облегчения постепенно вытеснялось растущим осознанием мрака, ожидавшего нас впереди. Сначала было невозможно не испытывать некоторого превосходства над остальными и, как следствие, уверенности. Наши шансы выжить в этой катастрофе были в миллион раз больше, чем у них. Там, где им нужно было шарить, нащупывать и догадываться, нам оставалось просто идти и брать. Но, кроме этого, должно было быть и другое...

Я сказал:

— Интересно, сколько людей сохранили зрение? Я натолкнулся на одного взрослого мужчину, на ребенка и грудного младенца. Вы не встретили ни одного. Мне кажется, нам предстоит убедиться, что зрение сделалось настоящей редкостью. И некоторые ослепшие уже начали понимать, что их единственный шанс на спасение состоит в том, чтобы завладеть зрячим. Когда это поймут все, нам предстоит много неприятного.

Джозелла поднялась с места.

— Мне пора идти, — сказала она. — Бедный отец. Уже пятый час.

На Риджент-стрит меня вдруг осенило.

— Перейдем на ту сторону, — сказал я. — Кажется, где-то там должен быть магазин...

Магазин там был. Мы обзавелись парой ножей в ножнах и ремнями.

— Совсем как пираты, — сказала Джозелла, застегивая на себе ремень.

— По-моему, лучше быть пиратами, чем пиратской добычей, — возразил я.

Пройдя несколько сотен метров, мы наткнулись на огромный сияющий автомобиль. Таким роскошным машинам положено едва слышно мурлыкать, но когда я включил двигатель, нам показалось, будто она взревела громче, чем все уличное движение в каком-нибудь деловом квартале. Мы двинулись на север, выписывая зигзаги возле брошенных машин и бредущих людей, которые застывали посреди улицы при нашем приближении. На всем пути лица с надеждой обращались нам навстречу; когда мы проезжали мимо, они разочарованно вытягивались. Мы проехали дом, охваченный пламенем, и где-то в районе Оксфорд-стрит поднимались клубы дыма от другого пожара. На Оксфорд-Сиркус народу было больше, но мы аккуратно пробрались через толпу, миновали здание Би-би-си и выехали на транспортную дорогу в Риджент-парк.

Нам стало легче, когда улицы остались позади и мы оказались на просторе, где не было несчастных людей, бредущих на ощупь неизвестно куда. На полях, заросших травой, мы заметили только две или три небольшие группы триффидов, ковыляющих в южном направлении.

Каким-то образом они ухитрились вытянуть из земли колья, к которым были прикованы, и волокли их на цепях за собой. Я вспомнил, что несколько десятков экземпляров содержались в загоне при зоопарке, некоторые на привязи, а большинство просто за двойной оградой, и удивился, как им удалось оттуда выбраться. Джозелла тоже заметила их.

— Для них это, наверно, безразлично, — сказала она.

Остаток пути мы проехали без задержки. Через несколько минут я затормозил возле ее дома. Мы вышли из машины, и я распахнул ворота. Короткая подъездная дорога вела вокруг лужайки с кустарником, скрывавшим фасад дома со стороны шоссе. Едва мы обогнули ее, как Джозелла вскрикнула и побежала вперед. На гравии ничком неподвижно лежал человек. Лицо его было обращено к нам, и в глаза мне сразу же бросилась яркая красная черта на его щеке.

— Стойте! — заорал я.

Вероятно, тревога в моем голосе заставила ее замереть на месте.

Теперь я заметил триффида. Он затаился в кустарнике поблизости от распростертого тела.

— Назад! Живо! — крикнул я.

Она колебалась, не спуская глаз с лежащего.

— Но должна же я... — начала она, оборачиваясь ко мне. Затем она остановилась. Глаза ее расширились, и она завизжала.

Я круто повернулся и увидел перед собой другого триффида, громоздившегося всего в нескольких шагах за моей спиной.

Одним машинальным движением я закрыл лицо руками. Я услыхал, как свистнуло жало, нацеленное в меня, но не было беспамятства, не было и мучительной жгучей боли. В подобные моменты мысль работает с молниеносной быстротой; тем не менее инстинкт, а не разум бросил меня на триффида, прежде чем тот ударил вторично. Я столкнулся с ним, опрокинул и, падая вместе с ним, вцепился обеими руками в верхнюю часть стебля, крутя и выворачивая чашечку с жалом. Стебель триффида не ломается, зато его можно как следует измочалить. И прежде чем я поднялся на ноги, стебель у этого триффида был измочален на совесть.

Джозелла стояла на том же месте как пригвожденная.

— Идите сюда, — сказал я. — В кустах позади вас есть еще один.

Она со страхом оглянулась через плечо и подошла.

— Он же ударил вас, — сказала она. — А вы даже не...

— Сам не понимаю, в чем дело, — сказал я.

Я поглядел на поверженного триффида. Затем вспомнил про оружие, которым мы запаслись, имея в виду совсем других врагов, вынул нож и отрезал жало у основания.

— Вот оно что, — сказал я, показывая ей пузырьки с ядом. — Глядите, какие они пустые, все сморщились. Если бы они были полны хотя бы наполовину... — Я опустил книзу большой палец.

Это обстоятельство, а также мой благоприобретенный иммунитет к яду спасли меня. Все же на тыльной стороне ладоней появилась поперечная розовая полоса, а шея чесалась дьявольски. Я все время тер ее, пока стоял и рассматривал жало.

— Странно... — пробормотал я скорее себе под нос, чем для нее, но она услышала.

— Что странно?

— Мне никогда не приходилось видеть, чтобы пузырьки с ядом были совершенно пустыми, как эти. Он, должно быть, здорово поработал жалом сегодня.

Сомневаюсь, чтобы она слушала меня. Ее внимание было вновь поглощено человеком на подъездной дороге, и она разглядывала триффида, стоявшего подле него.

— Как бы нам взять его оттуда? — спросила она.

— Ничего не получится, пока там торчит эта штука, — ответил я. — И кроме того... Видите ли, боюсь, ему уже ничем нельзя помочь.

— Вы хотите сказать, что он мертв?

Я кивнул.

— Да. Несомненно. Я видел людей, пораженных жалом. Кто это?

— Старый Пирсон. Он был у нас садовником. И шофером у отца. Такой славный старик... Я всю жизнь знала его.

— Мне, право, очень жаль... — начал я, не зная, какие слова сказать в утешение, но она прервала меня.

— Глядите!.. Глядите, вон там! — Она показывала на тропинку, ведущую за угол дома. Из-за угла была видна нога в черном чулке и женской туфле.

Мы тщательно осмотрелись и затем перешли на другое место, откуда было лучше видно. Девушка в черном платье лежала в цветочной клумбе, вытянув ноги на тропинку. Ее милое, свежее личико было обезображено яркой красной линией. У Джозеллы перехватило дыхание. На глазах выступили слезы.

— О!.. О, это же Анна! Бедная маленькая Анна, — проговорила она.

Я попытался утешить ее.

— Они ничего не почувствовали — ни он, ни она, сказал я. — Если жало убивает, оно убивает мгновенно.

Триффидов в засаде здесь, видимо, больше не было. Может быть, обоих убил один и тот же. Держась рядом, мы пересекли тропинку и ступили в дом через боковую дверь. Джозелла позвала. Никто не отозвался. Она позвала снова. Мы стояли и вслушивались в мертвую тишину, царившую в доме. Она повернулась и взглянула на меня. Не было сказано ни слова. Она медленно повела меня по коридору к двери, обитой фланелью. И едва она приоткрыла дверь, как что-то просвистело в воздухе и шлепнулось о створку и протолоку дюймом выше ее головы. Она торопливо захлопнула дверь и поглядела на меня расширившимися глазами.

— Один там, в зале, — сказала она.

Она произнесла это испуганным полушепотом, как будто триффид мог подслушать ее.

Мы вернулись к боковой двери и снова вышли в сад. Ступая по траве, чтобы не шуметь, мы направились вокруг дома и остановились перед входом в холл. Стеклянная дверь была раскрыта настежь, одна из стеклянных панелей расколота. След из ошметок грязи тянулся через ступеньки и по паркету. Там, где след кончался, посередине комнаты стоял триффид. Верхушка его стебля почти касалась потолка, и он тихонько покачивался на месте. Возле его сырого косматого основания лежал пожилой человек в ярком шелковом халате. Я крепко взял Джоззеллу за руку. Я боялся, что она может рвануться в холл.

— Это... ваш отец? — спросил я, хотя и так знал, кто это.

— Да, — сказала она и закрыла лицо руками. Она вся дрожала.

Я стоял неподвижно, не спуская глаз с триффида на случай, если он двинется в нашу сторону. Затем я подумал о носовом платке и подал ей свой. Сделать ничего было нельзя. Через некоторое время она взяла себя в руки. Вспомнив про ослепших людей, которых мы видели сегодня, я сказал:

— Вы знаете, я бы предпочел, чтобы со мной случилось это, нежели стать, как остальные...

— Да, — отозвалась она после паузы.

Она взглянула на небо. Там была мягкая бездонная синева и плыли облачка, легкие как перья.

— О да, — повторила она уже более уверенно. — Бедный папа. Он бы не перенес слепоты. Он слишком любил все это... — Она снова заглянула в холл. — Что же нам делать? Я не могу оставить...

В этот момент я уловил в уцелевшей стеклянной панели отражение какого-то движения. Я быстро обернулся и увидел триффида, который выдрался из кустов и ковылял напрямик через лужайку к нам. Было слышно, как шуршат его кожистые листья.

Времени терять было нельзя. Я ведь понятия не имел, сколько их могло быть поблизости. Я снова схватил Джозеллу за руку и бегом потащил за собой назад той же дорогой, по которой мы пришли. Когда мы благополучно забрались в автомобиль, она наконец, разрыдалась по-настоящему.

Ей будет легче, когда она выплачется. Я закурил сигарету и стал обдумывать наш следующий ход. Ей, конечно, не захочется бросить так тело отца. Она пожелает достойно похоронить его, и это означает, что нам придется рыть могилу и сделать все, что полагается в таких случаях. А прежде чем хотя бы попытаться к этому приступить, нужно найти способ избавиться от триффидов, которые уже там, и отогнать других, которые могут появиться. Короче говоря, я бы с радостью отказался от всего этого, но мне в конце концов проще так сделать: там, в холле, лежал не мой отец...

Чем больше я обдумывал эту новую проблему, тем меньше она мне нравилась. Я понятия не имел, сколько триффидов может быть в Лондоне. По нескольку штук содержал каждый парк. Обычно им урезали жала и пускали бродить, где им вздумается; но было много триффидов с нетронутыми жалами, их держали либо на привязи, либо за проволочной сеткой. Я вспомнил о тех, что ковыляли на юг по Риджент-парку. Интересно, сколько их держали в загоне при зоопарке и сколько вырвалось на свободу? Много триффидов было и в частных садиках; правда, следовало ожидать, что хозяева урезают их, но кто скажет, как далеко может зайти дурацкая беспечность? И было еще несколько триффидных питомников и еще несколько экспериментальных станций в окрестностях Лондона...

Я сидел и размышлял, и меня не покидало ощущение какого-то смутного движения в глубине памяти, какие-то ассоциации идей, которые никак не могли соединиться. Затем меня осенило. Я словно наяву услышал голос Уолтера:

— Уверяю вас, в борьбе за существование триффид оказался бы в гораздо лучшем положении, чем слепой человек.

Конечно, он имел в виду человека, ослепленного триффидным жалом. Но все равно меня так и подбросило. Более того, это меня испугало.

Я стал вспоминать. Нет, это были всего лишь общие соображения, и тем не менее теперь это представлялось чуть ли не сверхъестественным...

— Отнимите у нас зрение, — говорил он, — и наше превосходство исчезнет.

Да, совпадения случались во все времена, только далеко не всегда они бросаются в глаза...

Хруст гравия вернул меня к настоящему. По подъездной дороге к воротам ковылял, раскачиваясь, триффид. Я перегнулся через сиденье и поднял стекло в окне.

— Поезжайте! Поезжайте! — истерически закричала Джозелла.

— Здесь мы в безопасности, — сказал я. Мне хочется посмотреть, что он станет делать.

В то же время меня осенило, что одна из проблем решена. Я вдруг понял, что Джозелла больше не заикнется о возвращении в этот дом. Ее взгляд на это чудовище вы-

ражался одной простой мыслью: держаться от него как можно дальше.

В воротах триффид приостановился. Можно было поклясться, что он прислушивается. Мы сидели тихо и неподвижно. Джозелла смотрела на него с ужасом. Я ожидал, что он хлестнет жалом по автомобилю. Но этого не случилось. Вероятно, наши голоса звучали в закрытой кабине приглушенно, и он решил, что мы находимся вне пределов досягаемости.

Голые черенки коротко простучали по стеблю. Он качнулся, неуклюже перевалился вправо и скрылся на другой подъездной дороге.

Джозелла с облегчением вздохнула.

— О, давайте уедем, пока он не вернулся, — умоляюще проговорила она.

Я включил двигатель, развернул машину, и мы поехали обратно в Лондон.

5. ОГОНЬ В НОЧИ

К Джозелле вернулось самообладание. С явным и нарочитым намерением отвлечься от того, что осталось позади, она спросила:

— Куда мы сейчас едем?

— Сначала в Клеркенвел, — ответил я. — Затем мы поищем для вас одежду. За одеждой, если хотите, поедем на Бонд-стрит, но сначала отправимся в Клеркенвел.

— Но почему в Клеркенвел?.. О господи!

Действительно, "о Господи!" Мы повернули за угол и оказались на улице, забитой людьми. Они с плачем и криками бежали нам навстречу, вытянув перед собой руки и спотыкаясь. В тот момент, когда мы увидели их, женщина, бежавшая впереди, оступилась и упала; сейчас же о нее споткнулись и повалились бежавшие следом, и она исчезла под грудой барахтающихся тел. А позади толпы мы увидели причину этого панического бегства: над головами охваченных ужасом людей раскачивались три ствола с темной листвой. Я дал газ и круто свернул в боковой переулок.

Джозелла обратила ко мне испуганное лицо.

— Вы... вы видели? Они их п о г о н я л и !

— Да, — сказал я. — Поэтому мы и едем в Клеркенвел. Там находится мастерская, которая производит противотриффидные ружья и маски.

Проехав несколько кварталов, мы вновь помчались намеченным маршрутом, но вскоре оказалось, что путь далеко не так свободен, как я рассчитывал. На улицах вблизи от Кингз-Кросс-стэйшн народу было гораздо больше. Продвигаться вперед становилось все труднее, хотя, непрерывно сигналил. Наконец перед самой станцией пришлось остановиться. Не знаю, почему там была такая толпа. Можно было подумать, будто все население района сошлось туда. Мы не могли пробиться через плотную стену людей, и, оглянувшись, я убедился, что так же безнадежно было бы пытаться проложить путь назад. Толпа уже сомкнулась позади нас.

— Выходите, быстро, — сказал я. — Мне кажется, они хотят взять нас.

— Но... — начала Джозелла.

— Живо! — приказал я.

Я в последний раз дал сигнал и выскользнул из машины вслед за Джозеллой. И как раз вовремя. Какой-то мужчина нащупал ручку задней дверцы. Он распахнул ее и стал шарить внутри. Другие, спешившие к машине, едва не сбили нас с ног. Послышался сердитый крик, когда кто-то отворил переднюю дверцу и обнаружил, что место водителя тоже опустело. К этому времени мы уже благополучно смешались с толпой. Кто-то схватил мужчину, открывшего заднюю дверцу, приняв его за водителя. Началась свалка. Я крепко взял Джозеллу за руку, и мы стали выбираться из толпы, стараясь не привлекать к себе внимания.

Выбравшись, мы некоторое время шли пешком подыскивая подходящую машину. Примерно через милю мы нашли то, что было нужно: автофургон, показавшийся мне более всего пригодным для плана, который начал смутно складываться в моем сознании.

Клеркенвел уже два или три века специализировался на производстве точных инструментов. Маленькая мастерская, с которой я время от времени имел дело по долгу

службы, приспособила старинное умение к новым нуждам. Я нашел ее без труда; нетрудно оказалось и пробраться внутрь. Когда мы покинули ее, нами владело приятное чувство защищенности: в кузов машины мы уложили несколько штук превосходных противотриффидных ружей, несколько тысяч маленьких стальных бумерангов к ним и несколько шлемов с масками из проволочной сетки.

— А что теперь — одежда? — спросила Джозелла, когда мы тронулись.

— Обсуждается предварительный план, открытый для критики и поправок, — объявил я. — Прежде всего предлагается найти какое-нибудь *pied-a-terre:* местечко, где можно привести себя в порядок и обсудить положение.

— Только не кабак, — запротестовала она. — Довольно с меня кабаков на сегодня.

— С меня тоже, — согласился я. — Хотя мои друзья нипочем не поверили бы мне, особенно если принять во внимание, что все бесплатно. Собственно, я имел в виду какую-нибудь пустую квартиру. Найти такую, должно быть, не очень трудно. Там мы отдохнем и составим вчерне план действий. Кроме того, там было бы удобно устроиться на ночь... а если нынешние чрезвычайные обстоятельства, на наш взгляд, не отменили некоторых условностей, то что же, может быть, нам удастся найти и две квартиры.

— Я думаю, мне будет приятнее сознавать, что кто-то есть рядом со мной.

— И чудесно, — сказал я. Далее, операция номер два. Обмундирование и снаряжение для леди и джентльменов. Тут нам, пожалуй, лучше разделиться, а разделившись, не забыть, на какой квартире мы остановились.

— Х-хорошо, — проговорила она с некоторым сомнением в голосе.

— Все будет в порядке, заверил я ее. — Только возьмите за правило ни с кем не разговаривать, и никто не догадается, что вы зрячая. Вы тогда попали в переделку только потому, что были захвачены врасплох. В стране слепых и одноглазый — король.

— О да... Это, кажется, из Уэллса, не так ли?.. Только в его рассказе получилось иначе.

— Вся трудность в том, как понимать слово "страна" — в оригинале partia, — заметил я. — *Caecorum in partia luscus rex imperat omnus.* Первым это сказал некий джентльмен из римской классики, по имени Фуллоний, и больше о нем никто ничего не знает. Но здесь нет больше организованной *paria*, организованного государства. Есть только хаос. Воображаемый народец Уэллса приспособился к слепоте. Здесь же, по-моему, этого не произойдет. Я не вижу, как это могло бы произойти.

— А что же, по-вашему, произойдет?

— Я знаю не больше, чем вы. В свое время мы узнаем, и боюсь, что скоро. Но вернемся лучше к нашим баранам. На чем мы остановились?

— Одежда.

— А, да. Ну, это просто. Нужно забраться в магазин, взять то, что требуется, и выбраться обратно. В центре Лондона триффидов вы не встретите — по крайней мере пока.

— Как легко вы об этом говорите: забраться и взять.

— Чувствую я себя вовсе не легко, — признался я. — Но я не уверен, что это добродетель. Скорее уж привычка. С другой стороны, упрямое нежелание смотреть фактам в лицо ничего не изменит и ничем нам не поможет. Я думаю, мы должны считать себя не ворами, а всего лишь... ну, скажем, наследниками поневоле.

— Да. Что-то в этом роде, — согласилась она с видом эксперта.

Некоторое время она молчала. Затем вернулась к первоначальной проблеме.

— А что после одежды? — спросила она.

— Операция номер три, — сказал я, — это, несомненно, обед.

С квартирой, как я и ожидал, все обошлось до нельзя просто. Мы оставили машину на середине улицы в богатом квартале и забрались на третий этаж. Не знаю, почему именно на третий, разве что он представлялся нам как-то менее заметным. Процесс выбора был несложен. Мы звонили или стучали, и если кто-нибудь откликался, мы шли дальше. За четвертой дверью нам не ответили. Муфта замка вылетела от одного хорошего толчка плечом, и мы вошли.

Я никогда не принадлежал к людям, которым нравится жить в квартире за две тысячи фунтов в год, однако я обнаружил, что в ее пользу можно сказать очень многое. Интерьер здесь обставляли, как мне кажется, элегантные молодые люди с тем остроумным даром сочетать вкус с передовой модой, который обходится так дорого. Там и тут наличествовал настоящий *dernier cri*[1], некоторым предметам, если бы мир остался прежним, несомненно, предстояло бы стать увлечением завтрашнего дня; другие, по-моему, с самого начала были обречены на забвение. Общий же эффект был такой же, как на выставке-распродаже с ее нетерпимостью к человеческим слабостям: книга, сдвинутая с места на несколько дюймов, книга в переплете неподходящего цвета, безалаберный гость в неподходящем костюме, усевшийся в неподходящее кресло, сразу же нарушили бы здесь тщательно продуманное равновесие и тон. Я повернулся к Джозелле, взирающей на все это широко раскрытыми глазами.

— Ну как, подойдет нам эта хижина или пойдем дальше? — спросил я.

— О, я думаю, нам и здесь будет неплохо, — ответила она. Рука об руку мы ступили на нежно-желтый паркет и начали осмотр.

Я не рассчитывал на это, но трудно было бы найти более удачный способ отвлечь ее мысли от событий дня. Наш обход сопровождался потоками восклицаний, выражавших восхищение, зависть, удовольствие и, надо признаться, злость. На пороге комнаты, переполненной атрибутами женского снаряжения, Джозелла остановилась.

— Я буду спать здесь, — объявила она.

— Господи! — воскликнул я. Затем я сказал: — Ну что же, о вкусах не спорят.

— Не надо ехидничать. Ведь мне больше никогда, вероятно, не представится случай поблаженствовать. И кроме того, разве вам не известно, что в каждой девушке есть капелька от пошлейшей кинозвезды? Вот и пусть это проявится в последний раз.

---

1 Крик моды *(фр.)*.

— Пусть, — сказал я. — Но я все же надеюсь, что здесь где-нибудь найдется местечко поскромнее. Избави меня Бог спать в постели под зеркалом на потолке.

— Над ванной тоже есть зеркало, — сообщила она, заглядывая в соседнее помещение.

— Это было бы уже верхом разложения, — заметил я. — Впрочем, вам не придется ею пользоваться. Нет горячей воды.

— Правда, а я и забыла. Вот жалость-то! — разочарованно воскликнула она.

Остальные помещения оказались не столь сенсационными. Когда обход был закончен, Джозелла отправилась добывать одежду. Я еще раз осмотрел квартиру, чтобы выяснить, какими ресурсами мы здесь располагаем и чего у нас нет, а затем тоже двинулся в поход.

Едва я переступил порог, как дальше по коридору открылась другая дверь. Я замер на месте. Вышел молодой человек, ведя за руку белокурую девушку. В коридоре он отпустил ее.

— Подожди здесь минутку, родная. Он сделал несколько шагов по мягкому ковру, скрадывавшему звуки. Его протянутые руки нашли окно в конце коридора. Пальцы нащупали и отодвинули шпингалет. За окном снаружи я заметил пожарную лестницу.

— Что ты делаешь, Джимми? — спросила девушка.

Он быстро вернулся к ней и снова взял ее за руку.

— Я просто проверил дорогу, — сказал он. — Пойдем, родная.

Она отпрянула.

— Джимми, мне не хочется уходить. У себя дома мы хоть знаем, где находимся. Как мы найдем еду? Как мы будем жить?

— Дома, родная еды мы и вовсе не найдем... и потому не проживем долго. Пойдем, моя радость. Не бойся.

— Но я боюсь, Джимми... Я боюсь!

Она прижалась к нему, и он обнял ее.

— Все будет хорошо, родная. Пойдем.

— Погоди, Джимми, мы идем не туда...

— Ты перепутала, дружок. Мы идем правильно.

— Джимми, мне страшно... Пойдем назад!

— Слишком поздно, родная.

Перед окном он остановился и одной рукой очень тщательно ощупал подоконник. Затем он обнял ее и прижал к себе.

— Это было слишком прекрасно и не могло продолжаться долго, — тихо сказал он. — Я люблю тебя, родная моя. Я очень, очень люблю тебя.

Она подняла к нему лицо, и он поцеловал ее в губы.

Повернувшись, он поднял ее на руки и шагнул в окно.

— Ты должен отрастить толстую шкуру, — сказал я себе. — Должен. Иначе останется только пить до бесчувствия. Такие вещи должны происходить сейчас повсюду. Они происходят повсюду. Здесь ничем не поможешь. Положим, ты достал бы им еды, чтобы они продержались еще несколько дней. А дальше? Ты должен научиться смотреть на это и мириться с этим. Ничего другого не остается. Или утопить себя в алкоголе.

Если не драться за свою жизнь, несмотря ни на что, выжить будет невозможно... Уцелеют лишь те, кто сумеет подчинить чувства разуму...

Поиски всего необходимого заняли больше времени, чем я ожидал. Мне удалось вернуться часа через два. Протискиваясь в дверь, я уронил несколько пакетов. Джозелла довольно нервно окликнула меня из своей сверхженственной спальни.

— Это только я, — успокоил я ее, пробираясь по коридору со своим грузом.

Свалив все на кухне, я отправился подобрать упавшие пакеты. Перед ее дверью я остановился.

— Не входите! — предупредила она.

— Да я и не собирался. Мне только хотелось узнать, умеете ли вы готовить.

— Я умею варить яйца, — отозвался ее приглушенный голос.

— Этого я и опасался. Многому же нам предстоит учиться...

Я вернулся на кухню. Водрузив керосинку на бесполезную электрическую плиту, я принялся за дело.

Когда я закончил накрывать столик в гостиной, результат показался мне вполне удовлетворительным. В довершение убранства я поставил подсвечники со свечами. Джозелла все не появлялась, но несколько минут спустя из ванной донесся плеск бегущей воды. Я окликнул ее.

— Сейчас иду, отозвалась она.

Я подошел к окну и стал смотреть на город. Совершенно сознательно я начал прощаться со всем, что было. Солнце стояло низко. Башни, шпили, фасады из портландского камня казались белыми и розовыми на фоне темнеющего неба. Там и тут горели пожары. Облака дыма поднимались черными грязными пятнами, кое-где у их основания мелькали языки пламени. Очень возможно, сказал я себе, что после завтрашнего дня мне не видать больше ни одного из этих знакомых зданий. Может быть, наступит время, когда кто-нибудь вновь вернется сюда, но все здесь будет совсем по-другому. Над городом поработают пожары и непогода, он будет мертв и заброшен. Но сейчас, на расстоянии, он еще может маскироваться под живой город.

Отец как-то рассказывал мне, что перед самой войной с Гитлером он имел обыкновение бродить по Лондону с широко раскрытыми глазами, поражаясь красоте зданий, которую он раньше никогда не замечал... и прощаясь с ними. Сейчас мною владело такое же чувство. Но тут было нечто худшее. В той войне выжило все-таки больше людей, чем кто-нибудь смел надеяться. А теперь был враг, которого люди не могли одолеть. На этот раз человеку угрожали не варварские погромы и злоумышленные поджоги: впереди был просто долгий, медленный неодолимый процесс разложения и разрушения.

Я стоял и смотрел, и сердце мое всё еще отвергало то, что говорил мне разум. Даже тогда я все еще был под властью ощущения, будто все это слишком велико, слишком неестественно, чтобы происходить в действительности. И тем не менее я знал, что такое происходит в истории далеко не впервые. Трупы других великих городов похоронены в пустынях и стерты с лица земли азиатскими джунглями. Некоторые пали так давно, что от них не осталось даже названий. Но для тех, кто там обитал, разрушение представлялось не более вероятным и возможным, нежели

представляется мне умирание исполинского современного города...

Должно быть, думал, я, это было одним из наиболее упорных и удобных заблуждений человечества: считать, что "у нас это случиться не может", что никаким катаклизмам не подвержено лично мое крошечное время и местечко в мире. Но вот это случилось у нас. Если не произойдет никакого чуда, то я взирал сейчас на начало конца Лондона. Вероятно, были и другие, такие же как я, взиравшие на начало конца Нью-Йорка, Парижа, Сан-Франциско, Буэнос-Айреса, Бомбея и прочих городов, которым отныне предопределено пойти путем тех прежних, что заросли джунглями.

Я все смотрел в окно, когда позади послышался шорох. Я оглянулся в увидел Джозеллу. На ней было длинное красивое платье из бледно-голубого жоржета и белый меховой палантин. На простой цепочке блестели голубовато-белые брильянты; камни, мерцавшие в серьгах, были поменьше, но такой же чистой воды. Ее волосы были так убраны, а лицо сияло такой свежестью словно она только что вышла из салона красоты. Она шла через комнату, легко ступая ногами в серебряных туфельках и блестящих чулках-паутинках. Я молча таращил на нее глаза, и под моим взглядом исчезала легкая улыбка на ее губах.

— Вам нравится? — спросила она по-детски обиженно.

— Это чудесно... Вы очаровательны, — отозвался я. — Мне... Ну, я просто не ожидал ничего подобного.

Требовалось что-то еще. Я ведь понимал, что ко мне этот наряд не имеет никакого отношения. Я добавил:

— Вы прощаетесь? — Значит, вы поняли. Я так надеялась, что вы поймете.

— Думаю, что понял. Я рад, что вы так сделали. Это будет очень приятно вспоминать.

Я протянул ей руку и подвел к окну.

— Я тоже прощался... со всем этим.

Не знаю, о чем она думала, пока мы стояли там плечом к плечу: это ее тайна. Мои же мысли неслись беспорядочно, калейдоскопом картин жизни, которая кончилась навсегда, или это больше походило на перелистывание огромного фотоальбома с одним всепонимающим "а мы помнишь?"

Мы долго стояли у окна, погруженные в раздумье. Затем она вздохнула и, оглядев себя, пригладила пальцами тонкий шелк.

— Это глупо?.. Когда горит Рим... — проговорила она с горестной усмешкой.

— Нет... это славно, — сказал я. — Спасибо вам. Это жест... и напоминание о том, что при всех гадостях в нашем мире было так много красоты. Вы не могли бы сделать... и выглядеть... прекраснее.

Улыбка ее просветлела.

— Спасибо, Билл. — Она помолчала. — Ведь я еще не говорила вам "спасибо"? Нет, не говорила. Если бы вы не выручили меня...

— Если бы не вы, — прервал я ее, — я бы скорее всего валялся сейчас в каком-нибудь кабаке в пьяных слезах и соплях. Я благодарен вам не меньше. Сейчас не такое время, чтобы быть одному. — Затем, чтобы переменить разговор, я добавил: — Кстати, о пьянстве. Вот здесь у нас имеется отличное амонтильядо и кое-что приятное на закуску. Квартира нам попалась на диво удачная.

Я разлил шерри, и мы подняли бокалы.

— За здоровье, силу... и удачу, — сказал я.

Она кивнула. Мы выпили.

Когда мы принялись за превосходный паштет, Джозелла спросила:

— Что, если бы сейчас вдруг вернулся владелец всего этого?

— Мы объяснили бы ему... и он был бы только благодарен за то, что кто-то может сказать ему, где какая бутылка и так далее... Но вряд ли это случится.

— Пожалуй, — согласилась она, подумав. — Да, пожалуй. Боюсь, что это вряд ли случится. А интересно... — Она оглядела комнату. Ее взгляд остановился на белом цоколе с рифленой облицовкой. — Вы не включали радио?.. Ведь это радио, не правда ли?

— Это и радио и телевизор, — ответил я. — Но он не работает. Нет тока.

— Ну конечно, я забыла. Наверно, мы долго еще будем забывать такие вещи.

— Но я включал другой приемник, когда выходил. На батарейках. И ничего В эфире тишина, как в могиле.

— И это значит, что везде как у нас?

— Боюсь, что да. Пищит кто-то морзянкой на сорока двух метрах, и больше ничего. Нет даже несущей частоты, хотел бы я знать, кто он и где находится этот бедняга.

— Будет... будет очень тяжело, да, Билл?

— Будет... Нет, я не желаю омрачать этот обед. — сказал я. — Делу время, потехе час... а в будущем нас совершенно определенно ждет дело. Давайте поговорим о чем-нибудь более интересном. Например, сколько раз вы были влюблены и почему до сих пор не замужем... или вы замужем? Сами видите, как мало я знаю. Вашу биографию, будьте так любезны.

— Ну что же, — сказала она. — я родилась в трех милях отсюда, и моя мать была этим очень недовольна.

Я поднял брови.

— Видите ли, она твердо решила, что я буду американкой. Но когда за нею приехали, чтобы отвезти на аэродром, было уже поздно. Она была весьма импульсивной... Думаю, это передалось и мне.

Она продолжала болтать. Ничего примечательного не случилось в ее ранние годы, но, по-моему, ей нравилось вспоминать о них и на время отвлечься от нашего положения. А мне нравилось слушать ее, как она болтает о знакомых и забавных вещах, которые уже исчезли их этого мира. Мы с легкостью прошли через ее детство, через школьные годы и "выход в свет", если это выражение еще что-нибудь значило.

— Когда мне исполнилось девятнадцать, я едва не вышла замуж, — призналась она. — И как же я рада сейчас, что из этого ничего не получилось! Тогда я, конечно, думала по-другому. У меня была ужасная ссора с папой, который все это расстроил. Он-то ведь сразу понял, что Лайонель просто слигад и...

— Кто? — прервал я ее.

— Слигад. Вроде как помесь слизняка и гада, этакий светский тунеядец. Так вот, я порвала с семьей и ушла жить к одной своей подруге, у которой была квартира. Тогда семья перестала давать мне деньги. Это было очень глупо, так как могло привести совсем не к тем результатам, на которые они рассчитывали. Не случилось же этого просто потому, что образ жизни всех моих знакомых де-

вушек, вступивших на такую стезю, показался мне очень уж утомительным. Слишком мало радостей, ужасное количество скандалов из ревности, которые приходится улаживать... и слишком много расчета. Вы не поверите, сколько им приходилось рассчитывать, чтобы удерживать при себе одного-двух запасных партнеров... — Она задумалась.

— Это неважно, — заметил я. — Общую мысль я уловил. Вы просто не хотели никаких партнеров.

— Вы не лишены интуиции. В общем я все равно не могла оставаться нахлебницей у подруги, где я жила. Мне нужно было зарабатывать, и тогда я написала книгу.

Мне показалось, что я ослышался.

— То есть вы сделали компиляцию?

— Я написала книгу. — Она взглянула на меня и улыбнулась. — Должно быть, я страшно тупая на вид — так на меня глядели все, когда я говорила, что пишу книгу. Заметьте, книга получилась не такая уж хорошая... Я хочу сказать, не такая, как у Олдоса, или Чарлза, или других людей в этом роде. Но свое дело она сделала. Я не стал осведомляться; какого из всех мыслимых Чарлзов она имеет в виду. Я просто спросил:

— Вы хотите сказать, что она была издана?

— О да. И она принесла мне много денег. Право на экранизацию...

— Что же это за книга? — спросил я с любопытством.

— Она называется "Мои похождения в мире секса".

Я вытаращил глаза, затем хлопнул себя по лбу.

— Джозелла Плэйтон, ну конечно! Я никак не мог вспомнить, где я слышал ваше имя. Так это вы написали ту штуку? — добавил я недоверчиво.

Не знаю, почему я не вспомнил раньше. Ее фотографии были всюду (не очень хорошие фотографии, как я теперь убедился), и всюду была эта книга. Две крупные библиотеки наложили на нее запрет, скорее всего просто из-за названия. После этого успех ей был обеспечен, и книга стала продаваться сотнями тысяч экземпляров. Джозелла хихикнула. Я был рад, что ей смешно.

— О боже, сказала она. — Вы на меня глядите совершенно как все мои родственники.

— Не могу им ставить этого в вину, — заметил я.

— А вы ее читали?

Я покачал головой. Она вздохнула.

— Смешной народ. Вам известны только название и реклама, и вы уже шокированы. А в действительности это такая безобидная маленькая книжечка. Смесь незрелой искушенности и розовой романтики с пятнышками девичьего румянца. Но с названием мне повезло.

— Тоже мне везенье, — сказал я. — Да еще имя поставили свое настоящее.

— Это было ошибкой, — согласилась она. — Издатели убедили меня, что так будет лучше для рекламы. Со своей точки зрения, они были правы. Я приобрела скандальную известность. Меня прямо распирало от смеха, когда люди в ресторанах и прочих местах осторожно разглядывали меня — как видно, им было трудно связать воедино то, что они видели, и то, что они думали. Ко мне на квартиру стали регулярно наведываться всякие личности, которые мне совсем не нравились, и, чтобы избавиться от них, я снова вернулась домой: я ведь уже доказала, что могу прожить самостоятельно. Впрочем, книга все-таки подпортила мою репутацию. Оказалось, люди склонны воспринимать ее название буквально. По всей видимости, я была навек обречена отбиваться от людей, которых терпеть не могла... а те, которых я была готова терпеть, были либо напуганы, либо шокированы. Больше всего меня раздражало, что книга даже не была безнравственной. Она была просто глупой, и разумным людям следовало бы понимать это.

Она промолчала. Мне пришло в голову, что разумные люди сочли просто глупой и самого автора, но я не стал говорить этого вслух. Все мы в молодости творили безрассудства, о которых потом неприятно вспоминать, но поступки, имеющие следствием финансовый успех, люди почему-то не склонны рассматривать как безрассудства молодости.

— Из-за этого все как-то пошло прахом, — пожаловалась она. — Я принялась за новую книгу, чтобы выправить положение. Но я рада, что так и не закончила ее. Она получилась резковатой.

— И название такое же волнующее? — спросил я.

Она покачала головой.

— Я собиралась назвать ее "Здесь покинутая".

— Гм... Да, в нем, конечно, уже нет той изюминки, — сказал я. — Цитата?

— Да, — кивнула она. — Из мистера Конгрива: "Здесь покинутая дева отдыхает от любви".

— Э... А... — сказал я и на несколько минут погрузился в размышления.

— А теперь, — предложил я, — настало, мне думается, время составить вчерне план наших действий. Если разрешите, я хотел бы высказать несколько общих соображений.

Мы развалились в чрезвычайно комфортабельных креслах. На низком столике между нами стояла кофеварка. Перед Джозеллой была крошечная рюмка с куантро. Пузатый плутократический бокал с лужицей бесценного бренди был передо мной. Джозелла выпустила струйку дыма и пригубила из рюмки. Смакуя, она проговорила:

— Интересно, доведется ли нам когда-нибудь еще раз ощутить вкус свежих апельсинов? Ладно, валяйте.

— Так вот, — сказал я. — Положение не блестящее. Нам нужно поскорее убираться отсюда. Если не завтра, то послезавтра. Уже сейчас можно представить себе, что здесь произойдет. Пока еще есть вода в резервуарах. Скоро она кончится. Весь город будет вонять, как гигантская сточная канава. На улицах уже появились трупы, с каждым днем их будет все больше. — Я увидел, как она содрогнулась. Я совсем забыл, что кое-какие из моих общих соображений могут жестоко задеть ее. Я поспешно продолжал: — Это может вызвать холеру, тиф и бог знает что еще. Важно уехать отсюда раньше, чем начнется что-нибудь в этом роде.

Она согласно кивнула.

— Тогда следующий вопрос, по-видимому, таков: куда мы едем? У вас есть какие-нибудь предложения? — спросил я.

— Ну... Мне кажется, надо найти место, где мы, грубо говоря, не будем путаться под ногами. С надежным водоснабжением, например, с колодцем. И еще хорошо бы, чтобы это было где-нибудь на возвышенности... где всегда бы дули свежие, чистые ветры.

— Правильно, — сказал я. — О свежих, чистых ветрах я не подумал, но вы правы. Вершина холма с надежным водоснабжением — такое местечко найти не так-то просто. — Я подумал секунду. — Лэйк-дистрикт? Нет, слишком далеко. Может быть, Уэльс? Или, возможно, Эксмур, или Дартмур, или уж сразу Корнуолл? Где-нибудь на Лэндс Энде у нас будет по преимуществу юго-западный ветер прямо с Атлантики, ничем не зараженный. Но это тоже очень далеко. Нам ведь придется зависеть от городов, когда снова можно будет посещать их без опаски.

— Как насчет Суссекского Даунса? — предложила Джозелла. — Я знаю, там, на северной стороне, славный старый фермерский дом, прямо напротив Пулборо. Он, правда, не на вершине холма, но довольно высоко на склоне. Там есть ветряной насос для воды, и я думаю, они там вырабатывают собственное электричество. Они все там переделали и модернизировали.

— Действительно, идея заманчивая. Но это слишком близко к населенным местам. Вы не думаете, что нам следовало бы убраться еще дальше?

— У меня на этот счет есть сомнения. Сколько пройдет времени, прежде чем можно будет снова вернуться в города?

— Не имею никакого представления, — признался я. — Думаю, что-нибудь около года... Такой срок наверняка достаточно велик, как по-вашему?

— Понятно. Но вы же сами говорили: если мы заедем слишком далеко, нам будет очень не просто получать из городов снабжение.

— Это, конечно, мысль, — согласился я.

Мы временно оставили вопрос о будущей резиденции и перешли к разработке деталей переезда. Мы решили, что утром прежде всего раздобудем грузовик — вместительный грузовик, и стали составлять список материальных благ, которые в него погрузим. Если мы успеем погрузиться, то выедем завтра же вечером, а если нет — этот вариант представлялся более вероятным, потому что список все увеличивался, — то мы рискнем остаться в Лондоне еще на одну ночь и отправимся послезавтра утром.

Было уже около полуночи, когда мы кончили добавлять к списку необходимого свои личные пожелания. В резуль-

тате получилось нечто вроде каталога универсального магазина. Но даже если это занятие послужило лишь для того, чтобы отвлечь на время наши мысли от самих себя, оно стоило затраченного времени.

Джозелла зевнула и поднялась.

— Спать хочется, — сказала она. — И меня ждут шелковые простыни этого ложа любви.

Казалось, она плыла над толстым ковром. Положив ладонь на дверную ручку, она остановилась и с важным видом оглядела себя в большом зеркале.

— Было очень славно, — сказала она и послала своему отражению воздушный поцелуй.

— Спокойной ночи, сладкое суетное видение, — пробормотал я.

Она обернулась с легкой улыбкой и затем исчезла за дверью, как облако тумана.

Я плеснул в бокал последнюю каплю бренди, согрел в ладонях и выпил.

Никогда, никогда в жизни ты не увидишь больше такого зрелища, сказал я себе. Sic transit...".[1]

И, не дожидаясь, пока тяжкое отчаяние овладеет мной, я отправился в свою скромную постель.

Я уже покоился в блаженном полузабытье, когда раздался стук в дверь.

— Билл, — позвал голос Джозеллы. — Скорее идите сюда. Свет!

— Какой свет? — осведомился я, выбираясь из постели.

— В городе. Идите посмотрите.

Она стояла в коридоре, закутавшись в халат, который мог принадлежать только владелице той замечательной спальни.

— Боже милосердный! — нервно проговорил я.

— Не валяйте дурака, — раздраженно сказала она. — Идите и посмотрите на этот свет.

---

1 Так проходит... — начало латинского изречения *Sic transit gloria mundi* — так проходит земная слава. Здесь употребляется в значении: этим и кончилось. — *Прим. ред.*

Свет действительно был. Выглянув из окна на северо-восток, я увидел яркий неподвижный луч, скорее всего прожекторный, направленный прямо в зенит.

— Это означает, должно быть, что там кто-то зрячий, — сказала она.

— Должно быть, — согласился я.

Я попробовал определить, где находится прожектор, но не смог из-за темноты. Не слишком далеко, я был уверен, и основание луча как бы висело в воздухе — это, вероятно, означало, что прожектор установлен на высоком здании. Я заколебался. Мысль попытаться отыскать туда путь по улицам, погруженным в кромешный мрак, представлялась мне далеко не привлекательной. Кроме того, возможно было — весьма мало вероятно, но все-таки возможно, — что это западня. Даже слепой человек, достаточно умный и отчаянный, мог оказаться в состоянии смонтировать такую штуку на ощупь.

— Лучше оставим это до завтра, — решил я.

Я нашел пилку для ногтей и опустился перед окном на корточки так, чтобы мои глаза были на уровне подоконника. Кончиком пилки я старательно провел по краске прямую линию, обозначив точное направление на луч. Затем я вернулся в свою комнату.

Час или больше я лежал, не смыкая глаз. Ночь усилила тишину над городом и прибавила тоски нарушающим ее звукам. Время от времени с улицы поднимался гомон голосов, раздраженных и ломающихся от истерии. Однажды послышался леденящий душу визг, который, казалось, упивался освобождением от оков разума. Неподалеку кто-то тихо рыдал, бесконечно и безнадежно. Дважды я слыхал отчетливый треск одиночных пистолетных выстрелов... И я от всего сердца вознес благодарность случаю, который свел меня с Джозеллой и избавил от одиночества.

Полное одиночество было самым страшным состоянием, какое я мог тогда себе представить. Один был ничем. Содружество означало цель, а цель помогала держать на привязи мрачные ужасы.

Я старался заглушить ночные крики мыслями обо всем, что нужно будет сделать завтра и послезавтра, и еще через день, и во все последующие дни; догадками о том, что мо-

жет означать прожекторный луч и какое влияние он окажет на нас. Но рыдания продолжались, они не давали забыть о том, что я видел сегодня и что я увижу завтра...

Отворилась дверь, и я сел в постели, охваченный внезапной тревогой. Это была Джозелла с горящей свечой. Глаза у нее были огромные и темные, и она плакала.

— Я не могу заснуть, — сказала она. — Я боюсь... ужасно боюсь. Вы их слышите... всех этих несчастных? Я не вынесу этого...

Она пришла, ища утешения, как ребенок. Не думаю все же, чтобы она нуждалась в утешении больше, чем я сам.

Она заснула раньше меня, положив голову мне на плечо.

Воспоминания о прошедшем дне все еще не давали мне покоя. Но рано или поздно человек засыпает. Последнее, что я вспомнил, был нежный девичий голос, певший балладу Байрона.

6. ВСТРЕЧА

Проснувшись, я услыхал, что Джозелла уже возится на кухне. Мои часы показывали около семи. К тому времени, когда я побрился с холодной водой и оделся, по всей квартире уже пахло поджаренным хлебом и кофе. Когда я вышел в кухню, Джозелла держала сковородку над керосинкой. Она была преисполнена самообладания, которое совсем не ассоциировалось с испуганной фигуркой минувшей ночи. И движения ее были весьма деловиты.

— Боюсь, молоко у нас будет консервированное, — сказала она. — Холодильник не работает. Впрочем, все остальное в порядке.

На мгновение мне было трудно поверить, что эта скромно и практично одетая девушка и есть вчерашнее видение с великосветского бала. На ней были темно-синий лыжный костюм, грубые носки с белым верхом и крепкие башмаки. На черном кожаном ремне вместо посредственного ножа, которым я ее вооружил вчера, висел отличный охотничий кинжал.

Не знаю, в какой одежде я ожидал ее увидеть и думал ли я об этом раньше вообще, но ее вид произвел на меня большое впечатление.

— Подходяще, как вы думаете? — спросила она.

— Замечательно, — уверил я ее. Затем я оглядел себя. — Мне бы тоже следовало подумать об этом. Этот джентльменский наряд, — добавил я, — не совсем пригоден в нынешних обстоятельствах.

— Да, вы могли бы одеться получше, — честно согласилась она, взглянув на мой измятый костюм. — Этот свет прошлой ночью, — продолжала она, — был с Университетской башни. Я, во всяком случае, в этом уверена. Больше в том направлении нет ничего заметного. И расстояние тоже подходит.

Я отправился в ее комнату и посмотрел вдоль царапины, которую провел на подоконнике. Она действительно указывала прямо на башню. И я увидел кое-что еще. На башне развевались два флага. Будь там один флаг, это могло оказаться простой случайностью, но два явно означали сигнал: дневной эквивалент прожекторного луча. За завтраком мы решили отложить выполнение нашей программы и прежде всего обследовать башню.

Мы вышли из квартиры примерно через полчаса. Как я и надеялся, наш автофургон, стоявший на середине улицы, избег внимания мародеров. Не откладывая дела в долгий ящик, мы бросили чемоданы, добытые Джозеллой, в кузов рядом с противотриффидным снаряжением и тронулись в путь.

Людей было мало. Вероятно, усталость и похолодание воздуха подсказали им вчера, что наступила ночь, и пока лишь некоторые вышли из своих ночных убежищ. Теперь они старались держаться ближе к водосточным канавам, а не к стенам, как вчера. Многие из них имели трости или обломки дерева, которыми они простукивали путь вдоль обочины тротуаров. Ходить так было гораздо легче, нежели вдоль стен с их дверями и выступами, а стук уменьшал опасность столкновения.

Мы продвигались без особых трудностей и вскоре свернули на пустынную Стор-стрит, в конце которой перед нашими глазами выросла Университетская башня. Джозелла сразу сказала:

— Осторожно. По-моему, у ворот что-то творится.

Она была права. Подъехав ближе, мы обнаружили перед Университетом довольно изрядную толпу. Вчерашний день наделил нас неприязнью к толпам. Я резко свернул в Гауэр-стрит, проехал метров пятьдесят и остановил машину.

— Как вы думаете, что там происходит? Попробуем узнать или уберемся подобру-поздорову? — спросил я.

— Я за то, чтобы узнать, — быстро ответила Джозелла.

— Отлично. Я тоже.

— Я помню этот район, — добавила Джозелла. — За этими домами есть садик. Если забраться туда, можно наверняка все увидеть, ни во что не вмешиваясь.

Мы вышли из машины и принялись разглядывать нижние этажи ближайших зданий. В третьем доме обнаружилась открытая дверь. Проход вел прямо в садик. Это место выглядело странно, потому что большая его часть располагалась на уровне подвалов, то есть ниже уровня соседних улиц, но дальний его участок, ближайший к университету, поднимался и образовывал своего рода террасу, отделенную от дороги высокими железными воротами и низенькой оградой. Из-за ограды доносился шум толпы. Мы пересекли лужайку, поднялись по гравиевой дорожке и устроились наблюдать, укрывшись за кустами.

Толпа на дороге перед воротами университета состояла, должно быть, из нескольких сотен мужчин и женщин. Она была больше, чем можно было судить по ее шуму, и я впервые осознал, насколько толпа слепых молчаливее и пассивнее такой же толпы зрячих. Это, разумеется, естественно, ибо чтобы ориентироваться в происходящем, им приходится полагаться почти исключительно на слух, так что все заинтересованы в молчании каждого; но понял я это только теперь.

События развертывались прямо перед нами. нам удалось найти небольшое возвышение, с которого мы могли видеть университетские ворота поверх голов толпы. Человек в кепке что-то многословно доказывал другому человеку, стоящему по ту сторону решетчатых ворот. По всей вероятности, его доказательства успеха не имели, так как собеседник в ответ только отрицательно качал головой.

— Что там такое? — шепотом спросила Джозелла.

Я помог ей устроиться рядом с собой. Говоривший повернулся, и мы увидели его профиль. Ему было, насколько я мог судить, лет тридцать, у него были прямой узкий нос и впалые щеки; волосы, выбивавшиеся из-под кепки, были темные. Но внимание привлекала не столько его наружность, сколько напряженность, которая ощущалась в каждом его движении.

По мере того как переговоры продолжались, не давая никаких результатов, его голос становился все громче и выразительнее. Впрочем, на собеседника это не производило впечатления. Было очевидно, что человек по ту сторону ворот был зрячим: он настороженно поглядывал сквозь очки в роговой оправе. В нескольких шагах позади него стояли еще трое, тоже, несомненно, зрячие. Они тоже глядели на толпу и ее предводителя с тем же настороженным вниманием. Человек в кепке начал горячиться. Голос его возвысился, как если бы он говорил теперь, обращаясь не только к людям за ограждением, но и к толпе.

— Да послушайте же меня! — сердито вскричал он. — Эти вот люди имеют столько же права жить, как и вы. Разве не так, черт подери? Они не виноваты, что ослепли. Разве не так? Никто здесь не виноват. Но если они погибнут от голода, виноваты будете вы, и вам это прекрасно известно.

Я показывал им, где взять еду. Я делал для них все, что мог, но, Господи Иисусе, я ведь один, а их тысячи! Вы бы тоже могли показывать им, где еда, но разве вы это делаете? Черта с два! Вам на них наплевать! Вы заботитесь только о своих шкурах. Я видел таких, как вы. У вас один символ веры: "Провалитесь все к чертям, лишь бы мне было хорошо".

Он презрительно сплюнул и ораторским жестом простер руку.

— Там, — сказал он, — там, в Лондоне, тысячи несчастных людей. Им нужно только, чтобы кто-нибудь показал, как взять еду, которая лежит у них под носом. Вы могли бы делать это. Единственное, что от вас требуется, это просто показать им. А вы? Что вы делаете, подонки? Вы помогаете им? Нет, вы заперлись здесь, и пусть все они подыхают с голоду, а между тем каждый из

вас мог бы спасти сотни людей, и для этого нужно всего-навсего выйти и показать беднягам, где взять жратву. Боже всемогущий, да есть ли в вас что-либо человеческое?

Он говорил яростно. Он знал, в чем обвинять, и обвинял он страстно. Я почувствовал, как пальцы Джозеллы бессознательно впились в мой локоть, и я положил ладонь на ее руку. Человек по ту сторону ворот сказал что-то, чего мы не расслышали.

— На сколько времени? — закричал человек в кепке. — Да откуда мне знать, черт вас подери совсем, на сколько времени хватит еды? Я знаю только, что если недоноски вроде вас не возьмутся за дело и не начнут помогать, мало кто останется в живых к тому времени, когда сюда придут, чтобы привести в порядок все это проклятое безобразие. — Секунду он стоял, свирепо глядя на собеседника. — Факт тот, что вы боитесь. Вы боитесь показать им, где еда. А почему? Потому что чем больше эти бедняги съедят, тем меньше останется для вашей шайки. В этом все дело. Что, не так? Вот она, правда, только у вас нет смелости признать это.

Мы снова не расслышали ответа собеседника; впрочем, очевидно было, что оратору этот ответ не понравился. В течение секунды он мрачно смотрел сквозь решетку. Затем он сказал:

— Ладно. Вы сами хотели этого.

С молниеносной быстротой он вцепился в руку собеседника, вытянул ее между прутьями решетки на свою сторону и вывернул. Схватив за руку стоявшего рядом слепого мужчину, он зажал ее на запястье собеседника.

— Держи крепче, парень, — сказал он и прыгнул к замку на воротах.

Человек в очках оправился от неожиданности. Он изо всех сил ударил свободной рукой через прутья позади себя. Этот удар наудачу пришелся слепому в лицо. Тот вскрикнул и сжал руку еще крепче. Предводитель ломал замок. В этот момент треснул винтовочный выстрел. Пуля щелкнула в решетку и с жужжанием рикошетировала. Предводитель в нерешительности остановился. За его спиной раздались проклятия, женский визг. Толпа качнулась взад и вперед, словно не зная, бежать прочь или ринуться на штурм ворот. Решение за нее приняли те трое

во дворе за ограждением. Я увидел, как молодой человек что-то выдернул из-под руки, и я упал ничком, опрокинув рядом Джозеллу, когда застучала автоматная очередь.

Было очевидно, что стрелявший наугад взял слишком высокий прицел; тем не менее грохот выстрелов и визг пуль произвели впечатление. Одной короткой очереди оказалось достаточно, чтобы все кончилось. Когда мы подняли головы, толпа уже потеряла монолитность. Слепые люди постепенно разбредались, торопясь уйти подальше от ворот. Предводитель задержался, чтобы крикнуть что-то неразборчивое, затем повернулся и тоже пошел прочь. Он направился на север по Мэлит-стрит, стараясь снова собрать и построить за собой своих последователей.

Я сел и взглянул на Джозеллу. Она задумчиво посмотрела на меня, затем опустила глаза и уставилась в землю. Прошло несколько минут, прежде чем мы заговорили.

— Ну? — сказал я наконец.

Она подняла голову и посмотрела на дорогу, на последних отставших от толпы, разбредающихся по переулкам.

— Он был прав, — сказала она. — И вы знаете, что он был прав. Ведь верно?

Я кивнул.

— Да, он был прав... И все-таки он был и совершенно не прав. Понимаете, никто никогда не придет, "чтобы привести в порядок все это безобразие". Теперь я в этом совершенно уверен. Порядка больше не будет. Мы могли бы поступить, как он требует. Мы могли бы пойти и показывать некоторым — правда, только немногим — из этих людей, где еда. Мы могли бы делать это несколько дней, ну, может быть, недель. А потом? Что потом?

— Это так страшно, так жестоко...

— Если глядеть фактам в лицо, альтернатива очень простая, — сказал я. — Или уехать отсюда, чтобы спасти все, что можно спасти от гибели, в том числе и самих себя; или посвятить себя тому, чтобы еще хоть ненадолго продлить жизнь этих людей. Это самый объективный взгляд на вещи, который мне доступен. Но я знаю также, что, очевидно, гуманный путь является также скорее всего и дорогой к самоубийству. Должны ли мы тратить время

на продление страданий, если мы уверены, что в конечном счете шансов спасти этих людей нет никаких? Лучший ли это способ применить свои силы?

Она медленно кивнула.

— Да, пожалуй, выходит, что выбирать не из чего. И даже если бы мы могли спасти некоторых, то кого для этого выбрать? И кто мы такие, чтобы выбирать? И вообще как долго мы смогли бы это делать?

— Все здесь страшно сложно, — сказала я. — Я не знаю, сколько слепых сможет содержать один зрячий, когда кончатся готовые припасы, но не думаю, чтобы уж очень много.

— Вы уже все решили, — сказала она, взглянув на меня. Мне почудилось, будто в ее голосе прозвучала нотка неодобрения.

— Милая девушка, — сказал я. — Все это наравится мне не больше, чем вам. Я прямо изложил вам альтернативу. Что мы выберем? Поможем строить новую жизнь тем, кто избежал катастрофы? Или сделаем моральный жест, который вряд ли станет чем-либо большим, нежели жестом. Люди на той стороне дороги, очевидно, решили выжить.

Она погрузила пальцы в песок, затем высыпала песок из ладони.

— Я думаю, вы правы, — сказала она. — Но вы правы и в том, что мне это не нравится.

— Наши "нравится" и "не нравится" больше не имеют никакого значения, — отозвался я.

— Может быть, и так, но во всяком деле, которое начинается со стрельбы, есть, по-моему, что-то скверное.

— Он ведь стрелял в воздух, — заметил я. — И очень возможно, что предотвратил свалку.

Из толпы уже никого не осталось. Я перелез через ограду и помог перебраться Джозелле. Человек у ворот приоткрыл створку, чтобы впустить нас.

— Сколько вас? — спросил он.

— Всего-навсего двое, — ответил я. — Мы видели ночью ваш сигнал.

— О'кэй. Пошли к Полковнику, — сказал он и повел нас через двор.

Тот, кого он назвал Полковником, располагался в небольшой комнатушке неподалеку от входа, вероятно, бывшей швейцарской. Это был круглолицый человек лет пятидесяти или около того. Волосы у него были густые, но седые и аккуратно подстриженные. Такими же седыми и аккуратными были его усы, и казалось, ни один волосок в них не посмел бы нарушить строй. Лицо его было розовым, здоровым и свежим, в пору молодому человеку; как я узнал позже, в пору молодому человеку была его голова. Он сидел за столом с большим количеством бумаг, уложенных в абсолютно ровные пачки; перед ним лежал чистый розовый лист промокательной бумаги.

Когда мы вошли, он устремил сначала на меня, затем на Джозеллу внимательный твердый взгляд и смотрел на нас несколько дольше чем необходимо. Я сразу раскусил эту технику. Она призвана внушить вам, что вы стоите перед опытным судьей, привыкшим оценивать людей с первого взгляда; вы должны почувствовать, что стоите перед надежным человеком, безо всяких там глупостей — или, при иных обстоятельствах, что вас видят насквозь и знают все ваши слабости. Правильной реакцией является такой же взгляд в ответ, тогда в вас признают "дельного парня". Так я и сделал. Полковник взял перо.

— Ваши фамилии?

Мы назвали себя.

— Адреса?

— Боюсь, что в нынешних обстоятельствах они вряд ли понадобятся, — сказал я. — Но если вы считаете, что должны их знать...

Мы дали свои адреса.

Он пробормотал что-то о системе, организации и родственниках и записал. Затем последовали вопросы о возрасте, профессии и так далее. Он снова обратил на нас испытующий взгляд, нацарапал на каждой анкете еще несколько слов и сложил анкеты в пачку.

— Нужны дельные люди. Дело дрянь. Работы здесь много. Очень много. Мистер Бидли скажет вам, что надо.

Мы вернулись в вестибюль. Джозелла усмехнулась.

— Он забыл спросить у нас рекомендации в трех экземплярах, — сказала она, — но на работу мы, кажется, приняты.

Микаэль Бидли, когда мы нашли его, оказался совсем не похожим на Полковника. Он был высокий, худой, широкоплечий и немного сутулый; было в нем что-то от атлета, занявшегося интеллектуальным трудом. Во время отдыха его лицо с большими черными глазами принимало меланхолическое выражение, но редко кому случалось видеть его на отдыхе. Судить о его возрасте по седым прядям в шевелюре было невозможно. Ему могло быть сколько угодно от тридцати пяти до пятидесяти. В то время он был сильно измотан, и из-за этого определить его возраст было еще труднее, по-видимому, он был на ногах всю ночь; тем не менее он поздоровался с нами весело и представил нам молодую женщину, снова записавшую наши имена, когда мы назвали себя.

— Сандра Тельмонт, — объяснил он. — Сандра является нашим профессиональным запоминателем — она работала в кино монтажницей, и в том, что она с нами, мы видим заботливую руку судьбы.

Молодая женщина кивнула мне и посмотрела на Джозеллу более пристально.

— Мы с вами встречались, — сказала она задумчиво. Она взглянула на блокнот, который держала на колене. Затем на ее милой, но очень обыкновенной физиономии появилась слабая улыбка.

— О да, конечно, — проговорила она.

— Вот видите? — сказала Джозелла, обращаясь ко мне. — Мне теперь от этого не отделаться, как от липучки для мух.

— В чем дело? — спросил Микаэль Бидли.

Я объяснил. Он посмотрел на Джозеллу более внимательно. Она вздохнула.

— Пожалуйста, забудем об этом, — попросила она. — Я уже немного устала переживать это.

Ее слова вызвали у него добродушное удивление.

— Ладно, — сказал он и кивнул. Затем он повернулся к столу. — Теперь о деле. Вы видели Джэйкса?

— Это Полковник, который играет в Гражданские Власти? — спросил я. — Видели.

Он ухмыльнулся.

— Должен знать, что мы и как. Ни шагу, пока не знаешь, как с пайком, — произнес он, имитируя манеру Пол-

ковника. — Впрочем, это совершенно верно, — продолжал он. — Давайте я коротко опишу вам, что мы и как. Нас здесь сейчас тридцать пять человек. Люди разные. Зрячих из них восемь. Остальные слепые — жены и мужья и двое или трое детишек. В настоящий момент главная идея состоит в том, что завтра мы отсюда уезжаем, если успеем подготовиться... Чтобы уйти, как говорится, от греха подальше.

Я кивнул.

— Мы тоже решили убраться этим вечером и по той же причине.

— Какой у вам транспорт?

Я рассказал о нашем фургоне.

— Сегодня мы собирались погрузиться, — добавил я. — Пока у нас нет практически ничего, кроме целого арсенала противотриффидного снаряжения.

Он поднял брови. Сандра тоже с любопытством взглянула на меня.

— Странные вещи вы берете как предметы первой необходимости, — заметил он.

Я объяснил ему причину. Объяснил, видимо, скверно, потому что это не произвело на них впечатления. Он рассеянно кивнул и продолжал:

— Итак, поскольку вы соединились с нами, я предлагаю вот что. Приведите сюда свою машину, разгрузитесь, затем поезжайте и смените ее на хороший большой грузовик. Затем... Да! Кто-нибудь из вас разбирается в медицине?

Мы покачали головами. Он нахмурился.

— Жаль. У нас до сих пор нет ни одного человека, причастного к медицине. Между тем я буду очень удивлен, если нам скоро не понадобится доктор — например, всем нам нужно сделать прививки... Значит, посылать вас в набег на аптекарские склады не стоит. Как насчет продуктов и ширпотреба? Подойдет вам?

Он порылся в бумагах, скрепленных скрепкой, вытянул листок и протянул мне. На листке под номером 15 был напечатал на машинке список консервированных продуктов, кастрюль, сковородок и постельных принадлежностей.

— Наименования даны ориентировочно, — сказал он, — но все-таки старайтесь по возможности держаться их, тог-

да мы избегнем ненужного дублирования. Берите все лучшего качества. Когда будете брать продукты, обращайте внимание на объем; скажем, о кукурузных хлопьях забудьте, даже если они самое любимое ваше блюдо. Держитесь оптовых складов и крупных магазинов. — Он отобрал у меня лист и нацарапал на нем несколько адресов. — Из продовольствия за вами консервы и фасованные товары. Например, не дайте себе увлечься мешками с мукой — этим занимается другая группа. — Он задумчиво поглядел на Джозеллу. — Боюсь, это будет тяжелая работа. Но это самое полезное дело, какое мы можем вам сейчас предложить. Постарайтесь как можно больше сделать до темноты. Сегодня вечером в девять тридцать будет общее собрание и дискуссия.

Мы повернулись, чтобы идти. Он остановился нас.

— У вас есть пистолет?

— Об этом я не подумал, — признался я.

— Лучше иметь на всякий случай. Достаточно стрелять просто в воздух, — сказал он, достал из ящика стола два пистолета и протянул нам. — Все-таки не так противно, как это, — добавил он, поглядев на кинжал у Джозеллы на поясе. — Счастливого грабежа.

К тому времени, когда мы разгрузили фургон и выехали, мы обнаружили, что людей на улицах еще меньше, чем вчера. При звуках двигателя они теперь не пытались остановить нас, а торопливо отходили на тротуары.

Первый приглянувшийся нам грузовик оказался бесполезен, потому что был нагружен деревянными контейнерами, снять которые было бы нам не под силу. Следующая находка была более счастливой — пятитонка, почти новая и пустая. Мы пересели в нее и поехали, бросив фургон на произвол судьбы.

Железные шторы пакгауза по первому адресу в моем списке были опущены, но без особых трудностей поддались нажиму ломика из соседней лавочки и закатились вверх. Внутри мы обнаружили находку. У платформы стояли три грузовика. Один из них был загружен ящиками с мясными консервами.

— Вы смогли бы вести такую машину? — спросил я Джозеллу.

Она поглядела.

— Почему бы и нет? Общий принцип тот же, верно? И уличного движения никакого.

Мы решили вернуться за грузовиком позже и поехали на пустой машине к другому складу, где погрузили свертки одеял и пледов, затем поехали дальше, чтобы забрать звонкую груду кастрюль, сковородок, котелков и чайников. Управившись с этим, мы почувствовали, что поработали здорово и что работа оказалась тяжелее, чем мы предполагали. Разыгравшийся аппетит мы утолили в маленьком кабачке, до сих пор нетронутом.

Атмосфера в деловых и коммерческих кварталах была мрачной, хотя мрачной скорее в стиле обычного воскресного или праздничного дня, чем бедствия. Людей здесь почти не было. Если бы катастрофа разразилась днем, а не ночью, когда все служащие уже разошлись по домам, картина здесь была бы чудовищной.

Подкрепившись, мы забрали из пакгауза грузовик с консервами и медленно, без всяких приключений повели оба грузовика к университету. Мы оставили их во дворе и снова отправились на добычу. Около половины седьмого мы снова вернулись со второй парой грузовиков и с приятным чувством выполненного долга.

Микаэль Бидли вышел, чтобы обследовать наш взнос. Он одобрил все, кроме дюжины ящиков, которые я поставил в кузов своего второго грузовика.

— Что в них? — спросил он.

— Противотриффидные ружья и припасы к ним, — ответил я.

Он недоуменно поглядел на меня.

— Ах да! Вы же явились с целым арсеналом.

— Они нам наверняка понадобятся, — сказал я.

Он подумал. Было ясно, что он считает меня слегка помешанным на триффидах. Наверно, он относил это за счет профессионального предубеждения, усиленного фобией, которая возникла в результате недавнего несчастного случая. Теперь он, конечно, подозревал меня в других, менее безобидных маниях.

— Послушайте, — сказал я, — мы с Джозеллой привели четыре полных грузовика. Мне нужно в одном из них место для этих ящиков. Если вы полагаете, что не

можете выделить мне его, я пойду и найду трейлер или другой грузовик.

— Нет, оставьте их там, где положили, — решил он. — Места они занимают немного.

Мы отправились в здание и попили чаю в импровизированной столовой, которую с большим знанием дела оборудовала миловидная женщина средних лет.

— Он думает, — сказал я Джозелле, — что я свихнулся на триффидах.

— Боюсь, что горький опыт научит его, — ответила она. — Странно, что никто, кроме нас, не встречался с ними.

— Эти люди находились в центральных районах, так что это не удивительно. Мы ведь тоже сегодня не видели ни одного.

— Они могут добраться по улицам сюда, как вы считаете?

— Трудно сказать. Может быть, отдельные заблудившиеся...

— Как они вырвались на волю?

— Так случается рано или поздно, когда они мечутся на привязи достаточно беспокойно и достаточно долго. А на наших фермах они прорывались так: наваливались всей кучей на какой-нибудь участок ограды и опрокидывали его.

— Неужели вы не могли сделать ограды прочнее?

— Могли, конечно, но мы же не держали их на фермах постоянно. Притом это случалось не так уж часто, а когда случалось, то обычно они просто вырывались из одного огороженного поля на другое. Мы загоняли их обратно и восстанавливали ограду. Я не думаю, что триффиды направятся сюда намеренно. Триффидам город должен представляться пустыней, и мне думается, что они двинутся наружу, в открытые поля. Вы когда-нибудь стреляли из противотриффидных ружей? — добавил я.

Она покачала головой.

— Я переоденусь во что-нибудь более подходящее, и мы попрактикуемся, если хотите, — предложил я.

Примерно через час я вышел к ней, чувствуя себя гораздо более удобно в костюме, представляющем некую модификацию ее идеи о лыжных брюках и прочных баш-

маках, и увидел на ней весенне-зеленое платье, которое было ей очень к лицу. Мы взяли пару ружей и отправились в садик на Рассел-сквер. Мы провели около получаса, отстреливая верхушки у подходящих кустарников, когда к нам по траве широким шагом приблизилась молодая женщина в кирпично-красной куртке и элегантных зеленых брюках. Остановившись в нескольких шагах, она направила на нас крошечный фотоаппарат.

— Вы кто? — спросила Джозелла. — Пресса?

— Почти, — ответила молодая женщина. — Я официальный летописец. Зовут меня Элспет Кэри.

— Так быстро? — заметил я. — Видна твердая рука нашего Полковника.

— Вы совершенно правы, — согласилась она. Затем она взглянула на Джозеллу. — А вы мисс Плэйтон. Я часто думала...

— Послушайте, — прервала ее Джозелла. — Почему даже в этом гибнущем мире меня судят по одной моей случайной ошибке? Нельзя ли забыть об этом?

— Хм, — сказала мисс Кэри задумчиво. — Угу. — Она переменила разговор: — Так что у вас здесь насчет триффидов.

Мы рассказали ей.

— Они думают, — сказала Джозелла, — что Билл свихнулся.

Мисс Кэри обратила на меня прямой взгляд. Лицо ее было скорее оригинальным, нежели миловидным, оно загорело под более жарким солнцем, чем наше северное. Карие глаза смотрели твердо и зорко.

— Но это не так? — сказала она.

— Видите ли, я полагаю, они могут натворить много бед, когда вырвуться на волю, и их следует принимать всерьез.

Она кивнула.

— Правильно. Я бывала в странах, где они на воле. Это очень скверно. Но в Англии... здесь я просто не могу себе этого представить.

— Остановить их сейчас некому, — сказал я.

Гул мотора в небе прервал наш разговор. Мы взглянули вверх и увидели над крышей Британского музея снижающийся вертолет.

— Это Айвен, — сказала мисс Кэри. — Он все-таки нашел машину. Мне надо пойти и заснять посадку. Увидимся позже. — И она заспешила через лужайку.

Джозелла легла на траву, заложив руки за голову, и стала смотреть в глубокое небо. Как только смолк мотор вертолета, наступила полная тишина.

— Не могу этому поверить, — сказала Джозелла. — Стараюсь изо всех сил, но не могу поверить по-настоящему. Так не может быть навсегда... навсегда... навсегда... Это что-то вроде сна. Завтра этот сад наполнится шумом. Помчатся мимо с ревом красные автобусы, заспешат по тротуарам прохожие, засверкают светофоры... Конец света не наступает вот так... не может... это невозможно...

Я ощущал примерно то же самое. Дома, деревья, нелепо-громоздкие отели на другой стороне Рассел-сквер — все было слишком привычным, слишком готовым при одном мановении вернуться к жизни...

— И все-таки мне кажется, — проговорил я, — что если бы динозавры были способны рассуждать, они в свое время подумали бы то же самое. Такие вещи случались уже не раз, наверно.

— Но почему именно с нами? Это словно в газетах, когда читаешь об удивительных событиях, которые произошли с какими-то другими народами... непременно с другими! Ведь мы такие обыкновенные.

— Разве не всегда люди спрашивали: "Почему именно со мной?" Был ли то солдат, оставшийся невредимым, когда все его товарищи погибли, или человек, которого посадили за подделку чеков. Просто слепой случай, я бы сказал.

— Случай, что это произошло вообще? Или что это произошло именно сейчас?

— Именно сейчас. Когда-нибудь это так или иначе должно было произойти. Это же противоестественно — считать, что один вид живых существ будет доминировать нечто.

— Не понимаю почему.

— Почему? — в этом весь вопрос. Но жизнь должна быть динамичной, а не статичной, такой вывод неизбежен. Так или иначе она должна меняться. Заметьте, я вовсе не

считаю, что с нами теперь покончено насегда, но попытка была очень основательная.

— Значит, вы не считаете, что это действительно конец... конец человечества?

— Может быть, и конец. Но... нет, этого я не считаю. Еще не сейчас.

Это могло быть концом. Тут я не сомневался. Но ведь должны были сохраниться и другие группы вроде нашей. Я видел пустой мир, по лицу которого рассыпаны крошечные общины, стремящиеся снова с боем овладеть этим миром. Я должен был верить, что по крайней мере некоторым удастся добиться цели.

— Нет, — повторил я. — Это не обязательно конец. Мы все еще умеем приспосабливаться, и у нас огромные преимущества по сравнению с нашими предками. И пока остаются в мире здоровые телом и духом, у нас всегда есть шанс... и очень неплохой!

Джозелла не ответила. Она лежала, обратив лицо к небу, с отрешенным выражением в глазах. Я подумал, что мог бы догадаться о том, что проходит перед ее мысленным взором, но промолчал. Через некоторое время она сказала:

— Вы знаете, едва ли не самое страшное — это то, с какой легкостью мы утратили мир, казавшийся таким устойчивым.

Она была совершенно права. Именно простота представлялась ядром этого ужаса. Мы забываем о силах, которые держат мир в равновесии, потому что хорошо знаем их, и безопасность является для нас нормой. Но это не так. Мне никогда раньше не приходило в голову, что преимущество человека определяется вовсе не наличием мозга, как это утверждают книги. Это преимущество следует из способности мозга усваивать информацию, которую несет узкий диапазон видимого света. Вся цивилизация человека, все, чего он достиг или мог достигнуть, висит как на ниточке на его восприимчивости к полоске вибраций от красной до фиолетовой. Без этого он погиб. На мгновение я осознал истинную призрачность его власти, все чудо свершенного им при помощи столь хрупкого инструмента.

Джозелла продолжала развивать свою мысль.

— Это будет очень странный мир... то, что от него осталось, — сказала она задумчиво. Я не думаю, что мы очень полюбим его.

Такая точка зрения показалась мне странной — как если бы кто-нибудь объявил, что он не любит умирать или что ему не нравится рождаться. Я предпочитал совсем иной поход: сначала выяснить, как это все будет, а затем всеми силами бороться против того, что мешает. Но спорить я не стал.

Время от времени мы слышали, как во двор университета въезжают грузовики. Очевидно, большинство снабженческих групп уже вернулось. Я взглянул на часы и потянулся за ружьями, лежавшими в траве подле меня.

— Если мы хотим поужинать, а потом послушать, что обо всем этом думают другие люди, — сказал я, — то самое время возвращаться.

7. КОНФЕРЕНЦИЯ

Я думаю, все мы ожидали, что на собрании нам просто коротко обрисуют положение и дадут точные инструкции на завтра. Время отправления, маршрут, задача дня и прочее. И я решительно не ожидал, что мы получим столько пищи для размышлений.

Собрание состоялось в небольшом лектории, освещенном для такого случая автомобильными фарами. Когда мы вошли, за кафедрой совещались несколько мужчин и женщин, которые, по-видимому, утвердили себя в качестве некоего комитета. К своему изумлению, мы обнаружили, что в зале собралось около сотни человек. В большинстве это были молодые женщины — примерно по четыре на каждого мужчину. Джозелла обратила мое внимание на то, что из женщин только немногие были зрячими.

В группе совещавшихся выделялся своим ростом Микаэль Бидли. Рядом с ним я узнал Полковника. Остальные были мне незнакомы за исключением Элспет Кэри, сменившей в интересах наших потомков фотоаппарат на

блокнот. Интерес комитета был сосредоточен на пожилом человеке в очках, с длинными седыми волосами.

Была еще одна женщина в этой группе, совсем молоденькая, лет двадцати двух или трех. Видимо, она испытывала неловкость от того, что не находилась вместе со всеми в зале. Время от времени она нервно и неуверенно поглядывала на аудиторию.

Вошла Сандра Тельмонт с огромным листом бумаги. Секунду она проглядывала этот лист, затем живо разогнала комитет по креслам. Взмахом руки она направила Микаэля на кафедру, и собрание началось.

Он постоял в ожидании, пока стихнут разговоры, слегка ссутулившись, глядя в зал темными глазами. Потом заговорил. У него были приятный тренированный голос и совершенно домашние манеры.

— Должно быть, многие из нас, — начал он, — все еще не оправились от впечатления, вызванного этой катастрофой. Мир, который мы знали, кончился в мгновение ока. Некоторые из нас, возможно, испытывают чувство, будто это конец всему. Это не так. Но я сразу скажу вам, что это может оказаться концом всему, если мы это допустим.

Как ни чудовищна эта катастрофа, мы все еще в состоянии пережить ее. Стоит, наверно, именно сейчас вспомнить, что в истории человечества не нам одним приходится быть свидетелями исполинских бедствий. О них дошли до нас только мифы, но не приходится сомневаться, что где-то в глубинах истории имел место Великий Потоп. Те, кто пережил его, были свидетелями катастрофы таких же масштабов, как наша, и в некоторых отношениях более ужасной. Но они не впали в отчаяние: они, должно быть, все начали сначала, как можем начать и мы.

Из жалости к себе и из патетики не построить ничего. Поэтому лучше будет, если мы сразу отрешимся от этих чувств, ибо мы должны стать именно строителями.

А чтобы выбить почву из-под ног любителей драматизировать, я позволю себе напомнить вот о чем. Нынешняя катастрофа даже сейчас не кажется мне самым худшим, что могло бы случиться. Я, а также, вероятно, и многие из вас большую часть жизни прожили в ожидании событий, гораздо более страшных. И я все еще верю, что

если бы не эта катастрофа, с нами случилось бы нечто худшее.

После шестого августа 1945 года шансы человечества поразительно уменьшились. Только позавчера они были меньше, чем в эту минуту. Если уж вам хочется драматизировать, возьмите лучше в качестве материала все годы после 1945-го, когда дорога безопасности сузилась до ширины натянутого каната, по которому мы переступали, намеренно закрывая глаза на пропасть, разверзшуюся под нами.

Рано или поздно мы могли оступиться. Совершенно неважно, как это могло произойти: по злому умыслу, по небрежности или простой случайности. Равновесие было бы потеряно, и началось бы уничтожение. Мы не знаем, как это было бы страшно. Как это могло быть страшно... возможно, в живых не осталось бы ни одного человека; возможно, не уцелела бы и сама планета...

А теперь сравните наше положение. Планета не затронула, не покрыта шрамами. Она по-прежнему плодородна. Она может давать пищу и сырье. Мы располагаем хранилищами знаний, которые научат нас делать все, что делалось до сих пор... хотя о некоторых вещах лучше забыть навсегда. И у нас есть средства, здоровье, сила начать строить заново.

Речь его не была длинной, но она произвела впечатление. Должно быть, она заставила, многих слушателей почувствовать, что они находятся не столько в конце одного пути, сколько в начале другого. И хотя его выступление состояло главным образом из общих мест, в зале, когда он сел, ощущалось больше бодрости.

Полковник, выступавший следом за ним, был практичен и держался фактов. Он напомнил, что в видах гигиены нам следует по возможности скорее удалиться из населенных районов, каковое мероприятие намечается примерно на полдень следующего дня. Практически все предметы первой необходимости и кое-что сверх того в количестве, достаточном для обеспечения разумного уровня удобств, уже имеются в наличии. В приобретении запасов нашей целью должна быть максимальная независимость от внешних источников хотя бы на один год. Этот период мы проведем фактически на положении осаж-

денных. Несомненно, помимо того, что запечатлено в списках, есть еще много других предметов, которые для всех нас было бы желательно взять с собой, но с ними придется подождать, пока медицинский надзор (тут девушка в комитете покраснела) позволит группам выйти из изоляции и отправиться за ними. Что же касается места изоляции, то комитет тщательно обдумал этот вопрос и, приняв во внимание требования компактности, независимости и отчуждения от остального мира, пришел к заключению, что лучше всего для наших целей подойдет провинциальная школа-интернат или, на худой конец, какая-нибудь крупная помещичья усадьба.

Не знаю, то ли комитет тогда действительно еще не принял решения относительно места нашей будущей резиденции, то ли Полковник был одержим идеей о необходимости скрывать это решение как военную тайну, но то обстоятельство, что он не назвал ни место, ни хотя бы предполагаемый район, было, по моему глубокому убеждению, серьезнейшей ошибкой, допущенной в тот вечер. Впрочем, его деловой подход вселил в слушателей новый заряд уверенности.

Когда он сел, снова поднялся Микаэль. Он шепнул девушке несколько ободряющих слов и затем представил ее. Всех очень обеспокоило, сказал он, что среди нас не было ни одного человека с медицинскими знаниями, и поэтому он с величайшим удовлетворением приветствует здесь сейчас мисс Берр. Правда, у нее нет медицинских степеней и внушительных рекомендаций, но зато она является медицинской сестрой высокой квалификации. Сам он полагает, что практические навыки, приобретенные за последнее время, могут стоить больше, нежели степени, полученные годы назад.

Девушка, снова покраснев, коротко сообщила, что полна решимости выполнить свой долг. Закончила она немного неожиданно, объявив, что сегодня же, не выходя из зала, сделает нам всем прививки от разных болезней.

Маленький человечек (имени его я не разобрал), похожий на воробья, втолковал нам, что здоровье каждого является делом общим, что о любых болезненных симптомах необходимо докладывать немедленно, поскольку расп-

ространение среди нас заразных заболеваний может принять очень серьезный оборот.

Когда он закончил, поднялась Сандра и представила последнего выступающего: "Доктор Е.Х.Ворлесс, доктор наук, Эдинбург, профессор социологии Кингстонского университета".

К кафедре подошел седовласый мужчина. Он постоял несколько секунд, опершись о нее кончиками пальцев и склонив голову. Остальные члены комитета внимательно и с некоторым беспокойством смотрели на него. Полковник, наклонившись к Микаэлю, что-то шепнул ему, и тот кивнул, не спуская глаз с профессора. Старик поглядел в зал. Он провел ладонью по волосам.

— Друзья мои, — сказал он. — Я полагаю, что могу претендовать на старшинство по возрасту. За мои семьдесят лет я узнал и должен был забыть много, хотя и не так много, как мне бы хотелось. Но если в процессе длительного изучения человеческих установлений что-либо поражало меня более нежели их устойчивость, так это их разнообразие.

Хорошо говорят французы: *autres temps, autres moeurs.*[1] Давайте хорошенько поразмыслим, и тогда мы отчетливо увидим, что добродетели, почитаемые в одном обществе, оборачиваются преступлением в другом, что поступки, вызывающие возмущение здесь, поощряются где-нибудь в другом месте; что привычки, порицаемые в одном веке, охотно прощаются в другом. Мы увидим также, что в каждом обществе и в каждую эпоху распространена уверенность в моральной правоте обычаев данного общества и данной эпохи.

Отсюда явствует, что, поскольку многие обычаи разных обществ и разных эпох противоречат друг другу, они не могут быть все "правильными" в абсолютном смысле. Самый строгий приговор, который можно им вынести, — если им вообще должно выносить приговоры, — состоит в утверждении, что в какое-то время они были "правильными" для общества, где они существовали. Мо-

1 Другие времена, другие нравы *(фр.)*.

жет быть, они правильны и сейчас, но нередко оказывается, что это совсем не так, что общество, которое продолжает слепо поддерживать их безотносительно к изменившимся обстоятельствам, делает это себе во вред — возможно, ведет себя к самоуничтожению.

Аудитория не понимала, куда он клонит. Слушатели беспокойно задвигались. Большинство из них привыкло немедленно выключать радио, когда передавались выступления такого рода. Теперь они чувствовали себя в ловушке. Оратор решил пояснить свою мысль.

— Таким образом, — продолжал он, — вряд ли вы можете рассчитывать найти одни и те же нормы поведения, обычаи и привычки в какой-либо умирающей от голода индийской деревушке и, скажем, в центре Лондона. Аналогично население теплых стран с благоприятными условиями для жизни очень отличается в смысле взгляда на добродетели от занятого тяжким трудом населения суровых северных областей.

Другими словами, различные обстоятельства порождают различные нормы морали.

Я напоминаю вам об этом потому, что мир, который мы знали, ушел. Он кончился.

Вместе с ним ушли и условия, определявшие и формировавшие наши нормы. У нас теперь другие нужды, и другими должны быть наши цели. Вот вам пример: весь день мы с чистой совестью занимались тем, что еще два дня назад было бы грабежом и кражей. Старые нормы сломаны, и мы должны выяснить, какой образ жизни лучше всего соответствует новым. Мы не просто начинаем заново строить: мы должны начать заново думать, а это куда труднее и неприятнее.

В ближайшем будущем огромное большинство всех этих предрассудков должно исчезнуть или радикально измениться. Мы можем признать и сохранить лишь один первостепенный предрассудок, то, что гласит: человечество пребудет вовеки. Этому соображению должны быть подчинены, по крайней мере временно, все остальные. Что бы мы ни делали, мы должны задавать себе вопрос: "Поможет это или помешает человечеству в борьбе за существование?" Если поможет, то мы обязаны делать, даже если это вступает в конфликт с идеями, в которых мы

были воспитаны. Если помешает, то мы должны устраниться, даже если наше бездействие столкнется с нашими прежними идеями о долге и справедливости.

Это будет не легко: старые предрассудки умирают с трудом. Простак опирается на костыли афоризмов и заповедей; опирается на них и робкий и умственно ленивый... Мы тоже подчас опираемся на эти костыли — гораздо чаще, чем нам кажется. Теперь же, когда старая организация мира рухнула, созданные для нее арифметические таблицы не дают больше правильных ответов. Нам придется найти в себе моральную смелость думать и планировать самим за себя.

Он помолчал, задумчиво разглядывая аудиторию. Затем он сказал:

— Прежде чем вы решите примкнуть к нашему сообществу, следует совершенно отчетливо разъяснить вам одну вещь. Мы все, кто взялся за эту задачу, обязаны будем играть определенные роли. Мужчины будут работать, женщины будут рожать. Если вы с этим не согласны, то в сообществе вам не место.

После паузы, заполненной мертвой тишиной, он добавил:

— Мы можем позволить себе содержать слепых женщин — у них будут зрячие дети. Мы не можем позволить себе содержать слепых мужчин. Видите ли, в нашем новом мире дети — самое важное.

Он закончил выступление. Некоторое время все молчали, затем аудитория зашевелилась и зажужжала.

Я повернулся в Джозелле. К моему удивлению, она улыбалась.

— Что здесь смешного? — спросил я несколько резко.

— Посмотрите на лица у публики, — ответила она.

Я посмотрел и был вынужден признать, что она имела причины улыбаться. Я взглянул на Микаэля. Обводя глазами зал, он старался определить общую реакцию.

— Микаэль как будто немного обеспокоен, — заметил я.

— Ну, а как же, — сказала Джозелла. — Другое дело, если бы Янгу удалось провернуть это еще в девятнадцатом веке.

— Какой вы иногда бываете грубой, — сказал я. — Вы что, знали обо всем заранее?

— Не то чтобы знала, но не такая уж я тупица. Кроме того, пока вы ходили переодеваться, кто-то пригнал полный автобус вот этих вот слепых девушек. Они из какого-то благотворительного учреждения. Я спросила себя: для чего было специально ездить за ними, если можно набрать тысячи на окрестных улицах? Ответ напрашивался сам собой. Во-первых, поскольку они слепые уже давно, у них должны быть известные рабочие навыки. Во-вторых, все они девицы. Такая дедукция не представляла особых трудностей.

— Гм, — сказал я. — Это зависит от точки зрения. Мне бы это в голову не пришло. А что вы?..

Ш-ш-ш! — сказал она.

В зале наступила тишина.

Поднялась высокая женщина, смуглая и моложавая, с видом весьма целеустремленным.

— Следует ли нам сделать вывод, — спросила она голосом, в котором звучала углеродистая сталь, — следует ли нам сделать вывод, что последний оратор выступает в защиту свободной любви? — И она села с устрашающей решимостью.

Доктор Ворлес рассматривал ее, приглаживая волосы.

— Я думаю, задавшая этот вопрос должна знать, что я ни слова не сказал о любви, ни о свободной, ни о продажной или взаимной. Не соблаговолит ли она поставить вопрос яснее?

Женщина снова встала.

— Я думаю, оратор понял меня. Я спрашиваю, не предлагает ли он отменить закон о браке?

— Все законы, которые мы знали, отменены обстоятельствами. Создавать законы, соответствующие новым условиям, а также, если понадобится, навязывать их придется теперь нам самим.

— Есть еще закон Божий и закон благопристойности.

— Мадам, у Соломона было три сотни — или пять сотен? — жен, но Бог, видимо, не ставил ему это в вину. Мусульманин с тремя женами сохраняет полную респектабельность. Все зависит от местных обычаев. Позже мы сами решим, каковы будут наши законы касательно этого

и всех прочих предметов, чтобы они были наиболее выгодными для нашего сообщества.

Наш комитет после дискуссии пришел к выводу, что если мы хотим построить новый порядок вещей и не хотим впасть в варварство — а такая опасность существует, — мы должны иметь определенные обязательства со стороны тех, кто выразит желание присоединиться к нам.

Никто из нас не собирается восстанавливать образ жизни, который нами утрачен. Что мы предлагаем? Трудовую жизнь в наилучших условиях, какие мы можем создать, и счастье, которое придет в борьбе с трудностями. Взамен мы просим сотрудничества и плодотворной деятельности. Никто никого не принуждает. Выбирайте сами. Те, кому наше предложение не по душе, свободны идти куда угодно и основать сообщество отдельно на принципах, которых они предпочитают.

Последовал бессвязный спор, то и дело опускающийся до частностей и гипотетических предположений, на которые пока не могло быть ответа. Но никто не пытался прекратить его. Чем дольше он продолжался, тем привычней становилась сама идея.

Мы с Джозеллой отправились к столу, где сестра Берр расположилась со своими орудиями пыток. Нам было сделано несколько уколов, после чего мы снова сели слушать спорящих.

— Как вы думаете, — спросил я Джозеллу, — сколько из них решат присоединиться?

Она огляделась.

— Да почти все к утру, — сказала она.

Я усомнился. Слишком много слышалось возражений и вопросов. Джозелла сказала:

— Знаете, если бы вы были женщиной и вам предстояло перед сном подумать час-другой, выбрать ли детей и организацию, которая будет о вас заботиться, или верность принципам, которые скорее всего не дадут вам ни детей, ни мужчину-защитника, вы бы не испытывали сомнений.

— Не ожидал от вас такого цинизма.

— Если вы всерьез считаете это цинизмом, значит, вы сентиментальный пошляк. Я говорю о реальных женщинах, а не о куклах из фильмов и дамских журналов.

— О, — сказал я.

Некоторое время она размышляла, затем нахмурилась. Наконец она сказала:

— Хотела бы я знать, сколько им от нас нужно. Я люблю детей, но должен быть какой-то предел.

Дебаты беспорядочно продолжались примерно час, после чего постепенно затихли. Микаэль попросил, чтобы списки тех, кто решит присоединиться к сообществу, были у него в кабинете к десяти часам утра. Полковник потребовал, чтобы все, кто может водить грузовики, явились к нему в семь ноль-ноль. На этом собрание закончилось.

Мы с Джозеллой вышли из здания. Вечер был теплый. Прожекторный луч на башне вновь с надеждой пронизывал небеса. Луна только что поднялась над крышей музея. Мы нашли низенькую ограду и уселись на нее, глядя в темноту сада и слушая слабый шорох ветра в листве. Мы молча выкурили по сигарете. Затем я отшвырнул окурок и глубоко вздохнул.

— Джозелла, — сказал я.

— М-м? — отозвалась она рассеянно.

— Джозелла, — снова сказал я. — Э... насчет детей. Я бы... э... я был бы чертовски горд и счастлив, если бы они были вашими и моими.

Секунду она сидела неподвижно, не говоря ни слова. Затем она повернула ко мне лицо. Лунный свет блестел на ее каштановых волосах, но глаза оставались в тени. Я ждал, сердце мое билось сильно и немного болезненно. Она произнесла с удивительным спокойствием:

— Спасибо, милый Билл. Мне кажется, я тоже была бы горда и счастлива.

Я перевел дыхание. Сердце билось по-прежнему сильно, и, протянув руку к ее руке, я обнаружил, что пальцы у меня дрожат. У меня не было слов в эту минуту. Но у Джозеллы они были. Она сказала:

— Правда, теперь это не так просто.

Меня подбросило.

— Что вы имеете в виду? — спросил я.

Она раздумчиво проговорила:

— Мне кажется, я бы на месте этого комитета... — Она кивнула в сторону башни. — Я бы установила правило. Я бы разделила нас на группы. Я постановила

бы, что каждый мужчина, который женится на зрячей девушке, обязан взять на себя еще и двух слепых девушек.

Я уставился в ее лицо, скрытое тенью.

— Вы шутите, — сказал я.

— Боюсь, что нет, Билл.

— Но послушайте...

— А вам не кажется, что примерно это они и имели в виду... когда выступали там, на собрании?

— Пожалуй, — согласился я. — Но одно дело, если такое правило установят они. И совсем другое...

Я проглотил слюну. Я сказал:

— Послушайте, вы с ума сошли. Это же противоестественно. То, что вы предлагаете...

Она подняла ладонь, чтобы остановить меня.

— Погодите, Билл, выслушайте меня. Я знаю, поначалу это звучит немного жутко, но никто с ума не сошел. Все это очень ясно... и очень не просто.

Все это, — она обвела рукой вокруг, — что-то изменило во мне. Словно я вдруг все увидела по-другому. И мне кажется, те из нас, кого минула чаша сия, будут гораздо ближе друг другу, гораздо больше... ну, больше походить на единое племя, чем когда-либо раньше.

Весь день, когда мы разъезжали по городу, я видела несчастных, обреченных людей. И все время я твердила себе: "Если бы не милость судьбы..." И затем я сказал себе: "Это чудо! Я не заслуживаю лучшей участи, нежели эти люди. Но произошло чудо. Я уцелела... и теперь я должна оправдать это"; я ощутила себя как-то ближе к другим людям, чем прежде. Это ощущение заставило меня думать все время: чем я могу помочь хотя бы некоторым из них?

Понимаете, Билл, мы обязаны что-то сделать, чтобы оправдать это чудо. Я могла быть одной из этих слепых девушек; вы могли быть одним их этих несчастных слепых мужчин. Мы не способны сделать ничего большого. Но если мы возьмем на себя заботу хотя бы о немногих и дадим им хоть чуть-чуть счастья, мы расплатимся... уплатим крошечную долю своего долга. Вы понимаете меня, Билл, ведь правда?

Минуту или больше я обдумывал ее слова.

— По-моему, — сказал я, — это самый странный довод, какой я слыхал сегодня... и вообще в жизни. И все же...

— И все же это так, правда, Билл? Я знаю, что это так. Я попыталась поставить себя на место одной из этих слепых девушек, и я знаю. В нашей воле дать им настоящую, полную жизнь, насколько это возможно, некоторым из них. Так что же, дадим мы ее им как долю нашей благодарности... или мы откажем им из-за внушенных нам предрассудков?

Некоторое время я молчал. Я ни секунды не сомневался, что Джозелла уверена в каждом своем слове. Я подумал о судьбах решительных женщин с подрывными идеями, таких, как Флоренс Найтингейл и Елизавета Фрай. Ничего с ними нельзя поделать... И так часто в конечном счете они оказывались правы.

— Ну хорошо, — сказал я. — Пусть будет так, раз вы считаете это нужным.

Мы все сидели на ограде, держась за руки, и глядели на испятнанные тенями деревья, но почти ничего не видели. По крайней мере я не видел. Затем в здании у нас за спиной кто-то завел патефон. Над пустынным двором зазвучал вальс Штрауса, полный светлой тоски по родине. На мгновение перед нами возникло видение большого зала: вихрь красок и луна вместо хрустальной люстры.

Джозелла соскользнула со стены. Раскинув руки и изгибаясь, легкая как пушинка, она танцевала в огромном круге лунного света. Потом она остановилась передо мной. Глаза ее сияли, и она протянула ко мне руки.

И мы танцевали на пороге неведомого будущего под эхо исчезнувшего прошлого.

8. КРУШЕНИЕ ПЛАНОВ

Я брел по незнакомому пустынному городу, где мрачно бил колокол и гробовой бестелесный голос вопил в пространстве: "Зверь на свободе! Берегитесь! Зверь на свободе!" Тут я проснулся и обнаружил, что колокол бьет наяву. Он

гремел медным звоном так резко и тревожно, что секунду я не мог сообразить, где нахожусь. Затем, пока я все сидел, приходя в себя, послышались крики: "Пожар!" Я выскочил из постели и в чем был выбежал в коридор. Там пахло дымом, слышались торопливые шаги, хлопали двери. Больше всего шум доносился справа, где бил колокол и слышались испуганные крики, и я побежал туда. Лунные блики падали через высокие окна в конце коридора и разрежали сумрак, позволяя держаться подальше от стен, вдоль которых на ощупь двигались люди.

Я добежал до лестницы. Колокол гремел внизу в вестибюле. Я стал поспешно спускаться сквозь дым, становившийся гуще. На последних ступеньках я споткнулся и упал. Сумрак вдруг обратился в кромешную тьму, в этой тьме вспыхнула туча искр, и все кончилось...

Сначала была боль в голове. Затем, когда я открыл глаза, был яркий блеск. Он ослепил меня, словно прожектор, но когда я попробовал поднять веки снова, на этот раз осторожно, оказалось, что передо мной всего-навсего обыкновенное окно, да притом еще грязное. Я знал, что лежу на кровати, но я не стал подниматься: в голове стучал яростный поршень, предупреждавший малейшие попытки пошевелиться. Поэтому я продолжал тихо лежать и глядеть в потолок до тех пор, пока не обнаружил, что руки у меня связаны.

Это сразу вывело меня из летаргии, несмотря на грохот в голове. Я увидел, что связан со знанием дела. Не настолько крепко, чтобы было больно, однако вполне прочно. Несколько витков электрического шнура на запястьях и сложный узел внизу, так, чтобы нельзя было дотянуться зубами. Я выругался и стал осматриваться. Комната была невелика, и, кроме кровати, на которой я лежал, в ней ничего не было.

— Эй! — крикнул я. — Есть здесь кто-нибудь?

Через минуту снаружи послышались шаркающие шаги. Дверь приоткрылась, и в комнату просунулась маленькая голова в шерстяном колпаке. Под головой болтался галстук, похожий на веревку. Лицо казалось темным от небритой щетины. Глаза были устремлены в мою сторону, но не на меня.

— Здорово, хрен, — сказала голова довольно дружелюбно. — Что, очухался? Потерпи немного, я сейчас принесу тебе хлебнуть горячего. — И голова скрылась.

Предложение потерпеть было совершенно лишним, но ждать пришлось недолго. Через несколько минут он вернулся, неся бидон с проволочной ручкой.

— Ты где? — спросил он.

— Прямо перед тобой, на кровати, — ответил я.

Он осторожно двинулся вперед, вытянув левую руку, нащупал спинку кровати, затем обошел кровать и протянул мне бидон.

— Получай приятель. Вкус у него не так чтобы очень, потому как старина Чарли плеснул туда немного рома, но, я думаю, ты не будешь в обиде.

Я принял бидон, зажав его довольно неловко между связанными руками. В бидоне оказался чай, крепкий и сладкий, с изрядными количеством рома. Возможно, вкус у этого чая действительно был несколько странный, но он подействовал на меня, как эликсир жизни.

— Спасибо, сказал я. — Ты прямо чудодей. Меня зовут Билл.

Его, как оказалось, звали Элф.

— Ну, выкладывай, Элф, — сказал я. — Что здесь происходит?

Он присел на край кровати и протянул мне пачку сигарет и спички. Я взял, прикурил для него, закурил сам и вернул ему коробок.

— Вот какое дело, друг, — сказал он. — Ты, поди, знаешь, что вчера утром возле университета был небольшой шум. Может, ты был там?

Я сказал, что все видел.

— Ну так вот, после этого дела Коукер — это тот самый парень, который вел переговоры, — он вроде как бы обозлился. "Ладно, — говорит он этак злобно. — Эти гады у нас попляшут. Я все выложил им честно и благородно. А теперь они получат сполна". Да, а надо тебе сказать, что мы еще раньше встретили еще пару ребят и одну бабенку, которые тоже зрячие. Они все это устроили. Он парень что надо, этот Коукер!

— Ты хочешь сказать... Он все это подстроил? Никакого пожара не было? — спросил я.

— Пожар! Да какой там пожар? Они вот что сделали: натянули проволоку, зажгли в зале кучу бумаги и щепок и принялись бить в колокол. Мы посчитали, что зрячие выскочат первыми, потому что немного света от луны все-таки было. Так оно и получилось. Коукер и еще один парень брали в работу тех, кто спотыкался на проволоку, и передавали нам, а уж мы относили на грузовик. Просто, как поцелуй ручку.

— М-м, — произнес я горестно. — Действительно, он парень не промах, этот ваш Коукер. И много нас дураков попалось в эту ловушку?

— Да пару дюжин мы, наверно, взяли... правда, потом оказалось, что пять или шесть из них слепые. Когда в грузовике не осталось больше места, мы укатили и оставили остальных разбираться, что к чему.

Как бы ни относился к нам Коукер, было очевидно, что Элф враждебных чувств к нам не испытывал. Кажется, он смотрел на все это дело как на спорт. Я мысленно снял перед Элфом шляпу. Я-то отлично сознавал, что в его положении не был бы способен смотреть на что бы то ни было как на спорт. Я допил чай и получил от него вторую сигарету.

— А что будет дальше? — спросил я.

— Коукер хочет разделить всех нас на команды и придать каждой команде одного из ваших. Вы будете смотреть, где что можно взять, вроде бы глазами будете для нас. Ваше дело будет помочь нам продержаться, пока кто-нибудь не придет и не управится с этой погибелью.

— Понятно, — сказал я.

Он настороженно повернул ко мне лицо. Нет, в чуткости отказать ему было нельзя. Он уловил в моем тоне больше, чем я хотел выразить.

— Ты думаешь, это надолго? — спросил он.

— Не знаю. Что говорит Коукер?

Коукер, по-видимому, не затруднялся частностями. Впрочем, у Элфа было свое мнение.

— Если ты спросишь меня, так, по-моему, никто нас спасать не придет. Если бы было кому, то давно бы уже пришли. Другое дело, будь мы в каком-нибудь маленьком городишке или в деревне. А тут Лондон! Ясно, что сюда пришли бы раньше, чем в какое другое место. Нет, на мой

взгляд, они еще не пришли, и значит это, что они никогда не придут. Потому что, провалиться мне, кто же мог подумать, что случится такое?

Я ничего не сказал. Не такой был Элф человек, чтобы утешаться легковесными ободрениями.

— А ты, я смотрю, тоже так думаешь? — спросил он, помолчав.

— Да, дела обстоят неважно, — признался я. — Но есть еще шанс, видишь ли... люди откуда-нибудь из-за границы...

Он покачал головой.

— Они бы уже были здесь. Они бы уже разъезжали по улицам с громкоговорителями и объяснили нам, что нужно делать. Нет, приятель, мы влипли: никто никуда не придет. Это уж точно.

Некоторое время мы молчали, затем он сказал:

— А знаешь, неплохо мы все-таки пожили.

Мы немного поговорили о том, как пожил он. Он работал во многих местах и всюду, по-видимому, обделывал кое-какие тайные делишки. Он подвел итог:

— Так или иначе, мне жилось неплохо. А ты чем промышлял?

Я рассказал. Это не произвело на него впечатления.

— Триффиды, ха! Гнусные твари. Какие-то они, можно сказать, ненастоящие, что ли.

Больше о триффидах не было сказано ни слова.

Элф вышел, оставив меня с моими мыслями и с пачкой своих сигарет. Я продумал ситуацию, и она мне не понравилась. Мне хотелось знать, как ее восприняли другие. Особенно меня интересовало мнение Джозеллы.

Я встал с кровати и подошел к окну. Вид из окна был жалкий. Внутренний двор-колодец с гладкими стенами, выложенными белыми изразцами, подо мной четыре этажа и застекленный люк внизу. Сделать тут можно было немного. Элф повернул за собой ключ, но на всякий случай я попробовал дверь. Комната не вселяла в меня никаких надежд. Она выглядела как номер третьесортной гостиницы, только из нее было вынесено все, кроме кровати.

Я вернулся на кровать и предался размышлениям. Вероятно, я смог бы одолеть Элфа даже со связанными

руками — при условии, что у него нет ножа. Но он скорее всего имел нож, и это было бы неприятно. Вряд ли слепой станет угрожать ножом; чтобы справиться со мной, он пустит нож в ход без предупреждения. Затем, как узнать, с кем я еще столкнусь, пока буду искать выход на улицу? Более того, я не желал причинять Элфу никакого вреда. Самым благоразумным представлялось ждать удобного случая: такой случай обязательно должен выпасть на долю зрячего среди слепых.

Часом позже Элф вернулся, неся тарелку с едой, ложку и опять бидон с чаем.

— Вроде бы и грубо с нашей стороны, — извинился он, — но вилки и ножа давать тебе не велено, так что обойдись так.

Энергично работая ложкой, я спросил Элфа о других пленниках. Он знал очень немного и совсем не знал имен, но я выяснил, что среди них есть женщины. Затем я остался один на несколько часов, в течение которых изо всех сил старался заснуть и избавиться от головной боли.

Когда Элф появился снова с едой и неизбежным чаем, его сопровождал человек, которого он назвал Коукером. Коукер выглядел более усталым, чем вчера у ворот университета. Под мышкой у него была кипа бумаг. Он окинул меня изучающим взглядом.

— Вам известно, чего от вас хотят? — спросил он.

— Более или менее. Элф рассказал мне.

— Тогда ладно. — Он бросил бумаги на кровать, взял одну сверху и развернул ее. Это оказался план Большого Лондона. Он указал на район, жирно обведенный синим карандашом, включающий часть Хэмпстеда и Суисс-коттедж.

— Вот ваше место, — сказал он. — Ваша команда работает внутри этого района и нигде больше. Нельзя допустить, чтобы все группы охотились за одной и той же добычей. Ваше дело искать продовольствие в этом районе и снабжать свою команду продовольствием и всем остальным, что понадобится. Дошло?

— А иначе? — спросил я, глядя на него.

— А иначе они останутся голодными. И если они будут голодны, вам придется плохо. Некоторые из парней — настоящее зверье, и никто из нас не занимается этим для

развлечения. Поэтому будьте осторожны. Завтра утром мы отвезем туда вас и вашу группу на грузовиках, после чего вашим делом будет помочь им продержаться, пока не придет кто-нибудь, чтобы привести все в порядок.

— А если никто не придет? — спросил я.

— Кто-нибудь должен прийти, — сказал он угрюмо. — Одним словом, действуйте и смотрите, не забирайтесь в чужие районы.

Он повернулся, чтобы идти, но я остановил его.

— Мисс Плэйтон находится у вас? — спросил я.

— Имен я не знаю, — сказал он.

— Блондинка, примерно метр шестьдесят пять — шестьдесят семь, серо-голубые глаза, — настаивал я.

— Девушка примерно такого роста есть, и она блондинка. Но я не заглядывал ей в глаза. У меня есть дела поважнее, — сказал он и вышел.

Я нагнулся над картой. Я не был в восторге от своего района. Конечно, это был пригород с чистым целебным воздухом, но в данных обстоятельствах я бы предпочел расположение каких-нибудь доков или пакгаузов. Сомнительно было, чтобы в назначенном мне районе нашлись более или менее крупные товарные склады. Однако "приз не может достаться всем сразу", как, несомненно, сказал бы Элф, и, кроме того, я не собирался оставаться там дольше, чем необходимо.

Когда Элф пришел снова, я спросил его, не передаст ли он Джозелле записку. Он покачал головой.

— Прости, друг. Не велено.

Я обещал ему, что ничего плохого в записке не будет, но он остался непоколебим. Я не мог винить его за это. У него не было причин доверять мне, и он не мог прочесть записку, чтобы убедиться, так ли она безобидна, как я обещал. И вообще у меня не было ни бумаги, ни карандаша, и я оставил эту мысль. Все же мне удалось убедить его дать ей знать, что я нахожусь здесь, и выяснить, в какой район ее посылают. Ему ужасно не хотелось делать этого, но он был вынужден согласиться, что если порядок будет когда-либо восстановлен, мне будет легче найти ее, зная, откуда начинать поиски.

Затем я остался на некоторое время наедине со своими мыслями.

Беда была в том, что я с чудовищной ясностью видел правоту обеих сторон. Я знал, что зравый смысл и дальновидность на стороне Микаэля Бидли и его группы. Если бы они отправились в путь, мы с Джозеллой, несомненно, поехали бы с ними и работали бы с ними, и тем не менее я чувствовал, что сердце у меня было бы на месте. Никто бы не смог убедить меня, что уже ничем нельзя помочь тонущему кораблю, не смог бы меня заверить, что я сделал выбор не по расчету. Если действительно не было возможности организованного спасения, тогда их предложение спасти то, что еще можно, было самым разумным. Но, к сожалению, человеческую натуру движет отнюдь не только разум. Я противопоставил себя прочным, укоренившимся традициям и предрассудкам, о которых говорил старый профессор. И он был совершенно прав относительно того, как трудно принять новые принципы. Если бы, например, пришло откуда-нибудь чудесное спасение, каким мерзавцем я ощутил бы себя за то, что удрал; как бы я презирал себя и остальных за то, что мы не остались здесь, в Лондоне, помогать до конца, каковы бы ни были наши соображения...

Но, с другой стороны, если бы помощь не пришла, как бы я обвинял себя за бессмысленную трату времени и усилий, когда другие люди, более крепкие духом, трудились над спасением всего, что еще можно было спасти?

Я знал, что должен решиться раз и навсегда. Но я не мог.

Не было никакой возможности узнать, что избрала Джозелла. Она ничего мне не передавала. Но вечером в комнату просунул голову Элф. Он был краток.

— Вестминстер, — сказал он. — Ну и ну! Да разве найдешь какую-нибудь жратву в Парламенте?

На следующее утро Элф разбудил меня рано. Его сопровождал громадный детина с бегающими глазками, назойливо выставлявший напоказ мясницкий нож. Элф подошел ко мне, бросил на кровать охапку одежды. Детина закрыл дверь и привалился к косяку, следя за мной хитрым взглядом и поигрывая ножом.

— Давай лапы, приятель, — сказал Элф.

Я протянул ему руки. Он ощупал проволоку у меня на запястьях и перекусил ее кусачками.

— А теперь, друг, напяливай на себя это барахло, — сказал он, отступая.

Я оделся. Детина с ножом следил за каждым моим движением, как ястреб. Когда я застегнул последнюю пуговицу, Элф достал наручники.

— Ничего страшного, — заметил он.

Я медлил. Детина отвалился от косяка и выставил нож перед собой. Для него, очевидно, наступил самый интересный момент. Я решил, что сейчас, пожалуй, не время предпринимать отчаянные попытки, и снова протянул руки. Элф ощущал их и замкнул наручники на запястьях. Затем он вышел и принес мне завтрак.

Еще через два часа снова явился детина, по-прежнему держа нож напоказ. Он махнул им в сторону двери.

— Давай, — сказал он. Это было единственное слово, которое он произнес.

Он шел за мной по пятам, и я всей спиной ощущал острие ножа. Мы спустились вниз на несколько этажей и пересекли вестибюль. На улице ждали два нагруженных грузовика. У заднего борта одного из них стоял Коукер с двумя своими людьми. Он поманил меня. Не говоря ни слова, он продел у меня между руками цепь. На концах цепи было по ремню. Один ремень был уже обмотан вокруг запястья дородного слепого мужчины; другой он прикрепил к запястью такого же угрюмого типа, так что я оказался между ними. Они ничем не желали рисковать.

— На вашем месте я бы не стал откалывать никаких номеров, — посоветовал мне Коукер. — Будьте с ними хороши, и они будут хороши с вами.

Мы втроем неловко вскарабкались через задний борт, и оба грузовика тронулись в путь.

Мы остановились где-то неподалеку от Суисс-коттеджа и выгрузились. Человек двадцать, бесцельно бродивших вдоль водосточных канав, при шуме моторов разом, словно части единого механизма, повернулись в нашу сторону с выражением недоверия на лицах, а затем начали медленно приближаться к нам, окликая нас на ходу. Шоферы заорали нам, чтобы мы посторонились. Грузовики дали задний ход, развернулись и с грохотом умчались. Люди,

двигавшиеся к нам, остановились. Кто-то из них закричал вслед грузовикам, остальные безнадежно и молча повернулись и побрели прочь. Метрах в пятидесяти женщина забилась в истерике и стала колотиться головой о стену. Я почувствовал дурноту, но преодолел себя.

— Ну, — сказал я, повернувшись к своей команде, — что вам нужно прежде всего?

— Жилье, — сказал кто-то. — Нам нужно место, где спать.

Я подумал, что это самое меньшее, что я должен для них сделать. Я не мог вот так просто улизнуть, бросив их посреди улицы. Раз уж дело зашло так далеко, я должен был найти для них какое-то помещение, что-то вроде штаба, и помочь им устроиться. Требовалось место, где можно было бы складывать добычу, питаться и держаться всем вместе. Я пересчитал их. В команде оказалось пятьдесят два человека, в том числе четырнадцать женщин. Лучше всего подошла бы гостиница. Это решило бы вопрос с кроватями и постельными принадлежностями.

Мы выбрали один из прославленных меблированных домов, викторианское здание с плоской крышей. Здесь было гораздо больше удобств, чем необходимо. Бог знает, что случилось с большинством жильцов, но в одном из холлов мы наткнулись на старика, пожилую женщину (она оказалась хозяйкой), средних лет мужчину и трех девушек. Они сбились вместе, дрожащие и перепуганные. У хозяйки достало присутствия духа протестовать против нашего вторжения. Она изрекла несколько очень громких угроз, но даже лед свирепых манер, свойственных хозяйкам мебилированных домов, был до жалости тонок. Немного пошумел и старик, пытавшийся поддержать ее. Остальные сидели тихо, они только нервно прислушивались, обратив лица в нашу сторону.

Я объяснил, что мы въезжаем в дом. Если им что не нравится, они могут уйти. Если же они предпочитают остаться и делить все поровну, мы возражать не станем. Им это не понравилось. Было ясно, что где-то в доме спрятан запас провизии, который делить с нами они не желают. Только когда до них дошло, что мы намерены создать

еще большие запасы, их отношение к нам смягчилось, и они приготовились извлечь из этого все выгоды для себя.

Я решил, что останусь на день-другой, пока не устрою команду. Я догадывался, что Джозелла поступит со своей группой так же. Хитроумный человек этот Коукер: трюк назывался "подержите младенца". Просят минуточку подержать младенца и удирают. Когда все наладится, я улизну и найду ее.

Дня два мы работали систематически, обчищая самые крупные магазины — большей частью однотипные лавки какой-то одной фирмы, в общем не очень богатые. Почти повсюду до нас побывали другие. Витрины были в ужасном состоянии. Стекла выбиты, на полу валяются вскрытые банки и разорванные пакеты, их содержимое вместе с осколками стекла превратилось в липкую вонючую массу. Но повреждения, как правило, были незначительны, и мы находили в лавках и на задних дворах нетронутые ящики.

Слепым было неимоверно трудно поднимать и вытаскивать эти тяжелые ящики на улицу и грузить их на ручные тележки. А ведь надо было еще доставить добычу домой и перенести в кладовые. Но практика уже начала давать им некоторые навыки.

Хуже всего было то, что мне нельзя было ни на минуту оставить их. Без моего руководства они были не в состоянии сделать почти ничего. Мы могли бы организовать хоть дюжину рабочих партий, но использовать одновременно нельзя было даже две. В доме, когда я уходил с партией фуражиров, работы тоже приостановились. Мало того, им приходилось сидеть сложа руки, пока я тратил время на поиски и исследование новых источников добычи. Двое зрячих могли бы наработать вдвое и втрое больше, нежели вся моя команда.

С того момента, когда мы принялись за дело, у меня не было ни одной свободной минуты. Днем я думал только о работе и к вечеру уставал так, что засыпал мгновенно, едва ложился. Время от времени я говорил себе: "Завтра к вечеру я уже полностью обеспечу их всем необходимым, хотя бы на некоторое время. Тогда я смоюсь и пойду искать Джозеллу".

Звучало это прекрасно, но каждый день это было новое завтра и с каждым днем мне становилось труднее. Некоторые понемногу приобретали навыки, но по-прежнему практически нечто, начиная с работы на улицах и кончая открыванием банки консервов, не могло делаться без моего участия. Мне даже казалось, что с каждым днем я становлюсь все более незаменимым.

И их вины здесь не было. В этом заключалась главная трудность. Некоторые старались изо всех сил, и я просто не мог предать их и плюнуть на их судьбу. Десять раз на день я проклинал Коукера за то, что он поставил меня перед такой проблемой, но это не помогало мне разрешить ее: я только спрашивал себя, чем все это может кончиться...

Первый намек на ответ (хотя я не подозревал тогда, что это намек) появился на четвертое или на пятое утро, как раз перед тем, как мы собрались выйти за добычей. Женский голос крикнул нам с лестницы, что на этаже двое больных, даже тяжело больных.

Обоим моим волкодавам это не понравилось.

— Послушайте, — сказал я им. — Я сыт по горло этой цепью и наручниками. Мы бы прекрасно обошлись без них.

— И вы бы сейчас же удрал к своим... — сказал кто-то.

— Не обольщайтесь, — сказал я. — Мне ничего не стоит прикончить эту пару горилл-любителей в любое время дня и ночи. Я не сделал этого просто потому, что ничего против них не имею. Но меня начинает раздражать эта пара тупоголовых идиотов...

— Эй, послушай... — возразил один из волкодавов.

— И, — продолжал я, — если они не дадут мне взглянуть на заболевших, пусть ждут своего конца с минуты на минуту.

Мои волкодавы вняли гласу разума, но в комнате больных изо всех сил, насколько позволяла цепь, старались держаться поотдаль. Заболели двое мужчин — один средних лет, другой совсем молодой. У обоих был жар, оба жаловались на острую боль в животе. В те времена я мало понимал в таких вещах, но не надо было понимать много, чтобы ощутить сильное беспокойство. Придумать я ничего

не мог, только велел перенести их в пустующий дом рядом и попросил одну из женщин по возможности ухаживать за ними.

Это было начало перемен. Следующее событие, совсем в ином роде, случилось примерно в полдень.

К тому времени мы уже основательно очистили большинство продуктовых магазинов вблизи от дома, и я решил несколько расширить сферу действий. Я вспомнил, что в полумиле к северу находится еще одна торговая улица, и повел команду туда. Магазины мы нашли, но нашли и еще кое-что.

Свернув за угол, я сразу остановился. Перед бакалейной лавкой толпилась группа мужчин: они выносили из дверей ящики и грузили их на грузовик. Работали они совершенно так же, как мы. В моей группе было человек двадцать. Я остановил их и стал раздумывать, как быть дальше. Я склонялся к мысли отступить, чтобы избежать возможного столкновения и отправиться поискать свободное поле деятельности где-нибудь в другом месте: не было смысла вступать в конфликт, когда вокруг по разным магазинам разбросано так много добра. Но принять решение я не успел. Пока я колебался, из лавки уверенным шагом вышел рыжеволосый молодой человек. Не могло быть сомнения в том, что он зрячий: через секунду он увидел нас.

Он повел себя очень решительно. Он быстро сунул руку в карман. В следующее мгновение пуля щелкнула в стену у меня за спиной.

Последовала живая картина. Люди его и моей группы замерли, обратив друг на друга невидящие глаза, силясь понять, что происходит. Затем он выстрелил снова. Думаю, он целился в меня, но пуля попала в моего стража слева. Тот хрюкнул как бы в удивлении и со вздохом сложился пополам. Я нырнул за угол, волоча за собой второго волкодава.

— Живо! — сказал я. — Давай ключи от наручников. Пока я скован, я ничего не могу сделать.

Он только понимающе осклабился, Он был человек одной идеи.

— Ха, — сказал он. — Это ты брось. Меня не проведешь.

— О Боже, шут гороховый... — проговорил я, натягивал цепь и подтаскивая к себе труп волкодава номер один, чтобы укрыться за ним.

Этот дурак пустился в спор. Бог знает, каким коварством наделила меня его тупость. Цепь провисла достаточно, чтобы я мог поднять обе руки. Я так и сделал и трахнул его обеими руками с такой силой, что голова его с треском ударилась о стену. На этом спор прервался. Я нашел ключ у него в боковом кармане.

— Слушайте, — сказал я остальным. — Повернитесь все кругом и идите прямо Не отделяйтесь друг от друга, иначе пропадете. Ну, идите, не задерживайтесь.

Я отомкнул наручники на одном запястье, освободился от цепи и перебрался через стену в чей-то сад. Там я присел на корточки и освободил второе запястье. Затем я перешел через сад и осторожно заглянул через дальний угол ограды. Молодой человек с пистолетом не бросился за нами, как я ожидал. Он все еще был со своей группой и давал ей какие-то указания. Тогда я сообразил, что спешить ему было некуда. Раз мы не отстреливались, он понял, что мы не вооружены, а уйти отсюда быстро мы не в состоянии.

Покончив со своими директивами, он уверенно вышел на дорогу, откуда была видна моя удаляющаяся команда, и направился за нею следом. На углу он остановился взглянуть на распростертые тела моих стражей. Вероятно, цепь внушила ему, что один из них и был глазами нашей группы, потому что он снова сунул пистолет в карман и вразвалку пошел за остальными.

Этого я не ожидал, и мне потребовалась минута, чтобы понять его замысел. Затем я сообразил, что самым выгодным для него было бы проводить нашу группу до дома и поглядеть какую добычу там можно захватить. Мне оставалось признать, что либо он быстрее меня осваивается в неожиданных положениях, либо в отличие от меня заранее продумал возможности, какие могут возникнуть. Я был рад, что велел своей команде идти прямо, никуда не сворачивая. Очень возможно, что они вскоре утомятся, но я знал, что найти самостоятельно обратную дорогу домой и привести туда этого молодого человека тогда уже никто из них не сможет. Пока они будут держаться вместе, собрать

их не составит труда. Насущной же проблемой был человек, который имел пистолет и без размышлений пускал его в ход.

Кое-где на земном шаре можно было бы раздобыть подходящее оружие в первом попавшемся доме. Но не Хэмпстеде; к сожалению, это был весьма респектабельный пригород. Вероятно, где-нибудь и оказалось бы спортивное ружье, но мне пришлось бы долго искать его. Единственное, что я мог придумать, это не терять молодого человека из виду и надеяться, что счастливая случайность даст мне возможность с ним разделаться. Я отломил у дерева сук, снова перелез через стену и побрел, постукивая по краю тротуара, в надежде на то, что меня теперь нельзя отличить от сотен слепых, бредущих вдоль улиц таким же образом.

Дорога здесь была прямая. Рыжеволосый молодой человек был метрах в пятидесяти впереди меня, а моя команда — еще дальше, метров на пятьдесят дальше. Так мы прошли около полумили. К счастью, никто из моей группы не свернул в переулок, который вел к дому. Я еще спрашивал себя, сколько пройдет времени, прежде чем они решат, что прошли достаточно, когда случилось неожиданное: один из моих застонал вдруг и согнулся, прижимая руки к животу. Затем он осел на мостовую и повалился, корчась от боли. Остальные продолжали идти. Должно быть, они слышали стоны, но не догадались, что он — один из них.

Молодой человек посмотрел на упавшего, сошел с тротуара и, приблизившись к скорчившемуся телу, остановился в нескольких шагах от него. Вероятно, с четверть минуты он стоял так, настороженно глядя на упавшего сверху вниз. Затем медленно, но совершенно хладнокровно вытащил из кармана пистолет и выстрелил ему в голову.

При звуке выстрела группа впереди остановилась. Я тоже. Молодой человек больше не пытался преследовать их — было очевидно, что он сразу потерял к ним всякий интерес. Он повернулся кругом и пошел обратно по середине улицы. Я вспомнил свою роль и снова двинулся вперед ему навстречу, постукивая палкой по краю тротуара. Он даже не взглянул на меня, но я-то хорошо видел

его лицо: напряженное, с плотно сжатыми челюстями... Я еще некоторое время стучал палкой, пока он не остался далеко позади, а затем поспешил к своим. Напуганные выстрелом, они спорили, идти им дальше или нет.

Я прервал их, сообщив, что больше не обременен своими тупыми волкодавами и что отныне мы будем действовать по-другому. Я достану грузовик и минут через десять вернусь, чтобы отвезти их домой.

Встреча с организованной группой соперников прибавила мне забот, однако по возвращении наше убежище мы нашли нетронутыми. Единственной новостью, которая ожидала меня там, было то, что еще двое мужчин и одна женщина слегли с острой резью в животе и их перенесли в соседний дом.

Мы приняли все возможные меры к обороне на случай нашествия мародеров в мое отсутствие. Затем я взял новую группу, и мы отправились на грузовике — на этот раз в другом направлении.

Я вспомнил, что когда в свое время мне приходилось бывать в Хэмпстеде, я чаще всего сходил с автобуса на последней остановке, и там была масса небольших лавочек и магазинов. С помощью карты я нашел этот район довольно легко, и не только нашел, но и обнаружил, что каким-то чудом он почти не пострадал. Если не считать трех-четырех разбитых витрин, он выглядел так, словно здесь просто все закрыто просто на уик-энд.

Но была и разница. Например, никогда раньше, ни в будни, ни по воскресеньям, здесь не царило такой тишины. И на улице лежало несколько трупов. К трупам я уже притерпелся достаточно, чтобы не обращать на них особого внимания. Я даже удивился, что их так мало, и решил, что большинство жителей забились в какие-нибудь убежища от страха или когда начали слабеть от голода. Отчасти из-за этого мне не захотелось заходить в жилые дома.

Я остановился перед продовольственным магазином и несколько секунд прислушивался. Тишина опустилась на нас, словно одеяло. Не было слышно постукивания палок, не было видно бредущих фигур. Не было заметно никакого движения.

— О'кэй, — сказал я. — Вылезай ребята.

Запертую дверь магазина отворили без труда. Внутри были аккуратные ряды кадушек с маслом, сыров, окороков, ящиков с сахаром и всего прочего. Я поставил группу на работу. К тому времени они уже приобрели кое-какие навыки и действовали более уверенно. Я мог оставить их и отойти, чтобы обследовать кладовые магазина и подвал.

Я был в подвале, исследовал хранившиеся там ящики, когда где-то послышались крики. И сейчас же загремели каблуки по полу надо мною. Один человек провалился вниз головой в открытый люк. Упав, он больше не двинулся и не издал ни звука. Я решил, что наверху идет схватка с какой-нибудь соперничающей шайкой. Я перешагнул через тело упавшего и с поднятой рукой, чтобы защитить голову, стал осторожно подниматься по трапу.

Прежде всего я увидел в неприятной близости от своего лица многочисленные шаркающие башмаки. Они пятились к люку. Я быстро выскочил и откатился в сторону, пока они не раздавили меня. И едва я поднялся на ноги, как вдребезги разлетелась витрина. Снаружи вместе с нею ввалились три человека. Длинная зеленая плеть хлестнула им вслед и настигла одного, когда он уже лежал на полу. Остальные двое вскочили и, скользя среди разбросанных банок и пакетов, навалились на столпившихся, стремясь убраться подальше от окна. Под их нажимом еще двое оступились и рухнули в открытый люк.

Достаточно было одного взгялда на эту зеленую плеть, чтобы понять, что произошло. За последние дни я совершенно забыл о триффидах. Вскарабкавшись на ящик, я посмотрел в окно через головы людей и увидел трех триффидов: одного на середине улицы и двух ближе, на тротуаре. Четыре человека неподвижно лежали на земле. Теперь стало понятно, почему здесь нетронуты магазины и почему в этом районе не видно ни души. Я проклял себя за то, что не пригляделся к трупам на дороге. Если бы я увидел след жала, я бы знал, чего ожидать.

— Стойте смирно! — закричал я. — Не двигайтесь!

Я спрыгнул с ящика, столкнул людей, стоявших на откинутой крышке люка, и захлопнул люк.

— Позади вас дверь, — сказал я им. — Только без паники.

Первые двое вышли без паники. Затем триффид ударил свистнувшим жалом через разбитую витрину. Кто-то упал с диким криком. Остальные рванулись, едва не опрокинув меня. В дверях началась давка. Прежде чем мы прошли, позади дважды свистнули удары. В задней комнате я огляделся отдуваясь. Нас было семеро.

— Стойте смирно, — сказал я. — Здесь мы в безопасности.

Я вернулся к двери. Внутренняя половина магазина была вне пределов досягаемости для триффидов — пока они оставались снаружи. Мне удалось добраться до люка и снова откинуть крышку. Из подвала вылезли двое мужчин, упавших туда после того, как я выскочил наружу. Один придерживал сломанную руку, другой отделался синяками и царапинами.

Задняя комната выходила в небольшой дворик. В кирпичной стене дворика была калитка, но я стал осторожен. Вместо того, чтобы направиться к калитке, я забрался на крышу флигеля и осмотрелся. Калитка открывалась в узкую аллею, которая проходила по всей длине квартала. Аллея была пуста. Но на другой ее стороне, за стеной, огораживавшей, вероятно, частные садики, я различил среди кустарников неподвижные верхушки двух триффидов. Может быть, это было еще не все. Стена на той стороне была ниже, и их высота позволяла им бить жалами через аллею. Я объяснил своим людям положение.

— Проклятые уроды, — сказал один. — Всегда ненавидел этих тварей.

Я снова осмотрелся. Через одно здание от нас оказалась автопрокатная контора, там стояли наготове три легковые машины. Было непросто добраться туда через две отделявшие нас стены, особенно с человеком, у которого была сломана рука, но нам это удалось. Кое-как я втиснул всех в большой "даймлер". Едва все уселись, я открыл ворота на улицу и побежал назад к машине.

Триффиды тут же заинтересовались. Зловещая чувствительность к звукам подсказала им, что здесь что-то происходит. Когда мы тронулись в путь, двое уже поджидали нас у ворот. Их жала хлестнули нам навстречу и без вреда шлепнулись в закрытые окна. Я круто свернул,

сбил одного и переехал через него. Минуту спустя мы были уже далеко и мчались на поиски другого, более безопасного места.

Этот вечер был для меня самым скверным со дня катастрофы. Освобожденный от своих стражей, я выбрал себе небольшую комнату, где мог побыть в одиночестве. На каминной полке я установил в ряд шесть свечей и долго сидел в кресле, обдумывая положение. Вернувшись домой, мы узнали, что один из первых заболевших умер; другой был, несомненно, при смерти; заболели еще четверо. К концу ужина заболели еще двое. Что это была за болезнь, я понятия не имел. При отсутствии санитарных условий и вообще при теперешнем положении это могло быть все, что угодно. Я подумал, о тифе, но у меня было смутное впечатление, что у тифа должен быть более длительный инкубационный период. Да и то сказать, если бы я и знал — какая разница? Достаточно того, что болезнь эта очень скверная, раз рыжеволосый молодой человек пустил в ход пистолет и отказался от преследования нашей группы.

Похоже было на то, что я с самого начала оказывал своей команде сомнительную услугу. Мне удалось помочь им продержаться, в то время как, с одной стороны, им угрожала соперничающая шайка, а с другой — из пригорода надвигались триффиды. Теперь появилась еще эта болезнь. Чего же я достиг в конце концов? Отодвинул на какое-то время голодную смерть, только и всего.

Я не знал, что делать дальше. И кроме того, меня мучила мысль о Джозелле. То же самое, а может быть, нечто похуже, могло твориться и в ее районе...

Я обнаружил, что снова думаю о Микаэле Бидли и его группе. Еще раньше я знал, что на их стороне логика, а теперь я начинал думать, что на их стороне и истинная гуманность. Они исходили из того, что невозможно спасти кого-нибудь, кроме очень немногих. Внушать же остальным беспочвенные надежды — это по меньшей мере жестоко.

Кроме того, были еще мы сами. Если в чем-либо вообще есть какая-нибудь цель, то для чего мы выжили? Не для того же, чтобы попусту растратить себя в безнадежных усилиях?..

Я решил, что завтра же отправлюсь на поиски Джозеллы, и мы вместе разрешим все сомнения.

Щеколда двери звякнула. Дверь медленно приоткрылась.

— Кто там? — спросил я.

— О, вы здесь... — сказал девичий голос.

Она вошла и притворила за собой дверь.

— Что вам угодно? — спросил я.

Она была высокая и тонкая. Меньше двадцати, подумал я. Я нее были слегка вьющиеся волосы. Каштановые волосы. Она была тихая, но не из тех, кого не замечают: так уж она была устроена и сложена. Золотисто-коричневые глаза ее смотрели поверх меня, а то бы я подумал, что она меня рассматривает.

Она ответила не сразу. Была в ней какая-то неуверенность, которая очень не шла ей. Я ждал, пока она заговорит. У меня почему-то комок подкатил к горлу. Понимаете, она была молода и она была прекрасна. Вся жизнь должна была лежать перед нею: возможно, чудесная жизнь. Всегда есть что-то немного печальное в молодости и красоте при любых обстоятельствах, не правда ли?..

— Вы собираетесь уходить? — сказала она. Это был наполовину вопрос, наполовину утверждение тихим, чуть нетвердым голосом.

— Я этого не говорил, — возразил я.

— Да, — согласилась она. — Но это говорят другие... И ведь это правда?

Я ничего не сказал. Она продолжала:

— Так нельзя. Вам нельзя бросать их. Вы им нужны.

— Мне здесь нечего делать, — сказал я. — Все надежды напрасны.

— А вдруг окажется, что не напрасны?

— Этого не может быть... не сейчас. Мы бы уже знали.

— Но если они все-таки оправдаются? А вы все бросили и ушли?..

— Вы полагаете, я не думал об этом? Мне здесь нечего делать, говорю я вам. Я был чем-то вроде наркотика, который впрыскивают больному, чтобы хоть немного продлить его жизнь... не вылечить, а именно отсрочить смерть.

Несколько секунд она молчала. Затем она проговорила нетвердо:

— Жизнь прекрасна... даже такая. — Она едва владела собой.

Я не мог выговорить ни слова.

— Вы можете не дать нам умереть. Всегда есть шанс... просто шанс, что что-нибудь случится, даже сию минуту.

Я уже сказал, что думаю, об этом и не стал повторяться.

— Это так трудно, — проговорила она, словно сама себе. — Если бы только я могла видеть вас... Но, конечно, если бы я могла видеть... Вы молоды? Голос у вас молодой.

— Мне около тридцати, — сказал я. — И я очень обыкновенный.

— Мне восемнадцать. Это был день моего рождения... день, когда пришла комета.

Я не мог придумать, что ответить. Любые слова были бы жестокими. Пауза затянулась. Я видел, как она стискивает руки. Затем она уронила их; костяшки пальцев у нее побелели. Она шевельнула губами, чтобы заговорить, но ничего не сказала.

— Ну что? Что я могу сделать? — спросил я. — Продлить это еще немного?

Она закусила губу, затем сказала:

— Они... они говорят, что вы, наверно, одиноки. Я подумала, что если бы... — Ее голос дрогнул, костяшки пальцев побелели еще сильнее. — Если бы у вас кто-нибудь был... я хочу сказать, если бы у вас был кто-нибудь здесь... вы... вы бы, может быть, не ушли от нас. Может быть, вы остались бы с нами?

— О Боже, — сказал я тихо.

Я глядел на нее. Она стояла очень прямо, губы ее слегка дрожали. У нее должны были быть поклонники, жадно ловившие тень ее улыбки. Она была счастлива и беззаботна, а потом к ней пришло бы счастье в заботах. Ее ждали жизнь, полная очарования, и радостная любовь.

— Вы ведь будете добры ко мне, правда? — сказала она. — Понимаете, я никогда еще...

— Замолчите! Замолчите! — оборвал я ее. — Вы не должны говорить мне такие вещи. Пожалуйста, уходите.

Но она не уходила. Она стояла и глядела на меня невидящими глазами.

— Уходите же! — повторил я.

Она была прямым укором, и я не мог вынести этого. Она была не просто собой. Она была тысячами тысяч погибших юных жизней.

Она подошла ближе.

— Что это, вы плачете? — спросила она.

— Уходите. Ради Бога, уходите! — воскликнул я.

Она постояла в нерешительности, затем повернулась и ощупью направилась к двери. Когда она выходила, я сдался:

— Можете сказать им, что я остаюсь.

Проснувшись на следующее утро, я прежде всего ощутил запах. Он чувствовался и раньше, но погода, к счастью, была прохладная. Теперь же наступил теплый день, и было уже довольно поздно. Не стану подробно рассказывать об этом запахе; те, кто знал его, никогда не забудут, а для остальных он неописуем. Он неделями поднимался над городами и разносился каждым дуновением ветра. Я ощутил его в то утро, и он окончательно убедил меня, что наступил конец. Смерть есть лишь жуткий конец движения; окончательным же является распад.

Несколько минут я лежал и думал. Теперь единственное, что можно было сделать, это погрузить команду на грузовики и вывезти из города. А запасы, которые мы сделали? Их также надо погрузить и вывезти... и, кроме меня, никто не может сидеть за рулем... На это понадобятся дни... если только они еще есть у нас, эти дни...

Тут я подумал, что сейчас делают мои люди. В доме стояла странная тишина. Я прислушался, но различил только доносившиеся откуда-то стоны. Меня охватила тревога. Я вылез из постели и торопливо оделся. На лестничной площадке я прислушался снова. Нигде в доме не было слышно шагов. На меня вдруг нахлынуло скверное

ощущение, будто история повторяется и я опять нахожусь в больнице.

— Эй! Кто здесь есть? — крикнул я.

Отозвалось несколько голосов. Я распахнул ближайшую дверь. Там лежал мужчина. Он выглядел очень плохо и был в полубреду. Я ничего не мог сделать. Я снова закрыл дверь.

Мои шаги гремели по деревянным ступенькам. На следующем этаже женский голос позвал:

— Билл!.. Билл!

Она лежала на кровати в маленькой комнатушке, девушка которая приходила ко мне вчера вечером. Когда я вошел, она повернула ко мне лицо. Я увидел, что она тоже больна.

— Не подходите близко, — сказала она. — Это все-таки вы, Билл?

— Да.

— Я так и думала. Вы еще можете ходить, остальные ползают. Я рада, Билл. Я сказала им, что вы не уйдете... но они сказали, что вы уже ушли. И они все ушли, все, кто мог ходить.

— Я спал, — сказал я. — Что произошло?

— Многие и многие из нас заразились. Все были напуганы.

Я сказал беспомощно:

— Что я могу сделать для вас? Может быть, вам что-нибудь принести?

Ее лицо исказилось, она обхватила себя руками и скорчилась. Потом приступ прошел. Она лежала, и струйки пота стекали по ее лбу.

— Пожалуйста, Билл. Я не очень храбрая. Вы не можете принести мне чего-нибудь... покончить с этим?

— Да, сказал я. — Я могу сделать это для вас.

Я вернулся из аптеки минут через десять. Я подал ей стакан воды и вложил ей снадобье в другую руку.

Некоторое время она медлила. Затем она сказала:

— Все тщетно... и все могло быть совсем по-другому. Прощайте, Билл... и спасибо вам за то, что вы сделали.

Я глядел на нее, как она лежала. Я спрашивал себя, сколько женщин сказали бы: "Возьми меня с собой", когда она сказала: "Останься с нами"?

И я даже не знал ее имени.

9. ЭВАКУАЦИЯ

Я решил ехать к Вестминстеру, потому что хорошо помнил о рыжеволосом молодом человеке, который в нас стрелял.

После того как мне исполнилось шестнадцать, мой интерес к оружию пошел на убыль, но теперь, когда мир снова впал в дикость, представлялось необходимым либо быть готовым в случае надобности вести себя по-дикарски, либо в скором времени вообще перестать вести себя как бы то ни было. На Сэнт-Джеймз-стрит было несколько магазинов, где с величайшей изысканностью торговали всеми видами смертоносного оружия — от ружей на птиц до винтовок на слонов.

Я покинул эти магазины со смешанным чувством защищенности и агрессивности. У меня вновь был добрый охотничий кинжал. В кармане лежал пистолет, точный в надежный, как научный прибор. На сиденье рядом покоились заряженный дробовик двенадцатого калибра и коробки с патронами. Я выбрал дробовик, а не винтовку: гремит он не менее убедительно, верхушку же триффида снесет, не в пример пуле, начисто. А триффиды были уже в самом Лондоне. По-видимому, они еще старались избегать улиц, но я заметил, как несколько штук ковыляли через Гайд-парк, и еще несколько торчало в Грин-парке. Скорее всего это были декоративные экземпляры с урезанным жалом, но, может быть, и нет.

И вот я прибыл в Вестминстер.

Все здесь несло на себе отпечаток смерти, гибели. Обычная россыпь покинутых машин замерла на улицах. Людей почти не было.

Над всем этим возвышалось здание Парламента, стрелки его часов застыли на трех минутах седьмого. Было трудно поверить, что теперь это просто претенциозное ук-

рашение из непрочного камня, которому предстоит медленное разрушение. Пусть градом посыплются вниз на террасу его обвалившиеся бельведеры — больше не будет негодующих членов парламента, сетующих на риск, которому подвергаются их драгоценные жизни. Наступит время, и потолки и крыши проваляться в эти залы, откуда на весь мир звучало эхо добрых намерений и наивных уловок.

Рядом невозмутимо текла Темза. Она будет течь и тогда, когда обрушатся каменные набережные, разольется вода и Вестминстер снова превратится в островок на болоте.

Поразительно четким силуэтом на фоне ясного неба вздымалось серебристо-серое аббатство. Оно стояло, отчужденное своим возрастом от эфемерной поросли вокруг. Прочный фундамент веков поддерживал его, и, быть может, ему предстояло еще долгие века сохраняться в неприкосновенности и служить памятником тем, чья работа была теперь разорена дотла.

Я не стал там задерживаться. В грядущие годы кто-нибудь, исполненный романтической меланхолии, придет взглянуть на аббатство. Но романтизм такого рода есть сплав трагедии и давних воспоминаний. Мне же все это было слишком близко.

Мало того, я начинал испытывать нечто новое — страх одиночества. Я не был одинок с тех пор, пока шел из больницы по Пиккадилли. Во всем, что я видел тогда, была неразгаданная новизна. А теперь я впервые почувствовал ужас, который обрушивает одиночество на стадное по натуре животное. Я ощущал себя голым, беззащитным против всех страхов, крадшихся за мною по пятам...

Я заставил себя ехать по Виктория-стрит. Даже рокот мотора тревожил меня своим эхом. Мне страстно хотелось бросить машину и бесшумно двигаться пешком, ища безопасности в собственной ловкости, подобно зверю в джунглях. Вся моя воля потребовалась мне, чтобы не сорваться и продолжать действовать по плану. Ведь я знал, что стал бы делать, если бы мне достался этот район: я бы искал продовольствие в его крупнейшем универсальном магазине.

Так и есть, кто-то очистил продовольственный отдел магазина армии и флота. Но сейчас там не было ни души.

Я вышел из бокового подъезда. Кот обнюхивал на мостовой что-то, похожее на груду тряпья. Я хлопнул в ладоши. Кот поглядел на меня и скрылся.

Из-за угла вышел человек. Лицо его сияло торжеством, он катил по середине улицы огромный круг сыра. Услыхав мои шаги, он опрокинул сыр, сел на него и принялся яростно размахивать палкой. Я вернулся к машине.

Не исключено, что Джозелла тоже избрала для своей резиденции какой-нибудь отель. Я вспомнил, что несколько отелей есть вокруг вокзала Виктории, и направился туда. Их оказалось там гораздо больше, чем я предполагал. Обследовав десяток и не найдя никаких признаков организованной стоянки, я понял, что это совершенно безнадежно.

Тогда я стал искать кого-нибудь, чтобы расспросить. Может быть, именно благодаря ей кто-то остался в живых. В этом районе я встретил пока всего несколько человек, способных передвигаться. Теперь мне уже казалось, что не осталось ни одного. Но в конце концов на углу Бекингэм Палас-род я заметил сгорбленную старуху, сидевшую на пороге. Всхлипывая и ругаясь, она терзала сломанными ногтями консервную банку. Я отправился в лавчонку поблизости и нашел там полдюжины банок бобов, забытых на верхней полке. Затем я нашел консервный нож и вернулся к ней. Она все еще безуспешно терзала свою жестянку.

— Бросьте ее, — сказал я. — Это кофе.

Я вложил в ее руку консервный нож и дал ей банку бобов.

— Слушайте меня, — сказал я. — Где-то здесь должна быть девушка, зрячая девушка. Вы ничего не знаете о ней? Она обслуживала группу слепых.

Я не очень рассчитывал на успех, но ведь что-то помогло этой старухе продержаться дольше, чем всем остальным. Я едва поверил своим глазам, когда она кивнула.

— Да, — сказала она и принялась открывать банку.

— Вы ее знаете? Где она? — спросил я. Мне почему-то и в голову не пришло, что речь могла идти вовсе не о Джозелле.

Старуха покачала головой.

— Я не знаю. Я была с ее командой какое-то время, а потом потеряла их. Такой старухе, как я, не угнаться за молодыми, и я их потеряла. Они не стали ждать бедную старуху, и я так и не нашла их больше. Она продолжала трудиться над банкой.

— Где она живет? — спросил я.

— Мы все жили в отеле. Не знаю только, где этот отель, а то бы я его снова нашла.

— А название отеля?

— Не знаю. Что толку в названиях, когда не можешь читать, да и никто не может.

— Но вы должны помнить о нем что-нибудь.

— Ничего не помню.

Она подняла банку и осторожно понюхала содержимое.

— Вот что, — сказал я холодно. — Вы хотите, чтобы я оставил вам эти банки?

Она сделала движение рукой, чтобы придвинуть их к себе.

— Ну так вот. Тогда расскажите мне все, что знаете об этом отеле, — продолжал я. — Так вы должны знать, большой он или маленький.

Она подумала, все еще загораживая банки.

— Внизу было вроде бы гулко... как будто много места. И там было роскошно... знаете, мягкие ковры, и хорошие кровати, и хорошие простыни.

— Что еще?

— Да больше как будто... А да, вот еще что. Снаружи две ступеньки, и входить надо через дверь, которая вертится.

— Это уже лучше, — сказал я. — Вы не врете? Если я не найду этот отель, то вас-то уж я найду, будьте уверены.

— Как на духу, мистер. Две низенькие ступеньки, и крутится дверь.

Она порылась в потрепанном чемоданчике рядом с собой, вытащила грязную ложку и принялась смаковать бобы, словно это было райское угощение.

Оказалось, что отелей поблизости еще больше, чем я думал, и просто удивительно, сколько из них было с крутящимися дверями. Но я не сдавался. И когда я нашел, ошибки быть не могло: следы и запах были слишком знакомы.

— Эй, кто-нибудь! — крикнул я в пустом вестибюле.

Я уже решил было подняться наверх, когда из угла послышался стон. Там, на диванчике в нише, лежал человек. Даже в сумеречном свете было видно, что он уже не жилец. Я не стал подходить слишком близко. Его глаза открылись. На секунду я подумал, что он зрячий.

— Это вы там? — сказал он.

— Да, я хотел...

— Воды, — сказал он. — Ради Христа, дай мне немного воды...

Я направился в ресторан и нашел буфетную. В кранах не было ни капли. Я опростал в кувшин два сифона с содовой и вернулся в вестибюль с кувшином и чашкой. Я поставил их на пол так, чтобы он мог дотянуться.

— Спасибо, друг, — сказал он. — Я управлюсь. Держись от меня подальше.

Он погрузил чашку в кувшин и осушил ее.

— Господи, — сказал он. — Как хорошо! — Он осушил еще одну чашку. — Что ты здесь делаешь, друг? Место это нездоровое, сам понимаешь.

— Я ищу девушку... зрячую девушку. Ее зовут Джозелла. Она здесь?

— Была она здесь. Ты опоздал, приятель.

Внезапное подозрение обрушилось на меня, как удар.

— Вы... вы хотите сказать.

— Да нет. Успокойся, друг. Она этого не подцепила. Нет, она просто ушла... как все, кто мог ходить.

— А куда она пошла, вы не знаете?

— Этого я не могу сказать, друг.

— Ясно, — произнес я с трудом.

— Ты бы тоже лучше уходил, приятель. А то побудешь здесь еще немного и останешься навсегда. Как я.

Он был прав. Я стоял и смотрел на него.

— Вам что-нибудь нужно?

— Нет. Этого мне хватит. Мне уже недолго. — Он помолчал. Затем добавил: — Прощай, друг, и большое

спасибо. И если ты ее найдешь, береги ее — она славная девушка.

Позже, когда я обедал консервированной ветчиной и бутылкой пива, мне пришло в голову, что я не спросил его, когда ушла Джозелла. Правда, в таком состоянии он вряд ли мог иметь ясное представление о времени.

Затем я отправился в университет. Я считал, что Джозелла подумала бы о том же, и была надежда, что кто-нибудь из нашей разгромленной группы мог тоже прибиться туда, пытаясь воссоединиться. Это была не очень основательная надежда, ибо здравый смысл должен был заставить их покинуть город еще несколько дней назад.

Два флага все еще висели над башней, вялые в теплом воздухе раннего вчера. Из двух десятков грузовиков, которые были собраны во дворе, осталось четыре, по всей видимости нетронутые. Я остановил машину рядом с ними и направился к зданию. Мои каблуки отчетливо стучали в тишине.

— Хэлло! Хэлло, эй! — позвал я. — Есть здесь кто-нибудь? Эхо моего голоса прокатилось по коридорам и лестничным пролетам, перешло в едва слышный шепот и замерло. Я пошел к двери в другое крыло и покричал еще раз. Снова эхо замерло без ответа, оседая на стены бесшумно, как пыль. И тогда, повернувшись, я увидел на стене у парадного входа надпись мелом большими буквами. Это был адрес:

ТИНШЭМ МЕНОР
ТИНШЭМ
ДИВАЙЗЕС, УИЛТШИР

Это было уже кое-что.

Я глядел на надпись и раздумывал. Примерно через час стемнеет. До Уилтшира, насколько я помнил, не менее ста миль. Я вышел во двор и осмотрел грузовики. Один из них был мой — тот самый, что я пригнал последним и куда сложил мои противотриффидные ружья. Я вспомнил, что груз его состоит из отличного набора продуктов и предметов первой необходимости. Будет гораздо лучше прибыть с этим грузом, чем с пустыми руками на легковой машине.

Но без самой настоятельной необходимости я вовсе не желал гнать ночью огромную, тяжело груженную машину по дорогам, на которых, надо полагать, могут возникнуть разные неприятные осложнения. Чтобы справиться с ними, пришлось бы искать другую машину и перетаскивать груз на нее; на это ушло бы слишком много времени. Куда лучше и удобнее выехать на этом же грузовике рано утром. Я перенес в его кабину коробки с патронами, чтобы все было готово к отъезду, и вернулся в здание. Дробовик я взял с собой.

Моя комната, откуда я выбежал по ложной пожарной тревоге, была в том же виде, как я ее оставил: одежда на кресле и даже портсигар и зажигалка там, где я положил их возле своей импровизированной кровати. Было еще слишком рано, чтобы ложиться. Я закурил, сунул портсигар в карман и решил побыть под открытым небом.

Прежде чем войти в садик на Рассел-сквер, я внимательно оглядел его. Я уже привык относиться с подозрением к открытым пространствам. И действительно, я заметил одного триффида. Он неподвижно стоял в северо-западном углу садика и был значительно выше окружающих кустов. Я подошел ближе и одним выстрелом снес его верхушку. В тишине сквера выстрел прозвучал, как грохот гаубицы. Убедившись, что других триффидов поблизости нет, я вошел в садик и сел, прислонившись спиной к дереву.

Так я сидел, наверно, минут двадцать. Солнце опустилось низко, половина площади была погружена в тень. Скоро нужно будет возвращаться в здание. Пока светло, я еще могу держать себя в руках; но в темноте на меня бесшумно поползут призраки. Я уже чувствовал, что погружаюсь в первобытное состояние. Пройдет немного времени, и я буду проводить часы мрака в страхе, как проводили их мои отдаленные предки, с вечным недоверием вглядываясь в ночь за порогом своих пещер. Я встал и в последний раз оглядел площадь, словно это была страница истории, которую мне хотелось изучить, прежде чем она перевернется. И пока я стоял, на дороге послышался негромкий скрип шагов, однако он прорезал тишину, словно скрежет жерновов.

Я повернулся с ружьем наготове. Я был испуган, как Робинзон Крузо при виде отпечатка ноги, потому, что это не были неуверенные шаги слепого. Затем я уловил в сумерках двигающийся огонек. Когда огонек появился в саду, я разглядел фигуру мужчины. Видимо, он увидел меня еще прежде, чем я услыхал его шаги, так как он направился прямо ко мне.

— Не стреляйте, — сказал он, широко расставив пустые руки. Я узнал его, когда он приблизился на несколько метров. Он тоже узнал меня.

— О, это вы, — сказал он.

Я продолжал держать ружье наготове.

— Привет, Коукер, — сказал я. — Что вам здесь надо? Хотите поручить мне еще одну маленькую команду?

— Нет. Можете опустить эту штуку. Слишком от нее много шума. Я и нашел-то вас из-за нее. Нет, — повторил он. — Довольно с меня. Я ухожу отсюда к чертовой матери.

— Я тоже, — сказал я и опустил ружье.

— Что случилось с вашей командой? — спросил он.

Я рассказал ему. Он кивнул.

— То же, что с моей. И с другими, наверное. И все-таки мы попытались...

— Негодная попытка, — сказал я.

Он снова кивнул.

— Да, — признался он. — Мне кажется, ваша группа с самого начала взяла правильную линию... Только неделю назад она представлялась мне совсем неправильной.

— Шесть дней назад, — поправил я его.

— Неделю, — сказал он.

— Да нет же... А, черт, какое это имеет значение? — сказал я. — В общем, — продолжал я, — что вы скажете, если я объявлю вам амнистию и мы начнем все сначала?

Он согласился.

— Я ничего не понял, — опять признался он. — Я думал, что один только я отношусь к этому серьезно, и я просчитался. Я не верил, что это продлится долго или что кто-нибудь не придет на помощь. Но полюбуйтесь на это

теперь! И так, наверно, повсюду. В Европе, в Америке, в Азии — везде то же самое. Если бы не так, они были бы уже здесь, помогали, лечили, чистили... Нет, я считаю, что ваша группа понимала это с самого начала.

Несколько секунд мы молчали, затем я спросил:

— Эта болезнь, эпидемия... Что это такое, по-вашему?

— Убейте, не знаю, приятель. Я думал, что это тиф, но кто-то мне сказал, будто тиф развивается дольше. Так что не знаю. И не знаю, почему не заразился сам... Разве что мог держаться от заболевших подальше и следить за тем, чтобы моя еда была чистой. Я ел только консервы, которые открывал сам, и пил только пиво из бутылок. Так или иначе, мне не улыбается торчать здесь дольше. Вы-то куда собираетесь?

Я рассказал ему про адрес, написанный мелом на стене. Он еще не видел эту надпись. Он как раз направлялся к Университету, когда услыхал мой выстрел, и стал с некоторой опаской разыскивать стрелявшего. — Это я... — начал я и остановился. Где-то на улице, к западу от нас, послышался звук стартера. Мотор заревел и вскоре затих вдали.

— Ну вот, еще кто-то уехал, сказал Коукер. — Кстати, об этой надписи. Как вы думаете. кто ее мог оставить? Я пожал плечами. Вполне возможно, что адрес оставил человек из нашей группы, который был захвачен Коукером и потом вернулся сюда. Или кто-нибудь из зрячих, кого Коукер упустил. Ведь определить, когда сделана надпись, было нельзя. Он подумал.

— Вдвоем нам будет лучше. Я пристроюсь к вам и посмотрю, что там делается. Ладно?

— Ладно, — согласился я. — Я за то, чтобы сейчас лечь спать и завтра выехать пораньше.

Я проснулся, когда он еще спал. Я вновь облачился в свой лыжный костюм и тяжелые башмаки, бросив неудобную одежду, которой снабдили меня люди Коукера. К тому времени, когда я вернулся с набором банок и пакетов, Коукер тоже был на ногах и одет. За завтраком мы решили, что поедем не в одном грузовике в поведем два — к вящей пользе обитателей Тиншэма.

— И смотрите, чтобы окна в кабине были закрыты, — напомнил я. — Вокруг Лондона полно триффидных заповедников, особенно к западу.

— Ага. Я уже видел этих тварей в городе, — сказал он беспечно.

— Я тоже видел их, и притом в действии, — сказал я.

В первом же гараже, который нам повстречался, мы взломали бензоколонку и запаслись горючим. Затем, грохоча по улицам, как танковая колонна, мы двинулись на запад: моя трехтонка впереди, он за мной.

Продвижение было утомительным. Через каждые несколько десятков метров попадался какой-нибудь брошенный автомобиль. Иногда две-три машины полностью перекрывали дорогу, так что приходилось переключаться на первую скорость и сдвигать одну из них в сторону. Разбитых машин было немного. Видимо, слепота поражала водителей хотя и быстро, но не мгновенно, так что они успевали затормозить. В большинстве они сворачивали при этом к тротуару. Если бы катастрофа произошла днем, главные магистрали были бы совершенно забиты и нам пришлось бы затратить дни, чтобы выбраться из центра боковыми улицами, отступая перед непроходимой стеной машин в поисках объезда. Одним словом, продвигались мы не так медленно, как мне представлялось из-за нескольких пустяковых задержек, и когда я через несколько миль увидел впереди возле дороги перевернутую машину, я осознал, что теперь мы уже на пути, который прошли и расчистили для нас другие.

На западной окраине Стейнза мы ощутили, что Лондон, наконец, остался позади. Я остановил машину и пошел назад к Коукеру. Когда он выключил двигатель, наступила тишина, плотная и неестественная, нарушаемая только потрескиванием охлаждающегося металла. Я вдруг вспомнил, что с того момента, как мы тронулись в путь, я не видел, кроме нескольких воробьев, ни одного живого существа. Коукер вылез из кабины. Он стоял посреди дороги, вслушиваясь и оглядываясь. Потом пробормотал:

— Вон там пред нами пролегают
Пустыни бесконечной вечности...

Я пристально посмотрел на него. Серьезное, задумчивое выражение на его лице сменилось вдруг ухмылкой, и он спросил:

— А может быть, вы предпочитаете Шелли?

— Я — Озимандис, царь царей,
Взгляни, надменный, на мои труды и ужаснись!..

Пошли поедим чего-нибудь.

— Коукер, — сказал я когда мы устроились на прилавке в магазине, намазывая мармелад на бисквиты. — Вы меня озадачили. Кто вы такой? В первый раз, когда я вас повстречал, вы занимались декламацией — вы мне простите это вполне подходящее слово? — на портовом жаргоне. Теперь вы цитируете Марвелла. Я не понимаю этого.

Он усмехнулся.

— Я тоже никогда этого не понимал, — сказал он. — Как и полагается гибриду: никогда не знаешь, что ты такое. Мать тоже не знала, что я такое, — во всяком случае она никогда не могла доказать, кто был моим отцом, и получить средства на мое содержание. Она вымещала это на мне, и я с детства был всем на свете недоволен. Кончив школу, я повадился ходить на митинги — все равно какие, лишь бы это были митинги протеста. Это свело меня с публикой, которая там выступала. Может быть, они находили меня забавным. Так или иначе, они стали таскать меня с собой на всякие политические сборища. Потом мне надоело, что я их забавляю и что мои слова вызывают у них этакий двойной смех, наполовину вместе со мной, наполовину надо мной. Я сообразил, что мне необходимо общее образование, какое имеют они, и тогда я сам посмеюсь над ними. Я поступил в вечерние классы и стал практиковаться в их жаргоне. Очень многие не понимают одной простой вещи. Если вы разговариваете с человеком и хотите, чтобы он принял вас всерьез, говорите с ним на его собственном жаргоне. Если же вы цитируете Шелли, но говорите, как простолюдин, они находят, что вы милы, вроде обезьянки у шарманщика, но на смысл ваших слов они не обращают

внимания. Необходимо говорить на жаргоне, который они привыкли принимать всерьез. И наоборот. Половина политической интеллигенции, выступая перед рабочей аудиторией, ничего не может добиться — и не столько потому, что она стоит выше этой аудитории, сколько из-за того, что большинство ребят слушают голос, а не слова; они пропускают слова мимо ушей, потому что слова эти очень уж вычурные, а не обыкновенная человеческая речь. И вот я рассудил, что надо сделаться двуязыким и каждый язык употреблять в подходящей обстановке, а время от времени — вдруг и не тот язык не в той обстановке. Это действует без промаха. Чудесная вещь наша английская кастовая система. С тех пор я стал делать успехи в ораторском ремесле. Постоянной работой это не назовешь, но зато интересно и разнообразно.

— А как случилось, что вы не ослепли? Вы же не были в больнице, не так ли?

— Я? Нет. Случилось так, что я выступал на митинге протеста против хамства полиции во время одной забастовки. Мы начали около шести, а через полчаса пожаловала и сама полиция. Я нашел очень удобный люк и спустился в подвал. Они полезли за мной и стали его обыскивать, только я зарылся в кучу стружки. Они немного потоптались наверху, потом все затихло. Но я не торопился вылезать. Ни к чему мне было попадаться в их маленькие славные ловушки. Я пригрелся в стружках и заснул. А когда утром осторожно высунул нос наружу, то увидел, что произошло. — Он помолчал в задумчивости. — Ну что же, моя ораторская карьера закончилась. Вряд ли теперь будет спрос на мои таланты.

Я не стал с ним спорить. Мы закончили еду. Он соскочил с прилавка.

— Пошли. Пора двигаться. "Завтра к свежим полям и новым лугам", если вам нужна на этот раз совершенно банальная цитата.

— Она не только банальная, она еще и неточная, — сказал я. — Не "к полям", а "к лесам".

Он подумал хмурясь. — Провалиться мне, приятель, так оно и есть, — признал он.

И я и Коукер заметно ожили: сельские пейзажи вселяли какие-то надежды. Да, конечно, эти зеленые всходы созреют, но некому будет собрать урожай и некому сорвать фрукты с плодовых деревьев; и вся эта местность никогда больше не будет такой аккуратной и нарядной, как сегодня, но при всем том она будет продолжать жить по-своему. Это не то что города, бесплодные и обреченные. Это место, где можно работать, заботиться и еще найти свое будущее. На его фоне мое существование в течение последней недели представилось мне чем-то вроде жизни крысы, шмыгающей по помойным ямам. И когда я глядел на поля, я чувствовал, как ширится и крепнет моя душа.

Когда нам попадались города на нашем пути, такие, как Рединг и Ньюбери, на некоторое время возвращалось ко мне лондонское настроение, но это были всего лишь незначительные впадины на графике моего возрождения.

Невозможно до бесконечности сохранять трагическое настроение. В этом разум подобен фениксу. Это его качество может быть полезным и вредным, оно просто часть воли к жизни, хотя именно одно позволило нам вступать в одну изнурительную войну за другой. Но мы не можем долго оплакивать даже целые океаны пролитого молока — таково необходимое свойство нашего организма. Под голубым небом с облаками, плывущими подобно айсбергам, страшная память о городе бледнела и чувство жизни вновь освежало нас подобно чистому ветру. И если это не может служить оправданием, то во всяком случае объясняет, почему я время от времени вдруг с удивлением ловил себя на том, что пою за рулем.

В Хангерфорде мы остановились, чтобы взять горючего и еды. Чувство освобождения продолжало расти по мере того, как мы милю за милей мчались по нетронутой стране. Она еще не казалась пустынной, она была пока только сонной и приветливой. Даже небольшие кучки триффидов, ковыляющих через какое-нибудь поле или зарывшихся корнями в землю, не портили моего настроения. Они вновь превратились для меня в объекты чисто профессионального интереса.

Неподалеку от Дивайзеса мы опять остановились, чтобы свериться с картой. Немного дальше мы свернули вправо на проселок и въехали в деревню Тиншэм.

10. ТИНШЭМ

Миновать Менор, не заметив, не было никакой возможности. Высокая стена, огораживающая поместье, проходила рядом с дорогой за кучкой домиков, составлявших деревню Тиншэм. Мы ехали вдоль этой стены, пока не увидели массивные ворота из сварного железа. За воротами стояла молодая женщина, лицо которой не выражало ничего, кроме трезвого сознания возложенной на нее ответственности. Она была вооружена и неумело сжимала ружье обеими руками. Я дал сигнал Коукеру притормозить и оклинул ее. Она пошевелила губами, но из-за шума двигателя я не расслышал ни слова. Я выключил двигатель.

— Это Тиншэм-менор? — осведомился я.

Она не пожелала выдавать никаких тайн.

— Вы кто такие? — спросила она вместо ответа. — И сколько вас?

Мне очень хотелось, чтобы она не обращалась так со своим ружьем. Не спуская глаз с ее пальцев, неловко нащупывающих спусковой крючок, я вкраце объяснил ей, кто мы такие, почему мы приехали, что мы везем, и заверил ее, что нас всего двое и больше в грузовиках никто не прячется. Вряд ли она восприняла все это. Ее глаза не отрывались от моего лица, и в них было тоскливо-умозрительное выражение, обыкновенно свойственное ищейкам и неприятное даже у них. Мои слова не рассеяли эту всеобъемлющую подозрительность, которая делает добросовестных людей такими скучными. Когда она вышла, чтобы заглянуть в кузовы и проверить правдивость моих утверждений, я мысленно пожелал ей не столкнуться когда-нибудь с людьми, относительно коих ее подозрения оправдались бы. Ей очень не хотелось признать, что она удовлетворена, ведь это принижало ее роль надежного часового, но в конце концов она уступила и пропустила нас. Когда я въезжал в ворота, она крикнула: "Берите вправо!" —

и сейчас же вернулась к своим обязанностям по обеспечению безопасности вверенного ей участка.

За короткой вязовой аллеей раскинулся парк в стиле восемнадцатого века, усаженный деревьями, которым было достаточно места, чтобы разрастись во всем великолепии. Дом не блистал архитектурным изяществом, но это был громадный дом. Он занимал обширную площадь и сочетал в себе множество разнообразных стилей, словно из его прежних владельцев никто не мог удержаться от искушения оставить на нем свой персональный отпечаток. Каждый из них при всем уважении к деятельности своих отцов ощущал, по-видимому, настоятельную необходимость выразить также и дух собственного времени. Неколебимое пренебрежение предыдущими канонами вылилось в немыслимую эклектику. Это был, несомненно, смешной дом, но он производил впечатление дружелюбия и надежности.

Правая дорожка привела нас на широкий двор, где уже стояло несколько машин. Вокруг, занимая, наверно, несколько акров, располагались многочисленные каретник и конюшни. Коукер поставил свой грузовик рядом с моим и вылез. Никого вокруг видно не было.

Мы вошли в главное здание через черный ход и двинулись по длинному коридору. В конце коридора оказалась кухня баронских масштабов, где было тепло и пахло едой. С другой стороны была дверь, из-за которой доносился приглушенный гул голосов и звон посуды, но нам пришлось миновать еще один темный проход и еще одну дверь, прежде чем мы до них добрались.

По-моему, место, где мы очутились, было некогда столовой для слуг. Помещение было достаточно просторно для сотни человек, а сейчас здесь на скамьях за длинными столами на козлах сидело человек пятьдесят-шестьдесят, и с первого взгляда было ясно, что все они слепые. Они сидели тихо и терпеливо, в то время как несколько зрячих трудились, не покладая рук. Возле входа у бокового столика трое девушек прилежно нарезали цыплят. Я подошел к одной из них.

— Мы только что прибыли, — сказал я. — Что прикажете делать?

Она остановилась, затем, не выпуская вилки, отвела тыльной стороной ладони прядь волос, упавшую на лоб.

— Было бы хорошо, если бы один из вас занялся овощами, а другой помог с посудой, — сказала она.

Я принял команду над двумя громадными кастрюлями с картошкой и капустой. Раскладывая порции, я урывками оглядел людей в зале. Джозеллы среди них не было, не видел я и никого из выступавших в университете, хотя лица некоторых женщин показались мне знакомыми.

Процент мужчин здесь был гораздо больше, чем в прежней группе, причем подобраны они были странно. Несколько человек, возможно, и являлись лондонцами или, во всяком случае, горожанами, но большинство было в крестьянской одежде. Исключение составлял пожилой священник, но все они были слепыми.

Женщины были более разнообразны. Некоторые в городских платьях, разительно не соответствующих обстановке, остальные скорее всего местные. Из местных зрячей была только одна девушка, но среди горожанок было около десятка зрячих и несколько слепых, державшихся вполне уверенно. Коукер тоже оглядывал зал.

— Странное это заведение, — сказал он вполголоса. — Ну что, нашли вы ее?

Я покачал головой. Я вдруг осознал, что моя надежда найти здесь Джозеллу была большей, нежели я думал.

— Удивительное дело, — продолжал он. — Здесь нет почти ни одного человека из тех, кого я взял тогда вместе с вами... кроме той девчонки, что нарезает курятину.

— Она вас узнала? — спросил я.

— Думаю, да. Она на меня зверем посмотрела.

Когда раздача закончилась, мы тоже взяли себе по тарелке и сели за стол. Качество продуктов и поварское искусство не вызывали никаких сомнений, к тому же после недели жизни на одних консервах интерес к горячей пище был у меня обострен до крайности. После трапезы послышался стук по столу. Поднялся священник; подождав пока наступит тишина, он заговорил:

— Друзья мои! Кончается еще один день, и уместно сейчас вновь вознести Господу нашему молитвы благодарности за Его великую милость, сохранившую нас в разгаре такого бедствия. Я призываю вас всех помолиться, дабы Он

воззрел с состраданием на тех, кто еще бродит во мраке и одиночестве, и дабы благоугодно было Ему направить их стопы сюда, где мы сможем помочь им. Будем же просить Его дать нам пережить грядущие испытания и несчастья, чтобы в Его время и с Его помощью мы смогли бы сыграть свою роль в построении лучшего мира к Его вящей славе.

Он наклонил голову.

— Всемогущий и всеблагий Господь наш...

Сказав "Аминь", он затянул псалом. После песнопений собрание разбилось на группы, слепые взялись за руки, и четверо зрячих девушек повели их из зала.

Я закурил сигарету. Коукер тоже рассеянно взял у меня одну, не сказав ни слова. К нам подошла девушка.

— Вы нам поможете прибрать со стола? — спросила она. Мисс Дюрран, мне кажется, скоро вернется.

— Мисс Дюрран? — повторил я.

— Она наш руководитель, — объяснила девушка. — Свои дела вы уладите с нею.

О том, что мисс Дюрран вернулась, нам сообщили часом позже, когда почти стемнело. Мы нашли ее в маленькой комнате, похожей на кабинет, освещенный всего двумя свечами на столе. Я сразу узнал в ней ту смуглую женщину с тонкими губами, которая выступала против профессоров на собрании в университете. Когда мы предстали перед ней, все ее внимание сосредоточилось на Коукере. Выражение ее лица было не более дружелюбным, чем неделю назад.

— Мне сообщили, холодно произнесла она, разглядывая Коукера, словно кучу отбросов, — мне сообщили, что вы тот самый человек, который организовал нападение на университет.

Коукер подтвердил и ждал продолжения.

— Тогда я должна сказать вам раз и навсегда, что в нашей общине мы не признаем грубой жестокости и не собираемся ее терпеть.

Коукер слегка улыбнулся. Затем он ответил на исконном говоре средних классов:

— Все зависит от точки зрения. Разве вы можете судить, кто был более жесток: тот, кто осознал свою ответственность перед настоящим и остался, или

тот, кто осознал свою ответственность перед будущим и ушел?

Она продолжала пристально смотреть на него. Выражение ее лица не изменилось, но было очевидно, что в эту минуту меняется ее мнение о Коукере. Она явно не ожидала ни такого ответа, ни такой манеры держаться. Оставив на время эту проблему, она повернулась ко мне.

— Вы тоже в этом участвовали? — спросила она.

Я объяснил ей, что играл во всем этом несколько пассивную роль, и задал ей вопрос в свою очередь:

— Что случилось с Микаэлем Бидли, с Полковником и остальными?

Это ей не понравилось.

— Они уехали куда-то в другое место, — сказала она резко. — Здесь у нас чистая благопристойная община в правилах... в христианских правилах, и мы намерены держаться этих правил. У нас нет места людям развратным. Разложение и неверие послужили причиной большинства несчастий мира. Те из нас, кого пощадила катастрофа, обязаны создать общество, в котором это не повторится. Циник, умник пусть знает, что здесь он не нужен, какие бы блестящие теории он ни выдвигал, чтобы замаскировать свою распущенность и свой материализм. Мы христианская община, и мы намерены таковой остаться, — она с вызовом посмотрела на меня.

— Значит, вы разделились? — сказал я. — Куда же направились те?

Она жестко ответила:

— Они отправились дальше, а мы остались здесь. Только это и имеет значение. Постольку, поскольку они не вмешиваются в наши дела, они могут зарабатывать себе вечное проклятье, где им угодно и как им угодно. А они будут прокляты, в этом я не сомневаюсь, раз им вздумалось считать себя выше законов божеских и человеческих.

Она завершила эту декларацию щелчком челюсти, который дал мне ясно понять, что дальнейшие вопросы будут пустой тратой времени. Затем она повернулась к Коукеру.

— Что вы умеете делать? — спросила она.

— Много чего, — ответил он спокойно. — Для начала я буду помогать всем понемногу, пока не увижу, где я полезнее всего.

Она была слегка ошарашена. Ясно было, что она намеревалась принять решение и дать руководящие указания. Но она передумала.

— Хорошо, — сказала она. — Осмотритесь и приходите ко мне поговорить завтра вечером.

Но от Коукера не так-то легко было отделаться. Он пожелал узнать о размерах поместья, о численности общины, о проценте зрячих и о массе других вещей. И он узнал.

Прежде чем мы ушли, я задал вопрос о Джозелле.

Мисс Дюрран нахмурилась.

— Знакомая фамилия. Где же я ее?.. О, это она выступала за консерваторов на прошлых выборах?

— Не думаю, она... э... написала одну книгу, — сознался я.

— Она... — начала мисс Дюрран. Затем я увидел, что она вспомнила. — О-о, та самая?.. Ну, знаете, мистер Мэйсен, не думаю, чтобы подобная особа пожелала связать свою судьбу с такой общиной, как наша.

В коридоре Коукер повернулся ко мне. Я увидел в сумерках, что он ухмыляется.

— Царство гнетущей ортодоксии, — заметил он. Усмешка исчезла, и он добавил: — Удивительный тип, знаете ли. Гордыня и предрассудки. Она нуждается в помощи. Она знает, что чертовски нуждается в помощи, но ничто не заставит ее в этом признаться.

Он задержался возле открытой двери. Было уже темно, и в комнате почти ничего нельзя было разглядеть, но мы знали, что это мужская спальня.

— Хочу перебросить с этими ребятами парой слов. Увидимся позже.

Он шагнул в комнату и весело поздоровался: "Здорово, приятели! Как делишки?" Я посмотрел ему вслед и вернулся в обеденный зал. Единственным источником света там были три свечи, поставленные рядом на столе. Возле свечей сидела девушка и с неудовольствием вглядывалась в какую-то штопку.

— Хэлло, — сказала она. — Ужасно, правда? Как это в старину умудрялись что-нибудь делать по вечерам?

— Не такая уж это старина, — возразил я. — И это наше будущее, а не только прошлое... если кто-нибудь научит нас делать свечи.

— Да, пожалуй. — Она подняла голову и оглядела меня. — Вы приехали сегодня из Лондона?

— Да, — признался я.

— Там сейчас плохо?

— Лондону конец, — сказал я.

— Наверно, вы видели там ужасные вещи, — предположила она.

— Видел, коротко сказал я и спросил: — Вы давно здесь?

Она охотно обрисовала мне положение.

Во время нападения на университет Коукер захватил почти всех зрячих. Осталось несколько человек. Она и мисс Дюрран были среди тех, кого Коукер упустил. На следующий день мисс Дюрран взяла командование на себя, но не совсем преуспела в этом. О немедленном отъезде из Лондона нечего было и думать, так как только один из оставшихся мог водить грузовик. Весь этот день и большую часть следующего они вынуждены были возиться со своими слепыми почти так же, как я со своими в Хэмпстеде. Но вечером следующего дня вернулись Микаэль Бидли и двое зрячих, в ночью в университет прорвались еще несколько человек. К полудню третьего дня у них уже набралось с десяток водителей. Тогда они решили, что благоразумнее выезжать немедленно, нежели ждать и гадать, вернутся ли остальные.

Тиншэм-менор был выбран пробным пунктом назначения по предложению Полковника. Полковник знал это место и утверждал, что оно полностью, отвечает требованиям компактности и изоляции.

Группа была очень разношерстная, и ее руководители отлично сознавали это. На следующий день после прибытия в Тиншэм состоялось собрание. По количеству участников оно было малочисленнее, чем тогда в университете, но во всех других отношениях почти такое же. Микаэль и его сторонники объявили, что сделать предстоит очень много и что они не намерены тратить свою

энергию на умиротворение субъектов, погрязших в дешевых предрассудках и готовых ссориться по пустякам. Слишком велика задача, и слишком прижимает время.

Выступила Флоренс Дюрран. То, что произошло в мире, есть достаточное предостережение, сказала она. И она не может понять, как можно быть столько слепо неблагодарными за чудо спасения да еще пытаться увековечить подрывные теории, которые в течение столетия подтачивали христианство. Она, со своей стороны, не желает жить в общине, где будут постоянно стремиться извратить простую веру тех, кто не стыдится выразить благодарность Господу Богу путем соблюдения его законов. Она не хуже других сознает серьезность положения. Самое правильное будет с должным вниманием отнестись к предупреждению, которое дал Господь, и немедленно вернуться к его учению.

Таким образом обнаружился раскол группы. Мисс Дюрран поддержали пять зрячих девушек, десяток слепых девушек, несколько мужчин и женщин средних лет, тоже слепых, и не поддержал ни один из зрячих мужчин. При таких обстоятельствах не оставалось сомнений, что покинуть Тиншэм придется сторонникам Микаэля Бидли. Грузовики не были разгружены, ничто их не задерживало, и сразу после полудня они отбыли, оставив мисс Дюрран и ее последователей плыть или тонуть в соответствии со своими убеждениями.

Мисс Дюрран и зрячие девушки приступили к осмотру поместья. Большая часть дома была на замке, но в помещении для слуг кто-то недавно жил. Что произошло с людьми, присматривавшими за усадьбой, стало ясно, когда осмотрели фруктовый сад. Там среди рассыпанных фруктов лежали трупы мужчины, женщины и девочки. Рядом, зарывшись корнями в землю, терпеливо ждали два триффида. На образцовой ферме в дальнем углу поместья положение было такое же. Либо триффиды нашли дорогу в парк через какие-нибудь ворота, либо в парке еще раньше содержались неурезанные экземпляры, которые затем вырвались на свободу. Как бы то ни было, они представляли угрозу, и с ними следовало расправиться быстро, пока они не натворили новых бед. Мисс Дюрран послала одну девушку обойти ограду и запереть все ворота и

калитки, а сама взломала дверь в оружейную комнату. Несмотря на отсутствие опыта, она вместе с другой молодой женщиной сумела отстрелить верхушки у всех триффидов, каких удалось обнаружить в поместье, а их оказалось двадцать шесть. Можно было надеяться, что больше в пределах ограды триффидов не осталось.

На следующий день они обследовали деревню и нашли там триффидов в значительных количествах. Уцелели там только те жители, кто либо заперся у себя в доме, намереваясь отсидеться, пока хватит припасов, либо не столкнулся с триффидами во время коротких вылазок за продовольствием. Всех их собрали и переправили в поместье. Они были здоровы и в большинстве полны сил, но сейчас стали скорее обузой, чем помощниками, потому что среди них не оказалось ни одного зрячего.

В течение того же дня прибыли еще четверо молодых женщин. Двое, сменяясь за рулем, пригнали грузовик и слепую девушку. Одна приехала в легковом автомобиле. Быстро осмотревшись, она заявила, что это заведение ей не подходит, и укатила дальше.

О Джозелле моя собеседница ничего не знала. Она никогда не слыхала ее фамилии и, вероятно, никогда ее не встречала.

Пока мы разговаривали, в зале вспыхнул электрический свет. Девушка посмотрела на лампы с благоговением, точно на небесное знамение. Она задула свечи и, продолжая трудиться над штопкой, время от времени поглядывала вверх, как бы желая убедиться, что лампы никуда не делись.

Через несколько минут вошел Коукер.

— Ваша работа? — спросил я, кивнув на лампы.

— Да, — признался он. — Здесь у них есть собственный генератор. Лучше использовать бензин, чем дать ему испариться.

— Вы хотите сказать, что мы все это время могли иметь здесь электрический свет? — спросила девушка.

Коукер посмотрел на нее.

— Надо было всего-навсего завести мотор, — сказал он. — Если вам нужен был свет, почему вы этого не сделали?

— Я не знала, что он есть, и, кроме того, я ничего не понимаю в моторах и электричестве.

Коукер продолжал задумчиво глядеть на нее.

— И поэтому вы сидели впотьмах, — сказал он. — Как, по-вашему, долго вы протянете, если будете по-прежнему сидеть впотьмах вместо того, чтобы заниматься делом?

Его тон задел ее.

— Не моя вина, что я не разбираюсь в таких вещах.

— Не согласен, — возразил Коукер. — Это не просто ваша вина. Вы ее лелеете и холите. Более того, вы притворяетесь, будто вы слишком одухотворенная натура, чтобы разбираться в технике. Это дешевая и глупая форма тщеславия. Каждый является в мир круглым невеждой, но на то Бог и даровал ему — и даже ей — мозги, чтобы приобретать знания. Неспособность пользоваться собственными мозгами не есть достойная похвалы добродетель, даже женщин следует порицать за это.

Она рассердилась, что было вполне понятно. Впрочем, Коукер был зол с самого начала. Она сказала:

— Все это очень хорошо, но у разных людей ум действует в разных направлениях. Мужчины понимают, как работают машины и электричество. Женщины, как правило, такими вещами не очень интересуются.

— Не пытайтесь всучить мне стряпню из мифов и притворства, это не для меня, — сказал Коукер. — Вам прекрасно известно, что женщины управляются — вернее управлялись — с самыми тонкими и сложными механизмами, когда брали на себя труд разобраться в них. Но обычно бывало так, что они слишком ленивы и не желают брать на себя этот труд. На что это им, когда традицию, милой беспомощности можно расценить как женскую добродетель? И когда можно свалить все дело на чьи-то плечи? Обычно это поза, и против нее никто не считает нужным выступить. Напротив, ее лелеют, мужчины ей подыгрывают, стойко ремонтируя для своей бедняжки пылесос и мужественно меняя перегоревшие лампы. Вся эта комедия полностью устраивала обе стороны. Жесткая практичность так хорошо гармонировала с душевной тонкостью и очаровательной беспомощностью, и дурак тот, кто пачкает руки.

Он продолжал, окончательно войдя в раж.

— До сих пор мы могли себе позволить забавляться такого рода умственной ленью и игрой в паразитов. Целые поколения твердили о равенстве полов, но женщина кровно заинтересована в своей зависимости и не желает освобождаться от нее. Ей пришлось модифицировать свое поведение в соответствии с изменившимися условиями, но эти модификации были незначительны, да и они вызывали у женщин недовольство. — Он помолчал. — Вы сомневаетесь? Так вот, взгляните на какую-нибудь бойкую девчонку и на интеллектуальную женщину. Обе они, каждая по-своему, втирают очки, играя в высшую чувствительность. Но приходит война, приносит с собой общественные обязанности, и оказывается, что из той и другой можно сделать приличных механиков.

— Они обычно не становились хорошими механиками, — заметила девушка. — Об этом все говорят.

— А, это защитный механизм в действии. Позвольте вам заметить, что такие утверждения были в интересах почти всех. Впрочем, все равно, до некоторой степени это было так, — признал он. — А почему? Да, потому, что они учились наспех, без надлежащей школьной подготовки, и им вдобавок пришлось бороться против взлелеянного годами убеждения, будто такие интересы им чужды и слишком громоздки для их тонких натур.

— Не понимаю, отчего вы набросились именно на меня, — сказала она. — Не я ведь одна ничего не понимаю в этом несчастном моторе.

Коукер усмехнулся.

— Вы совершенно правы. Получилось нечестно. Я просто разозлился, что вот есть мотор, исправный, готовый к работе, и никто пальцем не пошевелил, чтобы завести его. Меня всегда выводит из себя тупое недомыслие.

— Тогда пойдите и выскажите все это мисс Дюрран, а не мне.

— Не беспокойтесь, выскажу. Но это касается не только ее. Это касается и вас и всех остальных. Я в этом совершенно уверен, знаете, ли. Времена изменились довольно радикально. Вы больше не можете сказать: "Ну, в таких делах я ничего не понимаю", — и оставить это дело кому-нибудь другому. Больше нет идиотов, путающих не-

вежество с невинностью, вот что важно. И невежество перестало быть в женщине изюминкой или игрушкой. Оно делается опасным, смертельно опасным. Если все мы как можно скорее не научимся разбираться во множестве вещей, которые прежде нас не интересовали, то ни мы, ни наши подопечные долго не протянут.

— Не понимаю, с чего вам вздумалось изливать свое презрение к женщинам именно на меня — и все из-за какого-то грязного старого мотора, — сказала она обиженно.

Коукер поднял глаза к потолку.

— Великий Боже! А я-то стараюсь втолковать ей, что у женщин есть все способности, стоит им только взять на себя труд применить их.

— Вы сказали, что мы паразиты. Думаете, это приятно слышать?

— Я не собираюсь говорить вам ничего приятного. И я всего-навсего сказал, что в погибшем мире женщинам было выгодно играть роль паразитов.

— И все потому, что я ничего не понимаю в каком-то вонючем шумном моторе.

— Черт возьми! — сказал Коукер. — Послушайте, отцепитесь вы от этого мотора.

— А тогда зачем...

— Мотор просто оказался символом. Главное же состоит в том, что отныне нам всем придется многому учиться. И не тому, что нравится, а тому, что обеспечивает и поддерживает жизнь общины. Отныне нельзя будет просто заполнить избирательный бюллетень и сложить всю ответственность на кого-то другого. И нельзя будет считать, что женщина выполнила свой долг перед обществом, если убедила мужчину взять ее на содержание и предоставить ей укромный уголок, где она будет безответственно рожать детей и отдавать их еще кому-то для обучения.

— Все-таки я не понимаю, какое это имеет отношение к моторам...

— Послушайте, — сказал Коукер терпеливо. — Предположим, у вас есть ребенок. Кем бы вы хотели его видеть, когда он вырастет? Дикарем или цивилизованным человеком?

— Конечно, цивилизованным.

— Вот. А тогда будьте любезны обеспечить ему цивилизованное окружение. Все, чему он обучится, он узнает от нас. Мы все должны знать как можно больше, стать как можно более интеллигентными, чтобы дать ему максимум возможного. Это означает для нас тяжелый труд и напряженную работу мысли. Измененные условия должны повлечь за собой изменение взглядов.

Девушка собрала свою штопку. Несколько секунд она критически разглядывала Коукера.

— Мне кажется, с такими взглядами, как у вас, вам больше подойдет группа мистера Бидли, — сказала она. — Мы здесь не намерены ни менять своих взглядов, ни поступаться своими убеждениями. Именно поэтому мы отделились от той группы. Так что если вам не нравятся обычаи достойных респектабельных людей, вам лучше уехать отсюда. — Она фыркнула и удалилась.

Коукер смотрел ей вслед. Когда дверь за нею закрылась, он обегчил свои чувства с непринужденностью портового грузчика. Я расхохотался.

— А чего вы ожидали? — спросил я. — Вы встаете в позу и ораторствуете перед этой девицей, как будто она является собранием правонарушителей — да еще ответственных за всю западную социальную систему. И после этого вы удивлены, что она взбесилась.

— Я ожидал, что она внемлет голосу разума, — пробормотал Коукер.

— С какой стати? Большинство из нас внемлет голосу привычки. Она будет против любых изменений, разумных или неразумных, которые вступают в конфликт с внушенным ей представлением о хорошем и плохом; и она будет искренне убеждена, что проявляет твердость характера. Вы слишком торопитесь. Приведите человека в райские кущи, когда он только что утратил дом и семью, и и райские кущи ему не понравятся; оставьте его там на некоторое время, и он начнет думать, что эти кущи напоминают ему утраченный дом, только дом был уютнее. Она приспособится со временем, это неизбежно... и будет искренне отрицать, что приспособилась.

— Другими словами, давайте просто импровизировать, никаких планов нам не нужно, из этого ничего не выйдет. Так?

— Вот тут на сцену выступает руководство. Руководитель планирует, но он мудр и не говорит об этом. Когда возникнет необходимость в переменах, он производит их как уступку — временную уступку, конечно, — обстоятельствам, и если он хороший руководитель, он производит уступки в правильной последовательности и в окончательной форме. Планы всегда встречают очень веские возражения, но кто будет протестовать против уступок чрезвычайным обстоятельствам?

— Макиавеллизм какой-то. Я привык видеть цель и идти прямо к цели.

— Большинству людей это не подходит, хотя они и утверждают обратное. Они предпочитают, чтобы их уговаривали и упрашивали или даже погоняли. Тогда они никогда не совершат ошибки: если ошибка случится, это будет чья-то ошибка, а не их. Ломить прямо вперед — это механистический взгляд, а люди в массе не машины. У них есть свои умы, весьма приятные умы, которым легче всего на проторенной дороге.

— Кажется, вы не слишком верите, что у Бидли что-нибудь получится. Ведь Бидли — это план во плоти.

— У него будут свои неприятности. Но его группа сделала выбор, а здешняя публика все отрицает, — сказал я. — Они собрались здесь просто потому, что сопротивляются любому плану. — Я помолчал. Затем я добавил: — Знаете, эта девица была права в одном.

Вам здесь не место. Ее реакция есть пример того, с чем вы столкнетесь, если попытаетесь обращаться с ними по-своему. Стадо овец не гонят на рынок по прямой линии, и тем не менее всегда находится дорога, чтобы доставить их туда.

— Нынче вечером вы необычайно циничны и блещете метафорами, — заметил Коукер.

Я возразил:

— Разве цинично знать, как пастух управляется со стадом?

— Некоторым может показаться, что цинично сравнивать людей с овцами.

— Но это менее цинично и более человечно, чем видеть в них кучу механизмов, приспособленных для управления на расстоянии.

— Гм, — сказал Коукер. — Это надо продумать.

11. ...И ДАЛЬШЕ

Утро я провел довольно беспорядочно. Я ходил, помогал понемногу тут и там и задавал массу вопросов.

Ночь перед этим была отвратительной. Только когда я лег, я понял, чем была для меня надежда найти в Тиншэме Джозеллу. Как ни был я утомлен после переезда, заснуть не удавалось. Я лежал в темноте с открытыми глазами, чувствуя себя на мели и без будущего. Я был настолько уверен в том, что Джозелла с группой Бидли окажется здесь, что мне в голову не приходило задуматься, как быть дальше. Теперь я впервые осознал, что если бы даже я догнал Бидли, то совсем не обязательно нашел бы Джозеллу. Она ведь покинула Вестминстер совсем незадолго до меня и в любом случае должна была сильно отстать от группы. Очевидно, первым делом следовало подробно расспросить обо всех, кто приезжал в Тиншэм за последние два дня. Мне оставалось только одно — думать, что она направилась сюда. Это было моей единственной путеводной нитью. По-видимому, она зашла в университет и нашла написанный мелом адрес; но ведь могло случиться, что она туда не заходила, а поспешила покинуть зловонную могилу, в которую превратился Лондон.

Тяжелее всего мне было бороться с мыслью, что Джозелла заразилась этой чумой, уничтожившей обе наши команды. Но я старательно отгонял от себя эту мысль.

В бессонной ясности послеполуночных часов я сделал открытие: мое стремление встретиться с группой Бидли было весьма второстепенным по сравнению с желанием разыскать Джозеллу. Если я найду их, но Джозеллы с ними не будет... что же, тогда мне придется подождать немного, но от поисков я не откажусь...

Когда я проснулся, постель Коукера была уже пуста. Я решил посвятить утро расспросам. Скверно было, что никто не догадался записывать имена тех, кто нашел Тиншэм неподходящим для себя и поехал дальше. Фамилии Джозеллы почти никто не знал, разве что некоторые вспоминавшие ее с неодобрением. Мои попытки описать ее внешность ни к чему не привели. Я лишь с достоверностью установил, что девушки в синем лыжном костюме здесь никогда не было, но, с другой стороны, я не мог поручиться, что сейчас она одета именно так. Расспросы кончились тем, что я всем страшно надоел и окончательно разочаровался сам. Была слабая надежда, что Джозелла — это та девушка, которая уехала сразу по прибытии за день до нас, но вряд ли Джозелла оставила бы по себе столь тусклое воспоминание.

Коукер появился во время обеда. Он занимался тщательным обследованием жилых помещений. Переписал весь живой инвентарь и выявил число слепых животных. Исследовал оборудование и механизмы на ферме. Все разведал относительно источников чистой воды. Заглянул на склады продовольствия и фуража. Выяснил, сколько слепых девушек были слепыми еще до катастрофы, и организовал для остальных тренировочные классы под их руководством.

Он обнаружил, что мужчины загнаны в тоску добронамеренными заверениями священника, будто для них найдется много полезной работы, например... э... плетение корзинок и... э... вязание, и Коукер сделал все возможное, чтобы рассеять эту тоску более интересными перспективами.

Повстречав мисс Дюрран, он предупредил ее, что если не удастся сделать так, чтобы слепые женщины сняли с плеч зрячих хотя бы часть работы, то все развалится через десяток дней; и что если будут услышаны молитвы священника о том, чтобы к общине присоединились еще новые слепые, то заведение станет совершенно нежизнеспособным. Он пустился далее в рассуждения о необходимости начать немедленно создавать резервы продовольствия и конструировать устройства, которые дадут возможность работать слепым мужчинам, но она резко оборвала его. Она была явно обеспокоена, хотя и не желала показать

этого, но ее решительность, вызвавшая в свое время разрыв с группой Бидли, теперь столь же несправедливо обрушилась на Коукера. Закончила она тем, что, по ее сведениям, он и его воззрения вряд ли совместимы с духом общины.

— Беда в том, что она жаждет быть лидером,, — сказал мне Коукер. — Это у нее в крови и не имеет ничего общего с возвышенными принципами.

— Какая клевета, — сказал я. — Вы просто хотите сказать, что безупречность ее принципов обязывает ее взять на себя всю ответственность и, таким образом, направлять и наставлять всех остальных является ее долгом.

— Это одно и то же, — сказал он.

— Да, но лучше сказать так, — возразил я.

Секунду он думал.

— Если она немедленно не возьмется за дело по-настоящему, этому заведению конец. Вы видели их хозяйство?

Я покачал головой и рассказал ему, как провел утро.

— Немного же вам удалось узнать. И что дальше? — спросил он.

— Я здесь не останусь. Поеду за Бидли и остальными, — ответил я.

— А если ее нет и там?

— Сейчас я просто надеюсь, что она там. Должна быть. Где же ей еще быть?

Он открыл было рот, но промолчал. Затем он сказал:

— Вы знаете, я поеду с вами. Возможно, принимая все во внимание, там мне тоже не очень обрадуются, как и здесь, но я это переживу. Я видел, как развалилось на куски одно начинание, и я предвижу, как развалится это — не так стремительно, может быть, и более страшным образом. Странно, не правда ли? Самые благородные намерения оборачиваются сейчас самыми опасными в мире. И это срам, потому что Тиншэм мог бы уцелеть даже с таким количеством слепых. Пока здесь нужно только брать, и так будет еще довольно долго. Им недостает только организованности.

— И желания быть организованными, — добавил я.

— Да, и этого тоже, — согласился он. — Вы знаете, беда в том, что катастрофа, несмотря ни на что, еще не дошла до сознания этих людей. И они не хотят браться за дело: им кажется, что это означало бы бесповоротный конец всему. А так они вроде бы застряли на даче, томятся и ожидают чего-то.

— Правда. Но не удивительно, — сказал я. — Даже нам пришлось пережить многое, чтобы убедиться, а они ведь не видели того, что видели мы. И потом здесь, в провинции, нет этого ощущения беспросветности... окончательной гибели, что ли.

— Ну что же, пусть они поскорее осознают все это, если хотят выжить, — сказал Коукер, оглядывая зал. — Спасительного чуда не будет.

— Дайте им время. Они осознают, как и мы. Вы всегда слишком торопитесь. Время, знаете ли, больше не деньги.

— Деньги не имеют значения, а время имеет. Сейчас им нужно думать об урожае, готовить мельницу, чтобы молоть муку, искать на зиму фураж для скота.

Я покачал головой.

— Это не так уж срочно, Коукер. В городах хранятся, должно быть, огромные запасы муки, и, судя по всему, потребителей для нее найдется немного. Мы еще долго сможем жить на капитал. Вот что действительно нужно было бы делать немедленно, так это обучать слепых. К тому времени, когда понадобятся рабочие руки, они должны научиться работать.

— Все равно, если не предпринять что-то, зрячие здесь скоро не выдержат. Достаточно, чтобы сдал один-другой, и все расползется по швам.

С этим мне пришлось согласиться.

К вечеру мне удалось найти мисс Дюрран. Никто не знал и знать не хотел, куда направилась группа Микаэля Бидли, но я не верил, что они не оставили никаких указаний для тех, кто последует за ними. Мисс Дюрран была недовольна. Я даже подумал сначала, что она откажется сообщить мне. И дело было не только в том, что я столь решительно предпочел другую общину. Серьезнее в этих обстоятельствах была потеря сильного мужчины, пусть да-

же с неподходящими принципами. Тем не мене она не дрогнула и не попросила меня остаться. В конце концов она резко сказала мне:

— Они направлялись в Дорсетшир, куда-то в район Биминстера. Больше я ничего не знаю.

Я вернулся и рассказал Коукеру. Он огляделся. Затем он покачал головой с каким-то сожалением.

— О'кэй, — сказал он. — Мы покинем эту свалку завтра же.

В девять часов на следующее утро мы были уже в двенадцати милях от Тиншэма. Как и прежде, мы ехали в наших двух грузовиках. Мы сомневались, не взять ли более подвижную машину, оставив грузовики в пользу тиншэмской публики, но мне не хотелось расставаться со своим грузовиком. Я ведь сам грузил его и знал, что у меня в кузове. Кроме ящиков с противотриффидным снаряжением, вызвавших такое неодобрение у Микаэля Бидли, я собрал во время переезда из Лондона множество вещей, которые было бы трудно достать за пределами крупных городов: аккумуляторные батареи, несколько насосов, наборы хорошего инструмента. Эти предметы можно было бы раздобыть и позже, но наступало время держаться от городов подальше, от больших и маленьких. С другой стороны, тиншэмская публика располагала собственным транспортом для доставки всего необходимого из городов, где еще не было признаков эпидемии. Так или иначе, два грузовика не составили бы разницы, и мы выехали так же, как и приехали.

Погода стояла все еще теплая. Некоторые деревни уже дышали смрадом, хотя на возвышенных местах запах был почти неощутим. Изредка в поле у обочины дороги мы видели трупы, но, как и в Лондоне, инстинкт загнал большинство жителей под крыши. Деревенские улицы были пустынны, пусто было и в окрестных полях, словно вся человеческая раса со своими домашними животными внезапно улетучилась с лица земли. Так было до Стипл-Хони.

С дороги, пока мы спускались по склону холма, деревушка была видна, как на ладони. Она раскинулась на другом берегу небольшой сверкающей речки, над которой

аркой нависал каменный мост. Это было тихое местечко, обступившее сонную церковь и очерченное по окраинам пунктиром белоснежных коттеджей. Казалось, никакие события за последние века не нарушали покой под его тростниковыми крышами. Но как и в других деревнях, ничто в нем не шевелилось, и ни единый дымок не поднимался над его трубами. И вот, когда мы уже проехали середину склона, мои глаза уловили какое-то движение.

Слева от моста на том берегу стоял наискосок к дороге двухэтажный дом. С кронштейна на стене свисала гостиничная вывеска, а в окне над нею развевалось что-то белое. Подъехав ближе, я разглядел человека, который отчаянно махал нам полотенцем, высунувшись из окна. Я решил, что это слепой, иначе он выбежал бы на дорогу нам навстречу. И он не был болен, слишком уж энергично размахивал своим полотенцем.

Я дал Коукеру сигнал и затормозил, едва мы съехали с моста. Человек в окне бросил полотенце, прокричал что-то, неслышное в шуме моторов и скрылся. Мы выключили двигатели. Стало так тихо, что мы услышали в доме торопливый стук каблуков по деревянной лестнице. Дверь распахнулась, и человек, выставив перед собой руки, шагнул на улицу. Из-за ограды слева молнией хлестнул длинный жгут и ударил в него. Он пронзительно вскрикнул и упал.

Я схватил дробовик и вылез из кабины. Я осторожно обошел изгородь, пока не увидел триффида, затаившегося в тени куста. Тогда я снес ему верхушку.

Коукер тоже вышел из своего грузовика и встал рядом со мной. Он взглянул на труп человека, затем посмотрел на обезглавленного триффида.

— Да ведь он... нет, черт возьми, не может же быть, чтобы этот урод нарочно поджидал его здесь, — сказал он. — Простая случайность, наверно... Не мог же он знать, что человек выйдет из дверей... Не мог, ведь правда?

— А если мог? Сработал он очень точно, — сказал я.

Коукер обеспокоенно посмотрела на меня.

— Чертовски точно. Но вы же не хотите сказать...

— Все как сговорились ничему не верить о триффидах, — сказал я и добавил: — Поблизости могут быть еще другие.

Мы тщательно обследовали все укромные местечки по соседству, но ничего не нашли.

— Хорошо бы выпить, — предложил Коукер.

Если бы не пыль на прилавке, маленький бар в гостинице выглядел бы весьма обыкновенно. Мы налили себе виски. Коукер залпом проглотил свою порцию. Затем он обратил на меня встревоженный взгляд.

— Это мне не нравится. Совершенно н нравится. Послушайте, Билл, вы должны знать об этом гораздо больше, чем все остальные. Ведь не мог он... я хочу сказать, что он ведь просто случайно оказался там, правда?

— Мне кажется... — начал я и остановился, прислушиваясь к барабанной дроби снаружи. Я пересек комнату и распахнул окно. Затем я всадил в обезглавленного триффида заряд из второго ствола — на этот раз в основание стебля. Барабанная дробь смолкла.

— Самое скверное в триффидах, — сказал я, когда мы налили по второй порции, — это те их свойства, о которых мы ничего не знаем. — И я рассказал ему о теориях Уолтера. Он содрогнулся.

— Не станете же вы серьезно уверять, что они "разговаривают", когда издают этот треск?

— Не знаю, — признался я. — Я, пожалуй, возьмусь утверждать, что это своего рода сигналы. Но Уолтер считал это самым настоящим "разговором", а уж он-то знал триффидов лучше, чем кто бы то ни было.

Я извлек расстрелянные гильзы и перезарядил ружье.

— И он в самом деле говорил об их превосходстве над слепым человеком?

— Это было много лет назад, — напомнил я.

— Все же... странное совпадение.

— Ничего странного, — возразил я. — Любой удар судьбы можно представить странным совпадением, если набраться терпения и подождать.

Мы выпили и повернулись, чтобы идти. Коукер посмотрел в окно. Затем он схватил меня за руку и показал на улицу. Из-за угла, раскачиваясь, вышли еще два триффида и заковыляли к ограде, служившей укрытием первому. Я подождал, пока они остановятся, и затем снес

обоим макушки. Мы вылезли через окно, которое было достаточно удалено от любого возможного места засады, и направились к машинам, осторожно оглядываясь по сторонам.

— Еще одно совпадение? — спросил Коукер. — Или они пришли поглядеть, что случилось с их приятелем?

Мы выехали из деревни и помчались по узким проселочным дорогам. Мне показалось, что триффидов вокруг стало гораздо больше. А может быть, я просто не замечал их раньше? Или их действительно было меньше, поскольку мы ехали до этого по шоссейным дорогам? Я по опыту знал, что триффиды стремятся избегать твердых поверхностей, и считал, что такие поверхности, возможно, причиняют какое-то неудобство их ногам-корням. Подумав, однако, я постепенно пришел к убеждению, что их было много и раньше, причем относились они к нам не безразлично: не исключалось, что вовсе не случайно они двигались именно в нашу сторону, когда мы видели, как они ковыляют к шоссе через поля.

Более очевидное доказательство мы получили, когда триффид ударил в меня из-за живой изгороди. К счастью, целиться в движущуюся машину он не умел. Удар был нанесен на мгновение раньше, чем нужно, и жало оставило след из капелек яда на ветровом стекле перед моим лицом. Прежде чем он успел нанести второй удар, я был уже далеко. Но после этого я, несмотря на теплую погоду, закрыл окно рядом с собой.

В течение прошлой недели я думал о триффидах, только когда они были у меня перед глазами. Они встревожили меня и в доме у Джозеллы, и когда напали на нас в Хэмпстеде, но большую часть времени мне приходилось тревожиться совсем по другим, более насущным поводам. Теперь же, оглядываясь назад, вспоминая Тиншэм таким, каким он был до того, как мисс Дюрран очистила его с помощью дробовиков, и состояние деревень, через которые мы проезжали, я начал задавать себе вопрос: какую роль могли сыграть триффиды в исчезновении населения?

Через следующую деревню я ехал медленно, внимательно приглядываясь. В нескольких палисадниках я за-

метил трупы, лежащие там, по-видимому, не первый день, и почти в каждом случае где-нибудь поблизости оказывался триффид. По всему было видно, что триффиды становятся в засаду только на мягкой почве, куда можно на время ожидания зарыться корнями. Там же, где дверь дома открывалась прямо на улицу, увидеть труп можно было редко, а триффида — никогда.

Я представлял себе, что произошло в большинстве деревень. Жители выходили за едой. Пока они передвигались по мощеным участкам, они были в относительной безопасности; но стоило им покинуть тротуары или просто оказаться рядом с садовой оградой, как они попадали под смертельные удары. Кто-нибудь успевал вскрикнуть, и это усугубляло ужас оставшихся в домах. Время от времени голод выгонял на улицу следующего. Некоторым посчастливилось вернуться, но в большинстве они теряли ориентировку и бродили, пока не падали от истощения или не вступали в пределы досягаемости триффида. Уцелевшие могли догадаться, что происходит. Те, у кого был сад, могли услыхать свист жала, и они осознавали, что им остается либо умереть от голода, либо разделить судьбу покинувших дом. Возможно, многие заперлись в домах, довольствуясь наличными запасами еды и ожидая помощи, которая никогда не придет. Такова, возможно, история человека из гостиницы в Стипл-Хони.

Мысль о том, что в деревнях, через которые мы проезжали, еще могли сохраниться изолированные группы уцелевших жителей, была не очень приятной. Она снова вызвала ощущение, знакомое нам по Лондону: по всем нормам цивилизованной жизни следует попытаться найти их и сделать для них что-нибудь; и горькое сознание того, что всякая попытка такого рода обречена на провал.

Та же самая проблема. Что здесь можно сделать с самыми лучшими намерениями, кроме как продлить агонию? Снова на время утихомирить свою совесть только для того, чтобы опять увидеть крах своих усилий?

Мне пришлось твердо сказать себе, что в район землетрясения не лезут, когда еще рушатся здания. Спасательные работы надо начинать, когда толчки прекратятся. Но

доводы разума не облегчали душу. Старый профессор был прав, когда подчеркивал трудности психической адаптации.

Триффиды в большой степени усугубили катастрофу. Помимо плантаций нашей фирмы, в стране было множество других питомников. Они выращивали триффидов для нас, для частных покупателей, для продажи менее значительным компаниям, которые занимались переработкой триффидного масла; и большинство этих питомников по климатическим соображениям располагалось как раз на юге. Но их было больше, чем я думал, если все виденное нами было результатом более или менее равномерного распределения на местности вырвавшихся на волю триффидов. И уж совсем не успокаивала мысль о том, что ежедневно все новые и новые экземпляры достигают зрелости, а урезанные триффиды медленно, но верно восстанавливают свои жала...

Сделав еще две остановки — одну для обеда и другую для заправки горючим, — мы въехали в Бимнистер ранним вечером, примерно в половине пятого. Доехав до центра города, мы не обнаружили никаких признаков пребывания здесь группы Бидли.

На первый взгляд здесь все было мертво, как и в других местах, которые мы видели сегодня. Главная улица с ее магазинами была пуста, только у обочины на одной стороне стояли два грузовика. До них оставалось еще метров двадцать, когда из-за кузова выступил человек с винтовкой. Он выстрелил поверх моей головы и затем снизил прицел.

12. ТУПИК

С предупреждением такого рода приходилось считаться. Я затормозил.

Человек был высок и светловолос. Обращаться с винтовкой он умел. По-прежнему держа меня на прицеле, он дважды мотнул головой в сторону. Я воспринял это как предложение выйти из кабины. Спустившись на землю, я

показал ему пустые руки. Когда я подошел к нему, из-за грузовиков в сопровождении девушки вышел еще один мужчина. За моей спиной раздался голос Коукера:

— Опусти свою пушку, приятель. Ты у меня как на ладони.

Светловолосый поглядел в сторону Коукера. Я мог бы прыгнуть на него в этот момент, но я сказал:

— Он прав. И вообще мы люди мирные.

Светловолосый нехотя опустил винтовку. Коукер, который спустился из своего грузовика под прикрытием моей машины, вышел из-за прикрытия.

— В чем дело? — спросил он. — Человек человеку волк?

— Вас только двое? — спросил второй человек.

Коукер взглянул на него.

— А вы чего ждали? Целой бригады? Нет, нас только двое.

Все трое облегченно вздохнули. Светловолосый объяснил:

— Мы думали, что вы какая-нибудь банда из большого города. Мы все время ждем, что они начнут набеги за продовольствием.

— О, — сказал Коукер. — Значит, вы давно уже не видели больших городов. Если это ваша единственная забота, можете спать спокойно. Все банды, какие там есть, озабочены сейчас совсем другим. Они делают — если мне будет позволено так выразиться — то же самое, что и вы.

— И вы думаете, что они не придут сюда?

— Совершенно уверен, что нет. — Он оглядел их. — Вы не из группы Бидли?

Они озадаченно переглянулись.

— Жаль, — сказал Коукер. — Это была бы наша первая удача за очень долгое время.

— А что такое группа Бидли? — спросил светловолосый.

После нескольких часов в кабине, прогретой солнцем, я чувствовал себя совсем иссохшим и увядшим. Я предложил перенести разговор с улицы в какое-нибудь более подходящее место. Мы обогнули их грузовики, пробираясь через знакомый хаос ящиков, банок с чаем, окороков,

мешков с сахаром, пакетов с солью и всего прочего, И вошли в небольшой бар. За элем мы с Коукером коротко рассказали им обо всем, что делали и что знали. Затем наступила их очередь.

Как оказалось, они были активной частью группы из шести человек. Остальные, две женщины и один мужчина, остались дома, в здании, которое было избрано в качестве резиденции.

Седьмого мая около полудня светловолосый и девушка мчались в автомобиле на запад. Они собирались провести две недели в Корнуэлле, и им было очень весело в дороге, когда где-то поблизости от Крюкерна на них надвинулся из-за поворота двухэтажный автобус. Легковой автомобиль врезался в него, и последнее, что помнил светловолосый, была чудовищная громада автобуса, нависшая над ними, как скала.

Он очнулся в постели и, подобно мне, был поражен таинственной тишиной. Если не считать нескольких ссадин, мелких порезов и гула в голове, ничего плохого с ним, видимо, не случилось. Полежав и никого не дождавшись, он отправился на разведку и понял, что находится в крошечной провинциальной больнице. В соседней палате он обнаружил свою девушку и еще двух женщин, из которых одна была в сознании, но не могла передвигаться, потому что нога и рука у нее были в гипсе. В другой палате оказалось двое мужчин: один — вот этот его нынешний товарищ по группе и другой, со сломанной ногой. Всего в больнице было одиннадцать человек, из них восемь зрячих. Двое слепых были прикованы к постели и серьезно больны. Никто из обслуживающего персонала не появлялся. Светловолосому и его товарищам пришлось несколько труднее, чем мне. Они долго не решались покинуть больницу, делали все возможное для беспомощных больных, не понимая, что происходит, надеясь, что вот-вот кто-нибудь придет на помощь. Они не имели ни малейшего представления о том, что случилось с ослепшими и как их лечить, и могли только кормить их и стараться утешить. Двое слепых умерли на следующий день. Третий исчез, и никто не видел, как он ушел. Пассажиры автобуса, пострадавшие при столкновении, были местными жителями. Едва оправившись, они ушли из

больницы разыскивать родных. Группа сократилась до шести человек, из которых двое были с переломами конечностей.

К тому времени они осознали, что бедствие велико и им, по крайней мере временно, придется рассчитывать только на себя. Но об истинном размахе случившегося они еще не имели представления. Они решили оставить больницу и найти более подходящее место, воображая, что в городах еще уцелело много зрячих и дезорганизация может привести к разного рода эксцессам. Они ежедневно ожидали нашествия голодных, которые двинутся на них из разоренных городов подобно армиям саранчи. Поэтому главной их заботой было запасать продовольствие и готовиться к осаде.

Выслушав наши заверения в том, что такое нашествие совершенно исключено, они довольно уныло переглянулись.

Странное это было трио. Светловолосый оказался служащим фондовой биржи, звали его Стефен Бреннел. Его подруга была хорошенькая, отлично сложенная девушка, склонная иногда покапризничать и изобразить раздражение, но решительно не способная чему-либо удивляться по-настоящему. До катастрофы она чем-то там занималась: разрабатывала новые фасоны платьев и продавала их, исполняла мелкие роли в кино и из-за этого упускала верные шансы поехать в Голливуд, выступала хозяйкой в третьеразрядных клубах и уклонялась от исполнения этих обязанностей всеми доступными ей способами; таким "способом" и был, вероятно, несостоявшийся пикник в Корнуэлле. Она была непоколебимо убеждена, что с Америкой ничего серьезного не произошло и что надо только немного продержаться, а там примчатся американцы и наведут порядок. Из всех, кого я встречал после катастрофы, это было самое спокойное существо. Правда, порою она тосковала по ярким огням рекламы, но в то же время твердо верила, что американцы вот-вот восстановят все это.

Третий член трио, смуглый молодой человек, имел зуб на судьбу. Он много работал и много копил, пока не завел собственную радиомастерскую, и у него была мечта. "Взгляните на Форда, — говорил он, — и взгляните на

лорда Нуффилда — он начинал с велосипедной мастерской, которая была ничуть не больше моей, а чего он достиг! Такую же штуку проделаю и я. Но взгляните на эту дьявольщину, которая творится вокруг! Так же нечестно!" Судьба, казалось ему, не желала больше Фордов и Нуффилдов, но он не собирался покоряться. Это только перерыв, ниспосланный для его испытания. Придет время, и мы снова увидим его в радиомастерской, твердо стоящим на первой ступеньке к миллионерству.

Но и они, увы, ничего не знали о группе Микаэля. Единственно, с кем они столкнулись, была группа людей в деревне на границе с Девонширом, где двое с дробовиками порекомендовали им никогда больше не ходить в том направлении. Люди эти, судя по всему, были местными жителями. Коукер заметил, что эта группа, по-видимому, очень мала.

— Если бы у них была большая группа, они бы меньше боялись и проявили бы больше любопытства, — утверждал он. — Но если группа Бидли все-таки где-нибудь поблизости, мы рано или поздно найдем ее. — Он повернулся к светловолосому и предложил: — Давайте держаться вместе, как вы считаете? Мы умеем работать, а когда мы найдем их, нам всем будет проще договориться с ними.

Трое вопросительно переглянулись и затем кивнули.

— Ладно, — согласился светловолосый. — Помогите нам погрузиться, и поедем.

По-видимому, Чаркот-Олд-хауз был некогда укрепленным замком. Сейчас его укрепляли заново. Когда-то в прошлом защитный ров осушили, однако Стефен считал, что ему удалось удачно нарушить дренажную систему и ров постепенно вновь заполнится водой. Он планировал затем взорвать засыпанные участки рва и восстановить круговую защиту полностью. Наши новости лишили эти приготовления всякого смысла и вызвали у него некоторое уныние и досаду. Каменные стены дома были толстыми. Из трех окон фасада торчали пулеметные дула, и еще два пулемета были установлены на крыше. В холле был наготове небольшой

арсенал — минометы с минами и огнеметы, — которым он очень гордился.

— Мы нашли военный склад, — объяснил он, — и потратили целый день, чтобы стащить сюда это вооружение.

Глядя на коллекцию оружия, я впервые осознал, что, будь катастрофа не такой сокрушительной, она принесла бы людям много больше страданий. Если бы уцелело хотя бы десять-пятнадцать процентов населения, весьма возможно, что крошечные общины вроде этой действительно были бы вынуждены жестоко отбиваться от наседающих толп голодных людей. Но в настоящей ситуации Стефен, видимо, совершил свои военные приготовления напрасно. Впрочем, не все. Я показал на огнеметы.

— Это может пригодиться против триффидов, — сказал я.

Он ухмыльнулся.

— Вы правы. Очень действует. Только для этого мы их и применяли. И кстати, это единственное оружие, которое обращает триффидов в бегство. Можете в клочья разбить триффида пулями, он с места не сдвинется. Наверно, они просто не знают, с какой стороны идет уничтожение. Но дайте им попробовать горячего из этой штуки, и они удерут со всех ног.

— Сильно они вам досаждают? — спросил я.

Оказалось, не очень. Время от времени один, а то и два или три приближаются к дому, и тогда их отгоняют огнеметом. Во время экспедиций группа несколько раз попадала в опасные положения, но обычно они покидают грузовик только в застроенных районах, где триффиды встречаются редко.

Вечером после наступления темноты мы все поднялись на крышу. Луна еще не взошла. Ландшафт перед нами тонул в непроглядном мраке. Сколько мы ни вглядывались, никому из нас не удалось разглядеть ни малейшего огонька. И никто из группы Стефена не видел в дневное время ничего похожего на дым. Когда мы возвращались в освещенную лампой комнату, я был в подавленном настроении.

— Остается только одно, — сказал Коукер. — Придется разделить район на участки и обшарить их.

Но в голосе его не было убежденности. По-моему, он считал, подобно мне, что группа Бидли продолжала бы зажигать по ночам сигнальный свет, а днем давала бы сигнал как-нибудь иначе — например, столбом дыма.

Однако более разумного предложения не было, и мы принялись трудиться над картой района, размечая участки и стараясь при этом, чтобы каждый участок включал возвышенность для лучшего обзора.

На следующее утро мы отправились на грузовике в город и оттуда разъехались на легковых машинах в разные стороны. Поиски начались.

Вне всякого сомнения, это был для меня самый печальный день с тех пор, как я бродил по Вестминстеру в поисках Джозеллы.

Правда, на первый взгляд было не так уж плохо. Была пустынная дорога под солнцем, была свежая зелень раннего лета. Были дорожные указатели, которые по-прежнему показывали, как попасть в Эксетер и Уэст и в другие места. Иногда, хотя и редко, были птицы. И были цветы у проселочных обочин, такие же, как всегда.

Но было и другое. Были поля, где валялись трупы коров и бродил слепой скот, ревели от боли недоеные коровы, отрешенно стояли пугливые овцы, запутавшиеся в зарослях ежевики или в колючей проволоке, иногда овцы бесцельно кружили по пастбищам или умирали от голода с выражением упрека в слепых глазах.

Проезжать вблизи от ферм становилось тошно. На всякий случай я оставил себе для вентиляции только узкую щель в верхней части окна, но закрывал и эту щель, когда впереди на дороге показывалась ферма.

Триффиды были на свободе. Я видел, как они ковыляют через поля, как неподвижно стоят возле изгородей. На многих фермерских дворах они нашли себе кучи отбросов по вкусу и угнездились в них, терпеливо ожидая, пока мертвый скот достигнет должной стадии разложения. Я смотрел теперь на них с омерзением, какого они прежде никогда во мне не вызывали. Чудовищные, чуждые нам твари. Кто-то из нас вызвал их к жизни и кто-то из нас

в безоглядной алчности расселил по всему свету. Мы не можем даже винить за них природу. Мы их создали сами, как создавали прекрасные цветы или гротескные пародии на собак. Я возненавидел их не только за плотоядность: им шло на пользу наше бедствие, они процветали на наших трупах...

Шли часы, и ощущение одиночества нарастало. На каждом холме, на каждой возвышенности я останавливался, чтобы осмотреть окрестности в полевой бинокль. Однажды я заметил дым, но когда подъехал, то увидел всего лишь несколько вагонов, догорающих на рельсах. Не знаю, что там произошло, кругом по-прежнему не было ни души. В другой раз флаг на шесте погнал меня к какому-то домику; но в домике было тихо. Потом на склоне отдаленного холма я заметил мелькание чего-то белого; однако, направив туда бинокль, я обнаружил несколько мечущихся в панике овец и среди них триффида, который раз за разом безрезультатно бил жалом в их защищенные шерстью спины. Живых людей я не видел нигде.

Я сделал остановку, чтобы поесть. Я ел быстро, вслушиваясь в тишину, которая действовала мне на нервы, торопясь скорее закончить и снова пуститься в путь, чтобы слышать хотя бы шум мотора.

Начались галлюцинации. Я видел руку, машущую мне из окна, но это оказалась не рука, а ветка дерева, качающаяся перед домом. Я видел посреди поля человека, который стоял, глядя в мою сторону, но в бинокль рассмотрел только пугало. Я слышал зовущие голоса, еле слышные за шумом мотора, я останавливался и выключал двигатель, но голосов не было, не было ничего, только где-то вдали выла недоеная корова. Мне пришло в голову, что по всей стране, наверно, разбросаны одинокие мужчины и женщины, которые считают, что они остались одни, что только они уцелели в катастрофе. И я испытывал к ним острую жалость.

Всю вторую половину дня я буквально в отчаянии продолжал упрямо рыскать по своему участку, уже потеряв всякую надежду. В конце концов, однако, я пришел к убеждению, что в этом районе большая группа людей может остаться незамеченной только в том случае, если бу-

дет искусно прятаться. Я не был в состоянии обшарить каждый проселок и каждую тропинку, но зычные звуки моего сигнала огласили на участке каждый акр. Тогда я сдался и поехал обратно в город. Я вернулся к нашему грузовику в самом мрачном настроении. Никого еще не было, и, чтобы провести время и избавиться от холода в груди, зашел в ближайший кабачок и налил себе хорошую порцию бренди.

Следующим вернулся Стефен. Видимо, поездка подействовала на него так же, как и на меня: в ответ на мой вопросительный взгляд он только помотал головой и схватился за бутылку. Минут через десять к нам присоединился тщеславный радиомастер. Он привез с собой обалдевшего растрепанного парня, который не мылся и не брился, наверно, несколько недель. Этот субъект болтался на дороге — видимо, это занятие было его единственной профессией. Как-то вечером (он не помнил даже, в какой день) он забрался на ночь в отличный сарай. Накануне он прошел больше, чем обыкновенно, и потому заснул, как убитый. На следующее утро он проснулся в мире кошмаров. Он до сих пор не уверен, кто сошел с ума — он сам или остальная вселенная. У нас составилось мнение, что хотя он, может быть, немного и не в себе, но у него сохранилось ясное и точное представление о том, как поступают с пивом.

Прошло еще полчаса, и появился Коукер. Он вошел в сопровождении здоровенного щенка и поразительно старой леди. Она была, видимо, в самом лучшем своем платье. Ее чистота и аккуратность разительно контрастировали с обликом нашего первого новобранца. Она с благовоспитанной нерешительностью остановилась в дверях кабачка. Коукер взял на себя церемонию представлений.

— Это миссис Форсетт, — провозгласил он, — единственная владелица универсального магазина Форсетта из коллекции в десяток домишек, двух пивных и одной церквушки, каковая известна под названием Чиппингтон-Дёни. Миссис Форсетт умеет готовить. Знали бы вы, как она готовит!

Миссис Форсетт приветствовала нас с достоинством, приблизилась с уверенностью, уселась с осмотрительно-

стью и снизошла к предложенному ей стаканчику портвейна, за которым последовал еще один стаканчик.

В ответ на наши расспросы она призналась, что в роковой вечер и последовавшую за ним ночь она очень крепко спала. Почему так случилось — она не стала рассказывать, а мы не стали спрашивать. Она спала, и поскольку ее никто не беспокоил, проспала до полудня. Проснувшись, она чувствовала себя неважно, и потому не поднималась до вечера. Ей показалось странным, но знаменательным, что никто не потребовал ее за прилавок. Когда она, наконец, встала и подошла к двери, то увидела в своем саду "одну из этих ужасных триффидных тварей" и человека, лежавшего на тропинке перед воротами, вернее, его ноги. Она уже хотела выйти и посмотреть, что с ним, но тут триффид шевельнулся. Она едва успела захлопнуть дверь. Вероятно, для нее это было неприятным переживанием — воспоминание о нем подвигло ее на третий стаканчик портвейна.

Затем она стала ждать, пока кто-нибудь придет и уберет триффида и труп. Ей было странно, что никто не приходит, но она не испытывала особых неудобств, потому что продуктов в магазине было достаточно. Так она и ждала, когда Коукер заметил дым ее печки, отстрелил у триффида верхушку и зашел посмотреть, что у нее делается, объяснила она, с восхитительной рассеянностью наливая себе четвертый стаканчик.

Она угостила Коукера обедом, а он в благодарность дал ей совет. Было нелегко внушить ей представление об истинном положении вещей. Отчаявшись, он предложил ей самой поглядеть на то, что делается в деревне, только держаться подальше от триффидов, а он к пяти часам вернется и узнает ее мнение. Он вернулся и увидел, что она полностью собралась, уложила багаж и готова ехать немедленно.

Вечером, вернувшись в Чаркотт-Олд-хауз, мы снова обступили карту. Коукер принялся намечать новые районы поисков. Мы следили за ним без всякого энтузиазма. И тогда Стефен сказал то, что думали все, в том числе и сам Коукер:

— Послушайте, мы обшарили все в радиусе пятнадцати миль. Ясно, что поблизости их нет. Или ваши сведения

неверны, или они решили здесь не останавливаться и поехали дальше. Я считаю, что продолжать поиски так, как сегодня, не имеет смысла.

Коукер положил циркуль.

— Что же вы предлагаете?

— Понимаете, по-моему, мы могли бы очень быстро и очень точно проделать все это с воздуха. Бьюсь об заклад, всякий, кто услышит шум самолета, немедленно выскочит и начнет подавать какие-нибудь знаки.

Коукер покачал головой.

— И как это мы раньше об этом не подумали? Нужен, конечно, вертолет... Только где его найти? И кто будет пилотом?

— Я берусь запустить в воздух такую штуку, — уверенно сказал радиомастер.

Что-то в его тоне вызывало сомнение.

— Вы хоть раз водили вертолет? — спросил Коукер.

— Нет, — признался он. — Но я думаю, ничего там такого сложного нет. Была бы сноровка.

— Гм, — Коукер недоверчиво поглядел на него.

Стефен вспомнил, что неподалеку находятся две базы ВВС, а от Йовила начиналась линия аэротакси.

Вопреки нашим сомнениям радиомастер не ударил лицом в грязь. Он был, очевидно, убежден, что инстинктивное знание механизмов не подведет его. Повозившись полчаса, он поднял вертолет в воздух и привел его в Чаркотт.

Четыре дня подряд машина парила над районом по расширяющимися кругами. Два дня наблюдения вел Коукер, на остальные два дня его заменил я. Всего мы обнаружили десять небольших групп. Ни в одной из них не было Джозеллы. Заметив группу, мы садились. Обычно такие группы состояли из двух или трех человек, самая крупная — из семи. Они с радостной надеждой встречали нас, но их интерес к нам сразу пропадал, как только они узнавали, что мы не являемся разведывательным отрядом спасателей, а представляем собой такую же небольшую группу. Мы не могли предложить им ничего, чего бы они не имели. Некоторые в своем разочаровании начинали раз-

говаривать в оскорбительных и угрожающих тонах, но большинство снова впадало в апатию. Как правило, они не высказывали желания объединяться с другими группами; они хотели только набрать всего побольше, устроиться поуютнее и ждать американцев, которые уж просто-таки обязаны найти какой-нибудь выход. Эта идея была широко распространена и глубоко укоренилась. Наши заверения, что выжившие американцы скорее всего по горло заняты своими делами, воспринимались как попытки облить холодной водой. Американцы, утверждали они, никогда бы не допустили, чтобы такое безобразие случилось у них в стране. Все же, невзирая на веру в доброго американского дядюшку, мы оставляли каждой группе карту с расположением всех других групп, обнаруженных на этот день, так что если бы они передумали, они могли бы объединиться с ними.

Эти полеты были далеки от развлечения, хотя имели свои преимущества перед одинокими поездками по пустынным полям. Однако в конце четвертого дня было решено прекратить поиски.

Так по крайней мере решили остальные. У меня было совсем другое отношение к этому. Я имел личную цель. Они же искали и могли найти только незнакомых людей. Для меня поиски группы Бидли были средством, а не самоцелью. Если бы я нашел ее и Джозеллы там бы не оказалось, я бы все равно продолжал искать. Но я не мог ожидать, чтобы остальные бросили все и посвятили бы свое время моим личным делам.

Мне было странно, что я нигде не встретил ни одного человека, который бы кого-нибудь искал. Если не считать Стефана и его подругу, каждый был отрезан от всех друзей и родных, соединявших его с прошлым, и начинал новую жизнь с совершенно незнакомыми людьми. Один только я очень быстро обрел новую привязанность за такой короткий срок, что даже не подозревал, какое это будет иметь значение для меня.

После того как решили прекратить поиски, Коукер сказал:

— Ну ладно. Теперь следует подумать, что мы будем делать для себя.

— Будем запасаться на зиму и жить, — отозвался Стефен. — Что же еще?

— Я все время думаю об этом, — сказал Коукер. — Возможно, какое-то время этого будет достаточно. А потом?

— Если даже у нас кончатся запасы, не страшно, — сказал радиомастер. — Кругом всего полно.

— Американцы будут здесь до рождества, — объявила подруга Стефена.

— Послушайте, — терпеливо сказал Коукер. — Давайте пустим американцев по ведомству журавлей в небе. Напрягитесь и представьте себе мир, в котором нет никаких американцев. Можете?

Девушка вытаращила на него глаза.

— Куда же они девались? — сказала она.

Коукер печально вздохнул. Он повернулся к радиомастеру.

— Эти магазины и склады будут существовать не вечно. В новом мире нам дан хороший старт. Для начала у нас в руках порядочный капитал. Но он исчерпывается. Правда, мы не съедим всего, что можно взять, всего не съесть даже нашим внукам. Но ведь съестное долго не протянет. Большая его часть скоро испортится. И речь идет не только о еде. Рассыплется рано или поздно все, может быть, и не так скоро, но наверняка. Если мы хотим иметь в следующем году свежую пищу, нам придется выращивать ее самим. И, может быть, еще не так скоро, но все-таки наступит время, когда нам придется делать самим все. Наступит время, когда износится или проржавеет последний трактор, кончится горючее и мы окончательно вернемся к природе и благословим лошадей, если они у нас еще будут.

Сейчас у нас передышка, ниспосланная нам небом передышка, и мы должны воспользоваться ею, чтобы прийти в себя и приняться за дело. Позже нам придется пахать, еще позже — учиться ковать лемехи, а еще позже — учиться выплавлять железо. Мы сейчас на пути, который поведет нас назад, назад, назад, пока мы не научимся — если только мы сможем научиться — производить все, что потребляем. Только тогда мы остановимся на этом пути в первобытное состояние. Но как

только мы остановимся, мы, вероятно, снова медленно поползем вверх.

Он оглядел нас, чтобы удостовериться, следим ли мы за его словами.

— Мы можем сделать это. Если захотим. Самое ценное в нашем хорошем старте — это знание. Мы избавлены от тех трудностей, которые пришлось преодолеть нашим предкам. Все, что нам надо, содержится в книгах, нам остается только взять на себя труд пойти и прочесть их.

Все глядели на Коукера с любопытством. Они впервые слышали, как он ораторствует.

— Я читал историю, — продолжал он, — и знаю из нее, что для использования знаний необходимо свободное время. Там, где каждому приходится работать ради куска хлеба до седьмого пота и где нет ни минуты свободного времени для мысли, там знание застаивается, и народ тоже. Люди, которые мыслят, не являются производителями материальных благ, они, как может показаться, почти полностью живут за счет других. Но в действительности они представляют собой долгосрочный вклад. Знания вырастали в больших городах и институтах, их содержал труд на полях и в малых городах. Вы с этим согласны?

Стефен сдвинул брови.

— Более или менее... Но я не понимаю, к чему вы клоните.

— А вот к чему. Рациональное количество людей в общине. Наша община благодаря своему размеру может рассчитывать только на животное существование и деградацию. Если нас по-прежнему будет всего десять человек, нам конец. Неизбежно постепенное и бессмысленное вымирание. Когда пойдут дети, мы сможем урвать от наших трудов очень немного времени, чтобы дать им хотя бы самое зачаточное образование; пройдет поколение, и мы будет иметь дикарей или олухов. Для того чтобы удержаться на нынешнем уровне, чтобы иметь возможность использовать знания в библиотеках, нам необходимы учитель, врач и руководитель. Мы должны быть в состоянии прокормить их, пока они помогают нам.

— Ну? — сказал Стефен после паузы.

— Я все думаю о той общине, которую мы с Биллом видели в Тиншэме. Мы вам о ней рассказывали. Женщина, которая там верховодит, нуждается в помощи, нуждается отчаянно. У нее на руках пятьдесят или шестьдесят человек, из них всего дюжина зрячих. Так у нее дело не пойдет. И она это знает... но не желает признавать это перед другими. Она не попросила нас остаться, потому что не желает быть у нас в долгу. Но она была бы рада, если бы мы вернулись и попросили принять нас.

— Господи, — сказал я, — вы хотите сказать, что она намеренно пустила нас по ложному следу?

— Не знаю. Возможно, я не справедлив к ней. Но разве не странно, что мы не нашли здесь никаких следов Бидли и компании? Одним словом, не знаю, добивалась ли она этого, но в результате я все же решил вернуться туда. Хотите знать, почему? На это есть две причины. Первая: если эту общину не взять в руки, она разложится, и это будет срамом и растратой человеческого материала. Вторая причина: в Тиншэме гораздо удобнее, чем здесь. Там есть ферма, которую ничего не стоит привести в порядок. Практически поместье там является самодовлеющей хозяйственной единицей, а при нужде оно может быть и расширено.

Еще важнее такое обстоятельство. Тиншэмская община достаточно многочисленна, чтобы выкроить время для обучения и нынешних слепых и их зрячих детей, когда они появятся. Я полагаю, что это можно сделать, и я приложу все усилия, чтобы это сделать. А если надменной мисс Дюрран это не понравится, пусть она пойдет и утопится.

Теперь дело вот в чем. Я думаю, что смог бы сделать это и сам. Но я уверен, что, если бы мы поехали туда всей компанией, мы бы все реорганизовали и наладили бы работу в течение нескольких недель. И мы бы жили в общине, которая будет расти и предпримет чертовски удачную попытку выдержать, несмотря ни на что. Или нам остается сидеть здесь маленькой группкой, обреченной на деградацию и отчаянное одиночество. Ну, что вы на это скажете?

Были споры, были вопросы о деталях, но по существу сомнений почти не было. Те, кто выезжал на поиски,

знали, что такое отчаянное одиночество. Ни у кого не было привязанности к нынешней резиденции. Ее в свое время выбрали как хорошую оборонительную позицию — и только. Большинству уже невмоготу стало переносить полную изоляцию от мира. Мысль о более многочисленной и разнообразной компании уже сама по себе была привлекательной. Через час разговор шел о транспорте и порядке переезда, и предложение Коукера было окончательно принято. Сомневалась еще только подруга Стефена.

— Этот самый Тиншэм... он хоть значится на карте? — спросила она недовольно.

— Не беспокойтесь, — утешил ее Коукер. — Он значится на всех лучших американских картах.

Рано утром следующего дня я понял, что в Тиншэм я не поеду. Может быть, когда-нибудь потом, но не сейчас...

Моим первым побуждением было ехать со всеми, хотя бы для того, чтобы выжать из мисс Дюрран правду о группе Бидли. Но я вновь вынужден был с беспокойством признаться, что не уверен, с ними ли Джозелла, — ведь, говоря по правде, все сведения, которые мне удалось собрать, говорили не в пользу этого. Через Тиншэм она почти наверняка не проезжала. Но если она уехала не за группой Бидли, то куда? Маловероятно, чтобы в университете имелся еще один адрес, который я проглядел...

И тут, словно вспышка света, меня озарило воспоминание о нашем разговоре в той роскошной квартире. Я как бы вновь увидел Джозеллу, как она сидит в голубом бальном платье и огни свечей вспыхивают в брильянтах. Мы говорили... "Как насчет Суссекского Даунса? Я знаю там, на северной стороне, славный старый фермерский дом..." И тогда я понял, что мне делать...

Утром я сказал об этом Коукеру. Он мне сочувствовал, но явно старался не слишком обнадеживать.

— Ну что ж, поступайте, как вам кажется лучше, — сказал он. — Я надеюсь... В общем вы знаете, где мы будем находиться, и можете оба приехать в Тиншэм и помочь нам протаскивать эту бабу через обруч, пока она не образумится.

В то утро разразилась непого́да. Лил проливной дождь, когда я снова влезал в знакомый грузовик. Коукер вышел проводить меня. Я знаю, почему он сделал это. Он никогда не говорил об этом ни слова, но я чувствовал, что его мучают воспоминания о своем первом отчаянном предприятии и о его последствиях. Он стоял возле кабины, волосы его слиплись, по лицу и за шиворот текла вода, и он протянул мне руку.

— Будьте осторожны, Билл. Карет "Скорой помощи" у нас теперь нет, а ваша подруга наверняка предпочитает, чтобы вы явились к ней в целости и сохранности. Желаю вам счастья... и передайте ей мои извинения за все, когда вы ее найдете.

Он сказал "когда", но звучало это как "если".

Я пожелал им удачи в Тиншэме. Затем включил зажигание, и грузовик, разбрызгивая грязь, помчался по мокрой дороге.

13. ПУТЕШЕСТВИЕ В НАДЕЖДЕ

Утро было испорчено мелкими бедами. Сначала в карбюраторе оказалась вода. Затем я ухитрился проехать десяток миль на север в полной уверенности, что еду на запад, а когда я повернул назад, у меня отказало зажигание, и я остановился на открытом всем ветрам холме в совершенно пустынной местности. Эти задержки сильно испортили бодрое настроение, с которым я пустился в дорогу. К тому времени, когда я справился с неполадками, был уже час дня, и погода прояснилась.

Выглянуло солнце. Все вокруг стало ярким и свежим, но хотя следующие двадцать миль и проехал без происшествий, мною вновь овладела тоска. Теперь я был по-настоящему предоставлен самому себе и не мог отделаться от ощущения одиночества. Оно вновь нахлынуло на меня, как в тот день, когда мы разделились, чтобы искать Микаэля Бидли; только теперь оно было вдвое сильнее... Раньше одиночество было для меня просто чем-то нежелательным, невозможностью перекинуться словом, чем-то, разумеется, временным. В тот день я узнал, что это нечто

гораздо более страшное. Оно могло давить и угнетать, могло искажать привычные масштабы и играть опасные шутки с разумом. Оно зловеще пряталось всюду, натягивая нервы и звеня в них тревогой, не давая ни на минуту забыть, что никто тебе не поможет и никому ты не нужен. Оно доказывало тебе, что ты атом, летящий в пустоте, и оно ждало случая напугать тебя, напугать чудовищно — вот чего оно добивалось и чего нельзя было ему позволить...

Лишить стадное животное общества ему подобных означает изувечить его, изнасиловать его природу. Заключенный и изгнанник знают, что где-то существуют другие люди; само существование их делает возможным заключение и изгнание. Но когда стада больше нет, бытие стадного животного кончается. Оно больше не частица целого; уродец без места в жизни. Если оно не может удержать разум, оно пропало, пропало окончательно и бесповоротно, самым чудовищным образом, оно становится лишь судорогой в мышцах трупа.

Теперь это требовало гораздо больших усилий, чем прежде. Только отчаянная надежда вновь обрести друга в конце дороги удерживала меня от того, чтобы немедленно повернуть назад и искать облегчения в обществе Коукера и всех остальных.

Зрелища, которые я видел в пути, не имели с этим ничего общего. Да, они были ужасны, но к тому времени я уже притерпелся к ним. Ужас исчез, как исчезал из истории ужас, наполнявший поля великих сражений. И кроме того, я не смотрел больше на эти зрелища, как на часть исполинской, поражающей воображение трагедии. Моя упорная борьба была личным конфликтом со стадными инстинктами моей расы. Бесконечная оборона без всякой надежды на победу. В глубине души я знал, что не выдержу длительного одиночества.

Чтобы отвлечься, я поехал быстрее, чем следовало. В каком-то маленьком городке с забытым названием я круто свернул за угол и врезался в автофургон, загораживавший улицу. К счастью, мой грузовик отделался царапинами, но машинам удалось так сцепиться, что разъединить их мне одному в таком тесном пространстве было делом нелегким. Эта проблема отняла у меня целый

час и пошла мне на пользу, заняв мои мысли практическим делом.

После этого случая я уже не решался ехать с большой скоростью, если не считать нескольких минут вскоре после того, как я въехал в Нью-Форест. Сквозь ветви деревьев я вдруг увидел вертолет, летящий на небольшой высоте. Он двигался так, что должен был пройти над дорогой впереди меня. К несчастью, деревья у обочины совершенно скрывали дорогу от наблюдения с воздуха. Я погнал грузовик что было духу, но к тому времени, когда я выскочил на открытую местность, вертолет был уже крошечным пятнышком, удалявшимся на север. Тем не менее даже один вид его доставил мне облегчение.

Несколькими милями дальше я очутился в маленькой деревушке, расположенной возле опушки зеленого массива. На первый взгляд она казалась очаровательной, словно картинка, эта пестрая смесь соломенных и черепичных крыш с цветущими садами. Но мне не хотелось вглядываться в эти сады, когда я проезжал мимо них: слишком часто виднелись в них триффиды, нелепо торчащие среди цветов. Я был уже недалек от окраины, когда из ворот последнего сада вырвалась крошечная фигурка и побежала по дороге ко мне навстречу, размахивая руками. Я затормозил, привычно огляделся, нет ли поблизости триффидов, затем взял ружье и соскочил на землю.

На девочке были голубое ситцевое платье, белые носки и сандалии. Ей было лет девять или десять. Хорошенькая малышка — это было сразу видно, хотя ее каштановые волосы были растрепаны, а лицо в грязи от размазанных слез. Она потянула меня за рукав.

— Пожалуйста, пожалуйста, — сказала она умоляюще. — Пожалуйста, пойдите и посмотрите, что с Томми.

Я стоял и глядел на нее. Чудовищное одиночество этого дня рассеялось. Мой разум, казалось, вырвался из ящика, в который я его заключил. Мне хотелось поднять ее и прижать к себе. Я чувствовал, как к моим глазам подступают слезы. Я протянул ей руку, и она ухватилась за нее. Мы пошли к воротам, откуда она выбежала.

— Вот Томми, — сказала она.

Мальчик лет четырех лежал на крошечной лужайке между клумбами. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что с ним случилось.

— Его ударило чудовище, — сказала она. — Оно его ударило, и он упал. И оно собиралось ударить меня, когда я хотела помочь ему. Ужасное чудище!

Я взглянул вверх и увидел над оградой верхушку триффида.

— Зажми уши ладошками, — сказал я. — Сейчас я выстрелю.

Она зажала уши, и я отстрелил триффиду верхушку.

— Ужасное чудище, — повторила она. — Теперь оно сдохло?

Я открыл рот, чтобы ответить утвердительно, когда триффид начал барабанить черенками по стеблю — совершенно как тот, в Стипл-Хони. И как тогда, я заставил его замолчать выстрелом из второго ствола.

— Да, — сказал я. — Теперь оно сдохло.

Мы подошли к мертвому мальчику. Алый след удара четко выделялся на бледной щеке. Это случилось, должно быть, несколько часов назад. Она опустилась возле него на колени.

— Не надо, — сказал я ей тихо.

Она подняла голову, на ее глазах блестели слезы.

— Томми умер? — спросила она.

Я присел возле нее на корточки и покачал головой.

— Боюсь, что да.

Через некоторое время она сказала:

— Бедный Томми. Давайте похороним его, как щеночков.

— Да, — отозвался я.

При всем этом всеобщем уничтожении я вырыл единственную могилу, и она была такая маленькая. Девочка собрала букетик цветов и положила сверху. Затем мы уехали.

Ее звали Сюзен. Давным-давно, как ей представлялось, что-то случилось с мамой и отцом, так что они ослепли. Отец ушел позвать на помощь и не вернулся. Потом пошла мама, строго наказав детям из дома не отлучаться. Она

вернулась вся в слезах. На следующий день она опять пошла и на этот раз больше не вернулась. Дети съели все, что было в доме, потом есть стало нечего. В конце концов Сюзен проголодалась так, что решилась нарушить мамин наказ, и пошла попросить помощь в лавке мисс Уолтон. Лавка была открыта, но мисс Уолтон там не было. Сюзен позвала, никто не вышел. Тогда она взяла немного пирожков, печенья и конфет, решив, что мисс Уолтон скажет об этом потом.

На обратном пути она увидела несколько чудищ. Одно в нее ударило, но не рассчитало, и жало проскочило у девочки над головой. Это ее напугало, и оставшийся путь она бежала, что было сил. После этого она очень остерегалась чудищ и во время последующих походов в лавку научила остерегаться Томми. Но Томми был маленький. Когда он сегодня утром вышел поиграть, он не заметил чудища, что спряталось в соседнем саду. Сюзен несколько раз пыталась подобраться к нему, но каждый раз она видела, как при ее приближении верхушка триффида начинала дрожать и двигаться...

Примерно через час я решил, что пора остановиться на ночлег. Оставив ее в кабине, я обошел несколько коттеджей, пока не нашел подходящего, и мы уселись за ужин. Я мало понимаю в маленьких девочках, но Сюзен, на мой взгляд, управилась с поразительным количеством еды; она призналась мне, что диета из печений, пирожков и конфет совсем не так приятна, как ей казалось когда-то. После ужина мне удалось ее немного отмыть, затем я кое-как причесал ее, и результат этих операций показался мне вполне удовлетворительным. С другой стороны, иметь собеседника доставляло ей такое удовольствие, что она на время забыла обо всем.

Я понимал ее. Совершенно то же самое испытывал и я.

Но вскоре после того, как я уложил ее в постель и снова спустился вниз, я услыхал, что она плачет. Я вернулся к ней.

— Ничего, Сюзен, — сказал я. — Все будет хорошо. Бедному Томми даже не было больно, это случилось очень быстро. — Я сел на край постели и взял ее за руку. Она перестала плакать.

— Это не только Томми, — сказала она. — Это уже после Томми... Нигде никого не было, совсем никого. Мне было так страшно...

— Я знаю, — сказал я. — Уж я-то знаю. Мне тоже было страшно.

Она взглянула на меня.

— Но теперь ведь нам не страшно?

— Нет. И тебе тоже. Вот видишь, нам нужно просто быть вместе, и тогда нам никогда не будет страшно.

— Да, — серьезно и задумчиво сказала она. — Я думаю, так будет хорошо...

Мы обсудили еще множество других вопросов, прежде чем она заснула.

— Куда мы едем? — спросила на следующее утро Сюзен, когда мы тронулись в путь.

Я сказал, что мы ищем одну леди.

— А где она? — спросила Сюзен.

Этого я точно не знал.

— Когда же мы ее найдем? — спросила Сюзен.

Этого я не знал совсем.

— А она красивая? — спросила Сюзен.

— Да, — сказал я, обрадованный тем, что могу, наконец, дать вполне определенный ответ.

Почему-то это ей не понравилось.

— Это хорошо, — удовлетворенно сказала она, и мы перешли на другую тему.

Из-за нее я старался объезжать более крупные города по окраинам, но избегнуть многих неприятных картин в сельской местности было трудно. Через некоторое время я бросил притворяться, будто они не существуют. Сюзен глядела на них с тем же отстраненным интересом, что и на обычные пейзажи. Они ее не пугали, а озадачивали, и она задавала вопросы. Тогда я рассудил, что мир, в котором ей предстоит расти, вряд ли будет находить пользу в сюсюканье и эвфемизмах, наполнявших мое детство, и впредь уже старался говорить с нею об ужасных и причудливых зрелищах с одинаковой объективностью. Для меня это тоже было хорошо.

К полудню собрались тучи, снова начался дождь. Когда в пять часов вечера мы затормозили на дороге сразу за Пулборо, дождь все еще лил вовсю.

— А куда мы теперь? — спросила Сюзен.

— В том-то и загвоздка, — признался я. — Это где-то там. — Я махнул рукой в сторону Даунса.

Я напряг память, пытаясь вспомнить, что еще говорила Джозелла, но помнил только, что дом стоит на северной стороне холма. Кроме того, у меня было впечатление, будто он находится где-то напротив Пулборо и отделен от него болотистой низиной. Теперь, когда я был здесь, это представлялось весьма неопределенным ориентиром: холмы Даунса тянулись вправо и влево на мили.

— Может быть, для начала нам следует посмотреть, не видно ли какого-нибудь дымка на той стороне, — предложил я.

— Разве в такой дождь что-нибудь увидишь? — весьма справедливо возразила Сюзен.

Через полчаса дождь соизволил на некоторое время прекратиться. Мы вышли из грузовика и сели рядышком на каменную ограду. Мы внимательно оглядели склоны холмов, но ни острые глаза Сюзен, ни мои, оснащенные биноклем, не обнаружили никаких признаков дыма или движения. Вскоре ливень возобновился.

— Есть хочется, — сказала Сюзен.

Я есть не стал. Теперь, когда я был так близок к цели, нетерпеливое стремление узнать, насколько оправдалась моя догадка, захватило меня полностью. Пока Сюзен ужинала, я отвел грузовик немного назад и вверх по склону, чтобы увеличить поле зрения. В промежутках между ливнями и в сгущающихся сумерках мы вновь оглядели противоположную сторону долины. Никаких результатов. В долине не было ни жизни, ни движения, если не считать нескольких коров и овец да торчащего в низине одинокого триффида.

Мне пришла в голову одна мысль, и я решил спуститься в деревню. Не хотелось брать с собой Сюзен, потому что я знал, как там нехорошо, но оставлять ее здесь одну я тоже не мог. Впрочем, в деревне я обнаружил, что зрелища действуют на нее гораздо слабее, чем на меня: у детей иная концепция страшного, пока их не

научат, чему следует ужасаться. Подавлен зрелищами был только я. Для Сюзен там было не столько скверно, сколько интересно. Все мрачные ощущения у нее были смыты удовольствием от алого шелкового плащика, который она себе раздобыла, хотя он был ей велик на несколько размеров. Я тоже не остался внакладе. Я вернулся к грузовику с большой фарой, похожей на прожектор, которую мы сняли с роскошного "роллс-ройса".

Я установил эту штуку на стержне возле ветрового стекла и присоединил ее к аккумулятору. Когда все было готово, оставалось только ждать темноты и надеяться на то, что дождь прекратится.

К тому времени, когда наступила тьма, дождь накрапывал еле-еле. Я включил свой прожектор и послал в ночь ослепительный столб света. Я медленно поворачивал фару вправо и влево, обводя лучом гряды холмов на той стороне и жадно вглядываясь в поисках ответного сигнала. Раз десять я ровно и упорно перемещал луч, выключая его на несколько секунд в конце каждого поворота. И каждый раз ночь над холмами оставалась непроглядно черной. Затем дождь снова пошел сильнее. Я направил луч прямо вперед и уселся в ожидании, слушая барабанный стук капель по крыше кабины, а Сюзен заснула, привалившись к моей руке. Прошел час, барабанный стук перешел в редкое потрескивание и замолк совсем. Когда я вновь принялся поворачивать фару, Сюзен проснулась. Я заканчивал шестой поворот, и вдруг Сюзен закричала:

— Глядите, Билл! Вон там! Свет!

Я сейчас же выключил фару и стал смотреть вдоль линии ее протянутой руки. Ничего определенного я не увидел. Нечто тусклое, словно светлячок вдали, если только не обман зрения. Пока мы вглядывались, снова хлынул ливень, и когда я взялся за бинокль, видимости уже не было никакой.

Я не знал, пора ли включать двигатель. Могло случиться, что свет — если свет был — не виден с более низкого места. Я снова включил фару и стал ждать, собрав все свое терпение. Прошел еще час, прежде чем дождь прекратился. Я сейчас же выключил фару.

— Есть! — возбужденно вскрикнула Сюзен. — Глядите! Глядите!

Да, свет был. И достаточно яркий, чтобы рассеять все сомнения. Правда, даже с помощью бинокля невозможно было разглядеть деталей.

Я включил фару и передал азбукой Морзе букву "В" — других букв, кроме "SOS", я не знал, и приходилось довольствоваться этим. В ответ огонек на той стороне мигнул и затем разразился серией точек-тире, которые — увы! — ничего мне не говорили. На всякий случай я ответил двумя "В", нанес на карту примерное направление на огонек и включил фары грузовика.

— Это там леди? — спросила Сюзен.

— Должна быть она, — сказал я. — Должна быть.

Это было нелегкое путешествие. Чтобы пересечь болотистую долину, пришлось воспользоваться дорогой к западу от нас и затем снова пробираться на восток вдоль подножия холмов. Едва мы проехали милю, что-то заслонило огонек. Отыскивать путь среди тропинок во мраке было трудно, и в довершение всего опять хлынул дождь. О дренажных шлюзах заботиться было некому, поэтому часть полей в низине оказались под водой, и местами вода скрывала колеса. Приходилось править с исключительной осторожностью, а мне хотелось мчаться на полной скорости, не разбирая дороги.

Когда мы выбрались на другую сторону низины, затопление нам больше не грозило, но скорость не увеличилась, потому что тропинки изобиловали зигзагами и самыми невероятными поворотами. Мне пришлось все свое внимание отдать дороге, а девочка вглядывалась в склоны холмов, выжидая появления огонька. Мы достигли точки, где наш путь пересекала нанесенная на карту линия, но огонек не появлялся. Я попробовал первый же поворот вверх по склону. После этого мы потратили полчаса, чтобы вернуться на дорогу из мелового карьера.

Мы двинулись по нижней тропе дальше. Затем Сюзен разглядела справа между ветвями какое-то мерцание. Следующий поворот был удачнее. Мы снова поднялись по откосу и увидели в полумиле крошечный квадратик освещенного окна.

Но даже тогда и даже с помощью карты было нелегко найти ведущий туда проселок. Мы медленно, все время на

первой скорости, тащились вверх по склону, и каждый раз, когда окно вновь появлялось в поле зрения, оно было ближе. Проселок не предназначался для тяжелых грузовиков. Кое-где мы продирались сквозь заросли и кусты ежевики, которые скребли борта кузова, как бы стараясь задержать нас и столкнуть обратно.

Наконец впереди на дороге показался фонарь. Он задвигался, раскачиваясь, показывая нам поворот к воротам. Затем опустился на землю. Я подъехал и затормозил в метре от него. Когда я открыл дверцу, в лицо мне неожиданно ударил свет карманного фонарика. Я успел разглядеть фигуру в блестящем от воды дождевике.

Легкий надлом нарушил нарочитое спокойствие голоса, который произнес:

— Здравствуйте, Билл. Долго же вас не было.

Я спрыгнул с подножки.

— О Билл!.. Я не могу... Милый мой, я так надеялась... Билл... — говорила Джозелла.

Я вспомнил о Сюзен, только когда она сказала сверху:

— Глупые, вы же промокнете. Разве нельзя целоваться под крышей?

14. ШИРНИНГ

Чувство, с которым я прибыл на ферму Ширнинг, то самое чувство, которое твердило мне, что все беды теперь позади, интересно только тем, что свидетельствует, как обманчивы подчас бывают чувства. Я нашел и обнял Джозеллу, но мне не пришлось немедленно увезти ее в Тиншэм и воссоединиться с остальными, что должно было быть естественным следствием нашей встречи. Причин было несколько.

С того момента, как мне пришло в голову, где она может находиться, я представлял себе ее, должен сознаться, несколько кинематографически, будто она сражается против всех сил природы и так далее и тому подобное. В известном смысле, наверно, так оно и было, но вся обстановка здесь весьма отличалась от воображаемой. У меня

был простой план: "Полезай в кабину. Мы поедем к Коукеру и его маленькой компании". Этот план рухнул в первую же минуту. Вообще следует знать, что так просто никогда не бывает, и, с другой стороны, поразительно, сколь часто лучшее маскируется под худшее...

Не то чтобы я с самого начала отдал предпочтение Ширнингу перед Тиншэмом, хотя присоединиться к большой группе было бы значительно умнее. Но Ширнинг был очаровательным местом. Слово "ферма" являлось просто его титулом. Фермой он был лет двадцать пять назад и до сих пор выглядел как ферма, но на самом деле это была загородная дача. В Суссексе и в соседних графствах было полно таких домов и коттеджей, которые облюбовали для себя усталые лондонцы. Внутри дом был полностью модернизирован, так что его прежние хозяева вряд ли узнали бы хоть одну комнату. Снаружи он блестел как новенький. Загоны и сараи имели вид скорее пригородный, нежели деревенский, они давно уже не знали никакого домашнего скота, кроме разве верховых лошадей и пони. Двор не имел никаких утилитарных устройств и не издавал грубых запахов: он был засажен высокой густой травой и превратился в лужайку для игры в шары. Окна под красной черепицей выходили на поля, обработанные другими фермерами, более практичными. Впрочем, сараи и амбары оставались в хорошем состоянии.

Друзья Джозеллы, нынешние владельцы Ширнинга, мечтали когда-нибудь все здесь переделать и заняться всерьез сельским хозяйством. Они до последнего дня отказывались от самых соблазнительных предложений в надежде, что когда-нибудь и какими-то путями, о которых имели очень смутное представление, достанут деньги и выкупят принадлежавшую им по праву землю.

На ферме были свой колодец и своя силовая станция, так что она обладала многими преимуществами, но, обойдя ее, я понял мудрость Коукера, когда он говорил о необходимости коллективных усилий. Я ничего не понимал в сельском хозяйстве, но чувствовал, что, если мы останемся здесь, содержание шестерых человек потребует очень тяжелых трудов.

Остальных троих звали Деннис и Мэри Брент и Джойс Тэйлор, и они были уже здесь, когда прибыла Джозелла.

Деннис был владельцем фермы. Джойс гостила у них и готовилась взять на себя домашнее хозяйство, потому что Мэри ждала ребенка.

В ночь зеленых вспышек на ферме были еще два гостя, Джоан и Тед Дэнтон, приехавшие на неделю отдохнуть. Все пятеро вышли в сад любоваться небесным представлением. Наутро все пятеро проснулись в мире, где царил вечный мрак. Сначала они пытались звонить по телефону; затем, когда убедились, что это невозможно, стали ждать приходящую прислугу. Она не пришла. Тед вызвался попробовать узнать, что произошло. Деннис не пошел с ним только из-за жены, которая была на грани истерики. Тед отправился в одиночку. Он больше не вернулся. Позже в тот же день ушла, никому не сказав ни слова, Джоан: вероятно, она хотела попытаться найти мужа. Она тоже исчезла навсегда.

Деннис следил за временем, ощупывая стрелки часов. К вечеру сидеть и ждать сложа руки стало невыносимо. Он решил попробовать дойти до деревни. Обе женщины решительно против этого восстали. Боясь за Мэри, он сдался, и попытку решила предпринять Джойс. Она подошла к двери и стала нащупывать путь палкой. Едва она переступила через порог, как что-то со свистом хлестнуло ее по руке и обожгло, как раскаленный утюг. Она с криком отскочила назад в прихожую и упала. Деннис нашел ее. К счастью, она была в сознании. Она стонала и жаловалась на боль в руке. Нащупав вспухший рубец, Деннис догадался, в чем дело. Несмотря на слепоту, они с Мэри кое-как ухитрились применить горячие припарки. Пока Мэри грела воду в чайнике, он наложил турникет и сделал все возможное, чтобы выдавить яд. Затем они перенесли Джойс на кровать, где она пролежала несколько дней.

Тем временем Деннис проводил эксперименты. Слегка приоткрыв дверь, он просовывал наружу метлу. Каждый раз слышался свист жала, и ручка метлы несильно дергалась в его ладони. То же самое было у одного из окон, выходящих в сад; остальные окна были, по-видимому, свободны. Если бы не отчаянные протесты Мэри, он бы попробовал выбраться через окно. Но Мэри была уверена, что раз триффиды обступили дом, значит, их много повсюду.

К счастью, у них было достаточно продуктов, чтобы продержаться некоторое время, хотя готовить было трудно; к тому же Джойс, несмотря на высокую температуру, видимо, превозмогла действие триффидного яда, так что положение не было таким уж отчаянным. Большую часть следующего дня Деннис занимался тем, что мастерил для себя подобие шлема. У него была проволочная сетка только с крупными ячейками, так что ему пришлось складывать и связывать ее в несколько слоев. Это заняло много времени, но в конце концов, оснастившись этим шлемом и парой фехтовальных рукавиц, к вечеру он смог отправиться на вылазку в деревню. Триффид ударил в него, едва он отошел от дома на три шага. Он стал шарить вокруг, нашел триффида и выкрутил ему стебель. Через минуту по шлему хлестнуло другое жало. Этого триффида он найти не смог, хотя тот нанес ему полдюжины ударов, прежде чем, наконец, отстал. Он нашел дорогу к мастерской, а оттуда направился через двор и вышел на проселок, нагрузившись тремя большими мотками бечевки, которую разматывал за собой. Бечевка должна была привести его назад.

На проселке его несколько раз хлестали жала триффидов. Чтобы преодолеть милю, отделявшую ферму от деревни, ему понадобилось удивительно много времени, и бечевка кончилась еще по пути. Тишина, царившая вокруг, приводила его в ужас. Время от времени он останавливался и кричал, но никто не отзывался. Иногда ему казалось, что он заблудился, но потом он ощутил под ногами дорожное покрытие и понял, где находится. Окончательно он уверился в этом, когда наткнулся на столб с указателем. Тогда он пошел дальше.

Пройдя расстояние, показавшееся ему очень большим, он почувствовал, что его шаги звучат по-иному: они отдавались слабым эхом. Двинувшись в сторону, он обнаружил тротуар и затем стену. Немного дальше он нащупал почтовый ящик, вделанный в кирпичную кладку. Теперь он знал, что находится в деревне. Он закричал. На этот раз чей-то голос, голос женщины, откликнулся ему, но кричали где-то впереди, и слов нельзя было разобрать. Он крикнул вторично и направился на голос. Ответный крик вдруг оборвался пронзительным воплем. После этого снова

наступила тишина. Только тогда, и все еще сомневаясь, он осознал, что положение в деревне не лучше, чем у него на ферме. Он присел на травянистую обочину тротуара и стал думать, что делать дальше.

По наступившей прохладе он догадался, что настала ночь. Видимо, он шел не менее четырех часов, и теперь оставалось только идти назад. Незачем, однако, возвращаться с пустыми руками... Он пошел дальше, постукивая по стенам палкой, пока палка не загремела об оцинкованную вывеску деревенской лавочки. На протяжении последних пятидесяти или шестидесяти метров триффидные жала трижды хлестали его по шлему. Еще один удар, едва он открыл калитку, и он споткнулся о тело, лежавшее поперек дорожки. Труп был мужской, холодный как лед.

У него создалось впечатление, что в лавке кто-то побывал до него. Тем не менее он нашел изрядный окорок. Сунув его в мешок вместе с пакетами масла и маргарина, печенья и сахара, он сложил туда же часть банок с полки, которая, насколько он помнил, содержала съестное; банки сардин, во всяком случае, различить было легко. Затем он поискал и нашел десятка полтора мотков бечевки, взвалил мешок на плечо и отправился домой.

По дороге он сбился с пути и едва справился с охватившей его паникой, пока возвращался назад и ориентировался заново. Но в конце концов он снова оказался на знакомом проселке. Ощупью ему удалось найти бечевку, которая тянулась от фермы, и он связал ее с бечевкой из деревни. Остаток пути он прошел сравнительно благополучно.

В последующую неделю он дважды совершал вылазки в деревенскую лавку, и с каждым разом триффиды на дороге попадались все чаще. Троим обитателям фермы оставалось только ждать и надеяться. И тут случилось чудо: прибыла Джозелла.

С самого начала мне стало ясно, что о немедленном переезде в Тиншэм не может быть и речи. Во-первых, Джойс была еще очень слаба — увидев ее, я поразился, как ей удалось выжить. Расторопность Денниса спасла ей жизнь, но они не могли обеспечить ее в течение последующей недели ни укрепляющими средствами, ни хотя бы

правильным питанием, и это замедлило выздоровление. Перевозить ее на большие расстояния было немыслимо в ближайшую неделю или две. И кроме того, путешествие было опасно также для Мэри, у которой вскоре должны были наступить роды; таким образом, нам оставалось только ждать, пока минуют эти два кризиса.

Снова мне пришлось заняться грабежами. На этот раз я должен был действовать по более обширному списку и доставлял на ферму не только продукты, но еще и горючее для генератора, кур-несушек, двух только что отелившихся коров (отощавших до того, что у них ребра торчали наружу), медицинские препараты для Мэри, а также огромное количество всяких мелочей.

Округа буквально кишела триффидами, нигде я еще не встречал их в таком количестве. Чуть ли не каждое утро оказывалось, что новые две или три штуки притаились в засаде возле дома, и, прежде чем приниматься за что-нибудь другое, надо было отстреливать им верхушки. Потом я оборудовал проволочную ограду, чтобы не допускать их в сад; тогда они стали приходить к самой ограде и вызывающе слонялись вокруг нее, пока их не приканчивали.

Я вскрыл ящики со снаряжением и обучил маленькую Сюзен стрелять из противотриффидного ружья. Она очень быстро стала специалистом по истреблению чудищ, как она продолжала их называть. Ежедневное отмщение стало ее долей работы.

Джозелла рассказала мне, что с ней было после ложной тревоги в университете.

Ее вывезли с командой, как и меня, но от стражи, к которой она была прикована, она отделалась сразу же. Она предъявила им ультиматум: либо ее освободят от всех и всяческих пут, и тогда она будет оказывать им любую помощь; либо, если они намерены принуждать ее, наступит день, когда по ее рекомендации они хлебнут синильной кислоты или проглотят цианистый калий. Пусть они выбирают, что им больше подходит. Они сделали разумный выбор.

В том, что случилось дальше, ее история мало отличалась от моей. Когда ее команда погибла, она стала рассуждать примерно так же, как я. Она взяла автомобиль и отправилась искать меня в Хэмпстед. Ни единого живого

человека из моей команды она не встретила; не столкнулась она и с теми, кого вел рыжеволосый убийца с пистолетом. Она пробыла в Хэмпстеде почти до захода солнца, а затем решила поехать в университет. Не зная, чего там можно ожидать, она остановила машину за два квартала и дальше пошла пешком. Не успела она дойти до ворот, как услыхала выстрел. Из осторожности она укрылась в садике, где мы с нею прятались раньше. Оттуда она заметила Коукера, который тоже осторожно оглядывался. Она не знала, что это я стрелял в триффида на Расселсквер и что это мой выстрел был причиной настороженности Коукера; она заподозрила ловушку. Попадаться второй раз она не желала и вернулась к своей машине. Она понятия не имела, куда уехали остальные и уехали ли вообще. Она знала только одно место, где могла найти убежище и о котором она едва ли не случайно упоминала мне. И она решила отправиться туда в надежде, что я, если я еще жив, вспомню и постараюсь его отыскать.

— Как только я выбралась из Лондона, — рассказывала она, — я свернулась калачиком на заднем сиденье и заснула. Сюда я приехала довольно рано, на следующее утро. Деннис услыхал шум мотора и высунулся из окна верхнего этажа, чтобы предупредить меня о триффидах. Затем я увидела нескольких возле самого дома, и было очень похоже на то, что они ждут, чтобы кто-нибудь вышел. Мы с Деннисом кричали друг другу, потом триффиды зашевелились, и один направился ко мне, так что мне пришлось безопасности ради забраться в машину. Триффид продолжал двигаться ко мне. Я включила двигатель, сшибла и переехала его. Но остались другие, а у меня, кроме ножа, не было никакого оружия. Проблему разрешил Деннис: "Если у вас найдется лишняя канистра бензина, плесните немного на них, а затем бросьте в них кусок горящей ветоши, — предложил он. — Это должно подействовать".

Это подействовало. Теперь я всегда пользуюсь садовым насосиком. Просто чудо, как я еще дом не подожгла.

С помощью поваренной книги Джозелла кое-как приготовила обед, а затем принялась наводить в доме порядок. Работа, обучение, всякого рода импровизации поглотили

ее настолько, что ей некогда было задумываться над будущим дальше, чем на несколько ближайших недель. В эти дни она не заметила в окрестностях никого, но была уверена, что где-нибудь должны быть люди, и тщательно наблюдала за долиной в поисках дыма днем и огней ночью. Однако в ее поле зрения не появилось ни одного дымка, ни единого проблеска света до того вечера, когда приехал я.

В каком-то смысле хуже всего катастрофа подействовала на Денниса. Джойс была еще слаба и еле двигалась. Мэри держалась замкнуто и, по всей видимости, находила бесконечное утешение в мыслях о своем предстоящем материнстве. Но Деннис был как зверь в западне. Нет, он не предавался бессмысленной ругани, как это делали многие другие, но он ненавидел свою слепоту злобно и горько, словно она загнала его в клетку, где он не намерен долго оставаться. Еще до моего прибытия он убедил Джозеллу найти в энциклопедии систему Брайля и сделать ему копию алфавита для слепых. Он ежедневно упорно тренировался, составляя из этой азбуки слова и пытаясь прочесть их. В остальное время он мучился своей бесполезностью, хотя никому не говорил ни слова. Он с угрюмой настойчивостью брался то за одно, то за другое дело, так что больно было смотреть на него, и всей моей силы воли едва хватало, чтобы удерживаться и не помогать ему: вспышка злости, которой он встретил однажды непрошенную помощь, была достаточно красноречива. Я испытывал удивление перед его настойчивостью и трудолюбием, но больше всего меня поразило то, что уже на второй день слепоты он сумел смастерить такой удачный шлем из проволоки.

Он всегда стремился сопровождать меня в экспедиции, и его радовала возможность участвовать в погрузке тяжелых ящиков. Он жаждал книг по системе Брайля, но достать их можно было только в больших городах, и мы решили подождать с этим до тех пор, пока не уменьшится риск подхватить какую-нибудь заразу.

Дни потекли быстро — конечно, для тех из нас, кто владел зрением. Джозелла была очень занята, большей частью по дому, и Сюзен училась помогать ей. Много дел было и у меня. Джойс стало значительно лучше, она впер-

вые поднялась с постели, а затем быстро пошла на поправку. Вскоре после этого начались схватки у Мэри.

Это была трудная ночь для всех. Труднее всего, вероятно, для Денниса, который знал, что все зависит теперь от двух добросовестных, но совершенно неопытных девушек. Его самообладание вызывало во мне беспомощное восхищение.

Рано утром к ним спустилась смертельно усталая Джозелла.

— Девочка, — сказала она. — У них обоих все в порядке. — И она повела Денниса наверх.

Через несколько секунд она вернулась и взяла стаканчик, который я держал для нее наготове.

— Все обошлось очень гладко, слава богу, — сказала она. — Бедняжка Мэри страшно боялась, что малышка тоже родится слепой, но ничего подобного, конечно, не случилось. А теперь она горько плачет, что не может увидеть ее.

Мы выпили.

— Странно как-то, — проговорил я. — Я имею в виду положение вообще. Словно зерно — оно сморщенное и как будто мертвое, а на самом деле оно живое. И вот теперь родилась новая жизнь, и она сразу вступает во все это...

Джозелла закрыла лицо руками.

— Господи! Билл... Неужели все и дальше будет так, как сейчас? Дальше... дальше... все время?

Она упала в кресло и расплакалась.

Через три недели я отправился в Тиншэм повидать Коукера и организовать наш переезд. Я взял легковую машину, чтобы обернуться за один день. Когда я вернулся, Джозелла встретила меня в холле. Она внимательно взглянула мне в лицо.

— Что случилось? — спросила она.

— Ничего особенного. Переезжать туда нам не придется, — ответил я. — Тиншэм погиб.

Она вытаращила глаза.

— Что там произошло?

— Не знаю точно, скорее всего чума.

Я коротко рассказал о поездке. Особенного расследования не потребовалось. Когда я приехал, ворота были настежь, и при виде триффидов, свободно разгуливающих по парку, я уже понял, чего следовало ожидать. Тяжелый запах подтвердил мою догадку. Я заставил себя войти в дом. Судя по всему, он был покинут не менее двух недель назад. Я заглянул в две комнаты. Этого было достаточно. Я позвал, и мой голос замер в пустоте здания. Дальше я не пошел.

К наружной двери была прибита какая-то записка, но от нее остался только чистый уголок. Я потратил много времени в поисках листка, который, должно быть, сорвало ветром. Но не нашел его. Грузовиков и легковых машин на заднем дворе не оказалось, большая часть припасов исчезла вместе с ними. Куда — я не знал. Оставалось вернуться в свою машину и ехать назад.

— И что же теперь? — спросила Джозелла, когда я закончил.

— Теперь, родная, мы останемся здесь. Мы знаем, как бороться за жизнь. И мы будем бороться за жизнь впредь... если нам не придут на помощь. Возможно, где-нибудь существует организация...

Джозелла покачала головой.

— Я думаю, о помощи надо забыть. Миллионы и миллионы людей ждали помощи и надеялись, и все напрасно.

— Таких групп, как наша, тысячи, — возразил я. — Они рассеяны по всей Европе, по всему миру. Некоторые объединятся, начнут строить заново.

— А когда это будет? — сказала Джозелла. — Через поколения? Вероятно, уже после нас. Нет. Мир погиб, остались только мы... Мы должны заботиться о самих себе. Мы должны планировать свою жизнь без расчета на чью-либо помощь... — Она замолчала. На лице ее появилось странное, пустое выражение, какого я никогда у нее не видел. Она сморщилась.

— Родная вы моя... — сказал я.

— О Билл, Билл, я родилась не для такой жизни. Если бы не вы, я бы...

— Тихо, моя радость, — проговорил я нежно. — Тихо. Я погладил ее по волосам.

Через несколько секунд она взяла себя в руки.

— Простите, Билл. Жалость к себе... это отвратительно. Больше я не буду.

Она вытерла глаза платком.

— Итак, я должна стать женой фермера. Но все равно я рада выйти за вас замуж, Билл... даже если это не очень-то правильная, настоящая женитьба.

Она вдруг засмеялась. Я давно уже не слышал ее смеха.

— Что такое?

— Я вспомнила, как я всегда боялась своей свадьбы.

— Это делает вам честь... хотя это несколько неожиданно.

— Да нет, дело не только в этом. Я про своих издателей, репортеров, кинопублику. Какое это было бы для них развлечение. Выпустили бы новое издание моей глупой книжки... снова выпустили бы фильм... и фотографии во всех газетах. Вам бы это не понравилось.

— Я знаю кое-что, что не понравилось бы мне гораздо больше, — сказал я. — В лунную ночь вы поставили мне одно условие, помните?

Она взглянула на меня.

— Ну что же, возможно, не все получилось так уж плохо, — сказала она.

15. МИР СУЖАЕТСЯ

С тех пор я завел журнал. Это было что-то среднее между дневником, биржевым бюллетенем и тетрадью для заметок. В нем описаны места, где я побывал во время экспедиций, перечисляются добытые припасы, оцениваются количества припасов, которые надлежит вывезти, берутся на заметку складские и жилые помещения с примечаниями, какие из них следует очистить в первую очередь, пока они не разрушились. Прежде всего я искал продукты, горючее и зерно, но этим не ограничивался. Журнал пестрит перечислениями грузов, одежды, инструментов, белья, обуви, кухонной посуды, грузов скобяных изделий и проволоки, проволоки, снова проволоки, а также книг.

Из записей следует, что в первую же неделю после возвращения из Тиншэма я принялся сооружать проволочную ограду против триффидов. У нас уже были изгороди, защищающие от них дом и сад. Теперь же я начал осуществлять честолюбивый план по освобождению от них нескольких сотен акров посевной площади. Для этого необходима была прочная проволочная ограда, подкрепленная естественными препятствиями и вертикальными щитами, а внутри — изгородь более легкого типа, которая не давала бы скоту и нам самим неосмотрительно вступать в зону поражения жалом. Это была тяжелая, изнурительная работа, и она отняла у меня много месяцев.

Одновременно я стремился постигнуть азбуку сельского хозяйства. Изучать сельское хозяйство по книгам очень трудно. Во-первых, никто из авторов, писавших на эту тему, не предполагал, что какой-нибудь фермер будет начинать с абсолютного нуля. Поэтому я обнаружил, что все работы писались в предположении, что читатель уже имеет какой-то опыт (которого я не имел) и знает терминологию (которой я не знал). Мои специализированные знания в биологии были решительно бесполезны перед лицом практических проблем. Теория требовала материалы и вещества, которые я либо не мог найти, либо не смог бы распознать, если бы даже нашел. Очень скоро я понял, что к тому времени, когда кончатся практически невосполнимые запасы химических удобрений, кормов и всего прочего, и тогда нам придется попотеть, а уж каков будет урожай, бог его знает.

Книжные знания в области коневодства, молочного хозяйства и работ на бойне тоже не давали никакой практической основы для овладения этими искусствами. Слишком много оказалось моментов, когда нельзя прерывать работу для консультации с нужной главой. Мало того, практика непрерывно обнаруживала загадочные отклонения от простых книжных схем.

К счастью, у нас было достаточно времени, чтобы делать ошибки и на них учиться. Сознание, что пройдет еще несколько лет, прежде чем нам придется более или менее целиком положиться на собственные ресурсы, оберегало нас от отчаяния по поводу наших неудач. Кроме того, мы

могли утешать себя тем, что, проживая собранные запасы, мы тем самым не даем им погибнуть втуне.

Из соображений безопасности я прождал целый год, прежде чем снова поехать в Лондон. Для моих набегов это был самый прибыльный район, но он же производил на меня и наиболее тягостное впечатление. Сначала все еще казалось, будто прикосновение волшебной палочки может вернуть ему жизнь, хотя машины на улицах начали ржаветь. Годом позже изменения стали более заметны. Огромные пласты штукатурки обвалились со стен и засыпали тротуары. На улицах валялись колпаки дымовых труб и обломки черепицы. Травы и кустарники задушили канализационные люки. Опавшая листва забила водосточные трубы, и трава проросла в щелях стоков. Едва ли не каждое здание украсилось зеленым париком, под которым в прелой сырости гнили крыши. Сквозь окна были видны провалившиеся потолки, отставшие обои, блестящие от плесени стены. Сады парков и скверов заросли совершенно и расползались по соседним улицам. Зелень выпирала отовсюду, укореняясь на мостовых в щелях между камнями, выползая из трещин в бетоне, карабкаясь даже по сиденьям покинутых машин. Она вторгалась со всех сторон, чтобы вновь завладеть пустынями, которые создал человек. И странно, по мере того как живые растения закрывали камень, впечатление от города становилось все менее тяжелым. Когда Лондон вступил в стадию, где ему не помогла бы уже никакая волшебная палочка, большинство его призраков начало исчезать, медленно отступая в историю.

Однажды — не в тот год и не в следующий, а гораздо позже — я вновь стоял на Пиккадилли-Сиркус, оглядывая запустение и пытаясь воссоздать мысленно картины кишевших там некогда толп. Но у меня ничего не вышло. Даже в моей памяти эти толпы были лишены реальности. От них не осталось никакого привкуса, никакого оттенка. Они сделались такими же аксессуарами истории, как римский Колизей или ассирийские армии, и почему-то такими же далекими для меня. Ностальгия, которая временами, в тихие часы, овладела мною, терзала меня сильнее, чем само зрелище старого мира, лежащего в развалинах. Когда я бывал в полях далеко отсюда, я мог пре-

даваться приятным воспоминаниям; но среди шершавых, медленно погибающих построек мне в голову лезли только суета, крушение надежд, бесцельные устремления, вездесущий металлический грохот, и я начинал сомневаться, так ли уж много мы потеряли...

Первую пробную вылазку в Лондон я предпринял в одиночку и вернулся с ящиками боеприпасов против триффидов, с бумагой, частями двигателей, а также с книгами и пишущей машинкой по системе Брайля для Денниса, с напитками, сладостями, патефонными пластинками и с новыми книгами для зрячих. Неделей позже со мной поехала Джозелла с более конкретной целью: за одеждой и бельем не только и не столько для взрослых, сколько для ребенка Мэри и для ребенка, которого ждала теперь она сама. Лондон произвел на нее угнетающее впечатление, и больше она туда не ездила.

Я продолжал набеги на Лондон в поисках различных вещей и, как правило, пользовался случаем, чтобы заодно прихватить и предметы роскоши. Ни разу не пришлось мне увидеть, чтобы на улицах что-нибудь двигалось, если не считать немногих воробьев или заблудившегося триффида. Кошки и собаки дичали с каждым поколением, их можно было заметить на полях, но не здесь. Правда, иногда я наталкивался на свидетельства того, что не один я добываю припасы, но никогда не видел этих людей.

Последнюю поездку я совершил в конце четвертого года. Где-то во внутреннем пригороде я обнаружил, что появилась опасность, пренебрегать которой я не имел права. Первым проявлением ее был громоподобный грохот позади меня. Я остановил грузовик, и, оглянувшись, увидел поперек улицы груду развалин и столб пыли над нею. Видимо, сотрясение от тяжелого грузовика доконало непрочный уже фасад какого-то здания. Больше я не обрушил ни одного дома, но весь тот день я провел в напряженном ожидании потока кирпича и штукатурки, падающего мне на голову. С той поры я ограничил свои экспедиции небольшими городами, да и там ходил пешком.

Крупнейшим и наиболее удобным источником снабжения для нас мог стать Брайтон. Но он него мне пришлось отказаться. К тому времени, когда я решил, что он безопасен для посещения, там были уже другие. Кто

они и сколько их — узнать мне не удалось. Я затормозил перед грубой каменной стеной, возведенной поперек дороги. На ней красовались слова:

СТОЙ! НАЗАД!

Этот совет был подкреплен треском ружейного выстрела, и передо мной взлетел фонтанчик пыли. Я не увидел никого, с кем можно было бы вступить в переговоры, да и начало переговоров не предвещало ничего хорошего.

Я развернул грузовик и задумчиво поехал прочь. А что, если наступит время, когда оборонительные приготовления моего друга Стефена все-таки окажутся не бесполезными? Для очистки совести я заехал в арсенал, где мы еще раньше взяли огнеметы против триффидов, и погрузил там несколько пулеметов и минометов.

В ноябре второго года у нас с Джозеллой родился первый ребенок. Мы назвали его Дэвидом. Моя радость сливалась временами с дурными предчувствиями: какое будущее создадим мы для него? Но Джозеллу это волновало меньше всего. Она его боготворила. Видимо, он был для нее компенсацией за все, что она утратила, и, как ни странно, теперь она беспокоилась о состоянии мостов на нашем пути в будущее гораздо меньше, чем прежде. Как бы то ни было, это был крепкий мальчишка, и его здоровье позволяло надеяться, что он сможет постоять за себя, когда вырастет. Поэтому я подавил свои предчувствия и с удвоенным рвением принялся за работу на земле, которая в один прекрасный день будет содержать нас всех.

После этого прошло, должно быть, не очень много времени, и Джозелла заставила меня обратить более пристальное внимание на триффидов. За эти годы я так привык принимать против них меры предосторожности, что их превращение в непременную деталь пейзажа прошло для меня гораздо менее заметно, чем для остальных обитателей фермы. Кроме того, имея с ними дело, я привык носить проволочную маску и перчатки, так что, когда я выезжал в экспедиции, ничего нового в этом для меня не было. Короче говоря, я привык обращать на

триффидов не более внимания, чем на москитов в малярийной местности. Джозелла заговорила о них однажды вечером, когда мы лежали в постели. В тишине слышался только отдаленный перемежающийся треск твердых черенков, барабанящих по стеблям.

— В последнее время они трещат куда больше, — сказала она.

Сначала я не понял, о чем она говорит. Эти звуки были обычным фоном везде, где я так долго жил и работал, и если я не прислушивался к ним сознательно, то не мог даже сказать, есть они или нет. Теперь я прислушался.

— Не слышу, чтобы они трещали как-нибудь иначе, — сказал я.

— Я не сказала иначе. Я сказала, что они трещат больше, потому что их теперь больше, чем прежде.

— Не заметил, — проговорил я безразлично.

С тех пор как я соорудил ограду, мои интересы сосредоточились внутри нее, и мне было все равно, что делается снаружи. Во время поездок мне казалось, будто в большинстве мест триффидов столько же, сколько раньше. Я вспомнил, что их количество здесь поразило меня, еще когда я прибыл сюда впервые, и я предположил тогда, что где-то в окрестностях располагались крупные питомники.

— Много больше. Присмотрись к ним завтра, — предложила она.

Утром, вспомнив, я, одеваясь, выглянул в окно. И увидел, что Джозелла права. Позади совсем небольшого участка ограды можно было насчитать более сотни триффидов. За завтраком я сказал об этом. Сюзен удивилась.

— Их становится больше с каждым днем, — сказала она. — Разве ты не заметил?

— Мне и без того есть о чем беспокоиться, — сказал я. Ее тон слегка задел меня. — И вообще по ту сторону ограды они менее меня интересуют. Достаточно выпалывать их ростки внутри ограды, а снаружи они могут делать все, что им угодно.

— Все равно, — проговорила Джозелла озабоченно, — с какой стати они сходятся сюда такими толпами? Я со-

вершенно уверена, что они именно сходятся. И мне хотелось бы знать почему?

На лице Сюзен вновь появилось выражение удивления.

— Да ведь он их приманивает, — сказала она.

— Не показывай пальцем, — автоматически заметила Джозелла. — Что ты имеешь в виду? Как это Билл может приманивать?

— Очень просто. Он создает шум, и они приходят.

— Послушай, — сказал я. — О чем ты болтаешь? Ты что, полагаешь, будто я во сне им подсвистываю?

Сюзен обиделась.

— Ладно. Раз ты мне не веришь, я покажу тебе после завтрака, — объявила она и надулась.

Когда завтрак кончился, она выскользнула из-за стола и вернулась с моим дробовиком и биноклем. Мы вышли на лужайку. Она оглядела горизонт, заметила вдали триффида и подала мне бинокль. Триффид неторопливо ковылял через поля. До него было больше мили, и он двигался на восток.

— Следи за ним, — сказала она.

Она выстрелила в воздух.

Через несколько секунд триффид послушно изменил курс и двинулся в нашу сторону.

— Видишь? — сказала она, потирая плечо.

— Да, это похоже на... А ты уверена? Попробуй еще раз, — предложил я.

Она покачала головой.

— Не стоит. Все триффиды, которые слыхали выстрел, идут сейчас сюда. Минут через десять они остановятся и станут слушать. Если они близко и им слышно, как трещат эти у ограды, они будут здесь. Если они далеко, но мы выстрелим еще раз, они тоже будут здесь. Но если они ничего не услышат, то подождут еще немного и поплетутся дальше своей дорогой.

Я вынужден был признать, что это открытие несколько ошарашило меня.

— Ага... э... конечно, — сказал я. — Ты, должно быть, следила за ними очень внимательно, Сюзен.

— Я всегда слежу за ними. Я их ненавижу, — сказала она, как если бы это все объясняло.

К нам подошел Деннис.

— Сюзен права, — сказал он. — Мне это не нравится. Мне это уже давно не нравится. Эти проклятые твари что-то против нас затеяли.

— Да бросьте вы... — начал я.

— А я вам говорю, они совсем не так просты, как мы думаем. Они ведь все знали. Они стали вырываться на свободу в тот же момент, когда не стало никого, кто мог бы остановить их. Они были возле нашего дома уже на следующий день. Можете вы объяснить это?

— Это для них обычное дело, — возразил я. — В джунглях они всегда слонялись возле тро́пинок. Часто они обступали деревни и врывались туда, если их не отбивали. В тропических странах они всегда были бичом Божьим.

— Но ведь не здесь, вот что я хочу сказать. Они не могли вытворять этого здесь, пока не изменилась обстановка. Они даже не пытались. Но как только возможность представилась, они воспользовались ею немедленно. Словно они узнали, что теперь можно.

— Слушайте, Деннис, будьте же благоразумны, — сказал я. — Подумайте, ну что вы говорите.

— Я отлично знаю, о чем говорю. По крайней мере главное. Я не строю никаких определенных теорий, но я скажу вам вот что: они воспользовались нашей катастрофой с поразительной быстротой. Я скажу также, что в их нынешнем поведении чувствуется нечто очень похожее на систему. Вы были так погружены в работу, что не замечали, как они накапливаются и ждут здесь, за оградой. А Сюзен заметила, я сам слыхал, как она об этом говорила. И как вы полагаете, чего они там ждут?

Я не стал отвечать немедленно. Я сказал:

— Вы считаете, что дробовик их привлекает и мне лучше пользоваться противотриффидным ружьем?

— Дело не только в дробовике, дело вообще в шуме, — сказала Сюзен. — Хуже всего трактор, потому что он шумит громко и долго, так что им легко определить, куда нужно идти. Но они слышат и наш движок. Я видела, как они сворачивают сюда, едва он начинает тарахтеть.

— Мне бы хотелось, — сердито заметил я, — чтобы ты не твердила "они слышат", как будто это животные. Они не животные. Они не слышат. Они всего лишь растения.

— Все равно, как-то они слышат, — упрямо возразила Сюзен.

— Ну... ладно, мы что-нибудь сделаем, — пообещал я.

Мы стали делать. Первой ловушкой было грубое подобие ветряной мельницы, производящее энергичный стук. Мы установили ее в полумиле от фермы. Она сработала. Она оттянула от ограды и собрала триффидов со всей округи. Когда вокруг нее столпилось несколько сотен, мы с Сюзен поехали туда и взяли их в огнеметы. Ловушка отлично сработала и второй раз... Но после этого триффиды перестали обращать на нее внимание. Следующим нашим ходом было сооружение загона внутри ограды. Участок ограды перед загоном был заменен воротами. Место мы выбрали напротив движка и оставили ворота открытыми. Через пару дней мы захлопнули ворота и уничтожили пару сотен триффидов, забравшихся в загон. Второй раз на том же месте это не удалось, и даже в других местах число попадающих в такую ловушку триффидов быстро сокращалось.

Хорошие результаты мог бы дать обход границ с огнеметом раз в несколько дней, но это потребовало бы много времени и скоро оставило бы нас без горючей смеси. Расход ее при пользовании огнеметом очень велик, а запасы в армейском арсенале были ограничены. Если бы мы их исчерпали, наши драгоценные огнеметы стали бы железным ломом, потому что я не знал ни состава, ни способа приготовления эффективного горючего.

Два или три раза мы испробовали на скоплениях триффидов минометы, но результаты были плохими. Триффиды, как и деревья, могли выдержать без смертельного исхода множество механических повреждений.

Невзирая на ловушки и периодические избиения, число триффидов со временем все увеличивалось. Они ничего не предпринимали. Они просто зарывались корнями в землю и стояли. На расстоянии они ничем не отличались от мирной живой изгороди, и если бы не барабанный стук, производимый то одним, то другим, они были бы не более примечательны, чем любая другая ограда. Но тому, кто усомнился бы в их постоянной готовности, достаточно было проехать на машине по проселку. Это значило пройти

сквозь строй такого свирепого бичевания жалами, что приходилось, достигнув шоссе, останавливаться и очищать заляпанное ядом ветровое стекло.

Время от времени кто-нибудь из нас выдвигал новый способ борьбы с ними; было предложено, например, опрыскивать почву за оградой крепким раствором мышьяка. Но во всех случаях отступление триффидов было временным.

Мы испробовали за год множество подобных уловок, и вот настал день, когда Сюзен рано утром влетела в нашу комнату и сообщила, что чудища прорвались и обступили дом. Она встала, как обычно, рано, чтобы подоить коров. Небо за окном ее спальни уже светлело, но когда она спустилась в холл, там царила кромешная тьма. Она сообразила, что так быть не должно, и включила свет. Едва разглядев прижавшиеся снаружи к окнам кожистые зеленые листья, она догадалась, что произошло.

Я на цыпочках пересек спальню и резко захлопнул окно. В тот же момент снизу в стекло хлестнуло жало. Мы увидели внизу чащу триффидов в десять или двенадцать рядов, обступивших дом вплотную к стенам. Огнеметы мы держали в сарае. Прежде чем отправиться за ними, я принял все меры предосторожности. В толстой куртке и рукавицах, в кожаном шлеме и в шоферских очках под проволочной маской, я врубился в толпу триффидов самым огромным мясницким ножом, какой у нас нашелся. Жала свистели и хлестали по проволочной сетке так часто, что яд совершенно залил ее и стал проникать внутрь мелкими брызгами. Брызги затуманили стекла очков, так что, добравшись до сарая, я первым делом смыл яд с лица. Чтобы расчистить себе путь назад в дом, я решился всего на одну короткую, направленную понизу струю из огнемета, потому что боялся поджечь дверь и оконные рамы, но и этого оказалось достаточно, чтобы они задвигались, заволновались и беспрепятственно пропустили меня.

Джозелла и Сюзен стояли с огнетушителями наготове, а я, все еще похожий на помесь глубоководного водолаза с марсианином, высовывался поочередно из окон верхнего этажа и поливал огнем осаждающую толпу этих тварей. Потребовалось немного времени, чтобы поджечь

большинство и погнать остальных. Сюзен, уже в маске и перчатках, схватила второй огнемет и принялась с упоением гоняться за ними, чтобы истребить до конца. Я направился через поле искать пролом. Это было нетрудно. С первой же возвышенности я увидел место, где триффиды продолжали вливаться внутрь ограды потоком качающихся стеблей и развевающихся листьев. Все они двигались по направлению к дому. Выпроводить их было просто. Струя по передним остановила их; еще две по сторонам заставили их устремиться назад. Струя поверху подстегнула их и обратила в бегство запоздавших. Метрах в двадцати лежал плашмя участок ограды с вывороченными столбами. Я поднял его и кое-как укрепил снова, а затем выпустил из огнемета еще несколько струй, чтобы предупредить новые неприятности хотя бы на ближайшие часы.

Почти весь день потратили мы с Джозеллой и Сюзен, заделывая пролом. Затем, пока мы с Сюзен обшаривали все уголки внутри ограды и добивали последних вторгшихся триффидов, прошло еще два дня. Мы обследовали все ограждение и укрепили все сомнительные участки. А через четыре месяца они прорвались вновь...

На этот раз мы нашли в проломе множество раздавленных триффидов. Впечатление было такое, будто на ограду навалились и давили, пока она не упала, и передние ряды тварей, повалившись вместе с нею, были растоптаны остальными.

Было ясно, что необходимо принимать новые оборонительные меры. Все участки ограды были примерно одинаковой прочности, все они могли быть прорваны подобным же образом. Наиболее подходящим способом держать триффидов на расстоянии представлялась электрификация. Я нашел армейский генератор, установленный на трейлере, и доставил к дому. Мы с Сюзен принялись монтировать проводку. Прежде чем мы успели закончить ее, мерзкие твари прорвались еще раз в другом месте.

Я уверен, что эта система полностью бы себя оправдала, если бы ограду можно было держать под напряжением непрерывно или хотя бы большую часть времени. Но для этого требовалось горючее. Бензин был для нас особенно ценен. Мы всегда могли обеспечить себя какой-нибудь

пищей, но когда кончатся запасы бензина и дизельного топлива, с ними кончится нечто большее, нежели какие-то удобства. Не будет больше экспедиций, следовательно, перестанут пополняться запасы. Первобытная жизнь начнется всерьез. Поэтому из соображений экономии мы пускали ток через ограду всего на несколько минут по два-три раза в сутки. Это вынудило триффидов отступить, теперь они не решались наваливаться на ограду. В качестве дополнительной предосторожности мы провели вдоль внутренней изгороди сигнальную проволоку, чтобы можно было вовремя управиться с любым прорывом.

Слабость системы была в том, что триффиды оказались способны учиться на опыте, по крайне мере в ограниченных пределах. Например, они стали привыкать к тому, что мы включаем ток только ночью и утром и только на короткое время. Мы стали включать генератор случайным образом, но Сюзен, для которой триффиды были постоянными объектами пристального наблюдения, вскоре начала утверждать, будто время, на которое электрический удар удерживает их вдали от ограды, становится все короче.

Мы начали замечать, что они отступают от ограды, только когда запускается генератор, а едва он умолкает, они надвигаются снова. В то время мы не могли еще сказать, действительно ли они ассоциируют ток в ограде с шумом генератора, но позже у нас не осталось сомнений, что так оно и есть. Все же ограда под током и периодические нападения на их особенно густые скопления больше чем на год избавили нас от прорывов. Позже триффиды прорывались неоднократно, однако мы вовремя узнавали об этом, и прорывы перестали быть для нас серьезными осложнениями.

Защищенные нашей оградой, мы продолжали учиться сельскому хозяйству, и постепенно наша жизнь вошла в однообразный ритм.

Однажды летом шестого года мы с Джозеллой отправились вдвоем на морское побережье. Мы поехали в полугусеничном вездеходе, которым я обычно пользовался теперь, когда дороги сильно ухудшились. Для Джозеллы это был праздник. В последний раз она была за оградой несколько месяцев назад. Заботы по дому и о детях

слишком утомляли ее, и она выезжала только изредка, когда это было совершенно необходимо. Но теперь дом можно было оставлять на Сюзен, и когда мы перевалили через гряду холмов, нас охватило чувство освобождения. На последнем южном склоне мы остановили машину, вышли и сели.

Был идеальный июньский день, в чистом синем небе белело несколько легких облачков. Солнце озаряло песчаные пляжи и море за ними так же ярко, как в прошлом, когда эти пляжи были усеяны купальщиками, а море пестрело лодочками. Несколько минут мы в молчании глядели на эту сцену. Потом Джозелла сказала:

— Тебе иногда не кажется, Билл, что стоит на некоторое время закрыть глаза, а потом снова открыть, и можно увидеть все, как было раньше?

— Теперь уже не так часто, — ответил я. — Но ведь мне довелось увидеть гораздо больше, чем тебе. Впрочем, иногда...

— Погляди на чаек... Они такие же, как раньше.

— В этом году стало гораздо больше птиц, — согласился я. — И я рад этому.

На расстоянии крошечный городок все еще представлялся россыпью домиков под красными крышами и бунгало, населенных по большей части буржуа, отошедшими от дел. Но такое впечатление могло продержаться всего несколько минут. Хотя виднелись еще черепичные крыши, но стен уже не было видно. Аккуратные садики потонули в буйно разросшейся зелени, испещренной яркими пятнами одичавших потомков тщательно культивировавшихся цветов. И даже дороги выглядели, как полосы зеленых ковров. Вблизи же обнаруживалось, что впечатление мягкой зелени иллюзорно: дорога была выстлана грубыми жесткими ползунами.

— Всего несколько лет назад, — задумчиво проговорила Джозелла, — люди жаловались, что эти бунгало портят пейзаж. И посмотри на них теперь.

— Да, пейзаж отомщен, — сказал я. — Тогда казалось, что с природой покончено. Но кто мог подумать, что в старике так много крови?

— Меня это как-то пугает. Словно все сорвалось с цепи, все радуется, что нам пришел конец и что каждый

волен идти своей дорогой. Хотелось бы мне знать... Может быть, мы все это время морочили себе голову? Как, по-твоему, Билл, с нами действительно покончено?

В моих экспедициях у меня было больше времени подумать над этим, чем у нее.

— Если бы ты была не такой, какая ты есть, я бы мог ответить тебе в этаком героическом тоне — в духе бездумного волюнтаризма, который часто сходит за веру и решимость.

— Но поскольку я такая, какая я есть?..

— Я дам тебе честный ответ: с нами еще не покончено. И пока будет жизнь, будет и надежда.

Несколько секунд мы смотрели на пейзаж перед нами.

— Мне кажется, — пояснил я, — только кажется, заметь, что у нас есть крошечный шанс, такой крошечный, что потребуется много времени, чтобы он оправдался. Если бы не триффиды, я бы сказал, что у нас хорошие шансы, хотя и тут потребовалось бы время. Но триффиды являются реальным фактором. Это нечто такое, с чем никогда не приходилось бороться ни одной растущей цивилизации. Смогут ли они отобрать у нас планету или мы сможем остановить их?

Настоящая проблема состоит в том, чтобы найти против них простое средство. Мы держимся не так уж плохо — мы отбиваем их. Но наши внуки, что будут делать они? Не придется ли им проводить жизнь в резервациях, отбивая триффидов ценой бесконечных тяжелых усилий?

Я уверен, что простой способ существует. Вся беда в том, что к простым способам идут через очень сложные исследования. А у нас для этого нет ресурсов.

— Да у нас же все ресурсы мира, — возразила Джозелла. — Только иди и бери.

— Материальные — да. Но умственных нет. Тут нужна группа, группа экспериментаторов, которые все свое время отдавали бы проблеме, как разделаться с триффидами раз и навсегда. Что-то можно было бы сделать, я уверен. Какой-нибудь избирательный гербицид. Синтезировать необходимые гормоны, которые вызывали бы у триффидов состояние биологической неустойчивости... только у триффидов, не задевая ничего другого. Это было бы воз-

можно, если сосредоточить на таком деле достаточно мозговых мощностей...

— Раз ты так думаешь, почему бы тебе не попытаться?

— Слишком много причин. Во-первых, я для этого не гожусь. Я всего лишь посредственный биохимик, и я в единственном числе. Затем нужны лаборатория и оборудование. Далее, необходимо время, а на мне сейчас слишком много неотложных дел. Но даже если бы я смог что-нибудь сделать, нужны средства производить эти синтетические гормоны в массовых масштабах. Для этого потребовалась бы фабрика. Но прежде всего нужна исследовательская группа.

— Людей можно обучить.

— Да... когда они свободны от необходимости ежечасно драться за существование. Я собрал множество книг по биохимии в надежде, что кто-нибудь когда-нибудь сможет ими воспользоваться. Я научу Дэвида всему, что знаю, а он передаст это дальше. Но если не будет когда-нибудь свободного времени для работы в этой области, для людей останутся только резервации.

Джозелла, нахмурившись, следила за четырьмя триффидами, которые ковыляли через поле под нами.

— Когда-то говорили, что единственным серьезным соперником человека являются насекомые. Мне кажется, что в триффидах есть что-то общее с некоторыми видами насекомых. О, я знаю, что биологически это растения. Я хочу сказать, что они не заботятся о судьбе отдельной особи и отдельная особь не беспокоится о своей судьбе. Каждый в отдельности обладает чем-то отдаленно напоминающим разум; когда же они собираются толпой, это заметно особенно. Толпой они действуют целенаправленно, совсем как муравьи и пчелы, и можно утверждать, что каждый в отдельности не знает цели и плана, частью которого является. Все это очень странно; нам, во всяком случае, этого не понять. Слишком они другие. Мне кажется, это противоречит все нашим идеям о наследственных признаках. Может быть, есть в пчеле или триффиде что-нибудь похожее на ген общественной организации? Может быть, муравей имеет ген архитектуры? И если у них это есть, то почему мы не выработали гены знания иностранных языков или поварского искусства? Как бы то ни было,

у триффидов есть что-то в этом роде. Возможно, каждый трифф в отдельности не знает, для чего он трется возле нашей ограды, но все вместе они знают, что их цель — добраться до нас. И что рано или поздно они доберутся.

— Может случиться еще очень многое, что предотвратит такой исход, — заметил я. — Мне бы не хотелось, чтобы ты потеряла надежду.

— А я и не теряю — разве что когда устаю. Обычно я слишком занята и не могу беспокоиться о том, что будет через много лет. Нет, как правило, мне просто немножко грустно — этакая нежная меланхолия, которую столь ценили в восемнадцатом веке. Меня одолевает чувствительность, когда ты заводишь патефон, — страшно подумать, что огромный оркестр, уже давно исчезнувший, все еще играет для горстки людей, загнанной в угол и обреченной на постепенное одичание. Музыка уносит меня в прошлое, и я грущу о том, что ушло и никогда не вернется. У тебя не бывает такого чувства?

— Угу, — признался я. — Но я заметил, что со временем мне делается все легче принимать настоящее. Полагаю, если бы мне было дано исполнение желаний, я бы пожелал возродить наш старый мир, но с одним условием. Видишь ли, несмотря ни на что, внутренне я сейчас более счастлив, чем когда-либо раньше. Ты это знаешь, не правда ли, Джози?

Она положила ладонь на мою руку.

— Я тоже так чувствую. Нет, мне больно не за то, что потеряли мы, а за то, чего никогда не узнают наши дети.

— Будет нелегко внушить им надежды и цели, — признал я. — Нам не уйти от нашего прошлого. Но им-то незачем будет все время оглядываться назад. Традиции погибшего золотого века и мифы о предках-волшебниках были бы для них сущим проклятьем. Целые народы обладали этим комплексом неполноценности, который вырос из плача по славному прошлому. Только вот как сделать, чтобы этого не случилось?

— Будь я сейчас ребенком, — сказала она задумчиво, — я бы, наверно, спросила, в чем причина. Если бы мне ответили... то есть если бы мне разрешили думать, будто меня произвели на свет в мире, который был разрушен совершенно бессмысленно, я бы сочла бессмысленной и са-

моё жизнь. Самое трудное здесь в том, что это так и представляется...

Она помолчала, размышляя, затем добавила:

— Ты не считаешь, что нам стоит... Ты не считаешь, что мы должны создать миф, чтобы помочь им? Сказку о мире, который был чудо каким разумным, но таким злым, что его пришлось разрушить... или он случайно разрушил себя? Снова что-нибудь вроде Великого Потопа. Это не подавило бы их комплексом неполноценности; это могло бы побудить к тому, чтобы строить, и строить на этот раз что-нибудь лучшее.

— Да... — проговорил я подумав. — Да. В большинстве случаев лучше всего говорить детям правду. Это как бы облегчает им жизненный путь... Только зачем притворяться, будто это миф?

Джозелла с сомнением взглянула на меня.

— Что ты имеешь в виду? Триффиды... ну, я признаю, триффиды были чьим-то злым умыслом или ошибкой. Но все остальное...

— За триффидов, мне кажется, никого винить не стоит. Триффидные масла были очень ценным продуктом. Никому не дано знать, к чему ведет великое открытие, все равно какое — новый вид двигателя или триффид, и до катастрофы мы управлялись с ними превосходно. Они являлись для нас благословением, пока обстоятельства не сложились в их пользу.

— Да, но обстоятельства изменились не по нашей вине. Это было... ну, вроде землетрясения, урагана — то, что страховые компании определили бы как стихийное бедствие. А возможно, это был страшный суд. Ведь не сами же мы сотворили эту комету. Но ты прав, ошибок было много. Боже мой, сколько было ошибок! Об этом мы можем и должны предупредить наших детей.

— Гм... Ну что же... — сказал я. — Впрочем, когда они справятся с триффидами и выберутся из этого дрянного положения, у них будет возможность делать свои собственные, новые, с иголочки, ошибки.

— Бедные малыши, — пробормотала она, словно вглядываясь в бесконечные ряди прапраправнуков. — Как мало можем мы предложить им.

— Сказано: "Жизнь такова, какой ты ее делаешь".

— Это, мой милый, Билл, почти во всех случаях всего лишь куча... ладно, не буду говорить гадостей. Помнится, эту пословицу любил повторять мой дядя Тед... пока с самолета не сбросили бомбу, которая оторвала ему обе ноги. Это изменило его мнение. Я вот ничего такого не сделала в своей жизни, что помогло бы мне остаться теперь в живых. — Она отбросила окурок. — Что мы такое совершили, Билл, почему нам выпало счастье выжить в этом ужасе? Иногда — то есть когда я не чувствую себя усталой и эгоистичной — я думаю, как нам действительно повезло, и мне хочется вознести благодарение кому-то или чему-то. Но мне сразу приходит в голову, что если бы этот кто-то существовал, он выбрал бы гораздо более достойных, чем я. Простодушную девушку все это повергает в крайнее смущение.

— А мне кажется, — сказал я, — что будь кто-нибудь или что-нибудь за рулем вселенной, многое в истории просто не могло бы случиться. Впрочем, не стоит особенно раздумывать над этим. Нам повезло, моя радость. И если счастье завтра нам изменит, пусть. Что бы ни случилось, у нас уже не отобрать времени, которое мы провели вместе. Я получил больше, чем заслуживаю, и больше, чем большинство мужчин получало за всю свою жизнь.

Мы посидели еще немного, глядя в пустынное море, а затем спустились на вездеходе в городок.

Разыскав большинство предметов, обозначенных в нашем списке, мы отправились на пляж и устроили пикник, имея позади широкую полосу плавника, через который не смог бы перебраться неслышно ни один триффид.

— Надо выезжать так почаще, пока мы можем, — сказала Джозелла. — Сюзен выросла, и я немного освободилась.

— Ты заслужила право на передышку более, чем кто-либо другой, — согласился я.

Я произнес это, чувствуя, что пора бы, пока это еще возможно, поехать с нею и сказать последнее прости всем знакомым местам и вещам. С каждым годом все ближе надвигалась на нас перспектива тюремного заключения. Уже приходилось, выезжая к северу от Ширнинга, делать многомильный крюк, чтобы миновать долину, которая снова превратилась в болото. Дороги быстро приходили в не-

годность, их покрытие разъедали дожди и потоки и разрушали корни растений. Все труднее становилось доставлять домой цистерны с горючим. Мог наступить день, когда одна такая цистерна застрянет на проселке и, возможно, закупорит его навсегда. В полугусеничном вездеходе еще можно будет разъезжать по достаточно сухой местности, но со временем все труднее будет находить свободный проезд даже для него.

— И надо будет в последний раз повеселиться, — сказал я. — Ты снова приоденешься, и мы отправимся...

— Ш-ш-ш! — прервала меня Джозелла. Она подняла палец, прислушиваясь.

Я затаил дыхание. Это было скорее ощущение пульсации в воздухе, чем звук. Оно было едва заметно, но оно постепенно нарастало.

— Это... это же самолет! — сказала Джозелла.

Мы глядели на запад, прикрыв глаза ладонями от солнца. Гул мотора был все еще не громче жужжания насекомого. Он усиливался так медленно, что речь могла идти только о вертолете: любая другая машина давно бы уже успела пролететь над нами.

Первой его увидела Джозелла. Крошечная точка над морем неподалеку от береговой линии, движущаяся явно в нашу сторону параллельно побережью. Мы вскочили на ноги и принялись махать. Точка росла, и мы махали все яростнее и кричали изо всех сил. Если бы пилот держался прежнего курса, он бы не мог не увидеть нас на открытом пляже, но за несколько миль от нас вертолет вдруг круто свернул в северном направлении и полетел над сушей. Мы продолжали бешено размахивать руками в надежде, что он все же заметит нас. Все было напрасно. Медленно и невозмутимо он с гулом удалялся от моря и, наконец, скрылся за грядой холмов.

Мы опустили руки и поглядели друг на друга.

— Если он прилетел один раз, то может прилететь и снова, — стойко, но не очень убедительно сказала Джозелла.

Вертолет все же нарушил медленное течение нашего дня. Он нанес удар по смирению, которое мы так старательно укрепляли в своих душах. Мы говорили себе, что, кроме нас, должны существовать и другие группы, однако

они в таком же положении, как и мы, а может быть, и в худшем. Но когда, словно видение из прошлого, перед нашими глазами проплыл вертолет, он вызвал в нас не только воспоминания: он показал, что кто-то сумел наладить жизнь лучше, чем мы. Может быть, в этом был привкус зависти? И кроме того, он заставил нас вспомнить, что мы все еще по природе своей стадные существа.

Беспокойное ощущение, которое вертолет оставил после себя, нарушило наше настроение и привычный ход мыслей. Не сговариваясь, мы стали собирать вещи, в глубоком раздумье вернулись к вездеходу и направились домой.

16. КОНТАКТ

Мы проехали, вероятно, половину расстояния до Ширнинга, когда Джозелла заметила дым. На первый взгляд это могло быть облако, но с вершины холма мы разглядели под расплывшейся шапкой плотный серый столб. Мы молча переглянулись. За все эти годы мы видели всего несколько случайных пожаров, самопроизвольно возникавших ранней осенью. И мы мгновенно поняли, что столб дыма впереди поднимается в районе Ширнинга.

Я пустил вездеход на полную скорость. Никогда еще он не мчался так по размытым, разрушенным дорогам. Нас кидало и швыряло на сиденье, но нам все равно казалось, будто мы едва ползем. Джозелла сидела молча, сжав губы, не спуская глаз со столба дыма. Она жадно искала признаки того, что горит где-нибудь либо ближе, либо дальше, только не в самом Ширнинге. Но сомневаться уже не приходилось. Мы с ревом промчались по последнему проселку, не замечая триффидов, хлеставших жалами в борта вездехода. Затем, после поворота, мы увидели, что горит не дом, а поленница дров.

На мой сигнал выбежала Сюзен и схватилась за веревку, которая распахивала ворота с безопасного расстояния. Она что-то прокричала, но мы не расслышали за лязгом

гусениц. Ее свободная рука указывала не на пламя, а на дом. Только въехав во двор, мы поняли, в чем дело. Посреди нашей лужайки стоял вертолет.

Едва я остановил машину, из дома вышел человек в кожаной куртке и бриджах. Он был высокий, белокурый, лицо его было обожжено солнцем. С первого же взгляда я почувствовал, что где-то уже видел его. Он помахал нам, весело улыбаясь.

— Мистер Билл Мэйсен, я полагаю, — сказал он, когда мы подошли к нему. — Меня зовут Симпсон. Айвен Симпсон.

— Помню, — сказала Джозелла. — Вы привели в тот вечер вертолет в университет.

— Совершенно верно. Вы молодец, что помните. Но чтобы доказать вам, что у меня тоже хорошая память, я скажу вам, кто вы. Вас зовут Джозелла Плэйтон, и вы автор...

— Вы ошибаетесь, — строго прервала его Джозелла. — Меня зовут Джозелла Мэйсен, и я автор Дэвида Мэйсена.

— А, да! Я только что видел оригинальное издание и скажу, если мне будет позволено, что выполнено оно с отменным мастерством.

— Постойте, — сказал я. — Этот пожар...

— Ничего страшного. Ветер дует от дома. Хотя боюсь, что запас ваших дров погиб.

— Что произошло?

— Это Сюзен. Она ни за что не желала, чтобы я пролетел мимо. Услыхав шум мотора, она схватила огнемет и стала искать, как подать сигнал. Дрова были ближе всего — такой костер прозевать невозможно.

Мы вошли в дом и присоединились к остальным.

— Кстати, — сказал Симпсон, — Микаэль велел мне, чтобы я прежде всего принес извинения.

— Мне? — спросил я удивленно.

— Вы были единственным человеком, который усмотрел в триффидах опасность, и он вам не поверил.

— Но... вы хотите сказать, что вы знали, где я нахожусь?

— Несколько дней назад мы узнали примерный район вашего местонахождения. Нам рассказал парень, которого мы все очень хорошо помним, — Коукер.

— Значит, Коукер тоже спасся, — сказал я. — Я видел могильник в Тиншэме и решил, что он погиб от чумы.

Позже, когда мы поели и выставили наше лучшее бренди, он рассказал нам историю своей группы.

Оставив Тиншэм на милость и принципы мисс Дюрран, партия Микаэля Бидли направилась вовсе не в район Биминстера. Она двинулась на север, в Оксфордшир. Мисс Дюрран сознательно обманула нас с Коукером: о Биминстере не было сказано ни слова.

Они нашли поместье, удовлетворявшее, как им сначала казалось, всем их требованиям, и они, несомненно, закрепились бы там, как мы закрепились в Ширнинге, но угроза со стороны триффидов все усиливалась и недостатки этого места обнаруживались со все большей очевидностью. Через год Микаэль и Полковник сочли, что оставаться там нецелесообразно. В это поместье уже было вложено немало труда, но к концу второго лета все согласились, что, чтобы построить общину, необходимо мыслить категориями десятков лет. Кроме того, необходимо было понять, что откладывать переезд нельзя, — позже будет труднее. Им нужно было место, которое бы обеспечивало дальнейшее развитие; район, окруженный естественными препятствиями так, чтобы достаточно было очистить его от триффидов всего один раз. Сооружение и укрепление изгородей требует больших усилий, а с увеличением общины пришлось бы увеличивать и их длину. Ясно было, что лучшим естественным препятствием, которое может заменить изгороди, является вода. Группа провела дискуссию относительно достоинств различных островов. В конце концов решено было выбрать остров Уйат, главным образом из-за климатических условий, хотя многие сомневались, удастся ли его очистить. И в марте они снова погрузились и отправились в путь.

— Когда мы туда прибыли, — продолжал Айвен, — нам показалось, что триффидов там еще больше, чем на старом месте. Едва мы устроились в одном старом помещичьем доме возле Годшилла, как они стали тысячами скапливаться вокруг стен. Мы дали им недели две, а затем уничтожили их огнеметами.

Стерев в порошок первую партию, мы дали им накопиться снова, перебили их во второй раз, и так далее.

Там мы уже могли позволить себе не жалеть горючей смеси, потому что с полным уничтожением триффидов надобность в огнеметах отпадала. На острове их могло быть довольно ограниченное число, и чем больше их собиралось вокруг дома, тем больше это нам нравилось.

Нам пришлось проделать это десяток раз, прежде чем начали сказываться результаты. Все пространство вокруг стен покрылось обуглившимися головешками, и только тогда они стали избегать нас. Черт возьми, их оказалось куда больше, чем мы ожидали...

— На вашем острове прежде было по меньшей мере полдюжины питомников, разводивших триффиды высших сортов, не говоря уже о тех, которых держали в частных садах, — заметил я.

— Это меня не удивляет. Судя по всему, этих питомников могла быть и целая сотня. Если бы меня спросили раньше, я бы сказал, что у нас в стране несколько тысяч этих тварей. В действительности же они, наверно, исчислялись сотнями тысяч.

— Да, примерно, — сказал я. — Они могут расти практически повсюду, и они давали большой доход. Когда они были огорожены в питомниках и на фермах, казалось, что их не так уж много. Впрочем, все равно, если учесть, сколько их здесь вокруг нас, то надо полагать, что целые области в стране должны быть сейчас свободны от них.

— Это точно, — согласился он. — Но поселитесь где-нибудь в такой области, и через несколько дней они начнут собираться там. Я и без пожара, который устроила Сюзен, догадался бы, что здесь живут люди. Вокруг каждого обитаемого места они образуют этакий темный бордюр.

Одним словом, через некоторое время толпы вокруг нашего дома сделались реже. Может быть, они нашли, что это вредно для их здоровья, или им не нравилось топтаться по обгорелым останкам своих родичей... ну и, конечно, их стало меньше. Тогда мы изменили тактику и сами вышли на охоту за ними. Это было нашим главным занятием в течение месяцев. Мы прочесали каждый дюйм острова — так нам во всяком случае казалось. Мы считали, что истребили всех триффидов до одного, маленьких и больших. И все-таки на следующий год они вновь

ухитрились появиться, и еще через год после этого. С тех пор мы каждую весну проводим интенсивный поиск ростков из семян, которые заносятся к нам ветром, и уничтожаем их на месте.

Одновременно мы организовывались. Сначала нас было пятьдесят или шестьдесят человек. Я вылетал на вертолете, и когда я обнаруживал какую-нибудь группу, то садился и передавал всем приглашение к нам. Некоторые соглашались... но очень многие отказывались: они избавились от одного правительства и, невзирая ни на какие трудности, не желают другого. В Южном Уэльсе есть несколько групп, которые создали нечто вроде племенных общин; они отвергают любую форму организации сверх необходимого минимума, ими же самими установленного. Такие же общины имеются и в других каменноугольных районах. Обычно во главе их стоят шахтеры, которые в ночь катастрофы находились в смене под землей и не видели зеленых звезд... Бог знает, как им удалось потом выбраться из шахт на поверхность.

Некоторые столь решительно не желают никакого вмешательства извне, что стреляют по вертолету. Такая компания есть в Брайтоне...

— Знаю, — сказал я. — Меня они тоже прогнали.

— В последнее время я нашел еще несколько подобных. В Мейдстоне, в Гилдфорде и в других местах. Из-за них мы и не нащупали вас раньше. Летать в этом районе небезопасно. Уж не знаю, что они себе вообразили; возможно, завладели большими запасами продовольствия и боятся, что их заставят с кем-нибудь поделиться. Во всяком случае рисковать не имело смысла, и я оставил их вариться в собственном соку.

Все же многие присоединились к нам. Через год нас было уже около трех сотен — не все, конечно, зрячие.

А месяц назад я наткнулся на Коукера и его компанию. Между прочим, одним из первых вопросов, которые он мне задал, был вопрос о вас. Им пришлось очень плохо, особенно вначале.

Через несколько дней после его возвращения в Тиншэм появились две женщины из Лондона и привезли с собой чуму. Коукер при первых же симптомах поместил их в карантин, но было уже поздно. Тогда он решил немедленно

переехать. Мисс Дюрран не пожелала сдвинуться с места. Она останется с будет смотреть за больными, а Коукера нагонит позже, если сможет. Больше он ее не видел.

Инфекцию они увезли с собой. Прежде чем им удалось от нее избавиться, они трижды переезжали с места на место. К тому времени они забрались уже далеко на запад, в Девоншир, и сначала у них все шло хорошо. Но затем они начали испытывать те же затруднения, что и мы и вы. Коукер продержался около трех лет, после чего стал рассуждать примерно так, как рассуждали мы. Только он не подумал об острове. Вместо этого он решил отгородить в Корнуэлле участок между рекой и морским побережьем. Прибыв туда, они потратили первые месяцы на сооружение изгороди, затем, как и мы на своем острове, взялись за триффидов. У них была гораздо более тяжелая местность, и им так и не удалось очистить ее от триффидов полностью. Правда, ограда у них получилась на диво прочная, но они не могли положиться на нее так, как мы полагаемся на море, и у них много сил уходило на патрулирование.

Коукер считает, что им удалось бы выдержать до тех пор, пока вырастут и станут работать дети, но это потребовало бы огромного напряжения. Когда я их нашел, они недолго колебались. Тут же стали грузиться на свои рыбачьи лодки, и все были на острове через пару недель. Когда Коукер узнал, что вы не с нами, он высказал предположение, что вы, вероятно, до сих пор находитесь где-нибудь в этом районе.

— Передайте ему, что за это мы прощаем ему все, — сказала Джозелла.

— Он будет нам очень полезен, — сказал Айвен. — И, судя по тому, что он говорил о вас, вы тоже могли бы быть очень полезны, — добавил он, глядя на меня. — Вы ведь биохимик, да?

— Биолог, — сказал я. — И немного биохимик.

— Это уже тонкости. Главное в другом. Микаэль попытался проделать кое-какие исследования, которые бы дали способ разделаться с триффидами по-научному. Найти такой способ необходимо, если мы намерены вообще чего-нибудь добиться. Но беда в том, что работают у нас над этим несколько человек, которые едва помнят школьную

биологию. Как вы думаете, что, если вам сделаться профессором? Это было бы стоящее дело.

— Не знаю дела, более стоящего, — сказал я.

— Значит ли это, что вы приглашаете на свой остров нас всех? — спросил Деннис.

— Во всяком случае для "взаимной оценки", — ответил Айвен. — Билл и Джозелла, наверно, помнят наши принципы, изложенные в тот вечер в университете. Эти принципы действуют и поныне. Мы не собираемся реставрировать старое, мы хотим построить нечто новое и лучшее. Некоторым это не нравится. Они для нас бесполезны. Мы просто не можем позволить себе иметь оппозицию, которая будет стараться увековечить старые, скверные черты прежнего мира. Мы предпочитаем, чтобы люди, которые этого хотят, жили где-нибудь в другом месте.

— В данных обстоятельствах "другое место" — это не очень щедрое предложение, — заметил Деннис.

— О, я вовсе не хочу сказать, будто мы вышвыриваем их назад на съедение триффидам. Но таких людей было много, для них нужно было найти отдельное место, и вот одна компания переправилась на острова Чэннел и принялась их чистить, как мы чистили свой Уайт. Сейчас там человек сто. Они живут тоже вполне благополучно.

У нас принята система взаимной оценки. Новоприбывшие проводят с нами шесть месяцев, затем их дело заслушивается в совете. Если им не нравятся наши обычаи, они так и говорят; если нам они не подходят, мы тоже так и говорим. Если они нам подходят, они остаются; если нет, мы провожаем их на острова Чэннел или обратно на Большую землю, если это им предпочтительнее.

— Что-то в этом есть от диктатуры, — сказал Деннис. — А как формируется этот ваш совет?

Айвен покачал головой.

— Долго рассказывать. Лучше приезжайте и посмотрите сами. Если мы вам понравимся, вы останетесь. Но если даже нет, то все равно, по-моему, на островах Чэннел вам будет лучше, чем здесь через несколько лет.

Вечером, когда Айвен попрощался с нами и его вертолет скрылся на юго-западе, я вышел и сел на свою излюбленную скамейку в углу сада.

Я глядел через долину, где когда-то зеленели аккуратные и ухоженные луга. Теперь они снова вернулись к первобытному состоянию. Необработанные поля заросли кустарником и тростниками, там и сям блестели застойные лужи. Крупные деревья медленно погружались в пропитанную водой почву.

Я вспоминал Коукера и его слова о руководителе, учителе и враче, и я думал об усилиях, которые потребуются, чтобы прокормить нас всех с этих немногих акров. О том, как подействуют на каждого из нас тюремное заключение и полная изоляция. О троих слепых, которые к старости будут все острее сознавать свою бесполезность и в конце концов впадут в отчаяние. О Сюзен, которой нужен будет муж и дети. О Дэвиде, и о дочке Мэри, и о будущих детях, которым суждено сделаться батраками, едва они окрепнут. О Джозелле и о себе, о том, как с годами нам придется гнуть спину все усерднее, чтобы прокормить тех, кто появится на свет, и о том, что все больше нужно будет трудиться вручную...

И были еще триффиды, которые терпеливо ждут своего часа. Я видел сотни их, стоящих плотной темно-зеленой стеной позади ограды. Необходимо было открыть что-то, чтобы справиться с ними. Нужен какой-то естественный враг, какой-то яд, какой-то вирус. Для этого необходимо время, свободное от всякой другой деятельности. И как можно скорее. Время работало на триффидов. Им оставалось только ждать, а мы истощали свои ресурсы. Сначала горючее, затем не останется проволоки, чтобы чинить ограды. А они или их потомки будут ждать и ждать, пока проволока проржавеет насквозь...

И все же Ширнинг стал нашим домом. Я вздохнул.

В траве зашелестели легкие шаги. Подошла Джозелла и села рядом. Я обнял ее за плечи.

— Что думают об этом они? — спросил я.

— Они очень переживают, бедняги. Им трудно понять, что триффиды ждут их, ведь они даже не видят их. Слепым, должно быть, ужасно переезжать в совершенно новое место. Они ведь знают только то, что мы говорим им. По-моему, они вряд ли представляют себе, что жить здесь скоро станет невозможно. Если бы не дети, они решительно бы отказались. — Она помолчала, затем добавила: —

Понимаешь, это их дом, это все, что у них осталось. То есть это они так думают. В действительности это уже не только их дом, он и наш — не так ли? Мы много поработали для него. — Она положила ладонь на мою руку. — Ты его создал, Билл, и сохранил для нас. Как ты думаешь, может быть, нам подождать здесь еще год-другой?

— Нет, — сказал я. — Я работал потому, что все держалось на мне. А теперь это представляется мне напрасным.

— Милый, не надо! Подвиги странствующих рыцарей не бывают напрасны. Ты дрался за всех нас и отражал драконов.

— Главным образом из-за детей, — сказал я.

— Да... из-за детей, — согласилась она.

— И ты знаешь, меня все время преследовали слова Коукера: первое поколение — батраки; следующее — дикари... Надо, пока не поздно, признать поражение и немедленно уходить.

Она сжала мне руку.

— Не поражение, Билл, а всего лишь — как это называется? — стратегическое отступление. Мы отступаем, чтобы работать и подготовить возвращение сюда. Мы ведь вернемся. Ты научишь нас, как стереть с лица земли этих гнусных триффидов, всех до единого, и отобрать у них нашу землю.

— Как ты веришь в меня, радость моя.

— Почему бы и нет?

— Что ж, я буду по крайней мере бороться. Но сначала мы переедем. Когда?

— Как, по-твоему, нельзя ли нам провести лето здесь? Это было бы для всех нас вроде каникул... нам ведь не нужно теперь готовиться к зиме. А каникулы мы с тобой заслужили.

— Хорошо, — согласился я.

Мы сидели и смотрели, как долина растворяется в сумерках. Джозелла сказала:

— Как странно, Билл. Теперь, когда я могу бросить все это, мне не хочется уезжать. Иногда наш дом представлялся мне тюрьмой... а теперь я чувствую себя предателем. Понимаешь, я ... Несмотря на все, я была здесь счастлива. Счастливее, чем когда-либо в моей жизни.

— Что до меня, родная, то я вообще раньше не жил. Но у нас будут еще лучшие времена... Это я тебе обещаю.

— Глупо, конечно, но я буду плакать, когда придет время уезжать. Я наплачу бочки слез. Ты не обращай на меня внимания.

Однако получилось так, что плакать нам было некогда.

17. СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Джозелла была права: торопиться нужды не было. За лето я рассчитывал подыскать на острове подходящий дом и в несколько рейсов переправить туда самое ценное из собранных нами запасов и оборудования. Но между тем дрова наши пропали, а нам необходимо было топливо для кухни. На следующее утро мы с Сюзен отправились за углем.

Вездеход для этого не годился, и мы взяли грузовик с четырьмя ведущими колесами. Хотя ближайший угольный склад на железной дороге был от нас всего в десяти милях, нам пришлось из-за плохих дорог и объездов проездить почти весь день. Никаких неприятных происшествий с нами не случилось, но вернулись мы только к вечеру.

Миновав последний поворот на проселке (причем триффиды хлестали по грузовику с обеих сторон так же неутомимо, как всегда), мы в изумлении вытаращили глаза. Во дворе перед нашим домом стояла странная, чудовищного вида машина. Это зрелище так оглушило нас, что некоторое время мы сидели и глазели на нее с открытыми ртами. Затем Сюзен надела шлем и перчатки и вылезла открыть ворота.

Мы поставили грузовик на место, подошли к диковинной машине и оглядели ее. Шасси у нее было на гусеницах, что свидетельствовало о ее военном происхождении. Она производила впечатление чего-то среднего между закрытым бронетранспортером и самодельным домиком на колесах. Мы с Сюзен переглянулись, подняв брови, и пошли в дом.

В холее мы обнаружили наших домочадцев и еще четырех незнакомых мужчин в одинаковых серо-зеленых лыжных костюмах. Двое из них были при пистолетах в кобурах на правом бедре; остальные двое были вооружены автоматами, которые они положили на пол рядом с собой.

Когда мы вошли, Джозелла повернулась к нам. Лицо у нее было каменное.

— Это мой муж. Билл, это мистер Торренс. Он сказал нам, что является официальным лицом. У него есть к нам предложение. — Мне никогда не приходилось слышать, чтобы она говорила таким ледяным тоном.

На секунду язык у меня прирос к гортани. Человек, на которого она указала, не узнал меня, но я-то запомнил его хорошо. Лицо, глядевшее на тебя через прорезь прицела, отпечатывается в памяти на всю жизнь. И вдобавок эти приметные рыжие волосы. Я отлично помнил, как этот деятельный молодой человек обошелся с моей командой в Хэмпстеде. Я кивнул ему. Он произнес, глядя на меня:

— Насколько я понимаю, вы здесь хозяин, мистер Мэйсен.

— Дом принадлежит мистеру Бренту, — ответил я.

— Я хочу сказать, что вы организатор этой группы.

— Пожалуй, — сказал я.

— Прекрасно. — На лице его было такое выражение, словно он говорил: "Ну вот, мы и достигли кое-чего". — Я являюсь командиром Юго-Восточного района, — заявил он.

Видимо, я должен был понять, что это значит. Но я не понял и сообщил ему об этом.

— Это означает, — пояснил он, — что я являюсь старшим должностным лицом чрезвычайного комитета для Юго-Восточного района Британских островов. В таком качестве на мне лежит обязанность надзора за распределением и размещением личного состава.

— Ну и ну, — сказал я. — Впервые слышу об этом... э... комитете.

— Возможно. Мы тоже не подозревали о существовании вашей группы, пока не заметили вчера дым пожара.

Я промолчал.

— Когда мы обнаруживаем такую группу, — продолжал он, — я обязан обследовать ее и определить сумму налогов, а также произвести необходимые изменения в ее составе. Таким образом, вы можете считать, что я здесь с официальным визитом.

— От официального комитета... — сказал Деннис. — Или, может быть, это самозваный комитет?

— Должен быть закон и порядок, — напыщенно произнес Торренс. Затем, изменив тон, он сказал: — У вас здесь удобное место, мистер Мэйсен.

— Это не у меня, а у мистера Брента, — поправил я.

— Оставим мистера Брента. Он здесь только потому, что вы согласились содержать его.

Я взглянул на Денниса. Лицо его застыло.

— Тем не менее это его собственность, — заметил я.

— Была, я так понимаю. Но общества, давшего ему санкцию на собственность, больше не существует. Поэтому право на владение исчезло. Более того, мистер Брент слепой и, таким образом, никак не может считаться достаточно компетентным.

— Ну и ну, — снова сказал я.

Этот молодой человек со своими решительными манерами не понравился мне еще в первую нашу встречу. И мое впечатление о нем не улучшилось в ходе нашего разговора. Он продолжал:

— Дело идет о жизни и смерти. Чувства не должны мешать необходимым практическим мероприятиям. Теперь так. Миссис Мэйсен сообщила мне, что здесь у вас восемь человек. Пятеро взрослых, вот этот подросток и двое детей. И за исключением этих трех, — он показал на Денниса, Мэри и Джойс, — все зрячие.

— Это так, — согласился я.

— Гм. Это, знаете ли, совершенно непропорционально. Боюсь, что здесь придется кое-что изменить. В наше время необходимо быть реалистами.

Джозелла поймала мой взгляд. В ее глазах я увидел предупреждение. Но я и без того не собирался бушевать. Я уже видел прямолинейные методы рыжеволосого чело-

века в действии, и мне нужно было получше узнать, против чего придется бороться. Видимо, он понял, что я горю любопытством.

— Давайте лучше я посвящу вас во все подробности, — сказал он. — Вкратце дело обстоит так. Штаб района находится в Брайтоне. В Лондоне очень скоро стало слишком неудобно. В Брайтоне мы очистили часть города и установили там карантин. Брайтон достаточно велик. Когда прошла чума и мы получили возможность как следует оглядеться, оказалось, что в окрестностях имеется множество складов. Однако этот путь для нас теперь закрывается. Дороги сильно ухудшились, ездить приходится далеко. Этого следовало ожидать, разумеется. Правда, мы считали, что можем продержаться на несколько лет дольше, но получилось иначе. Возможно, мы с самого начала набрали слишком много людей. Как бы то ни было, мы должны расселиться. Единственный мыслимый путь — это жить на продукты с земли. Для этого нам нужно разбиться на мелкие группы. Стандартная группа установлена такая: один зрячий на десять слепых плюс неограниченное число детей.

У вас здесь удобное место, оно вполне может прокормить две группы. Мы закрепим за вами семнадцать слепых, тогда всего их у вас будет ровно двадцать плюс, конечно, дети, которые у них родятся.

Я с изумлением воззрился на него.

— И вы серьезно убеждены, что на продукты с этой земли могут прожить двадцать человек и их дети? Послушайте, да это же совершенно невозможно! Мы сомневались, проживем ли мы с этой земли сами.

Он уверенно кивнул.

— Очень даже возможно. Я предлагаю вам командование двойной группой, которую мы здесь разместим. Честно говоря, если вы откажетесь, мы поставим здесь кого-нибудь другого, кто не откажется. В такие времена нельзя позволить себе расточительность.

— Да взгляните вы на поле, — сказал я. — Оно просто не прокормит столько людей.

— Уверяю вас, что прокормит, мистер Мэйсен. Разумеется, вам придется немного снизить жизненный уровень — всем нам придется на ближайшие

несколько лет, но когда подрастут дети, вы получите новые рабочие руки и сможете расширить хозяйство. Согласен, лично для вас это будет означать тяжелый труд в течение шести или семи лет, здесь уж ничего не поделаешь. Но затем вы станете постепенно освобождаться, и в конце концов за вами останутся только руководство и надзор. Это будет, несомненно, щедрой наградой за трудные годы, как вы считаете?

Какое будущее ждало бы вас, если бы вы остались в нынешнем положении? Только тяжкий труд, пока вы не умрете на борозде, а вашим детям придется продолжать тянуть ту же лямку, и все для того лишь, чтобы просто выжить. Откуда при такой системе возьмутся будущие вожди и администраторы? На вашем прежнем пути вы будете выбиваться из сил и останетесь в том же положении еще двадцать лет, и все ваши дети вырастут деревенщиной. На нашем пути вы станете главою клана, который будет работать на вас, и вы передадите его в наследство вашим сыновьям.

До меня начало доходить. Я сказал с удивлением:

— То есть вы предлагаете мне что-то вроде... феодального владения?

— Ага, — сказал он, — вот вы и начали понимать. Для нынешнего положения вещей именно это является очевидной и совершенно естественной формой социальной и экономической организации.

Не было никакого сомнения в том, что этот человек говорит совершенно серьезно. Я не стал спорить и повторил снова:

— Но эта ферма просто не сможет прокормить столько людей.

— В течение нескольких лет вам придется, конечно, кормить их главным образом толчеными триффидами. Насколько можно судить, в этом сырье недостатка не будет.

— Пища для скота! — сказал я.

— Но зато очень питательная. Мне говорили, что она содержит массу витаминов. Нищим же — особенно слепым нищим — выбирать не приходится.

— И вы серьезно полагаете, что я должен взять этих людей и держать их на силосе?

— Послушайте, мистер Мэйсен. Если бы не мы с вами, никого из этих слепых не было бы сейчас в живых. И никого их этих детей. Им надлежит делать то, что мы им приказываем, брать, что мы им даем, и благодарить нас за все, что они получают. Если они откажутся от того, что мы им предлагаем... ну что же, царство им небесное.

Я решил, что сейчас было бы неразумно высказывать ему свои чувства по поводу его философии. Я начал с другого конца:

— Я как-то не пойму... Скажите, а какую роль играете во всем этом вы и ваш комитет?

— В руках комитета верховная администрация и законодательная власть. Он будет править. Кроме того, он будет контролировать вооруженные силы.

— Вооруженные силы, — повторил я тупо.

— Разумеется. Когда это станет необходимо, мы создадим вооруженные силы путем рекрутского набора в феодальных владениях, как вы это называете. Взамен вы получите право взывать к комитету в случае нападения извне или внутренних мятежей.

Я почувствовал, что задыхаюсь.

— Армия! Конечно, это будет небольшой подвижный отряд полицейских сил?..

— Я вижу, вы узко мыслите, мистер Мэйсен. Бедствие, как вы знаете, не ограничилось только нашими островами. Оно было всемирным. Всюду царит одинаковый хаос — это несомненно, иначе мы бы уже знали сейчас, что где-то положение иное, и в каждой стране, вероятно, есть свои уцелевшие. Ну так вот, рассудок подсказывает нам, что первая страна, которая вновь встанет на ноги и приведет себя в порядок, будет иметь наилучшие шансы привести в порядок и все остальные. Как, по-вашему, можем мы оставить эту задачу какой-нибудь другой стране и дать ей сделаться новой доминирующей силой в Европе, а то и во всем мире? Очевидно, нет. Ясно, что нашим национальным долгом является как можно скорее встать на ноги и взять на себя статут

ведущей державы, с тем чтобы противостоять возможной опасной оппозиции. Поэтому чем скорее мы создадим вооруженные силы, способные вселить страх в любого агрессора, тем будет лучше.

Несколько мгновений в комнате стояла тишина. Затем Деннис неестественно засмеялся.

— Всемогущий Боже! Мы пережили такое... а теперь этот человек предлагает начать войну!

Торренс резко возразил:

— Видимо, я выразился недостаточно ясно. Слово "война" является неоправданным преувеличением. Речь идет об умиротворении и должном наставлении племен, вернувшихся к первобытному беззаконию.

— Если только та же благодатная идея не пришла в голову этим самым племенам, — пробормотал Деннис.

Я заметил, что Джозелла и Сюзен очень пристально глядят на меня. Джозелла показала глазами на Сюзен, и я понял.

— Давайте поставим точки над "и", — сказал я. — Вы считаете, что мы, трое зрячих, можем взять на себя полную ответственность за двадцать взрослых слепых и за какое-то число их детей. Мне представляется...

— Слепые не совсем беспомощны. Они могут делать многое, в том числе для своих собственных детей, и они могут помогать готовить для себя пищу. При должной организации забота о них во многих отношениях сводится к надзору и руководству. Но вас будет здесь не трое, мистер Мэйсен, а двое: вы и ваша жена.

Я посмотрел на Сюзен, сидевшую очень прямо в своем голубом костюмчике, с красной ленточкой в волосах. Она переводила взгляд с меня на Джозеллу, и в глазах ее была горячая мольба.

— Трое, — сказал я.

— Мне очень жаль, мистер Мэйсен. На группу положено десять человек. Девочку мы возьмем в штаб. Мы подыщем для нее какую-нибудь полезную работу, а когда она подрастет, мы дадим ей группу.

— Мы с женой считаем Сюзен своей дочерью, — резко сказал я.

— Повторяю, мне очень жаль. Но таков закон.

Несколько секунд я глядел на него, а он твердо глядел на меня. И тогда я сказал:

— В таком случае мы требуем в отношении нее твердых гарантий и обязательств.

Мои домочадцы неслышно ахнули. Торренс немного смягчился.

— Естественно, вы получите все практически мыслимые гарантии, — сказал он.

Я кивнул.

— Мне нужно время, чтобы все это обдумать. Для меня это полная неожиданность. Кое-что приходит в голову уже сейчас. Оборудование у нас износилось. Найти новое, не поврежденное ржавчиной, теперь трудно. И я предвижу, что в ближайшее время мне понадобятся хорошие, сильные рабочие лошади.

— С лошадьми трудно. Сейчас их мало. Некоторое время вам придется в качестве тягла использовать людей.

— Далее, — продолжал я, — относительно жилья. Пристройки малы, а в одиночку я не способен построить даже временные сооружения.

— В этом, кажется, мы можем вам помочь.

Мы обсуждали детали еще минут двадцать. Торренс сделался почти любезен, а затем я спровадил его вместе с его угрюмыми охранниками осматривать в сопровождении Сюзен наше хозяйство.

— Билл, как ты мог?.. — начала Джозелла, едва за ними закрылась дверь.

Я рассказал ей все, что знал о Торренсе и его методе устранять препятствия при помощи огнестрельного оружия.

— Это меня ничуть не удивляет, — заметил Деннис. — Меня удивляет совсем другое, и знаете что? Что я вдруг почувствовал симпатию к триффидам. По-моему, если бы не они, таких гадостей сейчас было бы гораздо больше. И если они смогут воспрепятствовать возрождению крепостного права, то я желаю им всяческой удачи.

— Вся эта затея абсурдна, — сказал я. — У них нет ни малейших шансов. Разве смогли бы мы с Джозеллой

содержать такую кучу народа и одновременно еще отбиваться от триффидов? Однако, — добавил я, — мы не можем прямо отказываться от предложения, которое делают четверо вооруженных людей.

— Значит, ты не...

— Милая моя, — сказал я. — Неужели ты всерьез можешь представить меня феодальным сеньором, ударами бича понукающим к работе крепостных и вилланов? Даже если триффиды не сомнут меня до этого...

— Но ты сказал...

— Послушайте, — сказал я. — Уже темнеет. Сегодня они не уедут. Им придется остаться здесь на ночь. Завтра они решат забрать Сюзен с собой — она будет заложницей, отвечающей за наше поведение. И они могут оставить здесь одного или двух охранников, чтобы присматривать за нами. Так вот, я думаю, нам это не подходит. Верно?

— Конечно, однако...

— Мне кажется, я убедил его в том, что его идея начала мне импонировать. Сегодня вечером у нас будет ужин, который должен быть воспринят как знак взаимопонимания. Приготовьте хороший ужин. Все ешьте как можно больше. Накормите поплотнее детей. Подайте на стол нашу лучшую выпивку. Проследите, чтобы Торренс и его парни выпили как следует, но сами на спиртное не нажимайте. К концу ужина я на несколько минут выйду. Продолжайте увеселять компанию, чтобы это не бросалось в глаза. Поставьте пластинки с развеселыми песенками или что-либо в этом роде. И все хором подпевайте. Еще одно: ни слова о Микаэле Бидли и его группе. Торренс, должно быть, знает о колонии на Уайте, но незачем давать ему понять, что мы тоже знаем. А теперь мне нужен мешок сахару.

— Сахару? — растерянно спросила Джозелла.

— Нет? Ну, тогда большой бидон меда. Мне кажется мед тоже подойдет.

За ужином каждый сыграл свою роль прекрасно. Компания не только оттаяла, она по-настоящему оживилась. Джозелла в добавление к ортодоксальным

напиткам выставила крепкую брагу собственного изготовления, которая была принята благосклонно. Когда я потихоньку вышел, гости были в состоянии приятной расслабленности.

Я подхватил узел с одеялами и одеждой и пакет с едой, лежавшие наготове, и поспешил через двор к сараю, где находился вездеход. При помощи шланга я доверху наполнил баки вездехода из цистерны, в которой мы держали наши основные запасы бензина. Затем я занялся диковинной машиной Торренса. Подсвечивая себе фонариком, я с некоторым трудом нашел крышку карбюратора и залил в бак литра полтора меду. Остальной мед из большого бидона я опростал в цистерну.

Мне было слышно, как поет и шумит компания. Добавив к вещам, уже уложенным в вездеход, кое-что из триффидного снаряжения и других мелочей, я вернулся в дом и присоединился к пирушке. Вечер закончился в атмосфере, которую даже внимательный наблюдатель принял бы за доброжелательную.

Мы дали им два часа, чтобы заснуть покрепче.

Поднялась луна, и двор был залит белым светом. Я забыл смазать дверь в сарае, и она отчаянно заскрипела. Остальные уже гуськом двигались ко мне. Бренты и Джойс хорошо знали двор, поэтому поводырь им не требовался. Следом за ними шли с детьми на руках Джозелла и Сюзен. Дэвид сонно захныкал, но Джозелла быстро прикрыла ему рот ладонью. Не выпуская его из рук, она вскарабкалась в кабину. Остальных я усадил позади и закрыл дверцу. Затем я забрался на водительское место, поцеловал Джозеллу и перевел дыхание.

На другой стороне двора триффиды теснились у самых ворот, как всегда, если их не трогали несколько часов.

Волею провидения двигатель вездехода завелся моментально. Я включил первую передачу, объехал машину Торренса и двинулся прямо на ворота. Тяжелый бампер с треском ударил в створки. Мы рванулись вперед, волоча за собой фестоны из проволоки и сломанных досок, сбили дюжину триффидов и под градом яростных ударов жалами миновали остальных. Затем мы помчались по проселку.

Там, где поворот на подъеме позволил еще раз увидеть Ширнинг, я затормозил и выключил двигатель. В нескольких окнах горели огни, затем вспыхнули фары машины и залили дом ярким светом. Зарычал стартер. Послышались выхлопы, и у меня слегка екнуло сердце, хотя и знал, что скорость нашего вездехода в несколько раз превосходит скорость этого неуклюжего устройства. Машина начала рывками разворачиваться на гусеницах передом к воротам. Не успела она закончить разворот, как ее двигатель зафыркал и смолк. Снова зарычал стартер. Он рычал и рычал, раздраженно и безрезультатно.

Триффиды уже обнаружили, что ворота опрокинуты. В лунном сиянии и свете фар мы видели, как их высокие тонкие силуэты, раскачиваясь на ходу, торопливой процессией вливаются во двор; другие триффиды ковыляли вниз по склонам долины, чтобы последовать за ними...

Я поглядел на Джозеллу. Она не наплакала бочек слез: она вообще не плакала. Она посмотрела на меня, затем на Дэвида, спавшего у нее на руках.

— У меня есть все, что мне по-настоящему нужно, — сказала она. — И когда-нибудь ты приведешь нас сюда обратно, Билл.

— Это очень славно, когда жена так уверена в муже, радость моя, но... Нет, черт подери, никаких "но". Я приведу вас сюда снова, — сказал я.

Я вышел удалить с крыльев вездехода обломки ворот и стереть яд с ветрового стекла, чтобы мне видна была дорога прочь отсюда, через вершины холмов на юго-запад.

Здесь мой рассказ о себе объединяется с историей остальных. Вы найдете ее в великолепных хрониках колонии, принадлежащих перу Элснет Кэри.

Наши надежды сосредоточены теперь здесь. Вряд ли что-нибудь выйдет из неофеодального плана Торренса, хотя несколько его феодальных владений сохранилось до сих пор. Насколько мы знаем, они влачат весьма жалкое существование. Их стало гораздо меньше, чем было. Айвен то и дело докладывает, что пало еще одно феодальное

поместье и что осаждавшие его триффиды разбрелись, чтобы принять участие в других осадах.

Таким образом, задачу, стоящую перед ним, будем выполнять мы сами, без посторонней помощи. Теперь уже виден путь, но придется затратить еще много усилий и выполнить много исследований. А потом наступит день, и мы (или наши дети) переправимся через узкие проливы и изгоним триффидов, неустанно истребляя их, пока не сотрем последнего с лица земли, которую они у нас отняли.

ПАУТИНА
THE COBWEB

PENGUIN BOOKS LTD. ENGLAND 1970

ГЛАВА I

Труднее всего мне бывает ответить на вопрос, который рано или поздно всегда задают, когда о том заходит речь, и который звучит примерно так: " А как вас-то угораздило впутаться в такое безумное предприятие?"

Я не обижаюсь. Отчасти, наверно, потому, что сам вопрос подразумевает отношение ко мне, как к человеку здравомыслящему. Но тем не менее дать на него достаточно здравый ответ я затрудняюсь.

Правдоподобнее всего получается, когда я объясняю, что когда-то был несколько выведен из равновесия. Возможно, сказалось запоздалое воздействие шока, едва заметное даже для меня самого, но достаточно глубокое, чтобы сбить меня с толку, притупить восприятие и способность правильно оценивать происходящее.

Я действительно думаю, что причина могла быть именно в этом.

Почти за год до нашей встречи с Тирри, после чего я оказался "впутанным", произошел несчастный случай.

Мы ехали (точнее, за рулем была моя дочь Мэри, я сидел рядом с ней, а жена сзади) по шоссе А272 недалеко от Этчингема. Думая, наша скорость не превышала тридцати пяти миль, когда нас обогнал грузовик, несущийся на всех пятидесяти. Я едва успел заметить, как занесло его задний мост и как потом над нами нависла оползающая тяжесть груза...

© Перевод на русский язык. Л.Михайлова, 1993

Очнулся я через неделю, в постели. Прошли еще две недели, прежде чем мне сказали, что ни жены, ни Мэри больше нет в живых.

В больнице я пролежал два месяца. Вышел излеченным, как мне казалось, но оцепеневшим, потерявшим вкус к жизни, утратив всякую цель. Я оставил работу. Теперь-то я понимаю, что именно этого и не следовало делать — работа скорее чем все остальное помогла бы мне придти в себя, но тогда мне казалось напрасным и требовало больше сил, чем я мог найти их в себе. Поэтому я все бросил, жил в доме сестры неподалеку от Тонбриджа, бесцельно и почти бездумно влача там свои дни.

Я не привык к бесцельному существованию. Похоже, если цели нет, — образовавшийся вакуум рано или поздно чем-то надо заполнить, безразлично чем, что подвернется под руку. Только так я могу объяснить свой безраздельный энтузиазм, поглотивший здравый смысл, тот подъем безрассудного идеализма, который отмел прочь трудности практической жизни и, казалось, открыл наконец настоящую цель и оправдал мое существование, как только я впервые услышал о проекте лорда Фоксфилда.

Жаль, что я ошибся. Хотелось бы передать во всей яркости сияние надежд, открывшихся мне тогда. Именно из этой ткани скроены мечты. Но передать это я не в состоянии, все исчезло, потускнело под пеленой цинизма. Себя я вижу бредущим в полусне... и все же... и все же порой я ощущаю отблеск мысли, рожденной идеалом, который мог бы возжечь пламя — если бы судьба оказалась к нам благосклонной хоть однажды.

Первоначальная идея или зародыш идеи, выросшей в Проект Фосфилда, похоже, одновременно пришла в две головы — его светлости и Уолтера Тирри. Первый публично заявил о своем приоритете, но известно, что второй в неофициальной обстановке признавался, что именно он дал воодушевленный импульс. Возможно также, что искру мысли высекла их совместная беседа, и оба загорелись идеей, которую принялись неустанно разжигать.

По профессии Уолтер был архитектором, но, вероятно, больше его знали как страстного и неутомимого борца за справедливость, часто выступавшего на страницах нескольких еженедельников. И сложилось так, что он стал

довольно известным лицом, высказывающим свое мнение по самым различным поводам. Поэтому, вполне возможно, в его утверждении, что именно он подбросил лорду Фоксфилду ту идею, есть доля истины, и если кто возьмет на себя труд посмотреть его "Письма в редакцию" за несколько лет, то ему, вероятно, удастся обнаружить не только туманные наметки будущего плана, но и ощутить, что Тирри считал себя человеком, призванным его осуществить, исполнителем "милостью Божией", хотя может показаться, что только после встреч с его светлостью несвязные обрывки мыслей приобрели форму.

А так случилось, может быть, потому, что его светлость мог даровать плану больше, чем форму, — мог дать ему возможность осуществиться, подкрепить деньгами, своим положением в обществе, пустить в дело связи.

Почему он был готов пойти на все это?

Ну, всякие хитроумные замыслы и сомнительные намерения. Причина была совсем незамысловата и бесхитростна: он попросту искал способа оставить по себе память.

В среде богатых людей, достигших преклонных лет, подобное желание возникает не так уж редко. Поистине, для многих из них наступает такой день прозрения, когда при взгляде на длинные ряды цифр в своих банковских счетах они вдруг до боли ясно осознают, что не смогут унести их все с собой, и тогда ими овладевает нестерпимое желание обратить множество пустых нолей в ощутимый и по возможности помеченный их именами символ успеха.

Во все века к богачам приходило такое желание, но теперь его стало гораздо труднее осуществить — вернее, претворить в жизнь с требуемым оттенком благодетельности; даже во времена первых миллионеров было легче. Государство, теперь ставшее столь вездесущим, жаждет узурпировать и место благодетеля. Область просвещения — и та уже не годится как сфера благодеяний: образование общедоступно. Жилье прежних неимущих (ныне — "лиц с низким уровнем доходов") худо-бедно оплачивает муниципалитет. Стадионы строят на деньги налогоплательщиков. Публичные, и даже передвижные, библиотеки содержатся за счет комитетов графств. Рабочий (называемый теперь "человеком физического труда") клубам и институтам предпочитает сверхурочные и телевизор.

Верно, можно еще субсидировать факультет-другой в каком-нибудь университете, но не каждому потенциальному благодетелю придется по душе такое приложение капитала: с одной стороны, если в факультете такого профиля есть нужда, его уже обязательно кто-то будет финансировать, а с другой — в наши дни, когда государство во все вмешивается, ни одно благородное начинание нельзя считать застрахованным. По решению министерства предполагаемое сосредоточие высшей учености может в мгновение ока превратиться еще в один трамплин для технологов чьих-то фирм. Сегодня поле деятельности для желающего увековечить себя, к прискорбию, так сузилось, что лорд Фоксфилд, воспылав таким желанием, целых два года не мог отыскать достойный приложения сил и средств благотворительный проект, который не нашел бы поддержки ни со стороны министерства, ни со стороны корпорации, за который бы не взялись никакие комитеты, организации или общества.

Для его секретаря то были трудные дни. Распространилась весть, как это часто бывает, что его светлость готов поддаться умелому нажиму, и поэтому требовалась продуманная система защиты. Чтобы преодолеть все барьеры и добиться аудиенции, претендент должен был предложить нечто весьма достойное и убедительное, либо заручиться рекомендацией очень влиятельного общества.

— Я поражался, что в наш век сохранились такие запасы желания сотворить добро, — передают его слова, — но слишком большая часть этих предложений была беспомощной и расплывчатой. Оказывается, у людей чрезвычайно развито чувство долга по отношению к своим предкам — более девяноста процентов предложений, с которыми ко мне обращаются, порождены желанием сохранить что-либо, причем сбережение и сохранение сами по себе почитаются достойным делом, и ощущение долга по отношению к будущему, похоже, заключается для них просто в сохранении прошлого.

Вызывает беспокойство и их неравнодушие к животным. И я бы нисколько не удивился, если бы кто-нибудь завтра обратился ко мне с проникнутым искренней заботой о ближнем проектом реконструкции по всей стране придорожных колод, из которых поят лошадей.

Однако может показаться, что его светлость сам себе воздвиг серьезное препятствие на пути к осуществлению мечты из собственного тщеславия. Ибо лорд Фоксфилд был индивидуалистом. Он достиг всего в жизни, следуя исключительно собственному разумению, и ему сопутствовал такой успех, что все его существо восставало против гипотетической возможности ассоциировать его имя с неким благотворительным обществом. Действительно, порой он любил повторять, что, не будь у некоторых общественных начинаний единоличных покровителей, таких как Карнеги, Пибоди, Форд, Наффилд, Нобель, Галбенкян, они не имели бы своего лица и того веса, который имеют теперь. И совершенно ясна была непреодолимая притягательность для лорда Фоксфилда таких примеров — в поступках этих известных личностей он видел вызов себе, который не мог не принять, поэтому искал средства — обязательно заметного средства — для выражения своего желания облагодетельствовать человечество.

Никаких сведений о том, как он познакомился с Уолтером Тирри, не сохранилось. Возможно, лорд Фоксфилд сам его отыскал. Уолтер постоянно вел чернильную вендетту с остальными авторами писем в редакцию по поводу различных социальных недостатков, и, вполне вероятно, что, когда на глаза его светлости попался один из таких обменов ударами, он захотел повидать автора. Во всяком случае, определенно можно сказать, что Уолтера в очереди претендентов на финансовую помощь для своих уже готовых проектов не было. Скорее, как я уже говорил, идея, рожденная в их беседе, постепенно росла, развивалась в их умах, пока не превратилась в Проект.

А с этого момента все шансы на осуществление остальных планов и предложений упали до нуля — поживиться за счет лорда Фоксфилда уже не было дано ни организациям, ни отдельным лицам. Его светлость полностью потерял склонность спускать свои деньги в чужие дренажные системы: он изобрел свою, вполне оригинальную.

Само намерение, хотя и честолюбивое, было по существу простым и даже не новым. А отличало его то, что оно было твердым, а твердость ему обеспечивала способность его осуществить, претворить в жизнь.

Это было намерение основать свободную, политически независимую общину, наделенную силами и средствами, чтобы создать новый образ жизни, новый жизненный климат.

— Для начала — и это будет идеальным началом — на чистой доске надо начертить два слова: "Знание" и "Разум", — так, говорят, провозгласил лорд Ф. — Но, к сожалению, для дела в этом пользы будет мало. Лучшее, что можно сделать, — это дать новой общине место, где люди будут свободно подвергать сомнению все аксиомы, предрассудки, традиции, верность привычкам, словом, все, заложенное в нас еще до рождения, усвоенное прежде, чем в голове зашевелилась первая мысль, и что превращает нас в обитателей того мира, какой он есть, вместо того, каким он мог стать. Наша цель — порвать цепь, которую мы вынуждены влачить за собой всю жизнь, цепь, сковывающую нас с бесконечными поколениями наших предков, вплоть до первобытных людей, скинуть груз унаследованных представлений.

Большая часть противоречий на свете отражает противоречие, возникающее в нашем сознании, когда мы пытаемся продвинуться вперед, а тормоза ложных доктрин, предрассудков, устаревших норм и стремлений к неверным целям постоянно нас сдерживают. Они прочно заделаны в глубине нашей психики, и самим от них нам не освободиться, но мы можем немного отпустить тормоза для других. Если создать правильные условия и оградиться по мере возможности от риска повторного заражения предрассудками, то есть надежда, что через одно-два поколения они совсем ослабнут.

Так говорил он, рисуя картину растущей и развивающейся общины, которую все большее число одаренных людей всего мира будет почитать спокойной гаванью, где можно думать и работать, прибежищем от финансового, политического и прочего давления в рамках закона. Тогда возникнет новая культура, освещенная светом современного ей знания, в которой не останется темных углов с затаившимися цепкими призраками иррационального прошлого, державшими разум в узде. В свежей атмосфере новых "альпийских лугов" просвещения разум сможет беспрепятственно развиваться в самом подходящем для него климате и расцвести в полную силу.

Скромное поселение вырастет в город, затем, в свой черед, в Просвещенное Государство. Те мужчины и женщины, которые осознали пагубность для мира движения вперед наобум, без должного плана и поняли, что с прежним образом мыслей необходимо порвать, пока не поздно, обратятся с надеждой к новому государству. И чтобы использовать свободу думать и работать, туда со всех сторон станут съезжаться будущие Эйнштейны, Ньютоны, Кюри, Флеминги, Резерфорды и Оппенгеймеры. И, кто знает, может, и станет оно мозговым центром всего мира.

А на его фундаменте будет, конечно же, высечено имя Фредерика, первого барона Фоксфилда...

Но, тем не менее, на ранних стадиях подготовки по многим причинам Проект с именем лорда Фоксфилда открыто не связывался. Его светлость предпочитал использовать в качестве вывески имя Уолтера Тирри. Поэтому я открыл для себя Проект через Уолтера.

Нас познакомили мои друзья, думаю, из добрых побуждений. Они знали, что я ничем не занят и ничем не интересуюсь и, встревоженные моим состоянием, зазвали меня к себе на обед, одновременно пригласив Уолтера.

Тогда Уолтер уже непосредственно приступил к делам по претворению плана в жизнь. Не меньшей его заботой было завербовать подходящих людей — правду сказать, вообще каких-нибудь людей — для будущей общины. Поместив в своих обычных колонках переписки изложение общих принципов плана и адресовав тех, кто заинтересуется, к авторам проекта, он был разочарован отсутствием откликов. Теперь, оглядываясь назад, я не удивляюсь этому. Предложения должны были неминуемо казаться нереалистичными, и, без сомнения, попадись они мне на глаза в газете обычным образом, я и не глянул бы на них во второй раз, посчитав предложение сумасшедшим. Но когда я услышал, как Уолтер, проникнутый уверенностью в осуществимости дела, говорит о своем детище, то испытал совсем иное чувство. Как я уже объяснял, меня тогда нетрудно было убедить, и очень скоро его энтузиазм разжег во мне искру интереса. Ночью этот интерес разгорелся еще сильнее. И под утро мне уже являлись видения будущего

Просвещенного Государства. К сожалению, сейчас я не могу припомнить их деталей. Все, что осталось, — образ залитого золотистым сиянием места, где все живут дружно, проникнутые духом надежды и товарищества. (Знаю, эта картина напоминает русские плакаты о будущем осваиваемых земель, но, может быть, русские как раз и испытывают те чувства, которые захлестнули меня тогда). Мне как будто явилось откровение, будто прежде я брел в полумраке и вдруг узрел простирающийся предо мной путь, залитый ярким светом. И не верилось, что я был так слеп прежде, и я поражался слепоте остальных. Путь был так прям и очевиден. Немедленно встряхнуть с себя все липкие предрассудки, привязчивые привычки и на чистом новом месте начать строить основание чистого нового мира. Есть ли более достойный способ потратить свою жизнь?..

На следующий день я позвонил Уолтеру, и мы договорились о новой встрече. С этого момента для меня все было решено.

В скором времени я поднялся из рядовых участников Проекта до некоторого привилегированного положения. Я знал, что за Проектом стоит лорд Фоксфилд, и Уолтер устроил мне встречу с ним.

Особого впечатления он не производил... Нет, так сказать будет неверно. У него была черта, надеваемая, как деловой костюм, дабы произвести впечатление: уверенная, немного высокомерная: слегка нетерпеливая манера разговаривать с людьми, но только в официальной обстановке. В свободное, так сказать, от работы время он не боялся показать или, может быть, неосознанно выказывал странную наивность. К этой перемене "костюмов" я так и не привык.

Приветствуя меня, он облачился в официальную манеру. С фасада лорд Ф. показался человеком, на лету хватающим мысли собеседника и моментально несколько свысока оценивающим сказанное. Как только мы заговорили о Проекте, он отбросил манеру "для приемов" и дал волю искренним чувствам.

— Уолтер, должно быть, познакомил вас с нашими планами в общих чертах, мистер Делгранж, — сказал он, указывая на Тирри, — поэтому вы представляете, что мы

думаем начать с группы первопереселенцев, к которым потом смогут присоединиться остальные добровольцы. Я считаю в высшей степени важным правильно начать, чтобы наша первая группа заложила верное направление мыслей. Если сразу закрепятся ошибочные наблюдения, неверные отношения между людьми и представления о будущем, это значительно осложнит наше намерение создать то общество, о котором мы мечтаем, ибо выкорчевать их будет уже не просто. И потому я дал себе труд разузнать поподробнее о вас, мистер Делгранж. Я представляю себе круг ваших взглядов. Знаю, что вы довольно известны и занимаетесь историей обществ, с интересом прочитал две ваших книги. Вы хорошо схватываете направление намечающихся социальных тенденций, и я пришел к выводу, как и Уолтер, что ваш опыт профессионала оказался бы для нас неоценимым, по крайней мере на первом этапе нашего предприятия, в определении наилучших форм будущего общественного устройства и в отыскании кратчайших путей к их достижению.

Он еще долго развивал эту тему, а, придя домой после беседы, я в некоторой растерянности осознал, что мне поручили набросать и представить на утверждение его светлости основы конституции Просвещенного Государства — а потом и претворить их в жизнь.

Несколько месяцев я только этим и занимался.

Сейчас не стоит вдаваться в детали подготовки первой группы поселенцев. Да я и не знаю подробностей. Только я ощущал, что Уолтера огорчала вялая реакция на его призыв, но мне его надежды и тогда казались чересчур стремительными. Его, похоже, удивляло, что откликнулось так мало интеллектуалов и претенденты не завалили его грудами писем.

Со своей стороны, я предпринимал все усилия, чтобы убедить хоть кого-нибудь из своих друзей присоединиться к нам, но каждый раз убеждался в тщетности своих попыток. Тогда я был слишком поглощен самим Проектом, чтобы понять, что их гораздо больше беспокоило мое состояние, чем судьба Проекта; даже их попытки разубедить меня не открыли мне глаза. Так или иначе, вербовкой занимался Уолтер, а он не особенно посвящал нас в свои дела.

Какое-то время спустя после нашей встречи с лордом Фоксфилдом Уолтер исчез на два месяца, отправившись на поиски подходящего для осуществления Проекта места. По возвращению Уолтер был не очень разговорчив, но дал мне понять, что причины тому сугубо политические. Ничего он не говорил и о координатах найденного им места, только с удовольствием отметил, что он идеально подходит по всем параметрам. Предстояли деликатные переговоры о покупке земли, и поэтому для пользы дела не стоило посвящать в это лишних людей. Сим мне и пришлось довольствоваться.

И все же сомнений не было, что дело движется. Уолтер уже набрал себе штат помощников, которые, когда ни позвони, непрестанно были чем-то заняты, и приобрел манеры уверенного делового человека.

За девять месяцев я несколько раз встречался с лордом Фоксфилдом. Иметь с ним дело оказалось проще, чем я предполагал, он не настаивал на непогрешимости своих предложений. Приятно было убедиться, что его представление об осуществимой и действенной модели демократического общества не противоречило моему. Вызывал он к себе в основном для уточнения отдельных положений, и разногласий почти не возникало, а если мы в чем-то и расходились, то не по существу, поэтому постепенно я уверился, что его светлость хотел скорее быть в курсе всех дел, чем по-настоящему ими руководить. Он желал еще и еще раз удостовериться, что развитие Проекта пойдет в правильном направлении. А когда мы все-таки в чем-то с ним расходились, то он заканчивал спор словами: "Ну, хорошо. Попытайтесь сделать так. Но не теряйте при этом гибкости. Гибкость необходима. Мы живем в меняющемся мире. Не желательно отягощать Проект застывшими догмами, подобными записанным в американской конституции. Требуется разработать конституцию гуманистическую, способную работать без специально издаваемых по разным поводам законов". Полный энтузиазма, я соглашался с ним: все казалось таким простым и разумным.

И в один прекрасный день он сказал мне:

— Переговоры завершены. Теперь у нас есть место под солнцем. Сегодня сделка заключена.

Подняв бокалы, мы выпили за долгую и успешную жизнь нашего Проекта.

— Ну, теперь-то наконец могу я узнать, где это место? — спросил я.

— Это остров Танакуатуа, — ответил лорд Фоксфилд.

Тогда я впервые услышал это название.

— Да? — довольно невыразительно откликнулся я. — Я где это?

— К юго-востоку от Полуденных островов, — пояснил он.

Это мне почти ни о чем не говорило, я только понял, что это где-то в другом полушарии.

С того дня план обрел большую весомость. Подготовка ускорилась. Мне пришлось помогать Уолтеру, даже присутствовать на собеседованиях с некоторыми из кандидатов в поселенцы.

Не скажу, что я был в восторге от являвшихся претендентов, но я утешал себя мыслью, что они составят только первую группу. Когда все устроится и Проект станет видимой миру реальностью, желающих принять в нем участие станет не в пример больше.

Без сомнения, Уолтер, как и все мы, недооценивал трудности формирования человеческого ядра для такого предприятия. Ведь как ни крути, подходящие люди уже устроены, свободны только неудачники. Вполне понятно, что нелегко отыскать одаренного человека, который согласится оставить завоеванное им благодаря своим способностям место в обществе ради идеалистической причуды. Поэтому большинство претендентов вполне подходили под определение "неудачник", и даже слишком. Для решения пионерских задач они не подходили, да и для совместной жизни в будущей общине тоже мало годились. Уолтера не могло не угнетать такое положение, тем более, что прежде почти со всеми претендентами беседовал сам, но теперь, слишком погруженный в иные вопросы, Уолтер особенно не задумывался над прискорбным положением с вербовкой. Он задумал набрать пятьдесят человек, но был готов довольствоваться и сорока пятью.

Тем временем, после окончательной покупки Танакуатуа, лорд Фоксфилд открыто объявил о своей поддержке Проекта.

В какой-то мере признание покровительства было вынужденным — с целью возбудить общественное мнение.

У парламентской оппозиции есть один избитый прием, который, тем не менее, она неустанно применяет. Выбирается верный повод для общественного негодования, и делу придается нужный оппозиционной партии уклон. Во время относительного затишья кто -нибудь привлекает к избранной теме внимание крупной газеты. Если материал представляется небезинтересным, а с другой, более броский, его не перебивает, редакция принимает его в качестве очередной сенсации и с шумом выпускает на свои страницы. Тогда оппозиционная партия дает санкции одному из своих депутатов внести парламентский вопрос и привести газетные публикации в качестве свидетельства обеспокоенности избирателей последним правительственным предприятием. Таким образом газета доказывает свою верность сторожевой собаки общественных интересов; партия, предпринявшая свой традиционный ход, — поддерживает репутацию активного защитника этих интересов, и, если все сложится так, как задумано, правительство очередной раз окажется посрамленным.

В случае с покупкой Танакуатуа, избранном для маневра оппозицией, имелась одна зацепка. Подходящим поводом взбаламутить общественное мнение послужил лозунг: "Тайная продажа британской территории частным лицам", а газету "Дейли тайдингз" долго упрашивать не пришлось. Редактор уже обдумывал, в какой форме лучше подать материал, когда ему стало известно, что, во-первых, Тирри, купивший Танакуатуа, действовал от лица Фоксфилда, во-вторых, между лордом Ф. и владельцем "Тандингз", сэром Н., были давние дружеские отношения, и, в-третьих, что сам сэр Н. в прошлом при сходных обстоятельствах приобрел остров в Карибском море. И по вполне понятным причинам интерес "Тайдингз" к вопросу Танакуатуа угас. Более того, до сведения остальных издателей было доведено, что сэр Н. Будет рассматривать любую вариацию на эту тему как враждебную акцию по отношению к нему лично. Поэтому оппозиция занялась более свежими поводами для скандалов, и переход Танакуатуа в руки новых владельцев остался почти незамеченным.

Однако заинтересованность лорда Фоксфилда в этом деле открылась, и он публично признал, что стоял у истоков всего предприятия.

Но пресса все же по обыкновению отыгралась, поместив информацию о Проекте в стиле " что бы это значило?" Писали о нем, как о причуде выжившего из ума старика, а об участниках экспедиции, как о безответственных людях, которых не устраивает жизнь в приличном обществе. Мы пережили трудные дни, пятеро добровольцев отказались ехать, и осталось только сорок желающих, но вскоре тема потеряла новизну, газеты утратили к нам интерес, слегка оживившийся, лишь когда настало время отправки.

Перед самым отъездом мы собрались в одном из отелей Блумсбери. Большинство из нас никогда не видели друг друга, и теперь все присматривались к будущим сотоварищам с опаской, а то и с недоверием. Даже я со своим энтузиазмом испытал некоторые сомнения. Представляя кандидатов друг другу, мы с Уолтером всячески пытались вселить в них дух товарищества, но это было нелегко. Собравшиеся больше походили на стадо сбитых с толку овец, чем на группу отважных пионеров, готовых ринуться на освоение новой территории. Но все же мы пытались успокоить себя мыслью о равной неуместности веселья — ведь нам предстояло выполнить серьезную миссию...

А мною владели, насколько я помню, двойственные чувства. Периоды депрессии сменялись минутами крайнего возбуждения. Возвращаясь в памяти к тем дням, я даже вижу во взгляде некоторых своих тогдашних собеседников удивление — мой энтузиазм явно вызывал тревогу у них.

Напитки и отменная еда несколько сняли напряжение, так что к концу обеда, когда лорд Фоксфилд поднялся с места и приготовился напутствовать нас, уже начали проявляться признаки формирующегося духа общности.

Думаю, стоит привести речь лорда Ф. дословно. Может быть, так лучше, чем в моем пересказе, удастся передать тот образ будущего, который вставал перед его умственным взором.

— Господь Бог, — начал лорд Фоксфилд, что для него было несколько необычно, — Господь Бог, как нас уверяют, создал человека по образу и подобию своему. Давайте

поразмыслим, что значит "по образу". — Он некоторое время развивал возможные линии толкования этой библейской фразы, и в результате пришел к выводу, что это означало "по истинному образу". И продолжил: — И не во власти человека использовать или отвергнуть по своей воле ту или иную сторону этого образа. Ибо, если человек был волен в выборе, это бы означало, что либо Бог наделил этими способностями его по ошибке, либо, что человек лучше Господа Бога знает, какую из них стоит ему развивать, — а такая линия рассуждений выводит нас на очень скользкий путь. Потому что, без сомнения, если Бог не хотел, чтобы та или иная способность использовалась, то наделить ею человека он мог только по ошибке или для искушения — полагаю, последнее не многие хотят принять. И тогда нам следует заключить, что, заложив в человека определенные способности, Бог, конечно же, предписал ему не обсуждать целесообразность обладания такими дарами, а по мере сил применять их все. Отсюда следует, что, если образ человека — это образ Бога, то, должно быть, Бог желал, чтобы человек стал подобен Богу.

Для чего же еще было создавать человека по образу своему? Ведь он использовал множество иных образов для своих менее способных творений: следовательно, избрав в качестве модели собственный образ, он по-видимому (если только не хотел намеренно подделать сей образ), возложил на человека обязанность стремиться также походить на него по существу, как и внешне.

Такие соображения, конечно, не новы. Многие правители с древнейших времен до наших дней угадывали это, а затем осознали свою божественную сущность и публично провозглашали о своем обожествлении и священных правах. Но так как они были неприкрытыми индивидуалистами, то уподобление Богу отождествляли с отрывом от других людей и воцарением над ними. К сожалению, они так же имели склонность брать для себя за образец придирчивого Бога из Ветхого Завета, что несло горе их братьям.

Ошибки тут не было. Их неведение или невидение, если так можно выразиться, заключалось в неспособности понять логику происходящего и увидеть, что уж если род людской был создан по образу Божию, то предназначение

и долг походить на Бога не могут касаться только избранных, а касаются непременно всех, кто носит в себе образ Бога, то есть всего человечества.

Мы давно убедились, что человек — самый могучий из созданных на земле видов, а несколько последних веков, особенно в новейшее время, стали свидетелями того, как сильно возросли возможности человека. Уже сейчас он повелевает большей частью своего окружения, а возможности будущего развития трудно предугадать.

Может, он в чем-то даже превзошел божественные предначертания, ибо если о способностях Бога к самоуничтожению теологи спорят до сих пор, то человек, вне всякого сомнения, уже вполне способен уничтожить себя, а заодно и весь мир.

Одной этой способности должно быть достаточно, чтобы уяснить, что пришло наконец время, когда больше нельзя вести себя подобно безответственным сорванцам, пускающим фейерверк в переполненном зале. Это всегда было неумно, а теперь стало слишком опасно.

И мы обладаем уже знаниями и средствами, чтобы создать общество, не зараженное безумием, с продуманным общественным устройством. Мы можем приспосабливать большую часть природы к нашим нуждам, а если это потребуется, и сами способны органично вписаться в окружающую среду. Теперь мы умеем, если того захотим, жить, не разрушая природу, не вступая с ней в конфликт, не пожирая ее, подобно паразиту, а находясь в созвучии с ней, вступая в симбиоз с ее могучими силами: управлять ими, причем не только отбирая часть этих сил, но и наделяя их долей своих. Настало время, когда мы можем — должны, если надеемся выжить, — отказаться от существования с беспечностью животных и взять свою судьбу в собственные руки. Если же мы убоимся стать подобными богам, то погибнем...

Вот в чем заключается цель нашей экспедиции. Мы не собираемся бежать от действительности, как пыталась повернуть дело пресса. Мы отправляемся в путь не для того, чтобы найти страну забвения, обрести рай на земле или отыскать свою Утопию. Наша экспедиция — крохотное семя великого начинания. И вам выпало на долю высадить в землю его в почву прекрасного нового мира. А

потом возделывать землю, защищая всходы от сорняков, чтобы урожай вырос сильным, не зараженным, чтобы им можно было прокормить общество новое, освобожденное от предрассудков, очищенное от слепой веры и невежества, избавленное наконец от жестокости и нищеты, от века сводивших на нет все лучшие начинания человечества...

Было сказано еще много, лорд Фоксфилд использовал не одну метафору, и не всегда ему хватало умения закруглить проступающие по ходу развития речи углы, но суть была ясна: для постройки здорового общества есть знания и средства; в наших силах воспользоваться ими; а теперь — вперед, и да сопутствует вам удача!

Но так или иначе, это был великий день для его светлости. Ему пришлось изрядно раскошелиться, чтобы этот день наступил, и предвиделись еще немалые расходы, поэтому его выслушали со вниманием.

Осталась цветная фотография нашего отряда на палубе "Сюзанны Дингли", где мы все собрались на следующий день перед самым отплытием. Нас — тридцать восемь человек (еще двое отказались ехать, якобы неожиданно заболев).

Сторонний наблюдатель не распознал бы в запечатленных на этом снимке Отцов (и Матерей) Основателей новой эры. Но что поделаешь? Очень многим удается выглядеть неприметно, пока они не создадут о себе особого впечатления.

И нам, если бы судьба позволила, удалось бы заявить о себе, по крайней мере некоторым из нас...

Доминирует на снимке, конечно же, миссис Бринкли. Может быть, ее фигуру дополнительно выделяет из общего ряда набитая дорожная сумка из шотландки японского производства, зажатая в руках, но даже и без этого полная добродушная фигура женщины в окружении детей мал-мала меньше привлекла бы внимание. И если в отношении намерений и мотивов действий остальных можно еще сомневаться, то тут все было ясно: Дебора Бринкли хочет иметь еще детей и с радостью будет приумножать население острова Танакуатуа или любого другого места на земле, куда ее прибьют волны будущей жизни. Именно эта уверенность в цели, подкрепленная решительной фигурой

мужа, стоящего подле, — выносливого и умелого фермера, — делает запечатленный на снимке образ самым привлекательным и внушающим доверия.

Выделяется и Алисия Харди, которая серьезно беседует о чем-то с одним из детей Бринкли.

Но, вне сомнения, Мэрилин Слейт (миссис Слейт) думает, что именно она — центр всеобщего внимания. Одетая в совершенно неподходящее случаю выходное платье, изогнувшись, как манекенщица из журнала мод, сияя улыбкой во весь рот, она сама избрала себя царицей на время плавания "Сюзанны Дингли" к месту назначения. Подле нее стоит Хорас Тапл, чье пухлое лицо херувима сияет над кричаще яркой пляжной майкой, которую он уже успел натянуть. Трудно отыскать более подходящего на завсегдатая пирушек и вечеринок человека, каким был Тапл. И по сей день я недоумеваю, как эта парочка попала под крыло Уолтера. Сам Хорас тоже, по всей видимости, задумался об этом вскоре после отплытия, так как в Панаме решил покинуть корабль и отправиться обратно домой. Поразительно, как мудро может вести себя глупец.

Невысокий мужчина в первом ряду, который нахмурившись глядит в камеру из-под козырька кепки, — это Джо Шатло, обладатель полезной профессии столяра. Но с первого взгляда видно, что он прирожденный забияка; а рядом с ним стоит Диана, жена-терпеливица, что тоже сразу заметно. По другую руку от нее — медсестра Дженнифер Феллинг, тонкостью своих черт контрастирующая с окружающими, как полотно Дерена среди множества Матиссов.

Вторая Дженнифер, Дидз, погружена в спокойное раздумье.

Конечно, есть на снимке и Уолтер Тирри. Он держится несколько особняком от всех нас. Может быть, благодаря усилиям ретушера или из-за падающего под особым углом света его лицо обрело точеные черты, чего я прежде не замечал. Еще он как-то неуловимо излучает дух лидерства, глядя в камеру с вызовом и решительностью.

На губах инженера Джейми Макингоу, стоящего с правого края, играет легкая усмешка, но трудно сказать, что

ее вызвало — вид ли Уолтера, сама ли съемка в памятный момент или одному ему ведомые мысли.

Рядом с ним — Камилла Коуджент. Она размышляет о чем-то своем, не обращая внимания ни на камеру, ни на особые обстоятельства съемки: среди нас, но не с нами.

Я, Арнольд Делгранж, — с противоположного края от нее, повернулся в профиль. С затуманенным взором и восхищенным выражением лица я выгляжу немного не от мира сего. Надо признаться, тогда я действительно витал в облаках. Даже теперь я порой ощущаю отблески былого восторга. Если ноги остальных членов нашего отряда твердо стоят на стальной обшивке палубы "Сюзанны Дингли", то мои явно попирают эпические доски нового "Арго". Под моими спутниками неприветливо плещутся воды Темзы в нефтяных разводах, но перед моим взором золотятся под солнцем лазоревые волны Эгейского моря. Я отправляюсь в путь, чтобы наполнить плотью свои видения, чтобы увидеть новое начало великих времен, чтобы внести посильный вклад в осуществление завета:

Грядущим дням завещан,
Как небу свет зари,
Афин великих светоч.
Его сиянья вечность
Ты в силах возродить.

В тот момент я видел и больше — новый далекий архипелаг, где воспламеняется все несбывшиеся надежды, целый утерянный мир, чтобы, подобно Фениксу, возродиться вновь...

Увы, как песни сирен были сладки!

Так мы все стоим. Том Коннинг, Джереми Брэндон, Дэвид Кэмп и остальные. Самые разные по складу характера и по роду занятий.

На этот снимок грустно смотреть. Может быть, мы и не похожи на созвездие талантов, но все полны больших ожиданий. А собравшая нас вместе идея была гораздо значительнее нас всех, вместе взятых. Что ж, думаю, к ней еще вернутся. Люди тысячелетиями отправляются в путь в надежде обрести свободу. Да, новая попытка будет

предпринята, и от души надеюсь, что нашим преемникам будет сопутствовать удача, а рок отстанет и не будет преследовать их.

ГЛАВА II

Итак, мы плыли к Танакуатуа.

Тут, по-видимому, уместно подробнее рассказать о месте нашего предназначения.

Когда "Сюзанна Дингли" подняла якорь и взяла курс на Танакуатуа, я, да и любой из нас, за исключением отыскавшего это место Уолтера, мог сказать о нем только, что это необитаемый островок, который в самом подробном атласе едва отыщется как черная точка на широком голубом просторе Тихого океана в районе 9° с. ш. и 170° з.д.

Существовало несколько фотографий острова, снятых в разные годы; самая старая — более полувековой давности. Но их можно рассматривать практически как единый снимок, потому что фотографа привлекал один и тот же вид. Это панорама северо-восточного побережья острова, открывающаяся с борта корабля, стоящего на якоре в лагуне. Белую изогнутую линию пляжа окаймляет густой кустарник, над которым палисадом природной крепости возвышаются пальмы, а за ними встает непроходимый тропический лес. Только по заднему плану фотографии Танакуатуа можно отличить от бесчисленных видов других островов: там поднимаются две конические вершины с высокой седловиной между ними.

Ни на той, ни на другой вершине нет признаков активной вулканической деятельности, хотя на обеих есть кратеры. Северная (на фотографиях слева) — Рара — давно бездействует и поросла лесом, а вторая — Мону, там есть озеро кипящей грязи, а на южном склоне, на полпути к кратеру, пробивается чистый горячий ключ. Кратеры, вероятно, уже давно приняли свой теперешний облик. Никаких преданий об извержениях на острове не сохранилось.

Видимо, каких-либо других преданий об этом острове тоже очень немного. Как будто он не вступал ни в какие

связи с миром и жил без своей истории, которая началась лишь немногим более полутора столетий назад. Да и сведения, касающиеся этого последнего, исторического, периода, фрагментарны, но по возвращении домой я предпринял настойчивые попытки раздобыть всю существующую информацию из самых разнообразных источников, и, думаю, теперь лучше всего изложить результаты моих изысканий. Они хотя бы отчасти приоткрывают причину одной странности: почему такой плодородный остров казался необитаем и, более того, почему его можно было купить.

В тех атласах, где помечен Танакуатуа, он обычно относится к архипелагу Полуденных островов. Это с самого начала сбивало с толку, а потом стало и совсем неверно. Во-первых, Танакуатуа лежит в пятистах милях от своего ближайшего соседа — острова Оахому. Можно предположить, что оба эти острова попали в зону Полуденных островов, прибранные туда из стремления к аккуратности теми, кто наносит на карты Тихого океана эти всеохватывающие пунктирные линии владений, потому что от всех других архипелагов до Танакуатуа и Оахому еще дальше. Более того, вполне вероятно, что именно из-за того, что кто-то обнес их такой линией, они и попали под власть администрации Полуденных островов. И не такое случалось в колониальной истории.

От внимания первых европейских исследователей острова ускользнули. Их не заметил даже капитан Кук. Хотя в 1774 году, во время второй экспедиции, он посетил (и окрестил по времени их открытия) Полуденные острова.

Только двадцать лет спустя был описан остров, в котором без труда можно узнать Танакуатуа.

В 1791 году капитан судна "Шерпос" Слизон сделал запись:

"Как только рассвело, примерно в трех лигах от нас к востоку-северо-востоку мы увидели землю. Подойдя ближе, мы поняли, что это небольшой остров, в центре его вздымалась невысокая гора, похожая на два горба с седловиной между ними. Растительность обильна: пальмы и другие деревья, а густой кустарник покрывает весь остров, его нет только на верхней части горы.

При нашем приближении поднялось множество морских птиц, прямо к носу судна подплыла стая дельфинов, но никаких признаков человеческого жилья мы не заметили.

С запада остров был окружен сплошным рифом, только между отдельными рифовыми островками есть судоходные проливы. Один из них мы промерили и успешно прошли. Став в лагуне на якорь, я отправил на берег катер с бочками для пресной воды. Отряженные с катером матросы обнаружили, что остров все же обитаем. Найдя ручей и поднявшись выше по течению, чтобы набрать более чистой воды, они вышли на поляну, по краю которой стояло семь или восемь хижин, весьма убогих и примитивных, в основном из коры. Все было в таком загаженном состоянии, что вокруг стояла густая вонь. В центре поляны находилось кострище, где лежало несколько больших плоских камней, на которых туземцы готовят пищу; один из матросов, посчитавших это место давно покинутым, обжегши о камень ногу, убедился, что это не так. Подоспевший боцман рассудил, что туземцы ушли не более двух часов назад, хотя дыма никто не заметил.

В некоторых хижинах нашли грубые деревянные орудия труда и грубые сети, которые сочли рыболовными. В одной из хижин обнаружили украшенную резьбой кость от человеческой ноги. Там же был человеческий череп, и по одному ему ведомым приметам боцман решил, что голова человека, которому принадлежал череп, была отрублена не больше недели назад.

После нескольких рейдов за водой, когда наши запасы пополнились, матросы вернулись на борт, так и не заметив ни одного туземца".

Описание острова не оставляет сомнений, что это был Танакуатуа. Однако второе посещение, открытие острова вновь, и точное определение его координат произошло только в 1820 году, когда к Танакуатуа подошел корабль королевского флота "Пертинакс". За 26 лет со времени записи, внесенной капитаном Слизоном в свой корабельный журнал, положение на острове, по всей видимости, не изменилось.

"Пертинакс" вначале обогнул остров. На его восточном и западном побережье поднимались негостеприимные ска-

лы, где нельзя было ни пристать, ни высадиться, а вдоль южной оконечности протянулся почти сплошной риф, окаймляющий лагуну, которая мягко вдавалась в берег с запада. Не пытаясь преодолеть риф, корабль бросил якорь неподалеку от него в море, откуда виден был берег лагуны, где на песке лежало несколько вытащенных из воды каноэ.

Там собралось около полусотни туземцев с копьями, которые что-то оживленно обсуждали. Потом они спустили на воду шесть каноэ и направились через лагуну к "Пертинаксу". Но перед самым проходом через риф они подняли весла и остановились. Посовещались снова. Головы их то и дело поворачивались в сторону корабля. Видно, передумав подходить к нему близко, они стали энергично грести к берегу, вытащили каноэ из воды и исчезли среди деревьев.

Высадившись на остров моряки нашли деревню совершенно пустой. Среди таких неожиданных предметов, как выстроившиеся над входом в самую большую хижину черепа, разбросанные костяные украшения и наконечники для стрел, там были найдены ржавый пистолет, несколько матросских ножей, четыре медных пряжки от поясных ремней и разрозненные металлические пуговицы.

Двинувшись дальше, отряд заметил на небольшом выдававшемся в море мысе деревянный крест. Он явно был сколочен из обломков корабельных досок. Матросы стали копать землю перед крестом в надежде найти что-то, что позволило бы определить, кто тут захоронен, и вскоре наткнулись на бутылку со сложенным в ней клочком бумаги. На нем коричневыми буквами, как посчитали — кровью, было начертано:

В ПАМЯТЬ
Джеймза Бэара из Лондона
Эдварда Тимсона из Шептона
Генри Дейвиса из Льюиза
попавших сюда после кораблекрушения с "Фортитьюд" 10 дня мая 1812 года от рождества Христова. Всех съели дикари-каннибалы в мае-июле 1812 года от рождества Христова.
ДА СМИЛОСТИВИТСЯ НАД НИМИ БОГ
Писано ружой Сэма Ходжза

По дороге обратно на корабль отряд попал в засаду. Одного матроса серьезно ранили копьем, в ответ троих туземцев сразили мушкетным огнем, а остальные бежали, оставив двоих пленными. От этих пленных матросы и узнали, что остров называется Танакуатуа, по крайней мере так они расслышали и так могли выговорить это название (если это было именно название, а не заклинание или проклятие на их головы). С тех пор так оно за островом и закрепилось."

По документам Архива действительно значится, что судно "Фортитьюд" отплыло из Дептфорда 2 августа 1811 года в Ботнический залив со 142 осужденными. К месту назначения оно не прибыло, и его сочли пропавшим. В списке осужденных, которых везли на каторгу, были Джеймз Бэар из Лондона (за подделку почтовой марки ценой шесть пенсов); Эдвард Тимсон из Шептона, графство Сомерсет (за фальсификацию денежных документов); Генри Дейвис из Льюиза, графство Сассекс (за кражу птицы ценой семь пенсов), а среди матросов судовой команды значилось имя Сэмюела Ходжза из Рая, графство Сассекс.

И когда Танакуатуа был уже официально нанесен на карты Адмиралтейства, его посещали не часто, да и то лишь сбившиеся с курса корабли либо команды провизионеров, посланные за водой или свежей зеленью. Временами заезжали туда и торговцы, но так как остров считался заселенным коварными туземцами, склонными к каннибализму, то эти визиты носили характер рейдов. Потому остров оставался неисследованным, известно о нем было немногим больше, чем можно разглядеть с моря, вплоть до 1848 года, когда на его берег ступила группа топографов с корабля флота Ее Величества "Файндер". В своем докладе они описывают туземцев так:

"Раскрашенные странными узорами, обвешанные украшениями из ракушек, они носят небольшие кусочки грубой материи больше для красоты, чем для прикрытия плоти. У большинства мужчин в мочки ушей продеты кусочки кости и нередко носовую перегородку протыкают костяные иглы. Сами лица покрыты уродливой татуировкой, которая придает им вид редкой свирепости".

Когда эта свирепая внешность вкупе с громкими криками, угрожающими жестами и потрясанием копий не устрашила топографов и их конвой, туземцы, казалось, сначала удивились, а потом пали духом. А когда солдаты морской пехоты из конвоя подняли ружья, чтобы дать предупредительный залп поверх голов, то и вовсе разбежались, спрятавшись среди деревьев, откуда их с большим трудом удалось выманить видом подарков.

Подавив таким образом открытое сопротивление, топографы нашли, что туземцы существа робкие и подозрительные, но все же прибывшим ходить в одиночку было строго запрещено.

На Танакуатуа произвели картографическую съемку. Остров имеет в длину семь миль, в ширину — немногим больше пяти. В плане он грушевидной формы. Примерно в миле от его южной оконечности находится небольшой островок Хинуати, площадью около 150 акров. Вдоль рифа разбросана дюжина крошечных островков размеров от половины акра до 12 акров. Почва на острове вулканическая, богатая минеральными солями, дающая богатые урожаи таро, плодов хлебного дерева, кокосов и овощей. В число культивируемых овощей, к удивлению исследователей, входил картофель, вероятнее всего высаженный впервые моряками с потерпевшего кораблекрушение судна.

Взрослое население на момент описания острова составляло немногим более полутораста человек, но по числу покинутых деревень можно было заключить, что совсем недавно туземцев было больше. Обычаи и повадки их, говорилось в донесении Адмиралтейству, убогие, грубые, отталкивающие до отвращения. Командир группы топографов счел танакуатуан самыми примитивными из всех виденных им дикарей, судовой врач усмотрел здесь признаки вырождения от браков между близкими родственниками.

В заключение высказывалась уверенность, что остров при условии продуманной системы земледелия мог бы прокормить значительное число поселенцев, а также поставлять на рынок копру и другое сырье, однако удаленность Танакуатуа от проторенных торговых путей делает успех любых попыток воспользоваться богатыми возможностями острова весьма сомнительным.

Но если Танакуатуа не представлял для остального мира никакого интереса и никак на него не повлиял, то нельзя сказать, что то же самое относится к острову. Очень медленно на Танакуатуа происходили перемены, и за последующие 60 лет там все изменилось сильнее, чем за предыдущие тысячелетия.

В середине XIX века случилось нашествие на остров. Подробностей этого почти не сохранилось, но известно, что пришельцев было около трехсот и они прибыли с целым флотом каноэ. Так и остается тайной, кто они были и откуда явились (по их словам, их родной остров лежал в стороне заходящего солнца), но приплыли они с семьями и домашней живностью в подвязанных к каноэ плавучих клевах, — значит, двигались с намерением переселиться.

Противоборство не длилось и дня, после чего коренные жители острова, деморализованные умением сражаться и уверенностью пришельцев, сдались и больше никогда не оказывали сопротивления.

Пришельцы привезли с собой более высокую культуру. Вместо грязных лачуг из коры они строили деревни из крытых пальмовыми листьями хижин. Они расчищали участки под таро, высаживали рощи кокосовых пальм, разводили овощи.

Кровь аборигенов и пришельцев смешалась. И уже через три десятилетия население острова мало походило на описанное топографами. Теперь это были уверенные в себе люди с осознанным стремлением к независимости. Из заходов к ним иноземных судов и собственных вылазок за пределы острова танакуатуане кое-что узнали о внешнем мире, но отдавали решительное предпочтение своим обычаям. Теперь они не встречали враждебно заплывавших в их края пришельцев. Они рады были выменять себе что-нибудь полезное. В то же время те англичане, французы или немцы, которые, оценивающим взглядом окинув остров, предлагали туземцам вверить свою судьбу — столь неверную в этом изменчивом мире — заботам сильной державы, встречали весьма прохладный прием — вежливый, но не более того. Здесь взгляды сменяющих друг друга вождей и их соплеменников полностью совпадали.

Несколько раз островитяне чуть было не попали под "протекторат", но в каждом случае дело обошлось — по

тем же причинам, что приводились и в докладе "Файндера". Даже с появлением пароходов остров считали слишком отдаленным и слишком маленьким. Так Танакуатуа, хотя и частенько был на грани потери независимости, все же сохранил ее.

Но мир переживал перемены. На противоположной от Танакуатуа стороне земного шара умерла старая королева. Она жила под полуденным солнцем империи, наблюдая, как ее подданные закрашивают на карте мира пунцовым имперским цветом все новые и новые участки — сначала на материках, потом — разбрасывая пунцовые капли по далеким морям и океанам. Но когда королеве настало время умирать, это солнце тоже уже садилось. Тени истории готовились поглотить и этот длинный день. Налетали уже первые порывы набирающего силу ветра, которому суждено было в клочки изорвать последние остатки Века Виктории. А когда налетела буря, она коснулась даже Танакуатуа, лежащего за двенадцать тысяч миль от ее центра.

В 1916 году кому-то в Адмиралтействе пришла в голову мысль, что Танакуатуа и Оахому вполне могут привлечь внимание немцев, чтобы расположить там базы и укрытия для их рейдеров, угрожающих перевозкам и движению судов в западной части Тихого океана. Это соображение было направлено в Британское министерство по делам колоний и заключало в себе намек, что хорошо бы предупредить любое подобное поползновение.

В результате губернатор Полуденных островов получил предписание принять со своей стороны необходимые меры. Во исполнение этого приказа он отправил туда недавно перекрашенное в защитный цвет и оснащенное по случаю военного времени скорострельной пушкой торговое каботажное судно "Фрэнсис Уильямс", чтобы установить на Танакуатуа свой флаг. После разведочного захода на Оахому судно 15 сентября прибыло на Танакуатуа. Когда, преодолев рифы, оно вошло в лагуну, капитан, опустив бинокль, протянул его помощнику.

— Знаете, что я вам скажу, Джо, — проговорил он, — там что-то неладно. Пару раз я уже здесь бывал, и обычно туземцы выбегали на берег, скакали как сумасшедшие и вопили во всю глотку. А теперь — гляньте-ка.

Помощник капитана вооружился биноклем и обвел взглядом береговую линию. Нигде не было заметно никакого движения. Если бы не ряд каноэ на песке, можно было бы подумать, что остров необитаем.

"Фрэнсис Уильямс" сбавила ход, загремела якорная цепь. Звук гулко разнесся над лагуной, но на берегу все оставалось по-прежнему. Через некоторое время помощник капитана сказал:

— Ага, вот и появились двое местных, кэп. Укрываются за деревьями и, похоже, машут нам.

Пока капитан брал из рук помощника свой бинокль и отыскивал место, где тот заметил движение, из-под прикрытия деревьев выскочили четыре фигуры и стремглав бросились к воде, прихватив по дороге каноэ. Уже через несколько секунд они лихорадочно гребли к кораблю. Но не успели они проплыть и двадцати ярдов, как прогремел ружейный выстрел. Пуля, не долетев до каноэ, взметнула фонтанчик воды. Гребцы на секунду остановились, но потом принялись грести с удвоенной силой. Хлопнул второй выстрел. Один из гребцов вскочил на ноги. Когда его крик долетел до "Фрэнсис Уильямс", каноэ уже перевернулось, а все находившиеся в нем плыли к берегу.

Капитан приказал команде занять боевые посты. С берега открыли ружейный огонь, но расстояние было слишком велико, чтобы он мог нанести сколь-нибудь значительный ущерб. Несколько пуль ткнулось в обшивку, а остальные не долетели до корабля. После двух пристрелочных залпов небольшой пушки, не видной с моря, третий снаряд угодил прямо в трубу. Тогда в ответ заговорила скорострелка с "Фрэнсис Уильямс".

Битва при Танакуатуа была недолгой. Так как корабельный канонир стрелял только тройку раз на учениях и ни разу в бою, ему, видно, как новичку сопутствовала удача — после третьего выстрела снаряд накрыл береговую пушку, а через некоторое время на судне увидели, что над кустами невдалеке от места ее расположения появился белый флаг.

Огонь прекратился. Капитан приказал спустить лодку. Мичман со своим отрядом направился к острову. Но их лодка не преодолела и половины пути, как ружейный огонь на берегу возобновился. Так как пули ложились да-

леко от лодки, можно было подумать, что танакуатуане, презирая и не признавая белый флаг, предприняли вылазку со своей стороны. И, как выяснилось позднее, не без успеха, потому что десант с корабля застал в живых только сбившихся в кучку четверых людей в немецкой форме, которые еще пытались защищаться. Весь взвод оккупационных сил, высадившийся на остров две недели назад, был уничтожен.

Танакуатуане испытывали воодушевление, Потеряв всего пятерых или шестерых воинов, островитяне были опьянены чувством победы, достойной самых знаменитых предков.

Кроме того, они сильно невзлюбили немецких солдат. Взвод их высадился непрошенным, презрев все принятые церемонии и вообще всякую вежливость. Затем немцы поставили свои палатки на поляне, где островитяне хоронили своих умерших. А когда группа старейшин попыталась заявить протест против такого кощунства, то солдаты даже не дали им приблизиться, стреляя поверх голов. Затем они потребовали, чтобы жители острова снабжали их фруктами и овощами, не заикнувшись об оплате; реквизировали несколько молодых женщин, не обращая внимания на то, замужем они или нет, и тоже не предложив никакого выкупа; замучили на глазах у остальных островитян юношу, попытавшегося украсть у них ружье; и во всем остальном проявили себя как дурно воспитанные и завистливые люди.

Но победа над немцами вернула танакуатуанам уважение к себе, уверенность в собственных силах. Только радость того памятного дня им нарушил мичман с английского судна, который приказал своим людям убрать тела убитых немецких солдат. Здесь с незапамятных времен считалось, что с побежденным врагом можно поступить достойно, только съев его. Но никакие протесты жителей острова не помогли.

Затем было официально провозглашено, что Танакуатуа присоединяется к Полуденным островам и тем самым попадает под опеку Его Величества короля Георга I.

Нельзя сказать, что танакуатуане выказывали какие-нибудь признаки радости в связи с изменившимся статусом их родного острова или вообще как-то реагировали на свое

присоединение к великой семье наций, в которую они теперь, как их уверяли, вошли полноправными членами. С новым гарнизоном острова они, правда, были в лучших отношениях, нежели с прежним, немецким. Но они не стали скрывать своей радости, когда через два года после урегулирования всех конфликтов и беспорядков, состоявшегося где-то по другую сторону земного шара, в месте, о котором островитяне никогда и не слышали, гарнизон отозвали.

После этого на острове снова могла продолжаться нормальная жизнь. От полного возвращения к довоенному статус-кво ее отличали только редкие наезды инспектора, который, когда и появлялся, мало кого беспокоил, да и торжественные визиты самого губернатора.

Так без особых помех выросло и состарилось еще одно поколение островитян.

А потом на Танакуатуа прибыл новый гарнизон. На этот раз более многочисленный, лучше вооруженный, и оставался он на острове дольше. Но вели себя солдаты пристойнее и снабжались регулярнее.

Командир гарнизона майор Кэтерман с самого начала приказал своим подчиненным относиться к танакуатуанам, как к подлинным хозяевам острова. Он потрудился немного научиться говорить на их языке, пытался понять их обычаи и всячески старался уважать их образ жизни. Категорически запретил своим людям мародерство. За все таро, кокосы, плоды хлебного дерева, девушек, картофель и т. п. следовало платить, поэтому островитяне пристрастились к печеным бобам, говядине и шоколаду. Майор даже провел среди аборигенов несколько занятий по программе начальной школы, чтобы познакомить их с кое-какими сведениями о странах за океаном. Если же он в этом и не преуспел, как и в претворении в жизнь некоторых своих других задумок, то все же оставался за все время командования гарнизоном в прекрасных отношениях с островитянами.

Сам он был в высшей степени доволен своим назначением. Лишь очень немногим в военное время выпадает счастье оказаться вынесенным бурным течением в спокойные воды, и он был рад попасть в их число. Постепенно он начал думать, что в его лице, вероятно, колониальная

служба потеряла ценного работника. Но даже запутанный клубок войны в конце концов разматывается в нить. Пушки замолчали, японцы убрались восвояси, Танакуатуа больше не требовалось защищать.

Был дан прощальный пир. Командир гарнизона, наполовину задушенный гирляндами красного жасмина, и лучащийся счастьем от доброго рома и гордости за свой народ вождь Татаке сидели, обняв друг друга за плечи и клялись в братстве навек.

На следующую ночь аборигены снова стали полными владельцами своего острова.

За три последующих года не произошло ничего примечательного, если и не считать визита нового губернатора. Как всегда, состоялась обычная церемония, а губернатор обратился к островитянам с речью, в которой уверял их не думать, что они заброшены здесь, в просторах океана. Король всегда заботится об их интересах и очень любит их.

После окончания ставшей привычной церемонии он отплыл к себе обратно. Все думали, что его, как и его предшественника, не стоит ждать раньше, чем через два или три года.

Но, ко всеобщему удивлению, он вернулся через несколько недель. И на этот раз с вестью весьма необычной.

Он сообщил островитянам, что совсем в скором времени должно произойти нечто катастрофическое. В открытом океане к востоку от Танакуатуа разразится катаклизм. Там над океаном встанет огромный огненный шар, он будет ярче ста солнц и такой раскаленный, что на деревьях, растущих за много миль от него, сгорит кора, у людей и животных загорится кожа, а у всех, кто поглядит на него, высохнут глаза.

Маловероятно, что на самом Танакуатуа произойдет что-либо подобное, потому что шар будет от него очень далеко, но, после того как он вспыхнет и погаснет, в небе останется отравленная пыль. Эта пыль принесет мучительную смерть всем, кого коснется.

Вряд ли пыль вообще долетит до Танакуатуа. Если во время огненного взрыва ветер будет дуть с запада и не перестанет несколько дней, то острову ничто не повредит...

Но никто не может управлять ветрами. Можно только предполагать, в каком направлении они будут дуть в тот или иной сезон. Еще с меньшей уверенностью можно утверждать, что они будут дуть в этом направлении постоянно. К тому же все знают, что облака в небе часто движутся как бы против ветра, — признак того, что верховой ветер дует в противоположную сторону. В природе нет ничего переменчивее ветра...

Поэтому король, как всегда беспокоясь о судьбах своих верных подданных, издал указ, согласно которому жителям Танакуатуа и Оахому следует ради их собственной безопасности оставить на время эти острова и переселиться туда, где не будет никакого риска, что смертельная пыль упадет на них. Король также повелел заплатить им, возместив все убытки, нанесенные посевам или собственности. Поэтому ровно через месяц всем мужчинам, и женщинам и детям до единого следует эвакуироваться с Танакуатуа.

К облегчению губернатора, который ждал долгих препирательств, его заявление восприняли спокойно. Но ему и не пришло в голову, что островитяне так повели себя только потому, что были до глубины души поражены услышанным и не могли никак поверить, что слышали именно то, что было сказано.

Ошеломление еще не прошло, когда губернатор, пожелав им как можно лучше использовать время, отведенное на подготовку к отъезду, поднялся на свой корабль и отправился на Оахому, чтобы и туда отвезти свою весть.

Вечером Татаке созвал совет старейшин. Но почти никто из старейшин дельного совета дать не мог. Более старые и умудренные опытом испытывали смутное беспокойство, но были еще слишком поражены известием, чтобы осознать реальность грядущего. Оттого спор разгорелся в основном между вождем и Нокики, главным лекарем, причем позиция обоих основывалась на слишком поспешно возведенных фундаментах, которые они по мере развития спора укрепляли.

Но сами позиции были ясны с самого начала:

— Такое вмешательство в наши дела недопустимо, — заявил Нокики. — Мы должны призвать наших молодых мужчин к оружию.

— Они не будут драться, — коротко ответил Татаке.

— Молодые мужчины — воины и потомки воинов. Они не боятся смерти, — с вызовом сказал Нокики. — Они захотят драться, чтобы одержать великую победу, как и их отцы. — Тут Нокики в подтверждение своих слов изложил краткую (хотя и несколько тенденциозную) историю о славной битве 1916 года.

Татаке объяснил, что никто и не сомневается в доблести юношей, а все дело в выборе наиболее благоразумного пути. Могут ли устоять наидоблестнейшие воины против винтовок и пулеметов? Их всех перестреляют, род танакуатуан ослабнет, ибо разве есть будущее у народа, лишившегося молодежи? А у слабых нет прав. Чем сильнее и многочисленнее будут танакуатуане, тем лучше им придется на чужбине и тем весомее смогут они настаивать на скорейшем возвращении на родину, когда этот таинственный катаклизм прекратится.

Нокики источал презрение. Он не верил ни в какой катаклизм. Это явная уловка, чтобы выманить их с острова. Губернатор просто хочет захватить их остров себе. И им предлагают передать свою землю, свои дома, кости своих предков, завоевавших эту землю для них, — все, в виде подарка губернатору! Лучше уж всем до единого полечь в землю Танакуатуа, чем влачить жалкое существование трусов на чужбине.

Татаке стал говорить о возмещении убытков...

Нокики презрительно плюнул.

Татаке заявил, что берет на себя ответственность за жизнь соплеменников. Он позаботится, чтобы их не бросали понапрасну в бесполезную битву и не приносили в жертву, безрассудно отвергая существование смертельной пыли.

Нокики снова плюнул. Эта смертельная пыль — выдумка. Сказка, придуманная, чтобы выкурить их из родного гнезда. Ни в одной легенде ничего не говорится о ней. Вождь Татаке может смиренно заботиться о жизни своих подданных, но для него, Нокики, гораздо ценнее их честь, завещанная им отцами их отцов, и отцами тех отцов, которые жили прежде них.

— Татаке, — продолжал он, — говорил о жизни, но что это за жизнь, которую придется влачить им,

презираемым духами предков? И в сознании того, что, когда им придет время умереть, Накаа преградит им путь в Страну Теней и сбросит их недостойные души в Яму, где им будут суждены вечные корчи. Лучше, намного лучше будет умереть теперь и, не утратив чести, присоединиться к предкам в стране, что лежит на западе, за морем.

Остальные старейшины почти не подавали голосов, выступая в роли молчаливого хора, поворачивая головы то к одной, то к другой снорящей стороне, вдумчиво кивая в знак согласия то с тем, то с другим оратором.

Темнело. Кроваво-красное солнце село в море. Уже луна послала впереди себя угольно-черные тени. Но великий спор все продолжался...

Гражданская война на Танакуатуа не разразилась только потому, что Нокики осознал пагубность потери воинов.

Месяц прошел в состоянии ненадежного перемирия. Три четверти островитян шли за своим вождем, остальные — сплотились вокруг Нокики. Равновесие в значительной мере удерживалось тем, что на стороне Нокики были практически все молодые мужчины — самая напористая часть островитян.

Так и шли дела до самого возвращения губернатора, который на сей раз прибыл на гораздо большем, чем обычно судне, чтобы возглавить исход. Он с удовлетворением отметил, что танакуатуане подготовились к отъезду. Два десантных судна подошли к берегу вблизи того места, где Татаке и его соплеменники со всеми пожитками и каноэ, по самый верх заваленными сетями, с последним урожаем собранных плодов, с привязанными за заднюю ногу визжащими свиньями стояли, сумрачно ожидая посадки.

Губернатор сошел на берег и любезно приветствовал вождя. Он был приятно удивлен послушанию обитателей этого отдаленного острова, за которым давно ходила слава "непокорных". Губернатор не знал, да и никогда не узнает, что, не будь тех попыток командира английского гарнизона военного времени установить взаимопонимание с этими людьми и не дай он им кое-какие знания о внешнем мире, ему почти наверняка пришлось бы столкнуться

со всеобщим неповиновением. Но теперь он с удовлетворением кивнул:

— Хорошая работа, вождь Татаке. Прекрасно организовано. Почему бы нам сразу не начать погрузку?

Островитяне стояли неподвижно, глядя на десантные боты. Долго-долго никто не находил в себе силы перебороть нерешительность. Татаке негромко сказал им что-то на местном диалекте, и люди неохотно стали подбирать свои пожитки и переносить их на боты.

Татаке молча, почти не двигаясь, наблюдал за тем, как ботики снуют между берегом и судном. Когда все было почти закончено, к нему подошел губернатор.

— Все движется очень гладко. А вы, вождь, сделали перекличку? Убедились, что все здесь?

— Нокики не здесь, — сказал ему Татаке.

— Где же он? Пошлите кого-нибудь за ним.

— Нокики не идет. Он так поклялся, — сказал Татаке и потом, перейдя на свой родной язык, добавил: — С ним восемьдесят моих людей. Они останутся на Танакуатуа. Они так поклялись.

— Восемьдесят! — воскликнул губернатор. — Почему же вы раньше мне об этом не сказали? Они должны покинуть остров. Все до единого. Я думал, вы это поняли.

Татаке молча пожал своими могучими плечами:

— Нокики драться. Мужчины драться, — сказал он. И было похоже, что он начинает жалеть, что не присоединился к этим мужчинам.

— Совершеннейшая чепуха. — Губернатор нетерпеливо цокнул языком. — Почему вы не сказали об этом с самого начала. Эти люди что, не подчиняются вашему приказу? — Татаке глядел, не понимая. Губернатор все более выказывал нетерпение:

— Приказ ясен. Не хотят по своей воле, придется вести силой.

Желательно было как можно реже прибегать к силе, но было предусмотрено и подобное развитие событий. Губернатор посовещался со своими офицерами, и вскоре от группы отделился один из его молодых помощников и направился вглубь острова к деревне. Вблизи первой хижины он остановился и оглядел покинутую деревню. Потом под-

нял рупор и принялся на диалекте, близком танакуатанскому, убеждать деревья и кусты вокруг в необходимости оставить остров. После двухминутного обращения он опустил рупор и стал ждать ответа.

И дождался. Но в виде пущенного неизвестно откуда копья, которое воткнулось в землю в ярде слева от него. Копье все еще подрагивало, когда молодой человек, неодобрительно посмотрев на него, повернулся и пошел обратно, стараясь не ускорять шага. Второе копье вонзилось в каком-то футе позади.

Губернатор чиркнул записку и с десантным ботом отправил ее на корабль. Через десять минут бот вернулся со взводом полицейских в касках и с автоматами. Сержант поговорил с губернатором и вождем, а потом повел своих людей с оружием наизготовку в лес, и скоро они скрылись в кустах.

Минут через десять раздались призывы, усиленные рупором. А за ними — звуки выстрелов: винтовочная стрельба и автоматные очереди прозвучали весьма внушительно. Через некоторое время показался полицейский отряд, конвоирующий около сорока разоруженных и перепуганных островитян. Близкая стрельба из ручного оружия и пули, ломающие ветви над самой головой, совсем не походили на то, чего они ожидали, наслушавшись преданий о славной победе 1916 года.

Доведя до места своих присмиревших пленников, отряд перестроился и отправился снова в лес искать остальных. Из-за деревьев к разочарованным воинам по двое-трое начали выходить молодые женщины.

Татаке пересчитал людей . У Нокики теперь оставалось не больше двадцати человек.

На этот раз, огибая деревню по тропе, отряд напоролся на засаду. Трое полицейских, шедших впереди с шашками со слезоточивым газом в руках, пронзили копья, но остальные успели бросить свои шашки — и так окончилось сопротивление танакуатуан. Отряд полицейских снова возвратился на берег, ведя на этот раз еще пятнадцать плачущих и удрученных пленников. Нокики среди захваченных не было.

— Теперь их там осталось не больше полдюжины, вождь? — резко спросил разгневанный губернатор.

Татаке кивнул.

— Очень хорошо, — тоже кивнул губернатор. — Их предупреждали. Я не намерен дальше подвергать риску жизнь своих людей. Глупым упрямцам придется надеяться на удачу. — Он повернулся и поднялся на бот.

Через полчаса, благополучно миновав рифы, его корабль с толпящимися вдоль перил танакуатуанами, грустно провожавшими взглядом удаляющийся берег, дал полный ход...

Укрывшись в тени рощи, последние островитяне следили за тем, как корабль, описав большую дугу вокруг острова, направился на северо-запад. И только когда он превратился в маленькую точку, трое мужчин и женщина один за другим тихо разошлись. Нокики, казалось, и не заметил этого.

А вскоре и точка корабля растворилась в безграничной пустоте океана.

Замолкли птицы. Как только солнце окунулось в океан, сразу стало темно. Взошла луна, на воде засверкала рябью серебристая дорожка.

Нокики сидел все так же неподвижно. Теперь взгляд его черных глаз застыл там, где на горизонте кончалась лунная дорожка, но и ее он не видел. Перед его внутренним взором проносились картины из древних преданий. Он видел величественный флот каноэ, плавучих поселений, переносивших его предков через океанские просторы. Он вспоминал названия островов, где они оставались по нескольку лет, где вырастало одно, а то и два или три поколения, пока молодежь снова не начинала проявлять беспокойство и не пускалась вновь в вечные поиски рая. Он видел их большие военные каноэ. Они стрелой вылетали на берег после единого удара пятидесяти весел и выплескивали воинов, преодолевавших все преграды. Вырастая в мужчин, все мальчики его племени узнавали из песен о славных победах и именах героев. Теперь эти песни звучали в голове Нокики...

Так жили его соплеменники. С тех самых времен, когда Накаа изгнал мужчин и женщин из Страны Счастья: странствуя по океану, сражаясь, снова отправляясь в путь, они вечно искали утерянный рай.

Даже приход белых вначале не очень сказался на привычном образе жизни, но потом со все возрастающей стремительностью белые стали менять мир. Силой своего оружия они захватили понравившиеся им земли. Начали устанавливать на этих землях свои законы, ломая традиции населявших их людей, и объявили своего высокомерного бога выше всех местных богов.

К стыду своему, люди подчинялись. Протестовали редко и нерешительно. Большинство внимало речам белых, которые сбивали с толку. Они не смогли защитить от поругания свои обычаи, сами перестали выполнять свои обряды, потеряли уважение к тотемам. Удивительно ли, что оскорбленные духи предков с отвращением и презрением отринули их?

Таяла доблесть, умалялось достоинство, пока люди не превратились в малодушных смирных существ, которые, наконец, как сегодня, с покорностью стада поднялись вслед за белыми на корабль. Угасла последняя искра гордости. Вся доблесть предков была растрачена впустую, их знаменитые победы ничего не значили, голоса их духов никто не услышал. Это был конец.

Слезы стыда и бессильного гнева блестели на щеках Нокики, это были слезы по напрасно погибшим героям, по угасающему народу, по заброшенной чести, по исчезнувшему навсегда миру.

На рассвете возвратились остальные четверо. Мужчины молча сели на почтительном расстоянии. Женщина протянула Нокики еду на циновке и воду в украшенной резьбой скорлупе кокосового ореха.

После захода солнца они все вместе направились в опустевшую деревню. У Нокики в уши и ноздри были уже продеты его лучшие костяные украшения. Теперь он, подобно статуе, неподвижно стоял посреди хижины, пока женщина разрисовывала его тело красной и белой краской, нанося племенные узоры. Последним она нарисовала у него на груди красного паука — тотем его клана. Когда раскраска была закончена, он надел ожерелье из акульих зубов, черепаховую цепь, бусы из раковин и воткнул в волосы резной гребень. В довершение он застегнул свой шитый бисером пояс и заткнул за него длинный кинжал в

ножнах. Затем вышел из хижины и направился к двойной вершине.

Посреди седловины он выбрал место и обозначил его белым камнем.

— Здесь мы воздвигнем жертвенник, — обратился он к мужчинам. А женщине приказал: — Женщина, ступай к Дереву Смерти и сплети мне циновку из его листьев.

Она несколько мгновений пристально вглядывалась в его лицо, затем слегка поклонилась и ушла. Мужчины принялись собирать камни.

Жертвенник был готов к полудню. Затем Нокики очертил землю перед алтарем прямоугольником размером с могилу. И начал копать. Остальным он не позволил помогать себе.

Когда вернулась женщина, Нокики уже закончил свою работу. Она посмотрела на яму, потом на него. Он ничего не сказал. Женщина раскатала сплетенную из листьев пандануса циновку и положила ее рядом с зияющей могилой.

Вскоре после захода солнца все, кроме Нокики, уснули. Он, как и предыдущую ночь, сидел, глядя поверх океана в даль памяти.

Еще не совсем рассвело, когда Нокики поднялся, подошел к жертвеннику и возложил на него свое подношение. Потом сел на корточки, глядя поверх жертвенника и могильной ямы на восток, в ожидании Ау, бога Восходящего Солнца.

Когда первые лучи тронули облака, Нокики запел. Его голос разбудил остальных.

Отзвучал гимн. Нокики встал, простер руки к поднявшейся из моря верхушке солнца, громко прося благословения у Ау, а через него и у младших богов на то, что он, их слуга, собирался совершить. На минуту он замер, как бы вслушиваясь в ответ, потом дважды кивнул и приступил к работе.

Именем Ау и всех младших богов он проклял остров Танакуатуа за то, что он погубил его народ. Он наложил заклятие на весь остров целиком — с севера на юг и с запада на восток, с вершины двойной горы до места, куда отступает вода во время самого большого отлива. Он проклял его почву и скалы, его горячие ключи и холодные

родники, его плоды и его деревья, все, что бегало и ползало по нему, что прыгало или летало над ним, корни, скрытые в земле, все живое, оставшееся в лужах после отлива. И проклятие должно оставаться и днем и ночью, в сухой сезон и в сезон дождей, в бурю и в штиль.

Его слушатели никогда не были свидетелями такого всеобъемлющего проклятия, и оно потрясло их и устрашило до глубины души.

Но Нокики еще не закончил. Теперь он воззвал к самому Накаа — всевышнему судье, перед которым на пути из этого мира в Страну Теней должны пройти каждый мужчина и каждая женщина.

Он просил Накаа сделать остров Танакуатуа навечно табу для всех людей. Пусть всякий, кто попытается поселиться на нем, заболеет и умрет, высохнет до полного исчезновения, так что даже его прах развеет ветром; а когда души этих людей предстанут перед его судом, пусть он отправит их по дороге не в Страну Блаженства, а на вечные муки, чтобы они, как и все нарушители табу, корчились на кольях в Ямах.

Высказав свою гневную просьбу, Нокики застыл с опущенными руками. Почти минуту он не отрываясь глядел на вставшее солнце, потом вдруг молниеносным движением выхватил свой нож и вонзил его себе глубоко в грудь. Он пошатнулся, его колени подогнулись, и тело рухнуло на жертвенник...

Соплеменники завернули Нокики в циновку из листьев панданyса, и, пока мужчины хоронили его в могиле, вырытой им для себя, женщина искала остроконечный камень. Найдя, она нарисовала на нем паука — тотем рода — и воткнула его в утоптанную землю над местом, где покоился теперь Нокики.

Потом все четверо поспешили в деревню, чтобы собрать немного клубней таро, кокосовых орехов, взять сушеной рыбы и наполнить несколько тыкв свежей водой, и тут же направились к берегу и спустили на воду каноэ.

Пересекая лагуну, они то и дело со страхом оглядывались на остров. Никто из них не сомневался, что просьба Нокики, подкрепленная его жертвой, будет принята, но никому не ведомо было, сколько времени понадобится Накаа, чтобы вынести приговор и когда табу станет законом.

За линией рифов страх поутих и постепенно отступал по мере того, как удалялся оставшийся за кормой остров. Но только когда двойная вершина скрылась за линией горизонта, люди в лодке смогли вздохнуть полной грудью...

Через шесть месяцев группа экспертов, отбиравшая пробы на Танакуатуа, составили заключение:

"Приведенный выше отчет свидетельствует, что перемена направления ветра на высоте 2000 футов, происшедшая через 2 часа после испытания "Зироу", вызвала перемещение некоторого количества радиоактивных веществ в юго-западном направлении. В процессе осаждения большая часть радиоактивных частиц была отнесена к востоку противоположным потоком на меньшей высоте. Вследствие чего остров все же подвергся радиоактивному заражению, как и предполагалось, но осадки там были весьма незначительными.

Согласно измерениям, радиоактивность несколько повышена в восточной части острова, но на остальной территории пренебрежимо мала и нигде не достигает уровня, определяемого как опасный.

И все же нельзя исключить, что питание исключительно продуктами, выращенными на такой даже в малой степени зараженной почве, не приведет к аккумуляции радиоактивных веществ, опасных для растущего детского организма. Принимая во внимание все вышеизложенное и возможную реакцию общественного мнения на все, что даже отдаленно связано с радиоактивными осадками от настоящего испытания, в данный момент неразумно было бы официально объявить остров "чистым".

На наш взгляд, не следовало бы немедленно переселять аборигенов обратно на остров. Предлагаем через пять лет провести на нем повторные пробы и замеры, только при сопутствующих показаниях приборов можно будет оценить остров как абсолютно "чистый".

Прошло не пять, а около десяти лет, когда танакуатуанам, живущим в резервации, было объявлено, что скоро их отвезут обратно домой. Новость приняли нерадостно. Более того, предложение вызвало столь громкую отрица-

тельную реакцию, что начальник округа даже нанес им визит.

Татаке поведал ему о том, что рассказали четверо беглецов, и хотя начальник округа впервые услышал, что остров стал табу, он понял всю серьезность ситуации и все же решился на предложение:

— Мне кажется, — сказал он после короткого раздумья, — что, судя по людской природе, Накаа должен получать очень много просьб о наложении табу. И он, конечно же, не может выполнить их все. И как можно знать наверняка, удовлетворил ли он просьбу Нокики? Есть ли уверенность, что она не была отвергнута?

Никто так просто о табу не просит, — укоризненно покачал головой Татаке. — Табу — это очень серьезно. К тому же Нокики не был обычным человеком. Благочестивый и почтенный, он был и великий знаток магии. И он отдал свою жизнь Накаа ради того, чтобы его желание исполнилось. Поэтому нам ясно, что остров сейчас табу.

— Вы действительно верите, что дело обстоит именно так, уважаемый вождь? — спросил начальник округа.

Татаке кивнул.

— И ваши люди все такого же мнения?

— Есть несколько юношей, кто не верит в это, — признался Татаке и объяснил: — С тех пор, как мы попали сюда, их прибрали к рукам христианские проповедники. Теперь они ни во что не верят.

— Тогда хотя бы они согласятся вернуться на Танакуатуа?

— Может быть, — засомневался вождь, — но даже если бы не было табу, что стали бы делать там десятка два юношей сами по себе? Ведь никто из женщин не поедет. Нет, — продолжал он, — теперь они говорят так: если табу нельзя снять, чтобы можно было вернуться всем, то надо поступить так, как делали предки: отыскать для себя новый остров и завоевать его.

— Времена теперь не те, Татаке, — покачал головой начальник округа.

Татаке грустно кивнул.

— Но нам так было бы лучше, — сказал он. — Здесь мой народ медленно гниет.

Начальник округа не мог этого отрицать.

— Тогда что же вы, вождь Татаке, думаете можно было бы предпринять?

— Я думаю, в том, что приключилось с нашим островом, вина правительства. Потому правительство должно нам дать другой остров — хороший остров — и помочь нам туда перебраться. Мы это обсуждали на советах и решили, что, если правительство не согласится сделать это для нас, то мы должны послать человека к королеве и рассказать ей, как ее слуги выманили нас с нашего острова Танакуатуа и бросили здесь гнить.

Это безвыходное положение могло длиться гораздо больше, если бы не случайный визит одного путешествующего члена парламента, который оказался к тому же задиристым оппозиционером. За время своей недолгой остановки на Полуденных островах он каким-то образом прослышал о жалобе танакуатуан и проявил к ней живейший интерес, едва не потирая радостно руки.

Ага, сказал он себе. Миленькое дельце. Этих несчастных, которых насильно вывезли с острова из-за испытаний атомной бомбы, все еще держат в резервации, что им совсем не по душе, а министерство по делам колоний в качестве выхода из создавшейся ситуации предлагает им просто вернуться на свой остров, хотя известно, что он пострадал от радиоактивных осадков. Они, вполне естественно, отказываются туда ехать, и можно ли их в этом винить? Я бы на их месте поступил так же. И так же рассудят миллионы людей, узнай они об этом... Добротный материал для парламентского вопроса. Безупречный со всех сторон.

Однако в парламенте этого вопроса так и не услышали. Министерство по делам колоний, спешно согласовав сделку с Министерством финансов, купило Танакуатуа у его прежних обитателей, уплатив (на бумаге) весьма значительную сумму. Располагая этим кредитом, оно от имени танакуатуан приобрело остров Айму. Жителям Айму не досталось на руки больших денег, но зато их вместе с имуществом бесплатно перевезли с этого отдаленного острова в щедрую резервацию на большем по размеру и более цветущем острове архипелага, говоря по правде, том самом, где танакуатуане жили последние десять лет.

Решение проблемы оказалось довольно удачным. Правда, несколько самых беспокойных молодых мужчин из племени Татаке продолжали говорить, что если бы правительство не отобрало хитростью и силой их остров, то он бы и не стал табу, но большинство относилось к своему положению как к неотвратимости судьбы. Танакуатуане согласились устроиться на Айму, где, как уж ни повернутся дела, они будут хозяевами, а не изгоями в резервации среди чужих. Да и Министерство по делам колоний осталось не в накладе. Неловкого парламентского вопроса удалось избежать, и теперь в качестве владельца этого неудобно расположенного острова (к проклятому острову был под шумок подкуплен и Оахому) министерство могло воспрепятствовать новому расселению на нем людей. А так как приобретенные острова попадали тогда в категорию необитаемых, их можно было официально вывести из состава Полуденных островов, администрация которых всегда считала Танакуатуа и Оахому обузой.

За прошедшие с тех пор двенадцать лет Танакуатуа вновь превратился в точку на карте, практически не посещаемую и почти забытую.

Однако дела вполне могли обернуться и иначе. Для непредсказуемо многосторонних целей науки, особенно той, которая состоит на службе у военных и идет почти на все — от строительства целого городка в вечных льдах до запуска человека на Луну и от выкармливания нового вируса до создания пастбищ для электронов — потребовался новый остров. Но и это относительно дешевое по сравнению с некоторыми другими проектами предприятие осуществить оказалось не так-то просто и вовсе не из финансовых соображений, а из-за совокупности требований. И только форма Оахому, береговую линию которого легче было патрулировать, перевесила чашу весов в его пользу, благодаря чему остров оплели колючей проволокой, обставили запрещающими объявлениями и официально назвали станцией слежения, а Танакуатуа позволили спокойно дремать под покровом все густеющих джунглей.

Так могло продолжаться еще много лет, если бы Уолтер Тирри, подыскивающий подходящее место для осуществления Проекта Просвещенного Государства лорда

Фоксфилда, не услышал случайно о Танакуатуа и не полетел туда сам.

Остров ему сразу понравился своей компактностью, месторасположением и климатом.

У него не было снаряжения для настоящей разведки, но он отобрал пробы грунта на берегу лагуны и сфотографировал в качестве доказательства плодородия пышную растительность. К сожалению большая часть фотоматериала, отснятого с воздуха, оказалась некачественной, но он и не мог быть хорошим, так как, согласно докладу Уолтера, почти все восточное побережье острова было окутано туманом. Кроме горячего ключа, на острове было несколько ручьев, что снимало заботы о питьевой воде.

Словом, остров показался Уолтеру идеально подходящим. И в перенаправленном в Англию докладе в качестве достоинств он даже отметил существование табу и его отпугивающее воздействие на местных жителей, что поможет избежать визитов непрошенных гостей.

В установленном порядке Уолтер предложил за Танакуатуа 20 000 фунтов стерлингов, поставив условием предъявление акта, удостоверяющего, что все следы повышенной радиации исчезли.

Акт был представлен, и сделка состоялась.

Через определенное законом время представители короны, находясь тогда в неведении относительно роли лорда Фоксфилда в этом деле, не без облегчения передали Уолтеру Тирри, эсквайру, право на владение этим не приносящим никаких доходов беспокойном участком земельной собственности за 30 000 фунтов.

ГЛАВА III

Рассказ о нашем переезде на Танакуатуа был бы утомителен, хотя бы потому, что путешествие проходило очень спокойно, практически без происшествий.

Единственным непредвиденным событием было, как я уже упоминал, бегство Хораса Тапла в Панаме.

Я, со своей стороны, стал усиленно знакомиться со своими спутниками. Это было наилучшим выходом в тог-

дашнем состоянии. Впервые со времени автокатастрофы я осознал присутствие других людей не просто как статистических единиц человеческого материала для Проекта, а как живых и неповторимых личностей. Я как будто медленно пробуждался ото сна, похожего на смерть, — и, сознаюсь, сам поражался, до какой степени успел заразиться духом нашего предприятия.

В то же время во мне, как после долгой зимней спячки, посыпалась способность к суждению. Одним из следствий этого была все растущая уверенность, что некоторые наши намерения носили слишком общий характер. Чем больше я думал о наших надеждах на всеобщее безграничное терпение и взаимопомощь, надеждах, не подкрепленных никакими соображениями для урегулирования возможных конфликтов, тем сильнее ощущал беспокойство. Я осознал необходимость авторитета, на который всегда можно было бы сослаться, авторитета, установленного по всеобщему согласию и способного быть третейским судьей, для того, чтобы наше маленькое общество обрело большую стабильность, чем это свойственно обычно поселениям, обязанным своим возникновением конкретной задаче.

Но все мои попытки вовлечь Уолтера в обсуждение этих тревожных мыслей оказались безуспешными. Он отметал все мои попытки заговорить на волнующую меня тему, заявляя, что слишком жесткий и сухой формальный подход погубит дело, лишит возможности приспосабливаться к меняющимся обстоятельствам. А именно из живых жизненных обстоятельств и ситуаций и должны вырасти наши государственные учреждения.

Такое твердое нежелание обсуждать наше будущее в этом любителе строить планы вводило меня в сильное замешательство. Не только эта черта удивила меня в Уолтере. Он вообще был более замкнут, чем на стадии подготовительных работ. Стала другой его манера держаться, все больше времени он проводил в своей каюте. У меня даже сложилось впечатление, что он намеренно отдаляется от нас, постепенно строит вокруг себя барьер неприступности, заключая в него отчасти и Алисию Харди, которая, похоже, начинала входить в роль его личного секретаря.

Наше плавание тянулось долго, и я решил побольше узнать о своих спутниках. Это не требовало особых

усилий. На корабле заняться было нечем, и обычно собеседник оказывался не прочь рассказать о себе.

Так я узнал мнение Чарлза об ограничениях и предписаниях, которые стискивают предприимчивых фермеров в Англии, что и побудило его продать хорошую ферму, чтобы попытать счастья на девственной земле. Узнал я и о разногласиях Джо Шатлю со своими боссами, с профсоюзом, со всей классовой системой и о том, что он хочет вырастить своих детей там, где ничего этого не будет. Узнал я о разочарованиях, погнавших прочь от привычного мира Тома Коннинга и Джереми Брэндона; о чувстве горечи и безысходности, которое двигало Дженнифер Дидз; о романтических побуждениях второй Дженнифер; о наполняющем душу Дэвида Кампа идеализме. И вскоре я уже мог привести почти для каждого причину, стронувшую его с привычного места — подлинную или показную.

Когда я подошел к Камилле Коуджент, одиноко стоявшей у перил, глядя на волны, она не проявила желания рассказывать, что ее толкнуло присоединиться к нам. Казалось, ее мысли блуждали где-то очень далеко. Что-то в ее облике, неуловимо напоминающее мою дочь Мэри, заставило меня повторить свой вопрос. Камилла повернулась ко мне, и все еще с отсутствующим видом, сказала без интонаций:

— Я думала, что могу оказаться полезной. Кроме того, возможность увидеть остров, на котором двадцать лет никто не жил, привлекает меня как биолога.

Таким ответом некоторое время я должен был довольствоваться. Но он лишь заставил меня решить, что истинной причиной была очередная неудача, нечто, заставившее ее бежать. Мне пришло в голову, что у всех у нас было на удивление мало положительных побудительных мотивов, и тут я вспомнил свое прежнее соображение, что в обществе свободны только неудачники.

Так получилось, что до одного прекрасного вечера, когда мы плыли где-то посреди Тихого океана, я почти не разговаривал с Камиллой, если не считать обмена вежливыми репликами при встрече. А в тот вечер все разошлись по каютам, оставив нас под тентом на носу судна каждого за своим одиноким занятием. Я читал книгу, а Камилла в раздумьи смотрела на океан, по крайней мере

некоторое время она была погружена в его созерцанье, но когда я поднял голову, переворачивая страницу, то обнаружил, что Камилла перенесла свое внимание на мою особу. Выражение ее лица было уже вполне посюсторонним по сравнению с ее обычным отсутствующим видом, поэтому я осведомился:

— Чем могу быть полезен?

Она покачала головой, но передумала.

— Да, вы можете мне помочь. Не возражаете, если я задам вам несколько вопросов? — И не дожидаясь утвердительного ответа, продолжила: — Знаете, я все удивляюсь, как такой человек, как вы, оказался замешанным во все это дело?

— На это нетрудно ответить, — сказал я. — В основном из-за того, что я считал все это дело достойным осуществления.

Она неторопливо наклонила голову, не спуская глаз с моего лица.

— Вы считали так прежде или и теперь так считаете? — проницательно спросила она.

— Я не собираюсь дезертировать до начала битвы, — ответил я. — А вы?

На этот вопрос она не ответила, а вместо этого спросила:

— Чего я не понимаю, это, как бы деликатнее сказать, — дилетантства всего предприятия. Похоже, за всем этим стоят немалые деньги.

— Было несколько путей потратить деньги, — объяснил я. — Одно время лорд Ф. серьезно обдумывал план строительства нового города — своего рода Бразилия в миниатюре, — который смог бы принять избранных. Но расходы были весьма значительны, и даже если бы он мог пойти на них, то ничего не осталось бы для основания фонда, а без фонда внушительных размеров город было бы некому заселять. Он мог бы подрядить какую-нибудь фирму для строительства на Танакуатуа под руководством первопоселенцев. Это было более выполнимо, хотя и дорого, но такой вариант не прошел из-за необходимости ввоза рабочей силы, что породило бы нежелательные жизненные нормы и привычки, от которых потом нелегко было бы избавиться. Поэтому, чтобы не сделать неверного первого

шага, он решил начать с небольшой группы поселенцев-пионеров, чтобы не только создать на острове условия для жизни, но и заложить основы общества с высокими ее нормами.

Так и делали прежде. Первые поселенцы прибывали в Америку на суднах много меньше нашего, и они добились успеха — по крайней мере материального. Беды им принесли огромные размеры нового континента, потребовавшие для освоения много рабочей силы, и тогда никому не было дела до убеждений людей, представляющих собой такую силу. Нам не надо начинать с топора, ручной пилы и лопаты — поэтому нам должно повезти больше...

Кроме того, — продолжал я, — построение общества самой общиной поселенцев ценно в психологическом отношении. Такое общество будет лучше спаяно, станет жить по собственным законам и порядкам, гордиться достигнутым и обретет то чувство истинной общности и монолитности, которое даст ему силы противостоять внешним влияниям.

Камилла немного поразмыслила над сказанным.

— Да, я вижу, это теоретически обоснованно, но вряд ли учитывает — ну, нас, не так ли?

— Не знаю. Большинство из нас действительно не того калибра, который лорд Ф. имел в виду, — признал я, — но нелегко убедить самых подходящих и способных людей, даже если они с симпатией относятся к идее как таковой, оставить свои дела, продать дом и наудачу пуститься в туманное предприятие на другой конец света. Когда наш Проект встанет на ноги и его можно будет смело показать всему миру, вполне возможно, он начнет притягивать к себе многих.

— Когда я объявила отцу, что еду, он отпустил этому проекту три года, — заметила она.

— Если вы согласны с ним, то зачем поехали?

— Потому что хотела уехать и считаю, что смогу там найти кое-что интересное для себя. А почему вы поехали?

Я рассказал ей. Она задумчиво поглядела на меня.

— Вы все еще романтик, — сказала она с удивлением в голосе. — Вы все еще можете мечтать.

— А вы, в ваши-то двадцать шесть лет, уже стары и разочарованы?

— Да, — сказала она. И помолчав, добавила: — Я не хочу снова верить. Меня уже достаточно за это наказали. Но надеяться не обязательно всей душой. Можно надеяться только кожей. Тем более радостно будет, если надежда осуществится — и менее больно, если пропадет.

— Значит, вы просто доброжелатель? — высказал я предположение.

— И добрый работник, надеюсь. Но верить... Нет, я не собираюсь снова класть свою веру на наковальню. "Люди как боги" — слишком заманчивая цель для оппозиции.

— Ну, хорошо, — сказал я. — Если подумать, работу можно исполнять и без веры, хотя в этом случае она мало вознаграждает за труд.

Из наших последующих бесед я узнал о ней больше. Она была доктором биологии. После защиты работала в лаборатории, занималась паразитологией. Позже переключилась на полевые работы. Побывала в Западной Африке, на острове Чагос в Индийском океане, затем провела год на родине, дома, но о последнем периоде она ничего не сказала. А теперь, как я догадывался, она с нетерпением ждала высадки на необитаемый остров, где надеялась обнаружить новых интересных паразитов, развивавшихся за двадцать лет без помех со стороны человека.

Когда Камилла говорила о своем любимом предмете — ее отсутствующего вида, как не бывало, и в ее познаниях и способностях сомневаться не приходилось.

Последним портом захода был Уияньи — столица и единственный порт Полуденных островов. Мы стояли там два дня и, взяв на борт около двадцати островитян для выгрузки нашего оборудования и припасов, отплыли на Танакуатуа.

Камилла была удивлена, что эти люди пожелали ехать с нами. Пока мы стояли в Уияньи, она сходила на берег и попыталась побольше разузнать о Танакуатуа. Это ей дало богатую пищу для размышлений.

— Судя по тому, что я узнала, на нашем острове лежит поистине всеобъемлющее проклятие, — рассказала она мне. — Всякий туземец, пожелавший подвергнуть себя риску высадиться на остров, должен быть либо слишком

хитроумен, либо абсолютно уверен в надежном способе защиты.

— Или не верить ни во что? — предположил я.

— Я включила такую возможность в определение "хитроумный". Интересно будет посмотреть, до какой степени они преодолели первобытные предрассудки.

Через два дня мы были на месте.

С первого взгляда Танакуатуа показался мне материализованной картинкой рекламного туристского буклета. По фотографиям я представлял себе очертания острова, но не ощущал цвета. Цвета слепили. Голубизна неба, подчеркнутая разбросанными тут и там белыми облачками, отражалась в текучей синеве и бирюзе моря. Остров рассекал эту голубизну пополам. Белая линия пляжа, яркая полоса зелени над ним, а выше — полузнакомая линия двуглавой вершины, зеленой на две трети и на треть синевато-коричневой. Моим первым чувством было недоумение — как такая драгоценность могла быть кем-то брошена? А вторым — предчувствием неладного: все выглядело слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Мы прошли рифы без приключений и медленно заскользили по лагуне. Затем дали задний ход. И наконец якорная цепь заскользила по клюзу, разрушив тишину, осколки которой гулким эхом разлетелись по лагуне. Несколько птиц поднялись с маленьких островков рифового кольца, с громкими криками они закружили над судном.

Камилла, стоявшая у перил возле меня, посмотрела на них, а потом снова перевела взгляд на берег. Нахмурившись, она пробормотала, скорее про себя, чем обращаясь ко мне:

— Странно, так мало птиц... Я думала тут их тысячи...

Началась выгрузка.

Вскоре после выхода из Уияньи краном начали поднимать из трюма на палубу соединенные по нескольку штук контейнеры. Теперь надо было разъединить их, укрепить на каждом водонепроницаемую крышку и сбросить за борт. Там островитяне ловко, будто всю жизнь провели в воде, подгоняли контейнеры друг к другу и соединяли зажимами, видневшимися по бокам. В результате на удивление быстро получился большой составной вполне плавучий плот.

Идея такой выгрузки целиком принадлежит Уолтеру; в противном случае бесчисленные ящики, коробки, тюки, мешки, узлы, сплошным потоком выталкиваемые трюмами, пришлось бы целую вечность перевозить на берег маленькими партиями на лодках, а несколько самых больших ящиков вообще невозможно было бы так переправить.

Часа через два нагруженный плот, который буксовала легкая фиберглассовая лодка с мощным подвесным мотором, начал медленно отходить от борта корабля. Те из нас, кто остался пока на судне, нестройно закричали "ура!" и замахали руками отплывавшим на плоту.

Около получаса плот величаво продвигался к берегу, но, как только коснулся дна на мелководье, случилось непредвиденное. Все туземцы, сгрудившиеся на "носу" плота, спрыгнули в воду, выскочили на берег и помчались к зарослям. Мы различали, как Уолтер и Чарлз, оставшиеся в одиночестве, махали им вслед, чтобы те вернулись, но беглецы не обращали на эти знаки никакого внимания. Они все бежали, пока не достигли линии деревьев, где один из вырвавшихся вперед остановился и поднял руку. Остальные полукругом встали возле него.

Предводитель заговорил, потом сделал рукой какой-то жест. Все опустились на колени и воздели руки кверху, а по следующему знаку простерлись ниц и застыли в такой позе покорности, уткнувшись лицами в песок. Затем предводитель встал, поднял руки вверх и так замер. Он стоял лицом к зарослям, мы видели только его спину, и нельзя было сказать, обращается ли он снова к своим соплеменникам или молчит.

В бинокль было видно, что Уолтер и Чарлз, все еще находясь на плоту, о чем-то спорят. Уолтер явно хотел пуститься вдогонку за беглецами, а Чарлз удерживал его за руку. Уолтер пожал плечами и перестал рваться на берег.

Сын Чарлза Питер, стоявший неподалеку от меня, спросил Дженнифер Дидз:

— Зачем они это делают?

— Не знаю, — призналась она. — Везде свои обычаи. Может быть, они считают, что так следует поступать каждому вежливому человеку по прибытии на остров. — По-

молчав немного, она добавила: — Скорее, это напоминает какую-то церемонию умилостивления.

— Как это — умилст...? — спросил Питер.

— Ах да. Понимаешь, необразованные люди думают, что мир населен еще и множеством духов, — объяснила она. — И возможно, они боятся, что здешним духам не понравится, что мы прибыли на их остров непрошенными.

Несколько раз вся компания на берегу поднималась на колени и снова падала ниц. Церемония, каков бы ни был ее смысл, длилась около двадцати минут. Беглецы медленно подошли к воде и как ни в чем не бывало начали разгружать плот.

Чарлз Бринкли командовал выгрузкой, как заправский комендант, наблюдая за сооружением и планировкой складов. Миссис Бринкли тоже показала себя способным организатором и уверенно руководила устройством полевой кухни. Джейми Макингоу заведовал разбивкой склада техники и строительных материалов. Он вывел из контейнера, освободив от упаковки, трактор, чтобы использовать его при передвижке крупных ящиков. Мы все работали, не покладая рук, до самой темноты. Потом на плоту вернулись ночевать на "Сюзанну Дингли".

После ужина я вышел на палубу, где встретил Камиллу, которая в свете восходящей луны разглядывала темный массив острова.

— Ну, как он вам? — спросила она, указав кивком на остров. — Похоже на то, что вы ожидали увидеть? —Он прекрасен, — сказал я. — Но и пугающ. Столько зелени, такая мощь. Все эти растения сражаются за место под солнцем, а нам придется сражаться с ними.

— Природа оказалась более дикой, чем вы предполагали ее найти?

— Да, наверно, — если я вообще думал о том, как это может выглядеть. Правду говоря, я больше представлял себе, как остров преобразится.

Она взглянула на меня.

— Ну, конечно. Своего рода Аркадия. Открытый холмистый пейзаж с деревцами там и сям и стадами мирно пасущихся на изумрудной травке овец, за которыми присматривают играющие на свирелях пастушки, а среди холмов прячутся безупречных линий белоснежные городки.

— Зачем же так, — сказал я, — мой романтизм все же образца нашего столетия.

— Я в этом не очень уверена, — ответила она. — А если говорить о нашем столетии, то тревожит склонность людей смотреть на Природу свысока. Может, такой взгляд и лучше, чем благостная сказка минувшего века, но, увы, так же далек от жизни. Но временами и полезно сталкиваться с неприкрытой природой — это по меньшей мере помогает не забывать о борьбе за существование, и позволяет понять, что для сотворения "богов" из людей недостаточно просто помахать толстой чековой книжкой.

Я не намерен был вступать в спор на тему " люди как боги".

— А как он вам показался? — спросил я. — Соответствует ли вашим ожиданиям?

— Думаю, да. Но позвольте напомнить, что я пока не отходила дальше нескольких метров от места высадки. Подлесок, может быть, против ожиданий немного гуще, но в целом все так, как я и предполагала. Только вот птицы... Здесь должны были быть миллионы птиц... — Подумав, она добавила: — И цветов здесь вроде бы меньше, но на то могут быть свои причины. Скажем, местная особенность.

— А если абстрагироваться от этих деталей, то вы считаете, что все здесь обстоит так, как и должно быть в этом уголке мира, где человек не нарушает естественный баланс? — предположил я.

Она помедлила с ответом, а потом сказала:

— Если бы я прибегала к подобным выражениям, то ни на что не годилась бы в своей области.

На секунду я удивился, но потом понял, что она скорее всего имела в виду.

— "Естественный баланс"? Но ведь это достаточно общепринятое выражение. Разве нет?

— Да, вполне общепринятое, как вы сказали, но и вредное.

— Не понимаю, почему. Мы же столько раз нарушали этот баланс, что за последние двадцать-сорок лет изменилась половина мира.

Она стала терпеливо объяснять:

— Это выражение вредно потому, что непродуманно и вводит в заблуждение. Прежде всего, представление, что человек в состоянии нарушить то, что вы называете "естественным балансом", свидетельствует о человеческой самонадеянности. Оно подразумевает, что сам человек стоит над природными процессами — снова все те же "люди как боги". Человек — продукт природы, может, наиболее совершенный и активный, но развивался он благодаря ее эволюции. Он — часть этого эволюционного процесса. Что бы он ни делал — это заложено в его природе, иначе он оказался бы неспособен это исполнить. Неестественным он не является и не может быть. Он со всеми его способностями такой же продукт природы, как и динозавры с их способностями. Он — орудие естественных процессов.

Во-вторых, "естественного баланса" как такового не существует. И никогда не было. Это фикция, миф. Попытка свести весь мир к аккуратной статичной картинке, которая вполне понятна и предсказуема. Это часть концепции священного порядка вещей, где всему было предписано свое место и назначение, — а каждому человеку предназначено определенное от рождения место и цель в обществе. Представление о естественном балансе восходит прямо к магическим первоосновам: левое балансирует правое, черное — белое, добро — зло, силы небесные — воинство Сатаны. Попытки привести видимый хаос мира в некий порядок с помощью понятия сбалансированных начал возникали с незапамятных времен и не прекращаются и по сей день. Наш ум ищет разумных объяснений, потому что рациональность и сбалансированность создают у нас иллюзию стабильности, а мысль о лежащем в основе постоянно успокаивает. Поиски постоянства самые непреходящие — и самые бесплодные из всех.

Я был ошеломлен. Ясно, что мне удалось наступить на любимую мозоль или, по крайней мере, подвести к ней ее любимого конька. Я не возражал против ее поучающей манеры говорить, хотя и годился ей в отцы, но она еще не закончила:

— Природа — это процесс, а не состояние, непрерывное движение. Стремление остаться в живых. Ни у одного вида нет права на существование; просто есть способности для выживания, либо, если таких способностей нет, вид

исчезает. Происходит беспрерывное соревнование между плодовитостью вида и силами, угрожающими ему исчезновением. Может показаться, что на какое-то время вид стабилизировался, достиг динамического равновесия, но это не так. Все время происходят перемены: меняются конкуренты, окружающая среда, происходят эволюционные изменения, — и все виды раньше или позже перестают занимать главенствующее положение, их превосходят другие.

После миллионов лет господства рептилий в роли хозяев мира их сменили млекопитающие. А млекопитающих сравнительно недавно превзошло супермлекопитающее — человек. И все же люди продолжают болтать о "сохранении естественного баланса". Он невозможен.

— Да, но, — воспользовался я возможностью вставить хоть слово, — ведь теперь обращение к этому вопросу вызвано усовершенствованием разрушительного вмешательства в природу — применением инсектицидов и подобных им веществ — и неспособностью определить возможные побочные эффекты от использования новых препаратов. Разве дело тут не в сногсшибательной скорости нашего времени, когда за какие-то год- два можно уничтожить целый вид и осознать опасность побочных эффектов, когда уже станет слишком поздно? Я думаю, так скорее всего можно создать пустыню.

— Вполне возможно, — согласилась она. — Но осторожность в применении новых средств должна быть вызвана разумными причинами, а не сентиментами. За всеми этими разговорами о "балансе" я различаю старую песню: "матушка природа лучше знает, как все должно быть". Оставьте все как есть, не вмешивайтесь, и она сама позаботится о нас. Что, разумеется, абсолютная ерунда. Такое представление могло возникнуть лишь в благополучном обществе сытых людей, позабывших о борьбе за существование. Природа не питает ни к кому материнских чувств, ее зубы и когти окровавлены, она голодна и не имеет любимчиков. Пока мы не испытываем особой нужды ни в чем, но так будет продолжаться недолго. Те же законы, которые довлеют над остальными видами, переросшими свои запасы пищи, остаются в силе и для человека. Когда станет ощутимой их неумолимая сила, прекратятся все эти

разговоры о Матери Природе. Если бы мы не знали, как ею управлять, то все население земного шара уже теперь начинало бы испытывать голод, а то и вообще сильно сократилось бы. Мы отличаемся от остальных видов только лучшими способами охоты и средствами принудить Природу выполнить что-либо ради нашей выгоды. В остальном — подчинены тем же законам. Нет совершенно никакого основания считать, что человек может " сохранить естественный баланс", удобно устроиться посередине между двумя чашами весов — а именно в этом суть данного оборота речи.

Мы посмотрели через лагуну на темный силуэт острова.

— Ну, — сказал я, — если вдаваться в такие детали, то существование, вполне возможно, вообще покажется напрасным. Планета рождается сама, охлаждается, порождает жизнь и умирает. Ну и что?

— Действительно, ну и что? — сказала она в ответ. — Существует только жизненная сила, патриотизм вида. Эта сила слепа. Ею наделены и высшие организмы и самые низшие... но никто ее не понимает...

— А каким вы, как биолог, видите будущее человека?

— Мне не дано видеть сквозь стену. Жизнь наша полна самых невероятных неожиданностей. Казалось бы, с эволюционной точки зрения, человек достиг своего предела. Но его силы отнюдь не иссякли. Как знать? Он в состоянии породить новый тип и даже позволить ему выжить. Может почти без следа уничтожить себя самого, причем не однажды, — и, возрождаясь, каждый раз меняться, перерождаться. Или его могут превзойти... просто выкинуть на свалку как продукт еще одного неудачного эксперимента Природы. Если же принять во внимание и теперешнее поведение человека, то остается мало надежды на будущее для него.

— Да, никакого уподобления богам. И перспектив на удачу этого Проекта.

— Ну, я не знаю. Вы говорили, все теперь несется с такой скоростью, так быстро меняется, а я говорила, что всегда есть непредугадываемые повороты — поэтому в ближайшие две-три тысячи лет остается достаточно времени, чтобы сделать несколько неожиданных открытий.

Хотелось только подчеркнуть, что при современном положении вещей и состоянии науки, скорее всего, человека не ожидает ничего особенно хорошего. Но даже одно новое открытие — скажем, в области управления наследственностью — может изменить весь прогноз.

— Хорошо, — сказал я, — будем надеяться. Более того, давайте надеяться, что Проект лорда Ф. станет развертываться успешно и что именно здесь когда-нибудь и будет сделано это открытие.

— Ведь вы сами верите в это, не так ли? — заметила она.

— Я верю в возможность этого. Все начинается с малого. Национальные рамки становятся слишком узкими, слишком давящими. Передовые люди начинают ощущать необходимость найти такое место, где без помех и ограничений можно будет жить, работать и обмениваться мыслями. Когда-нибудь им придется создать для себя такое место — своего рода электростанцию мысли, говоря словами лорда Ф. И если обустроиться здесь, то через некоторое время таким местом может стать наш остров. Почему бы нет?

Несколько секунд она смотрела на очертания острова, а потом сказала:

— Признаю — это прекрасное видение, но оно преждевременно. Не могу себе представить, как современный мир вытерпит существование где-то на планете подобного места.

— Может, вы и правы. Но я все же считаю, что стоит попытаться. Своего рода мировой университет, мекка для всех одаренных. А если на этот раз неудача, то на нашем провале можно будет по крайней мере кое-чему научиться и добиться успеха в следующий раз или через раз. Допускаю, что его светлость — человек тщеславный, даже и не очень умный, но его замысел более величествен, чем он предполагает. А если удастся его осуществить и здесь когда-нибудь сосредоточится цвет науки, то замысел наберет реальную силу, с которой будут считаться. Объединяя людей, он может оказаться действенным там, где потерпела неудачу Лига Наций и не очень успешно работает Организация Объединенных Наций.

— Вы поистине романтик, — сказала она.

— Пусть так, — согласился я, — но человечество должно стать единым, в противном случае оно канет в небытие. Буржуазная демократия не работает; теперь не ООН удерживает мир на грани разрушения, а равновесие сил. Может быть, автократия — автократия знания — окажется более действенной...

Так мы беседовали еще около часа. Растущая луна поднялась выше, посеребрила океан и придала силуэту острова мерцающий ореол, так что он, казалось, куда-то плывет. Я позабыл, что он незаселен, заброшен и зарос непроходимыми джунглями. Перед моим внутренним взором он был уже преображенным: широкие дороги рассекали поля и сады, тут и там стояли прекрасные здания, где совершались невиданные открытия. Жаль, что это было лишь чудное видение...

ГЛАВА IV

Количество расположенных на берегу припасов, оборудования и материалов не могло не впечатлять. Все мы работали пять дней с восхода до заката, чтобы это туда доставить, но наконец перевозка закончилась. Попрощавшись с капитаном и командой "Сюзанны Дингли", мы провожали ее взглядом, пока она осторожно миновала риф и, дав два прощальных гудка, повернула на северо-запад. Вскоре, постепенно уменьшаясь, она исчезла вдали, чтобы вернуться — мы на это надеялись — только через полгода с новыми припасами. А до той поры мы были полными хозяевами острова.

Удивительно, насколько ощутимо стало чувство ответственности за собственную судьбу. Пока судно стояло на якоре в лагуне, у нас сохранялась связь с внешним миром, но как только оно скрылось за горизонтом, возникло чувство одиночества и изолированности. Все, даже дети, чувствовали это. Мы ловили себя на том, что внимательно, как бы заново, приглядываемся друг к другу, лишь теперь осознав полностью наше новое положение.

А у меня еще появилось ощущение, что остров начал источать упорство, даже враждебность. Я поймал себя на

мысли, что всерьез пытаюсь понять — не является ли тому причиной мое знание его истории, которое теперь воздействовало на подсознание, пробуждая там страх перед его проклятьем... Это было, конечно, смешно. Чтобы проклятие подействовало, надо верить в его силу, а в это я безусловно не верил. А все же сохранялось ощущение, что остров смотрит недобро, выжидающе...

Кто знает, может быть, и у других возникало сходное чувство, но после отплытия корабля настроение у всех было подавленное, и Чарлз решил поднять его.

Они с Уолтером уже выбрали место для поселка, начертили планы и начали размечать колышками места будущих домиков. Теперь Чарлз собрал нас всех вместе, повел туда и рассказал подробно о будущем устройстве поселка. Его уверенность заразила всех. Прошло немного времени, и каждый уже видел свой будущий дом выстроенным, поселок — готовым, и тут все принялись задавать вопросы. Уже через полчаса тяжелые мысли забылись, настроение заметно улучшилось. Мы вернулись в наш временный лагерь к кухне миссис Бринкли, чувствуя, что способны на многое.

Пока мы обедали, Уолтер составил два сообщения, чтобы передать их по радио в Уияньи — промежуточную станцию нашей связи с большим миром. Первое было адресовано лорду Фоксфилду. Там говорилось об успешном завершении выгрузки. Второе сообщение предназначалось для публикации и передачи родственникам и друзьям — что все мы в добром здравии и в бодром расположении духа.

Прочитав вслух и получив одобрение, он передал тексты Генри Слейту, который отправился с ними к передатчику. Через пару минут Генри вернулся озабоченным. Он склонился к Уолтеру и что- то прошептал ему на ухо, после чего Уолтер поднялся и пошел с ним. Выскользнув из-за стола, я последовал за ними туда, где среди штабелей ящиков временно расположилась наша радиостанция. Я нагнал их уже на месте, они стояли спиной ко мне, что-то рассматривая в свете фонарика. Из-за плеча я мог разглядеть, что на месте, где раньше на складном столике стоял передатчик, теперь находился большой деревянный

контейнер. Он раздавил своим весом и столик, и передатчик.

Нам втроем с трудом удалось передвинуть этот контейнер.

Беглого взгляда на аппаратуру было достаточно, чтобы понять, что она уже никогда не заработает. Мы все перевели взгляд наверх, на зияющий в штабеле прогал прямо над нами. Ясно было, что контейнер упал именно оттуда.

— Сам он упасть не мог, — сказал Уолтер и рукой проверил, крепко ли стоит штабель — тот не шелохнулся. — Никак не мог, — повторил он с растущим беспокойством в голосе.

Мы поглядели друг на друга. Уолтер недоуменно покачал головой.

— Кто же?.. Чтобы столкнуть контейнер, потребовались бы усилия двух, а то и трех взрослых мужчин... — он снова покачал головой. — Лучше пока ничего не будем говорить остальным. Пусть думают, что мы отправили сообщения. Я скажу о происшедшем позже.

На следующий день работа пошла полным ходом. Чарлз распаковал и отрегулировал бульдозер, на котором отправился расчищать место для будущего поселка. Том Коннинг на тракторе с прицепом начал перевозить туда строительные материалы. Генри Слейт протянул световую проводку, развесил лампочки по всему лагерю и расконсервировал движок. Миссис Бринкли отобрала себе людей на кухню и задала всем работу. Джейми Макингоу отправился на разведку трассы будущего водопровода. Джо Шатлшо с группой помощников принялся сортировать части сборных домиков и готовить их к перевозке. Джереми Брэндон собрал и подготовил к работе бетономешалку. Все, включая детей, нашли себе работу по силам.

Так продолжалось шесть дней, за которые мы зверски вымотались. Но зато нам было уже чем похвалиться. Все были вобщем довольны тем, как идут дела, и чувствовали, что заслужили день отдыха, объявленный Уолтером.

Встал вопрос, как его провести. У Тома Коннинга не было на этот счет сомнений.

— Пора наконец посмотреть как следует, куда мы попали. Предлагаю забраться на гору, оттуда, думаю, уда-

стся рассмотреть весь остров. Есть желающие присоединиться ко мне?

Алисия Харди и четверо самых молодых колонистов сразу же приняли приглашение. Сын Джо Шатлшо Эндрю тоже поднял руку, но отец опустил ее за него. Мальчик бурно запротестовал.

— Отпусти его, Джо. Он нам не помешает, — сказал Том.

Я посмотрел на Камиллу.

— А вы? Я думал, вам давно не терпится разглядеть остров поближе.

— После недели таких трудов я не собираюсь тратить свой день отдыха на сомнительное удовольствие прорубаться сквозь заросли по заброшенным тропинкам. Я их видела. Сомневаюсь, что за весь день удастся одолеть больше половины пути. Кроме того, невозможно ничего разглядеть, когда все внимание отнимает бесконечная рубка сплетенных воедино лиан, кустов и прочего подлеска. Предлагаю провести это время с большим комфортом. Если Уолтер даст мне лодку, можно обогнуть остров и кое-где высадиться по пути.

Лодку ей дали. Уолтер тоже склонялся к тому, чтобы присоединиться к нам, но Чарлз убедил его остаться, чтобы вместе поработать над корректировкой планов.

На следующее утро, проводив в путь ощетинившуюся мачете группу разведчиков, мы спустили лодку на воду и тоже отправились в путешествие.

Нас было пятеро: Камилла, Дженнифер Дидз, Дэвид Кэмп, Джейми Макингоу и я. Так как западное побережье нам отчасти было уже знакомо по наблюдениям с палубы "Сюзанны Дингли" — она подходила к острову как раз с запада, — то мы решили двигаться в южном направлении, обогнуть южную оконечность и проплыть немного вдоль восточного побережья.

В пути случилась непредвиденная задержка. Оказалось, что рифовый барьер не шел кольцом вокруг острова, а смыкался с его южной оконечностью. Поэтому мы очутились в тупике, и пришлось более полумили плыть обратно вдоль рифа, прежде чем удалось отыскать удобный проход в открытое море. К счастью, погода была спокойная.

Мы снова повернули к востоку, держась на приличном расстоянии от рифа.

Сразу за гребнем южного мыса береговая линия совершенно изменилась. Ослепительно-белые пляжи сменились низкими базальтовыми скалами, местами поднимающимися прямо из воды, иногда отделенными от нее узкими полосками сероватого песка, а порой рассеченные длинными осыпями крупных камней, вдающимися в океан. Неровной стеной скалы тянулись в северном направлении, то вздымаясь на шестьдесят футов, то не превышая двадцати пяти, но, насколько мы могли видеть, — без перерыва. Их мрачный, недобрый вид усугубляло полное отсутствие движения — только волны бились об их подножия.

— Все-таки, почему здесь так мало птиц?.. — недоумевала Камилла.

— Не дай Бог потерпеть кораблекрушение у такого берега, — заметил Дэвид.

Лодка потихоньку двигалась дальше, а мы примолкли и присмирели.

Потом я заметил кое-что еще. На вершине скалистого плато растительность подступала к самому обрыву. Кусты и верхушки ближних деревьев можно было ясно различить, но контуры растущих сразу за ними расплывались, а вдали вся верхняя линия обрыва была окаймлена призрачно-белой полосой.

— Что бы это могло быть? — спросил я.

Камилла недоуменно пожала плечами.

— Может, какая-то болезнь? — предположила она.

В разговор вступила Дженнифер Дидз:

— Кажется, Уолтер упоминал о тумане, замеченном им с воздуха в восточной части острова.

— Может, сверху эта штука действительно походила на туман, — добавил Джейми Макингоу. — Но это не туман.

Ему никто не возразил. Легкий бриз развеял бы туман, а белесая пелена выглядела слишком неподвижной. Камилла достала полевой бинокль и некоторое время пристально изучала вершины скал, стараясь, насколько было возможно с покачивающейся лодки, разобраться в природе странного явления. Наконец она опустила бинокль:

— Не знаю. По-моему, пелена совсем не движется. Скорее всего, это какая-то болезнь. Можно ли подплыть ближе к берегу?

Джейми осторожно направил лодку в сторону скал, но и с более близкого расстояния яснее стало только, что пелена сделалась плотнее, чем вначале. Теперь в бинокль можно было разглядеть в ее гуще вспыхивающие тут и там радужные искорки.

— Я должна раздобыть образец этой штуки и исследовать его, — сказала Камилла.

— Тут надо быть альпинистом, — заметил Дэвид, глядя на проплывающие мимо скалы.

— Должны же эти скалы где-нибудь прерываться. Джейми, когда мы увидим какую-нибудь расселину, я попрошу вас пристать к берегу, — обратилась Камилла к Макингтоу.

Мы продолжали двигаться дальше. Примерно через полмили мы увидели заливчик ярдов шестидесяти в ширину. Скалы здесь были не выше тридцати пяти футов. Посреди залива их рассекала расщелина, по дну которой протекал небольшой ручей. По отвесным стенам расщелины забраться наверх было бы не легче, чем по скалам, обрывающимся в воду, но ручей нанес с собой песка и почвы, образовав в бухте узкую полоску пляжа, не затопляемого во время прилива. Там сбились вместе несколько кустов и невысокие деревца. Их вершины скрывала пелена таинственно застывшего тумана.

— Тут нам удастся добыть образец, — сказала Камилла. — Джейми, здесь можно высадиться?

Джейми оглядел серую песчаную полоску, окаймляющую берег заливчика. Неодобрительно что-то проворчал, но повернул лодку, сбавил ход и осторожно стал подходить к берегу. Дэвид лег на нос, свесился над водой и стал пристально вглядываться в прозрачную толщу, загородив глаза козырьком ладони.

— Дно песчаное, — сообщил он. — Выглядит ровным.

Джейми еще сбавил ход и, держась за рукоятку мотора, был готов в любую секунду дать задний ход. Но этого не понадобилось. Дэвид продолжал сообщать, что дно ровное и песчаное до самого берега. Здесь оно полого

поднималось. Мотор под рукой Джейми взревел в последний раз и замолк, когда нос лодки заскрипел по песку.

Тишина накрыла нас толстым одеялом. Она была настолько зловещей и неестественной, что все мы несколько мгновений даже не смели пошелохнуться. Мы сидели, глядя на мрачные скалы и серый песок пляжа, расстилающийся без единой отметины, если не считать полдюжины коричневых пятен, напоминающих кучки выброшенных на берег водорослей.

— Неприветливое место, — сказал Дэвид.

— Как последний тупик на краю света, — сказала Дженнифер и удивленно воскликнула, указывая на ближайшую кучку водорослей: — Смотрите! Она движется!

Мы все повернули в ту сторону. Коричневое пятно имело расплывчатые очертания, будто что-то разлили на песке. В самой широкой части оно достигало двух футов, а в длину — трех. Пятно определенно перемещалось. Медленно скользило вдоль берега по направлению к нам. С такого расстояния нельзя было различить никаких деталей. Пятно напоминало увеличенную стеклом микроскопа амебу, перетекающую с одного песчаного бугорка на другой.

— Что это такое? Мне это совсем не нравится, — встревожилась Дженнифер.

Дэвид рассмеялся. Он выпрыгнул из лодки и зашлепал по мелководью к берегу. И сразу же коричневое пятно задвигалось скорее, торопясь к нему навстречу почти со скоростью пешехода, вытягиваясь в длину при движении.

Дэвид приостановился, наблюдая за ним и немного наклонясь. Потом он снова рассмеялся, подбежал прямо к пятну и, перепрыгнув через него, устремился к кустам.

Коричневое пятно остановилось и, изменив направление движения, начало нагонять Дэвида.

— Посмотрите, крикнула Дженнифер, — другие тоже. Осторожнее, Дэвид!

Теперь и остальные пять или шесть пятен двигались по песку, быстро приближаясь к Дэвиду. Он оглянулся и увидел их. На секунду он приостановился, чтобы ободряюще помахать нам рукой, а потом побежал дальше, перепрыгнул еще через одно зашедшее спереди и уже поравняв-

шееся с ним пятно. Оно тоже переменило направление, чтобы следовать за Дэвидом.

Мы видели, как он добежал до кустов и подпрыгнул, чтобы ухватить немного окутывающего их "тумана".

Невозможно точно сказать, что произошло дальше. То он был виден целиком, а в следующее мгновение что-то будто упало на него сверху, наполовину скрыв всю его фигуру.

Раздался крик. Его эхо еще не стихло над спокойной водой залива, а Дэвид уже повернулся и ринулся назад к нам. Его голову и плечи облепила коричневая масса, свалившаяся на него с куста. Он изо всех сил мчался к воде, вбежал в нее, потом споткнулся и с громким всплеском упал в воду в нескольких футах от нас.

Мы с Джейми выпрыгнули из лодки и бросились к нему на помощь. Пока мы преодолели разделяющие нас футы, коричневая масса сползла с него, рассыпалась на множество шариков, которые смыло набегающей волной. Мы перевернули Дэвида на спину. А пока тащили обратно в лодку, я успел заметить, как страшно побагровело его лицо. Потом мы сами перелезли через борт, стараясь отдышаться, а Дженнифер тем временем осматривала неподвижно лежащего на дне лодки Дэвида.

Наконец она подняла голову. Потрясенно, как бы не веря самой себе, она сказала:

— Он умер. Дэвид умер.

Мы не заметили, когда Камилла вылезла из лодки. Вернулась она, держа в руке что-то, завернутое в носовой платок, как раз когда Дженнифер констатировала смерть Дэвида. Камилла аккуратно положила платок в уголок одной из скамеек, потом забралась в лодку и наклонилась к Дэвиду.

— Да. Он мертв, — подтвердила она, продолжая пристально вглядываться в его побагровевшее лицо.

Дженнифер отвернулась.

— Если бы вам так не понадобилось узнать, что это за пелена... — начала она, но ее голос прервался.

— Если бы Дэвид не отправился это выяснить, мы теперь могли бы все вот так лежать здесь, — ответила Камилла.

Она обвела взглядом берег. Большинство коричневых пятен теперь застыли на месте, только одно или два еще едва заметно двигались, отползая от кромки воды.

Джейми занялся мотором.

— Лучше отвезем его обратно, — сказал он и нажал на стартер.

На лице Камиллы можно было прочитать мрачную сосредоточенность, когда она провожала взглядом удаляющиеся скалы и выступающие из -за их края деревья, вершины которых покрывала белесая пелена. И когда мы вышли в открытое море и направились в обратный путь, она оставалась все такой же сосредоточенной на своих мыслях. Я предложил ей сигарету. Она взяла и машинально закурила. Только выкурив ее до конца и бросив окурок за борт, она решила заговорить. И сказала только:

— Я не понимаю — просто ничего не понимаю.

— Мы должны были любым способом раздобыть образец, — сказал я.

Она непонимающе посмотрела на меня.

— Образец этой туманной пелены, — пояснил я.

— А, это, — сказала она.

— Но, по крайней мере, я думал, что вам именно этого хотелось.

— Что это такое... я знаю.

— Так что же это?

— Это паутина — просто сплетенная пауками паутина.

Я повернулся и посмотрел на берег. На белесую пелену, покрывающую деревья сверху. И ужаснулся от одной мысли.

— Но это же невозможно. Столько паутины. Потребовались бы миллиарды, биллионы пауков... Нет, не могу поверить... Это немыслимо...

— И тем не менее это так, — сказала она. Опустив руку, она подняла со своей скамьи маленький узелок и осторожно развернула сложенные углы носового платка.

— Вот они. Вот кто причина всему.

Я посмотрел на содержимое платка. Шесть пауков с плотно подтянутыми к телу в смертельной судороге лапами. Она перевернула пальцем одного из них, чтобы я мог рассмотреть его спину.

Это был совсем небольшой паук — особенно по тропическим меркам. Не больше дюйма в длину. На спине

его на ржаво-коричневом фоне виднелся темно-коричневый узор. Паук казался очень безобидным.

Я снова поднял глаза к вершине скалистого обрыва, покачал головой и повторил:

— Не могу в это поверить.

— Это они, — если только здесь не водится еще один вид, — уверила меня Камилла. — Но во всяком случае именно они погубили Дэвида.

Я уставился на дохлого паука. Я слышал, что пауки бывают ядовиты, но считал, что тогда они должны быть огромными, с длинными волосатыми ногами, гораздо больше этого. Я никак не мог поверить.

— А что это за паук? — спросил я ее.

Она пожала плечами.

— Тут надо быть специалистом. Это взрослая особь, самка. Класс: паукообразные. Отряд: пауки. Подотряд: двулегочные пауки. Словом, это настоящий паук.

— Это и мне понятно, — сказал я.

— Большего я не могу сказать, — ответила Камилла. — Скорее всего, у него есть название. Но если учесть, что только на территории Англии обитает шестьсот видов пауков и Бог знает, сколько их водится в здешних краях, то требовать точного определения вида — немного слишком. Поэтому здесь нужен специалист, как я и сказала. Я могу только добавить, что, судя по его строению, это совершенно обычный паук. Когда доберемся до лагеря, я рассмотрю его под микроскопом.

— Но он ядовит? В этом вы уверены? — настаивал я.

— Все пауки ядовиты, — сказала она. — А опасны ли они для человека — зависит от того, достаточно ли у них силы, чтобы прокусить нашу кожу, от состава их яда и его количества.

К нам присоединилась Дженнифер, которая с выражением ужаса на лице завороженно смотрела на пауков, лежащих на платке Камиллы.

— Эти, наверно, очень ядовиты. Как черная вдова или тарантул, — сказала она, содрогнувшись.

— Не думаю, в противном случае, они были бы столь печально знамениты, хотя насчет тарантула все сильно преувеличено, — возразила Камилла.

— Судя по тому, что вы нам рассказывали, я считала, что насекомые и паразиты как раз по вашей части, — сказала Дженнифер.

— Это верно, — спокойно согласилась Камилла. — Но пауки не насекомые, хотя некоторые из них и могут быть паразитами. А все остальные, как я уже говорила, за пределами круга моих занятий. — Она снова посмотрела на мертвых пауков. — Тем не менее, я могу сказать, что укус одного из них, так как они могут прокусывать кожу, скорее всего вызовет жжение, место укуса воспалится, но вряд ли серьезно.

— Если не считать, что от этого погиб Дэвид, — с горечью бросила Дженнифер.

— Вот именно. Если двести или триста ядовитых укусов будут нанесены одновременно, то, конечно, это все изменит. И как раз этого я и не понимаю, — повторила Камилла, тряхнув головой.

Она открутила от бинокля увеличительную линзу и стала внимательно разглядывать через нее одного из пауков. Спустя некоторое время она сказала:

— Не нахожу ничего особенного. Восемь глаз, хелицеры, как и можно было ожидать, достаточно сильные, чтобы прокусить кожу человека, шесть паутинных бородавок. На вид — совершенно обычный паук. — Она продолжала задумчиво смотреть на него. — О пауках я знаю так мало потому, что этот отряд не относится к паразитам. А то их изучали бы гораздо лучше. Они редко представляют опасность для человека, применения им пока никакого не нашли, и поэтому занимаются ими только считанные специалисты. В обычных условиях интересы человека и пауков редко сталкиваются. К нашей выгоде они уничтожают массу насекомых, которые иначе стали бы вредить нашим посевам и посадкам, но в остальном мы почти не соприкасаемся, как бы живем в разных измерениях. Они идут своей дорогой, мы — своей, и только случайно иногда наталкиваемся на них. Почти безупречное сосуществование — вот почему я и удивляюсь...

— Насекомые, — вдруг вспомнив, сказал я. — Ведь их тут немного. Я думал, острова в этих краях кишат ими.

— А я ожидала увидеть больше цветов, — вставила Дженнифер. — Но если нет насекомых, чтобы их опылять...

— А я начинаю понимать, что случилось с птицами, — сказала Камилла.

ГЛАВА V

Я надеялся, что удастся пристать незаметно и посоветоваться с Уолтером или Чарлзом, как поступить с телом Дэвида, но вышло совсем иначе. Несколько человек в лагере не были ничем заняты и прогуливались по берегу, а когда увидели нашу лодку, то подошли поприветствовать прибывших — и тут уже ничего нельзя было скрыть. Одного из встречавших мы послали за одеялом, чтобы прикрыть тело, а пока отнесли его к штабелям ящиков и обернули мешком. Потом мы с Джейми пошли искать Уолтера. Нашли его в палатке-штабе вместе с Чарлзом. Нам они не поверили и отправились с нами, чтобы увидеть все своими глазами.

— Пауки! — воскликнул Уолтер. — Совершенно невероятно. — Что это за пауки?

Мы объяснили, что у Камиллы есть несколько экземпляров. Ее мы обнаружили под брезентовым навесом — она поставила на стол микроскоп и внимательно разглядывала через трубку одного из пауков.

— Не могу найти ничего необычного, — сказала она нам. — Выглядит абсолютно нормально, хотя, к какому конкретно виду он принадлежит, я определить не могу, — их существует слишком много. Попытаюсь препарировать одного; правда, это очень тонкая процедура, могу и не справиться. Буду все же удивлена, если что -то удастся обнаружить — увеличенные ядовитые железы или что-нибудь в этом роде. Думаю, смертельными их укусы оказались только из-за огромного количества.

— Их было много? — спросил Уолтер.

— Они как бы упали на него сплошной массой, невозможно было определить точно, сколько их было, — ответила Камилла.

— В каждом из тех скоплений на берегу их могло быть по нескольку сотен, — вставил я. — Хотя, конечно, тогда мы не знали, что это были за перемещающиеся коричневые пятна — различить, из чего они состоят, было нельзя.

— Вы считаете, что они сильно расплодились тут на острове? — спросил Уолтер.

— Расплодились — не то слово, — ответила Камилла. — Помните затянутые туманом области, о которых вы упоминали в отчете? — Она рассказала о той массе паутины, которую мы видели с моря. — А насколько вглубь острова тянутся покрытые паутиной леса — неизвестно, — заключила она.

Уолтер посмотрел на валявшихся на столе дохлых пауков.

— Мне это представляется невозможным. Никогда не слыхал, чтобы пауки вели себя подобным образом.

— Именно это и волнует меня, — ответила Камилла. — Совершенно точно известно, что пауки себя так никогда не ведут. Есть класс пауков-охотников, но стаями они не охотятся — это вполне определенно. Да и ничего другого пауки не делают сообща...

Уолтер некоторое время оставался в задумчивости, и вдруг по его лицу пробежала тень.

— Наша разведывательная экспедиция еще не вернулась, — с тревогой в голосе сказал он.

Солнце село, а она так и не показалась.

Все в лагере были подавлены тяжелыми предчувствиями. Особенно беспокоился Джо Шатлшо. Он все время подходил к прогалу в кустах, где исчезли ушедшие, начав прорубаться сквозь заросли на одной из бывших троп. Он подносил сложенные руки ко рту и звал мальчика во всю силу своих легких. Потом замолкал и долго вслушивался, ожидая ответный крик, и все мы слушали вместе с ним. Но кругом стояла тишина. Он пробовал снова и снова, но так же безрезультатно. После каждой попытки он брел по берегу обратно к лагерю и садился, кусая ногти, рядом с женой.

— Я не должен был позволять ему идти. Я же говорил ему не ходить, — время от времени негромко повторял он.

Сначала Чарлз пытался приободрить его.

— Может, они слишком далеко ушли. Не рассчитали время, чтобы вернуться засветло. А в темноте оказалось трудно идти, — предположил он.

Но когда после захода солнца прошло уже два часа, он перестал убеждать нас. Все сидели, почти не разговаривая, и каждый раз, когда Джо кричал в густую темноту зарослей, напряженно вслушивались, все больше теряли надежду услышать ответ.

Еще через час Джо снова подошел к костру, который мы поддерживали в качестве маяка, и с горечью спросил:

— Кто-нибудь собирается что-нибудь делать? Там мой мальчик. Пусть кто-нибудь из вас пойдет со мной и поможет мне его найти.

Он стоял, обводя нас взглядом. Никто не пошевельнулся.

— Ну, ладно. Тогда я пойду один, — сказал он.

— Нет, Джо, нет, — простонала его жена.

— Ну-ну, Джо, — сказал Уолтер. — В темноте ты тут далеко не уйдешь. Вполне вероятно, что они это поняли и решили заночевать где-то по дороге.

— Вы и сами в это не верите, разве не так? — бросил Джо.

— Я на это надеюсь, — ответил Уолтер. — Если я ошибаюсь и они попали в беду, то нам бросаться вперед наобум, чтобы столкнуться с той же опасностью, неразумно, особенно в темноте. Придется подождать до утра.

Джо остановился в нерешительности, жена нервно теребила его за рукав. Потом снова посмотрел в темноту. И сел, переведя безутешный остановившийся взгляд на пламя костра.

Детям мы ничего не сказали о смерти Дэвида. Теперь Хлоя, старшая девочка Бринкли, спросила:

— А какая опасность, папа?

Чарлз уклончиво ответил:

— Уолтер только сказал, "если" они столкнулись с какой-то опасностью, девочка моя. Понимаешь, мы ведь еще очень немного знаем об острове. Тут могут быть, змеи или другие животные, поэтому и надо быть осторожными.

— А-а, а я думала, вы говорите о черных людях.

— Ну почему ты так подумала? — удивленно спросил Чарлз. — Они были совершенно безобидными. Да и все уехали назад домой на корабле.

— Ну, тогда, наверно, это были другие черные люди, — сказала Хлоя.

Чарлз внимательно посмотрел на дочь.

— Какие — другие?

— Ну, те, которых мы с Питером видели сегодня днем, — ответила она.

Чарлз поглядел на нее еще внимательнее и потом перевел вопросительный взгляд на сына. Питер кивнул.

— Да, — сказал он. — На них совсем ничего не было надето, и они все блестели.

Чарлз нахмурился.

— Где это было?

— Мы пошли посмотреть на строящиеся дома, и нам стало очень жарко, поэтому мы отошли в тень и сели под какими-то деревьями, а пока мы там сидели, они вышли из-за деревьев впереди.

— Сколько их было?

— Только двое.

— Что они делали?

— Ничего. Они просто постояли под деревьями, посмотрели на дома и снова спрятались.

Уолтер наклонился к детям, пристально глядя им в глаза:

— Вы совершенно в этом уверены?

— Да-да, — подтвердила Хлоя. — Питер их первый увидел. Головы и плечи над кустами. Он показал мне, тогда я тоже увидела.

Уолтер оглядел сидевших вокруг костра.

— Видел ли еще кто-нибудь этих людей или оставленные ими следы?

Никто не ответил. Только отрицательно покачали головами.

— Их определенно тут не было, когда мы высадились. Иначе бы мы заметили хоть какие-то следы их пребывания. Догадался ли кто-нибудь пересчитать островитян, когда они перед отправкой обратно поднимались на борт?

— Наверно, все мы подумали, что это дело капитана, — ответил Чарлз.

Все молчали в раздумье, пока Джейми Макингоу не задал возникший у каждого в мозгу вопрос:

— А если остался кто-то из прибывших вместе с нами, то для чего они это сделали?

Ответа никто дать не мог, и он так и повис в воздухе, усугубляя атмосферу все сгущающейся тревоги.

Утром мы вырыли могилу и опустили в нее тело Дэвида. Чарлз прочел короткую молитву, и тело забросали землей.

Экспедиция так и не появилась.

Джо Шатлшо продолжал настаивать на организации поисков. Но добровольцы не вызывались. Уолтер, поддерживаемый Чарлзом, все тянул и тянул с решением.

— Бессмысленно кидаться вперед без оглядки, пока мы не узнаем больше об угрожающей нам опасности. То, что случилось с группой из семи человек — если это так, в чем мы еще не можем быть уверены, — без труда справится и со следующими семерыми или с большим количеством людей. В этих условиях наилучшим решением будет продолжать работу.

Эти слова не вызвали особого энтузиазма.

Выход предложила Камилла. Она решительно обратилась к Уолтеру:

— Джо прав. Мы не можем просто ждать, ничего не предпринимая. Необходимо отправиться на поиски. У меня есть одна мысль, которую хотелось бы проверить. Для начала, есть ли у нас какой- нибудь инсектицид?

— Несколько бочек разных сортов и марок, — сказал он.

— А распылители?

— Должно быть, штук двадцать или сорок, — но...

— Хорошо, — перебила она. — Тогда я предлагаю попробовать вот что...

К полудню они с Джо снарядились в дорогу. Оба были в перчатках и одеты в брюки, заправленные в сапоги, и в застегнутые до самого верха рубашки с длинными рукавами. На головах — широкополые шляпы, грубо сплетенные из расщепленных стеблей тростника и пальмовых листьев. На шляпы, как у пчеловодов, были наброшены сложенные вдвое москитные сетки, свободные концы которых были заправлены за ворот рубашки. У пояса висели мачете, а в руках они держали пульверизаторы, с помощью которых уже щедро обработали друг друга.

— Не то, чтобы инсектицид особенно повредил паукам, — сказала Камилла, — но у них чувствительные лапы, и вкус препарата им не понравится, поэтому они будут обходить нас стороной.

Прежде чем отправится в путь, они доверху наполнили свои пульверизаторы. Джо привесил к поясу про запас еще одну канистру с инсектицидом. Чарлз отозвал Камиллу в сторонку и, остановившись за углом одного из контейнеров, сунул руку в карман, потом протянул Камилле.

— Вы умеете им пользоваться? — спросил он.

Она посмотрела на револьвер, лежащий у нее на ладони.

— Да, но... — хотела возразить она.

— Тогда лучше возьмите. Ведь мы не уверены, что опасность нам грозит только со стороны пауков. Но не потеряйте, он может нам еще пригодиться.

Камилла поколебалась немного, но потом сказала:

— Хорошо. Спасибо. — И положила револьвер в карман.

Все вместе мы проводили их до начала тропы, по которой ушла наша экспедиция разведчиков, а потом смотрели им вслед, пока они не скрылись за поворотом.

Что касается меня, то я чувствовал себя довольно жалким. Думаю, что и Уолтер испытывал сходное чувство. Он сказал, как бы оправдываясь:

— Все-таки это была ее идея... И она, конечно, права, надо было идти на поиски... Но мы не можем себе позволить рисковать жизнью людей сверх необходимого...

Камилла вернулась через четыре часа. Она прошла уже половину расстояния между деревьями и лагерем, прежде чем мы ее заметили. Она шла медленно, держа шляпу с сеткой в опущенной руке. Мы кинулись ей навстречу.

— Где Джо? — закричала миссис Шатлшо.

— Идет, — ответила Камилла, махнув рукой куда-то назад.

— Вы их нашли? — спросил Уолтер.

Она посмотрела на него пустыми глазами. Потом медленно кивнула.

— Да... Мы их нашли... — сказала она.

Сомнений в смысле сказанного не оставалось. Она казалась полностью ушедшей в себя. Я взглянул на Уолтера

и повел ее за руку к лагерю. Уолтер пока задержался, чтобы успокоить остальных. Когда он присоединился к нам, я уже усадил ее на стул и дал крепкого бренди.

— Они все были мертвы? — спросил он.

Она кивнула, секунду глядела в свой стакан и допила.

— Они прошли примерно полторы мили, — сказала она.

— Пауки? — спросил Уолтер.

Камилла снова кивнула.

— Их покрывали мириады пауков, — ее передернуло. — Джо хотел найти своего мальчика. Он начал поливать их инсектицидом. Это было ужасно. Я ушла оттуда...

— Они не нападали на вас? — спросил Уолтер.

— Пытались. Сотни их ринулись к нам и начали взбираться по ногам, но им это не понравилось. Скоро они отцепились и ссыпались на землю. Другие падали на нас с нависающих ветвей, но и они вскоре тоже ссыпались. — Она тряхнула головой. — Все новые и новые пытались до нас добраться. Их было сотни тысяч. У тех, других, не было никаких шансов спастись. Все, должно быть, закончилось быстро — как с Дэвидом...

Снаружи послышались голоса. Выглянул Уолтер.

— Это Джо, — сказал он и вышел.

Я подошел ко входу в палатку. Там, у начала тропы, я различил фигуру человека, несущего что-то на руках. Позади себя я услышал голос Камиллы:

— Я пыталась отговорить его. Какой смысл?..

Я налил ей еще бренди. Судя по ее виду, это ей было не лишне. Через десять минут немного отойдя, она сказала:

— Нам лучше пойти к ним.

Они были там, где мы и ожидали их найти. Четверо мужчин копали могилу рядом с местом, где был похоронен Дэвид. Джо Шатлшо сидел на поваленном дереве немного поодаль, совершенно опустошенный. Жена стояла на коленях подле него, обхватив его руками, по щекам ее катились слезы. Казалось, он не видит ее. Его ноша лежала рядом, на земле, теперь покрытая одеялом. Глаза Джо ни на секунду не отрывались от этого свертка. Потрясенные, все молча стояли вокруг.

Чарлз снова прочитал молитву и включил в нее имена остальных шестерых, отправившихся вглубь острова. Одно-

го взгляда на тело Эндрю Шатлшо было достаточно, чтобы отказаться от всяких попыток принести и похоронить тела остальных. Потом мы разошлись, на душе у всех было тяжело.

Вечером этого же дня к Уолтеру явилась делегация. В нее входили Джо Шатлшо с женой и Джереми Брэндон, решившие отказаться от дальнейшего участия в Проекте. Они потребовали послать на "Сюзанну Дингли", сообщение, чтобы корабль вернулся и забрал их и всех тех, кто еще захочет оставить остров. После захода в Уияньи, он, по их мнению, еще не мог далеко уйти. Ну, а если вернуть его уже нельзя, то в самом Уияньи, без сомнения, найдется какое-нибудь суденышко, чтобы отвезти их хотя бы туда.

Уолтер, который до сих пор откладывал неприятную новость о том, что радиопередатчик выведен из строя, теперь вынужден был объяснить им все как есть. Джо вышел из себя и отказывался верить словам, пока ему не показали остатки передатчика. Увидев, что исправить ничего уже невозможно, Джо накинулся на Уолтера, обвиняя его в намеренной порче передатчика, чтобы никому не удалось покинуть остров и его драгоценный Проект.

Тут в качестве поддержки был призван Чарлз. И ему через некоторое время удалось, если не привести членов делегации в чувство, то по крайней мере вразумить настолько, что они мирно удалились, чтобы обдумать все между собой.

На следующее утро, чтобы предотвратить назревающий бунт, Чарлз созвал всех вместе и без прикрас обрисовал перед нами сложившуюся ситуацию. А она была такова, что мы остались отрезанными от внешнего мира по меньшей мере на шесть месяцев. Если по возвращении корабля кто-то захочет уехать — никто не станет чинить ему препятствий. А пока все будет зависеть от наших собственных сил. Занятая пауками область начиналась, похоже, не ближе полутора миль от лагеря. Никто не может сказать, насколько быстро она будет расширяться и будет ли расширяться вообще, но разумнее все-таки предположить, что будет.

Тогда наиболее очевидный путь — ускорить постройку сборных домов. Чем скорее они будут готовы, тем скорее

у нас будет достаточно надежное убежище от пауков. Кроме того, теперешнее временное жилье не сможет нас защитить ни от дождей, ни от штормов, когда наступит сезон дождей.

Если мы будем ссориться и искать виноватых, то ничего хорошего не достигнем. Мы все оказались в одной лодке. Выживем ли — зависит от того, как будет работать каждый из нас. Задержка была вызвана совершенно непредвиденными обстоятельствами. Теперь, когда мы знаем, в чем заключается опасность, нам не надо бояться внезапного нападения и можно позаботиться о защите.

В качестве первого шага он предложил создать барьер против пауков. Для этого можно бульдозером расчистить двухметровую полосу вокруг лагеря и поселка. По периметру этой полосы будут расставлены разбрызгиватели, наполненные инсектицидом. Как только патруль, который постоянно будет наблюдать за окружающими зарослями, заметит малейшие признаки приближения пауков, по тревоге вся полоса будет опрыснута инсектицидом. Как показала нам Камилла, он эффективно отпугивает пауков, которые, таким образом, не смогут преодолеть наш барьер. Это будет первая линия обороны, но даже если она окажется надежной на все сто процентов, все же только дома, когда они будут завершены, дадут нам ощущение полной безопасности.

Еще он посоветовал каждому соорудить себе такое же облачение, что надевали Камилла и Джо, и поскорее привыкнуть не выходить за защитную полосу без него.

Надо признаться, Чарлз хорошо постарался. Благодаря ему пауки перестали вызывать панический ужас. Возникло ощущение, что даже таких необычных паразитов можно держать на расстоянии, а то и победить своим трудом и смекалкой. Чарлз излучал уверенность. Мы отправились на свои рабочие места со значительно поднятым духом. Вечером Камилла отыскала меня.

— Привет, — сказал я. — Не заметил вас сегодня среди работающих. Где вы были?

— Наблюдала за пауками, — ответила она. — Меня только что отчитал Уолтер. Не само занятие — он согласен, что, чем больше мы будем знать об их повадках, тем

лучше удастся с ними справиться. Его раздосадовало, что я хожу в одиночку.

— И вполне справедливо, — согласился я. — Это было на редкость неразумно с вашей стороны. Вдруг бы вы сломали ногу или просто растянули лодыжку? Никто бы не знал, где вас искать.

— Примерно так он мне и сказал. Я пообещала, что без провожатого больше никуда не пойду. Но тут встает вопрос: вот вы ведь, например, не захотите сегодня пойти со мной?

Я не ожидал такого поворота. И несколько оторопел.

— Ну... — замялся я.

— Ничего. Вы вовсе не обязаны это делать, — сказала она.

— Нет, я пойду, — решился я. — Что мне понадобится?

— Такое же облачение, как и у меня и Джо. Пульверизатор. Бинокль.

— Хорошо. Теперь покажите мне, как плести шляпу.

Мы отправились в путь на следующее утро, неся пока шляпы в руках. Километра три-четыре мы могли идти вдоль берега, держась почти самой воды, где песок был плотным и шагать было легко. Так мы дошли до первых скал, замыкающих лагуну. Они были невысоки, и мы на них взобрались. Наверху идти было труднее, временами приходилось останавливаться и прорубаться сквозь густой кустарник. Хотя паутины еще не было видно, Камилла решила, что пора надевать шляпы с сеткой и обрызгаться инсектицидом.

— Насколько я могу пока судить, — сказала она, — область, покрытая паутиной, — это завоеванная и освоенная пауками территория с напором популяции, направленном вовне. Между этой областью и нами полоса ничейной земли, по которой шныряют бродячие стаи пауков. Это как бы передовые отряды, постепенно отвоевывающие новые земли, пока территория позади них заселяется. Одна из наших задач — определить каким-то образом среднюю скорость этого продвижения. Тогда мы сможем посчитать, сколько у нас останется времени для подготовки. Или, может, нам самим стоит продвинуться на север, чтобы таким образом выиграть время.

— Это нелегко будет сделать, — сказал я. — Нас сковывают наши припасы. Их не удастся далеко перенести.

— Тогда, скорее всего, лучше сосредоточиться на варианте обороны, — согласилась она. — Но все равно будет лучше, если мы уточним сроки подготовки рубежей.

Наконец мы вышли из кустов на скалистое плато. Оттуда открылся лучший вид на побережье впереди и на склон южной вершины двуглавой горы; мы сели, с замиранием сердца разглядывая открывшуюся панораму.

Где точно начиналась область, затянутая паутиной, определить было невозможно. Паутина сначала ложилась на деревья и кусты невесомой полупрозрачной дымкой, которая примерно в миле от берега сгущалась настолько, что становилась похожа на сплошное покрывало, задергивающее весь пейзаж до самой горы и даже склон горы до середины — как будто тут вдруг выпал слой желтоватого снега. Или, скорее, неровные очертания скрытых под паутиной деревьев делали панораму более похожей на облачное небо под крылом самолета. Местами оно искрилось в лучах солнца... Мы продолжали молча разглядывать эту картину еще около минуты. Мой разум отказывался представить те неисчислимые миллионы пауков, которые плели эту расползающуюся во все стороны сеть. Первой заговорила Камилла, сразу сбив меня с этой ни к чему хорошему не ведущей линии размышлений:

— Ну как насчет естественного баланса? — заметила она.

Мы пошли дальше. На кустах еще почти не было паутины, но уже стали попадаться стаи пауков-охотников. Первую я заметил, только когда она уже нападала на меня. Она появилась слева из-за кустов, и не успел я опомниться, как пауки уже оказались около самых ног. Я отпрянул. Но услышал спокойный голос Камиллы позади:

— Не волнуйтесь. Они не тронут вас.

Она оказалась права. Пауки волной захлестнули мои сапоги, несколько побежали вверх по ноге, но добежав до колена, вдруг потеряли всякий интерес, спрыгнули вниз и отбежали в сторону. Скоро отступили и остальные.

— Пауки ощущают запахи и вкус своими ногами, и им эта штука, которой они пропитались, совсем не по нраву, — пояснила Камилла.

Успокоенный я двинулся дальше. Мы повстречались еще с дюжиной или около того стай, но все они, охладев к нам, отступили. Вскоре мы вышли на новое плато, с которого открывался вид на небольшой залив, окаймленный линией песчаного пляжа. Помню, что заметил это место еще с моря как последний участок берега, одетый лесом, перед началом сплошной скальной стены. Кусты и редкие деревья спускались к самому песку, уже приобретшему сероватый оттенок, которого на нашей стороне острова не было. В семи-восьми местах на песке виднелись знакомые коричневые пятна.

— Ага, — удовлетворенно сказала Камилла.

На нашем плато пауков вроде бы не было, поэтому мы сели и достали бинокли.

И с помощью бинокля я увидел немногим больше. Стаи пауков были так однородны и сплочены, что разглядеть отдельных особей было невозможно. Я наводил бинокль то на одно, то на другое скопление, но все они казались одинаковыми и неподвижными. Опустив бинокль, я вдруг услышал приглушенный возглас Камиллы. Только я собирался проследить направление ее взгляда, как вдруг мое внимание привлекло одно из пятен, пришедшее в движение. Снова поднеся бинокль к глазам, я увидел, что оно все такой же монолитной группой движется под углом вниз к воде.

— Что-то их потревожило, — сказал я, когда заметил, что и второе пятно переместилось.

— Вон тот краб, — сказала Камилла. — Посмотрите, под самыми деревьями.

И сфокусировала свой бинокль на видневшейся там черной точке и убедился, что это действительно краб. Он был примерно в пяти футах от деревьев и боком пробирался к воде. Ниже, впереди него, наперехват, двигались два пятна, стремящиеся отрезать его от воды. Краб повернул, и через несколько секунд оба пятна тоже изменили направление, и на этот раз тоже явно двигались наперерез.

Вдруг краб остановился и застыл в позе обороны, подняв вверх свои клешни. Обе группы пауков сначала продолжали двигаться в прежнем направлении, но через некоторое время сбавили скорость, а затем совсем остановились в нескольких футах друг от друга. Краб снова

устремился к воде, теперь под другим углом. Возможно, ему и удалось бы до нее добраться, потому что бежал он немного быстрее пауков, но на этот раз пришла в движение третья группа, готовая перехватить его и на этом новом направлении. Казалось, он не замечал ее, пока почти не натолкнулся на пауков. В последний момент он снова попытался увернуться, но было слишком поздно. Пауки набросились на него. Он еще пробежал около метра, потом замедлил бег, остановился, и масса пауков скрыла его от наших глаз.

Камилла опустила бинокль.

— Поучительно, — сказала она. — По-видимому, их максимальная скорость передвижения группой около четырех миль в час. Зрение неважное, как и у большинства пауков. Вы заметили как они потеряли краба из виду, когда он остановился? Они рассчитывали, куда он направлялся и двинулись ему наперерез. Это интереснее всего — показывает, что они все вместе знали, что он будет пробираться к воде. А когда он переменил направление, то же самое через несколько секунд сделали они, — и опять готовы были его перехватить. Очень любопытно...

Но удивительно, что они вообще смогли убить краба, ведь он одет в броню со всех сторон, — и так быстро, дав ему пробежать только два фута. Они, конечно, добирались до глаз и еще, возможно, суставов, хотя вряд ли...

Она немного поразмыслила, потом снова поднесла к глазам бинокль и направила его на ближайшую группу, которую изучала до инцидента с крабом. Мы оба молча понаблюдали некоторое время за этой группой. Эти пауки никуда не перемещались, хотя и не были неподвижны, как остальные группы, — в их гуще было заметно бурлящее непрерывное движение, как и в группе, расправлявшейся с крабом.

— Может, они тоже поймали краба, — помолчав, предположил я.

Было уже около одиннадцати утра. Так как мы вышли очень рано, уже хотелось есть. Я вынул из своего рюкзака несколько бутербродов и предложил Камилле. Жуя бутерброды, мы все продолжали наблюдать за происходящим на берегу.

День выдался теплым — слишком теплым, чтобы можно было удобно себя чувствовать в нашем облачении, но я не испытывал ни малейшего желания снять какую-либо часть туалета, предохраняющую от нападения пауков, потому что здесь бродячая стая могла появиться в любой момент. Я только позволил себе приподнять сетку на поля шляпы, откуда можно было сбросить ее в любой момент. Шляпа на голове оказалась очень даже кстати, потому что солнце щедро изливало свои лучи с безоблачного неба. Я жаждал прохлады от ветерка, но до нас не долетало ни дуновения.

Камилла, которая теперь смотрела уже не на залив, а на бескрайнее покрывало паутины впереди, вдруг вскрикнула, схватилась за бинокль. Я сначала не мог понять, что она там заметила, а потом заметил поднимающуюся из белой толщи прозрачную колонну. Ее можно было разглядеть только на голубом фоне неба, да и то казалась она настолько бесплотной, что трудно было сказать — есть она или только почудилось. Камилла запрокинула голову, пытаясь найти вершину этой колонны. Я тоже взял бинокль, отыскал в него колонну, зыбкие очертания которой уходили на огромную высоту, но так и не смог понять, что же это такое. Предположил было, что это пар от гейзера, но почти сразу понял, что в таком случае колонна бы достигла не более полутора сотен футов в высоту. Потом я заметил еще одну прозрачную колонну, растущую несколько дальше. У нее вырисовывался явный изгиб примерно на высоте тысячи футов, но потом она выравнивалась и вздымалась еще выше. Проведя биноклем вдоль горизонта я обнаружил вдали еще три колонны и совсем призрачные силуэты еще нескольких, в чем впрочем, трудно было быть уверенным. Опустив бинокль, я снова воззрился на белое покрывало.

— Должно быть, мы ошиблись, и это не паутина. Это нечто испаряющееся, — сказал я.

Камилла отрицательно покачала головой.

— Нет, именно паутина. А это, — она указала на ближайшую колонну, — эмиграция. Пауки на экспорт. Они нашли восходящий поток воздуха и поднимаются вместе с ним. Миллионы паучат отправляются заселять большой мир.

— Но пауки ведь не могут летать, — изумился я.

— При подходящих условиях могут — паучата летают. Паутина — чудесная штука. Разве вы не читали "Путешествие на "Бигле"?" Помните, как они однажды проснулись, когда корабль был в открытом море за сотни миль от суши, и обнаружили, что вся палуба и рангоут усеяны маленькими паучатами?

В один прекрасный и тихий день паучата взбираются куда-нибудь повыше — на вершину дерева, куста, может сгодиться и травинка, — выпускают шелковую паутинку в несколько дюймов длиной и ждут. Раньше или позже паутинку подхватывает восходящий поток воздуха и поднимает их вместе с ней. Они летят подобно планеру, возносимые теплым воздухом. И подняться могут до двадцати или более тысяч футов. Вот это мы и видим.

Я посмотрел на призрачные колонны и попытался это себе представить. Миллионы и миллионы паучков, отрывающихся от земли и кидающихся в беспредельное открытое пространство в надежде, что ветер отнесет их с острова на новые земли.

— Они все упадут в море, — сказал я.

— Девяносто девять и девяносто девять сотых процента действительно упадет, — согласилась она, — но что это значит при их плодовитости? Некоторые уцелеют и начнут размножаться. — Она снова взглянула на колонны. — К счастью, они поднимаются высоко, а вверху ветер дует на восток. И, как мне кажется, в здешних местах это преобладающее направление ветров, из-за чего наша сторона острова остается свободной от пауков, а то бы они уже захватили остров целиком.

Когда она кончила свою речь, я краем глаза заметил какое-то движение слева на краю прогалины. Камилла тоже его заметила. Из жесткой травы появилась группа пауков и направилась к нам. Я начал было вставать, но Камилла остановила меня.

— Не шевелитесь, и они нас не заметят. Вспомните краба, — сказала она и продолжала невозмутимо наблюдать за ними. Я мог только позавидовать ее спокойствию.

В той группе было около трехсот или четырехсот пауков. Впервые мы могли так близко рассматривать их в движении, но не в нападении. Правда, и теперь различить

отдельных особей было трудно. Они двигались с такой слаженностью, так прижимаясь друг к другу, что непонятно, как им хватало места переставлять ноги. Даже вблизи они выглядели как текучая масса.

Мы сидели у них прямо на дороге. Если бы я был один, то конечно же убрался побыстрее. Камилла, находившаяся к ним ближе меня, продолжала с интересом разглядывать их.

Сантиметрах в десяти от ее ноги вся группа остановилась. Такая мгновенная остановка напомнила мне хорошо вымуштрованный взвод солдат, застывающий по стойке "смирно". Видимо, передовые члены группы уловили запах инсектицида и сочли его отвратительным. Буквально через секунду пауки всей группой повернули налево и двинулись дальше — держась все в тех же четырех дюймах от носка сапога, пока последние ряды не миновали его. Потом пауки повернули направо и возобновили прерванный путь.

Мы следили за ними, пока они не исчезли под стелющимися ветвями куста на другой стороне нашей прогалины.

— Да, ничего не скажешь! Прекрасно вытренированное подразделение, — сказала Камилла.

Она снова взялась за бинокль и продолжила наблюдения за происходящим на берегу, на этот раз обратив особое внимание на ближайшую группу. Там продолжались все те же перемещения без видимой причины. Понаблюдав несколько минут, Камилла сказала:

— Они копают. Роют яму.

Я присмотрелся. Она как будто бы была права. Теперь рядом с той группой возвышался пологий песчаный холмик, которого я прежде не замечал. Но цель такого поведения пауков оставалась для меня по-прежнему неясна. Вокруг ямы копошилось слишком много пауков, чтобы можно было конкретнее разглядеть, что там происходит. Но все же через некоторое время Камилла снова отложила бинокль, вздохнув при этом.

— Так-так-та-ак! — снова воскликнула она.

— Что? — спросил я.

— Черепашьи яйца. Вот до чего они добираются, — сказала она и задумалась. Наконец она подняла глаза и перевела взгляд на укутанный паутиной лес.

— Интересно, что делается там? — вполголоса проговорила она. — Они истребили всех птиц — наверно, сначала съели яйца, потом и самих птиц; насекомых тоже почти свели на нет. Допустим, они переловили все, что бегало и ползало по земле. Теперь им, наверно, есть почти нечего, только друг друга. Выживает сильнейший, вот уж поистине! Они вынуждены шнырять в прибрежной полосе, прочесывая ее в поисках пищи. Интересно, сколько времени им потребуется, чтобы научиться ловить рыбу?

— Или строить лодки, — подсказал я.

— Нет, я совершенно серьезно. Они научились плести сети, чтобы ловить летающих насекомых. Паутинный шелк — изумительная вещь. Из него вполне можно сплести сеть, которая способна удержать рыбу.

— Да ну, — сказал я. — Вспомните как сильно бьется попавшаяся в сети рыба.

— А вы вспомните как прочен шелковый шнур, — а ведь их плетут из материала, немногим отличающегося от паутины. — Она покачала головой. — Такому повороту дел я не вижу препятствий. Более того, скорее всего так и будет, если судить по виденному нами сегодня. Они способны и на это, и на многое другое...

Думаю, вы не осознали полностью смысл того, чему мы оказались свидетелями. Но, поверьте мне, это переворачивает все прежние представления. Ведь пауки — очень древние животные. Они существуют уже много миллионов лет. Они сформировались настолько давно, что до самого последнего времени не могли найти их предка: казалось, пауки существовали вечно, не меняясь и не поддаваясь внешним влияниям. Они плодовиты, но новые поколения так идентичны предыдущим, что большинство исследователей давно прекратили обращать на них внимание. Имея такое древнее происхождение, они все же не представляли интереса, потому что казались отрядом, полностью завершившим свое развитие, не обладавшим никаким эволюционным потенциалом. Они как бы остались в тихой заводи бурной реки жизни. Каким-то чудом сохранившиеся реликты исчезнувшего мира. И как бы не менялось все вокруг, они все так же размножались — и когда динозавры только начали завоевывать мир, и когда те уже вымерли

и им на смену пришли млекопитающие; пауки в любых условиях находили себе средства к существованию.

Но любопытно, что они не утратили жизнестойкости. Как отряд в целом, они не проявляют никаких признаков старения и угасания. И теперь мне кажется, что, если они не изменились до сегодняшнего дня, то причина тому вовсе не в том, что они неспособны к дальнейшему развитию. Возможно, у них не было достаточного стимула к развитию. Ведь, если рассудить, их жизнь очень мало пересекается с жизнью других видов, кроме насекомых, пожалуй, а с ними они прекрасно справляются. Они не сталкивались ни с какой серьезной опасностью, угрожающей их существованию, так зачем им развиваться? Пауки почти идеально приспособились к своему окружению, и никакого побуждения к развитию не испытывают. Они и так преуспевают.

Далее, большинству видов приходится либо меняться, чтобы их не превзошли, либо, если это не удается, они вырождаются. Но пауки не выродились. А нельзя ли заключить отсюда, что они не утратили способность развиваться, а просто настолько хорошо приспособились, что не испытывают особой необходимости меняться, а способность к развитию дремлет неиспользованная?

— Я не могу судить, — сказал я. — Ваши доводы звучат убедительно. Единственное, что меня смущает, это отсутствие каких-либо доказательств того, что эволюционировали именно эти пауки, этот островной вид. Ведь вы сами уверяли, что это абсолютно обычные пауки.

— Да, так и есть, — согласилась она. — Человек тоже кажется совершенно обычным млекопитающим — на анатомическом столе. От остальных млекопитающих его отличает поведение. И эти пауки отличаются от остальных своим поведением.

— Вы имеете в виду, что они охотятся стаями? — спросил я.

— Именно. Ваши обычные пауки — не очень-то общительны. Они индивидуалисты. Первая задача паука — защититься от врагов, и тут он надеется на то, что ему удастся остаться незамеченным в своем укрытии. Вторая — добыть пропитание. Для этого он ловит насекомых, но ни с кем не делится своей добычей и даже нападает на любого

другого паука, осмелившегося подойти к нему слишком близко, а то и съедает его самого. Известно также, что у многих видов пауков самец часто поедается после спаривания, если не поторопится убраться вовремя. Нет, конечно же это далеко не общительное существо, — а здесь перед нами их сообщество, совместная деятельность. Охота стаями, которую вы упомянули. И это настолько выходит за рамки всех представлений, что говорит о коренной перемене картины поведения.

Она на секунду замолчала, затем продолжала:

— И это очень значительный факт, а до какой степени значительный, еще предстоит выяснить. Я бы сказала, что гораздо важнее видимой перемены облика — отращивания более сильных челюстей или даже крыльев. У нашего вида вдруг появилось свойство поведения, всегда ассоциировавшееся с другими видами — а именно с пчелами и муравьями. Как если бы у некоего вида обезьян или породы собак вдруг развилась способность мыслить — то свойство, которое всегда приписывалось исключительно человеку.

— Ну уж, — возразил я тут. — Может, это слишком смелое предположение?

— Я так не считаю. Вероятно и существует где-то вид-другой пауков, научившихся жить сообществом, но они слишком редки и незначительны. Ничего подобного тому, что наблюдаем мы с вами, никогда известно не было. Если бы хоть кто-нибудь услыхал о таком, то весть немедленно облетела бы весь научный мир. Нет, такое поведение появилось недавно, и если судить по внешним проявлениям, дало паукам весьма существенные преимущества...

Перед уходом мы опустили на лицо сетку и еще раз опрыскали друг друга инсектицидом, а затем отправились в обратный путь.

Теперь я уже убедился в эффективности наших средств защиты и уже не стремился убегать от каждой встречной стаи пауков, шныряющих в подлеске. Они, правда, ни разу не упустили возможности броситься на нас и кидались сотнями, когда мы проходили мимо, но редко поднимались выше колен, быстро спрыгивали на землю и убегали.

Примерно через четверть мили путь нам преградила расщелина в скалах, по дну которой катился в океан бур-

лящий ручей. Мы повернули вглубь острова по одной стороне расщелины, чтобы найти удобное для переправы место. Через несколько ярдов Камилла остановилась.

— Минуточку. Я хочу понаблюдать вон за ними, — сказала она и вынула бинокль. Я посмотрел туда, куда она указала.

На другой стороне расщелины скопление пауков покрывало ветви какого-то кустарника. Казалось, пауки ничем не были заняты, просто сидели и ждали. Потом на солнце блеснула паутинка, парящая в почти неподвижном воздухе. В бинокль были видны несколько таких паутинок, свивающихся в крупные кольца.

Сначала ничего особенного не происходило. И вдруг один паук спрыгнул с ветки и побежал прямо по воздуху. По-видимому, какая -то из паутинок зацепилась за нашу сторону расщелины, и паук тут же переправился. Как только этот паук (или паучиха) достиг нашей стороны, по той же паутине устремился другой паук, потом еще и еще. После седьмого или восьмого паутинка уже стала заметна глазу. На переправе теперь одновременно были видны три- четыре паука, а тоненькая паутинка превратилась в ниточку, способную выдержать десять-двенадцать пауков одновременно. Все оставшиеся на той стороне ринулись вперед, расстояние между бегущими стало сокращаться, а мост становился все прочнее и прочнее. Мы продолжали наблюдать, пока все четыре или пять сотен не перебрались на нашу сторону, потом они соединились в группу и скрылись. Тогда Камилла опустила бинокль.

— Чудесная штука — шелк, — сказала она. — Да, тут, похоже, и гибнет в зародыше план Чарлза создать непроходимую зону.

Озабоченные, мы пошли дальше.

И еще не вышли из владений пауков, когда я сделал еще одно открытие. Между стеблями травы справа от расчищенной нами тропинки я заметил клочок меха. Раздвинув ветви и траву, я наклонился, чтобы получше рассмотреть его. Это была крупная крыса — вернее, когда-то это было крысой, потому что сейчас от нее осталась только шкурка. Сухая пустая кожа, покрытая ме-

хом, обтягивающая скелет из обглоданных до блеска костей.

Минуту мы молча стояли и не могли оторвать глаз от моей находки.

ГЛАВА VI

Вечером того дня мы уединились с Уолтером и Чарлзом, чтобы рассказать им о наших наблюдениях. Чарлза обеспокоил наш рассказ о способе, с помощью которого пауки пересекали расщелину, но он все же не отказался от плана расчистки предохранительной зоны.

— Чтобы преодолевать препятствия таким образом, необходимо, чтобы ветер дул в нужном направлении, — подчеркнул он. — Поэтому такая зона послужит нам в качестве довольно надежной наземной обороны. Судя по всему, здесь преобладают западные ветры. А когда ветер переменит направление, можно нести усиленную вахту.

Камилла кивнула, но выразила сомнение:

— Все зависит от их количества. Скорее всего, нам удастся справиться с несколькими бродячими стаями, особенно если смастерить какой-нибудь огнемет, но если нагрянут тысячами и выстроятся по всему периметру защитной полосы, уследить за каждым метром нам не удастся. Для этого нас просто слишком мало.

Чарлз кивнул.

— Тогда нам придется выкорчевывать деревья и кусты далеко в стороны от собственной защитной полосы, — предложил он. — Если паукам будет неоткуда пускать свою паутину, то им не удастся "навести переправу". Но, — продолжал он, — ваши слова об огнемете навели меня на мысль. Я подумал сегодня, что наилучшим способом избавится от пауков было бы выжечь землю по нашу сторону, где их еще нет, чтобы они не проникли дальше. Насколько эта мера окажется эффективной — трудно, конечно, сказать, но, думаю, на некоторое время сдержит их, а многих огонь уничтожит. Нам в этом поможет западный ветер. А если удастся пустить огонь достаточно широким фронтом, то не вижу, почему бы ему не распространиться

дальше и не выжечь всю захваченную пауками территорию на острове. Ведь известно, что первые колонисты выжгли почти весь остров Мадейра по неосторожности и пожары продолжались там еще семь лет.

— На Мадейре, — сказала Камилла, — рос субтропический лес. Не думаю, чтобы здешние леса горели так же. Но все же стоит попытаться. Даже если пожар и не разгорится как следует, то выгоревшая полоса придется паукам не по вкусу.

В результате пришли к выводу, что назавтра мы с Камиллой пойдем намечать линию, с которой можно будет пустить пал. Задача состояла примерно в следующем: нам надо было пройти по расчищенной экспедицией тропе около мили и, если местность покажется подходящей и во всяком случае задолго до места нападения на экспедицию пауков, повернуть там налево и начать намечать тропу примерно параллельно береговой линии, а потом продолжить ее и вправо.

— Очень сожалею, что пока не могу дать никого вам в помощники, — сказал Чарлз. — Но сейчас дело первоочередной важности — достроить столовую. Когда все будут знать, что на крайний случай есть надежное убежище, то станут чувствовать себя гораздо спокойнее. А пока половина боится ложиться спать из-за опасений, что во сне на них нахлынут пауки. Но как только эта постройка будет завершена, можно будет вздохнуть спокойнее и выделить вам несколько человек. Кроме того, сейчас вроде бы установилась безветренная погода, а хороший пожар без ветра не разгорится — причем, нам ведь нужен ветер только определенного направления. А пока, если вы начнете свою наметку, по этой линии уже легче будет устраивать защитную полосу, когда придет время.

Камилла улыбнулась уголками губ.

— Этим Чарлз хочет сказать, что никто не испытывает малейшего желания приближаться к территории, захваченной пауками. — Она покачала головой и сказала как бы про себя: — Да, люди как боги. — Потом обернулась ко мне. — А как вы, Арнольд?

— Не скрою, что сегодня утром мне хватило бы пустякового повода, чтобы оправдать собственный отказ. Но день оказался весьма поучительным, в том отношении, что

мы узнали немало о повадках нашего врага. Да, я согласен идти, — ответил я.

Рано утром мы отправились в путь, оснащенные, как и накануне. Пройдя около двухсот ярдов по берегу, мы свернули на тропу, по которой прошла погибшая экспедиция. Двигаться по ней оказалось нелегко. Вырублено было ровно столько, чтобы протиснуться одному человеку. Нас обступали кусты и деревья, названий которых я не знал, а видимость была ограничена со всех сторон каким-то футом-двумя. Очень неприятное место для человека, склонного к клаустрофобии. Местами попадались заросли высокой жесткой травы, настолько густые, что я впервые прочувствовал буквальное значение слова "застить". Из-за маленького радиуса обзора трудно было правильно определить расстояние. Казалось, что мы идем уже целую вечность, к тому же все время проходя вновь по местам, где уже побывали. Было еще ощущение движения по ровной плоскости, хотя мы знали, что местность здесь постепенно поднималась. Примерно через три четверти часа такой ходьбы я остановился. Никаких признаков близости пауков мы пока не заметили.

Еще через полчаса я стал замечать в кустах по сторонам тропы нити паутины. И уже хотел обратить на них внимание Камиллы, но тут в этом отпала необходимость. Камилла тогда шла впереди, и задела плечом за ветку, нависшую над тропой. С этой ветки на нее потоком ринулись пауки. Одновременно целая гроздь пауков обрушилась с верхней ветки. На секунду не стало видно ни головы, ни плеч. Но тут же пауки поспешно посыпались на землю. Инсектицид им понравился ничуть не больше, чем их собратьям. Через несколько секунд они все схлынули и разбежались в разные стороны.

Камилла остановилась и огляделась. За буйной листвой нельзя было определить, кроются ли там новые стаи пауков или нет.

— Мы обнаружили их передовой рубеж. Мне бы не хотелось идти дальше, — сказала она.

Подумав о том, что лежало на тропе за несколькими поворотами, я согласился с ней.

Мы решили минут двадцать идти по тропе обратно по направлению к лагерю, и если к этому времени встретится

менее непроходимый участок, начать оттуда наметку нашей "линии огня", двигаясь на север. Таким образом мы будем уверены, что между нами и пауками лежит достаточно широкая полоса, а главное, что их не останется в тылу.

К счастью, как это иногда бывает, как раз через двадцать минут мы дошли до места, поросшего хоть и колючим, но редким и поддающимся ударам наших мачете кустарникам.

— Хватит, — сказала Камилла, садясь на ствол поваленного дерева.

— Можем начать здесь, — осторожно предложил я. — Здесь нам все равно не удастся обойти заросли — обязательно наткнемся. Работа в любом случае вряд ли пойдет споро.

Она вынула пачку сигарет и предложила мне закурить. Я взял сигарету и присел рядом с ней на поваленный ствол.

— По вашему тону можно заключить, что от плана Чарлза вы не в восторге? — сказала она.

— Почему же, я считаю его неплохим. Но прежде я не видел всего этого, — я махнул рукой на обступившие нас заросли. — Мы вдвоем разве тут сможем что-нибудь сделать? Наши усилия канут без следа.

— Но мы можем попробовать. Не обязательно прокладывать прямую линию. Мы можем придерживаться более легких участков, главное — сохранять общее направление.

Некоторое время мы сидели и молча курили. Потом она сказала:

— Ночью я все думала обо всей этой истории с пауками. И знаете, тут дела могут оказаться намного серьезнее, чем мы предполагаем. Что-то произошло с этими пауками, что-то изменилось внутри. Снаружи они совершенно обычные пауки, но на самом деле — пауки плюс что-то еще, чего у остальных видов пауков нет...

— Примерно то же вы сказали сразу после того, как разглядели первого из них, — заметил я.

— Да, помню, но тогда я не знала, какой глубокий смысл мог скрываться за этими словами. А ночью меня поразила способность пауков к адаптации, изобретатель-

ность и находчивость в использовании средств, которыми они обладают.

Считается, что первоначально шелковые нити пауков использовались просто для защиты яиц, которые пауки заматывали в кокон. Но позже, когда насекомые научились летать, пауки нашли своему шелку новое применение. Они начали плести сети, чтобы ловить летающих насекомых. Найдя одно новое применение, они обнаружили еще массу других и стали производить особые разновидности паутинного шелка. Стали строить из него гнезда с захлопывающимися дверцами, плести прямоугольные сети, в которые попадали прибегающие и проползающие мимо насекомые, а более развитые виды пауков перешли к колесообразным сетям. Паутину использовали для связывания добычи, сшивания листьев для постройки гнезда, прикрепления к уже готовой сети листочков, за которыми можно укрыться в ожидании, пока в сеть не попадет добыча. Пауки даже строили из паутины мосты и поднимались с ее помощью в воздух, — как мы вчера видели.

И если учесть такое многообразие применений, найденных ими для своего паутинного шелка, то возникает вопрос — как они освоят новоприобретенную способность к совместной деятельности? Страшно подумать. Они уже вступили в противоборство с видами, с которыми прежде шли совершенно непересекающимися путями, и сила оказалась на стороне пауков — они практически уничтожили на острове остальные виды животных. Эта новая способность привела к конфликту между ими и нами, и первую кровь добыли они. И мне начинает казаться — уж не началу ли революции мы оказались свидетелями, не смене ли власти...

— Страшный сон, привидевшийся перед рассветом, — сдержанно сказал я. — Захват маленького изолированного острова, где все благоприятствовало их распространению — одно. На материке с ними, вне всякого сомнения, радикально бы расправились.

— Как бы вы это сделали? Вам не удалось бы свалить все леса земного шара. Вид выживает благодаря тому, что скорость его размножения превышает урон, наносимый ему естественными врагами. Именно этот факт придает иллюзию достоверности мифу о "естественном балансе". А

если естественных врагов не останется, то размножение может набрать устрашающие темпы. Смотрите, что произошло всего за одно или два поколения с населением Земли, когда были побеждены некоторые болезни. Найдите способ победить естественного врага, и тогда сдерживать рост будет только ограниченность запасов пищи. А пауки при своей баснословной плодовитости такой способ нашли. Потребность в пище и способность добывать ее из все новых и новых источников гонят их вперед. Пока они могут найти пищу и продолжают размножаться, трудно найти способ остановить это движение.

— Но считать их серьезной угрозой просто нелепо, — запротестовал я. — Я могу принять ваш тезис, что с ними произошло нечто, переменившее их привычки — они стали действовать не по одиночке, как прежде, а сообща, — и признать, что условия здесь оказались для них весьма благоприятными. Но этого еще недостаточно, чтобы превратить их в некую серьезную угрозу.

— Не знаю. Превращение в общественных животных может иметь большее, чем мы можем предположить, значение. Муравьев и пчел оно совершенно изменило, выделив в животном царстве на особое место. Теперь это, так сказать, исходные пауки, плюс еще что-то, как я говорила. Теперь только остается выяснить, что же именно.

— Я все-таки не понимаю...

— Не понимаете? Тогда позвольте мне рассказать вам историю Золушки, — сказала Камилла. — Однажды жило-было мирное, похожее на лемура существо, которое подобно многим другим животным, скрывалось в лесах. Силой оно не обладало, не было у него ни когтей, ни страшных зубов. И жило оно только благодаря умению укрываться от опасностей. Но время шло, и что-то случилось, переменившее это существо. Оно оставалось млекопитающим, как и прежде, но добавилось еще некоторое неуловимое свойство... И именно это таинственное нечто превратило его в царя животного царства, повелителя мира...

Случившись однажды, такое может произойти и снова. После расцвета наступает упадок. Никто из нас не вечен. И если маленькое похожее на лемура существо могло возвыситься, то это не заказано и другим.

— Но не паукам же!

— А почему бы такое не могло случиться и с пауками? — с вызовом спросила она. — Сознание и развитый головной мозг отличает только наш господствующий вид. Все остальные творения обходятся без него. Но существуют силы иные, нежели разум. Снова напомню вам о термитах и пчелах, воздвигающих сложные конструкции и координирующие работу иерархических сообществ, не обладая разумом, а для защиты и нападения объединяющихся без руководства мозга. Кто знает, может быть появление сознания — это пусть интересная, но все же неудачная попытка природы, и даже необязательная. Сегодня оно господствует, а завтра исчезнет...

— И тогда в мире опять воцарятся инстинкты? — спросил я.

— Инстинкт — как легко это слово вводит в заблуждение. Буквально оно означает только "запечатленный" — перстом Божиим?

Это признание в собственном бессилии понять, в чем причина явления, простая констатация происходящего. И ничего ровным счетом не объясняет.

Совсем не трудно сказать, что пчела строит совершенно правильные шестигранные соты, повинуясь "инстинкту", или что паук плетет безукоризненную, с математической точки зрения, круговую паутину, тоже повинуясь "инстинкту", — но такие утверждения вдребезги разбиваются нашими знаниями о наследовании приобретенных признаков.

Нет, тут есть что-то еще. Существует также и групповое восприятие: и то, что муравьиное войско знает, когда защищаться или нападать; что рабочая пчела знает как собственные обязанности, так и место в улье; даже что стая птиц знает, когда поворачивать и когда пикировать как единое целое. Это не проявление разума, а яркое свидетельство какого-то способа передачи информации.

Теперь вы понимаете, к чему я веду? По всей видимости, эти пауки обрели способ — вот в чем и состоит таинственный "плюс". Остается только выяснить, до какой степени они им овладели. Вполне возможно, что в степени превосходной по сравнению с другими видами... Те, кого мы встретили вчера на прогалине, выглядели на диво хорошо организованными.

— Послушайте, — сказал я, раздавив окурок, — мы пришли сюда работать, а не строить страшные домыслы. Не пора ли приступить к делу?

— Хорошо, приступим, — согласилась она, обнажая мачете.

Я сверился с компасом, и мы начали.

Вырубленная нами линия получалась извилистой, но зато расчистка шла немного легче. Когда мы натыкались на особенно густые заросли, то обходили их или по крайней мере находили менее непролазный участок и прорубались сквозь него. Таким же образом мы огибали островки деревьев и ощетинившиеся шипами кусты терновника, но при всем этом в целом придерживались избранного направления. Однако же продвигались мы медленно, а работа была очень утомительной. Не ускоряла дела и склонность Камиллы бросать работу, когда ее попутно привлекало что-нибудь из области ее профессиональных интересов. Продвинувшись за час только на полтораста ярдов, мы почувствовали, что пора подкрепиться, для чего расчистили место, где можно было поесть с относительными удобствами.

На этот раз Камилла уже не изъявляла желания делиться своими теориями. Она сидела и задумчиво жевала бутерброды, примеривая к фактам новые объяснения — так мне казалось. Когда мы устроились есть, я поразился полной тишине вокруг. Обычно в этих краях человека окружает многообразие звуков: птичий гомон, шелест, топоток и шуршание мелких зверушек, постоянное гудение насекомых, неясный фоновый шум, который пронизывают резкие крики, — но здесь тишину только иногда нарушало жужжание какого-нибудь случайно пролетевшего насекомого, да слышно было, как мы жуем. Через несколько минут это стало действовать угнетающе. И больше для того, чтобы нарушить молчание, чем из любопытства, я сказал:

— Этой истории должен придти естественный конец. Когда они уничтожат всех животных до единого, то и сами вымрут.

— Пауки — каннибалы, — сказала Камилла.

— Пусть так, но, думаю, замкнутая система на основе каннибализма продержится недолго.

Может быть, но на некоторое время ее хватит, до тех пор, пока они — как я говорила уже — не научатся ловить рыбу. Тогда отпадет вопрос об источнике пищи и ничто уже не сможет их остановить.

— Но как, скажите на милость, они смогут научиться ловить рыбу?

Она пожала плечами.

— При совместной деятельности многое становится возможным. Общими усилиями они могут сплести прочную сеть. Скажем, начнут перегораживать ею узкий пролив, прикрепив сеть к камням. Во время прилива они могут поднимать ее и опускать, когда наступит отлив. Там запутаются креветки и мелкие рыбешки. Так, преуспев, пауки настроятся на большее. Станут охотиться на более крупных рыб и изобретут новые методы ловли.

— Вы говорите о них так, как если бы они были разумными существами.

— Это-то меня и тревожит. Вполне понятно, что мыслить, как мы — с помощью мозга и сознания, — они не могут. Но у них должно быть нечто сродни сознанию, о чем я уже говорила сегодня. Нечто, приведшее их к способу ловли насекомых с помощью паутины, а потом — сооружению сложных, выверенных с математической точки зрения ловчих сетей на земле, встречающихся у более высокоразвитых видов. Многим насекомым свойственно производить паутинный шелк. Но лишь пауки научились использовать его в качестве орудия, дающего пропитание. Ими двигал, конечно, не тот разум, который мы знаем, но некая управляющая сила должна быть.

Так было еще в пору индивидуализма. Теперь же они действуют совместно. Причем тут не просто механическое соединение усилий. Если бы каждый человек жил в одиночку — разве бы стали люди людьми?

И поэтому, если некая сила помогла паукам-индивидуалистам обрести средство ловли крылатых насекомых, она, вне сомнения, может привести группу совместно действующих пауков к созданию орудий для ловли рыбы, если в том возникнет необходимость. Меня тревожит — насколько могущественна эта сила и какие еще способности она может пробудить в них...

— Честно говоря, мне кажется, что вы сильно преувеличиваете значение того, что мы здесь видим. На мой взгляд, тут мутация, причем члены мутировавшей популяции получили неожиданно хорошие условия для развития и размножения. Исчерпав запасы пищи, они исчезнут. Известны, должно быть, сотни случаев в мировой истории, когда вид уничтожал сам себя, чрезмерно размножившись.

— Надеюсь, вы правы... — сказала она, однако без убежденности в голосе.

Мы снова принялись за работу. Следующие двадцать ярдов преодолевали не быстрее предыдущих. И вдруг совершенно неожиданно вышли на тропу и остановились, не веря своим глазам.

Тропа тянулась с востока на запад, пересекая нашу под прямым углом. К тому же этой тропой часто пользовались, и совсем недавно. Мы стояли и глядели на простирающийся перед нами отрезок, справа и слева исчезавший за поворотами.

— Робинзон Крузо и след человеческой ноги на песке, — пробормотала Камилла. — А ведь разве кто-то из детей не говорил, что...

Она не успела договорить, как кусты перед нами раздвинулись и оттуда показались два черных лица и два нацеленных на нас копья.

Секунду мы просто недоуменно глядели на них. Потом я крепко ухватил ручку мачете. Нацеленное на меня копье качнулось.

— Брось на Землю, — произнес голос.

Я помедлил и увидел, что копье качнулось снова.

И бросил мачете. Бросила и Камилла.

Сзади послышался шорох листьев под чьими-то ногами. К мачете протянулись темнокожие блестящие руки и убрали ножи с тропы. Эти руки легкими похлопываниями обыскали нас. Одна из них наткнулась на револьвер Чарлза в кармане Камиллы и забрала его себе. Наконечники копий оставались направленными на нас, но хватка на их древках несколько ослабела. Обладатели копий вышли на тропу.

На обоих мужчинах были только набедренные повязки, на ногах — похожая на мокасины обувь, а на поясе —

ремни, за которые были заткнуты мачете, кроме того на ремешках болтались еще два или три коротких копья. Больше всего бросался в глаза необычный блеск их кожи. От курчавой макушки до самых пяток они сияли, будто покрытые шеллаком. Средство, которым они натерлись, издавало сильный и резкий, хотя и не отталкивающий запах.

Один из них, не опуская копья, протянул вперед левую руку. Из-за наших спин сияющая коричневая рука подала ему револьвер. Мужчина отступил на шаг, вставил копье в ременную петлю и с удовлетворением стал разглядывать револьвер. Убедившись, что он полностью заряжен, мужчина снял его с предохранителя и, направив дуло на меня, качнул им вправо.

Возражать было бессмысленно. Мы повернули в указанную сторону и пошли по тропе, ведущей на восток.

За первым поворотом голос приказал нам остановиться, и мы повиновались. Рядом с тропой лежало четыре небольших тюка размером с мешок. Мне показалось, что они были изготовлены из сплетенных без зазоров пальмовых волокон.

Пока у нас за спиной о чем-то совещались, мы стояли и ждали. Вдруг я почувствовал, как Камилла, стоявшая слева и немного позади, толкнула меня локтем, а когда оглянулся, то увидел, что она уперлась взором в один из тюков. Я было удивился, но тут заметил, что тюк лежал не совсем неподвижно. Он как бы слегка пульсировал. Посмотрев на него еще немного, я уже почувствовал уверенность, что внутри тюка не прекращалось какое-то распиравшее его движение. Я бросил взгляд и на остальные тюки — было заметно, что внутри них что-то тоже слегка шевелится.

— Что?... — зашептал я, но тут спор позади нас закончился.

Нам быстро завели руки за спину и крепко, хотя и не до боли, связали в запястьях.

— Вперед, — скомандовал голос.

Когда мы двинулись, я оглянулся.

Один из островитян шел с револьвером в руке в паре шагов за нами. А остальные трое перекидывали тюки себе за спину; четвертый тюк оставался лежать на месте.

Я с горечью подумал, что наша встреча произошла абсолютно случайно, и нам просто не повезло, что островитяне проходили мимо, когда мы были поглощены работой. Они, вероятно, услышали треск ломающихся под ударами наших мачете ветвей и, сложив свой груз у тропы, решили выяснить в чем дело. Устроив несложную засаду и захватив нас, они теперь оставили одного для присмотра за пленниками и втроем продолжили свой путь на запад. Неприятнее всего было то, что нас уводили в противоположном направлении, во владения пауков.

Примерно через четверть мили мы повстречали первую стаю. Наверно, она притаилась неподалеку от тропы, потому что выскочила из укрытия в нескольких ярдах впереди и устремилась к нам.

— Остановитесь, — приказал голос сзади.

Мы повиновались. Пауки ринулись вверх по нашим ногам. Как и прежде, не добежав до колен, они соскочили. Наш конвоир явно наблюдал за этой сценой, потому что я слышал, как он что-то буркнул про себя. Затем он сказал: "Вперед!"

Но Камилла повернулась к нему.

— Сетка, — сказала она, мотнув головой в попытке скинуть ее с полей шляпы вниз.

Островитянин секунду непонимающе смотрел на нее, потом понял. Он подошел к ней и, по-прежнему держа пистолет в правой руке, левой освободил зацепившуюся за край сетку. Пока он это делал: я успел заметить, что пауки даже не пытались напасть на него. Они остановились в четырех-пяти дюймах от его ног и откатывались назад. Масло, которым он был натерт, явно действовало на пауков гораздо сильнее, чем наш инсектицид. Обернувшись ко мне, он опустил и мою сетку, свободно повисшую перед лицом. Потом мы пошли дальше.

Вскоре на нас кинулась новая стая, потом еще и еще. Затем они стали попадаться через каждые несколько ярдов. Два раза посыпались с нависших кустов. Будь мы без сеток, они уже обволокли бы нам лица своей массой; даже и теперь было несколько неприятных моментов, прежде чем они отцепились и спрыгнули.

Мы шли дальше, и я постепенно понял, что наша тропа, как и та, по которой мы пробивались с Камиллой, бы-

ла старой и еще недавно заросшей. Я не мог воспользоваться компасом, чтобы сориентироваться, но решил, что она уклонялась примерно на несколько градусов севернее. Она была намного шире и просторнее, поэтому расчистить ее было проще.

Вскоре я начал замечать в кустах по обеим сторонам нити паутины. Сначала они попадались нечасто, но очень скоро мы достигли местности, где они были уже сплетены в небольшие полотнища, похожие на гамаки неправильной формы, и перекидывались между ветвями одного куста или между соседними кустами. Эти гамаки встречались гроздьями; каждая гроздь, по-видимому, принадлежала группе пауков, которые сидели около своих ловушек, готовые в любой момент наброситься на попавшую туда добычу. В почти лишенной насекомых местности вероятность, что в их гамаках что-нибудь запутается, казалась ничтожной, да я и не видел, чтобы туда попалась хоть мошка. Однако пауки сидели, приготовившись терпеливо ждать.

Когда мы проходили поблизости и они замечали нас — видели или как-то по-другому реагировали на наши движения, то сразу же срывались с места и спешили к нам по веткам или по земле наперерез. Но чаще всего не успевали добежать.

Потом низко подвешенные паутинные гамаки стали попадаться реже. Их сменили более плотные и широкие, прикрепленные к ветвям деревьев в десяти-двенадцати футах над землей — здесь в гамачки поменьше и пониже и подавно ничего не могло попасть.

Наконец мы вступили в такие края, где эти большие гамаки уже не перекидывались больше между деревьями. Они свисали клочьями, которые слегка колыхались от движения воздуха. Казалось, весь лес обвесили шелковыми лохмотьями.

Камилла, шедшая впереди, остановилась и огляделась кругом.

— Жутко, — сказала она. — Лес, завешанный саванами.

В тишине леса ее голос прозвучал очень громко.

Мне пришло в голову, что призрачный вид окружающему отчасти придавал тусклый, рассеянный свет, и я посмотрел наверх. Неба видно не было. Вершины деревьев

исчезли в пропускающем свет беловатом тумане, и тут я понял, что мы, должно быть, находимся теперь под белой пеленой, которую наблюдали еще с берега.

Казалось, весь лес целиком покрыли тентом. Паутина непрерывным покрывалом соединяла вершины деревьев, и сами пауки тоже поднялись наверх. На земле их не было, и довольно давно, как я теперь понял.

Кругом царила жутковатая тишина полностью покинутого места. Все существа, даже пауки, оставили здешние леса, где остались расти только травы, кусты и деревья. Никакого живого движения — лишь колыхание оборванных полотнищ паутины.

— Вперед, — снова подал голос сопровождающий.

Теперь местность начала подниматься, но еще примерно полмили вид леса вокруг не менялся.

Только однажды я уловил живое движение. Нашу тропу пересекла чья-то тень. Взглянув вверх, я увидел темное пятно, медленно скользящее по белому покрывалу — стая пауков промышляла добычу в своих горных владениях.

Неожиданно деревья кончились. Мы вышли на открытый холмистый склон, поросший густым стелющимся травянистым кустарником, доходившим нам до колен и похожим на вереск. На краю леса нам опять встретились стаи охотящихся пауков, а первые несколько футов кустарника густо обтягивала паутина, но дальше ее не было. Особенности ли почвы были тому причиной или какие-то свойства "вереска", или высота, или здесь паукам уже совсем ничего не попадалось — неизвестно, но как бы то ни было, вскоре они совсем перестали встречаться.

Мы продолжали взбираться по склону Мону, южной из двух вершин, пока не достигли края кратера. Там наш похититель позволил нам сесть и немного отдохнуть.

С этой точки был виден почти весь Танакуатуа, и нашему взору открылся самый захватывающий из виденных прежде и самый необычный вид. Все восточное побережье до той точки, где северная вершина заслоняла его от нас, было затянуто чуть сверкающим полотнищем паутины, которое простиралось на юг и языком выдавалось на север между горой и лагуной. Создавалось впечатление, что паутина как бы вытекла с востока, обогнула гору, а теперь

ее северный рукав покрыл уже около половины расстояния между горой и поселком. Там он обрывался. Полоса незатронутого пространства, отделяющего его от поселка, составляла примерно полторы мили в ширину, свободно от паутины было и все западное побережье. Как далеко она вдавалась с востока в северную часть мы не могли видеть, но было ясно, что покрывала она не меньше половины всего острова.

Похоже было, что паутинное покрывало натянули, а потом бросили на неровную поверхность, и оно вспучилось в тех местах, где с земли поднимались деревья, а складки его отблескивали на солнце. Покров не везде был сплошным. Местами, как оторванные от большого савана и разбросанные вокруг клочки материи, белели отдельные пятна, а за проливом, как бы желая показать, что вода — не преграда, на островке Хтнуати виднелось несколько небольших участков паутины.

Наш конвоир, сидевший рядом, заметил выражение наших изумленных глаз. Он ухмыльнулся, но ничего не сказал.

В двух или трех местах, как и в предыдущие дни, к небу поднимались слаборазличимые парообразные колонны.

Камилла покачала головой и сказала:

— Астрономическое число. Просто представить невозможно, сколько их тут.

Мы перевели взгляд на лежащий под нами кратер. Он оказался более широким и мелким, чем я предполагал; удивило и то, что трава и даже небольшие кусты росли на его внутренних склонах почти до самого дна. Там, окруженное кольцом голого камня, клокотало грязевое озерцо.

Вернее, я употребил привычное выражение, а это озерцо лениво вздувалось и спадало. Его поверхность неуверенно подрагивала, как на кадрах замедленной съемки, словно оно нехотя собиралось с силами для некоего действия. Порой оно начинало выдувать большой пузырь. На это время все остальное движение несколько затихало, как будто вся энергия уходила на выдувание пузыря. Куполообразный пузырь вызывал беспокойное ощущение. Невозможно было следить за его ростом и не чувствовать, как внутри нарастает напряжение в ожидании взрыва. А

когда пузырь лопался — это было очень невзрачно: негромкий усталый хлопок, и вокруг на несколько футов разлетающиеся брызги. После этого озерцо некоторое время колыхалось, а перед тем, как начать новый пузырь, оно для практики выдувало несколько мелких.

— Любопытно, — сказала Камилла. — Как и множество естественных процессов, это немного отталкивающее зрелище, но мне вдруг стало понятно, как такое явление может стать священным. Неискушенному уму оно вполне могло показаться живым или почти живым, хотя и иным по сравнению с другими живыми существами образом. Оно просто существует — можно себе представить, что оно вот так вздымается и опадает уже несколько столетий. Больше ничего не происходит, но все же внутри нарастает напряжение ожидания, как будто озерцо способно на большее и в любой момент может проявить себя по-иному. Неудивительно, что люди испытывали склонность обожествлять их.

Мы посидели еще немного, наблюдая, как в грязи набухали пузыри, похожие на набиваемые едой животы каких-то мерзких существ, и хоть в нас вздымалось отвращение, все же завороженно ждали, пока они с хлюпаньем лопнут. Казалось, наш похититель тоже не может отвести глаз от пузырей. Но немного погодя он все-таки встал и движением руки с пистолетом велел подняться и нам.

Мы шли по кромке кратера до седловины, соединяющей его со второй вершиной. Тут мы повернули налево и пошли по гребню. По жесткой пружинящей траве идти было легко. В центре седловины из камней был сложен прямоугольный постамент примерно трех футов в высоту, по-видимому, намеренно расположенный под небольшим углом к гребню. Мы с интересом смотрели на него. Это было первое сооружение прежних обитателей острова, попавшееся нам на глаза со времени высадки, а вполне возможно, что оно было и единственным. Возведено оно было тщательно, а сверху накрыто двумя плоскими камнями.

— Уж не алтарь ли это? — предположила Камилла.

Когда мы поравнялись с постаментом, сомнения отпали. Сверху на нем была темная запекшаяся кровь.

Останавливаться и рассматривать его времени не было. Наш конвоир провел нас без задержки мимо.

В голову мне пришла малоприятная мысль. Я сначала не решался высказать ее, но потом обратился к Камилле:

— Не кажется ли вам?..

Камилла оборвала меня. По-видимому, у нее раньше моего возникло такое предположение.

— Нет. Эта кровь тут уже неделю, не меньше. Кроме того, ее не так много. — И помолчав добавила: — Все же интересно, что они могли тут найти, чтобы принести в жертву?

Гребень кончился. Перед нами лежал склон, по которому надо было взбираться вверх около двух сотен ярдов. А там мы оказались на краю северного кратера.

Он явно бездействовал уже очень давно. На каменных осыпях, скатившихся со стен, осела почва. Сами стены подернулись растительным покровом, а дно густо поросло кустарником, над которым возвышалась рощица деревьев. Каменистая тропинка уступами вела к ней по стене кратера.

Мы дернулись от громкого крика охранника, гулко отозвавшегося от противоположной стены.

Скоро из-за деревьев показались два темнокожих человека и остановились у начала тропинки, глядя вверх.

Охранник прокричал что-то непонятное и получил не менее непонятный ответ. Заткнув за пояс пистолет, он достал оттуда мачете. Им он разрезал путы на наших руках, а потом подтолкнул нас к тропинке.

Это было великодушно с его стороны. Путь был крут, местами очень труден. Я вряд ли смог его преодолеть со связанными руками.

Спустившись, мы направились к тем двоим, что все еще ожидали нас. Одного из них я узнал сразу. Он был самым старшим из набранных в Уияньи людей. По седине в курчавых волосах я его и отличил. Без этого в одной набедренной повязке, да еще с костяным украшением в носу теперь я не смог бы его узнать. На его груди желтой краской был нанесен узор, похожий на грубо выполненный геральдический герб. В центре располагалось грушевидное пятно. От него в разные стороны отходили восемь палочек с крючками на концах. Смысл рисунка был мне непонятен, пока я не заметил, что взгляд Камиллы застыл: устремленный на желтые линии. Потом она подняла глаза, в

которых светился вопрос, на лицо мужчины. Тогда я снова присмотрелся к узору и вдруг сообразил, что это такое: передо мной было по-детски выполненное изображение паука...

ГЛАВА VII

Человек со знаком паука быстро глянул на нас, потом обратился с вопросом к нашему конвоиру. Сосредоточенно выслушал ответ, задал еще несколько вопросов и отдал распоряжение своему спутнику. Тот сделал шаг вперед и ухватился за мой рюкзак. Протестовать было бессмысленно. Я отдал его.

Они обнаружили пульверизатор, понюхали его, понимающе кивнули, отвинтили крышку резервуара и вылили содержимое на землю. Потом нашли запасную банку с инсектицидом и тоже вылили. Остальное их не заинтересовало. С пульверизатором из рюкзака Камиллы они расправились таким же образом и выбросили его.

Человек с рисунком на груди снова посмотрел на нас. Он подошел ближе, поднял мою руку, понюхал рукав и кивнул головой.

— Снимите одежду, — сказал он по-английски. — Вы тоже, — добавил он, глядя на Камиллу.

Когда мы в нерешительности замешкались, наш похититель угрожающе повел мачете. Ничего не оставалось, как повиноваться. Нам разрешили остаться в трусах. Оставили и обувь.

Третий мужчина связал нашу одежду в узел и понес к деревьям. Человек со знаком паука обернулся к нашему конвоиру и сказал что-то, протянув к нему руки. Тот несколько неохотно вынул из-за пояса револьвер, отдав его, махнул рукой на прощание и отправился в обратный путь вверх по тропинке. Прежде чем водворить револьвер себе за пояс, человек со знаком удовлетворенно осмотрел его. Несколько мгновений он пристально глядел на нас, потом отвернулся и, ни слова не говоря, направился к деревьям, оставив нас одних.

Камилла села на землю.

— Вот так, — сказала она. — Очень просто. Очень действенно.

Прибавить к ее словам было нечего. Не было необходимости охранять нас. Без одежды, защищающей нас от пауков, мы не могли и пытаться вернуться тем путем, каким пришли сюда. Без мачете не было надежды пробиться на север и повернуть оттуда на запад в обход владений пауков, да и уверенности, что мы не наткнемся на них и там, тоже не было. Все, как и сказала Камилла, было очень просто.

Я опустился на землю рядом с ней, и так мы некоторое время сидели, молча обдумывая положение.

— Я этого не понимаю, — наконец тряхнула головой Камилла. — Они могли без труда убить нас. В лагере бы просто решили, что мы погибли от пауков. Почему они так не сделали?

— И вообще, для чего им было убегать с корабля и оставаться здесь? — задал я встречный вопрос.

Мы опять помолчали.

— Для чего им надо было носить пауков в тех тюках? — тревожно спросила она.

— Если это были пауки. Содержимое тюков шевелилось, что там еще могло быть? — нетерпеливо ответила она.

Мы поразмыслили немного и об этом. Потом я махнул на все рукой и потянулся за рюкзаком, который по-прежнему лежал там, где его бросили. Там все, за исключением пульверизатора и инсектицида, осталось нетронутым: даже полевой бинокль не пробудил в наших похитителях алчности — утешение, правда, небольшое, потому что здесь, за стенами кратера, он был практически бесполезен. Там же лежало и то, что осталось от захваченной нами провизии. Я дал Камилле бутерброд и сам сжевал один. Потом мы разделили пополам плитку шоколада. Больше делать было нечего.

Солнце опустилось ниже. Наползла тень, отбрасываемая стеной кратера. Мы решили насобирать под деревьями ветвей и листьев, чтобы сооружить себе ложе и хоть какое-то подобие укрытия на ночь. В результате получилось нечто весьма далекое от комфорта. Хотя мы набросали на ветки листьев, они все же выпирали, впиваясь в тело. Кро-

ме того, тут не было пауков, но именно поэтому водились насекомые. Да и наши попытки укрыться листьями, вернее остаться под этим рассыпающимся покровом, оказались безуспешными.

Вскоре после наступления ночи двое островитян разожгли костер. Мы лежали и целый час смотрели сквозь ветки на отблески огня. Камилла беспокойно ворочалась. Вдруг она села, выпрямившись.

— К черту, — решительно сказала она. — Будь что будет, но я намерена согреться у костра.

— Нельзя этого делать, — возразил я. — Вас могут — то есть, я хочу сказать, что могут возникнуть неприятности.

Она поднялась с земли.

— Мне все равно, — заявила она. — Хуже, чем сейчас, уже вряд ли будет, — и она зашагала к костру.

Мне пришлось следовать за ней.

Оба островитянина сидели у костра, уставившись на огонь. Они не могли не слышать нашего приближения, но обратили на это не больше внимания, чем если бы нас не существовало вовсе. Камилла продолжала идти, не сворачивая. Даже когда мы подошли совсем вплотную, островитяне не пошевелились, казалось, они не видят нас. Мы приблизились к костру с противоположной от них стороны. Камилла с уверенностью, которой я мог только позавидовать, сразу села и протянула ладони к огню. Я следом сделал то же самое, желая выглядеть столь же спокойным, как и она. Оба мужчины даже не двинулись.

Через несколько минут один из них наклонился вперед и помешал сучком что-то разогревавшееся в консервной банке. Когда он снова отклонился назад, я почувствовал, что человек со знаком паука, сидевший неподвижно, следит за нами глазами.

Я попытался разглядеть выражение его лица, но пляшущие блики костра и проткнутый костяной шпилькой нос довольно сильно затрудняли мою задачу. Взгляд его глаз, сверкавших в отблесках пламени, был пристален и неподвижен. Я решил, что выражение их было скорее задумчивым, чем опасным.

Через томительно долгий промежуток времени, кончив присматриваться к нам, он без предисловий спросил:

— Зачем пришли сюда?

Камилла снова протянула руки к огню.

— Чтобы согреться, — сказала она.

Не изменив выражения лица, он сказал:

— Зачем пришли на Танакуатуа?

Камилла внимательно посмотрела на него.

— А вы почему здесь? Разве Танакуатуа для вас не табу? Для нас он не табу.

Мужчина нахмурил брови.

— Танакуатуа табу для всех — и мужчин, и женщин. Мы пришли, только чтобы помочь Сестричкам. Это дозволено. — Он нахмурился еще больше и продолжил: — Танакуатуа — наш остров, наш дом, наша земля.

Камилла мягко возразила:

— Нам дали понять, что остров куплен Британским правительством, которое продало его нам.

— Танакуатуа отобрали у нас обманом, — начал он.

Камилла заинтересовалась.

— Как вас обманули? — спросила она.

Мужчина ответил не сразу. Он оценивающе посмотрел нам в глаза, как бы решая, стоит ли посвящать нас в эту историю. И решил все же рассказать.

Это было во времена Нокики — моего отца... — начал он. Рассказывал он на разговорном английском, а встречающиеся иногда не совсем правильные фразы и незнакомые обороты придавали его речи особую волнующую окраску. Так, у костра, куда второй островитянин время от времени подбрасывал сучья, мы впервые услышали о Проклятии Нокики и его жертве. Повествование было, как и следовало ожидать, отмечено несколькими смещенными акцентами, но Наита — так звали рассказчика — вел его искренне и с большой эмоциональной силой. Сведения, которые нам удалось раздобыть позже, разнились от представшей тогда перед нами картины весьма незначительно, да и то лишь во второстепенных деталях — отличала их в основном точка зрения на происходившее.

История была длинная, но начав, Наита уже не отвлекался. Дважды соплеменник предлагал ему поесть сготовившегося в банке блюда, но оба раза он отмахивался от еды, и тот, пожав плечами, снова ставил банку на угли. И только поведав нам все до конца, обрисовав отплытие

четырех последних танакуатуан на каноэ с проклятого острова, он взял эту банку и начал есть.

Мы сидели молча и ждали, пока он доест, потом Камилла сказала:

— Но ведь в таком случае, если вы сами не могли больше жить на Танакуатуа, вполне естественным и единственно разумным решением было бы продать остров.

Наита бросил на нее мрачный взгляд.

— Мы не продавали, Танакуатуа наш, — сердито сказал он и принялся объяснять дальше, что им выплатили пособие, возмещавшее убытки. Правительство, которое выманило их с острова и, следовательно, было виновато в наложении проклятия, поступило только верно, предоставив им другой остров, где можно было жить, но из этого еще вовсе не следует, что они продали свой остров. Ни они сами, ни кто-либо другой не могли жить там — так зачем им продавать его, и как кому-нибудь вообще может придти в голову купить его? Он был бесполезен, поэтому любому здравомыслящему человеку ясно, что его никто не покупал. И хотя никакого прока в нем больше не было, он все же не перестал быть их родным островом. Завоевали остров они, и закрепились на нем, и освоили его они, там покоятся кости их предков. С жизнью в изгнании они мирились, пока не узнали, что правительство снова обмануло их, продав Танакуатуа, хотя не имело на то ни малейших прав.

Тут он так разгорячился и стал говорить так путано, что мы уже с трудом его понимали. Только позднее, путем терпеливых расспросов, мне удалось составить более или менее связную картину.

По всей видимости, новость о продаже Танакуатуа достигла Айму, где теперь жили танакуатуане, в виде слуха, но даже еще не подтвержденный, этот слух тут же пробудил сильные чувства. А после подтверждения в племени произошел раскол.

Кусаке, унаследовавший звание вождя от своего отца Татаке, был уязвлен, однако не давал настроениям управлять собой. Руководствуясь словами и примером отца, он усвоил себе качества, необходимые современному вождю. Он полностью осознавал, не в пример некоторым своим соплеменникам, что каковы бы ни были претерпеваемые

ими притеснения, на них нельзя реагировать, как в прежние времена — современный мир неласков к романтически настроенным предводителям воинов. Легендарные герои принадлежали истории, которой можно гордиться, — однако, поступать подобно им, достойным почитания, не стоило. И задачей вождя в годину бедствий было сохранить племя от распада, чтобы было кому передавать легенды прошлого, когда судьба снова повернется к ним лицом. А пока вождю следовало быть в основном политиком, а не военачальником, воинам же его — прилежными работниками. Доблесть следовало скрыть за хитростью, благородную ярость смирить холодной решительностью. Огонь гордости и веры должен гореть в душах неугасимо, но снаружи его разумнее будет заслонить от чужих глаз как бы закопченным ламповым стеклом.

Собственные чувства Кусаке относительно продажи Танакуатуа были сложны, но как политику ситуация ему была совершенно ясна: Британское правительство не только лишило их родины, но и продало ее за гораздо большую сумму, чем уплатило им в качестве компенсации, прилично поживившись на этом; правительство повинно в мошенничестве, так как продало остров-табу покупателю, который никогда не сможет воспользоваться своим приобретением. Все это дело было вопиющим безобразием с разных точек зрения. Поразмыслив над этим, Кусаке остановился на двух планах — А и Б. План А — обратиться в органы юстиции и получить юридическую консультацию. Если же там ничего дельного не посоветуют, то приступить к выполнению плана Б, согласно которому следовало известить о случившемся тех членов оппозиции, чьими стараниями их перевезли из резервации на Айму, с тем, чтобы они подняли этот вопрос в парламенте.

Но, к сожалению, как ни трезв и правилен был подобный подход с политической точки зрения, он претил наиболее решительным из подданных Кусаке. и недовольные сплотились вокруг Наиты.

Наита — сын Нокики — в молодые годы как раз был одним из тех троих мужчин, кто оставался с Нокики на Танакуатуа до конца. Поэтому он пользовался должным

уважением среди соплеменников и стал через некоторое время, унаследовав в этом отца, главным знахарем племени.

Отвращение, возбужденное в нем продажей острова, было так велико, что он пошел дальше вождя, заявив, что Танакуатуа никогда совсем и не был собственностью государства. Он утверждал, что компенсация была вовсе не уплатой за покупку, а откупом за нанесенный ущерб, так как именно государство было повинно в том, что над Танакуатуа теперь тяготило табу.

Кроме того, выступление Нокики в защиту родовых богов и его самопожертвование сделали остров хоть и запретной, но навсегда священной землей племени, а для людей клана Нокики — вдвойне священной.

И если принять все это во внимание, то предлагаемое Кусаке решение, которое, даже если требования островитян и удовлетворят, выразится лишь в малоутешительной денежной подачке, представало мелким и никчемным. Наита был поистине потрясен самой возможностью превращать честь и священные места предков в предмет сделки. Подобное оскорбление заставит души предков застенать от отчаяния в Стране Блаженных. Настало время действовать.

Танцующая-На-Волнах — женщина, почитаемая как та, что сплела Нокики погребальную циновку — придерживалась слегка иного мнения. Известно, говорила она, что теперь любого ступившего на землю Танакуатуа человека поразит ужасная смерть. Накаа выполнил просьбу Нокики. Поэтому нет надобности предпринимать какие-либо действия в этом направлении, как предлагает Наита. Теперь важно, настаивала она, показать насколько сильна и крепка их вера в Накаа; пришла пора отдать ему должное, выразить свое благоговение и почтение, искупить свои прегрешения, вину тех, кто поддался на соблазны бога белых; покаяться в недостатке веры, лишившем их сил, необходимых для защиты своего острова, что и послужило причиной того, что на него легло проклятие Нокики; и испросить справедливого возмездия для врагов.

В ответ на это Наита сказал, что оставлять исполнение возмездия одному Накаа — значит еще раз выказать себя робкими и нерешительными людьми. Если и дальше не

вмешиваться в ход событий, пока пришельцы оскверняют своим присутствием священную землю и топчут могилы предков, то не надо удивляться, если придется перенести новые, еще большие испытания. Теперь необходимо продемонстрировать действием веру в законы Накаа, свершить посвященные ему поступки, действовать не от своего имени, а от лица Накаа, чтобы вернуть себе благосклонность прежних богов и пробудить радость в душах предков.

Люди старые и средних лет придерживались либо стороны Кусаке, либо Танцующей-На-Волнах. Молодежь тоже разделилась во взглядах, но по-иному. Некоторые молодые мужчины, как жаловался еще Татаке, во всем разочаровались, ни во что не верили, и к развитию событий относились скептически, хотя и не прочь были бы получить денежную компенсацию посущественней: но были и другие, которых притягивали речи Наиты, и они вместе с ним обсуждали планы будущих действий.

Одним из камней преткновения было отсутствие денег. На рассмотрение Кусаке и старейшин было предложено несколько планов. Каждый натыкался на безоговорочный отказ, и в результате стало ясно, что надеяться на казну племени не придется.

— Прекрасно, — заявил Наита. — Они в своей робости показали нам, как сейчас обстоят дела. Наши доблестные предки не нуждались в деньгах — этой выдумке белых. Их богатством была благосклонность богов. Поэтому поступим подобно им. Будем молить богов о руководстве в пути. Если мы докажем крепость нашей веры, они подскажут, как стать орудием их мести.

Много месяцев боги, казалось, были глухи к их молитвам. И вот пришла весть, что вербовщик в Уияньи пытается набрать людей для высадки на Танакуатуа. Неудивительно, что, зная о репутации острова, люди не поддавались на его посулы.

Прослышав об этом, Наита погрузился в размышления, а потом возблагодарил богов за то, что они подсказали ему путь.

Вечером того же дня он созвал соплеменников и изложил новый план. Об этом плане Наита поведал нам в беседе у костра как-то путано, и мы мало что поняли. Кроме одного, что и вызвало недоумение у Камиллы.

— Вы по своей воле приехали на остров-табу. Я этого не понимаю.

— Накаа понимает, — кивнул он с серьезным видом. — Он знает, что здесь мы только для того, чтобы выполнить его волю. Помочь Сестричкам. Мы не собираемся здесь поселиться. Это он позволяет, и потому мы в безопасности.

— Ясно: разрешение на отступление от правил, — вполголоса проговорила Камилла. — Всегда есть способ обойти правила...

Наита ничего не ответил на это. Он пристально посмотрел ей в глаза и повторил тот вопрос, который задал в самом начале:

— Теперь расскажите, зачем вы сюда приехали?

— Хорошо, — согласилась Камилла и в общих чертах обрисовала ему Проект.

Насколько он понял изложенное, судить было трудно. Слушал он, не выдавая чувств ни единым движением, безотрывно глядя в огонь. Я же воспринимал ее слова с ощущением какой-то отрешенности. План, который казался таким продуманным и осуществимым дома, когда его подкрепляли внушительные средства лорда Фоксфилда, со времени нашей высадки постепенно становился все более и более нереальным. Теперь он потерял былой смысл и стал не вещественнее пустых мечтаний.

Камилла закончила свой рассказ объяснением причины выбора Танакуатуа в качестве места, где община сможет обрести новый образ жизни, не боясь чужого вмешательства.

Когда она замолчала, Наита поднял на нее взгляд и медленно покачал головой.

— Нигде в мире не осталось такого места. Нигде больше.

— Возможно, вы и правы, — согласилась Камилла, — но мы думали, что нам удастся. На этом маленьком острове, затерянном в океане...

— Вы знаете о табу, но не посчитались с этим. Белые люди смеются над табу, я знаю. Это глупо, очень глупо. Вы не знали о Сестричках.

— Вы все время говорите о каких-то Сестричках. Кто они?

Наита молча указал себе на грудь, где виднелись желтые линии.

— Ах, пауки. Нет, о них мы не знали. Почему вы называете их Сестричками?

— Потому что они мои Сестрички. Накаа произвел их из тела моего отца, Нокики. Поэтому они сестры и братья для меня.

Наита остановился. Камилла воздержалась от замечаний. И он продолжил:

— Они — посланцы Накаа. Он наслал их на мир, чтобы наказать его. Как некогда он изгнал мужчин и женщин из Блаженной Страны, теперь он хочет изгнать их из мира. Это его месть, а Сестрички — исполнители этой мести. Пока они живут только на Танакуатуа, но Накаа научил их летать. Они уже разлетаются вместе с ветром, который разнесет их по всему свету.

Камилла наклонила голову.

— Да, мы это видели.

— Там, где они опустятся на землю, они станут плодиться, а когда размножатся повсюду, то распространят табу с Танакуатуа на весь мир. Так свершится месть Накаа.

Камилла поразмыслила, потом тряхнула головой.

— Я все же не понимаю: месть за что?

— За недостаток веры, — сказал Наита. — В прежние времена люди повиновались повелениям Накаа — судьи и учредителя законов. Они чтили свои тотемы, оберегали святилища, почитали кости предков, выполняли похоронные обряды по его наказам, чтобы в день, когда их собственные души предстанут перед его судом, он не задушил бы их и не бросил на колья в Ямы, а открыл врата Страны Теней, где они смогли бы вечно жить счастливо.

Из поколения в поколение праведные люди и их потомки повиновались этим законам, и, благодаря их вере, души этих людей отправлялись в Страну Блаженства, остальные же — в Ямы. А потом пришли белые люди. Они принесли с собой зловещее оружие, дурные болезни, зло денег и зло алчности. Но хуже всего было, что они разрушили веру, показав, что все злое и дурное было сильнее достойного и добродетельного. Они не повиновались ни законам Накаа, ни обычаям мужчин и женщин, но их все

же не поражало несчастье. Несмотря на сосредоточенное в них зло, могущество их не убывало.

Видя это, многие из наших начали испытывать сомнения. Они потеряли веру в законы Накаа, в свои традиции и обычаи, потеряли веру в себя. Они перестали быть гордым и смелым народом, в путанице мыслей и чувств став робкими и слабыми. Они не понимали, что это Накаа проверяет их, столкнув лицом к лицу со злом, и что они не выдерживают испытания.

Но Накаа, сидя у врат, ведущих в Страну Теней, наблюдал за ними. С каждым годом все меньше и меньше душ пропускал он туда и все больше отправлял в Ямы. Когда до него донеслась просьба Нокики о наложении табу на Танакуатуа, он вынес решение. Люди оказались бесполезными. Сначала он изгнал их из Страны Блаженства, потому что наши предки ослушались его, теперь он изгонит нас из этого мира; поэтому он велел Сестричкам исторгнуться из тела Нокики и погубить всех людей.

— День Великого Суда, — задумчиво проговорила Камилла.

Наита покачал головой.

— Накаа уже вынес решение, — сказал он. — Теперь настал День Исполнения.

— И все же я не понимаю, зачем вы здесь, — снова сказала Камилла.

— Среди нас есть еще чтящие законы Накаа, те, кто может не упасть в Ямы по дороге в Страну Теней. Мы с благоговением принимаем решение Накаа и выполняем его повеление, чтобы, когда настанет и наш день, предстать перед его судом, он сказал: "Вы были моими верными слугами", — и открыл нам путь. Вот почему мы и пришли сюда, чтобы помочь Сестричкам.

— Как же вы это делаете? Они вроде прекрасно обходились и без вашей помощи, — продолжала настаивать Камилла.

— Когда вы повстречали Сестричек, то захотели бы послать о них сообщение и попросить помощи, чтобы расправиться с ними. Белые люди умные люди, — признал Наита, — и может нашли бы способ уничтожить Сестричек. Или вы могли бы вернуть обратно корабль, чтобы избежать табу — и исполнения воли Накаа. Мы не

дали этому случиться. Мы дали Сестричкам время, чтобы они могли сильнее размножиться и разлететься по свету. Мы позаботились о том, чтобы нарушители табу были наказаны.

Камилла несколько секунд разглядывала его лицо.

— Вы хотите сказать, что это вы разбили радиопередатчик? — спросила она.

Наита кивнул.

— Так было нужно, — коротко сказал он и, немного помолчав, добавил: — Теперь, когда вы мне рассказали, почему вы пришли на Танакуатуа и что вы собирались тут делать, я понимаю, почему Накаа хотел, чтобы мы помогли здесь Сестричкам. Это хорошее дело.

— О, — уклончиво произнесла Камилла.

Наита кивнул.

— Белые люди, — сказал он, — обрушились на нас как проклятие. Они ничего не уважали. Они разрушили наш образ жизни, попрали наши обычаи. Принесенные ими искушения смешали наши ценности. Их законы были законами их бога, а не нашего. Они понимали только земное, жизнь духа была для них закрыта. Белые несли зло, но все же победили, так как потеряна была наша вера. А без веры, без обычаев человек ничем не отличается от животного. Он становится ничем. Но Накаа справедлив и сделал так, что отнявшие у нас веру тоже будут страдать. Поэтому мы делаем доброе дело.

По лицу Камиллы было непохоже, что она уловила все повороты его мысли, но Наита, очевидно, счел сказанное последним словом. Он встал и, ничего больше не говоря, скрылся в небольшом шалаше, сплетенном из веток и листьев, стоявшем неподалеку. Его соплеменник уже давно незаметно удалился туда, пока мы беседовали. Я подбросил в костер оставшиеся сучья, и мы легли подле него, стараясь хоть ненадолго уснуть.

Проснувшись я увидел, что Наита вместе со своим безымянным помощником сидит на корточках около своего шалаша. Они готовили еду. Состояла она из какой-то грубо размолотой массы, размешанной до кашеобразного состояния в консервной банке, куда каждый по очереди погружал пальцы.

Я услыхал движение рядом с собой — Камилла тоже проснулась. Мы немного понаблюдали за островитянами.

— Не думаю, что стала бы есть эту дрянь, даже если бы они и предложили нам попробовать, — заметила она, — но от глотка воды я бы не отказалась. — И она, не задумываясь, встала и пошла к ним, чтобы попросить немного воды.

Наита, поколебавшись, кивнул и сказал что-то своему помощнику. Тот наклонился вперед, открутил крышку канистры и налил воды в две скорлупы кокосового ореха, которые передал Камилле. Наита смотрел, как она брала воду из его рук.

— А теперь уходите, — сказал он, махнув прочь левой рукой.

Осторожно, чтобы не расплескать свои чаши из скорлупы, мы пошли обратно к оставленным рюкзакам, где позавтракали двумя последними плитками шоколада. Закончив, мы посмотрели друг на друга.

— Ну, что мы теперь будем делать? — спросила Камилла.

Я пожал плечами.

— Если бы нам удалось каким-то образом заполучить обратно нашу одежду, то у нас был бы некий шанс, — сказал я. — Ведь инсектицид еще не мог весь выветриться?

Она покачала головой.

— Я заметила свою пряжку от ремня в углях костра. Но должен существовать выход, — твердо сказала Камилла.

Мы снова сели и стали пытаться отыскать его.

— Можно соорудить нечто вроде гелиографа. Чтобы сверкало в лучах солнца, — предложил я.

— Вы знаете азбуку Морзе? Я — нет, — сказала Камилла.

— Я знаю SOS. Думаю, нам хватит.

— Да, если кто-нибудь из наших окажется на берегу достаточно далеко от кромки деревьев, чтобы заметить сигналы...

— Мы могли бы зажечь костер. Увидев дым они поймут, что здесь кто-то есть. Потом мы можем попытаться передать сигнал.

— Чем? — спросила она.

— У нас ведь есть фольга, в которую был завернут шоколад. Нельзя ли попытаться сделать рефлектор из нее?

Она подняла фольгу с земли и с сомнением расправила ее.

— Разве гелиографы не надо настраивать, наводить? — спросила она. — Ведь нельзя просто размахивать этой фольгой и думать, что сигналы идут в нужном направлении.

— Думаю, нам удастся это сделать. Я установлю рефлектор. Потом вы встанете так, чтобы ваша голова оказалась на одной линии между ним и поселком. Когда отблеск попадет вам в глаза — значит мы нашли правильное направление.

Она по-прежнему не выражала никакого энтузиазма.

— Все это так зыбко. Во-первых, им надо заметить сигналы. Потом найти верную тропу. По дороге они могут наткнуться на островитян, как это произошло с нами. И даже если им повезет и они все-таки сюда доберутся, им придется иметь дело с этими двоими, а у Наиты револьвер. Кроме того, вы так легко говорите об "установке" рефлектора, но как вы собираетесь это сделать? У нас ничего нет, даже перочинного ножа. Честно говоря, я не думаю, что из этого что-нибудь может получиться.

— Ну хорошо, тогда ваша очередь предложить что-то, — сказал я.

Мы продолжали сидеть и думать.

Должно быть, примерно через полчаса мы услышали потрескивание веток под чьими-то шагами и, обернувшись, увидели двоих островитян.

Впереди шел Наита. На поясе у него висел мачете, туда же поместился и револьвер. Они оба несли в левой руке под мышкой короткие скатанные циновки. Бросался в глаза более сильный, чем вчера, блеск их кожи, как бы заново умащенной. Глаза Наиты на секунду задержались на нас, когда он проходил мимо по тропинке, рядом с которой мы сидели, но он не сбавил шага и не заговорил. Второй прошел, как бы вовсе не заметив нас. От них исходил такой же резкий запах, что и от захвативших нас вчера островитян.

Мы глядели им вслед, пока они, поднявшись по крутой тропинке, не исчезли за краем кратера. Я перевел взгляд на Камиллу — она недоуменно пожала плечами. И через некоторое время поднялась на ноги.

— Теперь, я думаю, можно хотя бы пойти и поискать — может что и найдем, — сказала она.

Мы дошли до того места, где вчера горел костер, и стали там рыться. По разбросанным в великом множестве банкам нетрудно было определить их происхождение. Те же консервы я видел в наших запасах. Еще там был ящик, в котором осталось банок шесть солонины. Полмешка какой-то крупы грубого помола (верно той, из которой они сегодня готовили завтрак) лежало прямо у порога шалаша вместе с запасом банок компота. В канистре все еще оставалось немного воды, но мы нашли еще одну канистру, поменьше, которая была совсем пустой. Она лежала на земле, потемневшей от уже успевшей впитаться жидкости, и было похоже, будто ее опрокинули нарочно.

Камилла подняла ее и понюхала горлышко. Поморщилась, потом взяла щепотку земли и понюхала ее тоже. Я взял у нее канистру. Она издавала тот же резкий запах, что и прошедшие недавно мимо нас двое островитян. Я кивнул.

— Это, должно быть, снадобье, отпугивающее пауков. Они не хотели, чтобы нам досталась хоть капля, — сказал я.

— Верно, — согласилась Камилла.

Она повнимательнее присмотрелась к влажному пятну. Жидкость впиталась почти досуха. Не стоило и пытаться добыть хоть толику.

— Не говорит ли это о том, что им это снадобье больше не понадобится, что они больше не вернутся сюда? — спросила она.

О такой возможности я не подумал.

— Действительно, похоже на то, — согласился я. — Если бы им еще нужна была эта канистра, они легко могли бы спрятать ее где -нибудь.

Она снова поднесла канистру к носу.

— Что же все-таки это такое? Что-то очень знакомое...

— Те, кого мы повстречали вчера, все были пропитаны этой вонью.

— Конечно, но я помню, что где-то еще слышала этот запах, но не столь сильный. Тогда я чуть было его не узнала...

— Важно выяснить — делали они это снадобье здесь или принесли в канистре еще откуда-нибудь, — сказал я.

— Если они изготовили его тут, должны остаться какие-то следы, которые смогут нам помочь.

Мы прочесали все вокруг, но ничего не обнаружили. Через час, разочарованные, мы сдались. Пока Камилла разжигала костер, я вышиб дно из банки с говядиной, и мы разогрели мясо в одной из пустых банок. Мы молча поели. Потом Камилла сказала, нарушив тягостное молчание:

— Я пытаюсь представить, как они могли добыть эту жидкость, — объявила она. — Сок маслянист. Значит, его надо было каким-то образом выдавить. Но пресса ведь у них не было... Как еще — самыми примитивными средствами — можно достичь нужного результата?

Кроме толченья пестом в ступе, мне ничего в голову не пришло. Так я и сказал.

— А если нет ни ступы, ни песта? — спросила она. — Тогда потребуется какое-то естественное углубление — лунка в камне? — Она обвела взглядом стены кратера. — Только здесь скальная порода выходит на поверхность. Давайте дойдем до того места, где тропка начинает взбираться вверх, и обойдем стену — разойдемся налево и направо, чтобы встретиться на той стороне.

Так мы и сделали. Правда, на успех я не рассчитывал. Через двадцать минут бесплодных поисков я уже начал склоняться к тому, что сок все же принесли с собой уже в канистре, когда крик Камиллы, многократно отразившийся от стен кратера, заставил меня поторопиться к ней.

Она действительно нашла то, что искала. Небольшое углубление в выступе скалы, расположенном не очень высоко над дном кратера. Когда я подошел, Камилла сидела на корточках и рассматривала остатки волокон какой-то растительной массы на склоне рядом с выступом. А на земле под ним лежал ствол молодого деревца, размочаленный на конце.

Я взобрался вверх, чтобы получше разглядеть находку. Естественная выемка подходила как нельзя лучше. Имелась даже бороздка, по которой сок мог стекать.

Камилла подобрала и протянула мне несколько кусочков раздавленных стеблей.

— И что же это, как бы вы думали? Я чуть не стукнула себя по лбу. Это те растения, что напоминают ве-

реск, на склоне. И паукам они не понравились. Помните, на "вересковом" поле паутина покрывала только первые несколько футов?

Мы провели остаток дняза сбором этих, похожих на вереск, растений. Работа была тяжелая и двигалась довольно медленно, потому что стебли растений были отнюдь не сочными, но все же до наступления темноты нам удалось добыть примерно три четверти пинты маслянистой жидкости.

— Этого, по всей видимости, должно хватить, — сказала Камилла, тщательно завинчивая крышку канистры, вместившей в себя плод наших дневных трудов.

Эту ночь мы спали спокойно, не испытывая неудобств. На следующее утро проснулись с рассветом и позавтракали компотом из банки. Потом Камилла взялась за драгоценную канистру с соком, добытую вчера. Она вылила немного жидкости в ладонь, понюхала ее и скривилась.

— Ну, попробуем, — сказала она и начала натираться.

Вскоре, сияя с головы до ног, издавая аромат, заглушающий все запахи вокруг, мы отправились в обратный путь, прихватив с собой рюкзаки.

Признаюсь, когда первая стая пауков, которую мы повстречали по дороге, устремилась к нам, мне стало не по себе, но все опасения оказались напрасными. В нескольких дюймах от наших ног пауки остановились, покрутились немного на месте, а потом отступили. Камилла с облегчением вздохнула, и то, что она тоже до конца не была уверена в успехе и могла испытывать такие же опасения, как и я, меня несколько утешило.

— Пока все нормально, — сказала она. — Теперь, если мы больше не наткнемся на островитян, то должны дойти. Интересно, а как они узнали об этом снадобье?

— Если тотем вашего клана — паук, то весьма вероятно, что вы будете знать о пауках немало, — предположил я. — Мне достаточно того, что средство действует. Давайте не будем медлить и, пока оно еще не потеряло силу, — вперед.

Мы снова пошли по тропе под деревьями, покрытыми пологом из паутины. Теперь, когда мы были только вдвоем, царившая там тишина, отсутствие всего живого, медленное покачивание обрывков паутинных полотнищ прида-

вали окружающему лесу еще более потусторонний вид. Обстановка действовала на психику невыразимо угнетающе. Идти здесь в одиночку было бы по-настоящему страшно.

Камилла ощущала это не в меньшей мере, чем я. Она сказала, инстинктивно понизив голос:

— Мили и мили такого же опустошенного леса. Все, что движется, стерто с лица земли. Страшно подумать... Как будто все эти сотни тысяч лет они ждали — терпеливо сидя возле своих сетей ждали, чтобы что-то произошло и наделило их силой... И вот что- то случилось: надо было так мало, чтобы все коренным образом изменилось — всего-то способность действовать сообща... Тут поневоле задумаешься: а на что были бы способны мы сами, если бы действительно могли объединить свои усилия?

— Только порой действуя совместно, нам и так удалось немало разрушить, — сказал я. — Это место лучше любого аргумента действует против подобной эффективности. Пойдемте дальше, поскорее прочь отсюда.

Наконец безжизненный лес остался позади. Мы дошли до участка, где паутина опускалась ниже. Где пауки по нависающим над тропой ветвям скатывались на нас сверху и отскакивали, будто обжегшись. Теперь, когда мы убедились в силе нашей защиты, даже их присутствие переносилось легче, чем полное безмолвие, стоящее под укутанными паутиной деревьями.

Вскоре мы уже пересекали пограничный район владений пауков, где их стаи рыскали по земле и разбегались во все стороны при нашем приближении.

Еще через несколько сотен ярдов не стало и их. А еще примерно через четверть мили мы оказались на месте, где на нас неожиданно напали островитяне.

Тут мы решили вернуться на свою тропу и пойти дальше уже по ней. По пути мы пока не заметили никаких примет, говорящих о близости островитян, но и не имели ни малейшего представления о том, куда вела их тропа и что нас ждало в ее конце. И продолжать двигаться по ней казалось ненужным испытанием судьбы. По той тропе, что расчищали мы с Камиллой, идти было не в пример труднее, но, чем дальше от проторенной широкой тропы мы уходили, тем спокойнее у меня становилось на душе. Че-

рез некоторое время мы ступили уже на тропу, по которой попали сюда и которая должна была вывести нас на берег.

Так мы вышли к лагуне. И сразу, как только выступили из-под деревьев, увидели за линией рифов небольшую лодку с поднятыми парусами, направлявшуюся на северо-запад.

— Странно, — сказала Камилла. Она достала из рюкзака бинокль и всмотрелась в суденышко. — Похоже на нашу лодку, только я никогда не видела ее с установленной мачтой. Над бортом видны несколько голов. — Она повела биноклем вдоль берега до того места, где обычно лежала наша лодка, вытащенная из воды. Там ее больше не было. Тогда она перевела взгляд еще дальше, к нашему временному лагерю.

— Не видно ни души, — встревоженно сказала она.

Мы свернули с тропы и пошли вдоль берега. На подходе к покрытым брезентом рядам ящиков я громко крикнул. Ответа не последовало. Никто не появился.

— Наверно, они работают в поселке, — сказал я неуверенно. И снова позвал...

Мы подошли поближе. По-прежнему не было заметно никаких признаков жизни. Казалось, место совершенно покинуто. Молча мы продолжали приближаться. В двадцати ярдах от лагеря Камилла вдруг остановилась и указала вперед. В нескольких шагах впереди на песке, как коричневая тень, лежало пятно. Оно задвигалось по направлению к нам.

— Нет, нет — нет! — воскликнула Камилла.

Я шел дальше. Стая пауков устремилась ко мне, но остановилась, не добежав до ног. Двигаясь дальше, я обогнул штабель ящиков. Оттуда можно было заглянуть под брезентовый навес, где временно располагалась мужская спальня.

В тени было трудно сначала что-либо различить. Но потом я увидел...

И отвернулся. Я смог отойти всего на четыре или пять шагов, прежде чем меня вывернуло наизнанку.

Камилла двинулась к навесу. Я замахал на нее руками.

— Не ходите туда, — успел сказать я и снова сложился пополам.

Придя в себя, я отправился искать ее и нашел у стены ящиков. Три стаи пауков были в футе-двух от нее и пристально следили за каждым ее движением, но она не обращала на них никакого внимания, всецело поглощенная предметом, который держала в руках. Это был грубо сплетенный мешок, какой мы видели у островитян, но теперь он был пуст, распоротый сверху донизу одним движением.

Ее лицо повернулось ко мне, и наши взгляды встретились. Я знал, что она тоже вспоминает такой же мешок, лежавший возле тропы — только тогда он был полон и что-то слегка шевелилось в нем...

Я огляделся вокруг и насчитал с дюжину валявшихся тут и там мешков, которые были разрезаны тем же приемом.

— Теперь понятно, что они имели в виду, когда говорили о "помощи Сестричкам", — сказала она едва слышно. Потом посмотрела на меня и спросила: — Они — все?..

Я кивнул. Тишина и воспоминание о том, что я увидел под навесом, не оставляли никаких сомнений.

— Наверно, они пришли ночью, и... — она закрыла глаза. — О, как ужасно, как ужасно!

В первый раз с тех пор, как я узнал ее, она потеряла спокойствие.

Я беспомощно стоял, опустив руки.

Белый парус на горизонте почти исчез. Островитяне плыли домой, выполнив свою миссию. Люди, которые хотели уподобиться богам, встретились с равным соперником в лице Накаа, Судии. Этот высший законодатель выполнил просьбу Нокики: на Танакуатуа по-прежнему оставалось лежать табу.

ГЛАВА VIII

Примерно через неделю или, может быть, дней через десять (мы немного сбились со счета) появился самолет.

Мы с Камиллой были на строительной площадке, пытаясь достроить один из домиков, чтобы сделать его недоступным для пауков.

Мы достали себе новую одежду из запасов и заново вооружились пульверизаторами. Инсектицид был менее сильным средством, чем снадобье островитян, но достаточно безотказным, к тому же у нас его было несколько больших бочек. Первое, что мы предприняли, обильно полив друг друга инсектицидом, — обработали полосу в ярд шириной вокруг здания и уничтожили всех пауков, оказавшихся внутри зоны. Мы лишь отчасти преуспели в этом, потому что, во-первых, приходилось каждый день заново обрабатывать защитную полосу, а во-вторых, кому-нибудь из пауков время от времени удавалось, засев на кусте или дереве, перекинуть паутинку через эту полосу, и тогда они устремлялись по ней, как по мосту.

Можно было пройти на север по побережью туда, где еще не было пауков, но тогда сначала пришлось бы прорубить тропу, потом на спине перетащить туда все припасы. К тому же мы не знали, сколько времени потребуется паукам, чтобы завоевать и ту часть острова. Не знали мы толком, и когда кончится сухой сезон, но понимали, что тогда потребуется хорошее укрытие. Поэтому мы все же решили, что лучше всего в нашем положении будет достроить дом, законопатить в нем все щели и соединения, сквозь которые могут проникнуть пауки, забрать сетями все окна, плотно подогнать двойные двери, чтобы иметь возможность отдохнуть и расслабиться хоть в одном месте.

Все эти дни мы жили в состоянии непрекращающейся осады, что порядком действовало на нервы. То ли наши перемещения, то ли визг пил и стук молотков привлекали пауков — сказать трудно, но они приходили и ждали. Они толпились живой колышущейся массой вдоль защитной линии, которую мы все время опрыскивали. При нашем приближении они застывали. И стояли, плотно прижавшись друг к другу, как прибрежная галька и столь же неподвижно. На глаз их можно было принять за какую-то неодушевленную массу. Но каким-то иным чувством, помимо зрения, ощущалось напряжение туго скрученной пружины, тлеющей невидимой искрой,готовой сорваться лавиной. И давило ощущение тысячи глаз, поджидающих подходящего момента для нападения. Можно было бросить в них горсть земли, но они стояли, не

шелохнувшись, сгрудившись у невидимого барьера головами вперед, и немигающим взглядом неотрывно глядели на нас, пока комочки земли постукивали по их спинам. Мне уже стало казаться, что они приготовились ждать до тех пор, пока инсектицид потеряет силу и перестанет отпугивать их, чтобы ринуться потоком через линию этого невидимого барьера.

А мы, со своей стороны, всеми силами старались от них избавиться. Вечером стали поливать их бензином. Бензин им пришелся совсем не по душе, вносил смятение и панику в их ряды. Но на следующее утро прибывали новые, которые поедали подохших накануне. Тогда мы стали поджигать бензин. И все равно на следующий день их становилось еще больше...

Как я уже говорил, их постоянное угрожающее присутствие действовало нам на нервы, я даже подумал, не может ли развиться на этой почве навязчивое состояние — нечто вроде арахнофобии. Мы не могли расслабиться ни на минуту, не вылезали из защитных костюмов и только иногда снимали шляпы с сеткой, когда работали на открытой местности и пауки не могли на нас спрыгнуть ниоткуда сверху. Все время нам приходилось быть начеку, потому что почти каждый день им удавалось навести один-два своих моста на нашу сторону. Тогда приходилось бросать все дела и хвататься за распылители, из которых мы обрызгивали их бензином. На ночь мы тщательно подтыкали москитные сетки вокруг себя, а утром первым делом надо было обыскать весь дом и прилегающий к нему участок, чтобы случайно не оставить там проникших ночью пауков.

Но наша работа двигалась. Через пять или шесть дней все углы и соединения пола, стен и крыши были залиты фиберглассом, каждое окно закрыто сеткой, натянутой приколоченными рейками, а по низу внутренней и внешней двери мы пустили автоматически захлопывающиеся планки с уплотнителями. Наконец хоть в доме мы могли чувствовать себя в безопасности, хотя ночью все же продолжали спать для спокойствия под сеткой.

Закончив дом, мы начали перевозить припасы и материалы из лагеря на берегу в поселок. Для перевозки мы могли использовать трактор с прицепом, но управиться

вдвоем с перемещением, распаковкой, погрузкой и разгрузкой контейнеров было нелегко. Обернуться туда-обратно за день мы не успевали.

После третьего такого путешествия мы заметили его. Я только подогнал трактор к дому и слезал с сиденья, когда вдруг Камилла, стоявшая наверху груженного трейлера, закричала, протягивая изо всех сил руку в сторону лагуны. Я вскарабкался к ней, недоумевая, что могло привести ее в такое состояние, и тут увидел его. На глади лагуны лежал гидроплан, на его поплавках стояли две фигуры, а рядом болталась надувная лодка. Тарахтенье трактора заглушило, наверно, стрекот мотора, поэтому мы и не услышали их приближения.

Один из прилетевших спустился в лодку и взялся за поплавок, чтобы лодка не качалась, пока второй в нее садился.

Камилла бросилась вниз.

— Быстрее, — сказала она, — мы не должны дать им высадиться на берег.

Мы помчались по дороге к лагерю. На одном из поворотов открылся вид на лагуну. Лодка преодолела уже более половины пути до берега. Мы припустились изо всех сил.

Когда мы выбежали из-за деревьев, лодка была уже на мелководье, и один человек уже начал вылезать из нее. Я остановился и закричал ему, но он был слишком далеко, чтобы услышать. Тогда я снова побежал. Второй тоже вылез из лодки, и они шли к берегу по мелководью, ведя лодку за собой. Мы с Камиллой закричали вместе. На этот раз они услышали, заметили нас, а один из них приветственно помахал нам рукой. Мы отчаянно кричали и пытались жестами показать, чтобы они плыли обратно. Они что-то сказали друг другу и радостно замахали нам в ответ.

Оставив лодку на влажном песке за полосой прибоя, они пошли вверх по берегу, не глядя больше на нас. Прямо перед ними виднелось приближающееся к ним коричневое пятно. Мы завопили и снова попытались прогнать их, показать жестами, чтобы они уходили. Но тщетно. Один из них заметил пятно. Он что-то сказал своему спутнику и наклонился к пятну, чтобы рассмотреть поближе. Оно достигло его ступней и моментально всего облепило.

Раздался крик.

Второй человек застыл на секунду от удивления, потом прыгнул вперед, чтобы стряхнуть пауков. Первый начал падать, и его товарищ подхватил его, желая поддержать. Пауки сразу перекинулись и на него. И он тоже закричал...

Мы остановились и сидели на каком-то ящике, пока не почувствовали себя немного лучше. Потом Камилла, глядя на лагуну, сказала:

— Вы сможете поднять самолет в воздух?

— Нет, — ответил я. — А вы можете управлять им на воде?

— Нет.

Некоторое время мы продолжали глядеть на самолет.

— А ведь на нем должно быть радио, да? — спросила она.

Мы подошли к лодке, стараясь не смотреть на тела погибших. Действительно, кабина была радиофицирована. Я одел наушники и включил рацию. Искаженный голос что-то неразборчиво вещал. Я подождал, и когда мне показалось, что он кончил, нажал на кнопку с надписью "Передача" и заговорил. Потом снова переключился на "Прием". Тот же голос продолжал так же неразборчиво и непонятно что-то вещать. Я так и не понял, услышали меня или нет.

— Вы понимаете, как пользоваться этим? — спросил я Камиллу.

— Нет, — сказала она. Все-таки попробовала, но успеха не добилась.

Мы решили пока оставить наши попытки и поплыли на лодке обратно к берегу. Камилла вошла в лагерь, пока я занимался малоприятным делом, пытаясь выяснить что-нибудь о погибших.

Когда я вновь присоединился к Камилле, то сказал:

— Один из них был пилот Джим Робертс.

Она кивнула.

— Я слышала о нем в Уияньи. Он работал на внутренних рейсах и возил между островами в основном почту, иногда перевозя больных, — так я тогда поняла.

— Второго звали Сомс. Он тоже жил в Уияньи. По-видимому, был там аккредитован как корреспондент агентства новостей, — добавил я.

— Если бы только они появились, когда мы еще не завели трактор... Кажется, я скоро поверю в табу, — сказала Камилла.

И все же в тот день мы несколько приободрились. Где-то всерьез встревожились отсутствием вестей от нас, настолько, что выслали самолет, а когда и этот самолет не вернется, то конечно же начнется расследование. Как скоро — это зависело от того, сообщил ли летчик о прибытии на Танакуатуа по радио или нет — тогда много времени уйдет на поиски исчезнувшего самолета в море. Нам оставалось только ждать.

Через пять дней прозвучал ответ на этот вопрос в виде трех корабельных гудков, разнесшихся над лагуной.

Мы поспешили на берег и подоспели, как раз когда небольшое, окрашенное в серый цвет, судно спускало якорь. Оно было похоже с виду на военное, о том же говорил и белый флаг английского военно-морского флота на корме. Наверно, торпедный катер, — определил я.

Пройдя мимо лагеря, мы остановились у самой воды и стали размахивать руками. С катера уже спустили маленькую шлюпку, куда сели четыре человека. Завели подвесной мотор, но лодка двинулась не прямо к нам. Сначала сделала круг, обогнув качающийся на волнах гидросамолет. Затем повернула к берегу. Мы зашли в воду, чтобы встретить их. Дно лодки шаркнуло по песку, и четверо сидящих там людей уставились на нас, как бы отказываясь верить собственным глазам, у троих даже рты раскрылись от удивления.

Мы сняли шляпы с сетками, но это мало помогло.

— Вы — мистер Тирри? — неуверенно спросил старшина.

Я отрицательно покачал головой.

— Тирри мертв, — сказал я. — Все умерли, кроме нас.

Люди в замешательстве непонимающе смотрели на нас, с невысказанным вопросом оглядывая с ног до головы. Уверен, что им было бы легче воспринять нас, если бы наша одежда состояла из шортов и рубашек или была обтрепанной в лохмотья.

— Это пауки, — сказала Камилла.

Ответ не показался старшине ни что-либо объясняющим, ни сколько -нибудь успокаивающим, и его вполне можно было понять.

— А, пауки, — без выражения повторил он, отведя взгляд от нас и стараясь разглядеть на берегу что-нибудь, что помогло бы ему оценить ситуацию.

Сначала его взгляд задержала надувная лодка с гидросамолета, потом — лежащие на песке два тела. На таком расстоянии они все еще походили на тела, если не присматриваться, — на самом же деле пауки ничего уже не оставили, кроме кожи и костей под опавшей одеждой.

— А эти двое? — спросил он, снова глядя на нас.

— Пауки погубили и их. Мы пытались остановить... — начала объяснять Камилла.

— Пауки? — повторил он, пристально глядя ей в глаза.

— Да, вон они, — сказала Камилла, указывая на берег.

Он перевел взгляд туда, куда она указала и смог различить только ничем не примечательное коричневое пятно на песке. По выражению его лица можно было ясно прочитать, что он думает. Повернувшись к одному из матросов, старшина обменялся с ним взглядами. Тот понимающе кивнул.

Старшина принял решение. Он поднялся с места.

— Я лучше сам пойду и взгляну на них, — сказал он.

— Нет, — воскликнула Камилла. — Вы не понимаете. Они убьют вас.

Он перешагнул через борт лодки.

— Пауки? — глядя на нее, как на человека не совсем в своем уме, спросил он.

— Да, — сказала Камилла и обернулась ко мне: — Арнольд, остановите его, объясните ему!

Старшина перевел настороженный взгляд на меня. Я понял вдруг, что он начал подозревать нас, решив, что у нас есть веские причины, чтобы никого не подпускать к телам для осмотра. Тогда я попытался урезонить его, подействовать на него логикой.

— Посмотрите на нас, — сказал я. — Не думаете ли вы, что мы вырядились так ради удовольствия? Если вы

считаете все же необходимым туда идти, то примите по крайней мере разумные меры предосторожности.

Я снял свои перчатки и протянул их вместе со шляпой старшине.

Он посмотрел на них, готовый отказаться, но Камилла сказала:

— Пожалуйста, я прошу, возьмите.

Со снисходительным видом, посмеиваясь про себя, он согласился. Надел шляпу, Камилла заткнула ему сетку за воротник, потом, присев, заправила брюки ему в носки.

— И перчатки, — сказала она. — Вы не должны снимать их.

Трое сидевших в лодке сначала наблюдали за ними с усмешкой, но теперь немного забеспокоились.

— Поднимитесь, пожалуйста в лодку, — сказал нам старшина и взглянул на матросов, как бы говоря, чтобы нас больше не отпускали.

Так мы и сделали и сидели, глядя ему вслед, пока он преодолевал расстояние, отделяющее его от берега, по воде и пошел вверх по пляжу.

Не меньше трех групп пауков заметили его и устремились навстречу. Тут примолкли и матросы в лодке. Они тоже заметили, что пятна на берегу задвигались. Один из матросов окликнул старшину и показал на них. Тот посмотрел вокруг, но ничего необычного, похоже, не увидел. Помахал рукой в перчатке и пошел дальше.

Дойдя до лежащих на песке тел, он наклонился к ним, чтобы рассмотреть. Два коричневых пятна приблизились к нему уже почти вплотную. Один из матросов снова предупредительно закричал, но старшина не обратил на предупреждение внимания и пристально вглядывался в то тело, которое лежало ближе к нему. Несколько неуверенно он протянул руку, чтобы коснуться его.

И тут его настигла первая стая пауков.

Они моментально захлестнули его. Он резко выпрямился и попытался стряхнуть их с себя. Но подоспела вторая и третья группы. И стали взбираться по его ногам.

Несколько секунд он стоял весь, кроме шляпы и перчаток, облепленный пауками, тщетно пытаясь от них

избавиться. Потом увидел, что к нему двинулись и другие группы, и решил отступить.

Перепрыгнув по пути пару стай, он побежал к воде и по мелководью кинулся к лодке. Но в нескольких ярдах от нее одумался и свернул в сторону. Мы близко увидели шевелящийся поблескивающий панцырь из пауков, покрывших его сплошным слоем.

На более глубоком месте он с размаху бросился в воду. Большую часть пауков смыло. Но пришлось погружаться с головой еще и еще раз, прежде чем удалось избавиться от них совсем.

Матрос уже запустил мотор, и мы подплыли к нему. Качаясь, он стоял по пояс в воде. Матросы затащили его через борт в лодку.

— Мои руки, — простонал он, — о, Боже, мои руки! — и потерял сознание.

Мы стянули с него китель. Оттуда вывалились четыре или пять пауков, которых тут же раздавили. Наверно, они забрались под манжеты, потому что на руках до локтя виднелось около дюжины красных пятнышек, уже начинавших вздуваться.

На полной скорости мы направились к катеру.

ГЛАВА IX

Так бесславно закончился Проект лорда Ф. как таковой. Но надо было еще сделать немало для того, чтобы покончить с формальностями. С нас, к примеру, снимали показания. Представление о множестве подобных опросов и допросов, которым мы впоследствии подвергались, может дать самый первый, устроенный подполковником Джеем, командовавшим объединенным отрядом на станции слежения в Оахому. Не то, чтобы он не верил нам — ведь наши слова подтверждали показания его собственного старшины, находившегося теперь в изоляторе и мучавшегося от сильнейших болей в руках, — но существует разница между доверием и способностью поверить: наш рассказ не воспринимали как истинный не потому, что испытывали недоверие по отношению к нам, а потому что

не могли поверить нашим словам. Именно неспособность принять эти слова и не давали покоя ему и всем остальным, кто расспрашивал нас потом.

— Пауки, — сказал он, размышляя вслух и глядя на нас. — Но разве их нельзя было раздавить, растоптать как-нибудь?

Мы объяснили, что они охотились стаями.

— Все равно, — продолжал он, — тогда вы могли установить какой-нибудь огнемет. Он бы их живо поджарил.

Мы рассказали, что такой вариант обсуждался и что в ограниченных пределах при благоприятных обстоятельствах огнеметы могли бы оказаться полезными и стали излагать наш план огненного барьера, который, как мы убедились, не способен был бы все равно уничтожить всех.

Но как мы ни старались, все же не в состоянии были довести до его сознания реальный масштаб бедствия. Весьма трудно употреблять в речи "миллионы", чтобы собеседник не принял его за преувеличение, и, как мы убедились на собственном опыте, лучше совсем избегать слова "миллиарды". Подполковник явно принял наше заявление, что пауки уничтожили в тех областях, которыми полностью завладели, всю без исключения живность, за признание, что других животных мы просто не заметили.

В завершение беседы он сказал нам:

— Боюсь, вам придется остаться здесь до тех пор, пока я не получу распоряжений относительно вас. Мы постараемся устроить вас поудобнее.

— Вот, пожалуйста, — сказала Камилла, когда дверь за нами закрылась, — дожили. Он считает, что мы, претерпев тяжелые испытания, слегка спятили.

Однако его докладная, по-видимому, возымела вес, потому что через пять дней для расследования прилетела группа их четырех человек. Один из них был из Министерства по делам колоний, другой — биолог, третий — фотограф, а четвертый, насколько я мог понять, выступал как представитель лорда Фоксфилда. Они задали нам массу вопросов, но к ответам отнеслись весьма прохладно.

На следующий день они на своем самолете перевезли нас на Танакуатуа, и я впервые увидел его с воздуха. Это

было впечатляющее зрелище. Вид половины острова, обтянутой покрывалом из паутины, заметно повлиял на наших спутников, и отношение к нам изменилось.

Когда мы высадились из лодки на берег, с ног до головы в пропитанном инсектицидом обмундировании, я повел троих к лагерю, а увешанные коробочками Камилла и биолог пошли вдоль по берегу.

В лагере я остановился около навеса над бывшей спальней и указал, где вход тем, кто пришел вместе со мной. Сам я больше туда заходить не имел ни малейшего желания. Я стоял и ждал, пока они выйдут, и одна стая пауков за другой взбиралась по ногам, достигали колен и спрыгивали на землю. Наконец трое моих спутников вышли из-под навеса, побледневшие и потрясенные.

Потом я повел их на место, где строился поселок. Пауки преодолели нашу защитную полосу и теперь собрались вокруг изолированного домика, покрыв его сплошной поблескивающей шевелящейся массой. Мы молча наблюдали за ними несколько минут.

Человек из министерства сказал с тревогой в голосе:

— Кажется, будто они думают, что внутри что-то или кто-то — есть, и они хотят до него добраться... А не может ли быть так, что?..

Мы подошли ближе, разогнали скопившихся перед дверью пауков разбрызгивателем. Внутри, конечно, никого не оказалось, пауков там тоже не было.

— Ну, все равно, ведь тут раньше укрывались вы... — сказал тот же человек. Он тряхнул головой: — С меня достаточно. Готов отправиться в обратный путь хоть сейчас.

— Вы-то, может, и готовы, — сказал оператор, — но нам необходимо добыть доказательства, чтобы убедить тех, кто нас сюда послал. Не подкрепленными ничем рассказами это сделать трудно, — думаю, мистер Делгранж согласится со мной.

Он перекинул большую черную сумку, которую нес на ремне через плечо, себе на грудь и принялся выбирать подходящие камеры и объективы. Полчаса мы наблюдали, как он фотографирует и снимает кинокамерой, потом утомились и ушли в лодку — единственное место под открытым небом, куда не проникали пауки.

— Мне кажется, — сказал представитель лорда Фоксфилда, — что есть только один способ очистить это место. Надо полить его с воздуха сильнейшим из существующих инсектицидов — каждый квадратный фут.

Человек из министерства отрицательно покачал головой.

— Ничего не даст. Препарат просто осядет сверху на паутине, — рассудил он.

— Хорошо, тогда надо подождать, пока ураган сорвет паутину, и тогда обработать остров, — уточнил человек от лорда Фоксфилда.

— Под листьями инсектицид все равно на них не подействует. Они отсидятся, — сказал ему чиновник. — Нет, поможет только хорошая доза напалма с наветренной стороны, когда поднимется сильный ветер. Надо спалить это чертово логово.

— Если оно станет гореть, — сказал первый. — На джунгли сбрасывали напалм, но они не занимались огнем.

— А может оставить все, как есть, и пусть они сами себя пожрут? Ведь любое сообщество, живущее исключительно за счет каннибализма, должно в конце концов — это вполне резонно — истощить все запасы пищи.

— Мы уже рассматривали все варианты, — вмешался я и изложил предположение Камиллы, что пауки научатся ловить рыбу.

— Кроме того, — добавил я, — чем дольше они будут существовать, тем больше шансов, что они смогут расселиться.

Мы еще обсуждали способы расправы с пауками, когда к нам подошел оператор. Он выглядел удовлетворенным.

— Теперь мне осталось только снять их нападение на человека. Не будет ли кто-нибудь из вас так любезен? — обратился он к нам с просьбой.

Примерно через час на берегу появились Камилла и биолог, увлеченные беседой. Сдержанность и холодность его по отношению к нам совершенно испарилась. Коробочки для отбора образцов он заботливо положил в лодку.

— Что у вас там? — спросил с подозрением человек из министерства. — Надеюсь не?..

— Да. Доказательство, — ответила Камилла, снимая крышку с одной из коробочек. Чиновник отпрянул, но

потом заметил, что коробочка затянута сверху металлической сеткой. Он осторожно заглянул внутрь, где копошилась паучья масса. — Сестрички, условно поименованные *Araneus Nokikii* — паук Нокики, — сказала Камилла.

Мы вместе с инспекторской группой покинули Оахому на следующий день и вылетели на родину через Гонолулу и Сан-Франциско.

А через два дня после прибытия в Англию предстали перед лордом Фоксфилдом, вызвавшим нас, дабы услышать о происшедшем на Танакуатуа из первых уст.

Он был совершенно выведен из равновесия: "Ох-ох!", "Редкостное невезение!", "Как прискорбно!", а порой у него даже вырывалось "Ужасно!"

— Но все же можно было, — сказал он недоуменным тоном, когда мы закончили, — ведь, несмотря на трудности, все-таки можно было что-то предпринять, чтобы предотвратить эту трагедию.

— Скорее всего, — предположила Камилла, — мы для этого недостаточно походили на богов.

Наша беседа завершилась на иной ноте.

— Я дам распоряжение своим адвокатам возбудить дело, — сказал он. — Совершенно ясно, что этот вид пауков возник в результате мутации, вызванной радиоактивным заражением части Танакуатуа. В заключении о "чистоте" (бывшем условием покупки острова): регистрировался существующий уровень радиации — и я не сомневаюсь в его справедливости, однако понятие "чистоты" подразумевало также, что остров не подвергся и влиянию радиации, — любой здравомыслящий человек на основании этого заключения мог придти к такому выводу. А в таком случае продающая сторона неверно сообщила покупателю о состоянии острова, потому что воздействие радиации сделало Танакуатуа неподходящим для заселения и, следовательно, бесполезным для покупателя.

Когда дело будет слушаться, то вас, конечно, обоих вызовут в качестве свидетелей.

Нас, вполне естественно, так больше никто и не вызывал.

Из-за какой-то текущей политической сенсации история с Танакуатуа получила на удивление малую огласку, а правительство не испытало ни малейшего желания

выставлять ее под свет юпитеров. Дело уладили в судебном порядке, без слушания. Его светлости вернули деньги, которые он уплатил за Танакуатуа, возместили средства, пошедшие на организацию экспедиции, определенную сумму выплатили и близким родственникам погибших, выделили кое-что и нам, а за очень приличную в целом сумму, выложенную из карманов налогоплательщиков, правительство снова без особого восторга вступило во владение Танакуатуа.

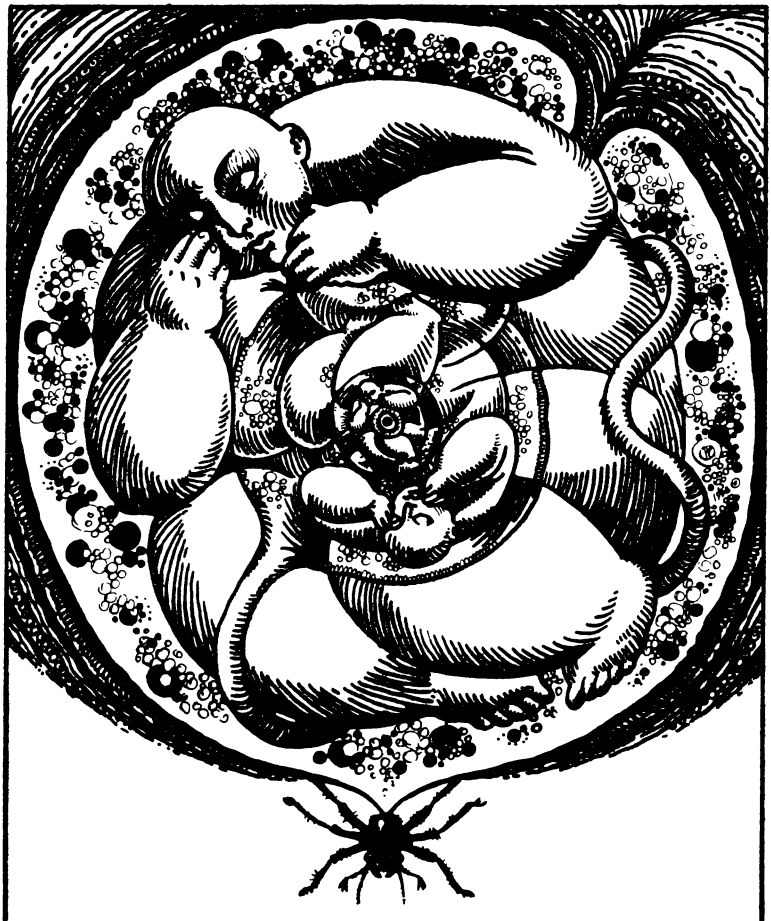
Какие именно шаги были предприняты, чтобы избавить остров от Сестричек, мне не удалось выяснить, но после извержения на Танакуатуа этот вопрос приобрел сугубо академический интерес.

Вспоминается, что здесь была какая-то путаница вначале, так как за сообщением о пробуждении вулканической активности на острове быстро последовали сведения из Москвы, Токио и Сан-Франциско о регистрации низкого надземного термоядерного взрыва примерно в то же время и в том же месте. Все недоразумения, конечно же, вполне рассеяло официальное заявление, где говорилось, что разведывательный полет после извержения показал отсутствие всех признаков растительной и животной жизни на Танакуатуа, который, к счастью, был необитаемым островом.

Я иногда получаю вести от Камиллы, которая, судя по местам, откуда они поступают, довольно много путешествует. По большей части она мне присылает вырезки из каких-то безвестных местных газет, где всегда говорится (если мне удается перевести где-нибудь эти заметки) о случаях смерти, происшедшей от укусов пауков.

Но в последний раз пришла не вырезка. Я получил по почте маленькую коробочку, отправленную откуда-то из Перу. Внутри, заспиртованный в пузырьке, находился образец, который я определил безошибочно, как только вынул его на свет: Сестричка — *Araneus Nokikii.*

Поживем — увидим... Думаю, время покажет...



СТУПАЙ К МУРАВЬЮ...

CONSIDER HER WAYS

PENGUIN BOOKS LTD. ENGLAND 1961

Ничего, кроме меня самой, не существовало.

Я висела в какой-то пустоте, лишенной времени, пространства и энергии. Было ни светло, ни темно. Я обладала сущностью, но не формой, сознанием, но не памятью. Неужели это "ничего" и есть моя душа? — думала я. Мне казалось, что так было всегда и будет длиться вечно...

Однако такое состояние вне времени и пространства продолжалось недолго. Я почувствовала, что появилась какая-то сила, которая притягивает меня к себе. Я обрадовалась, так как хотелось двигаться, поворачиваясь, словно иголка компаса, а затем провалиться в пустоту.

Но в этом меня постигло разочарование. Никакого падения не последовало, а вместо этого другие силы стали тянуть меня в разные стороны. Это качание все усиливалось, пока, наконец, ощущение борьбы не прекратилось совсем...

— Все в порядке, — послышался чей-то голос. — Реанимация несколько затянулась по неизвестной нам причине. Пожалуйста, отметьте это в ее медицинской карте. В который раз она к нам поступила? А, только в четвертый... Ну, ничего — она уже приходит в себя. Но все-таки не забудьте сделать об этом отметку в карте.

Голос, произносивший все это, был женским, с несильным незнакомым акцентом. Затем другой женский голос сказал:

© Перевод на русский язык. М.Бирман, 1993

— Выпейте это.

Чья-то рука приподняла мою голову, а другая — поднесла чашку к губам. Я выпила содержимое чашки и откинулась обратно на подушку. Потом я закрыла глаза и ненадолго задремала. Проснувшись, я уже чувствовала себя немного крепче. Несколько минут я лежала, уставившись глазами в потолок и размышляя о том, где я нахожусь. Я не могла припомнить, чтобы когда-нибудь видела потолок, окрашенный в такой розовато-кремовый цвет. И тут я внезапно с ужасом поняла — не только потолок, но и все, что окружало меня, мне совершенно незнакомо. У меня был какой-то провал памяти — я не имела представления, кто я и где нахожусь; я не могла вспомнить, как и почему сюда попала... Охваченная паникой, я попыталась сесть, но чья-то рука заставила меня снова лечь и опять поднесла мне чашку к губам.

— Не волнуйтесь, с вами все в порядке, — проговорил уже знакомый голос, — попытайтесь расслабиться и отдохнуть.

Мне хотелось задать массу вопросов, но почему-то я чувствовала себя очень усталой и отложила свои расспросы на потом. Паника постепенно улеглась, и я впала в состояние какого-то безразличия. Но все-таки я пыталась понять, что же случилось со мной — может быть, я попала в аварию? Или у меня был сильный шок? Я ничего не знала и в то же время даже не очень-то задумывалась над всем — было ясно, что за мной ухаживали. Это меня успокоило, и я снова уснула.

Не знаю, сколько я проспала — час или несколько минут, но когда открыла глаза, уже чувствовала себя спокойнее и крепче. Мною снова овладело любопытство — мне очень хотелось узнать, где же я нахожусь. Я повернула голову и огляделась.

Метрах в двух от меня я увидела странное сооружение на колесах — нечто среднее между кроватью и больничной каталкой. На нем спала женщина таких гигантских размеров, какие мне никогда не приходилось видеть. Затем я взглянула в другую сторону и увидела еще две каталки с такими же огромными женщинами. Приглядевшись к той, что была ближе ко мне, я с удивлением обнаружила, что она совсем молода: года двадцать два, двадцать три, не бо-

лее. Лицо у нее было пухленькое, но не жирное; по правде говоря, его свежий, здоровый цвет и коротко остриженные золотистые кудри позволяли даже назвать ее красивой. Я начала размышлять о том, какого рода гормональное нарушение могло вызвать столь серьезную аномалию в таком молодом возрасте.

Прошло минут десять, и я услышала, как кто-то деловитым шагом приближается ко мне. Чей-то голос спросил:

— Ну, как вы себя чувствуете сейчас?

Я повернула голову и оказалась лицом к лицу с ребенком лет семи. Однако при ближайшем рассмотрении обнаружила, что лицо под белой шапочкой отнюдь не детское и его владелице лет тридцать, не менее. Не дожидаясь моего ответа, маленькая женщина взяла меня за кисть и стала считать пульс. Видимо, его частота удовлетворила ее, и она сказала:

— Теперь у вас все пойдет хорошо, мамаша.

Я уставилась на нее, ничего не понимая.

— Перевозка стоит у самых дверей — как вы думаете, вы сумеете сами дойти до нее?

— Какая еще перевозка? — спросила я в недоумении.

— Ну, карета, которая отвезет вас домой. Вставайте, пошли. — И она откинула мое одеяло.

То, что я увидела, потрясло меня. Я приподняла руку, но это была не рука, а скорее диванный валик с крохотной ладошкой на конце. Я смотрела на нее с ужасом. Затем я дико закричала и потеряла сознание...

Придя в себя, я увидела рядом с кроватью женщину нормального роста в белом халате и со стетоскопом на шее. Малышка в белой шапочке, которую я сначала приняла за ребенка, стояла рядом, едва доставая ее локтя.

— Не знаю, что на нее нашло, доктор. — Она вдруг завизжала и потеряла сознание...

— Что это? Что случилось со мной? Я знаю, что я совсем не такая — нет, нет! — прокричала я.

Врач продолжала обескураженно смотреть на меня.

— О чем это она? — спросила она сестру.

— Понятия не имею, доктор, — ответила сестра, — это случилось совершенно неожиданно, как будто у нее был шок.

— Но ведь мы ее уже обследовали и выписали, так что она не может здесь больше оставаться; к тому же нам нужна эта палата... Пожалуй, надо дать ей что-нибудь успокоительное.

— Но что же случилось? Кто я? Тут что-то ужасно напутано — я знаю, что я совсем не такая! Ради Бога, объясните мне, в чем дело?!

Врачиха стала меня успокаивать. Она ласково потрепала меня по плечу и сказала:

— Все в порядке, мамаша, вам совершенно не о чем беспокоиться. Старайтесь не принимать ничего близко к сердцу, и скоро вы будете дома.

В это время подошла медсестра со шприцем в руке и подала его врачихе.

— Не надо, не надо! — закричала я. — Я хочу знать, где я, кто вы и что же случилось со мной?

Я попыталась вырвать шприц из рук врача, но они обе прижали меня к кровати и все-таки умудрились сделать мне укол в руку.

Это действительно было что-то успокоительное. Однако оно не погрузило меня в сон, а лишь позволило мне как бы отрешиться от самой себя и ясно оценивать все происходящее как бы со стороны...

Вне сомнения, у меня была амнезия. Очевидно, какой-то шок привел, как принято говорить, к "утрате памяти". Но эта утрата была все же незначительной — я не помнила, кто я, что я и где живу, и в то же время сохранила способность говорить и думать; а подумать мне было о чем.

Я была глубоко убеждена, что все происходящее вокруг было чем-то нереальным. Так, я понимала, что никогда прежде не видела этого места; весьма необычным было и присутствие двух маленьких медсестер, а самое главное — я была абсолютно уверена, что огромное тело, лежавшее на постели, не было моим. Я не могла вспомнить, каким было мое лицо — обрамлено ли оно светлыми или темными волосами, молодое оно или старое, — но я ни минуты не сомневалась в том, что оно никогда не являлось частью этого тела. К тому же рядом со мной находились другие молодые женщины столь же огромных размеров. Поэтому трудно было допустить, что все мы страдали

одним и тем же гормональным нарушением — иначе зачем персонал собирался благополучно отправить меня "домой", хотя я понятия не имела, где находится этот "дом"...

Я все еще обдумывала сложившуюся ситуацию, когда заметила, что потолок над моей головой начала двигаться, и я поняла, что меня куда-то везут. Дверь в конце комнаты отворилась, и каталка слегка наклонилась подо мной по мере того, как съезжала с небольшого пандуса.

У подножия пандуса стояла "карета" для перевозки больных, окрашенная в розовый цвет; ее задние дверцы были распахнуты. Бригада из восьми маленьких санитарок перенесла меня с каталки на кушетку в карете. Две санитарки накрыли меня легким одеялом и подсунули мне под голову еще одну подушку. Затем они вышли, захлопнули за собой дверцы, и через минуту мы отправились в путь.

Именно тогда (возможно, под действием укола) я решила, что, по всей вероятности, еще не вполне пришла в себя после какой-то аварии: очевидно, у меня было сотрясение мозга и то, что я видела и чувствовала, было либо сном, либо галлюцинацией. Со временем я должна была проснуться в обстановке, знакомой или по крайней мере доступной моему сознанию. Меня удивило, как эта трезвая и утешительная мысль не пришла мне в голову раньше и как глупо было с моей стороны поверить в то, что я была каким-то Гулливером среди лиллипутов.

Это открытие успокоило меня и совершенно изменило мое отношение к окружающему, так что я стала внимательно следить за всем, что происходит вокруг.

Внутренние стенки "кареты" были также окрашены в бледно-розовый цвет, в то время как потолок был нежно-голубым с разбросанными по нему серебряными звездочками. По обе стороны от меня было по большому окну с раздвинутыми тюлевыми занавесками. Слегка поворачивая голову на подушке, я могла без труда обозревать пейзаж. Он был довольно однообразен: по обе стороны дороги высились трехэтажные дома, окруженные небольшими лужайками. Дома были стандартными, но каждый окрашен в свой цвет, а на окнах висели пестрые занавески. Черепичные крыши выдавали некоторое влияние итальянской архитектуры. Людей вокруг было мало — только кое-где

женщины в рабочей одежде либо подстригали лужайки, либо ухаживали за цветами на клумбах.

За домами, в стороне от дороги, виднелись более высокие здания с трубами — по всей вероятности, фабрики. Движение на дороге не отличалось интенсивностью, в основном это был большой и малый грузовой транспорт. Все машины были окрашены в один цвет и отличались лишь надписями на бортах.

Мы продолжали двигаться по шоссе на средней скорости еще минут двадцать, пока не доехали до участка дороги, где шел ремонт. Карета замедлила ход, а работницы отошли в сторону, чтобы дать нам проехать. По мере того, как мы медленно продвигались по вскрытому асфальту, я смогла их хорошо рассмотреть. Это были женщины или девушки нормального роста, одетые в холщовые брюки, майки и рабочие сапоги. Волосы у всех были коротко острижены, а у некоторых прикрыты соломенными шляпами. Все они были высокими и широкоплечими, с крепкими руками, покрытыми загаром. Мускулы на руках напоминали мужские.

Когда машина поравнялась с ними, они потянулись к окошку, пытаясь взглянуть на меня, при этом приветливо улыбались и поднимали правую руку в знак приветствия. Я улыбнулась в ответ, но, очевидно, они ожидали чего-то большего. Тогда я догадалась и тоже подняла правую руку. Этот жест имел успех, хотя удивление не исчезло с их лиц.

"Карета" двинулась дальше. Может быть, эти дружелюбные "амазонки" с лопатами вместо луков и стрел были какими-то символами из сновидений, застрявшими в моем подсознании? — размышляла я. Может, это было подавленное стремление властвовать? Я так и не смогла решить для себя этот вопрос.

А тем временем моя перевозка уже выехала за город.

По цветам на клумбах и едва распустившейся листве на деревьях я понимала, что сейчас весна. По обе стороны от дороги простирались зеленые луга и аккуратно вспаханные поля, на которых поднимались всходы. Солнце освещало на удивление четко спланированный ландшафт, какого мне никогда не доводилось видеть; то там, то тут пасущийся скот нарушал эту строгую планировку. Фермы

и хозяйственные постройки тоже располагались, как на чертеже, — все это каким-то странным образом напоминало игрушечную деревню...

Мы продолжали наш путь мимо угодий еще минут сорок. Затем дорога свернула налево и вдоль нее потянулся ряд деревьев. Аккуратно подстриженные, они производили впечатление высокого забора. Потом "карета" снова повернула налево и остановилась перед высокими воротами, окрашенными в тот же неизменный розовый цвет. Водитель посигналила, и женщина средних лет в белой блузке и брючном костюме вышла из сторожки и открыла ворота. Увидев меня, она, как и "амазонки", подняла руку в приветствии. По мере того, как она раздвигала ворота, я обратила внимание на то, какая она маленькая — не выше метра двадцати сантиметров.

Ее вид и размеры маленькой сторожки снова навели меня на мысль о символике — ведь мифология так богата легендами и сказками о различных гномах и прочем "малом люде", которые часто являются нам во сне. Так как я все еще не могла решить этот вопрос, то отложила его на потом.

Теперь мы ехали по аллее, проложенной посреди чего-то среднего между городским сквером и новой пригородной застройкой. Кругом было много лужаек и клумб, а между ними стояли розовые трехэтажные дома. Группа амазонок в майках и брюках сажала в свежевскопанную клумбу тюльпаны. Они доброжелательно улыбнулись нам, когда мы проезжали мимо. По одной из лужаек парка прогуливалась огромная женщина, облаченная в розовые покрывала. Ее сопровождали три маленькие женщины в белой форме, которые по сравнению с ней казались детьми или заводными куклами.

Наконец мы подъехали к крыльцу, ведущему в одно из розовых зданий. Оно было нормальных размеров, но ступеньки были разделены центральной баллюстрадой: те, что располагались налево, были обычными, а те, что направо, — пониже, и их было побольше.

Три гудка автомобиля возвестили о нашем приезде. Через несколько секунд шесть маленьких женщин выскочили из дверей и побежали вниз по правой стороне крыльца. Водитель машины вышла им навстречу. Она тоже была

маленькой, но не в белой форме, как остальные, а в блестящем розовом костюме, похожем на ливрею, цвет которого совпадал с цветом машины. Они о чем-то переговорили, затем открыли заднюю дверцу кареты и чей-то голос приветливо сказал:

— Добро пожаловать, мамаша Оркис! Вот вы и дома.

Кушетка, на которой я лежала в карете, соскользнула с полозьев и медленно опустилась на землю. Одна из маленьких женщин подошла ко мне и участливо спросила:

— Как вы думаете, вы сумеете сами идти, мамаша?

В тот момент я не обратила внимания на эту форму обращения, но сейчас было совершенно ясно, что обращаются ко мне, так как рядом со мной больше никого не было.

— Идти? — переспросила я. — Конечно, смогу. — И, поддерживаемая восемью руками, села на кушетке.

Когда я сказала "конечно", то переоценила свои возможности. И поняла это, как только мне помогли подняться на ноги. Даже с посторонней помощью такое небольшое усилие заставило меня тяжело дышать. Я с отвращением взглянула на свою, словно надутую, фигуру, задрапированную в розовые покрывала, и сделала робкий шаг вперед. Такое передвижение едва ли можно было назвать ходьбой. Маленькие женщины, достающие мне только до локтя, хлопотали вокруг, как встревоженные наседки. Но, начав, я была полна решимости продолжать свой путь по дорожке, а затем, сделав огромное усилие, поднялась по ступенькам левой стороны крыльца.

Когда я наконец достигла вершины, вокруг раздался общий вздох облегчения и радости. Мы передохнули несколько минут, а затем вошли в здание. От самых дверей тянулся коридор с закрытыми по обе стороны дверями. В конце коридора мы повернули налево, и тут в первый раз я увидела себя в зеркале. Мне потребовалось все мое самообладание, чтобы снова не впасть в панику от того, что я там увидела. Передо мною была ужасная пародия на женщину: слонообразная фигура, которая выглядела еще больше благодаря розовым покрывалам. Хорошо еще, что они скрывали все, кроме головы и рук, но и эти последние тоже шокировали меня, так как руки были мягкими и маленькими, а голова и лицо вполне могли принадлежать мо-

лодой девушке, к тому же красивой. Ей было не больше двадцати одного года; ее курчавые светлые волосы с каштановым отливом были коротко подстрижены. Цвет лица был кремово-розовым, рот — красивой формы, а губы — ярко-красными без всяких следов помады. И это нежное лицо с полотна Фрагонара было посажено на чудовищное тело — как если бы цветок фрезии распустился на тыкве.

Когда я шевелила губами, она шевелила тоже; когда я сгибала руку — она повторяла мое движение, и, несмотря на это, как только мне удалось справиться с собой, она перестала быть отражением: ничто в ней не напоминало меня настоящую, это была совершенно посторонняя женщина, на которую я теперь взирала с грустью и болью в сердце. Мне захотелось плакать от стыда за нее, и слезы ручьем потекли из моих глаз.

Одна из маленьких женщин тут же подскочила ко мне и взяла за руку.

— Мама'ша Оркис, дорогая, в чем дело? — спросила она участливо.

Но что я могли ей сказать, когда сама ничего толком не понимала? Маленькие ручки гладили меня, пытаясь успокоить, тоненькие голоса подбадривали, уговаривая двигаться дальше. Наконец мы добрались до открытой двери и меня ввели в комнату, которая представляла собой нечто среднее между будуаром и больничной палатой. Впечатление будуара усиливалось обилием розовых ковриков, одеял, подушечек, абажуров на лампах и тюлевых занавесок на окнах. А больничную атмосферу создавали шесть кроватей-кушеток, разделенных тумбочками и стульями. Кушетки стояли по три у каждой стены, так что в середине комнаты оставалось свободное пространство. Там было несколько широких кресел и стол с вазой и красивыми цветами посередине. В воздухе ощущался легкий, приятный аромат, а откуда-то доносились приглушенные звуки струнного квартета, наигрывавшего какую-то сентиментальную мелодию.

Пять из шести кушеток были уже заняты огромными женскими телами, укрытыми атласными одеялами. Двое из сопровождавших меня маленьких женщин поспешили к шестой, свободной кушетке, и откинули одеяло.

Лица всех пятерых обитательниц комнаты были обращены ко мне — трое смотрели доброжелательно, а остальные две — безразлично.

— Привет, Оркис, — приветливо сказала одна из первых. Затем, заметив печальное выражение моего лица, спросила с участием:

— Что, трудно тебе пришлось?

Я не нашлась, что ответить, и смогла только улыбнуться ей, когда направлялась к своей кушетке.

Мой "конвой" уже стоял наготове у постели. Общими усилиями они помогли мне улечься и подложили под голову маленькую подушечку. Все движения стоили мне изрядного напряжения сил, и я была рада, что наконец могла отдохнуть. В то время как две маленькие санитарки укрывали меня одеялом, третья достала чистый носовой платок и осторожно вытерла пот с моего лица.

— Ну вот, дорогуша, — проговорила она подбадривающим тоном, — вот вы и дома. Немножко отдохнете и совсем придете в себя, А сейчас постарайтесь уснуть.

— Что там с ней случилось? — спросила одна из женщин довольно резким тоном. — Не справилась, что ли?

Маленькая женщина, вытиравшая мне лицо (очевидно, она была старшей среди обслуживающего персонала), круто повернулась к ней и проговорила:

— К чему этот злой тон, мамаша Хейзел? Разве вы не знаете, что мамаша Оркис родила четырех здоровеньких девочек? — Не правда ли, дорогая? — добавила она, обращаясь ко мне. — Просто она немного устала с дороги, вот и все.

Женщина по имени Хейзел хмыкнула, но больше не проронила ни слова.

Между тем, суета вокруг меня продолжалась. Мне подали чашку с какой-то жидкостью, похожей на простую воду, но, когда я, пролив немного, выпила ее, мне стало значительно лучше. Поправив еще раз одеяло и взбив подушки, моя "свита", наконец, удалилась, оставив меня с глазу на глаз с остальными громадными женщинами, которые продолжали задумчиво созерцать меня.

Затянувшееся было молчание прервала молодая женщина, которая первой приветствовала меня, когда я вошла в палату.

— А где ты провела свой отпуск, Оркис? — спросила она.

— Отпуск? — переспросила я, ничего не понимая.

Все женщины посмотрели на меня с нескрываемым удивлением.

— Понятия не имею, что вы имеете в виду, — сказала я.

Молчание продолжалось.

— Это, должно быть, был очень короткий отпуск, — наконец заметила одна. — Вот я, например, никогда не забуду свой последний отпуск: меня послали к морю и дали мне маленький автомобильчик, чтобы я могла ездить, куда хочу. Все к нам прекрасно относились — нас было всего шесть мамаш, включая меня. Ты на каком курорте была — у моря или в горах?

Они были очень любопытны, и рано или поздно мне все равно пришлось бы им что-то сказать. Поэтому я выбрала простейший выход из положения:

— Я абсолютно ничего не помню, — сказала я, — должно быть, у меня произошла потеря памяти.

Нельзя сказать, чтобы этот ответ был принят доброжелательно.

— А-а, — удовлетворенно сказала та, которую звали Хейзел, — я чувствовала, что здесь что-то не так. И, наверно, ты даже не припоминаешь, были ли твои младенцы зачислены в группу А?

— Не глупи, Хейзел, — возразила другая, — если бы ее дети не попали в группу А, Оркис бы направили в Уайтвитч, а не обратно сюда.

— Когда же это случилось с тобой? — спросила она участливо.

— Я-я... не знаю... Не могу вспомнить ничего, что со мной было до того, как я пришла в себя в больнице сегодня утром, — сказала я.

— В больнице?! — воскликнула Хейзел.

— Очевидно, она имеет в виду наш Центр. Но хоть нас-то ты помнишь, Оркис?

— Нет, — ответила я, покачав головой. — Мне очень жаль, но все, что было со мной до того, как я проснулась в боль... то есть в Центре, так и не восстановилось в моей памяти.

— Это очень странно, — сказал чей-то недоброжелательный голос. — Но они-то, по крайней мере, знают об этом?

Одна молодая женщина стала на мою сторону.

— Они наверняка должны знать. Но, собственно, это не имеет никакого отношения к тому, что ее девочки родились вполне полноценными и достойными группы А. Но послушай, Оркис...

— Да дайте же ей немного отдохнуть, — вмешалась другая женщина. — Я сама всегда себя неважно чувствую после возвращения из Центра. Не слушай ты их, Оркис, а постарайся лучше уснуть; а когда проснешься, все будет по-другому.

Я с благодарностью последовала ее совету. Все было слишком сложно и запутанно, чтобы можно было быстро разобраться, да к тому же я действительно очень устала. Поблагодарив женщину за участие, я с облегчением откинулась на подушки и закрыла глаза. И, если считать, что во время галлюцинаций можно спать, то я на самом деле уснула.

В момент пробуждения у меня мелькнула надежда, что мой "мираж" рассеялся, но, к сожалению, это было не так. Проснувшись окончательно, я увидела над собой лицо старшей санитарки, которая спросила:

— Ну, дорогая мамаша Оркис, как вы себя чувствуете после сна? Наверняка намного лучше! Пора бы и съесть чего-нибудь!

В это время к моей постели подошли две маленькие санитарки с большим подносом в руках. Они поставили его поперек кушетки мне на колени так, чтобы я могла удобно все доставать. Боже! Никогда раньше я не видела, чтобы одному человеку предлагали такое обилие пищи в один прием! Сначала меня буквально затошнило при виде всего этого, но потом какой-то непонятный физиологический механизм внутри моего огромного тела заставил меня почувствовать голод, и у меня даже слюнки потекли. Мой мозг, пребывая в состоянии самоустранения от всего, не переставал удивляться тому, с какой жадностью я поглотила сначала две или три рыбины, затем целого цыпленка, несколько кусков мяса, тарелку овощей и десерт из фруктов, обильно политых взбитыми сливками. Все это я запила

литром свежего молока. Поглядывая по сторонам во время еды, я заметила, что и остальные мамаши не страдали отсутствием аппетита.

Зато я обратила внимание на то, что они время от времени продолжали с любопытством поглядывать на меня. Я раздумывала над тем, как мне избежать дальнейшего "допроса", когда мне пришла в голову мысль, что, будь у меня какая-нибудь книжка или журнал, я могла бы углубиться в чтение и хоть как-то, более или менее вежливо, отгородиться от них. Поэтому, когда санитарки вернулись за подносами, я попросила одну из них дать мне что-нибудь почитать. Эффект от моей просьбы был потрясающий: санитарки, убиравшие мой поднос, едва не уронили его, а та, что стояла рядом со мной, открыла от изумления рот и не закрывала его до тех пор, пока немного не собралась с мыслями. Она посмотрела на меня сначала подозрительно, а потом озабоченно.

— Вам опять немного не по себе? — наконец спросила она.

— Наоборот, я чувствую себя вполне здоровой, — ответила я.

— На вашем месте я бы попробовала еще немного поспать, — заботливо посоветовала она.

— Но мне совсем не хочется спать. Я бы предпочла просто полежать и почитать что-нибудь.

— Боюсь, вы все-таки еще полностью не оправились после трудных родов, мамаша. Но ничего — это скоро пройдет, — сказала она, успокаивающе погладив меня по плечу.

Я чувствовала, что во мне растет раздражение.

— Но что плохого в том, что мне хочется почитать? — решительно спросила я.

— Ну, успокойтесь, успокойтесь... И кто это где-нибудь слыхал, чтобы мамаша умела читать?

С этими словами она поправила на мне одеяло и вышла, оставив меня на растерзание моим пяти соседкам по палате. Хейзел хмыкнула, а остальные несколько минут хранили молчание.

В этом время я уже достигла стадии, когда начала сомневаться, действительно ли все происходящее со мной и вокруг меня галлюцинация. Чувство отстраненности исчез-

ло; во всем чувствовалась какая-то закономерность — например, следствие всегда вытекало из причины, и мне думалось, что, если копнуть глубже, то все абсурдное найдет себе логическое обоснование. Нельзя сказать, чтобы эти мысли способствовали ощущению душевного равновесия. Даже тот факт, что я поела и чувствовала себя после еды намного лучше, подтверждал тревожащее меня ощущение реальности...

— Читать! — внезапно воскликнула Хейзел со злорадством в голосе. — Может, ты еще скажешь, что умеешь и писать?!

— А почему бы и нет? — возразила я.

Они все внимательно следили за мной, время от времени обмениваясь многозначительными взглядами.

— Да что же в этом плохого? — спросила я раздраженно. — Разве здесь предполагается, что женщине не положено уметь читать и писать?

— Оркис, дорогая, — сказала та, что была более других расположена ко мне, — может быть, тебе следует посоветоваться с врачом?

— Нет, — отрезала я. — Я совершенно здорова. Просто я пытаюсь понять, что тут происходит. Я прошу дать мне что-нибудь почитать, а вы все смотрите на меня, как на сумасшедшую. В чем дело?

После неловкой паузы та же женщина проговорила, словно копируя медсестру:

— Послушай, Оркис, постарайся взять себя в руки. Ну на что мамаше умение читать и писать? Разве от этого у нее станут рождаться более здоровые дети?

— В мире существуют и другие интересы, кроме производства потомства, — заявила я.

Если раньше мои слова вызывали у женщин лишь удивление, то теперь они были просто потрясены. Даже Хейзел не нашлась, что сказать. Их идиотское изумление вывело меня из себя, и на какое-то время я перестала смотреть на все, как бы со стороны.

— Да черт возьми! — воскликнула я. — Что это за чушь? "Мамаша Оркис, мамаша Оркис" — что это значит, наконец? Где я нахожусь? В сумасшедшем доме, что ли?

Я со злостью взирала на них, ненавидя их всех и подозревая, что они находятся в каком-то издевательском

сговоре против меня. Не знаю почему, но в глубине души я была твердо убеждена, что, кем бы я ни была на самом деле, в любом случае я не была матерью. Я высказала это своим соседкам по палате и, сама не знаю почему, вдруг разрыдалась.

Вытирая слезы рукавом, я заметила, что четверо из них смотрят на меня с нескрываемым сочувствием. Кроме Хейзел.

— Я же говорила, что она какая-то странная! — сказала она, торжествующе глядя на остальных. — У нее не все дома, вот и все.

Та женщина, которая относилась ко мне с большим участием, чем остальные, снова попыталась меня вразумить.

— Но Оркис, дорогая, конечно же, ты мамаша! Ты мамаша класса А, и у тебя было четверо родов, включая последние. Ты родила двенадцать превосходных младенцев — ну, как же ты могли об этом забыть!

Я снова начала плакать. У меня появилось ощущение, будто что-то пытается пробиться сквозь пробел в моей памяти, но я не могла определить, что именно, и от этого почувствовала себя ужасно несчастной.

— О, как это все жестоко! — причитала я сквозь слезы. — Почему это не пройдет и не оставит меня в покое? Должно быть, это какая-то злая шутка, но я не понимаю ее. Что же случилось со мной?

Некоторое время я лежала с закрытыми глазами, собрав всю свою волю, чтобы рассеять галлюцинацию. Но она не исчезла. Когда я открыла глаза, они все еще лежали там, уставившись на меня широко открытыми глазами, словно красивые глупые куклы.

— Я не могу больше здесь находиться, я должна уйти, — сказала я, с огромным трудом приняв сидячее положение. Затем я попробовала спустить ноги с кушетки, но они запутались в атласном одеяле, а мои руки не дотягивались до них. Это действительно было похоже на кошмарный сон.

— Помогите! Помогите же мне! — молила я. — Доналд, дорогой, пожалуйста, помоги мне!

И внезапно слово "Доналд" как бы освободило какую-то пружинку у меня в мозгу. Завеса над моей памятью

приподнялась, правда, еще не полностью, но вполне достаточно для того, чтобы я наконец осознала, кто я на самом деле.

Я взглянула на остальных — они все еще обескураженно глазели на меня. Я больше не пыталась подняться, а откинулась на подушку и сказала:

— Хватит меня дурачить — теперь я знаю, кто я.

— Но мамаша Оркис... — начала было одна.

— Довольно, — оборвала я ее. От жалости к себе я вдруг перешла к какой-то мазохистской жестокости.

— Никакая я не мамаша, — резко сказала я, — я просто женщина, у которой недолгое время был муж и которая надеялась — только надеялась, иметь от него детей.

Последовала пауза — довольно странная пауза, как будто то, что я только что сказала, не произвело на них ровно никакого впечатления.

Наконец та, что была подружелюбней, нарушила молчание и, слегка наморщив лобик, робко спросила:

— А что такое "муж"?

Я перевела взгляд с одной из них на другую, но ни на одном лице не заметила и следов понимания. Скорее там можно было обнаружить чисто детское любопытство. Я почувствовала себя на грани истерики, но тут же решительно взяла себя в руки. Ну что ж, подумала я, если галлюцинация не покидает меня, я буду играть в эту игру по ее же правилам, и посмотрим, что из этого выйдет...

Очень серьезно, но в простейших выражениях, я начала объяснять:

— Муж — это мужчина, с которым женщина сходится...

Однако моя просветительская деятельность не имела успеха. Прослушав несколько фраз, одна из женщин задала вопрос, который, видимо, требовал немедленного разъяснения:

— А что такое "мужчина"? — смущенно спросила она.

Пришлось объяснить и это.

После моей лекции в палате воцарилось враждебное молчание. Мне же до этого не было ровно никакого дела — мой мозг был слишком занят попыткой прорваться дальше сквозь пелену забвения, но за пределы определенной преграды дело не шло.

Все же, я теперь точно знала, что меня зовут Джейн. Раньше я была Джейн Соммерс, но после того, как вышла замуж за Доналда, стала Джейн Уотерлей. Мне было двадцать четыре года, когда мы поженились, и двадцать пять, когда Доналд погиб. На этом мои воспоминания заканчивались. Однако я хорошо помнила все, что было до того. Я помнила моих родителей, друзей, школу, обучение в медицинском институте и работу во Врейчестерской больнице. Я хорошо помнила, как увидела Доналда в первый раз, когда его однажды вечером привезли в больницу с поломанной ногой...

Я даже могла теперь восстановить в памяти, какое лицо должна была бы увидеть в зеркале, — совсем не похожее на то, что я видела в трюмо, висевшем в коридоре, а более вытянутое, слегка загорелое, с маленьким аккуратным ртом, обрамленное естественно вьющимися каштановыми волосами; глаза должны были быть широко расставлены и несколько серьезны. Вспомнила я и свое тело — стройное, с длинными ногами и маленькими упругими грудями. Хорошее тело, на которое я раньше не очень-то обращала внимание, пока Доналд не научил меня гордиться им...

Я посмотрела на отвратительную гору, прикрытую атласным одеялом, которая теперь была моим телом, и содрогнулась. Мне хотелось, чтобы Доналд утешил меня, любил меня и уверил бы меня, что все это лишь сон, который обязательно кончится. В то же время я была в ужасе от мысли, что он может увидеть меня такой толстой и неуклюжей. Но тут я вспомнила, что он уже никогда, никогда больше не увидит меня, и слезы вновь покатились по моим щекам.

Остальные обитательницы палаты продолжали смотреть на меня с недоумением. Прошло полчаса. Вдруг дверь отворилась, и целый взвод маленьких женщин, одетых во все белое, вошли в палату. Они быстро разделились на пары, ставшие по обе стороны каждой кушетки. Закатав рукава и сняв с нас одеяла, они принялись за массаж.

Сначала мне это понравилось и даже действовало несколько успокаивающе. Потом стало нравиться все меньше и меньше, а затем я нашла то, что они делали, неприличным и даже оскорбительным для себя.

— Хватит! — сказала я резко той, что стояла справа от меня.

Она остановилась на минутку, приветливо, но слегка нерешительно улыбнулась мне, а затем продолжила свое дело.

— Я же сказала, хватит! — воскликнула я и слегка оттолкнула ее.

Она посмотрела на меня обиженно, хотя на губах у нее сохранялась все та же профессиональная улыбка. Не зная, что делать дальше, она переглянулась со своей партнершей по другую сторону постели.

— И вы тоже не трогайте меня больше, — сказала я.

Однако та и не думала останавливаться. Тогда я протянула руку и оттолкнула ее. Но, очевидно, я не рассчитала силу своей могучей руки, и она отлетела на другой конец комнаты, споткнулась и упала. Все застыли, глядя то на нее, то на меня. Испуганная, первая все же двинулась ко мне, в то время как вторая, плача, поднималась с пола.

— Лучше держитесь от меня подальше, маленькие бестии, — проговорила я угрожающе.

Это остановило их. Они отошли в сторону и в расстроенных чувствах переглянулись друг с другом. Тут в палату вошла старшая санитарка.

— В чем дело, мамаша Оркис? — спросила она.

Я рассказала ей обо всем. Она удивленно посмотрела на меня.

— Но это же обычная лечебная процедура, — возразила она.

— Только не для меня. Мне это очень не нравится, и я больше этого не допущу.

Старшая смущенно стояла, не зная, что делать дальше.

В это время с другого конца комнаты раздался голос Хейзел:

— Оркис свихнулась — она нам тут рассказывала такие отвратительные вещи! Она настоящий псих!

Старшая посмотрела на нее, затем перевела взгляд на ее соседку. Та утвердительно кивнула головой.

— Идите и доложите обо всем, что здесь произошло, — приказала старшая санитарка двум ревущим массажисткам. Они удалились в слезах. Старшая, еще раз внимательно посмотрев на меня, последовала за ними.

Спустя несколько минут остальные массажистки собрали свои принадлежности и тоже покинули палату.

— Это было просто гадко, Оркис, — сказала Хейзел. — Ведь бедняжки только делали то, что входило в их обязанности.

— Если у них такие обязанности, то мне они не нравятся, — возразила я.

— Ну, и чем это все кончится, как ты думаешь? Их просто высекут, вот и все. Но, наверно, тут опять виновата твоя плохая память, а то ты бы помнила, что прислуга, чем-то огорчившая мамашу, всегда подвергается наказанию, не так ли? — спросила она ядовито.

— Высекут?! — повторила я в полном недоумении.

— Да, высекут, — передразнила меня Хейзел. — Но тебе, конечно, нет до этого никакого дела. Не знаю, что там с тобой случилось в Центре, но результат получился отвратительный. По правде сказать, ты мне никогда не нравилась, хотя другие считали, что я не права. Но, теперь-то все убедились, какая ты на самом деле.

Все молчали, и было ясно, что они вполне разделяют ее мнение. Антагонизм нарастал, но, к счастью, в этот момент дверь открылась и в сопровождении всех маленьких санитарок и массажисток в палату вошла красивая женщина лет тридцати. Я с облегчением заметила, что она была нормального человеческого роста. У нее были темные волосы, а из-под белого халата высовывался край черной плиссированной юбки. Старшая санитарка, едва поспевая за ней, рассказывала на ходу что-то про мои "фантазии" и закончила словами: "Она только сегодня вернулась из Центра, доктор".

Врач подошла к моей кушетке, сунула мне в рот градусник и взяли мою руку, чтобы сосчитать пульс. Оба показателя, очевидно, удовлетворили ее. Тогда она спросила:

— Нет ли у вас головной боли или каких-либо других болей и неприятных ощущений?

Я ответила, что нет.

Она внимательно смотрела на меня, а я — на нее.

— Что... — начала было она.

— Да она же сумасшедшая, — вмешалась Хейзел, — она утверждает, что лишилась памяти и не узнает нас.

— И к тому же она нам рассказывала жуткие, отвратительные вещи, — добавила другая женщина.

— У нее совершенно дикие фантазии. Она считает, что умеет читать и писать! — снова вмешалась Хейзел.

— Это правда? — спросила доктор с улыбкой.

— А почему бы и нет? Но ведь это очень легко проверить, — живо ответила я.

Врачиха была несколько ошарашена, но затем быстро справилась с собой и снова снисходительно заулыбалась.

— Хорошо, — сказала она, как бы потакая моей прихоти. Она вынула из кармана халата блокнотик и карандаш и подала их мне. Хотя мне было не очень удобно держать карандаш своими толстыми пальцами, я все же сумела написать: *"Я совершенно уверена в том, что все это галлюцинация и вы сами являетесь ее частью"*.

Когда врач прочитала написанное, не могу сказать, что у нее отвалилась челюсть, но улыбку как бы стерло с ее лица. Она посмотрела на меня в упор. Все обитательницы палаты застыли и глядели на меня, как будто я совершила чудо. Врач повернулась лицом к Хейзел и спросила:

— Так что же она вам все-таки наговорила?

— Жуткие вещи, — немного помолча, выпалила Хейзел. — Она рассказала нам о существовании и поведении двух полов — как будто мы не люди, а скоты. Это было просто отвратительно!

Доктор поразмыслила некоторое время, а затем приказала старшей санитарке:

— Переведите, пожалуйста, мамашу Оркис в изолятор — я осмотрю ее там.

Санитарки бросились исполнять приказание. Они придвинули к моей кушетке низкую каталку, помогли мне перебраться на нее и покатили меня прочь.

— Ну, — сказала врачиха строго, когда мы наконец остались одни, — теперь скажите, кто это наговорил вам столько чепухи о существовании двух полов у человека?

Она сидела на стуле рядом с моей кушеткой, словно инквизитор, допрашивающий еретика, и держала на коленях открытый блокнот.

У меня не было никакого желания быть с ней особенно тактичной, поэтому я ей прямо сказала, чтобы она перестала валять дурака. Она была потрясена моими словами,

на минуту покраснела от злости, затем все же взяла себя в руки и продолжала допрос:

— После того как вы покинули клинику, у вас, конечно же, был отпуск. Куда вас послали?

— Я не знаю. Могу лишь повторить то, что говорила другим, — вся эта галлюцинация, или фантазия, называйте, как хотите, началась в больнице, которую здесь называют Центром.

Мобилизовав все свое терпение, врач продолжала:

— Послушайте, Оркис, вы же были совершенно в норме, когда уехали отсюда шесть недель назад. Вы поступили в клинику и родили там своих детей тоже без осложнений. Но где-то в промежутке между временем поступления и настоящим моментом кто-то сумел набить вам голову этой чепухой, да к тому же научить вас читать и писать. Теперь вы мне скажите, кто это был. И предупреждаю вас, что со мной вы не отделаетесь сказками о потере памяти. Если вы помните все те гнусности, о которых вы рассказывали другим, значит, вы должны помнить и источник, откуда их почерпнули.

— О, Господи, да давайте же говорить как цивилизованные люди! — воскликнула я.

Она снова покраснела.

— Я могу узнать в Центре, куда вас посылали отдыхать, и могу выяснить в доме отдыха, с кем вы там общались. Но у меня нет желания тратить на это время. Лучше расскажите все сами сейчас — а то у нас есть средства заставить вас говорить, — заключила она многозначительно.

Я отрицательно покачала головой.

— Вы идете по ложному пути, — сказала я. — Что же касается меня, то вся эта галлюцинация, включая мое сходство с этой Оркис, началась в Центре. Как это случилось, я не понимаю и не могу объяснить, так же как и сказать, что произошло с ней самой.

Она нахмурилась, озадаченная.

— В чем же выражается ваша галлюцинация? — спросила она, наконец, немного смягчаясь.

— Ну, вся эта фантастическая обстановка, включая вас, а потом — это мое громадное, отвратительное тело, эти женщины-лиллипутки, в общем, все, все вокруг.

Очевидно, это какое-то искаженное отражение действительности в моем подсознании, а состояние моей подкорки не может не тревожить меня.

Врачиха продолжала пристально смотреть на меня, но уже несколько озабоченным взглядом.

— Кто же мог вам рассказать о подсознании? — спросила она удивленно.

— Я не вижу причины, почему даже во время галлюцинаций на меня надо смотреть, как на неграмотную идиотку, — ответила я.

— Но ведь мамаши ничего не знают о подобных вещах — им это просто ни к чему.

— Послушайте, я уже говорила вам, как и тем уродинам в палате, что я *не мамаша.* Я просто несчастный б.м., у которого какой-то кошмарный сон.

— Б.м.? — переспросила она.

— Ну да, б.м. — бакалавр медицины и практикующий врач, — объяснила я.

Она продолжала с любопытством разглядывать меня и мое огромное, бесформенное тело.

— Так вы утверждаете, что вы медик? — спросила она удивленно.

— Да, — согласилась я.

С возмущенным и озадаченным видом она возразила:

— Но это же абсолютная чепуха! Вас вырастили и воспитали, чтобы вы были матерью — и вы действительно мамаша, стоит только взглянуть на вас!

— Да, — сказала я с горечью в голосе, — достаточно взглянуть на меня... Но я думаю, — продолжила я, — что мы ничего не добьемся, если будем и дальше обвинять друг друга в том, что городим чепуху. Лучше расскажите мне, что это за место, где я нахожусь, и кто, вы думаете, я такая на самом деле. Быть может, это заставит чему-то шевельнуться в моей памяти.

— Нет, — парировала она, — сначала вы расскажите мне все, что вы помните. Это облегчит мне понимание того, что так удивляет вас.

— Хорошо, — сказала я и начала подробное повествование о своей жизни, насколько я помнила ее до того момента, когда узнала о том, что самолет Доналда разбился и сам он погиб.

Конечно, я очень легко и глупо попалась в ее ловушку, так как она и не думала что-либо мне объяснять. Выслушав мой рассказ, она просто ушла, оставив меня бессильно кипящей от злости. Я подождала, пока все вокруг успокоилось: музыку выключили, какая-то санитарка заглянула ко мне в изолятор просто для того, чтобы проверить, что все в порядке и я ни в чем не нуждаюсь, а затем все стихло.

Я подождала еще полчаса, а потом с превеликим трудом попыталась встать с постели. Самое большое усилие потребовалось, когда я захотела переменить сидячее положение на стоячее. Это мне, в конечном счете, удалось, хоть потом и пыхтела, как паровоз. Ставши на ноги, я медленно подошла к двери и обнаружила, что она не заперта. Слегка приоткрыв ее, я прислушалась к звукам в коридоре, но все было тихо. Тогда я открыла дверь полностью, вышла в коридор и отправилась обследовать здание. Все двери по обе стороны коридора были плотно закрыты, но, приложив к одной из них ухо, я услышала глубокое ровное дыхание. Я повернула по коридору несколько раз, пока наконец не увидела перед собой входную дверь. Попробовав задвижку, я нашла, что она тоже не задвинута. Тогда я потянула за ручку двери, она открылась, и я очутилась на крыльце.

Передо мной расстилался сад, залитый лунным светом. Сквозь деревья справа от себя я увидела блестящую поверхность воды, очевидно, озера, а налево — еще дом. Ни одно окошко в нем не светилось.

Я стояла, размышляя, что же мне делать дальше. Заключенная в свою огромную тушу, как в клетку, я чувствовала себя совсем беспомощной, но все же решила спуститься в сад и воспользоваться предоставившимся мне случаем узнать хоть немного больше о месте своего пребывания. Я подошла к краю, где начинались ступеньки, по которым я утром поднялась, когда меня привезли, и стала осторожно спускаться, держась за перила.

— Мамаша, — раздался вдруг резкий голос позади меня, — что это вы тут делаете?

Я обернулась и при свете луны увидела одну из маленьких санитарок в белом комбинезоне. Я ничего не ответила и спустилась еще на одну ступеньку. Мне

хотелось рыдать от собственной неуклюжести и невозможности ускорить свое продвижение.

— Вернитесь, вернитесь немедленно! — приказала санитарка, но я не обращала на нее ровно никакого внимания. Тогда она поспешила за мной и ухватилась за одно из покрывал, окутывавших мое тело.

— Мамаша! — повторила она. — Вы должны вернуться, иначе простудитесь!

Я попыталась сделать еще шаг, но она тянула меня за одежду назад, чтобы хоть как-то удержать. Однако мой вес оказался слишком велик для нее, раздался треск рвущейся материи, я потеряла равновесие и покатилась вниз по ступенькам...

Когда я открыла глаза, чей-то голос сказал:

— Вот так-то лучше, но это было очень нехорошо с вашей стороны, мамаша Оркис. Вы еще легко отделались. Мне просто стыдно за вас!

Голова болела от ушибов, и меня выводило из себя, что вся эта чепуха вокруг упорно продолжалась. В общем, я не чувствовала никакого раскаяния за свой поступок и послала санитарку к черту. Она сделалась строго официальной, молча налепила мне на лоб кусок марли и пластырь и гордо удалилась.

Одумавшись, я должна была признать, что она была совершенно права. Огромная волна отвращения к себе и чувство беспомощности снова довели меня до слез; я тосковала по своему гибкому, стройному телу, я вспоминала, как однажды Доналд сравнил меня с деревцем, колышащимся на ветру, и назвал его моей сестрой; а только пару дней назад...

И тут внезапно я сделала открытие, которое заставило меня резко сесть на постели. Пробел в моей памяти восстановился полностью, и я теперь помнила все! У меня даже голова закружилась от этого, и я была вынуждена снова опуститься на подушку. Передохнув, я припомнила все детали, вплоть до того момента, когда иглу от шприца вытянули из моей руки, и кто-то помазал ранку йодом...

Но что же случилось потом? Я ожидала всяческих сновидений и галлюцинаций, но не такого острого, яркого чувства реальности! Что, во имя всего святого, они сотворили со мной?! — подумала я.

Потом, должно быть, я снова заснула, потому что, когда я открыла глаза, уже было светло и свита из маленьких санитарок прибыла, чтобы заняться моим утренним туалетом. Они расстелили на постели большие полотнища и, ловко переворачивая меня с боку на бок, всю обмыли. После этого я почувствовала себя намного лучше, да и головная боль прошла.

Когда омовение уже подходило к концу, в дверь решительно постучали и, не дожидаясь приглашения, в комнату вошли две красивые женщины типа "амазонок", одетые в черную форму с серебряными пуговицами. Маленькие санитарки уронили все, что у них было в руках, и с криками ужаса сбились в кучу в дальнем углу комнаты.

Вошедшие женщины приветствовали меня обычным жестом правой руки и тоном, одновременно авторитетным и почтительным, спросили:

— Вы Оркис? Мамаша Оркис?

— Да, так меня здесь называют, — ответила я.

Одна из женщин помедлила, а потом, скорее прося, чем приказывая, сказала:

— У нас имеется ордер на ваш арест, мамаша. Пройдемте с нами, пожалуйста.

В углу, среди маленьких санитарок, послышались возбужденные и удивленные восклицания. Женщина в форме заткнула им рты одним только взглядом.

— Оденьте мамашу и приготовьте ее к поездке, — скомандовала она им.

Санитарки нерешительно выбрались из своего угла и направились ко мне.

— Живее, живее! — подгоняла их женщина.

Я уже была почти закутана в свои розовые покрывала, когда в комнату вошла врач. Увидев двоих в черной форме, она нахмурилась.

— Что это значит? - спросила она. — Что вы тут делаете? — голос ее был строг.

Старшая из двоих объяснила.

— Ордер на арест?! — переспросила врачиха. — Да как вы смеете арестовывать мамашу! Никогда не слыхала подобной чепухи! В чем же ее обвиняют?

— В реакционности, — ответила младшая из двух несколько смущенно.

Врач гневно уставилась на нее.

— Мамаша-реакционер! Что вы еще выдумаете?

— Но у нас есть приказ, доктор, — сказала одна из женщин.

— Ерунда. У вас нет никакой власти. Вы когда-нибудь слыхали, чтобы мамашу подвергли аресту?

— Нет, доктор.

— Ну, так не создавайте прецедента. Лучше уходите!

Женщина в черной форме недовольно вздохнула. Затем, видимо, ей пришла в голову мысль:

— А что, если вы нам дадите подписанный вами отказ ее выдать? — предложила она с надеждой в голосе.

Когда обе женщины-полицейские ушли, вполне удовлетворенные полученным ими листком бумаги, врач мрачно посмотрела на маленьких санитарок.

— Вы, прислуга, конечно же, не можете удержаться от болтовни. Стоит вам что-нибудь услышать, как это тут же распространяется повсюду со скоростью ветра. Но, если я только услышу где-нибудь о том, что здесь произошло, я буду знать, от кого это исходит.

Затем она обернулась ко мне:

— А вы, мамаша Оркис, пожалуйста, в дальнейшем ограничивайтесь только словами "да" и "нет" в присутствии этих глупых болтушек! Я скоро вас снова навещу — следует задать вам еще несколько вопросов, — добавила она и удалилась.

Как только санитарки убрали поднос, на котором они приносили мой гаргантюанский завтрак, врач возвратилась, и не одна, а в сопровождении четырех женщин-медиков такого же нормального вида, как и она.

Санитарки притащили дополнительные стулья, и все пятеро, одетые в белые халаты, уселись около моей кушетки. Одной было примерно столько же лет, как и мне, две другие выглядели лет на пятьдесят, а пятой было, наверно, шестьдесят, если не больше. Все они уставились на меня, как на редкий музейный экспонат.

— Ну, мамаша Оркис, — сказала моя врач тоном, каким открывают судебные заседания, — нам совершенно ясно, что произошло что-то из ряда вон выходящее. Естественно, мы хотим знать, что же случилось. Вам нет нужды беспокоиться о визите полиции сегодня утром — их

появление здесь было просто неприличным. Нам надо только узнать, что все это значит, с сугубо научной точки зрения.

— Этот вопрос интересует меня не менее вас, — ответила я.

Я посмотрела на них, на комнату, в которой находилась, и на свое массивное тело.

— Я понимаю, — начала я, — что все это не что иное, как галлюцинация, но меня очень беспокоит тот факт, что в любой галлюцинации всегда должно чего-то недоставать, что хотя бы один из органов чувств чего-то не должен воспринимать. Однако в данном случае этого не наблюдается. Я полностью владею всеми органами чувств, в то время как мои ощущения заключены в очень крепкое, я бы даже сказала, плотное тело. Единственное, чего не хватает, на мой взгляд, так это какой-то причины, какого-то обоснования, пусть даже символического, всему этому.

Четыре вновь пришедшие докторицы взирали на меня с открытыми от изумления ртами. Моя врачиха бросила им взгляд, который говорил: ну, теперь-то вы убедились, что все сказанное мною правда? Затем снова обернулась ко мне.

— Мы начнем с нескольких вопросов, — сказала она.

— Прежде чем вы начнете, — прервала я, — мне бы хотелось кое-что добавить к тому, что говорила вчера. Я вспомнила еще некоторые вещи.

— Возможно, это результат ушиба головы, который вы получили, когда упали с лестницы, — предположила врач, взглянув на пластырь на моем лбу. — Продолжайте, пожалуйста, — сказала она. — Вы говорили, что были замужем, и что ваш э-э... муж погиб вскоре после этого. Что было дальше, вы уже не могли припомнить.

— Да, — сказала я, — мой муж был летчиком-испытателем и погиб как раз за день до истечения контракта с фирмой. После этого меня взяла к себе тетка, я прожила у нее несколько недель, но плохо помню этот период времени, так как почти ни на что не обращала внимания...

Затем однажды утром я проснулась и взглянула на все другими глазами. Я поняла, что дальше так жить невозможно и надо начинать работать, чтобы мой мозг был чем-то занят. Доктор Хельер, главный врач Врейчестерского

госпиталя, где я работала до замужества, сказал мне, что охотно возьмет меня обратно на работу. Таким образом, я вернулась туда и очень много работала, чтобы иметь поменьше свободного времени на грустные размышления. Это было месяцев восемь назад.

Однажды доктор Хельер рассказал нам о новом препарате, который синтезировал один его приятель. Не думаю, что он действительно просил, чтобы кто-либо из нас добровольно испытал его на себе, но я предложила себя в качестве подопытного кролика. Все равно рано или поздно кто-то должен был бы сделать это, так почему не я? Мне нечего было терять, а тут как раз представился случай сделать что-то полезное для человечества.

Председательствующая врачиха прервала меня и спросила:

— А как назывался этот препарат?

— Чуинжуатин, — сказала я, — вы что-нибудь слышали о нем?

Она отрицательно покачала головой.

— Я где-то видела это название, — сказала пожилая докторица. — Что он собой представляет?

— Это наркотик, обладающий весьма ценными свойствами. Название происходит от дерева, которое растет, главным образом, на юге Венесуэлы. Индейское племя, живущее там, каким-то образом наткнулось на специфическое действие сока из листьев этого дерева и стало употреблять их во время своих ритуальных оргий. Во время них некоторые члены племени жуют листья чуинжуатина, пока постепенно не впадают в какой-то зомбиподобный транс. Он длится три-четыре дня, в течение которых они совершенно беспомощны и абсолютно неспособны делать что-либо для себя, так что соплеменники должны ухаживать за ними и охранять их, как если бы они были малыми детьми.

Охране придается особое значение, так как согласно индейскому поверью, чуинжуатин освобождает дух человека от его телесной оболочки, чтобы он мог свободно блуждать во времени и пространстве, а в задачу охраняющего входит следить, чтобы какой-нибудь другой блуждающий дух не проник в оставленное тело, пока его подлинный хозяин отсутствует. Когда люди, жевавшие листья чуинжу-

атина, наконец приходят в себя, они рассказывают об удивительных мистических явлениях, которые им пришлось пережить. Никакого отрицательного физического действия на организм при этом не наблюдается, равно как и привыкания к наркотику. Но, как утверждают очевидцы, сами мистические переживания очень насыщенны и хорошо запоминаются.

Доктор Хельер испытал синтезированный чуинжуатин на лабораторных животных и высчитал дозы, предел переносимости и другие показатели, но, конечно, ничего не мог сказать относительно достоверности переживаний, о которых ему рассказывали. Вызывал ли наркотик ощущение наслаждения, экстаза, страха, ужаса или оказывал какое-либо другое воздействие на нервную систему, можно было узнать только после апробации на человеческом организме. Вот я и вызвалась быть этим организмом.

Я закончила свой рассказ и посмотрела на серьезные, озадаченные лица врачей, а также на гору розовых покрывал и драпировок, которые покрывали мое могучее тело.

— По правде говоря, — заключила я, — в результате мы имеем сочетание непостижимого абсурда с гротеском.

Врачихи были серьезными, добросовестными медиками, которые не желали, чтобы их уводили в сторону от основной задачи — опровергнуть, если им удастся, мои "фантазии".

— Хорошо, — сказала председательствующая тоном, показывающим, что она вполне разумно относится к делу, — а не назовете ли вы нам время и число, когда проводился данный эксперимент?

Я все помнила и ответила ей без промедления. Затем последовали другие вопросы, на которые я послушно отвечала, но, как только я пыталась что-нибудь спросить, от моего вопроса либо отмахивались, либо отвечали весьма поверхностно, как на что-то второстепенное, не имеющее непосредственного отношения к делу. Так продолжалось, пока мне не принесли обед. Тогда они собрали свои записи и удалились, оставив меня, наконец, в покое, но без всякой информации, в которой я так нуждалась.

После обеда я немного задремала, но вскоре меня разбудила орава маленьких санитарок, которые притащили с собой каталку, быстро и ловко переложили меня не нее и

покатили к выходу. У крыльца меня погрузили, и в сопровождении трех болтающих без умолку санитарок я снова отправилась в путь. Ехали мы часа полтора по уже знакомой мне местности, и я не переставала удивляться устойчивому характеру моей галлюцинации, так как детали окружающего нас пейзажа ничуть не изменились.

Однако к концу пути мы не заехали в Центр, откуда меня увезли накануне, а пересекли по полуразвалившемуся мосту небольшую речушку и через декоративные ворота въехали в большой парк.

Как и в усадьбе, где находился Дом для мамаш, здесь тоже все было ухожено — лужайки аккуратно пострижены, а клумбы полны весенних цветов. Но здания тут были совсем иные, не стандартные, а каждое в своем оригинальном архитектурном стиле. Все это произвело большое впечатление на моих маленьких спутниц — они перестали болтать и взирали на окружающее с благоговейным страхом.

Один раз водитель остановила машину, чтобы спросить дорогу у проходящей "амазонки", одетой в комбинезон, которая тащила на плече ящик с каким-то строительным материалом. Та указала, куда надо ехать, и ободряюще улыбнулась мне через окошко кареты.

Наконец мы подъехали к подъезду небольшого двухэтажного дома в стиле Регентства.[1] Здесь не было каталки, и мои санитарки с трудом помогли мне подняться по ступенькам и войти в дом. Там меня провели через холл, а затем я оказалась в прекрасно обставленной комнате с мебелью, относящейся к тому же периоду, что и архитектура дома.

Седая женщина в лиловом шелковом платье сидела в кресле-качалке у горящего камина. Ее лицо и руки выдавали преклонный возраст, но глаза были живыми и зоркими.

— Добро пожаловать, дорогая, — сказала она без всякого смущения в голосе. Она указала мне взглядом на кресло, но, взглянув на меня еще раз, передумала и предложила сесть на софу.

1 Регентство — в Великобритании период с 1810 по 1820 год.

Я посмотрела на этот хрупкий образец старинной мебели и усомнилась, выдержит ли он мой огромный вес.

— Думаю, что выдержит, — сказала хозяйка не очень уверенно. Однако моя "свита" сумела аккуратно уложить меня на софу и, убедившись, что она не трещит подо мной, наконец удалилась. Старая дама позвонила в серебряный колокольчик, и крохотная горничная тотчас вбежала в комнату.

— Пожалуйста, принесите нам коричневого хересу, Милдред, — распорядилась дама. — Вы пьете херес, дорогая? — спросила она меня.

— Да-да, конечно, благодарю вас, — ответила я слабым голосом. — Миссис — миссис? Я не знаю вашего имени...

— Ах, извините — я забыла представиться. Меня зовут просто Лаура, без всяких там "мисс" или "миссис". А вы, как мне сказали, Оркис, мамаша Оркис.

— Да, так меня здесь называют, — ответила я без особого энтузиазма.

Некоторое время мы молча изучали друг друга. В первый раз во время своей галлюцинации я заметила подлинное сочувствие, даже жалость в чьих-то глазах. Я еще раз оглядела комнату, восхищаясь изысканностью обстановки.

— Я-я... случайно не свихнулась? — спросила я неуверенно.

Лаура отрицательно покачала головой.

В этот момент крохотная горничная возвратилась, неся в руках поднос с хрустальным графинчиком и бокалами. Когда она наполняла бокалы, я заметила, что старая дама бросает любопытные взгляды то на нее, то на меня. У нее было какое-то странное выражение лица, как будто она чего-то ожидала от меня. Я сделала над собой усилие и спросила:

— А вам не кажется, что это вино скорее напоминает мадеру?

Сначала она удивилась, затем заулыбалась и одобрительно кивнула.

— Мне думается, один этот ваш вопрос выполнил назначение настоящего визита, — сказала она.

Горничная вышла, и мы поднесли бокалы к губам. Лаура отхлебнула немного вина и поставила свой бокал на столик рядом с креслом.

— Но, тем не менее, мы все-таки побеседуем поподробнее, — добавила она. — Скажите, дорогая, а врачи объяснили вам, почему они послали вас ко мне?

— Нет, — ответила я.

— Это потому, что я историк, — сообщила она. — Доступ к истории считается у нас особой привилегией, которая предоставляется теперь далеко не каждому и не очень-то охотно. К счастью, еще существует мнение, что нельзя допустить полного исчезновения кое-каких областей знаний, хотя изучение некоторых из них и ставит исследователей под политическое подозрение.

Легкая презрительная улыбка тронула ее губы, и она продолжила:

— Поэтому, когда требуется научное подтверждение чего-либо, надо обращаться к специалисту. Кстати, они дали вам заключение о вашем обследовании?

Я опять отрицательно покачала головой.

— Я так и думала, — сказала Лаура. — Как характерно для медиков, не правда ли? Ну, я расскажу вам, что они мне передали по телефону из Дома для мамаш и нам будет легче понимать друг друга.

Итак, мне сообщили, что вы имели беседу с несколькими врачами, которых вы заинтересовали, озадачили и, я подозреваю, даже сильно расстроили. Видите ли, ни одна из них не имеет даже смутного представления об истории! Ну, двое из них считают, что у вас просто шизофренический бред; остальные трое склоняются к мнению, что вы представляете собой подлинный случай перемещения личности. Это очень редко встречающееся явление. Пока что имеются только три документально подтвержденных случая и один сомнительный; но из первых трех два связаны с приемом чуинжуатина, в то время как третий — с наркотиком аналогичного свойства.

Те трое врачей, которые составили большинство, нашли ваши ответы на заданные вопросы, в основном, вразумительными и очень обстоятельными. Это означает, что ничто из рассказанного вами не противоречит тому, что им известно. Но, поскольку они очень слабо осведомлены о том, что находится за пределами их профессии, многое показалось им невероятным и трудно доказуемым. Вот

почему меня, как более сведущую, попросили высказать свое мнение.

Она замолчала и внимательно посмотрела на меня. Потом заметила:

— Я думаю, что, пожалуй, встреча с вами — это одно из самых интересных событий в моей довольно долгой жизни... Но ваш бокал пуст, дорогая.

— Перемещение личности, — задумчиво повторила я, протягивая Лауре свой бокал, — неужели это на самом деле возможно?

— В отношении *вероятности* такого явления никаких сомнений нет. Те случаи, о которых я вам рассказала, полностью подтверждают это.

— Я допускаю такую возможность, — согласилась я, — но кошмарный характер всех моих так называемых "фантазий"... Вот вы, например, мне кажетесь совершенно нормальной, но сравните меня и вашу прислугу, например, — полная несуразица! Мне *кажется*, что я сижу здесь и разговариваю с вами, но это не так на самом деле, и где же я тогда вообще?

— Я так много копалась в истории, — сказала Лаура, — что могу лучше, чем кто-либо другой, понять, насколько нереальным вам кажется наш мир. Вы когда родились?

Я назвала год и число. Она на минуту задумалась.

— Хм, это, должно быть, во времена Георга VI — но вы, конечно, не помните Вторую мировую войну?

— Нет, — согласилась я.

— Но, может, вы помните коронацию следующего монарха? Кто это был?

— Елизавета — Елизавета Вторая. Моя мама взяла меня тогда посмотреть на торжественную процессию по этому поводу.

— Вы помните какие-нибудь подробности?

— Нет, ничего, кроме того, что весь день шел сильный дождь.

Мы продолжали разговор в том же духе еще некоторое время, затем Лаура улыбнулась мне ободряюще и сказала:

— Ну, я думаю, нам больше нет нужды обсуждать достоверность ваших воспоминаний. Я сама слышала об этой коронации — из вторых уст, конечно. Все, что происходило в Вестминстерском аббатстве в то время, дол-

жно было представлять собой прекрасное зрелище! — она задумалась и вздохнула.

— Вы были очень терпеливы со мной, дорогая, — продолжила она, — и, безусловно, заслужили, чтобы и вам, наконец, рассказали кое-что. Но приготовьтесь услышать некоторые, довольно неприятные, вещи.

— Мне кажется, что после тридцати шести часов, проведенных здесь, меня уже ничто не может испугать — у меня выработался какой-то "иммунитет", что ли, — заметила я.

— Сомневаюсь, — сказала она, взглянув на меня с серьезным выражением лица.

— Ну, рассказывайте же, объясните мне, пожалуйста, все, если можете.

— Давайте-ка я налью вам еще вина, тогда вам легче будет перенести самый трудный момент в моем повéствовании.

Она наполнила наши бокалы и начала:

— Что больше всего поражает вас здесь?

Немного подумав, я сказала:

— Но тут так много странного...

— А может быть, тот факт, что вы до сих пор не встретили ни одного мужчины?

Я задумалась и вспомнила удивленный вопрос одной из мамаш: "А что такое мужчина?"

— Безусловно. Но куда же они все подевались?

Она печально покачала головой:

— Их просто больше нет, дорогая. Они больше не существуют — вот и все.

Я в ужасе уставилась на нее. Выражение ее лица оставалось совершенно серьезным и сочувствующим. На нем не было и следа притворства или обмана, в то время как я пыталась осознать это сообщение.

Наконец, немного овладев собой, я воскликнула:

— Но это же невозможно! Где-нибудь должны были сохраниться хотя бы единицы, иначе... иначе, как же вы умудряетесь, то есть... — Я запуталась и сконфузилась.

— Конечно, вам это все кажется невероятным, Джейн, — можно я буду вас так называть? — сказала она. — Но за всю свою долгую жизнь, а мне уже скоро стукнет восемьдесят, мне не привелось видеть ни одного мужчины, разве

что на старых фотографиях и картинках... Пейте херес, дорогая, вам будет легче все это выслушивать. Я отчасти понимаю, что вы сейчас чувствуете. Ведь я изучала историю не только по книгам. Когда мне было лет шестнадцать-семнадцать, я часто слушала рассказы моей бабушки. Ей было тогда столько же лет, сколько мне сейчас, но она еще хорошо помнила времена своей молодости. Я очень легко представляла себе места, о которых она говорила, но они были частью настолько чуждого мне мира, что не трудно было понять ее переживания. Когда же она вспоминала юношу, с которым была когда-то обручена, по ее щекам лились слезы, не только из сожалéния о нем, но и обо всем прошлом мире, в котором она жила, когда была девушкой. Мне было очень жаль бабушку, но понять ее по-настоящему я не могла. Теперь, когда я прожила столько лет и начиталась всяких книг, я понимаю ее чувства немного лучше... А вы, дорогая, — спросила она меня с некоторым любопытством в голосе, — были ли вы обручены с кем-нибудь, или, может, даже выходили замуж?

— Да, я была замужем, но только недолго.

Она задумалась на минуту, затем сказала:

— Должно быть, это очень странно — принадлежать кому-то...

— Принадлежать?! — воскликнула я с удивлением.

— Ну, быть у кого-то в подчинении, — сочувственно пояснила она.

Я смотрела на нее широко открытыми глазами.

— Но... но это ведь было совсем не так! — запротестовала я. — Это было — не, как сказать... — но тут я замолчала, так как слезы уже навертывались мне на глаза. Чтобы переменить разговор, я спросила: — Но что же все-таки случилось со всеми мужчинами?

— Они вымерли. Заболели какой-то неизвестной болезнью, и никто не смог их спасти. В течение года с небольшим не осталось почти ни одного.

— Но после этого все должно было рухнуть?

— Конечно. В основном, так оно и случилось. Было очень плохо. Наступил голод. Больше всего пострадали промышленные районы. В более отсталых местностях женщины кое-как справлялись с примитивным сельским хозяйством, чтобы поддержать свое существование и суще-

ствование своих детей, но более крупные предприятия остановились полностью. Не стало транспорта: кончился бензин; уголь не добывался. Хотя женщин на земле всегда было больше, чем мужчин, они, в основном, были потребительницами и покупательницами, поэтому положение было отчаянным, так как женщины почти ничего не умели делать сами — ведь они всегда вели паразитический образ жизни, как игрушки, принадлежавшие мужчинам.

Я попробовала протестовать, но Лаура отмахнулась от меня.

— Их нельзя в этом винить, — продолжала она, — ведь это явилось результатом длительного процесса, начавшегося на юге Франции еще в одиннадцатом веке. Романтизм родился как изящное и забавное времяпрепровождение имущих, неработающих классов. Постепенно он проник во все слои общества, но только в конце девятнадцатого века предприниматели обнаружили его потенциальные коммерческие возможности, а в двадцатом их стали, наконец, использовать.

В начале двадцатого века некоторые женщины начали вести полезный, интересный, творческий образ жизни, но это не устраивало коммерсантов: женщины были нужны им скорее как потребительницы, чем производительницы. Тогда романтизм и взяли на вооружение — как средство борьбы с дальнейшим прогрессом женской самостоятельности и как стимул расширенного потребления.

Женщинам ни на минуту не давали забыть свой пол, в то время как всяческие их попытки стать наравне с мужчинами пресекались. Кинуть клич "Назад к плите!" было бы непопулярной мерой для промышленников и торговцев, поэтому они придумали новый вид профессии под названием "домашняя хозяйка". Кухню стали воспевать и всячески совершенствовать дорогостоящим оборудованием; ее сделали предметом вожделения каждой женщины, а путь к достижению этого "рая" лежал только через замужество.

Типографии печатали сотни тысяч еженедельных периодических изданий, которые настойчиво фиксировали внимание женщин на необходимости продать себя какому-нибудь мужчине, чтобы иметь материальную возможность заполучить рекламируемый повсюду идеальный домашний

очаг, на который потом можно было бы продолжать тратить деньги.

Целые отрасли промышленности выработали навыки романтического подхода к покупательницам, что нашло особо яркое отражение в рекламе. Все, что только женщина могла бы купить, — от предметов одежды до автомобиля, было окружено романтическим ореолом. Воздух был наполнен томными вздохами и стонами. Женщины вопили перед микрофонами о своем желании "отдаться" и "подчиниться", обожать и быть обожаемыми. Больше всех поддерживал эту пропаганду кинематограф, убеждающий большинство зрителей (а это были женщины) в том, что нет ничего желаннее на свете, чем слезы счастья на лице женщины, пассивно лежащей в сильных объятиях романтического героя. Давление на женскую психику было так велико, что большинство молодых девушек проводило все свое время, мечтая о "романтике" и способах ее достижения. Многие из них искренне верили, что принадлежать мужчине и быть посаженной им в маленькую кирпичную коробочку, да еще вдобавок иметь возможность покупать все, что предприниматели им навязывают, и есть высшее счастье на земле...

— Но не так, не так это все было! — не выдержала я наконец. — Кое-что из того, что вы рассказываете, существовало на самом деле, но далеко не все. И выглядело это совсем иначе — уж я-то знаю, я там жила тогда!

Лаура укоризненно покачала головой.

— Трудно дать правильную оценку событию или явлению, когда находишься слишком близко к нему. На расстоянии все выглядит правильнее. Теперь мы можем сказать, что это была грубая, бессердечная эксплуатация слабовольного большинства населения более сильным меньшинством. Некоторые образованные и решительные женщины смогли ему противостоять, но дорогой ценой, — за сопротивление всегда приходится платить, в данном случае своими созидательными способностями...

— Я никогда еще не встречала такого искаженного представления о своем мире, — наконец-то вставила я. — Оно мне напоминает картину, в которой все вроде бы скопировано с натуры, но пропорции нарушены. Что же касается так называемых "созидательных способностей"

наших женщин, то, может быть, семьи и были не столь велики, но женщины все равно продолжали рожать детей, и население росло.

Старая дама задумчиво смотрела на меня.

— Вы, Джейн, безусловно, "мыслящее дитя" своего времени. Так почему же вы думаете, что в рождении на свет детей есть что-то творческое? Назвали ли бы вы растение "творческим" только потому, что оно производит семена? Это чисто механический процесс и, как все механические процессы, лучше всего осуществляется менее умными и развитыми. Вот вырастить ребенка, воспитать его так, чтобы он стал *личностью* — это подлинно созидательный, творческий процесс. Но, к сожалению, в тот исторический период, о котором мы сейчас говорим, женщины были хорошо подготовлены к воспитанию своих дочерей лишь с целью сделать их такими же потребительницами, как и они сами.

— Но, — опять запротестовала я, — я ведь знаю *все* об этом времени, это же было *мое* время. То, что вы говорите, представляет собой совершенно искаженную картину тогдашней действительности.

Однако мои слова не произвели на Лауру ровно никакого впечатления, и она продолжала в том же духе:

— Историческая перспектива всегда более точна. Но если то, что случилось, все равно должно было случиться, время для этого выпало наиболее подходящее, так как в середине двадцатого столетия много женщин все еще предпочитали работать, а не сидеть дома. Наибольшее число работающих женщин были медиками; а медицина оказалась наукой, знание которой было жизненно необходимо для выживания.

Я не представительница этой профессии, поэтому не могу объяснить вам шаги, которые были предприняты для этого. Единственное, что я могу сказать, так это то, что научные исследования велись в направлении более понятном вам, чем мне.

Всякий вид, включая *homo sapiens* обладает большой волей к выживанию, и врачи учли это в своих изысканиях. Несмотря на голод, хаос и прочие трудности, дети каким-то образом продолжали появляться на свет. Так и должно было быть. Восстановление народного хозяйства могло

подождать — важнее было создать и вырастить новое поколение, которое бы занялось этим делом и смогло бы потом пожинать плоды своих трудов. Итак, дети рождались: девочки выживали, а мальчики умирали. Это было весьма неприятно, и поэтому медики скоро сделали так, что на свет стали появляться только девочки. Как мне рассказывали, в этом не было ничего сверхъестественного, ибо такие явления наблюдаются в природе. Так самка саранчи может продолжать производить саранчу женского пола без всякого участия самца, а тля размножается аналогичным образом в течение восьми поколений. Поэтому было бы глупо, если бы мы с нашими научными знаниями и исследовательскими способностями оказались хуже саранчи или тли — не правда ли?

Она замолчала, ожидая моей реакции на свое объяснение. Может, она думала, что я буду поражена или шокирована, — если так, то я явно разочаровала ее, так как после расщепления атома ничто уже больше не способно кого-либо удивить — все в природе возможно, другое дело, нужно оно или нет.

— Ну, и чего же вы добились, в конце концов? — спросила я.

— Мы выжили, — ответила она просто.

— Физически, — согласилась я, — но какой ценой! Куда подевались любовь, поэзия, искусство и простые человеческие радости, которыми пришлось пожертвовать ради этого? Какой смысл в простом физическом выживании?

— Я не задумывалась над смыслом, но стремление к выживанию свойственно всем видам, и человек не представляет собой исключения. Я абсолютно уверена в том, что в двадцатом веке смысл жизни был так же неясен, как и сейчас. Что же касается всего остального, то почему вы решили, что оно исчезло? Разве Сапфо не писала стихи? Ваша уверенность в том, что духовная жизнь человека зависит от наличия двух полов, просто удивляет меня — ведь довольно часто говорилось, что между полами всегда существовал конфликт, не так ли?

— Но, как историк, изучавший мужчин, женщин и мотивацию их поведения, вы должна были бы глубже понять, что именно я имею в виду, — сказала я.

— Вы в значительной степени продукт воспитания вашего времени, дорогая, — сказала Лаура, — когда на всех уровнях, начиная от трудов Фрейда и кончая самыми примитивными журналами для женщин, вам постоянно твердили, что именно секс, облаченный в красивую одежду романтической любви, движет миром. Но мир продолжает существовать и для других видов — насекомых, рыб, птиц и животных, а что они знают о романтической любви, даже во время непродолжительных брачных периодов? Вас просто дурачили. Все производители, коммерсанты и их прислужники направляли ваши интересы и стремления по каналам, которые были им удобны, выгодны и почти безвредны с общественной точки зрения.

Я отрицательно покачала головой.

— Нет, не могу я поверить в это. Вы, конечно, кое-что знаете о моем мире, но лишь поверхностно. Вы не понимаете его, и он не задевает вашу душу... Но, предположим, вы правы, что же тогда действительно движет миром?

— О, на такой вопрос очень легко ответить. Эта движущая сила — власть. Она в нас заложена с пеленок и не пропадает до глубокой старости. Она свойственна как мужчинам, так и женщинам. Она более основательна и более желанна, чем секс!

После того как мужчины все вымерли от болезни, женщины впервые в истории перестали быть эксплуатируемым классом. В отсутствии правителей-мужчин, которые сбивали их с толку и отвлекали их внимание на всякие пустяки, женщины, наконец, поняли, что женское начало и есть подлинная власть. Самец лишь выполнял свое недолгое полезное предназначение, оставаясь потом всю жизнь назойливым и дорогостоящим паразитом.

Когда же женщины осознали собственную власть, медики первыми захватили ее в свои руки. Через двадцать лет они уже управляли всем и всеми. К ним присоединились немногочисленные женщины-инженеры, архитекторы, юристы и администраторы, но жизнь и смерть людей были в руках врачей. Будущее тоже зависело от них, и, по мере того как жизнь начала постепенно возрождаться, они, вместе с представительницами

других профессий, превратились в правящий класс, называемый "докторатом". Докторат держал всю власть в своих руках; он издавал законы, и он же следил за их исполнением.

Конечно, существовала и оппозиция. Однако перевес сил был на стороне медиков, так как всякая женщина, желавшая иметь ребенка, должна была обратиться к ним. Они следили за тем, чтобы ей было обеспечено надлежащее место в обществе, и постепенно в мире установился порядок.

Со временем оппозиция стала более организованной. Появилась партия, которая утверждала, что болезнь, поразившая всех мужчин, больше не представляет никакой опасности и следовало бы восстановить равновесие полов. Членов этой партии стали называть "реакционерами", а сама партия была объявлена вне закона — как ведущая преступную подрывную деятельность.

Это, однако, было лишь полумерой. Вскоре стало ясно, что борьба шла, если можно так выразиться, лишь с симптомами болезни, а не с самим заболеванием. Докторат вынужден был признать, что у него на руках находится неуравновешенное общество, то есть общество, которое было способно продолжать свое существование, но чья структура соответствовала склонности женщин к иерархии и социальному неравенству. Поэтому, чтобы власть была более стабильной, надо было найти новые формы, более подходящие к обстоятельствам.

По натуре женщина — существо послушное — это особенно относится к малообразованным и совсем необразованным женщинам. Большинство из них наиболее счастливы при сохранении ортодоксальности. И каким бы странным это ни показалось со стороны, трудность в управлении нашим обществом, главным образом, состоит в установлении привычных ортодоксальных обычаев и норм поведения. Совершенно очевидно, что система, претендующая на успех, должна была учитывать эту и некоторые другие особенности женской натуры. Нужна была такая система, при которой взаимодействие различных сил сохраняло бы в обществе равновесие и

уважение к властям. Но выработка всех мелких деталей этой организации была делом непростым.

В течение ряда лет шло интенсивное изучение различных социальных форм и порядков, однако каждый из них был отвергнут в силу того или иного недостатка. Наконец, выбор пал на устройство общества, подсказанного Библией — книгой, хотя еще и не запрещенной в то время, но вызывавшей некоторое брожение умов. Это изречение звучит примерно так: "Ступай к муравью, ленивец, посмотри на действия его, и будь мудрым".[1]

Совет доктората решил, что эта идея, модифицированная соответствующим образом, может отвечать необходимым требованиям организации общества. За основу была принята система, состоящая из четырех классов, которые подвергались постепенной дифференциации. В результате мы теперь имеем докторат — правящий класс, пятьдесят процентов которого составляют медики. Затем следуют мамаши, название тут говорит само за себя. Потом идет прислуга, многочисленный класс, состоящий, в силу психологических причин, из женщин маленького роста. Работницы, физически сильные и мускулистые женщины, выполняют более тяжелую работу. Все три низших класса уважают власть доктората. Оба трудящихся класса почитают мамаш. Прислуга считает себя удачливее работниц, так как выполняет более легкую работу, а работницы смотрят на малорослую прислугу с легким, полудоброжелательным презрением.

Таким образом, как вы видите, дорогая, наконец-то было достигнуто равновесие в обществе и, хотя не все еще окончательно отработано, нет никаких сомнений в том, что положение улучшится.

Она продолжала подробно объяснять мне устройство их общества, а до меня постепенно доходил весь его чудовищный смысл.

— Боже мой, муравьи! — наконец не выдержала я. — Так вы что, взяли за образец муравьиную кучу?!

---

1 Ветхий завет. Притчи царя Соломона, гл.6.6.

Лаура несколько удивилась, то ли моему тону, то ли тому, что я так долго не воспринимала то, что она рассказывала.

— А почему бы и нет? — возразила она. — Ведь муравейник представляет собой одну из самых древних социальных систем, созданных природой; конечно, она нуждается в некоторой корректировке, но...

— Так вы говорите, что только мамаши могут иметь детей? — спросила я.

— Но почему же — члены доктората тоже могут, когда захотят, — сказала она. — Совет доктората определяет норму для каждого класса. Врачи в клинике осматривают каждую новорожденную и относят ее по физическим и прочим показателям к тому или иному классу общества. После этого все зависит от назначаемой детям диеты, гормонов и соответствующего воспитания.

— Но, — возмущенно воскликнула я, — к чему все это? Какой в этом смысл? Что за радость жить на свете при такой системе?

— Ну, а в чем вообще смысл жизни, скажите мне, пожалуйста?

— Мы же предназначены любить и быть любимыми и рожать детей от любимого человека!

— Вот опять в вас заговорило ваше воспитание — воспевание и идеализация примитивного анимализма. Вы все-таки признаете, что мы стоим на более высокой ступени развития, чем животные?

— Конечно, но...

— Вот вы говорите о любви. А что вы знаете о любви матери и дочери, когда между ними нет мужчины, возбуждающего ревность? Или о чистой любви молодой девушки к своим младшим сестренкам?

— Нет, вы все-таки не понимаете, что такое любовь, исходящая из самого сердца и пронизывающая все твое существо. Как эта любовь окрашивает все, о чем ты думаешь, все, что ты делаешь, все, что ты слышишь и к чему прикасаешься... Она может причинять ужасную боль, но она может и озарять, как солнце, все твое существование... В глазах возлюбленного можно увидеть отражение всей

Вселенной... О, если бы вы только могли это понять и почувствовать! Но, к сожалению, вам этого не дано... — О, Доналд, родной, воскликнула я про себя, как мне объяснить этой женщине то, что совершенно недоступно ее пониманию?

За моей тирадой последовала долгая пауза. Затем Лаура сказала:

— Конечно, в вашем обществе в вас выработали такую реакцию на отношения между полами, но вы вряд ли можете ожидать от нас, чтобы мы пожертвовали своей свободой и вновь вызвали к жизни своих угнетателей!

— Нет, вы, наверно, никогда ничего не поймете. Ведь это только глупые мужчины и женщины постоянно воевали друг с другом. Большинство же были счастливыми, любящими парами, из которых и формировалось общество.

Лаура иронически улыбнулась.

— Дорогая Джейн, — сказала она, — или вы действительно очень мало информированы о состоянии дел в обществе в ваше время, или та глупость, о которой вы упомянули, была довольно широко распространена. Как историк и просто как женщина, я не нахожу достаточно оснований для восстановления прежнего порядка вещей. Миновав стадию примитивного развития, мы теперь вступили в цивилизованный век. В прошлом женщина, сосуд жизни, имела несчастье зависеть от мужчины для продолжения рода. Теперь, слава Богу, с этим покончено. Наш мир устраивает нас намного больше — всех нас, за исключением реакционеров. Вы видели нашу прислугу — эти маленькие женщины немного робки, но разве они выглядят грустными или угнетенными? Разве они не щебечут весело друг с другом, словно птички? А работницы — те, которых вы называете "амазонками", — разве они не выглядят сильными, здоровыми и довольными?

— Но вы же лишаете их всех того, что принадлежит им по праву рождения, — воскликнула я. — Женщина должна иметь возможность любить...

Лауре, видимо, надоело слушать, и она меня прервала:

— Вы повторяете мне все пропагандистские идеи вашего века. Та любовь, о которой вы говорите, дорогая, существовала лишь в вашем маленьком, защищенном мирке в силу утонченных и одновременно выгодных условностей; вам едва ли когда-нибудь приходилось видеть ее другое лицо, неприкрашенное романтикой. Вас лично никто никогда не покупал, не продавал как скотину; вам никогда не приходилось отдаваться первому встречному за гроши только для того, чтобы заработать себе на жизнь, вы никогда не были в числе тех несчастных женщин, которых во все времена насиловали захватчики чужих городов; вы никогда не кидались в огонь, чтобы избежать этого позора; вас никто не заставлял бросаться на тело умершего мужа, чтобы быть кремированной вместе с ним; вы не провели всю жизнь, как пленница в гареме; вас не везли в вонючем трюме работорговцы; вы никогда не жили только для того, чтобы услаждать вашего мужа и господина...

Такова оборотная сторона медали под названием "любовь". У нас этого больше нет и не будет. Так что же, вы предлагаете вернуть мужчин для того, чтобы снова так страдать от них?

— Но ведь со всем этим было давно покончено уже в мое время, — робко возразила я, — мир уже и так становился лучше...

— Вы в этом уверены? А как насчет женщин в городах, захваченных противником во время Второй мировой войны? Разве это не было варварством?

— Но нельзя же избавляться от зла, одновременно лишаясь и добра. Что же тогда останется?

— Очень и очень многое. Мужчины были нужны только как средство продолжения рода. Вся остальная их жизнедеятельность влекла за собой лишь одно зло. Нам сейчас живется гораздо лучше без них.

— Так вы действительно уверены в том, что исправили то, что было задумано Природой?

— Всякая цивилизация есть улучшение и исправление Природы. Разве вы хотели бы жить в пещере и видеть, как ваши дети умирают во младенчестве?

— Однако есть некоторые фундаментальные истины... — начала было я, но она остановила меня, дав понять, что должна помолчать немного.

За окном сгущались сумерки, и длинные тени деревьев стелились по земле. В вечерней тишине я услыхала хор поющих женских голосов. Мы подождали, пока они окончили свою песню.

— Восхитительно! — сказала старая дама. — Наверно, даже ангелы не могут так чарующе петь... И какие у них счастливые голоса! Это все наши дети — две мои внучки тоже там. Они действительно счастливы и имеют на то все основания — ведь их счастье не зависит от прихоти какого-то мужчины. Только прислушайтесь к ним!

Девушки затянули новую песню, и ее ласкающие звуки доносились к нам через открытые окна. По моему лицу невольно потекли слезы.

— Почему вы плачете, Джейн? — спросила Лаура, когда песня подошла к концу.

— Это, конечно, очень глупо с моей стороны, особенно если принять во внимание, что я не верю в реальность всего окружающего. Но я оплакиваю всех вас, как если бы ваш мир существовал на самом деле. Мне так жаль вас! Ведь там, под деревьями, должны были бы сидеть, держась за руки, влюбленные, но у вас нет влюбленных и никогда не будет... Вы когда-нибудь читали такие строчки из одного стихотворения: "Как часто рождается цветок, обреченный цвести в одиночестве и испускать свой аромат в знойной безлюдной пустыне"? Неужели вы не чувствуете всю убогость и пустоту созданного вами мира? Неужели вы действительно ничего не понимаете?! — воскликнула я.

Мы продолжали еще некоторое время беседу в том же духе, пока не наступил вечер и в других домах не зажглись огни, мерцавшие сквозь густую листву деревьев. Все мои попытки убедить Лауру в несовершенстве созданного женщинами мира, оказались тщетны. Ее главным аргументом против моих доводов было мое, так называемое, "воспитание", которое якобы мешало мне видеть все в истинном свете.

Наконец вошла маленькая горничная и сказала, что за мной приехали и я могу уйти, когда мне будет удобно. Но я не спешила. У меня остался невыясненным один важный вопрос, и я задала его Лауре:

— Как же все-таки все это случилось? Я имею в виду исчезновение мужчин? — спросила я.

— Это была чистая случайность, дорогая. Проводились научные исследования, которые неожиданно дали непредвиденные побочные результаты.

— Но как? — настаивала я.

— Фамилия Перриган вам ничего не говорит?

— Нет, я никогда не слыхала ее — это, должно быть, довольно редкая фамилия...

— Но она приобрела весьма широкую известность, — заверила меня Лаура.

— Доктор Перриган был биохимиком, он искал средство для уничтожения крыс, особенно бурой крысы, которая наносила большой вред народному хозяйству. И он решил найти вирус, который погубил бы этих неприятных животных, взяв за основу вирусную инфекцию, смертельную для кроликов. Путем мутаций, вызванных облучением радиоактивными веществами, Перригану удалось получить штамм этого вируса, смертельный и для крыс, особенно бурых. С этим вредным видом скоро было покончено, но где-то произошла накладка. До сих пор остается загадкой, подвергся ли полученный вирус новой мутации или на ранней стадии экспериментов каким-то крысам-носителям болезни удалось убежать из лаборатории, но суть состоит в том, что некоторые штаммы вируса оказались опасными и для человека. У женщин обнаружился врожденный иммунитет к этой болезни, в то время как мужчины оказались очень восприимчивы к ней. Лишь очень немногие, кто перенес ее, остались в живых. Небольшую группу мужчин изолировали и сохраняли со всяческими предосторожностями, но нельзя же было вечно держать их взаперти, и, в конце концов, вирус добрался и до них.

После этого рассказа у меня, как профессионального медика, возник ряд вопросов, но Лаура не смогла на них ответить и порекомендовала обратиться с ними к врачам.

— Да, я теперь понимаю, — сказала я, — скорее всего, это была просто случайность, несчастный случай, так сказать.

— Пожалуй, — согласилась Лаура, — если только не рассматривать это, как провидение Божие.

Тут появилась моя прислуга и помогла мне подняться на ноги. Я поблагодарила старую даму за ее доброту ко мне и долготерпение.

— Это я должна вас благодарить, дорогая, — сказала она, — ведь за эти два часа я узнала о воспитании и поведении женщин в смешанном обществе больше, чем за долгие годы, проведенные за чтением литературы. Я все же надеюсь, что доктора помогут вам найти способ забыть вашу прежнюю жизнь и жить счастливо среди нас.

Я попрощалась и пошла к двери, но на пороге остановилась и сказала:

— Лаура, многие из ваших аргументов действительно обоснованны, но в целом вы глубоко, глубоко заблуждаетесь. Разве вы никогда не читали о влюбленных? Разве вы никогда, будучи еще девушкой, не мечтали о каком-нибудь Ромео, который бы вам сказал: "Это восток, а Лаура — солнце!"?

— По-моему, нет, — ответила старая дама. — Я, конечно, читала эту пьесу Шекспира — так, красивая идиллическая сказка... Интересно, скольким, так называемым Джульеттам, она причинила душевную боль? Но я бы задала вам другой вопрос, дорогая Джейн. Вы когда-нибудь видели цикл офортов Гойи, названный "Бедствия войны"?

Я поняла, что переубедить ее невозможно.

Меня не отправили обратно в Дом для мамаш. Вместо этого розовая перевозка доставила меня к более величественному зданию больничного типа, где меня поместили в отдельную палату.

На следующее утро, после обильного завтрака меня посетили три незнакомых врача. Они вели себя со мной вполне по-светски, совсем не как медики. Очевидно, они уже знали содержание моего вчерашнего разговора с Лаурой и были готовы отвечать на мои вопросы. Под конец нашей беседы одна из врачей деловито сказала:

— Вы, конечно, понимаете, что ваше присутствие здесь ставит нас в трудное положение. Мы же не можем допустить, чтобы вы продолжали заражать мамаш вашими

реакционистскими идеями — вы и так их достаточно шокировали. К тому же, эти идеи могут распространиться дальше, что нас никоим образом не устраивает. С другой стороны, мы не представляем, как женщина с таким интеллектом и образованием, как у вас, может свыкнуться со спокойной, "растительной" жизнью мамаш.

Перспектива оставаться до конца жизни розовой коровой, периодически производящей на свет четверню дочерей, мало улыбалась мне, и я спросила:

— Так что же вы предлагаете? Можете ли вы превратить эту огромную тушу в нормальное женское тело?

Она отрицательно покачала головой.

— Где же тогда выход из этого положения? — спросила я.

Она минутку поколебалась, затем осторожно предложила:

— Единственное, что можно сделать — это подвергнуть вас гипнотическому внушению, чтобы вы смогли забыть ваше прошлое.

Когда смысл сказанного полностью дошел до моего сознания, меня охватила паника. Но я взяла себя в руки, сознавая, что они пытаются найти какое-то мало-мальски разумное решение возникшей проблемы и надо быть с ними терпеливой. После нескольких минут молчания я сказала:

— То, что вы предлагаете, для меня равносильно самоубийству. Мой разум держится на моих воспоминаниях — если их не будет, я умру, точно так же, как если бы вы убили мое тело...

Они не стали спорить со мной — да и как можно было?

На свете есть только одно, что придает какой-то смысл моей жизни, думала я, — это сознание, что ты любил меня, дорогой Доналд, любимый мой. Теперь ты остался жить лишь в моей памяти. Если ты покинешь ее — я снова умру, уже окончательно.

— Нет! — сказала я им решительно. — Ни в коем случае!

Дав мне сутки на размышление, те же трое медиков снова посетили меня.

— Я многое поняла за эти двадцать четыре часа, — сказала я им. — То, что вы предлагаете мне, это полное забвение вместо неизбежного нервного срыва, после которого все равно последует такое же забвение. И у вас нет другого выбора...

— Да, это так, — подтвердила председатель, а две другие врачихи кивнули головами в знак согласия.

— Ну, я согласна на ваше предложение, но с условием, что сначала вы выполните одну мою просьбу.

Они вопросительно взглянули на меня.

— Так вот, прежде чем вы примените гипноз, я прошу вас сделать мне укол чуинжуатина в той же дозе, в какой я получила его у нас в лаборатории — я вам ее назову. Видите ли, если это все галлюцинация или что-то очень похожее на нее, то она непременно связана с этим наркотиком, так как прежде ничего подобного со мной не случалось. И вот я подумала, что, если повторить эксперимент, то, может быть... Конечно, это выглядит очень глупо, но все-таки, а вдруг? Если же ничего не получится, то делайте со мной то, что решили, какая мне разница...

Все трое задумались.

— Я не вижу причины ей отказать, — наконец проговорила одна. Две другие согласились с нею.

— Я думаю, мы сумеем получить официальное разрешение на проведение такого эксперимента, — сказала председатель. — Раз вы этого хотите, мы не имеем права вам отказать, но я слабо верю в успех этой попытки.

Во второй половине дня группа маленьких санитарок принялась готовить комнату и меня к процедуре. Затем такая же маленькая медсестра вкатила тележку, уставленную всякими бутылочками и пробирками, и поставила ее возле моей постели.

Снова появились те же три докторицы. Главная серьезно, но вместе с тем ласково, взглянула на меня и спросила:

— Вы, конечно, понимаете, что это всего лишь авантюра с минимальной вероятностью успеха?

— Да, я все понимаю, но это мой единственный шанс, и я хочу им воспользоваться.

Она кивнула, взяла шприц и всадила иглу в мою огромную руку, предварительно протертую спиртом.

— Давайте, нажимайте на шприц — мне все равно нечего терять, — сказала я.

Она кивнула еще раз и нажала на поршень...

Я написала все вышеизложенное со специальной целью. Теперь я помещу рукопись в сейф в банке, и там она будет лежать никем не прочитанная до тех пор, пока в этом не появится необходимость.

Я никому не рассказывала о том, что со мной произошло. Мой отчет доктору Хельеру о действии чуинжуатина — фальшивка. Я написала там, что просто ощущала, будто парю в пространстве, и ничего более. Я скрыла правду потому, что, когда снова оказалась в собственном теле и моем привычном мире, воспоминания о том, что я пережила, продолжали преследовать меня. Подробности той жизни были так ярки в моей памяти, что я никак не могла отделаться от них. Я не осмеливалась рассказать обо всем доктору Хельеру из страха, что он назначит мне какое-нибудь лечение, а своим друзьям — из опасения, что они не воспримут мои злоключения всерьез и превратят все в предмет для насмешек, интерпретируя виденное мной, как разного рода символы. Поэтому я продолжала молчать.

Перебирая в уме все подробности того, что мне довелось пережить, я начала сердиться на себя за то, что не узнала от старой дамы больше фактов и дат, которые можно было бы проверить. Но затем я вспомнила один факт, единственную информацию, которую все-таки можно было подвергнуть проверке, и начала наводить справки. Теперь я сожалею об этом, но в тот момент я чувствовала, что это необходимо.

Итак, я выяснила, что *доктор Перриган существует на самом деле, что он биохимик и ставит опыты на кроликах и крысах.* Он хорошо известен в научных кругах и опубликовал несколько работ по борьбе с вредителями. Ни для кого не является секретом, что он пытался вывести новые штаммы вируса, способные убивать крыс...

Но ведь я никогда не слыхала ничего об этом человеке и его изысканиях до того, как старая дама упомянула его имя во время моей, так называемой, "галлюцинации"!

Я много думала об этом. Что же я все-таки пережила? Если это было своего рода предвидение неизбежного будущего, тогда никто и ничто не могло бы помочь избежать его. Но мне это показалось бессмысленным: скорее, могло быть большое число различных будущих, каждое из которых должно было последовать за тем, что происходит в данный момент. Возможно, находясь под действием чуинжуатина, я и увидела одно из них...

Все это можно было рассматривать как предупреждение о том, что может случиться, если вовремя не принять нужные меры. Идея гибели всех мужчин и образования чисто женского общества казалась мне теперь столь чудовищной и отвратительной, что я посчитала своим долгом перед человечеством предотвратить это во что бы то ни стало. Поэтому я решила, под собственную ответственность, не доверяясь никому, самой сделать так, чтобы то, что я пережила, никогда не осуществилось. Если же, паче чаяния, кого-либо другого обвинят в том, что собираюсь сделать я, или в том, что он помогал мне, эта рукопись послужит ему оправданием. Вот зачем я и написала ее.

Я сама пришла к заключению, что доктору Перригану нельзя позволить продолжать свои опыты.

Подпись: *Джейн Уотерлей.*

Адвокат несколько минут задумчиво смотрел на подпись, затем кивнул головой.

— Итак, — сказал он, — она села в машину и отправилась прямехонько к Перригану — со всеми вытекающими из этого трагическими последствиями.

— Насколько я ее знаю, — сказал доктор Хельер, — мне думается, она всеми силами старалась убедить его бросить свои исследования, хотя едва можно было надеяться на успех. Трудно представить себе ученого, который бы согласился прекратить дело, которому он посвятил много лет жизни, только на основании каких-то гаданий на ко-

фейной гуще. Так что, очевидно, она ехала к нему, уже заранее готовая применить, если потребуется, силу. Похоже, полиция права в своем утверждении, что она застрелила Перригана преднамеренно, но не справедлива, полагая, что она подожгла его лабораторию, просто чтобы замести следы преступления. Совершенно ясно, что она сделала это, чтобы уничтожить результаты его исследований.

Хельер покачал головой.

— Несчастная молодая женщина! — произнес он. — Из последних страниц ее рукописи отчетливо видно, что ею руководило повышенное чувство долга, подобное тому, какое бывает у великомучеников, когда они совершают свои подвиги, невзирая на последствия. Ведь она и не отрицает, что застрелила его. Единственное, что она отказывается сказать — почему она это сделала...

Он задумался на минуту, затем продолжил:

— Но, так или иначе, слава Богу, что есть этот документ, — он похлопал рукой по рукописи. — Это хотя бы спасет ей жизнь. Хорошо еще, что она не успела отнести рукопись в банк, как намеревалась.

— Я в значительной степени чувствую себя виновным за ее судьбу, — добавил Хельер. — Мне ни в коем случае не следовало разрешать ей испытывать этот наркотик на себе, но я-то думал, что шок, причиненный смертью мужа, уже прошел... Она все время старалась быть чем-то занятой и поэтому предложила себя в качестве подопытного кролика. Вы видели ее и, наверно, заметили, какая она целеустремленная. В этом эксперименте Джейн видела для себя возможность сделать что-то полезное для науки. Так оно и получилось в результате, но мне следовало быть более чутким и обратить внимание на то, что с ней творилось после того, как она пришла в себя. Это я должен нести ответственность за все...

— Хм, — промычал адвокат, — выдвигая такой мотив ей в оправдание, вы можете сильно повредить себе профессионально, вы это понимаете?

— Да, конечно, но сейчас я думаю не об этом. Ведь я несу ответственность за нее, как руководитель коллектива,

членом которого она является. Откажи я ей в возможности принять участие в эксперименте, и несчастья могло бы и не произойти. А посему, мне думается, в суде в качестве оправдательного документа следует выдвинуть временную невменяемость. Получи мы такой вердикт, и все окончится ее помещением в психиатрическую клинику и, возможно, весьма кратковременным курсом лечения.

— Ничего не могу вам сказать пока по этому поводу — все зависит от того, какую позицию займет защитник.

— Но ведь все это истинная правда, — продолжал настаивать Хельер. — Такие люди, как Джейн, не совершают убийства в здравом уме и твердой памяти — ну, разве только, когда они оказываются загнанными в угол. Совершенно ясно, что наркотик вызвал настолько яркую галлюцинацию, что она перестала различать, где реальная жизнь, а где воображаемая. Она дошла до такого состояния, что поверила в реальность своего миража и действовала сообразно с обстоятельствами.

— Да-да, — согласился адвокат, — это вполне возможно. Он снова взглянул на рукопись, лежащую перед ним. — Во всем этом фантастическом отчете имеется одна весьма интересная деталь — я имею в виду вымирание самцов. Джейн считает это не столько невозможным, сколько нежелательным. Вот вы, как специалист в области медицины, считаете ли это вероятным, хотя бы теоретически?

Доктор настороженно посмотрел на адвоката.

— Эй, бросьте! Ну уж не поверю, чтобы вы, опытный юрист, вдруг поверили в какие-то фантазии! Во всяком случае, если вы в них все-таки верите, то давайте допустим еще одну. Поскольку Джейн, бедная девочка, уже покончила с этим делом, у данной фантазии нет абсолютно никакого будущего. Перриган убит, а все результаты его работы превратились в дым.

— Хм, — теперь промычал уже адвокат, — все-таки, на мой взгляд, было бы лучше, если бы мы узнали, что она пронюхала про Перригана и его деятельность как-то иначе, чем вот таким путем. — И он тоже похлопал рукой по рукописи. — Она случайно не интересовалась ветеринарией?

— Нет, я совершенно в этом уверен, — сказал Хельер, отрицательно покачав головой.

— Ну, тогда остается лишь один тревожащий меня момент... Жаль, что Джейн более тщательно не навела справки, прежде чем приступила к исполнению своего плана.

— Что вы, собственно, имеете в виду?

— Только то, что она упустила из виду, что у Перригана есть сын. Он тоже биохимик и тоже носит фамилию Перриган. Он с большим интересом следил за исследованиями своего отца и уже объявил, что намерен сделать все возможное, чтобы довести его дело до конца, работая с теми несколькими экземплярами животных, которых удалось спасти от огня...

РАССКАЗЫ

РАССКАЗЫ ИЗ СБОРНИКОВ:

John Wyndham

JIZZLE

A four Square Book
London
1965

* * *

John Wyndham

CONSIDER HER WAYS
AND OTHER

Penguin Books Ltd.
Harmondsworth, Middlesex, England
1972

* * *

John Wyndham

THE SEEDS OF TIME

Penguin Books Ltd.
Harmondsworth, Middlesex, England
1964

Я В ЭТО НЕ ВЕРЮ!..

Никогда, дал себе слово Генри Бейдер, когда его, наконец, стиснули настолько, что двери поезда смогли закрыться за ним, никогда больше не позволю себе застревать в городе так поздно.

Он уже не первый раз давал себе подобные клятвы в полной уверенности, что никогда их не нарушит, а потом, конечно, нарушал, хотя в промежутках действительно старался делать все возможное, чтобы его редкие визиты в Сити не совпадали с часами пик.

Однако в тот день у него было столько дел в Лондоне, что оставалось только два выхода из положения: либо задержаться в городе еще позже и тем огорчить жену, либо позволить людскому потоку увлечь себя к входу в метро у здания Английского банка.

Взглянув сначала с тревогой на толпу, медленно вваливавшуюся в метро, а затем на длинную неубывающую очередь на автобус, Генри решился. В конце концов, они это делают дважды в день и не умирают. А я — чем хуже? — подумал он и бодро шагнул вперед.

Самое удивительное заключалось в том, что никто вокруг него не смотрел на поездку в метро, как на какой-то сверхчеловеческий подвиг, все относились к ней совершенно спокойно, терпеливо и довольно равнодушно — так, наверно, воспринимают свою участь коровы, которых перевозят с одного скотопригонного двора на другой.

На станции метро у собора Святого Павла никто не вышел, но давление внутри вагона свидетельствовало, что еще кто-то умудрился войти. Двери попытались сомкнуться, но снова раздвинулись, так как чья-то не то рука, не то нога пыталась втиснуться в вагон недостаточно умело. Затем двери сделали невероятное усилие и наконец сомкнулись.

Поезд тяжело тронулся. Девушка в зеленом плаще, стоявшая справа от Генри, сказала, обращаясь к девушке в синем плаще, прижатой к ней вплотную:

— Как ты думаешь, мы заметим, когда у нас начнут трещать ребра?

Но это прозвучало скорее как философское размышление, чем как жалоба.

© Перевод на русский язык. М.Бирман, 1993

На станции Чансери-Лейн тоже никто не вышел. Однако путем усиленного заталкивания и других физических воздействий удалось достичь невозможного и посадить в вагон еще нескольких человек. Поезд с трудом набирал скорость. Он протарахтел по рельсам еще несколько секунд, затем последовал сильный толчок, и все погрузилось во мрак. Поезд остановился.

Генри выругался с досады, но ровно через секунду состав снова двинулся вперед. Однако Генри с удивлением ощутил, что его тело больше не опирается на окружающих пассажиров и вытянул вперед руку, чтобы удержать равновесие. Рука уперлась в какой-то мягкий предмет. В это мгновение снова зажегся свет, и Генри увидел, что "предметом" была девушка в зеленом плаще.

— Вы что думаете, вы... — начало было девушка, но тут же осеклась и посмотрела вокруг широко раскрытыми от удивления глазами.

Генри хотел было извиниться, но и у него слова замерли на губах, а глаза потихоньку полезли на лоб.

В вагоне, который еще минуту назад был набит людьми до последнего дюйма, теперь, если не считать его и девушки в зеленом плаще, оставались всего три человека. Пожилой джентльмен развертывал газету с таким видом, будто он наконец-то получил возможность осуществить свое законное право, дама средних лет сидела, погруженная в собственные мысли, а в другом конце вагона молодой человек дремал, прислонившись к стенке.

— Ну, уж эта мне Милли! Я ей завтра покажу! — воскликнула девушка. — Сошла в Холборне и даже слова не сказала. А ведь знает, что у меня там тоже пересадка!

Она задумалась.

— Ведь это был Холборн, не правда ли? — сказала она, обращаясь к Генри.

Генри в полном недоумении продолжал глядеть на опустевший вагон. Девушка слегка потрясла его за плечо.

— Ведь это был Холборн? — неуверенно повторила она.

Наконец он обернулся.

— Вы что-то сказали про Холборн? — спросил он рассеянно.

— Ну, эта последняя остановка, где все сошли. Ведь это был Холборн, правда?

— Я... я боюсь, что не очень-то хорошо знаю эту линию метро, — сказал Генри.

— Но зато я ее знаю, как свои пять пальцев. Это наверняка был Холборн, — сказала девушка решительно, словно желая убедить себя.

Генри еще раз взглянул на качающийся вагон и болтающиеся ремни.

— Простите, но я не видел никакой станции, — сказал он.

Девушка откинула голову в красной вязаной шапочке и внимательно посмотрела на Генри. Она не была испугана, однако в ее голубых глазах появилась тревога.

— Но ведь была же какая-то остановка, иначе куда бы они все подевались?

— Да-да, конечно, — согласился Генри.

Они помолчали. Поезд продолжал нестись вперед, еще больше раскачиваясь и дергаясь на мало нагруженных рессорах.

— Следующая остановка Тотенхэм-Корт-Род, — сказала девушка с некоторым беспокойством.

Поезд тарахтел по рельсам. Девушка задумчиво смотрела на темные окна вагона.

— Чудно, — проговорила она наконец, — очень чудно...

— Послушайте-ка, — сказал Генри, — а что, если мы спросил остальных пассажиров? Может, они что-нибудь знают?

Девушка взглянула на них. По ее лицу было видно, что она не возлагала на это особенных надежд.

— Ну что ж, давайте, — все же ответила она и повернулась, чтобы пойти вместе с ним.

Генри остановился возле дамы. Она была в хорошо сшитом пальто с меховой пелериной. На голове у нее поверх аккуратно уложенных темных волос красовалась небольшая шляпка с вуалеткой, ноги были обуты в элегантные лаковые туфли. Руки в лайковых перчатках опирались на черную кожаную сумочку, лежавшую на коленях. Взгляд у дамы был совершенно отсутствующий.

— Простите, — сказал Генри, — вы не могли бы сказать, как называется станция, где сошли все остальные пассажиры?

Дама медленно приподняла веки и посмотрела на Генри сквозь вуалетку.

— Нет, — сказала она после небольшой паузы, слегка улыбаясь, — боюсь, я не обратила внимания.

— А вам не показалось, что там было что-то не так?

— Не так? — переспросила дама.

— Да, уж очень они все быстро вышли, — пояснил Генри.

— А что в этом необычного? Мне это даже понравилось, а то здесь уж слишком много народу набилось.

— Вы совершенно правы, — согласился Генри. — Но все-таки нам непонятно, как это могло произойти...

Дама приподняла брови.

— Неужели вы думаете, что я...

Позади Генри прошелестела газета, и ворчливый голос произнес:

— Молодой человек, по-моему, вы напрасно беспокоите даму этими вопросами. Если вас что-то не устраивает, обратитесь с жалобой в соответствующие инстанции.

Генри обернулся. Он увидел человека с седеющими висками и аккуратно подстриженными усами на здоровом, розовом лице. На вид ему было лет пятьдесят пять, и все в его одежде, начиная с черной шляпы-котелка и кончая портфелем, говорило о том, что это настоящий бизнесмен из лондонского Сити. Он вопросительно взглянул на даму и получил в ответ сдержанную улыбку благодарности. Затем он встретился глазами с Генри и несколько сбавил тон. Он понял, что перед ним вполне воспитанный человек, а не какой-то нахал, как он было подумал, глядя на Генри со спины.

— Простите за беспокойство, — сказал Генри. — Но эта девушка, по-видимому, проехала свою остановку, да и вообще все это очень странно...

— Я помню, что мы остановились на Чансери-Лейн, так что, по всей вероятности, остальные пассажиры сошли в Холборне. Это совершенно ясно, — сказал джентльмен.

— Но это произошло так быстро...

— Ну и отлично. Работники метро, наверно, придумали какой-нибудь новый метод регулирования потока пассажиров. Ведь они все время ищут что-то новое.

— Да, но уже прошло десять минут, как мы едем без остановок, и я абсолютно уверен, что мы не проехали ни одной станции, — возразил Генри.

— Вероятно, по каким-то техническим причинам наш поезд перевели на другой путь, — сказал джентльмен.

— На другой путь? В метро? Да это совершенно невозможно! — воскликнул Генри.

— Дорогой мой, уж это совсем не наша с вами забота. Пусть этим делом занимаются те, кому оно поручено. В конце концов, для того они и поставлены. Поверьте мне, они прекрасно знают, что делают, хотя нам это и кажется "странным", как вы изволили выразиться. Бог ты мой, уж если мы не будем доверять нашим специалистам, кому еще нам останется доверять!

Генри взглянул на девушку в зеленом плаще. Она поймала его взгляд и слегка пожала плечами. Они отошли в другой конец вагона и сели. Генри посмотрел на часы, потом предложил девушке сигарету. Они закурили.

Поезд ритмично тарахтел по рельсам. Генри и девушка смотрели в окно, чтобы не пропустить освещенную платформу, но единственное, что они могли видеть, это свои собственные отражения в темном стекле. Докурив сигарету, Генри бросил окурок на пол и придавил его ботинком. Он снова посмотрел на часы, затем повернулся к девушке.

— Уже прошло больше двадцати минут, — сказал он, — это невероятность, возведенная в квадрат!

— А поезд пошел быстрее, — заметила девушка, — и посмотрите, кажется, он движется наклонно.

Генри взглянул на ремни, свисавшие с потолка. Сомненья не было — поезд явно шел под гору. Повернув голову в другую сторону, Генри увидел, что двое других пассажиров оживленно разговаривают.

— Ну что ж, попробуем еще разок? — предложил он.

— Всегда не более пятнадцати минут, даже в часы пик, поверьте мне, — говорила дама, когда они подошли. — Я боюсь, что мой муж будет ужасно беспокоиться.

— Ну, что вы скажете теперь? — спросил Генри, обращаясь к пожилому джентльмену.

— Все это на самом деле весьма странно, — согласился тот.

— Странно! Почти полчаса на полной скорости и без единой остановки. Да это просто невероятно!

Собеседник холодно посмотрел на него.

— То, что сейчас происходит, со всей очевидностью доказывает, что ничего невероятного в этом нет. Возможно, имеется какой-то запасной подземный путь, проложенный еще во время войны, и нас туда перевели по ошибке. Я не сомневаюсь, что здешние начальники скоро обнаружат свою ошибку и вернут поезд назад.

— Что-то они не очень спешат, — сказала девушка. — Мне уже давно пора быть дома. К тому же у меня вечером свидание в Палласе.

— Я думаю, нам следует остановить поезд, — сказала дама. Она смотрела на рукоятку запасного тормоза, которую разрешалось повернуть только в экстренных случаях.

Генри и джентльмен переглянулись.

— По-моему, это самый экстренный случай, — заявила дама тоном, не допускающим возражений.

— Э-э... — промычал Генри.

— Но управление метро... — начала было джентльмен.

— Хорошо, — сказала дама, — если вы, мужчины, так боитесь дотронуться до этой рукоятки, я сделаю это сама. — Она протянула руку, крепко ухватилась за рукоятку и повернула ее вниз.

Генри быстро опустился на скамью и потянул за собой девушку, боясь, что поезд резко затормозит. Но ничего не произошло.

Все трое ждали. Наконец стало ясно, что тормоз не работает. Дама нетерпеливо подняла рукоятку, а затем снова решительно дернула ее вниз. Никакого результата. Она выразила свое мнение о тормозе в довольно сильных выражениях.

— Нет, вы только послушайте, что она говорит! Надо же! — сказала девушка, обращаясь к Генри.

— Это все слова. Хотите еще сигарету? — спросил Генри.

Поезд тарахтел и покачивался на рельсах. Ремни продолжали висеть наклонно.

— Ну, — сказала девушка через некоторое время, — можно считать, что мое свидание в Палласа лопнуло. Теперь Доррис отобьет у меня парня, это точно. Я смогу возбудить против них дело, как вы думаете?

— Боюсь, что вам это не удастся, — ответил Генри.

— Вы юрист?

— Можно сказать, да. А давайте-ка познакомимся. Похоже, нам придется провести какое-то время вместе, пока они там догадаются навести порядок. Меня зовут Генри Бэйдер.

— А меня Норма Пальмер.

— Роберт Форкетт, — представился джентльмен из Сити и слегка поклонился.

— Миссис Барбара Брэнтон, — сказала дама средних лет.

— А что нам делать с ним? — спросила Норма, указывая пальцем на молодого человека, который продолжал мирно спать в другом конце вагона. — Может быть, следует разбудить его и рассказать, как обстоит дело?

— Не думаю, чтобы от этого что-нибудь изменилось, — заметил мистер Форкетт. Он повернулся к Генри. — Вы, кажется, сказали, что вы юрист, сэр? Может быть, вы сумеете нам объяснить, каково наше положение в этом деле?

— Ну, не заглядывая в юридический справочник, я бы сказал, что в этом деле о задержке никакая претензия с нашей стороны не будет принята во внимание...

Через полчаса Генри почувствовал, как что-то тяжелое привалилось к его боку. Повернув голову, он увидел, что Норма заснула, положив голову к нему на плечо. Миссис Брэнтон дремала по другую сторону от него. Мистер Форкетт зевнул и извинился.

— Пожалуй, лучший способ скоротать время — это немного вздремнуть, — сказал он.

Генри снова взглянул на часы. Если только поезд не двигался по замкнутому кругу, то они уже должны были проехать под несколькими английскими графствами. Все это было совершенно непостижимо. Ему хотелось курить, но, чтобы достать сигарету из кармана, надо было потревожить девушку. Поэтому он не шевелился и сидел, уставившись в темноту за окном, слегка покачиваясь в такт идущему поезду и прислушиваясь к мерному стуку торопливо бегущих колес, пока его голова не склонилась на вязаную шапочку спящей на его плече девушки.

Перемена ритма и легкое вздрагивание вагона от включенных тормозов разбудили Генри. Остальные пассажиры

проснулись минутой позже. Мистер Форкетт громко зевнул. Норма открыла глаза, с удивлением огляделась и, обнаружив свою голову на плече у Генри, быстро выпрямилась...

— Ну, как же это я... — сказала она, смущенно взглянув на Генри.

Он уверил ее, что ему было очень приятно. Она стала приглаживать волосы и приводить себя в порядок, глядясь в темное окно, как в зеркало. Миссис Брэнтон достала из-под своей пелеринки маленькие часики и взглянула на них.

— Боже мой, почти полночь! Мой муж, наверно, совсем с ума сошел от беспокойства, — заметила она.

Изменившийся стук колес указывал на то, что поезд замедляет ход. Постепенно за окнами начало светлеть.

По сравнению с освещением внутри вагона свет был какой-то красноватый; с каждой минутой он становился все сильнее.

— Вот так-то лучше, — сказала Норма. — Терпеть не могу, когда поезд останавливается в туннеле.

Свет стал еще ярче, скорость движения уменьшилась, и поезд подошел к станции. Все пассажиры прильнули к окнам, стараясь разглядеть ее название, но нигде не было никакой таблички. Внезапно миссис Брэнтон, которая смотрела в окно по другую сторону вагона, вытянула шею и воскликнула:

— Вот!

Все быстро обернулись, но уже было поздно.

— Это была какая-то авеню, — сказала она.

— Ну, скоро мы все узнаем, — заметил мистер Форкетт.

Тормоза тяжело вздохнули, и поезд наконец остановился. Но двери открылись не сразу. В конце перрона поднялась какая-то суматоха и, немного погодя, чей-то голос прокричал:

— Конечная остановка! Всем выходить!

— Вот еще, всем выходить, — проворчала Норма, поднимаясь и направляясь к двери. Остальные последовали за ней.

Двери внезапно раскрылись. Норма взглянула на стоящую на платформе фигуру и в ужасе отпрянула, чуть не сбив шедшего за ней Генри.

— Ой-ой-о! — завопила она.

Фигура была почти нагой. Это было угловатое существо мужского пола с темно-красной кожей. Единственную его одежду составляли ремни, к которым были пристегнуты какие-то инструменты. Этнически его лицо напоминало североамериканских индейцев, только вместо убора из перьев на голове была пара рогов. В правой руке существо держало вилы, а в левой — большой сачок.

— Всем выходить, — заявило оно, отходя в сторону.

Норма минуту поколебалась, а затем быстро прошмыгнула на перрон. Остальные вышли вслед за ней более спокойным шагом, но с настороженными взглядами. Так как существо стояло лицом к двери, пассажиры не смогли рассмотреть его сзади. Оно медленно и рассеянно помахивало хвостом, острые колючки на конце которого выглядели довольно угрожающе.

— Э-э... — начал было мистер Форкетт, но передумал. Он бросил взгляд на каждого из своих спутников в отдельности и задумался.

Существо заметило молодого человека, который продолжал спать в другом конце вагона. Оно подошло к нему и ткнуло в него вилами. Последовала небольшая перебранка. Существо слегка пырнуло молодого человека вилами еще раз, тот, наконец, поднялся и вышел из вагона. Вид у него был заспанный.

Кто-то что-то прокричал в конце перрона, затем послышался топот бегущих ног. Какой-то человек строптивого вида бежал им навстречу. За ним гналось с сачком другое краснокожее существо. В конце концов сачок просвистел в воздухе, и человек, запутавшись в сетке, грохнулся на перрон. Там дружно захохотали.

Генри посмотрел по сторонам. В тусклом красноватом свете он, наконец, разглядел и прочитал название станции.

— Какая-то авеню, — сказал он вполголоса. — Ничего себе, какая-то!

Миссис Брэнтон услышала, что он говорит, и тоже посмотрела на дощечку.

— Но ведь тут написано "авеню", значит, это и есть авеню, — сказала она.

Прежде чем он успел ей что-либо возразить, чей-то голос прокричал:

— Выход в эту сторону! Выход в эту сторону! — И существо, держа свои вилы наготове, показало жестом, куда идти.

Молодой человек с другого конца вагона зашагал рядом с Генри. Это был сильный мужчина интеллигентной наружности, который все еще не мог окончательно проснуться.

— Что это за суматоха? Пожертвования собирают для какой-нибудь больницы, что ли? Теперь, когда у нас принята новая программа здравоохранения, в этом, кажется, нет особой нужды?

— Нет, это что-то совсем другое и не очень приятное, по правде сказать. — Генри указал пальцем на название станции. — Да к тому же взгляните на эти хвосты. Не знаю, что и подумать...

Молодой человек внимательно посмотрел на волнообразные движения, которые производило своим хвостом одно из краснокожих существ.

— Но право же... — запротестовал он.

— Кто же это еще, если не черти? Как по-вашему? — спросил Генри.

Не считая служащих, у барьера собралось всего человек двенадцать. Пассажиров пропускали по одному, в то время как пожилой черт, сидевший в будке, отмечал каждого в списке. Так Генри узнал, что заспанного молодого человека зовут Кристофер Уотс и что он физик.

По другую сторону барьера начинался эскалатор какого-то древнего образца. Он двигался вверх довольно медленно, и благодаря этому пассажиры могли прочитать рекламы и объявления, развешенные по стенам. В основном тут рекламировались всевозможные средства от ожогов, порезов, ссадин и ушибов, порой они чередовались с рекомендациями каких-то тонизирующих средств.

У верхнего конца эскалатора стоял довольно жалкого вида черт. На груди у него висел лоток, уставленный целым рядом жестяных коробочек.

— Патентованное средство. Качество гарантировано, — монотонно бубнил он.

Мистер Форкетт, который шел впереди Генри, посмотрел на объявление на лотке и внезапно остановился. Объявление гласило: "Аптечка первой помощи. Цена: один

фунт стерлингов или полтора американских доллара за каждый комплект".

— Что за возмутительный курс! — воскликнул мистер Форкетт с негодованием.

Черт нахально посмотрел на него и произнес:

— Ну и что?

Сзади на мистера Форкетта нажимали, заставляя двигаться вперед, но он делал это весьма неохотно, бормоча что-то о стабильности и необходимости верить в устойчивость фунта стерлингов.

Пройдя через вестибюль, пассажиры, наконец, вышли на улицу. В воздухе слегка пахло серой. Откуда-то сверху сыпался пепел, и Норма натянула на голову капюшон своего плаща.

Черт с вилами в руках собрал всех пассажиров в небольшой вагончик, огороженный проволочной сеткой. Несколько чертей последовали за ними. Последний из них остановился у ворот поболтать с охранником.

— Царица небесная, неужто это автобус опять опаздывает? — спросил он.

— А ты помнишь хоть один случай, когда бы он пришел вовремя? — в свою очередь спросил черт-охранник.

— В те времена, когда старик Харн гонял свой плот, никто и слыхом не слыхивал ни о каких опозданиях, все шло как по писаному, — проворчал первый черт.

— Так то же было в старину... — пожал плечами охранник.

Генри присоединился к остальным пассажирам, которые стояли, вглядываясь в окружающий ландшафт. Направо простиралась бугристая равнина, по которой стелился дымок. За ней, в конце долины, дымился вулкан, и маленькие ручейки раскаленной лавы непрерывно стекали вниз с краев кратера. Где-то посреди долины возвышались два утеса, на одном из них висела ярко освещенная реклама, которая советовала употреблять средство от ожогов Хупера, в то время как реклама на другом утесе гласила: "Как избежать ожогов? — вот в чем вопрос. Наша фирма даст вам исчерпывающий ответ".

Недалеко от правого утеса часть долины была огорожена колючей проволокой, и на каждом углу этого концен-

трационного лагеря стояла наблюдательная вышка. Время от времени из одной из них вылетал, подобно трассирующим пулям, поток огненных стрел, который падал на огороженный участок. Легкий ветерок доносил оттуда запах серы, вой человеческих голосов и демонический смех. Прямо против автобусной остановки находилась казарма, во дворе которой черти толпились в очереди к точильному камню, чтобы наточить свои вилы и колючки на хвостах. Генри все это показалось чем-то очень знакомым и обыденным.

Напротив казармы высилось нечто вроде виселицы, с ее перекладины вниз головой висела, прикованная цепями за ноги, нагая женщина. Пара чертенят раскачивалась, уцепившись руками за ее распущенные волосы. Миссис Брэнтон пошарила в своей сумочке и вытащила очки.

— Боже мой... — прошептала она. — Неужели это... — Она пригляделась к женщине более внимательно. — Конечно, трудно узнать кого-нибудь в таком странном положении, да еще когда по лицу текут слезы. А я-то всегда считала ее такой милой особой...

Она обернулась к стоящему неподалеку черту и спросила:

— Эта женщина убила кого-нибудь или совершила какое-нибудь другое тяжкое преступление?

Черт отрицательно покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Просто она без конца твердила мужу, что он должен завести себе любовницу, чтобы она могла подать на развод и получать с него алименты.

— Вот как? — сказала миссис Брэнтон суховато. — И это все? Но, наверно, дело обстояло куда более серьезно...

— Да нет же, — ответил черт.

Миссис Брэнтон задумалась.

— И часто ей приходится так висеть? — спросила она с легкой тревогой в голосе.

— Только по средам, — сказал черт. — В остальные дни она выполняет другие задания.

Внезапно кто-то прошептал Генри что-то на ухо. Он обернулся и увидел, что один из чертей-охранников делает ему знаки. Генри подошел к нему.

— Хотите купить настоящий товар? — спросил черт.

— Какой товар? — поинтересовался Генри.

Черт сунул руку в сумку на животе и вытащил тюбик, похожий на зубную пасту. Он наклонился к Генри и зашептал:

— Это настоящий товар — лучший болеутоляющий крем. Стоит только нанести немного на кожу перед адскими муками, и вы ничего не почувствуете.

— Спасибо, не надо, — ответил Генри, — я, по правде сказать, уверен, что тут какая-то ошибка и меня скоро выпустят.

— Брось, друг, — сказал черт, — так не бывает. Ну, хочешь, отдам всего за два фунта? Ты мне нравишься.

— Спасибо, не стоит.

Черт нахмурился.

— Подумай лучше, — посоветовал он, ощетинив хвост.

— Ну, давай за фунт, — сказал Генри.

Черт несколько удивился.

— Ладно, забирай, — сказал он, отдавая Генри тюбик.

Когда Генри снова присоединился к своим, он увидел, что все они с большим интересом наблюдают, как три черта с гиканьем и улюлюканьем гоняются по горам за толстым розовощеким мужчиной средних лет.

Мистер Форкетт, однако, был занят другим — он анализировал создавшееся положение.

— Несчастный случай, — говорил он, повысив голос, чтобы перекрыть усилившийся вой грешников в концентрационном лагере, — очевидно, произошел между станциями метро Чансери-Лейн и Холборн. Это ясно. Но что мне неясно — это почему мы здесь. Несомненно, где-то произошла ошибка, но я надеюсь, что ее скоро исправят.

Он снова бросил на остальных оценивающий взгляд. Все задумались.

— Это должно было быть что-нибудь очень серьезное, правда ведь? — спросила Норма. — Ну, например, не пошлют же сюда человека за такую мелочь, как пара нейлоновых чулок?

— Принимая во внимание, что это была всего одна пара... — начал было Генри. Но его прервала миссис Брэнтон:

— Посмотрите! — воскликнула она.

Все обернулись и увидели женщину, одетую в великолепное норковое манто. Женщина неторопливо шла по улице.

— Может быть, во всем этом есть еще и светлая сторона, о которой мы пока ничего не знаем, — сказала миссис Брэнтон с надеждой в голосе. — Если тут носят норковые шубки...

— Но, по-моему, эта женщина не очень-то рада своей шубке, — заметила Норма.

— Это шуба из живых норок, — любезно объяснил один из охранников, — а у них очень острые зубы.

Внезапно позади пассажиров раздался дикий вопль. Все обернулись и увидели, как Кристофер Уотс накручивает хвост одному из чертей. Черт снова завопил и выронил тюбик с болеутоляющим кремом, который он пытался всучить Уотсу. Он попытался пырнуть Уотса вилами.

— Э нет, не выйдет! — воскликнул Уотс, ловко увертываясь. Он схватил вилы за палку и вырвал их у черта.

— Вот так-то! — сказал он с удовлетворением. Затем он отбросил вилы в сторону и обеими руками снова ухватился за хвост. Он дважды прокрутил черта у себя над головой и отпустил. Черт перелетел через забор из колючей проволоки и с воем грохнулся на землю. Остальные черти развернулись и начали наступать на Кристофера Уотса, держа вилы наперевес и сетки наготове.

Уотс приготовился защищаться и мрачно наблюдал за их приближением. Вдруг выражение его лица изменилось. Он перестал хмуриться, широко улыбнулся, разжал кулаки и опустил руки.

— Боже мой, какая же это все ерунда! — воскликнул он и повернулся к чертям спиной. Те остановились в недоумении.

На Генри вдруг снизошло откровение. Он совершенно ясно понял, что Кристофер прав. Это действительно была ерунда. Он рассмеялся, глядя на ошеломленные лица чертей, и Норма рассмеялась вслед за ним. Вскоре все пассажиры смеялись над чертями, которые сначала смотрели настороженно, а потом совершенно сконфузились, не зная, что делать дальше.

Кристофер Уотс шагнул к той стороне загончика, откуда открывался вид на долину. Несколько минут он стоял там, всматриваясь в зловещий дымный пейзаж. Затем тихо произнес:

— Я в это не верю.

Огромный пузырь пламени поднялся из озера и тут же лопнул.

Раздался звук взрыва, и грибовидное облако дыма и пепла поднялось над вулканом, из кратера которого потекли еще более яркие потоки лавы. Земля задрожала. Кристофер Уотс глубоко вздохнул и повторил на этот раз громко:

— Я в это не верю!

Послышался сильный треск. Скала, на которой висела реклама мази от ожогов, закачалась и рухнула в долину. Черти, гонявшиеся по горам за розовощеким человеком, прекратили свою забаву и с криками ужаса бросились вниз. Земля сотрясалась. Огненное озеро начало вытекать в огромную трещину, которая образовалась на дне долины. Из гейзера поднялся колоссальный столб пламени. Скала на другой стороне долины тоже рухнула. Кругом все рокотало, сотрясалось и дышало огнем. И сквозь этот содом голос Кристофера Уотса прогремел еще раз:

— Я В ЭТО НЕ ВЕРЮ!!!

Внезапно наступила такая тишина, как будто выключили звук. Кругом стало темно, и единственное, что можно было разглядеть, это освещенные окна поезда метро, который стоял на насыпи позади пассажиров.

— Ну, — сказал Кристофер Уотс с чувством глубокого удовлетворения, — с этим покончено. Поехали домой, что ли? — И он стал карабкаться вверх по насыпи, направляясь к поезду.

Генри и Норма двинулись вслед за ним. Мистер Форкетт колебался.

— В чем дело? — спросил Генри, оборачиваясь.

— Не знаю, но мне кажется, что это не совсем, не совсем...

— Но ведь вы не можете здесь оставаться, — заметил Генри.

— Пожалуй, и правда — нет, — согласился мистер Форкетт и несколько неохотно стал подниматься по насыпи.

Не сговариваясь, все пятеро пассажиров, которые раньше ехали в одном вагоне, снова сели вместе. Едва они вошли, как двери сомкнулись и поезд тронулся. Норма вздохнула с облегчением и сбросила с головы капюшон.

— Мне кажется, что я уже почти дома, — сказала она. — Не знаю, как и благодарить вас, мистер Уотс! Но это мне послужит хорошим уроком. Уж теперь я и близко не подойду к прилавку с чулками, разве только, когда у меня будут денежки в кармане...

— Я присоединяюсь к благодарности, конечно, — сказал Генри. — Хотя мне все еще кажется, что здесь какая-то ошибка. Официальная и общепринятая точки зрения где-то перепутались, но я вам чрезвычайно признателен за то, что вы, как бы это сказать? Поломали всю эту бюрократию...

Миссис Брэнтон протянула Кристоферу затянутую в перчатку руку:

— Конечно, вы понимаете, что я попала сюда по какому-то глупому недоразумению, но вы спасли меня от долгих и томительных разговоров с бестолковыми чиновниками. Надеюсь, вы как-нибудь отобедаете у нас? Мой муж, несомненно, захочет поблагодарить вас лично.

Наступила длительная пауза. Постепенно до всех дошло, что мистер Форкетт не торопится благодарить Уотса, и все уставились на него. Форкетт сидел, опустив глаза, погруженный в собственные мысли. Затем он поднял голову, посмотрел сначала на остальных пассажиров, а потом на Кристофера Уотса.

— Нет, — сказал он наконец, — мне очень жаль, но я не могу с этим согласиться. Боюсь, что я рассматриваю ваш поступок как антиобщественный, граничащий с подрывной деятельностью.

Уотс, который был весьма доволен собой, сначала удивился, затем нахмурился.

— Прошу прощения! — сказал он с выражением искреннего недоумения.

— Вы совершили очень серьезный проступок, — сказал мистер Форкетт. — Как можно говорить о прочности существующего порядка, — продолжал он, — если мы перестанем уважать наши традиции и институты? Вот вы, молодой человек, только что разрушили такой институт. А ведь ад — это весьма солидное общественное установление, и мы все верили в него, в том числе и вы сами, пока не взяли и не поломали. Нет, я никак не могу этого одобрить!

Остальные пассажиры смотрели на мистера Форкетта, ровно ничего не понимая.

— Но, мистер Форкетт, — сказала Норма, — ведь вы не хотели бы снова оказаться там, с этими чертями?

— Милая девушка, дело вовсе не в этом, — сказал мистер Форкетт с упреком в голосе. — Как человек, обла-

дающий чувством гражданской ответственности, я категорически протестую против всего, что может подорвать уверенность общества в правильности установленного порядка. Поэтому я еще раз повторяю, что я рассматриваю поступок этого молодого человека, как нечто весьма опасное, граничащее с подрывной деятельностью.

— Но если это общественное установление дутое... — начал было Кристофер Уотс.

— Это тоже неважно, сэр, так как, если имеется достаточное число людей, верящих в определенный институт, значит, этот институт им нужен, независимо от того, дутый он или нет.

— Значит, вы предпочитаете правде слепую веру? — спросил Уотс презрительно.

— Когда есть вера, будет и правда, — убежденно ответил мистер Форкетт.

— Как ученый, я нахожу вашу точку зрения совершенно аморальной, — возразил Уотс.

— А я, как гражданин, считаю вас человеком, лишенным каких-либо принципов, — сказал мистер Форкетт.

— То, что существует на самом деле, не исчезнет и не развалится от того, что вы перестанете в него верить, — заметил Уотс.

— Вы в этом абсолютно уверены? Ведь Римская империя, например, существовала до тех пор, пока люди верили в нее, — возразил мистер Форкетт.

Спор продолжался еще некоторое время, причем мистер Форкетт произносил все более громкие слова и фразы, в то время как Уотс пытался докопаться до самой сути вещей.

Наконец мистер Форкетт подвел следующий итог своим высказываниям:

— По правде говоря, ваши нетрадиционные, я бы даже сказал *революционные*, взгляды мало чем отличаются от большевизма.

Кристофер Уотс встал:

— Укрепление общества путем слепой веры вопреки научной правде — это метод Сталина, — заявил он и отошел в другой конец вагона.

— Ну, право же, мистер Форкетт, — воскликнула Норма. — Не знаю, как вы можете быть таким грубым и неблагодарным! Стоит только вспомнить всех этих чертей с

вилами и ту бедную женщину, что висела вниз головой совсем голая...

— Все это совершенно соответствовало назначению данного места. А вот он — весьма опасный молодой человек! — твердо заключил мистер Форкетт.

Генри решил, что настало время переменить тему разговора. Все четверо начала болтать о разных пустяках, в то время как поезд шел с хорошей скоростью, хотя и не так быстро, как когда он несся вниз. Но постепенно разговор иссяк. Повернув голову в другую сторону, Генри обнаружил, что Кристофер Уотс снова спит, и решил последовать его примеру.

Он проснулся от крика: "Отойдите от дверей", — и увидел, что вагон снова полон народу. Не успел он открыть глаза, как Норма толкнула его локтем в бок.

— Смотрите! — сказала она.

Прямо против них, держась за подвесной ремень, стоял человек и читал газету. Так как его, по-видимому, больше всего интересовали результаты скачек, опубликованные на последней странице, первая страница была повернута лицом к Генри и Норме, и там крупными буквами был напечатан следующий заголовок:

"КАТАСТРОФА В ЧАС ПИК.
12 ЧЕЛОВЕК УБИТО."

Под заголовком были перечислены фамилии. Генри вытянул шею, стараясь прочитать, что там написано. Владелец газеты опустил ее и с возмущением посмотрел на Генри. Но тот уже успел найти в списке свое имя и имена других пассажиров. Норма встревожилась.

— Прямо не знаю, как я все это объясню дома, — сказала она.

— Ну, теперь вы понимаете, что я имел в виду? — сказал мистер Форкетт, обращаясь к Генри. — Только подумайте, сколько будет хлопот, пока в этом разберутся, — и шумиха в газетах, и еще Бог знает что. Да от такого парня только и жди беды — абсолютно антиобщественный элемент!

— И что только подумает мой муж! Ведь он меня ужасно ревнует! — заметила миссис Брэнтон с некоторым удовлетворением.

Поезд остановился на станции у собора Святого Павла. Толпа в вагоне несколько поредела, и поезд двинулся дальше.

Мистер Форкетт и Норма стали продвигаться к выходу. Генри решил, что он, пожалуй, тоже сойдет на следующей остановке. Поезд начал замедлять ход.

Внезапно мистер Форкетт схватил Генри за плечо.

— Смотрите, вон он идет! — сказал он, указывая на Кристофера Уотса, который шагал в толпе впереди них.

— Вы можете уделить мне несколько минут? Что-то не доверяю я ему...

Они поднялись по эскалатору и вышли из метро напротив здания Биржи.

Оказавшись на улице, Кристофер Уотс остановился и оглядел все вокруг оценивающим взглядом. Его внимание привлек Английский банк. Он шагнул вперед и остановился против него, подняв голову кверху. Он что-то прошептал. Земля под ногами слегка задрожала. Из трех окон верхнего этажа вылетели стекла. Одна статуя, две урны и часть балюстрады закачались и обрушились вниз.

Уотс расправил плечи и глубоко вздохнул.

— Боже мой! Ведь он... — начал мистер Форкетт и бросился вперед, так что Генри не расслышал остальных слов.

— Я... — заявил Кристофер Уотс громовым голосом. — В ЭТО... — продолжал он, не обращая внимания на зловещее дрожание земли, — НЕ...

Но в этот самый момент сильный удар кулаком в спину бросил его на мостовую перед несущимся автобусом. Раздался скрежет тормозов, но было уже поздно.

— Это он! Я сама видела, как он толкнул его! — закричала какая-то женщина, указывая рукой на мистера Форкетта.

Генри догнал его как раз в тот момент, когда к ним подбежал полицейский.

Мистер Форкетт стоял, с гордостью взирая на фасад Английского банка.

— Что только он мог натворить! Этот молодой человек представлял большую опасность для общества, — заявил он. — Конечно, меня следовало бы наградить, но боюсь, что скорее всего меня повесят. Что поделаешь, надо же чтить установленные традиции и институты!

ХРОНОКЛАЗМ

Мое знакомство с Тавией началось, можно сказать, издалека. Как-то утром на плайтонской Хай-стрит ко мне подошел незнакомый пожилой джентльмен. Он приподнял шляпу, отвесил поклон, скорее на иностранный манер, и вежливо представился:

— Меня зовут Доналд Гоби, доктор Гоби. Я буду весьма признателен вам, сэр Джералд, если вы уделите мне несколько минут вашего драгоценного времени. Очень прошу простить за беспокойство, но дело весьма важное и не терпит отлагательств.

Я внимательно посмотрел на него.

— Видимо, здесь какое-то недоразумение. Я не титулован — я даже не дворянин.

Он выглядел озадаченным.

— Неужели! Простите великодушно! Такое сходство... Я был совершенно уверен, что вы сэр Джералд Лэттери.

Настал мой черед удивиться.

— Я и есть Джералд Лэттери, но мистер, а не сэр.

— О боже! — смутился он. — Конечно! Как глупо с моей стороны. Есть здесь... — он посмотрел вокруг — ...есть здесь местечко, где мы могли бы побеседовать без помех?

Я заколебался лишь на миг. Бесспорно, передо мной был образованный, культурный джентльмен. Может быть, юрист. И уж конечно, не попрошайка или кто-нибудь в таком роде. Мы находились рядом с "Быком", и я пригласил его туда. Гостиная была свободна и предоставлена к нашим услугам. Он отклонил мое предложение выпить, и мы сели.

— Ну, так в чем же дело, доктор Гоби? — спросил я.

Он не сразу решился заговорить, но все же собрался с духом и сказал:

— Это касается Тавии, сэр Джералд... э-э, мистер Лэттери. Вы, вероятно, не представляете истинного масштаба возможных осложнений. Вы понимаете, я говорю не о себе лично, хотя мне это грозит серьезными неприятностями, — речь идет о последствиях, предвидеть которые невозможно. Поверьте, она должна вернуться, прежде чем случится непоправимое. Должна, мистер Лэттери!

© Перевод на русский язык. Т.Гинзбург, 1985

Я наблюдал за ним. Несомненно, он был по-настоящему чем-то расстроен.

— Но, доктор Гоби... — начал я.

— Я понимаю, что это значит для вас, сэр, но все же я умоляю вас на нее воздействовать. Не ради меня, не ради ее семьи, но ради общего блага. Нужна величайшая осторожность, иначе последствия непредсказуемы. Порядок, гармония совершенно обязательны. Сдвиньте с места одно зернышко — и, кто знает, чем это кончится? Поэтому заклинаю вас убедить ее...

Я перебил его, но мягко, так как, о чем бы там ни шла речь, его это дело очень тревожило.

— Одну минуту, доктор Гоби! Боюсь, это все же ошибка. Я не имею ни малейшего понятия, о чем вы говорите.

Он с явным недоверием поглядел на меня.

— Как?.. Уж не хотите ли вы сказать, что еще не встречались с Тавией?

— Насколько мне известно, не встречался. Я даже имени такого никогда не слышал, — заверил я.

У него был такой растерянный вид, что я снова предложил выпить. Он отрицательно покачал головой и понемногу пришел в себя.

— Мне так неловко. И впрямь вышла ошибка. Прошу вас принять мои извинения, мистер Лэттери. Боюсь, я показался вам не совсем нормальным. Все это так трудно объяснить. Забудьте, пожалуйста, наш разговор. Очень вас прошу, забудьте его.

Он удалился с потерянным видом. А я, хоть и несколько озадаченный, через день-другой выполнил его последнюю просьбу — забыл о этом разговоре. По крайней мере думал, что забыл.

Тавию я впервые увидел года два спустя и, конечно, не знал в то время, что это она.

Я только что вышел из "Быка". На Хай-стрит было людно, и все же, берясь за ручку машины, я почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд с противоположной стороны улицы. Я обернулся, и наши глаза встретились. У нее они были карие.

Высокая, стройная, красивая — нет, не хорошенькая, больше чем хорошенькая, — она была в обычной твидовой

юбке и темно-зеленом вязаном джемпере. Однако туфли ее выглядели несколько странно: на низком каблуке, но слишком нарядные, не гармонировавшие со стилем одежды. И еще что-то во внешности девушки обращало на себя внимание, хотя я и не сразу понял, что именно. Только потом до меня дошло, что прическа, отнюдь ее не портившая, была — как бы это сказать — неожиданной что ли. Вы можете мне возразить, что волосы — всегда волосы и парикмахеры причесывают их на бесчисленное множество ладов, но это неверно. Моды меняются, и каждому времени присущ свой определенный стиль; да вы взгляните на фотографию тридцатилетней давности, и сразу это заметите. Так вот, прическа девушки, как и туфли, нарушали впечатление цельности.

Несколько секунд она смотрела на меня, смотрела пристально, без улыбки. Затем, двигаясь как во сне, шагнула на мостовую. В этот момент стали бить часы на здании рынка. Она взглянула на них и, охваченная внезапной тревогой, бросилась бежать, как Золушка, догоняющая последний автобус.

Не представляя, с кем она меня спутала, я сел в свою машину. Я был совершенно уверен, что никогда не видел этой девушки.

На следующий день, подавая мне мою обычную кружку пива, бармен "Быка" сказал:

— Вчера о вас справлялась молодая особа, мистер Лэттери. Нашла она вас? Я дал ей ваш адрес.

Я покачал головой.

— Кто такая?

— Она не назвала себя, но... — и он описал мне вчерашнюю незнакомку.

— Я видел ее через дорогу, но не знал, кто это, — сказал я.

— А она вроде бы знает вас хорошо. "Это мистер Лэттери вышел от вас?" — спрашивает она. Я говорю, что да, вы здесь были. "Он ведь живет в Бэгфорд-хаусе, не так ли?" — спрашивает она. "Нет, — говорю, — мисс, то дом майора Флэкена. Мистер Лэттери живет в Чэтком-коттедже". Тогда она спрашивает, где это. Надеюсь, ничего, что я объяснил ей? По-моему, она вполне достойная молодая леди.

Я успокоил его:

— Мой адрес узнать нетрудно. Странно, однако, что она упомянула о Бэгфорд-хаусе: именно этот дом я хотел бы купить, если у меня когда-нибудь будут деньги.

— Тогда поторопитесь раздобыть их, сэр. Старый майор сильно сдает последнее время. Боюсь, он недолго протянет.

На этом тогда дело и кончилось. Зачем бы девушке ни понадобился мой адрес, она им не воспользовалась, я же со своей стороны и думать об этом забыл.

Снова я увидел ее примерно месяц спустя. У меня вошло в привычку раза два в неделю ездить верхом с девушкой по имени Марджори Крэншоу, а потом отвозить ее домой. Дорога шла узкими улочками, на которых едва могли разъехаться две машины. Завернув за угол, я вынужден был затормозить и рвануть в сторону, потому что встречная машина, пропуская пешехода, остановилась прямо посреди улицы. Когда эта машина наконец проехала, я глянул на пешехода и увидел прежнюю незнакомку. Она узнала меня в ту же минуту и, поколебавшись, сделала несколько шагов навстречу с явным намерением начать разговор. Но потом, заметив сидевшую рядом со мной Марджори, очень неумело сделала вид, что вовсе не собиралась ко мне обращаться. Я дал газ.

— О! — многозначительно произнесла Марджори. — Кто это?

Я сказал, что не знаю.

— Она определенно знает вас, — недоверчиво сказала Марджори.

Мне ее тон не понравился. Кто бы это ни был, ее это, во всяком случае, не касалось. Я не ответил. Но она не отставала:

— Я раньше не встречала ее.

— Должно быть, курортница, — сказал я. — Здесь их много.

— Звучит не слишком убедительно, если принять во внимание, как она смотрела на вас.

— Мне не нравится, когда меня считают лгуном.

— О, по-моему, я задала самый обычный вопрос. Конечно, если вас он смущает...

— И такого рода намеки мне тоже не нравятся. Полагаю, вам лучше пройти пешком остаток дороги. Здесь уже недалеко.

— Понимаю. Извините, что помешала. Жаль, что здесь невозможно развернуться, — сказала она, выходя из машины. — Всего хорошего, мистер Лэттери.

Подав машину назад, к воротам, развернуться можно было, но девушка уже скрылась, о чем я готов был пожалеть, так как Марджори пробудила у меня интерес к ней. А кроме того, даже не зная, кто она такая, я чувствовал, что должен быть благодарен ей. Возможно, вам знакомо это чувство освобождения от груза, о наличии которого вы до сих пор не отдавали себе отчета?

Наша третья встреча произошла на совершенно ином уровне.

Мой коттедж в Девоншире стоял в маленькой долине, прежде поросшей лесом. Здесь было еще несколько коттеджей, но мой находился в стороне от других, в ложбине, в самой нижней ее части, у самого конца дороги. С обеих сторон отвесно поднимались поросшие вереском холмы. По берегам ручья тянулись узкие пастбища. А то, что осталось от прежнего леса, образовало теперь несколько небольших кустарников и рощиц.

Однажды, когда я после полудня в ближайшей рощице осматривал участок, на котором, по моим расчетам, должны были уже дать всходы посаженные мною бобы, я услышал, как под чьими-то ногами затрещали ветки. С первого же взгляда я узнал, кому принадлежат эти светлые волосы. Какое-то мгновенье мы, как и в прошлые разы, смотрели друг на друга.

— Э-э... привет, — наконец, сказал я.

Она ответила не сразу, продолжая смотреть на меня. А затем спросила:

— Есть здесь кто-нибудь в поле зрения?

Я поглядел на дорогу, затем на холмы.

— Не вижу никого.

Она раздвинула кусты и осторожно вышла, оглядываясь по сторонам. Одета она была, как и при нашей первой встрече, только волосы растрепались от соприкосновения с ветками. На голой земле ее туфли выглядели еще более неуместно.

— Я... — начала она, делая несколько шагов вперед.

В этот момент в верхнем конце ложбины послышался мужской голос, а затем другой, отвечавший ему. Девушка в испуге замерла.

— Они идут. Спрячьте меня куда-нибудь побыстрее, пожалуйста.

— Э-э... — невразумительно произнес я.

— О, быстро, быстро! Они идут, — настойчиво сказала она.

Вид у нее был очень встревоженный.

— Лучше пройдемте в дом, — сказал я, направляясь к коттеджу.

Она торопливо последовала за мной и, войдя, закрыла дверь на засов.

— Не позволяйте им схватить меня! Не позволяйте! — взмолилась она.

— Послушайте, что все это значит? Кто такие "они"?

Она не ответила; глаза ее, обежав комнату, остановились на телефоне.

— Вызовите полицию. Вызовите полицию, быстро!

Я колебался.

— Разве у вас нет полиции?

— Конечно, у нас есть полиция, но...

— В таком случае позвоните, пожалуйста!

— Но послушайте... — начал я.

Она стиснула руки.

— Вы должны позвонить в полицию, пожалуйста! Быстро!

Она была очень испугана.

— Хорошо. Я позвоню. Но разговаривать будете вы, — сказал я, снимая трубку.

Я привык к тому, что в наших краях нескоро получишь соединение, и терпеливо ждал. Но девушка в отчаянии ломала пальцы. Наконец меня соединили.

— Алло, — сказал я, — полиция Плайтона?

— Полиция Плайтона... — отозвались на другом конце провода. И тут я услышал торопливые шаги по покрытой гравием дорожке, а затем настойчивый стук в дверь. Отдав девушке трубку, я подошел к двери.

— Не впускайте их! — сказала она и начала говорить в трубку.

Я колебался. В дверь продолжали все настойчивее стучать. Невозможно не отвечать на стук. К тому же, на что

это похоже: быстренько завести в свой коттедж незнакомую молодую девушку и тут же запереть дверь, никого больше не впуская?.. На третий стук я открыл.

При виде стоявшего на крыльце мужчины я оторопел. Нет, лицо у него было вполне подходящее — лицо молодого человека лет двадцати пяти, но одежда... Непривычно увидеть нечто вроде очень обуженного лыжного костюма в сочетании с широкой курткой до бедер со стеклянными пуговицами да еще в Дартмуре в конце летнего сезона. Однако я взял себя в руки и справился, что ему угодно. Не обращая на меня внимания, он через мое плечо смотрел на девушку.

— Тавия, — сказал он, — поди сюда!

Она продолжала торопливо говорить по телефону. Молодой человек сделал шаг вперед.

— Стоп! — сказал я. — Прежде всего я хотел бы знать, что здесь происходит.

Он посмотрел мне прямо в лицо.

— Вы не поймете, — и попытался отстранить меня рукой.

Ну, скажу вам со всей откровенностью, я терпеть не могу, чтобы мне говорили, будто я чего-то не пойму, и пытались оттолкнуть меня от моего собственного порога. Я двинул его в подреберье и, когда он сложился пополам, выбросил его за дверь и запер ее.

— Они сейчас приедут, — раздался за моей спиной голос девушки, — я имею в виду полицейских.

— Если бы вы все же объяснили мне, — начал я.

Но она показала на окно.

— Смотрите!

Еще один человек, одетый так же, как и тот, чей стон отчетливо слышался из-за двери, появился на дорожке. Я снял со стены мое двенадцатикалиберное ружье, быстренько зарядил его и, став лицом к двери, сказал девушке:

— Откройте и отойдите в сторонку.

Она неуверенно повиновалась.

За дверью второй незнакомец заботливо склонился над первым. На тропинке показался третий человек. Они увидели ружье, и разговор у нас был короткий.

— Эй вы, — сказал я. — Либо вы сию же минуту уберетесь отсюда, либо подождите полицию и будете объясняться с ними. Ну, как?

— Но вы не понимаете. Это очень важно... — начал один.

— Отлично. Тогда оставайтесь и расскажите полиции, насколько это важно, — сказал я и подал девушке знак закрыть дверь.

Через окно мы видели, как двое помогают третьему — ушибленному — идти.

Полицейские держались неприветливо. Неохотно записав мои показания о незнакомцах, они холодно удалились. А девушка осталась.

Полиции она сообщила лишь самое необходимое: просто, что трое странным образом одетых мужчин гнались за ней и она обратилась ко мне за помощью. Предложение подбросить ее в Плайтон на полицейской машине она отклонила и вот осталась здесь.

— Ну, а теперь, — предложил я, — может быть, вы все же объясните мне, что все это значит?

Она посмотрела на меня долгим взглядом, в котором читалось что-то — печаль? разочарование? — ну, во всяком случае, определенное недовольство. На миг мне показалось, что она собирается заплакать, но затем она тихо сказала:

— Я получила ваше письмо... и вот сожгла свои корабли.

Я пошарил в кармане и, найдя сигареты, закурил.

— Вы... э-э... получили мое письмо и... э-э... сожгли свои корабли? — повторил я.

— Да. — Она обвела взглядом комнату, в которой не на что было особенно смотреть, и добавила — А теперь вы даже знать меня не хотите. — И тут она действительно расплакалась.

С полминуты я беспомощно смотрел на нее. Затем решил сходить на кухню и поставить чайник, чтобы дать ей время прийти в себя. Все мои родственницы всегда считали чай панацеей, так что назад я вернулся с чайником и чашками.

Девушку я застал уже успокоившейся. Она не сводила глаз с камина, который не топился. Я зажег спичку. Огонь

в камине вспыхнул. Девушка наблюдала за ним с выражением ребенка, получившего подарок.

— Прелесть, — сказала она так, точно огонь был для нее новостью. Затем снова окинула комнату взглядом и повторила — Прелесть!

— Хотите разлить чай? — Но она покачала головой и только внимательно следила, как я это делаю.

— Чай, — произнесла она. — У камина!

Что в общем соответствовало действительности, но едва ли представляло интерес.

— Я полагаю, нам пора познакомиться, — сказал я. — Меня зовут Джералд Лэттери.

— Конечно, — кивнула она. Ответ был не совсем тот, которого я ждал, но она тут же добавила — А я Октавия Лэттери, обычно меня зовут просто Тавией.

Тавия?.. Это было что-то знакомое, но я не мог ухватить ниточку.

— Мы что, в родстве? — спросил я.

— Да... в очень отдаленном, — она как-то странно посмотрела на меня. — О боже! Это так трудно, — она, похоже, снова собиралась заплакать.

— Тавия?.. — повторил я, напрягая память. — Что-то... — И вдруг мне вспомнился смущенный пожилой джентльмен. — Ну, конечно! Как же его звали? Доктор... доктор Боги или...

Она застыла.

— Не... не доктор Гоби?

— Да, точно. Он спрашивал меня о какой-то Тавии. Это вы?

— Его нет здесь? — Она посмотрела так, точно он мог где-то прятаться.

Я сказал, что это было два года назад. Она успокоилась.

— Глупый старый дядя Доналд! Так на него похоже! И конечно, вы понятия не имели, о чем он толкует?

— Я и сейчас примерно в том же положении. Хотя я могу понять, что даже дядя способен расстроиться, потеряв вас.

— Да. Боюсь, он расстроится... очень.

— Расстроился: это было два года назад, — поправил ее я.

— О, конечно, вы ведь не понимаете, да?

— Послушайте, — сказал я. — Все, как сговорившись, твердят мне, что я не понимаю. Мне это уже известно... пожалуй, это единственное, что я хорошо понял.

— Ладно. Попробую объяснить. О Боже, с чего начать?

Я не ответил, и она продолжала:

— Вы верите в предопределение?

— Пожалуй, нет.

— О, я не так выразилась. Скорее... не предопределение, а тяга, склонность... Видите ли, сколько я себя помню, я думала об этой эпохе как о самой волнующей и чудесной... И потом, в это время жил единственный знаменитый представитель нашего рода. В общем, мне оно казалось изумительным. У вас это, кажется, называют романтизмом.

— Смотря, какую эпоху вы имеете в виду... — начал я, но она не обратила внимания на мои слова.

— Я представляла себе огромные флотилии смешных маленьких самолетиков, которые так храбро воевали. Я восхищалась ими, как Давидом, вступающим в поединок с Голиафом. И большие, неповоротливые корабли, которые плыли так медленно, но все же приплывали к своей цели, и никого не беспокоило, что они так медлительны. И странные черно-белые фильмы; и лошадей на улицах; и старомодные двигатели внутреннего сгорания; и камины, которые топят углем; и поезда, идущие по рельсам; и телефоны с проводами; и великое множество разных других вещей! И все, что можно было сделать! Подумайте только, сходить в настоящий театр на премьеру новой пьесы Шоу или Ноэля Кауорда! Или получить только что вышедший из печати новый томик Т.С.Элиота! Или посмотреть, как королева отправляется на открытие парламента! Чудесное, замечательное время!

— Приятно слышать, что кто-то так думает. Мой собственный взгляд на эту эпоху не совсем...

— Но это вполне естественно. Вы видите ее вблизи, у вас отсутствует перспектива. Вам бы пожить хоть немного в нашу эпоху, тогда вы знали бы, что такое монотонность и серость, и однообразие — и какая во всем этом смертельная скука!

Я немного испугался.

— Кажется, я не совсем... э-э... Как вы сказали, пожить в вашу... что?

— Ну, в нашем веке. В двадцать втором. О, конечно, вы ведь не знаете. Как глупо с моей стороны.

Я сосредоточился на повторном разливании чая.

— О Боже! Я знала, что это будет трудно, — заметила она. — Ведь трудно, как вы считаете?

Я сказал, что, по-моему, трудно. Она решительно продолжала:

— Ну, понимаете, оттого я и занялась историей. Я имею в виду, мне нетрудно было представить себя в эту эпоху. А потом, получив в день рождения ваще письмо, я уже само собой решила взять темой дипломной работы именно середину двадцатого века, и, конечно, в дальнейшем это стало предметом моего научного исследования.

— Э... э, и все это результат моего письма?

— Но ведь это был единственный способ, не так ли? То есть, я хочу сказать, как иначе могла бы я подойти близко к исторической машине? Для этого надо было попасть в историческую лабораторию. Впрочем, сомневаюсь, что даже при таком условии мне удалось бы воспользоваться машиной, не будь это лаборатория дяди Доналда.

— Историческая машина, — уцепился я за соломинку в этой неразберихе. — Что такое историческая машина?

Она поглядела на меня с изумлением.

— Это... ну, историческая машина. Чтобы изучать историю.

— Не слишком понятно. С тем же успехом вы могли бы сказать: чтобы делать историю.

— Нет-нет. Это запрещено. Это очень тяжкое преступление.

— В самом деле! — Я снова попробовал сначала — Насчет этого письма...

— Ну, мне пришлось упомянуть о нем, чтобы объяснить всю историю. Но, конечно, вы его еще не написали, так что все это может казаться вам несколько запутанным.

— Запутанным не то слово. Не могли бы мы зацепиться за что-нибудь конкретное? К примеру, за это письмо, которое мне якобы предстоит написать. О чем оно, собственно?

Она посмотрела на меня строго и затем отвернулась, покраснев вдруг до корней волос. Все же она заставила себя взглянуть на меня вторично. Я видел, как вспыхнули и почти сразу погасли ее глаза. Она закрыла лицо руками и разрыдалась:

— О, вы не любите меня, не любите! Лучше бы я никогда сюда не являлась! Лучше бы мне умереть!

— Она прямо-таки фыркала на меня, — сказала Тавия.

— Ну, она уже ушла, а с ней и моя репутация, — сказал я. — Превосходная работница, наша миссис Тумбс, но строгих правил. Она способна отказаться от места.

— Из-за того, что я здесь? Какая чушь!

— Вероятно, у вас иные правила.

— Но куда еще мне было идти? У меня всего несколько шиллингов ваших денег, и я никого здесь не знаю.

— Едва ли миссис Тумбс об этом догадывается.

— Но мы ведь не... Я хочу сказать, ничего такого не...

— Мужчина и женщина, вдвоем, ночью — при наших правилах этого более чем достаточно. Фактически достаточно даже просто цифры два. Вспомните, животные просто ходят парами, и никого их эмоции не интересуют. Их двое — и всем все ясно.

— Ну да, я помню, что тогда... то есть, теперь нет испытательного срока. У вас застывшая система, непоправимая, как в лотерее: не повезло — все равно терпи!

— Мы выражаем это другими словами, но принцип, по крайней мере внешне, примерно такой.

— Довольно нелепы эти старые обычаи, как приглядеться... но очаровательны. — Глаза ее на миг задумчиво остановились на мне. — Вы... — начала она.

— Вы, — напомнил я, — обещали дать мне более исчерпывающее объяснение вчерашних событий.

— Вы мне не поверили.

— Все это было слишком неожиданно, — признал я, — но с тех пор вы дали мне достаточно доказательств. Невозможно так притворяться.

Она недовольно сдвинула брови.

— Вы не слишком любезны. Я глубоко изучила середину двадцатого века. Это моя специальность.

— Да, я уже слышал, но не скажу, чтобы мне стало от этого много яснее. Все историки специализируются на

какой-нибудь эпохе, из чего, однако, не следует, что они вдруг объявляются там.

Она удивленно посмотрела не меня.

— Но, конечно, они так и делают — я имею в виду дипломированных историков. А иначе как могли бы они завершить работу?

— У вас слишком много таких "конечно". Может, начнем все же сначала? Хотя бы с этого моего письма... нет, оставим письмо, — поспешно добавил я, заметив выражение ее лица. — Значит, вы работали в лаборатории вашего дядюшки с чем-то, что вы называете исторической машиной. Это что — вроде магнитофона?

— Господи, нет! Это такой стенной шкаф, откуда вы можете перенестись в разные эпохи и места.

— Вы... вы хотите сказать, что можете войти туда в две тысячи сто каком-то году, а выйти в тысяча девятьсот каком-то?

— Или в любом другом прошедшем времени, — подтвердила она. — Но, конечно, не каждый может сделать это. Надо иметь определенную квалификацию и разрешение, и все такое. Существует всего шесть машин для Англии и всего около сотни для всего мира, и допуск к ним очень ограничен. Когда машины только еще сконструировали, никто не представлял, к каким осложнениям они могут привести. Но со временем историки стали сверять результаты и обнаружили удивительные вещи. Оказалось, например, что еще до нашей эры один греческий ученый по имени Герон Александрийский демонстрировал простейшую модель паровой турбины; Архимед использовал зажигательную смесь вроде напалма при осаде Сиракуз; Леонардо да Винчи рисовал парашюты, когда неоткуда было еще прыгать с ними; Лейв Счастливый открыл Америку задолго до Колумба; Наполеон интересовался подводными лодками. Есть множество других подозрительных фактов. В общем стало ясно, что кое-кто очень легкомысленно использовал машину и вызывал хроноклазмы.

— Что вызывал?

— Хроноклазмы, то есть обстоятельства, не соответствующие данной эпохе и возникающие от того, что кто-то действовал необдуманно. Ну, насколько нам известно, к

серьезным бедствиям это не привело, хотя возможно, что естественный ход истории несколько раз нарушался, а люди пишут теперь разные очень умные труды, объясняя, как это произошло, но каждому ясно, какими серьезными опасностями это может быть чревато. Представьте, к примеру, что кто-то неосторожно подал Наполеону идею о двигателе внутреннего сгорания в дополнение к идее подводной лодки. Кто знает, к чему это могло бы привести! Так вот, чтобы пресечь новое вмешательство в события прошлого, пользование историческими машинами взято под строжайший контроль Исторического Совета. — Погодите минутку! — взмолился я. — То, что свершилось, — свершилось. Я хочу сказать, что вот, например, я здесь. И этого нельзя изменить, даже если бы кто-то, вернувшись в прошлое, убил моего дедушку, когда тот был еще мальчиком.

— Но, если бы это случилось, вы ведь не могли бы быть здесь, а? Нет, можно было сколько угодно повторять софизм, что прошлого не вернуть, пока не существовало способа менять это прошлое. Однако, раз уже доказано, что это всего лишь софизм, нам приходится быть чрезвычайно осторожными. Именно данное обстоятельство и беспокоит историков; другой вопрос — как это возможно — пусть решают математики. Короче, чтобы вас допустили к исторической машине, вы должны пройти специальное обучение, иметь нужную подготовку, сдать экзамен, обеспечить надежные гарантии и несколько лет находиться на испытании, прежде чем получить права и заняться самостоятельной практикой. Только тогда вам разрешат посетить определенный исторический период, причем исключительно в качестве наблюдателя. Правила здесь очень-очень строгие.

Я поразмыслил над ее словами.

— Вы не обидитесь, если я спрошу, не нарушаете ли вы сейчас эти самые правила?

— Нарушаю. Поэтому они и явились за мной.

— И если бы вас поймали, то лишили бы прав?

— Господи! Мне бы их вообще получить. Я отправлялась сюда без всяких прав. Забралась в машину, когда в лаборатории никого не было. Поскольку лаборатория принадлежит дяде Доналду, у меня была такая возмож-

ность. Пока меня не застукали у самой машины, я всегда могла сделать вид, будто выполняю что-то лично для дяди. Не имея права на помощь специальных костюмеров, я скопировала образцы одежды в музее — ну как, успешно?

— Весьма, и очень идет вам, хотя с обувью не совсем ладно.

Она поглядела на свои ноги.

— Я этого боялась. Я не смогла разыскать ничего, что относилось бы точно к данному периоду... Ну вот, — продолжала она затем, — мне удалось несколько раз ненадолго наведаться сюда. Недолгими мои визиты должны были быть потому, что время течет с постоянной скоростью, то есть один час здесь равен одному часу там, и я не могла особенно занимать машину. Но вот вчера один человек вошел в лабораторию, как раз когда я возвращалась. По моему костюму он тут же все понял, и мне ничего другого не оставалось, как прыгнуть назад в машину — иначе у меня уже никогда не было бы такой возможности. А они бросились за мной, не успев соответствующим образом одеться.

— Вы думаете, они вернуться?

— Полагаю, что да. Только одеты они уже будут как надо.

— Способны они пойти на крайние меры? Открыть стрельбу или еще что-то в таком роде?

Она покачала головой.

— Ну нет. Это был бы страшный хроноклазм, особенно если бы они случайно кого-то застрелили.

— Но ведь ваше пребывание здесь неизбежно вызовет серию хроноклазмов. Что из этого хуже?

— О, мои действия предусмотрены. Я все проверила, — туманно заверила она. — Они будут меньше тревожиться насчет меня, когда сами додумаются поинтересоваться этим.

После короткой паузы она вдруг круто перевела разговор на совершенно иную тему:

— В ваше время ведь принято специально наряжаться, вступая в брак, верно?

Похоже, эта проблема особенно ее волновала.

— М-м, — пробормотала Тавия. — Пожалуй, в двадцатом веке брак довольно приятная штука.

— Мое мнение о нем весьма изменилось, и в лучшую сторону, дорогая, — признал я.

Действительно, я и сам не ожидал, что он может так вырасти в моих глазах за какой-нибудь месяц.

— Что, в двадцатом веке муж и жена всегда спали в одной большой кровати, дорогой? — полюбопытствовала она.

— Только так, дорогая, — твердо ответил я.

— Забавно. Не очень гигиенично, разумеется, но все-таки совсем неплохо.

Мы некоторое время размышляли над этим.

— Дорогой, — спросила она, — ты заметил, что она перестала на меня фыркать?

— Мы всегда перестаем фыркать, если предмет получает официальное признание, — объяснил я.

Некоторое время разговор беспорядочно перескакивал с одной темы на другую преимущественно личного характера. Затем я сказал:

— Похоже, нам незачем больше волноваться насчет твоих преследователей, дорогая. Они уже давно бы вернулись, если бы их действительно так беспокоил твой побег, как ты думала.

Она покачала головой.

— Мы должны и дальше соблюдать осторожность, хотя это странно. Вероятнее всего, дядя Доналд что-то напутал. Он не силен в технике, бедняжка. Впрочем, ты и сам ведь видел, как он ошибся, установив машину на два года вперед, когда явился побеседовать с тобой. Однако от нас ничего не зависит. Нам остается только ждать и соблюдать осторожность.

Я еще помолчал, размышляя, а потом сказал:

— Мне придется скоро начать работать. Это затруднит возможность наблюдения за ними.

— Работать? — спросила она.

— Что бы там люди ни говорили, но на самом деле двое не могут прожить на те же деньги, что один. И женам хочется не отставать от определенных стандартов, на что они — в разумных пределах, разумеется, — вправе рассчитывать. Моих скромных средств на это не хватит.

— Об этом можешь не тревожиться, дорогой, — успокоила меня Тавия. — Ты можешь просто что-нибудь изобрести.

— Я? Изобрести?

— Да. Ты ведь разбираешься в радио?

— Меня посылали на курсы изучения радарных установок, когда я служил в военно-воздушных силах.

— Ах! Военно-воздушные силы! — воскликнула она в экстазе. — Подумать только — ты сражался во второй мировой войне! Ты знал Монти, и Айка, и всех этих замечательных людей?

— Не лично. Я был в другом роде войск.

— Какая жалость! Айк всем так нравился. Но поговорим о деле. Все, что от тебя требуется, это раздобыть несколько серьезных книг по радио и электронике, а я покажу тебе, что изобрести.

— Ты покажешь?.. О, понимаю. Но, по-твоему, это этично? — усомнился я.

— А почему бы нет? В конце концов, кто-то ведь изобрел все эти вещи, иначе как я могла бы проходить их в школе?

— Э-э... все-таки над этим вопросом надо еще подумать.

Полагаю, случившееся в то утро было простым совпадением, по крайней мере могло быть совпадением: с тех пор как я впервые увидел Тавию, я весьма подозрительно отношусь к совпадениям. Как бы то ни было, в то самое утро Тавия, глянув в окно, сказала:

— Дорогой, кто-то там машет нам из-за деревьев.

Я подошел и действительно увидел палку с носовым платком, раскачивающуюся из стороны в сторону. Бинокль помог мне разглядеть пожилого человека, почти скрытого кустами. Я протянул бинокль Тавии.

— О боже! Дядя Доналд! — воскликнула она. — Полагаю, нам лучше поговорить с ним. Он как будто один.

Я вышел и направился по дорожке к кустам, помахав в ответ. Он показался из кустов, неся палку с носовым платком, как знамя. Я услышал его слабый голос:

— Не стреляйте!

Я широко развел руки, показывая, что безоружен. Тавия тоже вышли и стала рядом со мной. Подойдя ближе, он переложил палку в левую руку, другой рукой поднял шляпу и вежливо поклонился:

— А, сэр Джералд! Счастлив снова видеть вас.

— Он не сэр Джералд, дядя. Он мистер Лэттери, — сказала Тавия.

— Ну да! Как глупо с моей стороны. Мистер Лэттери, — продолжал он, — я уверен, вы рады будете узнать, что рана оказалась не столько опасной, сколько неприятной. Бедняге придется просто полежать некоторое время на животе.

— Бедняге? — тупо переспросил я.

— Тому, которого вы вчера подстрелили.

— Я *подстрелил?!*

— Очевидно, это произойдет завтра или послезавтра, — резко сказала Тавия. — Дядя, право же, вы совершенно не умеете обращаться с машиной.

— Принцип я понимаю достаточно хорошо, милочка. Вот только с кнопками немного путаюсь.

— Ну, неважно. Раз уж вы здесь, пройдемте лучше в дом, — сказала она и добавила — И можете спрятать в карман платок.

Я заметил, как он, войдя, бросил быстрый взгляд вокруг и с удовлетворением кивнул: очевидно, все было именно так, как он себе представлял. Мы сели. Тавия сказала:

— Прежде чем мы пойдем дальше, дядя Доналд, я полагаю, вам следует знать, что я вышла замуж за Джералда — за мистера Лэттери.

Доктор Гоби уставился на нее.

— Замуж? — повторил он. — Зачем?

— О Господи, — и Тавия терпеливо объяснила — Я люблю его, и он меня любит, поэтому я вышла за него. Здесь это делается так.

— Так-так, — доктор Гоби покачал головой. — Конечно, я знаком с этими сентиментальностями двадцатого века и их обычаями, дорогая, но так ли уж нужно было тебе... э-э... натурализоваться?

— Мне все это нравится, — сказала она.

— Молодые женщины романтичны, я знаю. Но подумала ли ты о неприятностях, которые причинишь сэру Джер... э-э... мистеру Лэттери?

— Но я избавила его от неприятностей, дядя Доналд. Здесь, если человек не женат, на него фыркают, а я не желаю, чтобы на Джералда фыркали.

— Я имел в виду не столько время, пока ты здесь, сколько то, что будет потом. У них здесь масса всяких правил относительно предполагаемой кончины, и доказательств отсутствия, и всякое такое; в общем, бесчисленные проволочки и сложности. А тем временем он не сможет жениться ни на ком другом.

— Я уверена, он не захочет жениться ни на ком другом. Скажи ты, дорогой! — обратилась она ко мне.

— Ни за что не захочу! — возмутился я.

— Ты уверен в этом, дорогой?

— Дорогая, — сказал я, беря ее за руку, — если бы все женщины в мире...

Спустя некоторое время доктор Гоби смущенным покашливанием обратил на себя наше внимание.

— Цель моего визита, — объяснил он, — убедить мою племянницу вернуться, и притом немедленно. Весь факультет в панике, и все обвиняют меня. Сейчас самое главное, чтобы она вернулась, пока не случилось ничего непоправимого. Всякий хроноклазм может повлечь за собой катастрофу, которая скажется на всех последующих эпохах. В любой момент эта эскапада Тавии может иметь самые серьезные последствия. И это повергает всех нас в крайнее волнение.

— Мне очень жаль, дядя Доналд... Особенно оттого, что я причинила вам столько неприятностей. Но я не вернусь. Мне очень хорошо и здесь.

— Но возможные хроноклазмы, дорогая! Мне эта мысль не дает спать по ночам...

— Дядя, дорогой, это пустяки по сравнению с хроноклазмами, которые произойдут, если я вернусь сейчас. Вы должны понять, что мне попросту нельзя вернуться, и объяснить это другим.

— Нельзя?!

— Да вы только загляните в книги — и увидите, что мой муж — ну не смешное ли старомодное слово? Просто нелепое! Но мне почему-то нравится. Происходит это древнее слово...

— Ты говорила о том, почему не можешь вернуться, — напомнил доктор Гоби.

— О да. Ну, вы увидите в книгах, что сначала он изобрел подводную радиосвязь, а затем еще связь с помощью

искривления луча, за что и был возведен в дворянское звание.

— Все это мне отлично известно, Тавия. Я не понимаю...

— Но, дядя Доналд, вы должны понять. Как, во имя всего святого, смог бы он все это изобрести, не будь здесь меня, чтобы объяснить ему? Если вы заберете меня сейчас отсюда, эти вещи вообще не будут изобретены, и что же получится?

Доктор Гоби некоторое время молча смотрел на нее.

— Да, — сказал он. — Да, должен признаться, что мне это соображение почему-то не приходило в голову. — И он погрузился в раздумье.

— А кроме того, — добавила Тавия, — Джералд ни за что не хотел бы отпустить меня; скажи, дорогой!

— Я... — но доктор Гоби не дал мне договорить.

— Да, — сказал он. — Я вижу, что здесь необходима отсрочка. Я изложу им это. Но имей в виду, что речь идет только об отсрочке. — Он направился к выходу, но у двери остановился. — Только, пока ты здесь, будь осторожна, моя дорогая. Тут возникают такие деликатные, такие сложные проблемы. Мне становится страшно при мысли о путанице, которую ты можешь вызвать, если... ну, если ты совершишь нечто столь безответственное, что окажешься в результате собственной прародительницей.

— Вот уж это действительно невозможно, дядя Доналд. Я ведь происхожу по боковой линии.

— О да! Да, это большое счастье. Итак, я не прощаюсь с тобой, дорогая. До свидания! И вам, сэр... э-э... мистер Лэттери, я тоже говорю: до свидания! Я верю, что мы еще встретимся — так приятно побывать здесь не только в роли наблюдателя.

— Правда, дядя Доналд, это просто потрясно! — согласилась Тавия.

Он укоризненно покачал головой.

— Боюсь, дорогая, твои познания в истории все-таки неглубоки. Выражение, которое ты употребила, относится к более раннему периоду, да и тогда оно не являлось образцом хорошего стиля.

Ожидаемый эпизод со стрельбой произошел примерно неделю спустя. Трое мужчин, одетых под сельскохозяйст-

венных рабочих, приблизились к нашему дому. Тавия узнала одного из них в бинокль. Когда я с ружьем в руках появился на пороге, они сделали попытку спрятаться. Я всадил в одного из них заряд дроби, и он, хромая, ретировался.

После этого нас оставили в покое. Немного спустя я приступил к работе над подводной радиосвязью — она оказалась, на удивление, простой штукой, — если уже знаешь принцип! — и подал заявку на патент. Теперь мы смогли перейти ко второму этапу — к передаче при помощи кривизны луча.

Тавия все время торопила меня:

— Видишь ли, дорогой, я не знаю, сколько у нас с тобой времени. С тех пор, как я здесь, я все время пытаюсь вспомнить дату твоего письма — и не могу, хотя отчетливо помню, что ты подчеркнул ее. Я знаю, что в твоей биографии говорится, будто бы первая жена тебя бросила — какое дикое слово "бросила", словно я способна бросить тебя, милый мой! Но там не сказано, когда это случилось. Поэтому я вынуждена торопить тебя, иначе, если ты не успеешь закончить свое изобретение, получится ужасный хроноклазм. — А затем вдруг меланхолично добавила, — вообще говоря, хроноклазм так или иначе случится. Дело в том, что у нас будет ребенок.

— Нет! — вскричал я в восторге.

— Что значит "нет"? Будет. И я в тревоге. Никогда не слышала, чтобы с путешественниками во времени такое случалось. Дядя Доналд пришел бы в ужас, если бы знал.

— К черту дядю Донала! — сказал я. — И к черту хроноклазмы! Мы отпразднуем это событие, дорогая.

Недели промелькнули быстро. Мои патенты были условно приняты. Я вплотную занялся теорией искривления луча и использования его для связи. Все шло прекрасно. Мы строили планы: как назовем ребенка — Доналдом или Александрой; мы представляли, как скоро начнут поступать гонорары и можно будет попытаться купить Бэгфорд-хаус, как забавно будет впервые услышать обращение: "леди Лэттери", и толковали на прочие такие темы...

А потом пришел тот декабрьский вечер, когда я вернулся из Лондона после деловой встречи с одним промышленником, а она исчезла...

Ни записки, ни слова прощания. Только распахнутая дверь и перевернутый стол в столовой...

О Тавия, дорогая моя...

Я начал эти записки, потому что до сих пор испытываю чувство неловкости: этично ли числиться изобретателем того, что ты не изобретал? И мои записки должны были восстановить истину. Но теперь, дописав до конца, я сознаю, что такое "восстановление истины" ни к чему хорошему не привело бы. Могу себе представить, какой поднялся бы переполох, вздумай я выдвинуть свое объяснение для отказа от возведения во дворянство, и, пожалуй, не стану этого делать. В конце концов, когда я перебираю все известные мне случаи "счастливых озарений", я начинаю подозревать, что некоторые изобретатели таким же способом стяжали славу, и я буду не первым.

Я никогда не строил из себя знатока тонких и сложных взаимодействий прошлого и настоящего, но сейчас убежден, что один поступок с моей стороны совершенно необходим: не потому, что я опасаюсь вызвать какой-то вселенский хроноклазм, но просто из страха, что, если бы я пренебрег этим, со мной самим всей описанной истории никогда не случилось бы. Итак, я должен написать письмо.

Сначала адрес на конверте:

МОЕЙ ПРАПРАВНУЧАТОЙ ПЛЕМЯННИЦЕ,
МИСС ОКТАВИИ ЛЭТТЕРИ
(Вскрыть в 21-й день ее рождения,
6 июня 2136.)

Затем само письмо. Написать дату. Подчеркнуть ее.

"МОЯ ДОРОГАЯ, ДАЛЕКАЯ, МИЛАЯ ТАВИЯ,
О МОЯ ДОРОГАЯ..."

НЕДОГЛЯДЕЛИ

— Прендергаст, — деловито сказал директор департамента, — сегодня истекает срок контракта ХВ 2823. Займитесь-ка им, пожалуйста.

Роберт Финнерсон умирал. Раза два или три в прошлом у него бывало впечатление, что он умирает, — он пугался и неистово протестовал в душе против этой мысли, но на этот раз все было иначе: он даже не пытался протестовать, так как знал, что это всерьез. Однако как глупо умирать в шестьдесят лет и еще глупее в восемьдесят... Тогда кому-то другому придется постигать все, чему его научила жизнь, а его собственный жизненный опыт будет выброшен на свалку. Неудивительно, что вследствие такого нерасторопного использования накопленных знаний, человеческий род так медленно двигался по пути прогресса — шаг вперед, два шага назад... Ученые мужи могли бы уделить больше внимания этой проблеме, но они всегда заняты чем-то другим, а когда вспоминают об этом, то уже поздно что-либо сделать, и все повторяется сначала.

Так рассуждал Роберт Финнерсон, лежа на высоко взбитых подушках в полутемной комнате и терпеливо ожидая своего конца, когда вдруг каким-то образом почувствовал, что больше не находится в комнате один, что появился кто-то посторонний. Роберт с трудом повернул голову и увидел худощавого человека, похожего на клерка. Роберт никогда раньше его не видал, но это внезапное появление нисколько не удивило его.

— Вы кто? — спросил он незнакомца.

— Пожалуйста не пугайтесь, мистер Финнерсон, — произнес тот.

— А я и не думаю пугаться, — ответил Роберт несколько раздраженно, — я просто хочу знать, кто вы такой.

— Меня зовут Прендергаст, если это что-нибудь вам говорит...

— Ничего не говорит. И что, собственно, вам от меня нужно?

© Перевод на русский язык. М.Бирман, 1993

Скромно потупив глаза, Прендергаст объяснил, что руководители фирмы, на которую он работает, хотели бы сделать мистеру Финнерсону деловое предложение.

— Поздновато спохватились, — коротко ответил Роберт.

— Конечно, конечно, в любом другом случае, но это предложение особого рода и оно может все-таки вас заинтересовать.

— Не вижу как. Но в чем там дело?

— Ну, знаете ли, мистер Финнерсон, мой босс считает, что ваша ээ-э кончина, так сказать, должна состояться 20 апреля 1963 года, то есть завтра.

— А я и сам это подозревал, — сказал Роберт спокойно, с удивлением замечая, что ему следовало бы проявить некоторое волнение.

— Очень хорошо, сэр. Однако у нас имеются сведения, что вы внутренне протестуете против этого естественного хода вещей.

— Как тонко подмечено, мистер Пендельбус!

— Прендергаст, сэр, но это не имеет значения. Важно то, что вы владеете неплохим состоянием. А как гласит народная мудрость, с собой ведь его не унесешь, не так ли?

Роберт Финнерсон посмотрел на своего визитера более пристально.

— Чего вы, собственно, добиваетесь? — спросил он.

— Все очень просто, мистер Финнерсон. Наша фирма готова пересмотреть указанную дату — за приличное вознаграждение, разумеется.

Роберт был уже так далек от нормального человеческого существования и восприятия, что не увидел в этом предложении ничего сверхъестественного.

— Насколько пересмотреть и за какое вознаграждение? — деловито спросил он.

— Ну, у нас существует несколько вариантов. Мы склонны предложить один из последних — очень выгодный, основанный на желании, высказываемом многими людьми, находящимися в положении, аналогичном вашему. А именно: "О, если б я только мог прожить свою жизнь заново!".

— Понятно, — сказал Роберт, смутно вспоминая легендарные сделки, о которых где-то читал.

— А в чем здесь подвох?

Прендергаст слегка поморщился.

— Да никакого подвоха. Просто вы сразу же передаете нам семьдесят пять процентов своего теперешнего капитала.

— Семьдесят пять процентов? Ну и ну! Что ж это за фирма такая?

— Это очень древнее учреждение. У нас было много почтенных клиентов. В старые времена мы больше торговали на основе, так сказать, бартера. Но с развитием коммерции мы несколько изменили свои методы. Мы нашли, что иметь денежные вклады гораздо выгоднее, чем приобретать души — особенно учитывая их теперешнюю низкую рыночную стоимость. Это обычно устраивает обе стороны: мы получаем капитал, который, как я уже говорил, нельзя унести с собой, а вы можете распоряжаться своей душой как угодно — если, конечно, законы страны обитания не протестуют против этого. Единственно кто обычно остается недоволен такой сделкой — это наследники.

Последнее нисколько не смутило Роберта.

— Мои наследники в настоящий момент бродят по дому, как хищники, — неплохо бы им получить небольшой шок. Так давайте займемся непосредственно делом, мистер Снодграсс.

— Прендергаст, — терпеливо поправил его собеседник. — Ну, обычная процедура оплаты состоит в том...

Какая-то непонятная прихоть или что-то, принимаемое за прихоть, заставила мистера Финнерсона посетить Сэндз-сквер. Роберт не бывал там уже много лет, и хотя мысль побывать в местах своего детства и посещала его время от времени, свободной минуты так и не находилось. Теперь же, в период поправки после своего чудесного выздоровления, которое так огорчило его милых родственников, он впервые за много лет обнаружил, что у него масса свободного времени.

Роберт отпустил такси на углу сквера и простоял несколько минут в задумчивости, обозревая садик. Он оказался гораздо меньших размеров и хуже ухоженным, чем сохранился в его памяти. Однако, хотя большинство пред-

метов и растений как бы съежились от времени, платаны с их свежей, только распустившейся листвой значительно выросли и почти заслонили небо своими могучими ветвями. Новшеством были и аккуратные клумбы с недавно высаженными тюльпанами, но самым значительным признаком перемен было отсутствие железной ограды, которая пошла в переплавку вместе со всяким металлоломом в годы второй мировой войны и которую потом так и не восстановили.

Вспоминая с некоторой грустью былое, Роберт Финнерсон перешел дорогу и побрел по хорошо знакомым дорожкам. Он замечал одно, вспоминал другое и даже немного жалел, что предпринял эту прогулку, — слишком уж много призраков давно минувшего окружало его...

Внезапно Роберт наткнулся на хорошо знакомый холмик, на вершине которого в окружении каких-то кустов стояло старое садовое кресло. Роберту пришло в голову спрятаться за этими кустами, как он, бывало, делал полвека назад, когда был мальчишкой. Он стряхнул пыль с кресла носовым платком и облегченно опустился на него, подумав, что, вероятно, переоценил свои силы после недавней болезни, так как чувствовал себя очень утомленным. Он задремал...

Блаженную тишину нарушил резкий, требовательный девичий голос:

— Бобби! Мастер Бобби, где вы?

Мистер Финнерсон почувствовал раздражение — голос явно действовал ему на нервы. Когда голос раздался снова, он постарался не обращать на него никакого внимания.

Но вот из-за кустов показалась голова в синем капоре с пышным голубым бантом, а под ним — миловидное, розовощекое личико молоденькой девушки, которая в эту минуту старалась казаться профессионально строгой.

— Так вот вы где, негодный мальчишка! Почему вы не отвечали, когда я звала вас?

Мистер Финнерсон обернулся, ожидая увидеть за своей спиной прячущегося ребенка. Но там никого не оказалось. Когда же он вернулся в прежнее положение, кресло исчезло, а он сидел прямо на земле, и окружавшие его кусты казались теперь гораздо выше.

— Пошли, пошли, мы и так уже опаздываем к чаю, — проговорила девушка, глядя на него в упор.

Роберт опустил глаза и ужаснулся, увидев перед своим взором не аккуратно выглаженные респектабельные брюки в узкую полоску, а синие короткие штанишки, круглые коленки, белые носки и туфли явно детского фасона. Он пошевелил ногой, и нога в детском ботинке тоже шевельнулась. Позабыв обо всем, он осмотрел себя спереди и обнаружил, что одет в бежевую курточку с большими медными пуговицами и что все это он обозревал из-под полей желтой соломенной панамки, надвинутой на лоб.

Девушка проявляла нетерпение. Она раздвинула кусты, пригнулась и, схватив Роберта за руку, рывком подняла его на ноги.

— Пошли же, наконец, не знаю, что на вас нашло сегодня.

Выйдя из-за кустов и все еще держа Роберта, девушка крикнула:

— Барбара, идем домой!

Роберт старался не поднимать глаз, так как его сердце всегда невольно сжималось, когда он глядел на свою младшую сестренку. Но, несмотря на это, он все-таки повернул голову и увидел, как маленькая девочка в белом платьице стремглав бежит им навстречу. Он вытаращил глаза, так как уже почти забыл, что она когда-то могла бегать, как любой здоровый ребенок, и к тому же так счастливо улыбаться. Неужели это был сон? Но если так, то это был удивительно яркий сон — ничто в нем не было искажено или неправдоподобно. Даже звуки, раздававшиеся вокруг, были такими, какими он их слышал в детстве: скрип колес от проезжающих телег и экипажей, цокот лошадиных копыт и знакомая незатейливая песенка, которую наигрывал шарманщик, стоящий на углу улицы.

— Ну что вы сегодня еле тянетесь? — ворчала нянька. — Кухарка будет ужасно недовольна, что ей придется все разогревать.

Роберта несколько разочаровало, что они вошли в дом не через парадный подъезд, свежевыкрашенный зеленой краской, а спустившись сначала в полуподвал, где была кухня. Однако в детской все было на своих местах. Роберт огляделся, узнавая знакомые предметы: лошадь-качалку с

оторванной нижней губой, процессию игрушечных коров и овец на каминной полке, газовый светильник, уютно шипящий над столом, календарь на стене с изображением трех пушистых котят и числом, напечатанным крупным шрифтом: 15 мая 1910 года. 1910-й год — значит, ему только исполнилось семь лет...

После чая Барбара спросила:

— А мамочка к нам придет сейчас?

— Нет, — ответила няня, — ее нет дома, они с папой уехали куда-то, но она заглянет к вам перед сном, если, конечно, вы будете себя хорошо вести.

Все, до мельчайших подробностей, было, как в далекие годы его детства: купание перед сном, укладывание в постель... Накрывая его одеялом, нянька удивленно заметила:

— Уж слишком вы тихий сегодня, мастер Бобби, — надеюсь, вы не собираетесь разболеться?

Роберт лежал в постели с открытыми глазами — все предметы в спальне были отчетливо видны даже при тусклом свете ночника. Что-то уж слишком долго этот сон — а может быть, это был особый, предсмертный сон, про который говорят: "Вся его жизнь промелькнула перед ним в эту минуту". В конце концов, ведь он не совсем поправился после болезни...

В этой связи он вдруг вспомнил того странного человека — Прендергаст, кажется, была его фамилия, который посетил его, когда он был совсем плох. От неожиданности этого воспоминания Роберт даже приподнял голову с подушки и сильно ущипнул себя за руку — люди почему-то всегда щипали себя за руку, когда хотели убедиться, что все происходящее не сон. Те люди, которые, как упомянул этот Прендергаст, говорили: "О, если б только мог прожить свою жизнь заново!".

Но это было совершенно нелепо, абсолютный нонсенс, и к тому же человеческая жизнь не начиналась в семилетнем возрасте — это противоречило всем законам природы... Но вдруг... вдруг в этом была одна мультимиллионная доля вероятности и то, о чем говорил странный человечек, действительно произошло...

Бобби Финнерсон лежал в своей кроватке не шевелясь и тихонько обдумывал все открывающиеся перед ним воз-

можности. Он достаточно преуспел в прошлой жизни благодаря своему незаурядному интеллекту, но теперь, вооруженный знанием того, что произойдет в будущем, было даже трудно представить, чего только он мог бы добиться! А технические и научные открытия, предвидение первой и второй мировых войн и используемого в них оружия — все это предоставляло невиданные возможности. Конечно, нарушать ход истории было бы предосудительно, но вместе с тем, что мешало ему, например, предупредить американцев о готовящемся нападении на Пирл-Харбор или французов о планах, вынашиваемых Гитлером? Нет, где-то здесь должна была быть какая-то загвоздка, мешающая ему сделать нечто подобное, но в чем она состояла?

Все было слишком неправдоподобно и, скорее всего, все-таки сном. Но сном ли?

Пару часов позднее дверь спальни скрипнула и слегка приоткрылась, пропуская тонкий луч света из коридора. Роберт притворился спящим. Послышались легкие шаги. Он открыл глаза и увидел свою мать, нежно склонившуюся над ним. Несколько секунд он глядел на нее в полном изумлении. Она была прекрасна. Хоть и одетая в роскошное вечернее платье, она выглядела совсем еще девочкой. С сияющими глазами она ласково улыбнулась ему. Роберт протянул руку, чтобы погладить ее по щеке, когда вдруг с пронзительной остротой вспомнил, что ее ожидало в будущем, всхлипнул.

Мама обняла его за плечи и тихонько, чтобы не разбудить Барбару, попыталась успокоить.

— Ну-ну, Бобби, не плачь. О чем ты плачешь? Ведь все хорошо. Наверно, я тебя внезапно разбудила, когда тебе снился плохой сон.

Роберт шмыгнул носом, но ничего не ответил.

— Успокойся, дорогой, от снов не бывает ничего дурного. Забудь все, закрой глазки и постарайся уснуть.

Она накрыла его одеялом, поцеловала в лоб, затем подошла к кроватке Барбары, убедилась, что та крепко спит, и вышла на цыпочках из комнаты.

Бобби Финнерсон продолжал лежать с открытыми глазами и строить планы на будущее.

Так как следующий день был субботний, состоялся привычный ритуал встречи с отцом и получения карман-

ных денег на предстоящую неделю. Вид отца несколько ошарашил его — не только потому, что тот был одет в глупейшего вида белую рубашку с высоким крахмальным воротничком, подпиравшим подбородок, и пиджак, тесно облегающий фигуру и застегнутый до самого горла на все пуговицы, но и потому, что отец выглядел весьма заурядным молодым человеком, а не тем героем, каким он оставался в его памяти. Дядя Джордж тоже присутствовал при встрече.

— Здорово, юноша, — произнес он, — а ты изрядно вырос с тех пор, как я тебя видел в последний раз. Глядишь, скоро станешь нашим компаньоном в бизнесе. Какие у тебя соображения на этот счет?

Бобби промолчал — не мог же он сказать, что это никогда не произойдет, так как его отец будет убит на войне, а дядя Джордж в силу собственной глупости пустит все их состояние по ветру. Поэтому он только вежливо улыбнулся в ответ.

Получив свои субботние шесть пенсов, Бобби вышел из столовой с ощущением, что все будет не так просто, как он предполагал.

Из чувства самосохранения он решил не раскрывать своих пророческих способностей до того момента, пока не выяснит для себя, имеет ли он представление о вещах, которые неизбежно должны случиться или только могут произойти. Если первое, то ему отводилась лишь незавидная роль Кассандры, но если второе — то возможности его были поистине безграничны...

После обеда дети должны были пойти гулять в сквер. Они вышли через полуподвальную дверь кухни и, пока нянька остановилась сказать что-то кухарке, Бобби помог маленькой Барбаре преодолеть высокие ступеньки, ведущие наверх. Затем они пересекли тротуар и остановились на обочине. Улица была пустынна, только вдали по направлению к ним быстро катилась повозка мясника на высоких колесах. Бобби посмотрел на нее и внезапно в его памяти возникла ужасающая картина, четкость которой можно было сравнить только с хорошей фотографией. Не раздумывая ни минуты, Бобби схватил сестренку за руку повыше локтя и поволок ее к перилам лестницы. В это же мгновение лошадь испугалась и понесла. Барбара

споткнулась, упала и покатилась под лошадиные копыта. Не отпуская ее руки, Бобби изо всех сил подтянул ее обратно к лестнице и оба они кубарем свалились вниз по ступенькам. Секундой позже над их головами прогрохотала тележка, из колес посыпались спицы, а возница с диким криком упал с высокого сиденья. Лошадь же понеслась дальше, разбрасывая из полуразвалившейся повозки воскресные бифштексы.

Конечно, детей отругали, так как все были сильно напуганы происшедшим, но Бобби воспринял это философски, как и шишки, полученные им и Барбарой в результате падения, потому что знал, в отличие от других, что именно должно было случиться на самом деле. Он-то знал, что Барбара должна была лежать, распростертая, на мостовой с окровавленной, растоптанной лошадиными копытами ногой, и что эта изуродованная нога впоследствии искалечила бы всю ее жизнь. А так она лишь вопила, как любой здоровый ребенок, который ударился и оцарапался.

Вот Роберт и получил ответ на волновавший его вопрос. Тут было над чем подумать.

Его задумчивость приписали полученному шоку и старались всячески его отвлечь и развлечь. Но, несмотря на все старания окружающих, это настроение продержалось у Роберта до ночи, так как, чем больше он думал о случившемся, тем больше запутывался в возможных последствиях своего вмешательства в судьбу Барбары. Но одно он понял совершенно отчетливо: жизнь человека можно изменить только один раз. Ведь теперь, не будучи калекой, Барбара пойдет по жизни совершенно иным, непредсказуемым путем и изменить ее будущее вторично было уже невозможно, так как оно было неизвестно.

Эта мысль заставила Роберта задуматься и о судьбе отца. Ведь если бы можно было устроить так, чтобы он не погиб во Франции от осколка снаряда и остался жив, то мать бы не вышла вторично замуж так неудачно, дядя Джордж не промотал бы их состояние, Роберта бы послали учиться в более дорогое и престижное учебное заведение и вся его дальнейшая жизнь сложилась бы совершенно иначе, и так далее, и так далее...

Бобби беспокойно вертелся в постели. Да, все это было не так-то просто. Если бы его отец остался жив, это за-

тронуло бы судьбу многих людей — все пошло бы, как круги по воде, и даже могло повлиять на исход первой мировой войны. А если бы сделать вовремя предупреждение о выстреле в Сараево? Нет, лучше держаться подальше от исторических событий. Но все же...

— Прендергаст, к нам поступила жалоба. Очень серьезная жалоба касательно контракта ХВ 2823, — заявил директор департамента.

— Я очень виноват, сэр, но, может быть, я...

— Вы здесь совершенно ни при чем. Это все психологи, будь они неладны. Сделайте одолжение, сходите к ним и всыпьте им как следует за то, что они не произвели тщательную чистку памяти, а то этот субъект уже и так натворил дел — запутал целый клубок человеческих судеб. Пока, к счастью, это все незначительные личности, но, кто знает, что он может сделать завтра. Пусть они не откладывают и поскорее исправят свою оплошность.

— Слушаюсь, сэр. Я немедленно займусь этим вопросом.

Бобби Финнерсон проснулся, зевнул и сел на кровати. У него было какое-то праздничное настроение, будто сегодня Рождество или день рождения, хотя это было всего лишь очередное воскресенье. Но он точно помнил, что сегодня он собирался сделать что-то очень важное. Но что? Он огляделся по сторонам — солнечный свет заливал комнату и ничто не напоминало ему о его намерении. Бобби махнул рукой и посмотрел на Барбару, которая продолжала сладко спать в своей кроватке. Он слез с постели, подкрался к ней на цыпочках и дернул ее за свисавшую с подушки косичку.

Пожалуй, это было неплохое начало нового дня.

НЕ ТАК СТРАШЕН ЧЕРТ...

— Здорово! — с удовлетворением сообщил Стивен. — Знаешь, когда я прокручиваю пленку в обратном направлении, я слышу собственную речь задом наперед.

Отложив книгу, Дилис посмотрела на мужа. Перед ним на столе были магнитофон, усилитель и разные приборчики. Их переплетала сложная сеть проводов, тянувшихся также к большому динамику в углу и к наушникам на голове Стивена. Пол был усыпан кусками магнитной ленты.

— Еще одно научное достижение, — холодно сказала Дилис. Как я понимаю, ты собирался только немного почистить запись, чтобы мы могли послать Мире полный отчет о вечеринке. Уверена, что она охотнее послушает его не задом наперед.

— Да, но мне вдруг пришло в голову...

— И откуда столько мусора? Словно мы забрасывали гостей серпантином.

Стивен поглядел вокруг.

— О, это те места, где стоял общий галдеж или говорилось что-нибудь не вполне приличное.

Обведя глазами замусоренный пол, Дилис встала.

— Похоже, что неприличного было сказано куда больше, чем мы в то время услышали... В общем, убери это все, пока я приготовлю чай.

— Но ты должна послушать, что у меня получилось.

— Не вижу причин слушать эту тарабарщину.

Когда Дилис вышла, Стивен вместо того, чтобы заняться уборкой, нажал кнопку "пуск" и с любопытством послушал смежное кудахтанье, ничуть не похожее на его собственный голос. Затем он снял наушники и переключил звук на динамик. Удивляло, что воспроизводимая с нормальной скоростью, только в обратном направлении, речь казалась более быстрой. Ради интереса Стивен вдвое уменьшил скорость. Теперь голос зазвучал октавой ниже, стал глубже, внушительнее. Стивен одобрительно кивнул и откинулся на спинку стула, вслушиваясь в гулкие торжественные раскаты, доносившиеся из динамика.

© Перевод на русский язык. Т.Гинзбург, 1993

Внезапно эту, несколько однообразную, торжественность прорезал посторонний, тревожно-пугающий звук, напоминающий свист, с каким локомотив выпускает пар. В комнате повеяло теплом, запахло паленым.

Стивен вскочил, едва не опрокинув стул, и кинулся выключать свои приборы. Затем придирчиво провел ревизию, проверяя, не греются ли контакты, не тлеет ли где обмотка. Все оказалось в порядке, и Стивен собрался уже облегченно вздохнуть, когда вдруг ощутил чье-то присутствие. Он резко оглянулся — и застыл с открытым ртом.

Было от чего опешить. В нескольких шагах от себя Стивен увидел человека шести футов ростом, казавшегося еще выше из-за своего необыкновенно высокого цилиндра. Человек стоял совершенно неподвижно, вытянувшись и держа руки по швам. Одет он был весьма странно: очень высокий стоячий крахмальный воротничок с сильно вытянутыми остроугольными концами, шелковый шейный платок серого цвета, длинный темный сюртук, отороченный по краям шелком, лиловые брюки и остроносые, до блеска начищенные черные ботинки. Стивену пришлось немного откинуться назад, чтобы как следует рассмотреть лицо. Оно было красивое, бронзовое, как от южного загара, с большими темными глазами. Пышные усы свисали книзу и соприкасались у углов нижней челюсти с тщательно подстриженными бакенбардами. Подбородок и щеки в свободных от бакенбардов местах были гладко выбриты. В целом лицо это напоминало ассирийские изваяния.

Что же до наряда, то при всей своей вычурности он выглядел весьма элегантно и в другой ситуации был бы, наверно, вполне уместен.

Незнакомец первым нарушил молчание:

— Я прибыл, — с подчеркнутой многозначительностью объявил он.

— Э-э... да... вижу, но... э-э... я не совсем...

— Вы меня вызывали. Я прибыл, — повторил незнакомец так, точно этими словами все объяснялось.

Совершенно озадаченный, Стивен хмуро возразил:

— Я вообще молчал. Я просто сидел здесь и...

— Вы напрасно волнуетесь. Уверен, что вы не пожалеете.

— Я не волнуюсь. Я просто ничего не понимаю...

Незнакомец начал проявлять нетерпение:

— Разве не вы составили этот Магический Знак? — продолжая держать руки по швам, он сжал три пальца правой руки, оставив выпрямленным только указательный палец. — И не вы произнесли Заклинание?

Стивен посмотрел на то место, куда указывал обтянутый лиловой перчаткой палец. Пожалуй, из обрезков ленты здесь получилась какая-то неправильная геометрическая фигура, которая могла быть и своего рода знаком. Но почему этот человек назвал его м а г и ч е с к и м?.. Ага, ведь лента, конечно, магнитная... Фу! Сущая ерунда... И еще "заклинание"... Хотя при таком воспроизведении магнитофонной записи исходившие из динамика звуки можно было принять за что угодно.

— Похоже, здесь вышла ошибка, — сказал Стивен. — Простое совпадение...

— Странное совпадение, — скептически заметил посетитель.

— Но потому такое и называют случайностью.

— Ни разу не слыхал о подобных случайностях, ни разу! Всегда, когда меня или кого-то из моих друзей вызывали таким вот образом, нас вызывали, чтобы дать какое-нибудь задание. И мы неизменно его выполняли.

— Задание? — переспросил Стивен.

— Ну да. Вам что-то нужно. Скажем, вы хотите пополнить свою коллекцию, вам недостает какого-то экземпляра. Значит, остается только договориться об условиях. Затем вы подписываете договор, кровью, конечно. И это все.

— А-а... — Наконец-то у Стивена мелькнула догадка, вспомнился испугавший его запах паленого. — Начинаю понимать... Так вы сат...

— Зовите меня Батрул, — поспешно перебил тот. — Я один из доверенных представителей моего господина и имею полномочия заключать договоры. А сейчас, если вы будете так любезны высвободить меня из этого знака, который чрезвычайно меня сковывает, мы сможем без помех обсудить условия.

Несколько мгновений Стивен глядел на него, затем покачал головой и рассмеялся:

— Ха-ха-ха!.. Ха-ха-ха!

— Не понял? — Батрул, похоже, обиделся.

— Послушайте, — сказал Стивен. — Извините, что случайно потревожил вас. Но я хочу, чтобы вы уяснили наконец: вам здесь нечего делать.

Батрул поразмыслил. Затем поднял голову, принюхался.

— Очень странно. Никаких священных запахов вроде нет.

— О, не в том дело, — успокоил его Стивен. — Просто ваши сделки слишком хорошо известны, и не было случая, чтобы другой стороне не пришлось потом пожалеть о таком договоре.

— Бросьте! Подумайте лучше, как много я могу для вас...

Стивен решительно оборвал его:

— Поберегите силы. Я ежедневно выдерживаю наскоки современных комиссионеров.

Батрул погрустнел.

— Я больше привык к натиску клиентов, — признался он. — Ну что же, если вы уверены, что здесь действительно вышла ошибка, мне не остается ничего другого, как вернуться назад и все объяснить. Насколько я знаю, такого у нас еще не бывало... Хотя, конечно, по закону вероятности должно было когда-нибудь случиться. Вот мне и не повезло. Раз так, до свидания... Ой, что я говорю?.. Я хотел сказать: прощайте, друг мой. Я готов! — Он закрыл глаза, лицо его словно окаменело.

Ничего не произошло.

— Ну же, произнесите это! — вскричал он.

— Что произнести?

— Другое заклинание, конечно. Приказ исчезнуть!

— Но я не знаю никаких заклинаний!

Батрул нахмурил брови.

— Вы хотите сказать, что не можете отпустить меня?

— Если для этого требуется какое-то заклинание, то не могу, разумеется.

— Но это неслыханно... — Батрула охватило смятение. — Что мне делать? Мне необходимо либо заключить договор, либо услышать заклинание.

— Ладно, скажите мне это заклинание, и я его произнесу, — предложил Стивен.

— Но я его не знаю. Я никогда его не слышал. До сих пор все, кто вызывал меня, жаждали заключить договор... — Он помолчал. — Право, было бы проще всего, если бы и вы... Нет? О, это ужасно. Ума не приложу, что нам делать...

Легким постукиванием носка в дверь Дилис возвестила о своем прибытии с подносом. Стивен пересек комнату и, чуточку приотворив дверь, первым делом сообщил:

— У нас гость. — Только после этого он пропустил жену в комнату и взял у нее из рук поднос, боясь, как бы она от неожиданности не выронила его.

— Но как... — начала Дилис и в изумлении уставилась на гостя.

— Дорогая, это мистер Батрул... Моя жена, — представил их друг другу Стивен.

Несколько смущенный Батрул, повернув голову, отвесил легкий поклон.

— Очень рад, сударыня... Прошу прощения за эту позу. Но я чрезвычайно ограничен в движениях. Если бы ваш супруг любезно согласился сломать этот знак...

Дилис продолжала таращиться на него.

— Боюсь... — сказала она жалобно, — боюсь, что ничего не понимаю.

Стивен, как мог, объяснил ей ситуацию. Тогда она сказала:

— Ну, я, право, не знаю... Нам надо решить, что делать. Но это так трудно, так необычно... — Не сводя задумчивого взгляда с Батрула, она прибавила: — Стив, если ты действительно растолковал ему, что мы ничего не станем подписывать, не думаешь ли ты, что его можно освободить? Я вижу, он чувствует себя очень неудобно в этом положении.

— Спасибо, сударыня, — с благодарностью сказал Батрул. — Мне, правда, очень неудобно.

Поразмыслив, Стивен принял решение:

— Ладно. Раз он все равно уже здесь и отношения выяснены, вреда от этого, я думаю, не будет. — Нагнувшись, он разметал в стороны куски магнитной ленты.

Батрул выступил из сломанного знака, правой рукой снял шляпу и, прижимая ее к сердцу, а левую руку положив на воображаемый эфес шпаги, щелкнул каблуками и отвесил Дилис глубокий поклон. Проделал он это с большим изяществом.

— Ваш слуга, сударыня.

Затем с таким же поклоном в сторону Стивена:

— Ваш слуга, сэр.

Стивен постарался достойно ответить, но сознавал тщетность своей попытки сравнять с гостем в манерах. Из-за этого возникла неловкая пауза. Дилис пришла на выручку:

— Лучше я принесу еще одну чашку.

Она вышла, вернулась и захватила инициативу в свои руки:

— Вы... э-э... давно не бывали в Англии, мистер Батрул?

Батрула заметно удивил вопрос:

— Почему вы так решили, миссис Трамон?

— Моя жена имеет в виду ваш костюм, — пояснил Стивен. — К тому же, если уж говорить откровенно, вы несколько спутали разные эпохи. Так, например, ваш поклон относится к более раннему периоду, чем костюм. Их разделяют по меньшей мере два поколения.

Батрул озадаченно поглядел на свой наряд.

— А я при последнем посещении этих мест особенно внимательно присматривался к моде, к фасонам одежды, — разочарованно сказал он.

— Не стоит огорчаться, мистер Батрул, — вмешалась Дилис. — Все ваши вещи превосходно сшиты. А уж качество материала!..

— Но все это устарело? — напрямик спросил Батрул.

— В общем, да, — согласилась Дилис. — По-видимому, у вас... ну там, откуда вы, несколько оторвались от реальной жизни.

— Пожалуй, что так, — признал Батрул. — В семнадцатом и восемнадцатом веках мы часто бывали в этих местах, но уже в девятнадцатом веке спрос заметно упал. Конечно, время от времени нас вызывают, но это дело случая, кому какой вызов достанется, в чье дежурство поступит. Вышло так, что в девятнадцатом веке я только однажды побывал здесь, а в этом веке вообще ни разу. Можете представить, с каким радостным чувством, с какими надеждами на взаимовыгодную сделку воспринял я вызов вашего мужа...

— Ну-ну! — прервал его Стивен. — Хватит об этом...

— О да, конечно. Приношу свои извинения. Просто старый боевой конь встрепенулся, заслышав, что протрубили тревогу... Вы понимаете...

Снова наступила пауза. Дилис задумчиво смотрела на гостя. Муж слишком хорошо знал ее, чтобы от него могла укрыться происходившая в ней борьба — ее одолевало любопытство. И она в конце концов не выдержала:

— Надеюсь, ваши наезды в Англию не всегда приносили вам разочарования, мистер Батрул?

— О, сударыня, отнюдь нет. У меня сохранились самые приятные воспоминания о вашей стране. Например, о вызове к одному алхимику, который жил под Винчестером — было это в середине шестнадцатого столетия — и желал иметь богатое поместье, титул и красивую жену благородного происхождения. Мы сумели подыскать для него очень славное имение неподалеку от Дорчестера. Его потомки, я полагаю, и поныне живут там. Или вот случай, относящийся к началу восемнадцатого столетия. Один молодой человек мечтал о богатстве и о браке с представительницей высшей знати, из королевского окружения. Мы ему это устроили, и кто знает, в чьих жилах течет теперь его кровь... А еще через несколько лет другому молодому человеку, довольно бездарному малому, захотелось просто сделаться знаменитым драматургом и прославиться своим остроумием. Ну, на этот раз задача была гораздо труднее, но мы с ней справились. Я не удивился бы, услышав, что его имя все еще не забыто. Это...

— Все это очень хорошо, — перебил Стивен. — Потомки могут радоваться. Но чем кончили сами герои ваших историй?

Батрул пожал плечами.

— Ну, сделка есть сделка. Добровольно заключенный контракт... — заметил он укоризненно, после чего продолжал — Хотя сам я последнее время не бывал здесь, но из рассказов коллег понял, что изменились только детали, а в принципе запросы те же. Титулы не утратили своей привлекательности, в особенности для жен клиентов. Как и прежде, ценится положение в обществе. Ну и загородный дом, который мы оснащаем теперь, конечно, всеми современными удобствами. А также пристанище в Мейфере[1]. Вместо породистых лошадей мы предлагаем теперь

1 Фешенебельный район Лондона. — *Здесь и далее прим.перев.*

"Бент-Роллсли", а то и личный самолет... — завораживающе говорил он.

Стивен решил, что пора вмешаться.

— "Бент-Роллсли", вот уж действительно! Рекомендую вам в следующий раз внимательнее читать справочник по изучению спроса на потребительские товары. А сейчас я буду вам признателен, если вы перестанете соблазнять мою жену. Ведь расплачиваться придется не ей.

— Не ей, — подтвердил Батрул. — С женщинами всегда так. Расплачиваются, конечно, и они, но чем больше они получают, тем дешевле им это обходится. Вот, к примеру, ваша жена. Ее жизнь облегчится, ей ничего не надо будет делать, у нее...

— Хватит, кончайте с этим! Вам уже должно быть ясно, что ваши методы устарели. Дураков больше нет. Нас теперь не проведешь.

Батрул с сомнением посмотрел на него.

— Судя по нашим бюллетеням, грешить люди не перестали.

— Не спорю. Но вам от этого мало проку. Никакой грешник не согласится на ваши старомодные условия. Теперь каждый норовит побольше урвать и поменьше уплатить, если уж нельзя получить желаемое задаром.

— Это неэтично, — проворчал Батрул. — Это против правил.

— Тем не менее это так. А кроме того, в наши дни все намного сложнее. Ну как бы я мог увязать свой, неизвестно откуда взявшийся, титул с Дебреттом[1], или объяснить налоговой инспекции источник неожиданно привалившего богатства, или даже просто выполнить формальности, связанные с внезапным появлением особняка? Нельзя не считаться с фактами.

— О, я думаю, все это можно уладить, — сказал Батрул.

— Не так-то просто. В наше время есть только один способ внезапно и притом вполне легально разбогатеть.

1 Имеется в виду Книга пэров, впервые составленная Джоном Дебреттом в 1802 г. и с тех пор выходящая ежегодно.

Это... О Боже!.. — Внезапно умолкнув, он погрузился в раздумье.

Батрул обратился к Дилис:

— Ваш муж себя недооценивает. У него огромные способности. Это видно с первого взгляда. Чтобы эти способности могли полностью раскрыться, нужен определенный капитал. За деньги можно иметь все: почет, власть, что угодно... Невольно чувствуешь, что муж ваш растрачивает свои силы впустую...

Дилис взглянула на мужа, который с отсутствующим видом о чем-то размышлял.

— Значит, вы тоже это почувствовали? Я часто думала, что в фирме не умеют по-настоящему оценить его.

— У этих дельцов своя политика. Они сознательно не дают хода молодым. Но при материальной независимости и с помощью жены — возьму на себя вольность прибавить — умной, красивой и молодой жены, почему бы...

Очнувшийся от задумчивости Стивен презрительно прокомментировал:

— "Руководство по искушению", глава первая. Кончайте с этим и постарайтесь взглянуть фактам в лицо. Когда вы здраво оцените их, я готов буду обсудить с вами сделку.

— А-а, — Батрул несколько приободрился. — Я знал, что по некотором размышлении вы убедитесь в выгодности...

— Послушайте, — снова перебил Стивен. — Первый факт, в лицо которому вам придется взглянуть, — это, что ваши обычные условия мне не подходят, а значит, не стоит больше пытаться повлиять на меня через мою жену. Второй факт таков: в беду попали *вы*, а не я. Как вы вообще сможете отсюда выбраться без моей помощи?

— Но ведь я предлагаю вам способ одновременно помочь и мне и себе.

— Вы никак не отделаетесь от своего одностороннего взгляда на вещи. Теперь послушайте меня. Существуют три способа решения данной задачи. Первый: найти кого-то, кто сообщит нам текст заклинания, которое необходимо произнести, чтобы вы могли отправиться восвояси. Вы знаете, как это осуществить? Нет? Ну и я не знаю. Тогда второй способ: я могу попросить викария соседней

церкви совершить ритуал изгнания. Он с радостью выполнит мою просьбу. Может быть, впоследствии его даже причислят к лику святых за такую победу над лукавым.

Батрула передернуло.

— Ой, нет, не надо! Один мой приятель подвергся изгнанию в пятнадцатом веке. Так он до сих пор не вполне оправился от этой мучительной процедуры.

— Очень хорошо. Значит, остается третий способ. Не связывая себя никакими обязательствами, я сколачиваю солидную сумму и гарантирую вам клиента, который беспрекословно подпишет договор. Ну, что вы на это скажете?

— Не пойдет! — последовал мгновенный ответ. — Вы просто пытаетесь совершить две сделки вместо одной, то есть, заплатить нам половинную цену. Наша бухгалтерия никогда не утвердит такого договора.

Стивен с сожалением покачал головой.

— Не удивительно, что практика ваша хиреет. За два тысячелетия ваша контора не продвинулась в своей коммерческой деятельности дальше понятия первичной закладной. Вы даже готовы расходовать собственный капитал, не замечая, что можете воспользоваться чужим. Так дела не делаются. Мой план таков: я получаю деньги, вы получаете нужный вам договор, а первоначальным капиталом для этой коммерческой операции послужат всего несколько шиллингов, которые я же и внесу.

— Не понимаю, как из этого может что-то получиться.

— Уверяю вас, все получится. Вам, возможно, придется задержаться на несколько недель, но поживете у нас. Места хватит. Теперь скажите: вы играете в футбол?

— В футбол? — нерешительно повторил Батрул. — Нет, вроде. А как это?

— Ладно, правила и все такое вам придется вызубрить. Важна суть: игрок должен точным, прицельным ударом послать мяч в ворота. Теперь, если мяч окажется не точь в точь там, где ожидал игрок, точность и прицельность нарушатся, а значит, гол не будет забит. Улавливаете?

— Допустим.

— В таком случае вы поймете, что самое незначительное изменение положения мяча в критический момент может предопределить исход игры. Не нужно никаких недозволенных приемов, никакой грубости. Все должно быть

проделано очень тонко и незаметно, чтобы ни у кого и тени подозрения не возникло. Достаточно, чтобы какой-нибудь крохотный бесенок — один из тех, кто помогает вам во всяких проделках, — вовремя подвернулся и помешал игроку точно ударить мячом по воротам. Организовать это для вас не составит большого труда, я полагаю.

— Сущий пустяк. Но я не совсем понимаю...

— Беда ваша в том, что вы безнадежно отстали от жизни, приятель, несмотря на все ваши бюллетени... Дилис, где у нас карточка футбольного тотализатора?

Через полчаса Батрул уже демонстрировал свои незаурядные способности.

— Да, — резюмировал он, — я понимаю. После уточнения некоторых технических деталей нетрудно будет организовать проигрыш, ничью, а возможно, если потребуется, даже победу.

— Точно, — одобрил Стивен. — Итак, я заполняю купон и ставлю несколько шиллингов. Вы обеспечиваете результат. Это дает мне возможность легально загребать деньги, не подвергаясь налогообложению.

— Все это очень хорошо для вас, — подчеркнуто констатировал Батрул. — Но я не понимаю, как это поможет мне получить договор, разве что вы...

— Мы как раз подходим к этой части плана. В обмен на мои выигрыши я обязуюсь найти вам клиента, который подпишет договор. Крайний срок... ну, скажем, шесть недель. Идет? Хорошо. Тогда оформляем соглашение... Дилис, дай мне, пожалуйста, листок бумаги и... Ах, да, кровь у нас имеется...

Пять недель спустя Стивен остановил свой "Бентли" перед входом в отель. В следующую минуту из вертящейся двери появился Батрул. От идеи поселить его у себя Стивену уже очень скоро пришлось отказаться: стремление искушать носило у Батрула характер почти неконтролируемого рефлекса, что создавало нервозную обстановку в доме. И Стивен выдворил гостя в отель.

Внешне Батрул сильно изменился. Бакенбарды исчезли, сохранились только пышные усы. Длиннополый сюртук сменился строгим серым костюмом, высоченный цилиндр — мягкой фетровой шляпой, шейный платок — нормальным

галстуком. В общем — современный, прилично одетый, интересный мужчина лет сорока.

— Прошу, — Стивен распахнул дверцу машины. — Форму договора прихватили?

Батрул похлопал себя по карману.

— Это всегда при мне. На всякий случай...

Когда Стивен первый раз сорвал огромный куш, он еще надеялся сохранить свое инкогнито. Оказалось, однако, что скрыть выигрыш 220000 фунтов стерлингов очень непросто. Так что без рекламной шумихи это дело не обошлось. Пока разыгрывался следующий тур, Стивен и Дилис старательно избегали появляться на людях. Выигрыш на этот раз составил 210000. Некоторая заминка возникла с выплатой по третьему чеку. Собственно, оспаривать выигрыш 225000 фунтов не приходилось: предсказания были четко обозначены чернилами на купоне. Однако часть учредителей тотализатора серьезно задумалась, и некоторые из них даже решили посетить Стивена. Один особенно серьезный молодой человек в очках стал доказывать ему, что согласно теории вероятности троекратное повторение такой удачи выражается дробью, числитель которой единица, а знаменатель — число с огромным множеством нулей.

Стивен заинтересовался произведенным расчетом и сказал, что в таком случае его система гораздо лучше, чем он предполагал, не догадываясь, с каким астрономическим числом приходится иметь дело.

Молодой человек пожелал узнать, что же это за система. Но Стивен уклонился от разговора, хотя дал понять, что готов обсудить некоторые аспекты с главой всего предприятия. Именно на эту встречу с Сэмом Гришоу Стивен и ехал сейчас в сопровождении Батрула.

Штаб-квартира Сэма Гришоу находилась в одном из новых предместий города, несколько в стороне от дороги, отделенная от нее заботливо ухоженной лужайкой с газонами шалфея. Швейцар в расшитой ливрее почтительно приветствовал Стивена и без задержки проводил его в просторный кабинет, где Сэм Гришоу встретил его стоя. Мужчины обменялись рукопожатием, после чего Стивен представил своего спутника, пояснив:

— Это мистер Батрул, мой консультант.

Сэм Грипшоу глянул на Батрула, и этот мельком брошенный взгляд стал внезапно пристальным и настороженным. С минуту Грипшоу молча размышлял. Затем снова повернулся к Стивену.

— Ну, молодой человек, прежде всего я должен поздравить вас с небывалым успехом. Вы намного превзошли всех, кто когда-либо выигрывал за всю историю футбольных тотализаторов. 655000 фунтов — подумать только! Но... — Он покачал головой — так дальше продолжаться не может. Нет, не может...

— О, я не стал бы этого утверждать, — мягко возразил Стивен, когда они уселись.

Сэм Грипшоу снова покачал головой.

— Один раз — это удача, везенье; второй — ну, допустим, исключительное везенье; от третьего раза попахивает уже чем-то странным; случись такое четвертый раз — все предприятие окажется под угрозой; пятый раз будет означать полное банкротство. Никто больше и шиллинга не поставит — раз дело гиблое, кому охота? Вы говорили, у вас есть система?

— Не у меня, а у нас, — поправил Стивен. — Мой друг мистер Батрул...

— Ах, да, мистер Батрул... — Сэм Грипшоу опять внимательно посмотрел на Батрула. — Так вы, я полагаю, не захотите познакомить меня с вашей системой?

— Странно было бы ожидать этого, — сказал Стивен.

— Пожалуй. Хотя могли бы и познакомить. Ведь продолжать вы все равно не сможете...

— Потому что предприятие обанкротится? Что ж, мы действительно этого не хотим. Собственно, потому мы и приехали. Мистер Батрул хочет вам кое-что предложить.

— Послушаем...

Батрул встал.

— У вас здесь очень хорошее дело, мистер Грипшоу. Было бы весьма прискорбно, если бы оно лопнуло. Как для вас, так и для публики. Мне незачем подчеркивать это, поскольку я догадываюсь, что вы воздержались от рекламирования третьего выигрыша моего друга мистера Трамона. Очень разумно с вашей стороны, осмелюсь заметить, сэр. Это могло бы отрицательно сказаться на настроении публики... К счастью, в моих силах избавить вас от риска

снова оказаться в подобной ситуации. Это не будет стоить вам ни пенни, и все же... — Тут он пустил в ход все свое искусство обольщения, с жаром расписывая выгодную сделку.

Сэм Грипшоу терпеливо выслушал все, вплоть до заключения.

— и в ответ на эту... эту простую формальность я гарантирую, что ни мой друг мистер Стивен Трамон, ни кто-либо другой не смогут с моей помощью... э-э... предсказывать результаты. Ничто больше не будет угрожать вашему предприятию, которое, я уверен, сможет процветать дальше. — Он вынул из кармана заготовленный договор и, картинно взмахнув им, положил на письменный стол.

Сэм Грипшоу потянулся за бумагой, быстро проглядел текст и, к удивлению Стивена, почти не колеблясь, кивнул.

— Что ж, все правильно. В моем положении спорить не приходится. Ладно. Я это подпишу.

Батрул с радостной улыбкой протянул ему маленький перочинный ножик.

Поставив подпись, Сэм Грипшоу чистым носовым платком перевязал руку. Батрул осторожно взял договор и помахал им, чтобы подпись просохла. Затем еще раз с нескрываемым удовольствием посмотрел на нее, аккуратно сложил лист и спрятал его в карман.

Покончив с делом, он расплылся в улыбке и напоследок от избытка чувств снова допустил анахронизм: раскланялся с галантностью, принятой в восемнадцатом веке.

— Ваш слуга, джентльмены. — И мгновенно исчез, растворился, оставив после себя лишь слабый запах серы.

Сэм Грипшоу первым нарушил последовавшее за этим молчание:

— Хорошо, что отделались от него и что он не может вернуться, пока кто-нибудь его не вызовет... А вы, надо сказать, малый не промах. Выгодно продали м о ю душу! Вот это я называю настоящей деловой хваткой. Мне бы такую иметь в ваши годы, молодой человек.

— Ну, вы, по-моему, не очень расстроились из-за этой сделки, — с явным облегчением заметил Стивен.

— Вообще не расстроился. Это ему надо расстраиваться. Вы только подумайте, не одну тысячу лет он и вся его компания промышляют этим — и д о с и х п о р у них нет порядка. В наше время всего важнее правильная организация. Полная четкость во всем — основа любого бизнеса. А эта компания безнадежно отстала, с ее допотопными методами. Пора бы им тоже иметь специалистов по системе управления.

— Методы у них действительно грубоваты, — согласился Стивен. — Но своей цели э т о т все-таки достиг.

— Ха! Интересно, что он запоет, когда заглянет в картотеку — если у них есть картотека. Откуда, вы думаете, взялось у меня достаточно денег, чтобы основать тотализатор?..

— Но, дорогая мисс Кэрси, — сказал редактор, — мы вовсе не изменили свое отношение к вашей книге. Мы продолжаем, как и прежде, считать ее очаровательной романтической повестью. Просто издательство оказалось в крайне затруднительном положении — ведь не можем же мы опубликовать одновременно две почти идентичные книжки! Да и одну-то из них мы тоже не можем выпустить, поскольку существуют две. Это бы неизбежно вызвало протест со стороны одного из авторов, а нашей фирме такие скандальные ситуации совершенно ни к чему.

— Но ведь я первая предоставила вам рукопись, — сказала Джейн с упреком.

— Всего на три дня раньше, — возразил редактор.

Джейн опустила глаза и начала молча вертеть серебряный браслет на руке. Редактору стало не по себе. Он вообще не любил отказывать приятным молодым женщинам-авторам, а тут еще он почувствовал, что дело может кончиться слезами.

— Мне очень, очень жаль, — сказал он искренним голосом.

Джейн вздохнула.

— Наверно, это было слишком хорошо, чтобы осуществиться, следовало предвидеть какое-нибудь препятствие, — сказала она. — А кто, кстати, написал второй вариант?

Редактор заколебался.

— Я не уверен, что я вправе...

— Но вы должны, вы просто обязаны мне сказать! Иначе это было бы очень несправедливо — ведь нам необходимо встретиться и разобраться в этом недоразумении.

Внутренний голос подсказал редактору, что ему лучше не впутываться в эту историю, но, с другой стороны, он не сомневался в правдивости слов мисс Кэрси. В конце концов чувство справедливости восторжествовало и он сказал:

— Ее зовут Лейла Мортридж.

— Это ее подлинное имя?

— Думаю, да.

© Перевод на русский язык, М.Бирман, 1993

— Как странно — я его никогда не слыхала... Но ведь никто не видел мою рукопись, даже не знал, что я пишу книгу. Все это как -то загадочно и непонятно...

Редактор не нашелся, что ответить. Конечно, совпадения бывают — иногда, казалось, какая-то идея просто носилась в воздухе, пока одновременно не оседала в мозгу двух совершенно разных людей. Но здесь было что-то большее. За исключением двух последних глав, "Амариллис в Аркадии", написанная мисс Кэрси, не только совпадала по фабуле с "Возьми мое сердце" миссис Мортридж, но еще имела те же описания природы и диалоги. Здесь не могло быть и речи о какой-то случайности.

— А откуда вы взяли замысел вашего произведения? — поинтересовался редактор.

Джейн посмотрела на него неуверенно, чувствуя, что еще минута и она разревется.

— Мне... мне это приснилось... Во всяком случае, мне кажется, что я все это видела во сне.

Она не смогла заметить изумление, появившееся на его лице, так как слезы, вызванные чем-то более глубоким, нежели разочарование по поводу книги, застлали ей глаза, и она с всхлипыванием выскочила из редакции.

Очутившись на улице, Джейн почувствовала себя немного лучше и направилась в ближайшее кафе, чтобы окончательно прийти в себя за чашкой крепкого кофе. Ей было ужасно стыдно за свое поведение в редакции, так как она вообще была против всякого проявления чувств на людях и еще год назад не представляла, что нечто подобное может случиться с ней.

Но, по правде говоря, она уже не была такой женщиной, как год назад. Хотя внешне она оставалась все той же Джейн Кэрси, выполнявшей те же задания журнала, где она вела страничку для женщин, работа эта теперь казалась ей весьма однообразной и скучной. Ну, какой можно найти интерес в бесконечных описаниях новых моделей платьев и кулинарных рецептах, в то время как, обладая некоторым литературным даром, она жаждала излить душу на бумагу и рассказать о том, какая у нее тонкая натура и чувства, столь нежные и возвышенные, что ей порой хотелось парить в облаках подобно жаворонку.

Вполне понятно поэтому, что письмо, пришедшее от редактора издательства, куда она послала свою повесть, вызвало у нее сладостное головокружение и сердцебиение. Оно не только открывало перед ней новые перспективы в сфере, которую безуспешно пытались освоить многие ее собратья по перу, но и глубоко удовлетворяло ее авторское самолюбие. Редактор особенно отметил ее литературные данные и этим как бы провел черту между ней и теми, кто лишь стремился получить право на публикацию своих поделок.

Он честно признал, что находит ее повесть просто очаровательной. По его мнению, эта идиллистическая романтическая история несомненно должна вызвать восторг у широкого круга читателей. Правда, там было несколько слишком откровенных мест в духе елизаветинской эпохи, но их можно было легко сгладить, не нарушая общего впечатления.

Единственное, что несколько омрачало радость Джейн, было подозрение, что, возможно, она не вполне заслужила эти похвалы, так как все-таки не сама придумала сюжет, а лишь видела его во сне. Но, в конце концов, кому какое дело, как работает твой мозг? Ведь он мог быть активным и во сне... Никто же никогда не упрекнул известного английского поэта Колриджа за то, что он впервые увидел идею своей поэмы "Кубла Хан" во сне...

И вот теперь такой неожиданный удар! Неизвестно откуда появилось что-то столь похожее на ее произведение, что редактор даже и не думал больше о его публикации! Джейн не могла представить, как это могло произойти — ведь она не то что никому не показывала свою рукопись, но даже словом не обмолвилась, что пишет книгу.

Она сидела, молча уставившись в чашку остывшего кофе и, только когда наконец поднесла ее ко рту, заметила, что кто-то сел за ее столик. Это была женщина, которая рассматривала Джейн с пристальным вниманием. На вид ей было примерно столько же лет, как и Джейн, она была неброско одета, но меховая шубка и шапочка, которые так шли к ее светлым волосам, несомненно стоили очень дорого. Однако, несмотря на это, она была чем-то похожа на Джейн — та же фигура и рост, цвет волос, уложенных,

правда, совсем по-иному. Когда Джейн опустила глаза, она заметила на руке незнакомки обручальное кольцо. Незнакомка заговорила первая:

— Ведь вы Джейн Кэрси, не так ли? — спросила она.

— Да, — ответила Джейн несколько настороженно.

— Меня зовут Лейла Мортридж, — сказала женщина.

— О! — воскликнула Джейн, не находя, что ответить.

Женщина деликатно прихлебывала свой кофе, а Джейн не сводила с нее глаз. Затем Лейла аккуратно поставила чашку на стол и снова взглянула на Джейн.

— Было совершенно очевидно, что они захотят взглянуть и на вас, — сказала она, — поэтому я решила подождать у входа в издательство и познакомиться с вами. Нам надо кое-что выяснить, не правда ли?

— Конечно, — согласилась Джейн.

Несколько минут они молча взирали друг на друга.

— Никто не знал, что я пишу эту книгу, — заметила Лейла.

— Никто не знал, что *я* пишу ее, — парировала Джейн. Она глядела на эту женщину с горечью и обидой. Трудно было поверить, что то, что она видела и пережила, было просто сном — она никогда не слыхала о снах, которые "шли" с продолжением каждую ночь и были столь яркими и реалистичными, что, казалось, будто ты параллельно живешь две разные жизни. Но, даже если и допустить такое, это был *ее* сон, настолько *личный*, что она даже не осмелилась описать в своей повести некоторые из его глубоко интимных моментов. Однако даже то, что она написала, могло быть известно исключительно ей одной...

— Я никак не представляю, — начала было она, но остановилась, не смея продолжить.

Ее соперница тоже не очень-то владела собой — уголки ее рта дрожали.

— Знаете, здесь не место говорить о таких вещах, — наконец проговорила Джейн, — я живу тут поблизости — давайте лучше пойдем ко мне.

Лейла согласилась.

Всю недолгую дорогу до квартиры Джейн обе женщины молчали, как будто набрали в рот воды. Только когда они, наконец, уселись в маленькой гостиной, Лейла заговорила:

— Как ты узнала? — спросила она с явной ненавистью в голосе.

— Что именно? — спросила Джейн не менее враждебно.

— О чем я пишу.

— Нападение иногда является лучшей формой защиты, — сказала Джейн ледяным тоном, — но только не в данном случае. Я впервые узнала о твоем существовании всего лишь час назад в кабинете редактора. Насколько я понимаю, ты услыхала мое имя там же, но несколько раньше. Это ставит нас в равное положение. Я знаю наверняка, что ты не читала мою рукопись, а я не читала твою. Обвинять друг друга в плагиате — лишь пустая трата времени. Важнее выяснить, что же произошло на самом деле. Я-я... — тут она замялась, не зная, как продолжить.

— Может, у тебя есть второй экземпляр твоей рукописи? — спросила Лейла Мортридж.

Джейн поколебалась, затем подошла к письменному столу, отомкнула нижний ящик и вынула пачку листов, отпечатанных под копирку. Не говоря ни слова, она вручила их Лейле. Та решительно взяла пачку. Она прочитала одну страницу и остановилась, вглядываясь в нее. Затем взялась за вторую, за третью... Джейн не выдержала, ушла в спальню и стала у окна, погруженная в свои мысли. Вернувшись в гостиную, она увидела на полу кипу прочитанных страниц, а рядом в кресле — рыдающую навзрыд Лейлу Мортридж.

Джейн села на диван с ощущением, будто что-то умерло у нее внутри и она вся одеревенела, но она понимала, что это чувство скоро пройдет и появится боль, боль от того, что ее волшебный сон убивают и что она вряд ли сможет жить без него дальше.

Сон впервые приснился ей около года назад. Место и время его действия были неопределенны, но это как-то не интересовало Джейн. Какая-то вечнозеленая Аркадия, может быть. Она лежала на берегу ручья на траве, мягкой и душистой, как зеленый бархат. Чистый прохладный ручеек журча бежал по белым камушкам, омывая ее спущенные босые ноги. Солнце ласково согревало ее обнаженные до плеч руки. На ней было простенькое белое ситцевое платье, по которому были разбросаны цветочки и резвящиеся амуры.

В траве тоже пестрели цветы — она не знала, как они называются, но могла бы описать их до мельчайших подробностей. Птичка, размером с синицу, присела рядом с ней на бережок и стала пить воду из ручья. Казалось, она совсем не боялась ее. Легкий ветерок шелестел среди высоких стеблей травы и серебристой листвы окружающих деревьев. Все ее существо впитывало солнечный свет, как будто это был волшебный эликсир.

Смутно ей вспомнился другой мир, полный суматохи и труда, но он мало интересовал ее: тот мир был сном, а этот — реальностью. Она живо ощущала прохладу ручья, воспринимала все цвета и звуки, как будто никогда раньше не была такой по-настоящему живой и причастной к природе.

Вдалеке показалась мужская фигура. Сердце ее затрепетало, и радостное возбуждение пробежало по все жилам. Тем не менее, она продолжала лежать, подложив одну руку под голову, и тяжелая шелковистая прядь волос спадала на щеку. Глаза ее прикрылись, но она совершенно отчетливо продолжала слышать все, что происходит вокруг.

Так она услышала его приближающиеся шаги и слабое дрожание земли под его ногами. Затем что-то легкое и прохладное коснулось ее груди, и свежий аромат цветов наполнил ее дыхание. Она открыла глаза: темная кудрявая голова юноши склонилась над ней. Загорелое лицо с карими глазами смотрело ей в лицо, а губы чуть-чуть улыбались. Она подняла обе руки и обвила ими его шею...

Вот так это все началось — сентиментальный сон подрастающей школьницы, но, тем не менее, невероятно сладкий. Она помнила, как она проснулась, переполненная счастьем, и как постепенно, под влиянием будничных дел и скучных людей, это счастье улетучилось. Помимо этого, у нее возникло чувство потери, как будто ее лишили того, что должно было принадлежать ей по праву.

На следующую ночь сон снова посетил ее, но это не было повторением прошлого сна, а его продолжением. Она никогда не слыхала, чтобы сны так продолжались, но, однако, это было так. Джейн окружал тот же пейзаж, те же люди, там был тот юноша и была она. Это был ее настоящий мир, населенный людьми, которых она знала с

детства. Там стоял домик, в котором ей было знакомо все до мельчайших подробностей и где, казалось, она прожила всю жизнь; была ее работа — бархатная подушечка с коклюшками, которыми она плела тончайшие кружева... Соседи, с которыми она переговаривалась, юноши и девушки, с которыми она вместе выросла, были совершенно настоящими и даже более реальными, чем мир ее журнала, моделей мод и редакторов, требующих, чтобы она вовремя сдавала свои статьи. В мире, который существовал наяву, она начала постепенно чувствовать себя какой-то усталой и скучной, в то время как в снившейся ей деревеньке она жила полной жизнью и была влюблена...

В течение первых двух недель Джейн неохотно открывала глаза по утрам, боясь, что сон ускользнет от нее. Но он продолжался, становясь с каждой ночью менее расплывчатым, более надежным, так что, наконец, она разрешила себе поверить, что он останется с ней навсегда. После этого повседневная жизнь не казалась уже ей столь унылой, как прежде: она начала воспринимать события и людей в ином свете, замечая детали, на которые раньше не обращала никакого внимания. Все как бы озарилось ее сном. Мир казался совсем иным от сознания, что стоило ей только сомкнуть глаза ночью, как она попадет в Аркадию и станет сама собой в подлинном смысле слова...

Там была та волшебная ночь, когда они оба, счастливые, лежа на подушках, наблюдали сквозь крону дубов, как багряное солнце опускается среди облаков за горизонт, слушали стрекот цикад и отдаленное соловьиное пение... Руки его были одновременно сильными и нежными, а она была мягкой и податливой, как спелый персик. Может быть, роза, размышляла она, чувствует себя подобным образом, когда раскрывает лепестки под лучами горячего солнца?

А затем они блаженно отдыхали, глядя на звезды и слушая все еще звучавшее пение соловья...

Проснувшись на следующее утро, она продолжала некоторое время лежать в постели с ощущением счастливой расслабленности, не обращая внимания на шум транспорта за окном и привычную обстановку своей комнаты. И вот тогда у нее впервые появилась мысль написать повесть обо всем пережитом во сне, книгу, предназначенную первона-

чально только для себя самой, чтобы никогда ничего не забыть.

Это была беззастенчиво сентиментальная повесть, какую она никогда раньше и не подумала бы написать, но она испытывала колоссальное удовольствие от самого процесса творчества и от воспоминаний пережитого. А потом она пришла к мысли, что, возможно, она не единственная женщина, которая устала жить в своей серой, лишенной всякого чувства скорлупе. Тогда она написала второй вариант книги, где несколько сократила чересчур интимные эпизоды и придумала новый конец.

И вот что из всего этого получилось таким неожиданным образом!

Первый бурный поток слез Лейлы Мортридж иссяк. Она вытерла платочком глаза, но все еще продолжала время от времени тихонько всхлипывать.

Тоном, выражающим необходимость относиться к делу практически, Джейн сказала:

— Мне кажется совершенно очевидным, что либо между нами существует какая-то телепатическая связь, либо мы просто обе видим один и тот же сон.

Миссис Мортридж снова зашмыгала носом.

— Этого не может быть, — заявила она решительно.

— Да, этого не может быть, но ведь так случилось, и поэтому мы должны найти какое-то объяснение этому явлению. Оно также невероятно, как и способность видеть сон, как будто это вовсе не сон, а телесериал.

Лейла Мортридж снова приложила платочек к глазам и задумалась.

— Я не представляю, — сказала она несколько чопорно, — как невинная девушка вроде тебя может вообще видеть подобные сны.

Джейн вытаращила глаза.

— Давай лучше не будем, — наконец сказала она, — потому что мне кажется столь же невероятным, что почтенная замужняя дама тоже видит такие сны.

— Этот сон разрушил мой брак, — печально призналась Лейла.

— А я потеряла жениха... Но как можно было продолжать с ним встречаться после того, как... Ну, да ты сама понимаешь...

— Конечно.

Некоторое время обе молчали. Затем Лейла Мортридж проговорила:

— А теперь *ты* все портишь...

— Твое замужество, что ли?

— Нет, этот сон.

— Ну, знаешь, хватит дурить. Мы обе оказались в одинаковом положении. Ты думаешь, мне очень приятно, что ты вламываешься в мой сон?

— Нет, это *мой* сон!

Джейн задумалась.

— Послушай, — сказала она наконец, — если нам обеим снится, что мы — это та девушка, то какая разница? Может быть, это вовсе и не отразится на наших ночных приключениях...

— Да, но сознание, что ты разделяешь их со мной, — прошептала Лейла, готовая вновь разреветься.

— А мне это нравится, что ли? — сказала Джейн холодно.

Прошло еще по крайней мере минут двадцать, прежде чем она избавилась от своей посетительницы. Вот тогда она, наконец, смогла сесть спокойно на диван и хорошенько выплакаться сама.

Сон не прекратился, как опасалась Джейн, и, к счастью, не был ничем омрачен. В этом обе женщины убедились, поговорив утром по телефону. Со временем между ними даже установились дружеские отношения, так как обеим, как школьницам, ужасно хотелось поделиться с кем-нибудь своими переживаниями. Это было так интересно!

Прошло три месяца, когда однажды вечером Лейла позвонила и, задыхаясь от волнения, спросила Джейн:

— Дорогая, ты читала сегодняшнюю "Вечернюю газету"?

— Нет еще, а что?

— Тогда немедленно раскрой ее на четвертой странице и прочитай Театральное обозрение. Там, во второй колонке... Но только не вешай трубку — я подожду.

Джейн взяла газету и нашла следующий анонс:

ДВОЙНАЯ РОЛЬ

В театре "Каунтесс" скоро состоится премьера "Идиллии", романтической пьесы, положенной на музыку. В ней мисс Розали Марбанк выступит в двойной роли — как "героиня" и как автор либретто. Это ее первая попытка в этом жанре, который не является ни музыкальной комедией, ни маленькой оперой, а просто спектаклем с музыкой, специально написанной к нему композитором Аланом Клитом. В пьесе рассказывается о любви скромной деревенской кружевницы...

Джейн дочитала абзац и застыла с газетой в руках. Треск из болтавшейся телефонной трубки вернул ее в действительность. Она подняла ее.

— Ну как, прочитала? — спросила Лейла.

— Да... — медленно ответила Джейн. — А ты с ней случайно не знакома?

— Никогда даже не слыхала ее имени. Но, по-моему, вполне ясно, о чем идет речь, не правда ли?

— Должно быть, — сказала Джейн задумчиво. — Однако следует все выяснить, — добавила она после некоторого молчания. — Я постараюсь выклянчить пару билетов на эту премьеру у нашего театрального критика. Ты сможешь пойти?

— О чем ты спрашиваешь!

Тем временем сон продолжался. На следующую ночь в деревне была ярмарка и какой-то праздник. Ее прилавок, с выложенными на нем для продажи кружевами, выглядел прелестно. Покупателей, правда, было мало. Когда он подошел, она сидела на траве рядом с ларьком и рассказывала двум очаровательным малышам сказку. Спустя некоторое время они закрыли ларек и пошли на лужайку танцевать. Когда взошла луна, они отделились от толпы и удалились под сень леса, забыв обо всем на свете...

Когда Джейн и Лейла пришли в театр, зал был уже полон. Они отыскали свои места в партере за несколько минут до начала спектакля. Наконец свет погас, и оркестр заиграл увертюру — приятную незатейливую музыку. Однако Джейн так волновалась, что не могла прислушиваться к ней. Она протянула руку Лейле, и та судорожно сжала ее. Обе уже жалели, что пришли, но, вместе с тем, понимали, что это было необходимо сделать, так как неведение было бы еще хуже.

Переходя от одной легкой мелодии к другой, оркестр, наконец, замолк, и занавес медленно поплыл вверх. Общий вздох прокатился по залу и затих в задних рядах.

На сцене девушка в белом платьице с цветами и резвящимися амурами по полю, лежала на зеленом берегу реки среди цветов и трав. Ее босые ноги были опущены в небольшой ручеек. Кто-то из зрителей, скорее зрительниц, то ли всхлипнул, то ли хихикнул, но на него тотчас же зашикали и тишина воцарилась снова.

Между тем девушка на сцене блаженно потянулась и улыбнулась, все еще не поднимая головы, так что прядь шелковистых волос падала ей на щеку. Публика затаила дыхание. Одинокий кларнет в оркестре начал наигрывать чувствительную мелодию. Теперь все глаза в зале были устремлены уже не на девушку, а на противоположную сторону сцены.

Молодой человек в зеленой рубашке и коричневых штанах появился из-за кулис. Он передвигался на цыпочках, держа в руках небольшой букет цветов.

При виде его общий вздох облегчения пронесся по залу.

Джей перестала сжимать с силой руку Лейлы — это был совсем *не тот* человек.

Он приблизился к девушке, лежащей на берегу, нагнулся и положил букетик ей на грудь. Затем сел рядом, облокотившись на колено, чтобы ему было удобнее смотреть на нее...

Именно в этот момент что-то заставило Джейн оторвать взгляд от сцены и повернуть голову, как будто ее притянул невидимый магнит. Сердце ее оборвалось, и она ухватила Лейлу за руку повыше локтя.

— Смотри, смотри скорее туда! — прошептала она, указывая на одну из лож бельэтажа.

Сомнений быть не могло: она знала это лицо, пожалуй, даже лучше, чем свое собственное, — каждый завиток волос, каждая черта, каждая ресница вокруг карих глаз были ей предельно знакомы. Это был *Он*. Она знала эту улыбку, с которой он сейчас наблюдал за происходящим на сцене, так хорошо, что у нее защемило в груди. Да, она знала об этом человеке все, совершенно все.

Затем внезапно она заметила, что взоры всех женщин в зале устремлены на ложу. Выражение, написанное на их лицах, испугало ее, заставило еще сильнее прижаться к Лейле.

В течение нескольких последующих минут мужчина в ложе продолжал смотреть на сцену, не замечая, что происходит вокруг. Затем что -то — может быть, напряженная тишина зрительного зала, заставило его повернуть голову.

Увидев сотни женских глаз, устремленных прямо на него, он перестал улыбаться.

Тишину резко нарушили истерические вопли, раздавшиеся одновременно в нескольких местах по залу.

Мужчина постоял в ложе еще пару минут, затем на его лице появилось выражение тревоги и, быстро повернувшись, он решительно шагнул вглубь ложи. Из партера нельзя было видеть, что там произошло, но он снова появился в ложе и у всех на виду стал отступать от двери спиной к барьеру. Вслед за ним появилось несколько женщин. Их искаженные ненавистью лица заставили Джейн содрогнуться. Когда мужчина на минуту повернул лицо к залу, было видно, что он смертельно напуган. Женщины наступали на него, словно разъяренные фурии.

Чуть поколебавшись, он перебросил ногу через барьер ложи и выбрался наружу. Очевидно, он собирался перелезть в соседнюю ложу. Упираясь одной ногой в кронштейн светильника, он пытался ухватиться рукой за край барьера. В тот же момент две женщины из прежней ложи ухватили его за другую руку. Какой-то ужасный миг он висел между двух лож, стараясь сохранить равновесие, затем рухнул головой вниз в проход между креслами партера.

Джейн прикусила губу, чтобы не закричать, но даже если бы она закричала, никто бы не заметил этого — такой крик и визг стояли кругом...

Вернувшись домой, Джейн долго сидела перед телефоном, прежде чем поднять трубку и набрать номер своего журнала. Наконец она решилась:

— Это ты, Дональд? — спросила она дежурного репортера деланно равнодушным голосом. — Это Джейн. Ты случайно ничего не знаешь о том человеке, который сегодня упал с балкона в театре "Каунтесс"?

— Знаю, конечно, — я как раз пишу о нем некролог. А что бы ты хотела знать?

— Да ничего особенного — просто, кем он был и так далее...

— Его звали Дэзмонд Хейли. Тридцати пяти лет от роду. У него, оказывается, была масса всяких ученых званий — в основном в области медицины. Специализировался как психиатр, написал целый ряд научных трудов. Самая известная его книга — это "Психология толпы и эпидемия истерии" Не так давно опубликовал статью под заглавием "Гипноз и вызываемые им массовые галлюцинации" — довольно мудреная работа, не для рядового читателя. Он жил в... эй, что там с тобой?

— Да ничего, — ответила Джейн, стараясь казаться спокойной.

— Ты, часом, не была с ним знакома?

— Нет, — сказала Джейн твердо, — нет, я никогда его не встречала.

Она аккуратно положила трубку на рычаг, внешне спокойно прошла в соседнюю комнату, так же спокойно и печально опустилась на постель и тут-то позволила себе дать волю слезам.

А кто мог бы сказать, сколько еще горьких слез было пролито в ту ночь на бесчисленные подушки от того, что волшебный сон не приснился вновь и не мог уже присниться никогда?..

ДИКИЙ ЦВЕТОК

Только не мисс Фрей — кто угодно, но не Фелисити Фрей!

Пусть другие вскакивают от звонка будильника, смывают с лица паутину сна, быстро одеваются и с нетерпением ждут, когда закипит кофе. Пусть они его пьют, обжигаясь, и затем бегут по своим делам, словно роботы на батарейках, чтобы заключать новые сделки и вершить великие дела...

Пусть они это делают, но не Фелисити Фрей. Ведь сегодня — это продолжение вчерашнего дня, а сегодня и вчера составляют то, что называется жизнью. Жить — значит не просто тикать, как стенные часы. Жизнь — это что-то непрерывное, в чем ничто не повторяется, что-то, о чем надо помнить всегда, и во сне и наяву. Ведь она может продлиться совсем недолго...

Вот поэтому-то не надо спешить. Мисс Фрей и не спешила — она не бросалась очертя голову в новый день, а, проснувшись на заре, лежала неподвижно, слушая пение птиц и наблюдая, как светлеет небо.

Когда птицы замолкали и отправлялись на ежедневные поиски пищи, мир становился почти беззвучным, и Фелисити испытывала беспокойство. Затаив дыхание, она ожидала хоть какого-нибудь звука, чтобы убедиться, что все в порядке, что мир еще не прекратил свое существование, как это может случиться однажды.

Возможно, даже сейчас, в эту самую минуту, где-то на земле поднимались к небу столбы дыма, извивающиеся, как щупальца Медузы, отмечая собой начало той тишины, которая явилась бы концом мира. Эти столбы всегда присутствовали в подсознании Фелисити, она уже давно ненавидела и боялась их, так как они были для нее символом победившей Науки. Может быть, Наука и являла собой что-то замечательное, но для Фелисити она была врагом всего живого на свете. Она была для нее каким-то кристаллическим образованием на обнаженной коре мозга, чем-то бесчувственным, бессмысленным и вместе с тем страшной угрозой, которая внушала ей страх так, как огонь внушает страх животным.

© Перевод на русский язык М Бирман, 1993

Вот почему Фелисити и прислушивалась так тревожно к тишине. Наконец, какая-то птичка чирикнула, а другая ей ответила. Во дворе расположенной неподалеку фермы затарахтел трактор. Хотя он тоже был порождением Науки, все же этот звук успокоил мисс Фрей. Она вздохнула с облегчением и начала собираться на работу. Времени у нее было достаточно, чтобы не спеша полем по тропинке направиться к школе.

Солнце еще висело низко на синем небосводе. Позднее день обещал быть жарким, но пока было свежо, и хрустальные росы дрожали на листьях и травах. Медлительные и терпеливые коровы, выходящие из своих стойл с облегченным выменем, смотрели на мисс Фрей без особого любопытства, а затем отворачивались, чтобы пощипать траву и задумчиво пережевывать жвачку.

Высоко в небе запел жаворонок, отвлекая ее от своего гнезда. Молодой дрозд подозрительно взглянул на нее с верхушки живой изгороди. Легкий летний ветерок продувал ее ситцевое платье и ласкал тело.

Вдруг в небе послышался слабый гул. Гул нарастал и перешел в рев. Затем над головой Фелисити раздался раздирающий уши вой, исходящий из сопел реактивного самолета — Наука в полете.

Мисс Фрей закрыла уши руками и закачалась, пока звуковые волны проносились над ее головой.

Самолет пролетел, и она отняла руки. Со слезами на глазах она погрозила кулаком вслед удаляющемуся реактивному зверю и всему, что он собой олицетворял, в то время как воздух все еще продолжал дрожать.

Коровы мирно паслись. Как хорошо, должно быть, родиться коровой, подумала Фелисити, ни тебе ожиданий, ни сожалений, ни тревог — полное безразличие ко всему, хорошему и плохому, созданному человеком; можно просто отмахнуться от всего хвостом, как от надоедливых мух...

Вой и скрежет самолета затихли вдали. Нарушенное спокойствие начало постепенно восстанавливаться. Но это не означало, что не может наступить день, когда потрясений будет так много, что ничего нельзя уже будет восстановить.

Репетиции смерти, подумала мисс Фрей, множество маленьких смертей, прежде чем наступит одна огромная.

Как глупо, что я принимаю это так близко к сердцу, что я чувствую себя виноватой перед всем человечеством... Ведь я не несу никакой ответственности за то, что происходит — даже не очень-то опасаюсь за свою собственную жизнь. Так почему же страх за всех и вся так сильно охватывает меня?

Фелисити прислушалась — ничто, кроме пения птиц, больше не нарушало тишину. Она снова зашагала к школе, ощущая легкий ветерок на лице и росу на ногах.

Когда Фелисити открыла дверь класса, класс, гудевший, словно улей, тут же замолк.

Ряды розовощеких детских мордашек в обрамлении длинных локонов, коротких волос или косичками, немедленно повернулись в ее сторону.

— Доброе утро, мисс Фрей, — сказали дети хором и снова замолчали.

Фелисити ощутила в классе атмосферу ожидания и огляделась по сторонам, ища глазами то, на что, по-видимому, она должна была обратить внимание. Наконец взгляд ее упал на учительский стол, где в небольшой стеклянной вазочке стоял одинокий цветок.

Она никогда раньше не видала таких цветов и была в затруднении, как его классифицировать.

Не сводя с цветка глаз, Фелисити села за стол, продолжая внимательно рассматривать диковинное растение. Цветок был не так прост, как полевые цветы, однако и не слишком сложен. Он был окрашен в чистые тона, а форма лепестков была приятной для глаз, но без излишней строгости выращенных садовником цветов. У основания лепестки были бледно-розового цвета, постепенно переходящего в алый; по форме они образовывали трубочку, чем несколько напоминали орхидею, но Фелисити никогда не видала подобных орхидей. Нагнувшись, она заглянула внутрь цветка. Маленькие серповидные тычинки, покрытые пыльцой, дрожали на тонких зеленых ножках. Внутренняя сторона лепестков была нежно-бархатистой, а сами лепестки закруглялись к краям, словно былинки, колыхающиеся на ветру. От цветка исходил приятный, несколько сладковатый запах, чуть-чуть смешанный с запахом земли, — никакая пар-

фюмерия, конечно, не могла бы сравниться с этим естественным ароматом.

Фелисити смотрела на цветок, как зачарованная, не имея сил оторвать от него взгляд и позабыв, что вокруг нее были замершие в ожидании дети. Кто-то из них заерзал, и она вернулась к действительности.

— Спасибо, — сказала она, — это прекрасный цветок. Как он называется?

Было похоже, что никто не знал.

— А кто его принес?

Маленькая девочка, сидевшая во втором ряду, слегка покраснела и сказала:

— Я, мисс Фрей.

— А ты не знаешь, что это такое, Мариель?

— Нет, мисс Фрей. Я просто нашла его, подумала, что он очень красивый и должен вам понравиться, — объяснила девочка, немного смущаясь.

Фелисити снова взглянула на цветок.

— Он мне очень нравится, Мариель, это просто восхитительный цветок! Как мило, что ты решила подарить его мне!

Полюбовавшись цветком еще минуту, мисс Фрей осторожно отодвинула вазочку с середины стола и взглянула на детей.

— Как-нибудь я почитаю вам стихи Уильяма Блейка. Там есть такие строки: "Увидеть мир в зерне песка и небо — в чашечке цветка..." Но теперь вернемся к нашим занятиям, а то мы и так потратили много времени.

Когда дети выходили из класса после уроков, мисс Фрей попросила Мариель задержаться на минутку.

— Еще раз спасибо за цветок, — сказала она. — Он что — был единственный там, где ты его нашла?

— О, нет, мисс Фрей, их там было три или четыре кустика.

— А где это было? Мне бы хотелось иметь один с корнями.

— Я нашла эти цветы на ферме мистера Хоукинса, в том конце поля, где разбился самолет, — сказала девочка.

— Где разбился самолет... — повторила Фелисити.

— Да, мисс Фрей.

Фелисити снова опустилась на стул и уставилась на цветок. Девочка ждала, переминаясь с ноги на ногу.

— Можно мне идти? — спросила она наконец.

— Да-да, конечно, — ответила мисс Фрей, не поднимая глаз.

Девочка убежала.

Самолет разбился около года назад, тихим летним вечером, когда и люди, и природа готовились ко сну. Самолет нарушил тишину своим воем. Он казался крестиком из серебряной фольги на фоне светлого неба. Фелисити, вопреки своей привычке не обращать на самолеты внимания, подняла голову и посмотрела на аэроплан. Вне всякого сомнения, он был красив, похожий на серебристую ночную бабочку. Он повернулся в небе, и лучи заходящего солнца засверкали на его крыльях. Затем внезапно среди серебра вспыхнуло розово-алое пламя, и серебристая бабочка перестала существовать. Обломки блестящей фольги разлетались в разные стороны и падали на землю. За самым большим обломком, словно черный похоронный шлейф, тянулся дым.

Ужасный треск оглушил Фелисити. Казалось, что обломок падает прямо на нее. Она бросилась ничком на землю, закрыв голову и уши руками, невольно желая, чтобы земля поглотила ее.

Почва под Фелисити заколыхалась, затем послышался удар и скрежет металла. Она подняла голову и увидела всего в ста ярдах от себя исковерканное серебристое тело воздушного корабля, окруженное пляшущими языками пламени... Фелисити снова уткнулась лицом в землю. Она не смела пошевелиться, так как с минуты на минуту ожидала взрыва и боялась, что металлические осколки вопьются в тело. Она продолжала лежать, пока, наконец, не подоспели спасатели и подобрали ее.

Шок, сказали они, шок и страх. Они оказали ей первую помощь и отправили домой, велев провести в постели несколько дней, чтобы успокоиться и прийти в себя. Но как можно было успокоиться, когда все, что произошло, продолжало вертеться у нее в голове! Она оплакивала разрушения, причиненные огнем и дымом, вспоминала грохот и переполох, оплакивала людей, погибших в катастрофе, и всю глупость и бессмысленность мира, который допускал

такие вещи и будет продолжать делать это до тех пор, пока две последние критические массы не столкнутся в смертельной схватке.

О Боже, молилась она, неужели Ты не можешь их остановить? Ведь этот мир принадлежит не только им, чтобы делать с ним, что они хотят. Это и Твой мир и мой — мир души, который они разрушают своим мозгом. Прошу Тебя, Боже, — пока еще есть время, уйми их, как Ты это сделал, разрушив их самоуверенность при возведении вавилонской башни. Неужели Ты не в состоянии сделать это снова, пока еще не поздно?

Сейчас, глядя на прекрасный цветок на учительском столе, Фелисити вспомнила, как она молилась тогда, после катастрофы.

Место, где разбился самолет, окружили забором и поставили у него часовых, чтобы никто не подходил близко. Затем люди в защитной одежде ползали по участку со счетчиками в руках, прислушиваясь к чему-то и разыскивая что-то.

Все дело в кобальте, говорили они. Фелисити очень удивлялась, что эта красивая краска, употребляемая художниками для изображения глубокой синевы моря, могла быть опасной; но, как оказалось, это был другой кобальт, очень вредный. Значит, ученые испортили и его...

Мисс Симпсон, которая преподавала в школе физику и природоведение, объяснила Фелисити, что он не всегда смертелен — все зависело от дозы. На борту разбившегося самолета, оказывается, находилась свинцовая коробка с радиоактивным кобальтом, предназначенном для какой-то больницы. Во время крушения или во время первого взрыва коробка раскрылась. Это было чрезвычайно опасно, и поэтому кобальт необходимо найти.

— Почему опасно? — спросила Фелисити, и мисс Симпсон популярно объяснила ей, как действуют гамма-лучи на живую материю.

Прошло несколько недель, прежде чем искатели ушли удовлетворенные. Они не обнаружили следов радиоактивного кобальта, часовых сняли, но забор вокруг злополучного места все же остался — просто как обозначение границы участка, который не следовало вспахивать в тот год.

И вот из грохота, из разрушения, из огня и радиации родился прекрасный цветок.

Фелисити продолжала смотреть на него. Затем она подняла глаза на опустевшие парты, где недавно сидели розовощекие дети.

— Теперь я понимаю, — сказала она в пустоту. — Оказывается, я была слишком слаба в Вере.

Мисс Фрей не очень-то хотелось идти на место аварии одной. Поэтому она попросила Мариель сопровождать ее в субботу и точно указать место, где росли диковинные цветы.

Когда они пересекли луг и подошли к участку поля, огороженному забором, который уже повалился в некоторых местах, то увидели на участке мужчину, одетого в рубашку и джинсы, который как раз снимал с плеча тяжелый металлический цилиндр. Фелисити узнала в нем младшего сына фермера, хозяина поля.

— Нелегкая работенка таскать на себе три галлона гербицида в такую жару, — сказал он извиняющимся тоном, вытирая платком пот с лица.

Фелисити посмотрела на землю. Среди разных сорняков она увидела несколько кустиков того растения. Один из них был уже раздавлен металлическим цилиндром.

— Ой, — воскликнула Мариель, — вы уничтожили эти цветы, а мы как раз и пришли за ними...

— Пожалуйста, соберите их, я не возражаю, — ответил парень.

— Но мы хотим выкопать их с корнями, чтобы потом посадить в саду, — чуть не плача объяснила девочка. — Ведь они такие красивые!

— Это точно, — согласился парень, — но вы опоздали, я их уже опрыскал. Нельзя же было допустить, чтобы они разрослись и засорили поле! Но вы можете набрать букет — этот гербицид не ядовитый, он состоит из каких-то гормонов, которые не позволяют растениям развиваться, и они гибнут. Удивительные вещи придумывают теперь ученые, верно? Никогда не знаешь, что им придет в голову!

Мисс Фрей и Мариель собрали по небольшому букетику обреченных цветов. Они все еще были восхитительны и не утратили свой тонкий аромат.

— Какие они красивые, — повторила Мариель с грустью в голосе.

Фелисита обняла ее за плечи.

— Да, они очень красивые, и они погибли. Но главное — это то, что они появились. Это замечательно! Значит, они будут расти — если не здесь, на этой опаленной земле, то где-нибудь еще. Природа возьмет свое!

Реактивный самолет пронесся с воем над их головами, разрывая воздух. Мариель закрыла уши руками. Фелисити же стояла, подняв кверху голову и смотрела, как самолет удалялся, становясь все меньше и меньше на фоне потревоженного неба. Она подняла руку с букетиком цветов и погрозила им нарушителю спокойствия.

— Вот мой ответ вам, бандиты, — это сильнее вас, со всеми вашими взрывами и клубами дыма!

Мариель отняла руки от ушей.

— Я их ненавижу, ненавижу! — сказала она, провожая глазами серебристую точку в небе.

— Я тоже их ненавижу, — согласилась мисс Фрей, — но я их больше не боюсь, потому что я верю в силы Природы: эти цветы — доказательство тому. Они мое оружие в борьбе со злом, мой эликсир жизни. Как сказал поэт:

Это вино из цветов, сердцу милых, —
Оно обладает целебною силой...

НЕИСПОЛЬЗОВАННЫЙ ПРОПУСК

Умирать в семнадцать лет ужасно романтично, если, конечно, при этом соблюдать все надлежащие приличия. Лежишь вся такая красивая, хоть и немного бледная, с одухотворенным лицом, утопая в подушках; оборочки нейлоновой сорочки выглядывают из-под ажурной шерстяной кофточки; волосы мерцают в свете ночника. Тонкая рука покоится на розовом шелке одеяла...

А какая выдержка, какое терпение, благодарность ко всем проявляющим о тебе хоть малейшую заботу, полное прощение докторам, чьи надежды ты не оправдала, сочувствие к оплакивающим, смирение, твердость духа... Нет, это все просто восхитительно, печально-романтично и не так уж страшно, как принято считать, особенно, если ни минуты не сомневаешься, что попадешь прямо в рай. А в этом Аманда не сомневалась никогда.

Как ни старалась, она не могла припомнить о себе ничего заслуживающего упрека. Те два или три мелких грешка, совершенные в раннем детстве, вроде подобранной на улице монетки, на которую она купила конфет, или яблока, свалившегося с телеги прямо ей в руки, или даже страх признаться в том, что это она воткнула булавку в стул Дафнии Дикин, не станут препятствием, уверил ее преподобный отец Уиллис, к тому, чтобы ей выдали пропуск прямо в рай. Таким образом получилось, что у нее даже были некоторые преимущества перед теми, кому предстояло прожить долгую жизнь и не раз согрешить. Забронированное место в раю, безусловно, должно было компенсировать ранний уход из жизни.

Однако ей очень хотелось представить, что же ожидает ее на небесах. Хотя преподобный отец Уиллис был совершенно уверен в существовании рая, он говорил о нем лишь в общих чертах, не вдаваясь в подробности и стараясь увильнуть от настойчивых расспросов Аманды.

По правде сказать, получалось, что все окружавшие Аманду или ничего не знали о рае, или отказывались обсуждать его устройство. Так лечивший Аманду доктор Фробишер признавал свое полное невежество в этом вопросе и всегда старался направить беседу в менее, как он

© Перевод на русский язык М.Бирман, 1993

выражался, мрачное русло, хотя Аманда никак не могла взять в толк, почему разговор о таком волшебном месте, как рай, считался мрачным. Примерно то же самое получалось и с мамой. Стоило Аманде завести речь о рае, как глаза миссис Дэй затуманивались, она лепетала что-то невразумительное и тотчас предлагала дочери побеседовать о чем-нибудь более веселом.

Но, несмотря ни на что, все-таки было приятно сознавать, что тебя признали достойной рая и никто об этом даже не спорит. Ее болезнь кто-то назвал медленным угасанием, но самой Аманде приятнее было думать о себе, как о цветке, роняющем лепестки один за другим, пока однажды не останется ничего, а все вокруг будут плакать и говорить, какой она была терпеливой и мужественной и как теперь ей должно быть хорошо на небесах...

И, наверно, так бы оно и было, если б не привидение. Сначала Аманда даже не поняла, что это привидение. Когда она проснулась ночью и увидела кого-то стоящего у двери, ей подумалось, что это ночная сиделка. Потом она сообразила, что на сиделке, вероятно, кроме шелковых трусиков и коротенькой комбинашки должно быть надето еще что-нибудь и к тому же вряд ли в темноте ее было бы так хорошо видно. Заметив Аманду, привидение несколько удивилось.

— Ах, простите, пожалуйста, за вторжение, — сказало оно, — я думала, что вас здесь уже нет, — и повернулось, чтобы уйти.

Привидение оказалось на редкость нестрашное — девушка с приветливым лицом, рыжеватыми волосами и широко открытыми глазами. У нее были очаровательные ручки и ножки, а фигурке могла позавидовать всякая женщина. Аманда подумала, что девушка старше ее лет на семь или восемь.

— Пожалуйста, не уходите, — повинуясь мгновенному импульсу, попросила Аманда.

Привидение обернулось с некоторым удивлением.

— А вы не боитесь меня? — спросило оно. — Знаете, люди обычно так пугаются, что даже визжат.

— Непонятно, почему, — сказала Аманда. — Но мне-то вообще пугаться нечего, я сама, наверно, скоро стану похожей на привидение.

— Ну, что вы, — вежливо возразило привидение.

— Садитесь сюда, — пригласила Аманда, — если вам холодно, можете завернуться в одеяло.

— К счастью, холод меня не беспокоит, у меня совсем другие заботы, — ответило привидение и уселось на край постели, изящно закинув ногу на ногу.

— Меня зовут Аманда, — представилась хозяйка.

— А меня Вирджиния.

Последовала небольшая пауза.

Аманда сгорала от любопытства, наконец не выдержала и спросила:

— Простите, если я задаю бестактный вопрос, но как это случилось, что вы стали привидением? Ведь обычно после смерти люди сразу попадают либо в одно место, либо в другое, если вы понимаете, что я имею в виду.

— Да, понимаю: либо в рай, либо в ад, но все это не так просто, как вам кажется. Вот у меня, например, особый случай: пока что я нечто вроде перемещенного лица. Мое дело все еще в стадии рассмотрения — вот я и блуждаю, пока они там наверху решат, что со мной делать.

Аманда ничего не поняла.

— Как это? — спросила она в недоумении.

— Ну, видите ли, когда муж меня задушил, все сначала решили, что это обыкновенное убийство, но потом кто-то поднял вопрос, не было ли провокации с моей стороны. И вот, если они решат, что я нарушила какую-то там статью, то все подведут под самоубийство, и тогда мои дела плохи. Конечно, я подам апелляцию, ссылаясь на более раннее встречное провоцирование — ведь мой муж из тех тихонь, что и святую выведут из себя. По правде говоря, я действительно немного перегнула палку, но если бы вы его знали, вы бы меня поняли.

— А как это, когда тебя душат? — полюбопытствовала Аманда.

— Ужасно неприятно, — ответила Вирджиния, — и если б я знала, что в результате буду вот так околачиваться, то вела бы себя благоразумней.

— Как жаль, — вздохнула Аманда, — а я думала, хоть вы сможете рассказать мне о рае...

— О рае? А зачем вам?

— Да, видите ли, я, наверно, скоро попаду туда и хотела бы узнать хоть что-нибудь...

— О Господи! — воскликнула Вирджиния, еще шире раскрыв глаза от удивления.

Аманда не поняла реакции Вирджинии — ведь попасть на небо казалось ей стремлением очень разумным.

— Бедняжка, — сострадательно вздохнула Вирджиния.

— Но почему же? — спросила Аманда немного раздраженно.

— Видите ли, исходя из моих личных наблюдений, я бы не очень-то спешила туда...

— Так ты была там?! — от волнения Аманда перешла на "ты".

— Да пробежалась немного, но не везде, конечно, — призналась Вирджиния.

— Ну, рассказывай, рассказывай поскорее!

Вирджиния задумалась.

— Сперва, — начала она, — я попала в восточное отделение. Там все необыкновенно роскошно — как в цветном кино. Все женщины носят прозрачные шаровары, чадру и массу драгоценностей. А мужчины все бородатые и в чалмах, и вокруг каждого толпа женщин, будто они хотят получить автограф. На самом же деле автографами тут и не пахнет. Время от времени мужчина выбирает из толпы какую-нибудь красотку (но, конечно, не тебя) и с ней удаляется, а тебе приходится искать другого, вокруг которого своих баб полно, и они злятся, если втискиваешься в их толпу. Ужасно обидно получается.

— И это все? — спросила Аманда разочарованно.

— Более или менее. Ну, можно еще, конечно, кушать рахат-лукум.

— Но ведь это совсем не то, что я думала! — прервала ее Аманда.

— Видишь ли, там есть и другие отделения. Вот в скандинавском, например, все совершенно по-другому. В этом отделении все время уходит на то, чтобы бинтовать и промывать раны героям да еще варить им бульон. Хорошо тем, у кого есть хоть какое-нибудь медицинское образование, а по мне так там слишком много крови. К тому же эти герои — те еще типы, даже не взглянут на тебя. Они или хвастаются своими подвигами, или лежат пла-

стом, а то вскакивают и отправляются получать новые раны. Такая тоска!

— Это ведь совсем не то... — начала было Аманда, но Вирджиния продолжала:

— Однако самая отчаянная скука — в отделении нирваны. Сплошь одни интеллектуалы. Женщин туда вообще не пускают, даже вывеска висит на стене, но я все-таки заглянула через забор. А там...

Но Аманда решительно прервала ее.

— Когда я говорю о рае, — сказала она, — я имею в виду тот самый обыкновенный рай, о котором нам рассказывали в детстве, но никогда толком не объясняли, как он выглядит.

— Ах, этот... — протянула Вирджиния разочарованно. — Но, милочка, там все так чопорно, что ей-богу не советую. Сплошь хоровое пение псалмов. Конечно, все в наилучшем стиле, но уж слишком серьезно. И музыка однообразная — одни трубы и арфы. И все ходят в белых платьях. Все ужасно, как тебе это сказать, антисептично? Нет, аскетично! А потом, у них там закон, запрещающий жениться, представляешь? Поэтому никто даже не осмеливается пригласить тебя после концерта в кафе — боятся, что их арестуют. Святым, конечно, все это очень нравится... — тут она остановилась. — А ты часом не святая?

— Н-не думаю, — ответила Аманда не слишком уверенно.

— Ну, если нет, то я искренне не советую тебе туда соваться.

Вирджиния продолжала свой рассказ. Аманда слушала ее с растущей тревогой. Наконец не выдержала:

— Неправда все это, неправда! — закричала она. — Ты нарочно так говоришь, чтобы испортить мне настроение. Я так радовалась, что попаду на небо, а теперь... Это просто подло и жестоко с твоей стороны. — На глаза Аманды навернулись слезы.

Вирджиния смотрела на нее молча. Затем снова заговорила:

— Но, Аманда, дорогая, ты же просто ничего не понимаешь. Ведь все, что я тебе рассказала, весь этот рай — он только для мужчин, а для женщин — это же сущий

ад! Не знаю почему, но до сих пор никто так и не удосужился спроектировать рай для женщин. Честно говоря, я бы на твоем месте держалась подальше от этого мужского рая. Между нами девочками говоря...

Тут Аманда больше не могла сдерживать слезы и разрыдалась, уткнувшись носом в подушку. Когда же она подняла голову, Вирджинии уже нигде не было. Аманда поплакала, поплакала и уснула.

Но все, что она узнала от Вирджинии, так на нее подействовало, что неожиданно для всех Аманда стала поправляться. А когда выздоровела окончательно, вышла замуж за бухгалтера, который представлял себе рай в виде компьютера, что, согласитесь, для молоденькой женщины не представляет ровно никакого интереса.

НЕОТРАЗИМЫЙ АРОМАТ

Хотя она и ждала этого момента уже целых полчаса, мисс Меллисон вздрогнула, когда дверь, наконец, скрипнула и знакомый голос произнес:

— Доброе утро, мисс Мэллисон!

— Доброе утро, мистер Элтон, — ответила она, не поднимая головы и не отрывая глаз от делового письма, лежавшего перед ней на столе.

Пока он снимал пальто и шляпу и вешал их на вешалку, она встала из-за стола, подошла к картотеке и, повернувшись к нему спиной, стала рыться в карточках. Лицо ее пылало. По опыту она знала, что это скоро пройдет и тогда она сможет работать более или менее спокойно весь день, но чему опыт никак не мог ее научить, так это, как избежать повторения данного неприятного явления каждое утро.

Наконец лицо ее стало приходить в норму, и она смогла повернуться. Мистер Элтон просматривал утреннюю почту. Это был молодой человек приятной наружности, не слишком высокого роста, но крепкого телосложения. У него были темные курчавые волосы, слегка наивные глаза и приветливо улыбающийся рот. Эти-то черты и делали его особенно милым и привлекательным для мисс Мэллисон.

— Кажется, у нас сегодня нет никаких деловых встреч, кроме ленча с мистером Гросбюргером, не так ли? — спросил он.

— Да, мистер Элтон, только ленч.

— Не преуменьшайте его значения. Мистер Гросбюргер может нам помочь составить целое состояние.

Мисс Мэллисон только кивнула в ответ.

— Вы не верите?

— Да как вам сказать... Что-нибудь неожиданное всегда всплывает в последнюю минуту, и планы рушатся, — грустно заметила мисс Мэллисон.

— Но теперь-то я буду умнее — я не стану больше пускаться ни в какие авантюры. Я получил хороший урок. Теперь я знаю, что не надо стремиться изобретать что-то новое — лучше попытаться усовершенствовать уже известный продукт, широко разрекламировать его преимущества перед товарами своих конкурентов, и дело в шляпе.

© Перевод на русский язык. М.Бирман, 1993

— Дай-то Бог, мистер Элтон, — сказала мисс Мэллисон.

— Глубокой уверенности в успехе — вот чего вам не хватает, мисс Мэллисон. Ну, я пошел в лабораторию. Да, не забудьте, пожалуйста, что надо писать "продукт", а не "продакт", когда будете печатать письма. Пока, дорогуша!

Оставшись одна, мисс Мэллисон достала из сумочки зеркальце и стала изучать свое лицо. Это было, без сомнения, очень миленькое лицо, по форме напоминающее сердечко, с аккуратным носиком, не слишком тонкими губами, гладким лбом и карими глазами, смотрящими из-под бархатистых бровей. Легкий персиковый оттенок щек придавал лицу особую свежесть. Однако таких лиц было тысячи, а то и миллионы, а если принять во внимание последние достижения в области косметики, то редкая девушка не казалась теперь хорошенькой. Да, и что говорить, конкуренция была действительно огромной...

Мисс Мэллисон со вздохом убрала зеркальце и деловито заправила лист бумаги в пишущую машинку. Она начала печатать, но одновременно мысли ее устремились к мистеру Элтону. Как его не дооценивали! — негодовала она. Во времена Эдисона он мог бы стать всемирно известным изобретателем, настоящим национальным героем. А теперь на него смотрят, как на зануду, и рады платить ему только за то, чтобы он ничего не изобретал, все его изобретения и рационализаторские предложения кладут под сукно. Но дело ведь не только в деньгах. Изобретатель — это творец, который хочет, чтобы его детище жило и приносило людям пользу, а не лежало на полке. Взять хотя бы последний случай, когда он изобрел невоспламеняющуюся бумагу. Едва узнав об этом, главы страховых компаний и магнаты лесной промышленности так заволновались, что пригрозили закрыть лабораторию мистера Элтона, а перепуганный персонал предупредил его, что если он еще раз придумает нечто подобное, они все подадут заявление об уходе.

И вот теперь он снова затеял авантюру, да еще в такой области, как косметика и парфюмерия, где он ровно ничего не смыслит. А там тоже не дураки сидят. Он говорит, что в прошлый раз получил хороший урок, но, видно, он ему не пошел на пользу и его опять раздавят, как таракашку. Правда, он всегда умудряется получать неплохие

отступные, но настроение после этого у него делается ужасное, и все сотрудники должны ходить вокруг него на цыпочках недели две.

Да, ему явно нужна опора в жизни, кто-то, кто бы был всегда рядом с ним и мог морально его поддерживать и вообще заботиться о нем...

Тут мисс Мэллисон случайно бросила взгляд на часы, ужаснулась и бешено застучала по клавишам своей машинки.

В половине первого мистер Элтон снова появился в конторе. Он подписал бумаги, отпечатанные мисс Мэллисон, и стал натягивать пальто.

— Ну, не пожелаете ли мне удачи, мисс Мэллисон? — спросил он.

— Да-да, конечно, мистер Элтон.

— Но, тем не менее, вы смотрите на меня, как на ребенка, которого нельзя выпускать гулять одного.

Мисс Мэллисон слегка покраснела.

— Ах, что вы, мистер Элтон, просто я...

— На этот раз можете не волноваться — я не собираюсь производить никаких революций. Видите этот пузырек? — сказал он, доставая из кармана небольшой флакончик. — Так вот, я только скажу мистеру Гросбюргеру, что одной капли этой жидкости, опущенной в любые духи достаточно, чтобы все его конкуренты отступили. Такие вещи делаются каждый день. Это называется "ингредиент X", или что-либо подобное. Никакого переворота.

— Да, мистер Элтон, — сказала мисс Мэллисон не совсем уверенно.

Он спрятал пузырек обратно в карман. При этом нащупал в кармане какую-то бумажку.

— Ах да, совсем забыл, — вот формула этого препарата. Не лучше ли убрать ее в сейф, как вы думаете?

— Конечно, мистер Элтон, я ее немедленно уберу, и от всего сердца желаю вам удачи.

— Спасибо, спасибо. Я, наверно, вернусь еще до вашего ухода.

Некоторое время мисс Мэллисон продолжала сидеть, уставившись на дверь, за которой исчез мистер Элтон. По-

том она перевела взгляд на стол и увидела перед собой конверт с надписью:

Средство для улучшения качества парфюмерии
Формула номер 68

Она раскрыла конверт, бегло пробежала глазами химическую формулу на листке бумаги и следующую за ней приписку, озаглавленную: "Специфические свойства препарата". Несколько минут после этого мисс Мэллисон пребывала в задумчивости, затем снова прочитала все, уже с большим интересом и вниманием. Затем снова задумалась... А затем приняла решение.

Она спрятала конверт с формулой в ящик стола, встала и направилась в лабораторию.

Мистер Деркс был в лаборатории один — все другие сотрудники ушли обедать. При виде секретарши мистера Элтона он застыл с пробиркой в руках.

— Ах, мисс Мэллисон, какой подарок судьбы — мы можем побыть вдвоем почти целый час! Как часто я мечтал об этом! Вы такая, такая...

— Оставьте ваши излияния, мистер Деркс, — сказала мисс Мэллисон с некоторым раздражением. — Я пришла сюда не за этим. Где бутыль с препаратом номер 68? Мистер Элтон просил меня спрятать его в сейф.

— Это очень благоразумно с его стороны.

Он окинул взглядом полку с бутылями, нашел ту, что требовалась, снял ее и вручил мисс Мэллисон. Бутыль была почти полной.

— Будьте с ней осторожны, — сказал мистер Деркс, — эта жидкость посильнее джина и куда опаснее, не говоря уж о цене.

— Благодарю вас, мистер Деркс, — сказала мисс Мэллисон вежливо.

— Не стоит благодарности. Как часто я себе говорю: вот если бы мисс Мэллисон была не секретарем, а химиком...

— Перестаньте, прошу вас.

— Но что поделаешь, — вздохнул мистер Деркс и снова взялся за свои пробирки.

Вернувшись к себе в офис, мисс Мэллисон поставила бутыль на стол и долго глядела на нее. Затем она вынула конверт с формулой из ящика стола, еще раз пробежала

его глазами, вздохнула, положила исписанный листок в пепельницу и подожгла его. Бумага сгорела гораздо быстрее, чем те мосты, которые она сжигала за собой, но принцип был тот же. Потом она сняла с вешалки плащ, набросила его на плечи и ушла на обеденный перерыв. С одного бока плащ несколько оттопыривался, скрывая бутыль с препаратом номер 68, которую она унесла с собой.

Среди покупателей мистер Гросбюргер был более известен под именем "Диана Мармион", так как стоял во главе фирмы, выпускающей косметику и парфюмерию для "очаровательных -надцатилетних" Он не был одним из ведущих дельцов парфюмерного бизнеса, но все же сумел создать себе имя, сконцентрировав внимание на "свежем дыхании неискушенной юности", поле деятельности, менее эксплуатируемом его собратьями по профессии, которые специализировались на производстве "таинственно манящих" пряных ароматов для более зрелых дам.

Все эти тонкости благовонной промышленности были совершенно неизвестны Майклу Элтону, который не видел никакой разницы между духами и туалетной водой. Поэтому неудивительно, что вернувшись в офис мистера Гросбюргера после плотного ленча, Майкл не сумел найти правильный путь к сердцу этого бизнесмена и начал распространяться об экзотичности, восторге, влечении и даже страсти, которые возбуждал его новый препарат. Мистер Гросбюргер пытался прервать поток его красноречия, терпеливо объясняя, что он лично специализируется на очаровании, невинности и свежести утренней росы.

Но Майкла не так-то просто было унять. Заранее выработав свой подход, он продолжал нестись по прежним рельсам.

Наконец мистер Гросбюргер не выдержал и встал с места.

— Да поймите же, молодой человек, — сказал он, — что мои покупательницы — это нежные, хрупкие, юные создания, а не малолетние представительницы древнейшей профессии! Вам лучше обратиться в одну их французских фирм.

На лице Майкла Элтона мелькнула тень разочарования.

— Но вы же упускаете редчайший случай в жизни! — воскликнул он.

Это не произвело особого впечатления на мистера Гросбюргера, который только и делал целый день, что нюхал образцы духов, авторы которых повторяли то же самое. Но он не хотел прослыть ретроградом и потому сказал:

— Ну, что там у вас? Давайте сюда — может, я вам смогу что-нибудь посоветовать.

Майкл вынул из кармана свой пузырек и поставил его на письменный стол. Мистер Гросбюргер взял его, вытащил стеклянную пробку и поднес пузырек к носу. Он нахмурился, затем снова понюхал пузырек и сердито посмотрел на Майкла.

— Вы что, издеваетесь надо мной, молодой человек?! — гневно воскликнул он.

Элтон успокоил его. Он объяснил, что его препарат вовсе не духи, а новое вещество без запаха и цвета, некий активизирующий элемент, применительный к древнему искусству производства благовоний. Чтобы он лучше действовал, нужны особые условия, подобно тому, как вкус дорогого коньяка становится лучше, если его немного согреть. Мистер Гросбюргер слушал Элтона, колеблясь между негативным отношением, основанным на многолетнем опыте, и возможностью открытия новых перспектив на парфюмерном рынке.

— Дайте мне, пожалуйста, флакон ваших духов — безразлично каких, — сказал Майкл Элтон, — сейчас вы все поймете.

Мистер Гросбюргер хмыкнул, но все же выдвинул ящик стола, достал флакончик с этикеткой "Утренние лепестки" и подал его Элтону. Тот добавил туда две капли своего препарата и хорошенько встряхнул флакон.

— Теперь будьте так добры и позовите сюда на минутку вашу секретаршу, — сказал он.

Мистер Гросбюргер нажал кнопку и вызвал мисс Бойль. Одновременно он с удивлением смотрел, как Элтон плотно затыкал себе ватой ноздри.

— У меня раздражение слизистой от длительной работы с препаратом, — объяснил тот.

Первое, что приходило в голову при взгляде на мисс Бойль, была мысль, что природа обошлась с ней слишком

сурово. Но так как альтернативное решение вопроса о секретарше вызвало бы еще более суровое поведение со стороны миссис Гросбюргер, супруги парфюмера, последнему пришлось смириться с малопривлекательной внешностью своей делопроизводительницы. Элтон улыбнулся ей и попросил разрешения капнуть немного духов на ее носовой платок. Мисс Бойль смущенно согласилась. Он осторожно отмерил две капли. Секретарша поднесла платок к носу и вдохнула аромат.

— Да это совсем как наши "Утренние лепестки"! — воскликнула она и слегка махнула платком, тем самым распространяя запах простеньких духов по всей комнате.

— Господи Боже, что с вами, мистер Гросбюргер? — воскликнула она вдруг. Ее удивление было вполне обоснованно: мистер Гросбюргер выглядел как человек, с трудом совладающий с собой и рушащий все внутренние преграды. Наконец он выговорил задыхаясь:

— Мисс Бойль, Гермиона, дорогая! Как же я был слеп! Простишь ли ты меня когда-нибудь?

Мисс Бойль побледнела и отступила на шаг назад.

— Н-но, мистер Гросбюргер, — пролепетала она заикаясь.

— Нет, не обращайтесь ко мне больше так! Называй меня просто Сэмми, я твой Сэмми, Гермиона! О, как же я был слеп — я не знал, что райское блаженство ожидает меня совсем рядом — стоит только руку протянуть. Как же я не понимал, что ты, очаровательная Гермиона, центр и смысл всего моего существования! Приди же в мои объятия!

С этими словами мистер Гросбюргер встал из-за стола и раздвинув руки, двинулся по направлению к мисс Бойль.

— Помогите! — заблеяла перепуганная секретарша и бросилась к двери. — Задержите его!

Элтон понял, что настало время вмешаться. Он надломил ампулу с нашатырным спиртом, которую держал наготове, и сунул ее под нос мистера Гросбюргера. Воспользовавшись моментом, мисс Бойль выскочила из кабинета, как ошпаренная. Прошло несколько минут, прежде чем парфюмер пришел в себя.

— Ну и ну! — воскликнул он, вытирая лысину платком. — Вот это приключение! Да с кем еще — с мисс Бойль! Подумать только!

Майкл Элтон вынул вату из ноздрей. Он извинился перед мистером Гросбюргером за несколько повышенную концент-

рацию своего препарата в духах — флакончик был маленький и туда следовало добавить лишь одну каплю. Но мистер Гросбюргер, наверно, ухватил общую идею? Мистер Гросбюргер сказал, что ухватил. Пока он постепенно приходил в себя, его инстинкт делового человека проснулся и подсказал ему, что перед ним действительно тот редкий случай в жизни, который нельзя упустить. Все воротилы парфюмерного бизнеса продали бы душу дьяволу за такую возможность улучшить свой товар. К черту все эти "Утренние лепестки", "Вечерние ветерки" и "Лесную свежесть!" Обладая новым препаратом, "Диана Мармион" учинит такой разгром своих соперников — всяких там Шанелей, Кристиан Диоров, Хеленстайнов и прочих бастионов благовония, что от них камня на камне не останется!

— Мы должны добавить это к какому-нибудь "знойному" аромату, чему-нибудь "страстному". Надо будет заказать художнику дизайн специального флакона — ведь это деньги, молодой человек, огромные деньги и слава! Конечно, сначала будут трудности со сбытом, но хорошая реклама... Да, кстати: как мы назовем новые духи? М-мм... Ага, придумал: "Соблазн"!

— А не будет ли это того... слишком фривольно, так сказать? — спросил Майкл.

— Нисколько, особенно если написать по-французски и произносить на французский манер "*Seduction*". Уж доверьтесь мне, молодой человек, я в этих делах собаку съел. Скажите, а нельзя ли получать препарат еще и в виде порошка, чтобы можно было, например, добавлять его в пудру для лица? Подумайте об этом.

Затем они занялись составлением контракта — мистер Гросбюргер не любил откладывать дела в долгий ящик.

Час спустя весьма довольный мистер Элтон вышел из кабинета еще более довольного мистера Гросбюргера. Проходя мимо стола мисс Бойль, он предусмотрительно задержал дыхание и мило улыбнулся своей невольной помощнице. Но она этого даже не заметила. Мисс Бойль была занята страшно трудным, но не лишенным приятности делом: она пыталась держать в узде несколько обступивших ее молодых людей с явными признаками телячьей влюбленности на лицах.

Приподнятое настроение не покидало Майкла Элтона до его собственного офиса. Однако его несколько уязвило, что мисс Мэллисон даже не оторвала глаз от машинки, когда он вошел, а продолжала бешено печатать.

— Эй, вы там! — крикнул Майкл весело. — Вас что, не интересуют результаты переговоров? Ну, так к вашему сведению, все сошло как нельзя лучше — наш препарат идет в дело, в настоящее дело! Мы скоро станем богачами, как вы на это смотрите, мисс Мэллисон, а?

— Я... я очень рада, мистер Элтон, — сказала секретарша неуверенно.

— Но по вашему лицу этого что-то не видно. Что случилось?

— Да ничего, мистер Элтон, я действительно очень рада за вас.

— Так почему же у вас глаза на мокром месте? — Он подошел ближе к столу. — От радости, что ли? — Он немного помолчал, не зная, что сказать дальше. — А от вас пахнет приятными духами... Как они называются?

— К-кажется, "Утренние лепестки", — прошептала мисс Мэллисон, сморкаясь в носовой платок. — Я... — Тут она вдруг замолчала и уставилась на своего босса. В его глазах она увидела нечто такое, чего никогда не замечала до сих пор! — Ах! — воскликнула она с трепетом в голосе.

Майкл Элтон глядел на свою секретаршу, словно видел ее в первый раз. Она вся светилась, как будто была окружена ореолом. Ему никогда не приходилось наблюдать что-либо подобное. Это было потрясающее открытие. Он подошел вплотную, взял ее за руки и заставил подняться.

— О, мисс Мэллисон! Джилль, дорогая! — воскликнул он. — Как же я был слеп! О, моя очаровательная, восхитительная Джилль!..

Из груди мисс Мэллисон вырвался непроизвольный вздох облегчения... Конечно, ей еще предстояло многое объяснить и даже кое-что приврать, но игра стоила свеч: содержимого большой бутылки должно было хватить ей до конца жизни. А пока что...

— Милый, милый мистер Элтон! — нежно проворковала она.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От составителя 5

Хризалиды. *Роман.* 7
Перевод Ф.Сарнова.

День триффидов. *Роман.* 197
Перевод С.Бережкова.

Паутина. *Повесть.* 445
Перевод Л.Михайловой.

Ступай к муравью. *Повесть.* 589
Перевод М.Бирман.

Я в это не верю. *Рассказ.* 649
Перевод М.Бирман.

Хроноклазм. *Рассказ.* 668
Перевод Т.Гинзбург.

Недоглядели. *Рассказ* 690
Перевод М.Бирман.

Не так страшен черт. *Рассказ.* 700
Перевод Т.Гинзбург.

Уснуть и видеть сны. *Рассказ.* 715
Перевод М.Бирман.

Дикий цветок. *Рассказ.* 728
Перевод М.Бирман.

Неиспользованный пропуск. *Рассказ.* 736
Перевод М.Бирман.

Неотразимый аромат. *Рассказ.* 742
Перевод М.Бирман.

Літературно-художнє видання
Зал слави зарубіжної фантастики

Книга 8

УІНДЕМ Джон

ПАВУТИННЯ

(Російською мовою)

Укладач *Аріадна Белевцева*

Відповідальний редактор *І.Чудінова*
Редактор *М.Харузіна*
Художники *Т.Костецька, С.Павленко, Є.Корольков*
Коректор *Л.Москвич*

Здано до набору 2.03.93. Підписано до друку 5.04.93. Формат 84x108/32. Папір газетний. Гарнітура Тип Таймс. Друк високий. Умов.-друк.арк. 39,48. Умов.фарб.-відб. 41,02. Обл.-вид.арк. 35,29. Замовлення № 3-194.

Надруковано з оригінал-макету на Київській книжковій фабриці, 252054, Київ-54, вул. Воровського, 24.

THE COCOON

J. Wyndham

ПАУТИНА

ALTER PRESS